

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

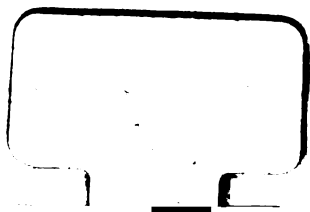
About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

P law 236.4

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

ДЕКАБРЬ.

8245
97-21

1876.

ДѢЛО

ГОДЪ ДЕСЯТЫЙ.

СОДЕРЖАНІЕ.

- I. ЧЕРНОЗЕМНЫЯ ПОЛЯ. Романъ. (Окончаніе II части.) Е. Л. МАРКОВА.
- II ГОРЕ ПАШИ. Стихотвореніе. (Les Orientales, par V. Hugo.) А. И.
- III. РАЗВИТІЕ ПЕРВОВЫТНОЙ КУЛЬТУРЫ. (Окончаніе.) С. С. ШАНКОВА.
- IV. ВСТРѢЧА. Стихотвореніе. Л. Е. ОБОЛЕНСКАГО.
- V. ВЪШЕНАЯ ЛОЩИНА. Романъ. (Окончаніе.) П. ЛЬТНЕВА.
- VI. ПѢСНЯ. Стихотвореніе. (Les Orientales, par V. Hugo.) А. И.
- VII. ДАНИЕЛЬ ДЕРОНДА. Романъ изъ современной англійской жизни. (Окончаніе.) ДЖ. ЭМОТА.
- VIII. РОЖДЕСТВЕНСКІЙ ВЕЧЕРЪ. Стихотвореніе. В. СЛАВЯНСКАГО.
- IX. ИЗРАИЛЬ ВОИНСТВУЮЩІЙ. (Окончаніе.) В. И. НЕМИРОВИЧА-ДАНЧЕНКО.
- X. ВЪ ТАЙГѢ И ТУНДРАХЪ. Л. МЕЧНИКОВА.
- XI. УВІЙЦА-МОНОМАНЪ. Разсказъ КАТРЕЛЯ.
- XII. ОСАДА ВЕРЛИНА.—ОШИБКА. Разсказы АЛЬФ. ДОДЕ.

Ом. на оборотѣ.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

XIII. ПОМОЖЕТЪ-ЛИ НАМЪ МЕЛКІЙ ЗЕМЕЛЬ- НЫЙ КРЕДИТЪ? П. НОВОВА.

(Третій отчетъ комитета о сельскихъ ссудо-сберегательныхъ и промышлен-
ныхъ товариществахъ. 1875.—«Мелкій земельный кредитъ въ Россіи».
Соч. князя А. П. Васильчикова и А. В. Яковлева. Спб. 1876.)

XIV. ВИРЖЕВЫЯ ВАЖНАЛИИ ВЪ ГЕРМАНИИ. С. С. ПАРШКОВА.

(Der Börsen und Gründungs-Schwindel in Berlin. V. Otto Glagau. 1876.—
Der Strousberg und Sein Wirken, von ihm selbst geschildert. 1876.—Бетель
Генря Струсберга отъ колыбели до скамьи подсудимыхъ. Спб., 1876.)

XV. НАУЧНАЯ ХРОНИКА. П. ПР—ОЛН.

Обиліе конгрессовъ въ нынѣшнемъ году.—Отношеніе къ нимъ публики.—При-
чины полнаго равнодушія.—Восточный вопросъ.—Обзоръ дѣятельности кон-
грессовъ по части общественныхъ вопросовъ.—Конгрессъ нѣмецкихъ полити-
ко-экономовъ въ Бременѣ.—Международный гигиеническій конгрессъ въ Бря-
селѣ.—Девятый статистическій конгрессъ въ Буда-Пештѣ.—Конгрессы фран-
цузскаго и англійскаго «общества содѣйствія усилѣнію наукъ» въ Глазговѣ
и въ Кермонь-Ферранѣ.—Католическіе патеры въ качествѣ спасителей об-
щества отъ изны пролетаріата и ихъ конгрессъ въ Бордо.—Филадельфійская
выставка и Германія.

XVI. ЭМИГРАЦІЯ ВЪ АМЕРИКУ. И.

(Земля и ея народы, настоящая географія Фр. Гельвальда, пер. подъ редакціей
С. П. Глазенапа. Вып. I. Спб., 1876.)

XVII. ВЕНІАМИНЪ ДИЗРАЭЛИ, ЛОРДЪ ВИКОНС- ФИЛЬДЪ. (Биографическій очеркъ.) В. Г.

XVIII. КАЛЕЙДОСКОПЪ. Литературныя и обществен- ныя замѣтки. П. МИХАЙЛОНОВА.

Годовщина „Калейдоскопа“.—Литературный его формуляръ.—Мое сожа-
лѣніе объ отиѣнѣ юбилеевъ.—Сонныя грезы и прискорбное разочарова-
ніе.—Экскурсія въ область политики.—Первый актъ восточнаго вопроса
или русское участіе въ сербской войнѣ.—Характеристика серба, сдѣлан-
ная г. Глѣбомъ Успенскимъ.—„Ожиреніе“ серба.—Такъ-ли трусливы сер-
бы, какъ разсказывали нѣкоторые корреспонденты?—Идеаль народнаго вождя.
—Соотвѣтствовали-ли генераль Черняевъ этому идеалу?—Черняевскій
штабъ.—Прострѣленная фуражка и сожженный мостъ.—Штабныя реког-
ноцировки.—Бѣгство штабныхъ офицеровъ съ позиціи.—Незнаніе духа и
средствъ арміи.—Потеря Дьюниша.—Виѣдательство во внутренній дѣла
Сербіи.—Образъ дѣйствій генерала Новоселова.—Итога сербской войны.

О ПОДПИСКѢ
НА
ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„Д Ъ Л О“

въ 1877 году.

Журналъ «ДЪЛО» будетъ издаваться въ будущемъ 1877 г. на прежнихъ основаніяхъ, по прежней программѣ и въ томъ-же объемѣ, какъ и въ прежнія десятиа лѣтъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЖУРНАЛУ НА ГОДЪ:

безъ пересылки и доставки 14 р. 50 к.
съ дост. въ Петербургъ 15 р. 50 к.
съ пересылкой иногороднимъ 16 р. „

Подписку просить адресовать исключительно въ С.-Петербургъ, въ Главную Контору журнала „ДЪЛО“, по Надеждинской ул., д. № 39; въ Москву, въ книжный магазинъ И. Г. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, въ д. Алексѣева. Только передъ тѣми подписчиками, которые подпишутся въ вышеозначенныхъ мѣстахъ, Редакція будетъ считать себя вполне отвѣтственной за исправную и своевременную доставку журнала.

СОДЕРЖАНІЕ ДВѢНАДЦАТОЙ КНИЖКИ.

Черноземныя поля. Романъ. (Окончаніе II части.)	<i>Е. Л. Маркова.</i>
Горе папи. Стихотвореніе. (Les Originales, pag V. Hugo.)	<i>А. М.</i>
Развитіе первобытной культуры. (Окончаніе.)	<i>С. С. Шашкова.</i>
Встрѣча. Стихотвореніе.	<i>Л. Ф. Оболенскаю.</i>
Бѣшенная лощина. Романъ. (Окончаніе.)	<i>П. Лытнева.</i>
Пѣсня. Стихотвореніе. (Les Orientales, pag V. Hugo.)	<i>А. М.</i>
Даніель Деронда. Романъ изъ современной англійской жизни. (Окончаніе.)	<i>Дж. Эліота.</i>
Рождественскій вечеръ. Стихотвореніе.	<i>В. И. Славянскаю.</i>
Израиль воинствующій. Недѣля у дагестанскихъ евреевъ. (Окончаніе.)	<i>В. И. Немировича-Данченко.</i>
Въ тайгѣ и тундрахъ.	<i>Л. Мечникова.</i>
Убийца-мономанъ. Разказъ.	<i>Катреля.</i>
Осада Берлина. — ошибка. Разказы.	<i>Альф. Додэ.</i>

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Поможетъ-ли намъ мелкій земельный кредитъ?	<i>Н. Ніонова.</i>
Биржевыя вакханаліи въ Германіи	<i>С. С. Шашкова.</i>
Научная хроника	<i>П. Гр—оли.</i>
Эмиграція въ Америку.	<i>М.</i>
Веніаминъ Дизраэли, лордъ Виконсфильдъ. Біографическій очеркъ.	
Калейдоскопъ. Литературныя и общественныя замѣтки.	<i>Н. Мизантропова.</i>

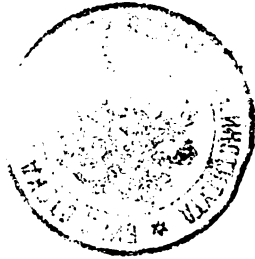
ДѢЛО

ЖУРНАЛЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

ГОДЪ ДЕСЯТЫЙ.

№ 12.

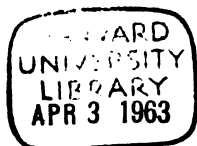
Имв. № 24506

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. ГУШНОВА, ПО НАДЕЖДИНСКОЙ УЛИЦѢ, ДОМЪ № 39.
1876.

2
P. 8. 23 (1876) 4 (1876)
125
1876
125

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 21 декабря 1876 года.

63*20

ЧЕРНОЗЕМНЫЯ ПОЛЯ.

РОМАНЪ ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ХІ.

РѢШЕНІЕ.

Безпокойство Татьяны Сергѣевны достигло крайнихъ разгѣровъ, когда приблизилась масляница, и надвигавшійся великій постъ сулилъ конецъ губернскимъ весельямъ. Лида, очевидно, отбивалась отъ ненавистой ей партіи и затягивала дѣло. Всякій намекъ матери на Овчинникова она встрѣчала съ необычнымъ ей раздраженіемъ. Безпокойство Татьяны Сергѣевны раздѣлялъ и Кашинъ. Хотя онъ по теоріи стоялъ за богатую партію для своего племянника, но въ настоящемъ случаѣ его теорія спасовала въ-конецъ. Лида была слишкомъ блестящею дѣвушкой, чтобы такому богачу, какъ Овчинниковъ, стоило думать о приданомъ. Старый селадонъ самъ очень неравнодушными глазами поглядывалъ на весеннюю свѣжесть Лиды, на роскошь ея плечь, на ея могучій станъ. Слюнки текли у него и въ глазахъ проступало какое-то умилное, гаденькое маслицо, когда онъ расхваливалъ красоты Лиды своему апатичному племяннику.

— Ты знаешь, Nicolas, мои принципы, говаривалъ онъ съ наигранной рѣзкостью здравомысла.—Я смотрю прямо на вещи.

Богатство—это вся сила человѣка. Я тебѣ всегда говорилъ — женись на богатой. Союзы могутъ быть между равными. Сила съ силой, бѣдность съ бѣдностью... Отстаивай всякій себя. Но тутъ я тебѣ говорю другое, Nicolas. Я говорю: торопись, ухватывайся за лакомый кусочекъ. Не оторвали-бы другіе. И я говорю не противъ своего принципа. Лидочка—сила. Посмотри, какъ она вертитъ цѣлымъ Крутогорскомъ. Она — звѣзда. Она — вождь. Она тебѣ создастъ въ одинъ мѣсяцъ такое положеніе, какого ты не добьешься собственными заслугами въ десять лѣтъ. Я не умаляю тебя, Nicolas. Но я говорю именно потому, что знаю твои силы и уважаю ихъ. Таковъ свѣтъ. Женщина въ немъ все можетъ. Я всегда считалъ, что женщина—это живая революція. Всѣ онѣ Евы въ томъ или другомъ смыслѣ; погубятъ, спасутъ. Позволяю тебѣ плюнуть мнѣ въ лицо, какъ старому брехуну, если съ такою женою черезъ годъ или два я не поздравлю тебя вицъ-губернаторомъ. Ей только до Петербурга, только до Петербурга. Повѣрь моей опытности.

Nicolas тоже давно хотѣлось послѣдовать увѣщаніямъ дяди. Онъ неотлучно терся около Лиды и такъ привыкъ подчиняться ея повелительному тону, что теперь не могъ представить себя безъ Лиды. Правда, мало хорошаго доставалось ему отъ нея; Лида терпѣла его около себя, какъ послушную собаченку, но свои любезности, свою веселость, свое остроуміе проносила черезъ его голову — всегда другимъ. За то ничто не мѣшало хилому юношѣ, съ болѣзненно раздраженными нервами, таять въ безсильныхъ чувственныхъ мечтаніяхъ, слоняясь около здороваго, молодого тѣла Лиды. Много разъ Овчинниковъ собирался кончить дѣло однимъ рѣшительнымъ ударомъ. Онъ не находилъ въ себѣ силы терпѣть и ожидать. Пружины его воли были такъ избалованы, что гнулись, какъ листы бумаги, подъ первымъ давленіемъ желанья. Женился вдругъ на Лидѣ, вырвать ее неожиданно изъ этой толпы военныхъ и статскихъ ухаживателей казалось Овчинникову верховъ счастья и молодечества. Его самолюбіе несказанно утѣшалось успѣхами Лиды. Даже красота Лиды не настолько побуждала его овладѣть ею, какъ ея роль крутогорской царицы. Овчинниковъ былъ убѣжденъ, что Лида должна выйти за него; онъ зналъ, что она бѣдная, и что она всему предпочтетъ богатство. Въ этомъ убѣждалъ его дядя и всѣ его

друзья, особенно Протасьевъ. Въ этомъ онъ убѣждался и самъ, слушая прозрачныя намеки и осторожныя поощрѣнья Татьяны Сергѣевны. И, однако, это сознанье не только не оскорбляло гордости Овчинникова и не рисовало ему Лиду въ невыгодномъ свѣтѣ, а, напротивъ, только переполняло его самонадѣянностью. Свое богатство Овчинниковъ считалъ преимуществомъ, съ которымъ никакія другія не шли въ сравненіе, и до такой степени отождествилъ это богатство съ своими личными качествами, что не считалъ уже нужнымъ требовать отъ себя еще какихъ-нибудь достоинствъ, сверхъ этого. Воспитанный съ дѣтства въ этихъ взглядахъ глупѣйшею парю родителей, какихъ только производилъ свѣтъ, Овчинниковъ былъ непоколебимо убѣжденъ, что весь міръ смотритъ на него съ благоговѣніемъ и завистью, и что только отъ одной его доброй воли зависитъ осчастливить людей своимъ знакомствомъ или своимъ выборомъ. Бѣдныхъ людей онъ представлялъ себѣ, какъ существа, которыя не должны имѣть и, дѣйствительно, не имѣютъ никакихъ собственныхъ вкусовъ и притязаній; онъ-бы расхотался отъ всей души, если-бы ему сказали, что бѣдная дѣвушка отказалась выйти за богатаго жениха, потому только, что онъ ей не нравится. Тѣмъ-же скудоумнымъ взглядомъ чваннаго барича смотрѣлъ Овчинниковъ и на Лиду. Ему не приходило въ голову, что Лида могла находить его противнымъ или глупымъ, что его гнѣющее тѣло могло оскорблять даже сосѣдствомъ своимъ нетронутую свѣжесть ея дѣвичьяго тѣла. Но между тѣмъ, Овчинниковъ до сихъ поръ не находилъ въ себѣ рѣшимости исполнить завѣтный свой планъ—овладѣть на правахъ законнаго обладателя этою блестящею звѣздою Крутогорска. — „А какой-бы былъ взрывъ удивленія и зависти, думалось ему. — Эту недоступную богиню, расточающую гнѣвъ и милость, двигающую толпы, — поселить въ своей спальнѣ, приобрѣсть право ежедневно, ежечасно держать ее въ своихъ объятіяхъ, владѣть ея временемъ, ея дѣйствіями, ея словами, ея прелестями тайными и явными, всею ею безъ исключенія. Чистая сказка о жарь-птицѣ!..“

Всѣ эти похоти безхарактернаго юноши оставались одними похотями и не смѣли перейти въ дѣло. Несмотря на его презрительную теорію о бѣдности, несмотря на его слѣпую вѣру въ талисманъ кошелька, живая Лида съ ея взглядомъ, уничтожав-

шимъ послѣднія искры храбрости въ молодомъ правовѣдѣ, никакъ не поддавалась дѣйствию теоріи и пребывала въ смущенной душѣ Овчинникова не въ качествѣ бѣдной невѣсты, смиренно ожидающей своей участи отъ его великодушнаго приговора, а горделивою парицей, пресмыкаться у ногъ которой онъ считалъ за счастье.

Лида въ своихъ разговорахъ съ Овчинниковымъ была всегда такъ далека отъ какихъ-нибудь сердечныхъ изліяній и такъ рѣзко перебивала его, когда онъ самъ пытался перейти къ нимъ, что у бѣднаго юноши языкъ прилипалъ къ гортани всякій разъ, какъ онъ рѣшался возобновлять свои неудачныя попытки.

Вмѣсто того, чтобы возмутиться противъ Лиды, Овчинниковъ, какъ всѣ малодушные люди, становился еще ласкательнѣе и униженнѣе. Не переставая вѣрить въ свой талисманъ, онъ старался размягчить сердце Лиды и расположить ее къ себѣ всякими матеріальными жертвами. Каждая затѣя Лиды въ результатѣ падала на Овчинникова. Онъ былъ ея безропотный казначей и Лида распоряджалась его кассою съ непостижимою безцеремонностью, словно иначе и быть не могло, словно это требовалось естественнымъ порядкомъ вещей... Овчинниковъ былъ въ душѣ довольно скупъ, но онъ съ радостью получалъ приказанія Лиды достать то или другое, нанять или выписать что-нибудь. Онъ велъ въ своей душѣ длинный счетъ всѣмъ этимъ одолженіямъ, намѣреваясь современемъ подвести крупную цифру итога и предъявить его, какъ безспорное обязательство. Онъ и теперь понималъ распоряженія Лиды его кошелькомъ, какъ безмолвный, но знаменательный обѣтъ будущему. На эти конторскія данныя Овчинниковъ уповалъ въ дѣлѣ своего супружескаго жребія гораздо болѣе, чѣмъ на всѣ психическіе мотивы. Лида до такой степени привыкла смотрѣть на Овчинникова, какъ на своего придворнаго поставщика, что даже не возмущалась присылкою отъ него вещей, предназначенныхъ лично ей; стояло Лидѣ въ мимолетномъ разговорѣ похвалить какую-нибудь новость, привезенную въ магазинъ, — на другой день эта новость являлась въ квартирѣ Лиды съ записочкой Овчинникова. Татьяну Сергѣевну сначала это шокировало, но потомъ она сообразила всю невозможность замѣнить въ этихъ случаяхъ Овчинникова и всю естественность такихъ отношеній между будущимъ мужемъ и женою, и рѣшилась не замѣчать вели-

кодушныхъ проказъ молодого человѣка. Демидъ Петровичъ частенько былъ посланцемъ своего племянника съ подобными дарами. Онъ гораздо болѣе сблизился съ Лидою, чѣмъ самъ Nicolas; по праву своихъ лѣтъ, онъ позволялъ себѣ обращаться съ Лидою, какъ родственникъ, а съ Татьяной Сергѣевной сдружился такъ, что ихъ водою нельзя было разлить. За Демидомъ Петровичемъ послали не только на домъ, но и въ гости, когда онъ требовался составить партію суровому принципалу Крутогорска, и Демидъ Петровичъ нисколько этимъ не обижался. Въ pendant къ „дѣдушѣ“, Лида стала звать его „дядюшкою“.

— Смотрите, не напророчьте? шутливо говорилъ старый волкита.

— А что-жь? блаженно вздыхала кроткая генеральша.— Признаюсь вамъ, мой несравненный Демидъ Петровичъ, я-бы не желала Лиды большаго счастья, какъ видѣть ее подъ эгидою такого прекраснаго дядюшки... Вы знаете, добрѣйшій Демидъ Петровичъ, какъ трудно оставаться безъ твердой руководящей руки мужчины... И хотя я сама, благодаря Бога...

— Зачѣмъ-же дѣло? перебивалъ, улыбаясь, Демидъ Петровичъ.— Все въ рукахъ нашей крутогорской волшебницы... Захочетъ, и все у ея ногъ... Позвольте ваши розовенькіе пальчики за удачное слово... Старому „дядюшѣ“ позволительно.

Старый дядюшка ловилъ полную ручку Лиды и цѣловалъ не только пальчики, но и ту нѣжную ласкающую впадинку, подъ которой сгибался ея округленный локоть.

— Смотрите, дядюшка, я васъ ущипну за кончикъ носа! хотела Лида, легонько вырывая руку.— Вы заходите туда, куда дядюшкамъ не позволено.

— А кому-же позволено, кому? весело остроумничалъ дядюшка, не покидая своихъ занятій, — небось, молококосамъ племянничкамъ?.. Охъ, вы, барышни бѣдовныя... Подсижу я когда-нибудь васъ... Да вѣтъ, отъ васъ и племяннички что-то не разживаются: все ходятъ съ опущеннымъ носомъ... Вы, должно быть, и съ ними такъ-же суровы, какъ съ дядюшками. Не приласкаете, не пригрѣете вашими очаровательными глазками. А нашъ братъ мужчина, знаете, только на словахъ храбръ, а чуть что, — онъ и растерялся весь, и не вѣсть что думаетъ. Сказать-бы хотѣлось, не смѣетъ.

— А что-бы ему хотѣлось сказать? улыбаясь спрашивала Лида.

— Хотите, я за него скажу.

— За кого, за него?

— Ну, за мужчину, положимъ... Все равно за кого... За какого-нибудь племянничка... Вѣдь не за дѣдушку-жь мнѣ говорить.

— Ну, хорошо, хорошо... А отчего-же самъ племянничекъ ничего не говоритъ? немного покраснѣвъ, сказала Лида.

Татьяна Сергѣевна растаяла небесною улыбкою и остановила на Лидѣ благодарный взглядъ.

— Ей-богу, боится! Онъ васъ ужасно боится. Двадцать разъ собирався сказать, да какъ взглянетъ на васъ и оробѣетъ.

— Ахъ какія глупости! хохотала Лида.— Что-жь онъ видитъ во мнѣ такого страшнаго? Развѣ у меня рога на головѣ?

— Приласкайте его немножко, онъ все вамъ скажетъ. Ей-богу, его стоитъ приласкать... Удивительная душа... А любовь... у ногъ будетъ лежать. Онъ ужъ и теперь молится на васъ.

На другой день Демида Петровичъ пріѣхалъ къ Обуховымъ поутру, прежде всѣхъ визитовъ, когда еще Лида была въ утреннемъ пеньюарѣ за кофе. Татьяна Сергѣевна чужая, что Демида Петровичъ пріѣхалъ не даромъ и рѣшилась его принять какъ была, по домашнему.

— Здравствуйте, матушка генеральша! Здравствуйте, грозная моя царевна! шуточно раскланивался Кашинъ.— Вотъ я васъ какъ засталъ! Въ бѣленькомъ капотикѣ! прелесть! Господи! что-бы мнѣ далъ одинъ бѣдный юноша, чтобы очутиться въ эту минуту на моемъ мѣстѣ. Простите меня, стараго дурака, душевка моя; но ей-богу, я не могу видѣть васъ хладнокровно въ этомъ очаровательномъ пеньюарѣ... Позвольте ваши хорошенькія ручки... Нѣтъ, нѣтъ, ужъ это мое законное право; не даромъ называюсь дя-дюшкой!

— Охота вамъ церемониться съ моей маленькой дурочкой! весело подхватила Татьяна Сергѣевна, проникнувшись какимъ-то радостнымъ предчувствіемъ.— Поцѣлуйте съ нею по-русски, по-старинному, прямо въ губки. Ей-богу, я смотрю на васъ доро-гой Демида Петровичъ, какъ на истиннаго роднаго.

— Слышите, моя прелесть, ужъ какъ хотите, а приказаніе мамаша для меня законъ! приставалъ женолюбивый старикъ.— Русскіе обычаи я чту свято.

Лида со смѣхомъ поцѣловала его въ его слюнявыя губы.

— Старикамъ, ей-богу, рай! говорилъ сіяющій старикъ.— Скажи-ка я теперь нашимъ сорванцамъ, какія губки удостоили меня своимъ прикосновеніемъ,—ей-богу, всё на стѣны полѣзуть. Да они меня всё поочередно на барьеръ поставятъ, черезъ платокъ... Честное слово... Кстати, о сорванцахъ! Я имѣю къ вамъ маленькое порученіе отъ своего баловня... Можно явиться къ вамъ сегодня вечеромъ?

Демидъ Петровичъ сталъ говорить медленно и стихшимъ голосомъ.

— Разумѣется, если у васъ вечеромъ не будетъ *никого!* прибавилъ онъ, поглядѣвъ на Лиду съ знаменательнымъ выраженіемъ.

Лида взглянула на мать и молча закусила губу.

— О, конечно, мы будемъ очень рады видѣть Николая Дмитрича! торопливо заговорила Татьяна Сергѣевна.— Не правда-ли, Лидя? Николай Дмитричъ можетъ быть увѣренъ, что онъ намъ всегда самый дорогой гость.

— Могу я это передать и отъ васъ, неумолимая царевна?

— Д-да... и отъ меня... въ раздумьи отвѣтила Лида, потупясь въ коверъ и незамѣтно дрогнувъ бровями.

— Ахъ, вотъ было забылъ! ударилъ себя по лбу Каншинъ, притворяясь, что только теперь вспомнилъ то, что вертѣлось у него все время на языкѣ.— Мой племянъ загонялъ меня совсѣмъ, обратилъ меня въ настоящаго Меркурія. Только я впередъ говорю, что не отвѣчаю за его глупости. Творю волю пославшаго мя... (Каншинъ суетливо выбѣжалъ въ переднюю и возвратился оттуда съ очень большимъ картономъ).— Ну что я сдѣлаю съ нимъ, когда онъ ѡсится, сами посудите! смѣялся онъ раскрывая коробку.— Приказалъ повергнуть къ стопамъ нашей царевны сію рухлядь... Это рѣдкая чернобурая лисица отъ Одноушевскаго... Единственная въ своемъ родѣ... Въ десять лѣтъ разъ такія попадаютъ. Ну, не взбалмошный-ли мальчуганъ? Я ему говорю: что ты это? какъ-же это ты смѣешь? Ничего не подѣлалъ. Наладилъ одно: Лидочка хотѣла имѣть къ масляной шубѣ новаго фасона, безъ рукавовъ, какую привезла себѣ княгиня Бурятова. Взялъ и выписалъ по телеграфу, сумасшедшій. Вези да вези, знать ничего не хочу. Вы извините меня, старика, за откровенную бол-

товню. У меня вѣдь что на умѣ, то и на языкѣ... Мы съ Nicolas такъ привыкли между собою называть васъ Лидочкою, что и проверься неволью... Я вѣдь не таюсь.

Онъ распахнулъ великолѣпную, легкую, какъ пухъ, бархатную мантилью, подбитую пушистою, почти синею лисицею.

— Смидитесь, государыня царевна! не прикажите казнить, прикажите помиловать! шутливо кланялся Каншинъ.

У Лиды и у Татьяны Сергѣевны разгорѣлись глаза при видѣ дорогого подарка.

— Ахъ, какая прелесть! она должна быть очень тепла! вскричала Лида, набрасывая на себя шубу и заворачиваясь въ ея пышныя полы.—А какъ легка, мама, если-бы ты знала... Какъ будетъ хорошо кататься въ ней на масляницу!

Лида подошла къ зеркалу и долго осматривала себя съ разныхъ сторонъ, граціозно поворачивая, будто лилія на стебелькѣ, свою хорошенькую головку.

— Ахъ, это ужъ слишкомъ большое баловство, добрый Демидъ Петровичъ! улыбаясь говорила Татьяна Сергѣевна, покраснѣвъ столько-же отъ удовольствія, сколько отъ конфуза.—Мы вполне вѣримъ доброму расположенію нашего милаго Николая Дмитрича, но, право, это лишнее. Онъ мнѣ совсѣмъ избалуеъ мою бѣдненькую кошечку. А она, какъ нарочно, такъ любитъ хорошіе мѣха. Посмотрите, пожалуйста, на нее: чистый ребенокъ. Она теперь не разстанется съ этой тальмой! Николай Дмитричъ ничѣмъ не могъ такъ ее утѣшить. Она нѣжится въ своей новой шубкѣ, какъ котеночекъ. Не знаю, какъ благодарить милаго Николая Дмитрича... Онъ, право, такой добрый, такой внимательный.

Но Лида и не думала благодарить. Всѣ дары Овчинникова казались ей такими необходимыми и естественными, что не удивляли ее нисколько. Она только радовалась, что теперь ей можно будетъ затмить на катаньяхъ крутогорскихъ богачихъ, даже княгиню Бурятову.

На масляницу назначены были два спектакля любителей и въ одномъ изъ нихъ участвовала Лида. Въ этотъ день приходилась репетиція. Тотчасъ послѣ обѣда за Лидой заѣхалъ одинъ изъ участниковъ спектакля, инженеръ Нарѣжный, завѣдывавшій работами новостроившейся желѣзной дороги. Какъ ни возставала Татьяна Сергѣевна противъ такой безцеремонности, все было

напрасно, и Лида въ своей новой шубкѣ весело впригнула въ щегольскія парныя сани инженера. У нихъ былъ уговоръ ѣхать въ театръ вмѣстѣ, и Лида не хотѣла измѣнить слову. Инженеръ Нарѣжный былъ только что выпущенъ изъ корпуса первымъ по экзамену и подавалъ блестящія надежды. Онъ еще не успѣлъ сбросить съ себя кадетскаго пуху и этимъ былъ особенно привлекателенъ въ глазахъ дамъ. Сквозь матовую южную смуглоту его щеки проступалъ юношескій румянецъ, крупныя чувственныя губы покрывались густою тѣнью новорожденныхъ усиковъ, черныя, большіе глаза были всегда въ огнѣ, а когда веселый кадетъ смѣялся своимъ закатистымъ, почти дѣтскимъ смѣхомъ, то нельзя было не любоваться двумя ровными рядами бѣлыхъ молодыхъ зубовъ, сверкающихъ, какъ у неаполитанскаго лацарони. Инженеръ Нарѣжный былъ уже давно баловнемъ дамъ, хотя такъ недавно окончилъ свое ученье. Онъ зналъ свою юношескую привлекательность и немного кокетничалъ ею, стараясь удержать рѣзкія привычки забубеннаго кадетства, соблазнявшія женщинъ. Но онъ и дѣйствительно былъ очень чувственъ, очень нетерпѣливъ, очень дерзокъ и очень неблагоразуменъ. Онъ считался въ числѣ ярыхъ ухаживателей Лиды, но безъ всякихъ практическихъ шансовъ. Карьера его только что начиналась, а репутація способнаго и хорошенькаго мальчишки еще не была достаточна для того, чтобы сплетня рѣшилась соединить его имя съ именемъ Лиды.

Но сама Лида смотрѣла на Нарѣжнаго гораздо внимательнѣе и нѣжнѣе, чѣмъ на всѣхъ остальныхъ кавалеровъ. Графъ Ховенъ смущалъ ея фантазію серьезными соблазнами великосвѣтской жизни и кровнаго барства; Лидѣ нравился собственно не графъ Ховенъ самъ по себѣ, а положеніе графа, его привычки, его манеры, его авторитетъ. Въ Нарѣжномъ нравилось Лидѣ другое: нравился его жгучій, смѣлый взглядъ, отъ котораго иногда пробѣгала какая-то томительная дрожь по спинѣ Лиды, нравились эти выразительныя губы, полныя горячей, красной крови, и сами собою напоминавшія о поцѣлудѣ, этотъ страстный итальянскій румянецъ, эта статность, ловкость и сила юноши, только что прекратившаго здоровыя физическія упражненія дѣтства. Казалось, съ нимъ еще можно было взяться за руку и побѣждать взапуски по зеленому лугу. Его тѣло еще просило веселья, дви-

женья и шалостей, также какъ просило этого такое-же дѣтское тѣло Лиды. Чувство ребяческой молодости роднило ихъ между собою и звало другъ къ другу. Оба они были полны красоты, жизни и успѣха. Въ Нарѣжномъ не было особенной свѣтскости и многія тонкости гостиннаго общежитія ему были неизвѣстны даже по слуху. Но онъ вездѣ былъ у мѣста, вездѣ былъ приличенъ. Природная грація красиваго и здороваго тѣла съ успѣхомъ замѣняла искусственную выработку манеръ, а безпечная веселость юноши, полного вѣры въ себя и въ жизнь, была самою лучшею развязностію. Изъ всѣхъ крутогорскихъ дамъ больше всѣхъ увлекалась хорошенькимъ инженеромъ желтая и сухая Нина. Она приставала къ нему, гдѣ только можно, съ своими учено-литературными разговорами, которые давали ей удобный поводъ поглядѣть глазами каждую черту его страстнаго лица, каждую подробность его сильной, юношеской фигуры. Нина называла, его въ интимномъ разговорѣ своимъ „Теверино“ и бредила его итальянскою смуглотою и его итальянскими глазами. Нарѣжный-же, въ своихъ интимныхъ разговорахъ, называлъ Нину сушеною таранью и банннымъ листомъ, хотя никогда не отказывался ни отъ приглашеній, ни отъ угощеній назойливой дѣвы. Между Лидой и Нарѣжнымъ не было болѣе веселыхъ разговоровъ, какъ объ ухаживаніи престарѣлой Нины, а Нина ненавидѣла Лиду больше всего за то, что „эта глупая дѣвченка вѣшалась на шею“ Нарѣжному, „хотя, конечно, онъ не обращаетъ на нее никакого вниманія“, прибавляла въ видѣ собственнаго утѣшенія Нина; „можетъ-ли передовой, образованный человѣкъ, который такъ блестяще кончилъ курсъ академіи,—имѣть что-нибудь общаго съ этою кисейною дурочкой! Разумѣется, онъ не откажется проплясать съ нею мазурку,—онъ на-столько знаетъ приличія; но ему-же необходимо подѣлиться съ кѣмъ-нибудь своими идеями, высказать свои-убѣжденія, сродниться съ кѣмъ-нибудь своимъ внутреннимъ міромъ“.

Кто былъ этотъ счастливый „кто-нибудь“, въ которомъ инженеръ Нарѣжный долженъ былъ ощутить такую непобѣдимую потребность—Нина скромно умалчивала.

— Хотите, не поѣдемъ въ театръ, а поѣдемте за городъ! предложилъ Нарѣжный, когда санки его стрѣлою неслись по убитому снѣгу улицы. Онъ сидѣлъ въ-плотную къ Лидѣ, неволью

упираясь всѣмъ плечемъ въ ея плечо и касаясь ея ноги своею ногою на всемъ ея протяженіи; медвѣжья полсть тѣсно охватила ихъ въ узенькихъ санкахъ и претендовать за излишнюю близость было бесполезно.

— Какъ, за городъ? смѣялась Лида, которой было очень весело сидѣть въ такой непривычной тѣсотѣ съ „милымъ мальчишкой“, какъ она называла за глаза Нарѣзнаго. — А репетиція?

— А репетиція пусть останется безъ насъ. Хотите, я прикажу повернуть. Какъ покатаемся за то! Такіе дни рѣдко бывають. Ясность какая, теплота! Тепло и ярко, какъ весной, а вмѣстѣ съ тѣмъ прохладно. А дорога-то! Мы двадцать верстъ въ часъ прокатимъ. Честное слово! Хотите, даже по часамъ... Михѣй, поверни на-лѣво!

— Что вы, что вы! Вы съ ума сошли! закричала Лида. — Насъ всѣ будутъ ждать! Мы спектакль разстроимъ.

— Давайте на пари, что мы успѣемъ вернуться! увлекался Нарѣзный. — Мой коренникъ бѣжитъ версту безъ двухъ секундъ минутою; по льду онъ сдѣлаетъ пять верстъ никакъ не болѣе десяти минутъ; я готовъ о чемъ хотите спорить. Вы вѣдь ни разу не видѣли, какъ бѣжитъ мой „паровозъ“,

— Вашъ паровозъ?

— Да, я называю свсего рысака „паровозомъ“, а сѣзиковую, что на пристяжкѣ, „тендеромъ“. Развѣ это не хорошо?

— Ахъ, нѣтъ, это отлично, это очень смѣшно! хохотала Лида, закутываясь въ ретонду отъ снѣговой пыли, летѣвшей изъ подъ копытъ „Тендера“. — Стало быть, мы ѣдемъ по желѣзной дорогѣ?

— На „паровозѣ“ да при „тендерѣ“, разумѣется, по желѣзной дорогѣ! поддерживалъ съ тѣмъ-же смѣхомъ Нарѣзный. — Только эта желѣзная дорога новаго изобрѣтенія, дешевле узкоколейныхъ. Вмѣсто шпаль--ухабы!

— Вы нигдѣ не можете обойтись безъ шалостей!

— Помилуйте, какія-же это шалости? вѣдь я-же инженеръ, долженъ поддерживать честь знамени!

— Какой вы инженеръ! Вы совсѣмъ не похожи на серьезнаго человѣка. Вы просто кадетъ! хохотала Лида.

— Ну такъ чтожь? Развѣ кадеты хуже вашихъ лысыхъ стариковъ? Ей Богу, кадеты самый хорошій народъ: безпечны, ве-

селя, никакихъ расчетовъ, никакихъ заднихъ цѣлей. Что на душѣ, то и на языкѣ. Только и есть молодость, что кадеты! Такъ прикажете „паровозу“ свернуть?

— Ну хоть сверните, какъ хотите! Только чтобы непременно черезъ полчаса въ театр. Посмотрите ровно на часы.

У Лиды что-то поднялось въ голову, похожее на угаръ; она вдругъ, съ осязательной ясностью, почувствовала весь рельефъ мужской ноги и плеча, тѣсно сближеннаго съ ея собственнымъ плечомъ и ногою. Санки уже врѣзались въ ледъ слегка стонущими острыми подрѣзами. Свѣтло-рыжая пристыжная неслась маршъ-маршъ, согнувъ шею кольцомъ, нюхая снѣгъ, чуть не подметая его своею волнистою гривой и длинными кистями своего мѣднаго набора, въ то время, какъ коренникъ шелъ твердымъ и ровнымъ ходомъ, не сбиваясь ни на одно мгновение съ своей размашистой рыси, выкидывая далеко впередъ своими широко разставленными могучими ногами.

— Хорошо кататься по льду? шепнулъ около Лидина уха голосъ Нарѣзнаго, который до сихъ поръ говорилъ громко.

Лида немного вздрогнула отъ этого неожиданнаго шепота.

— О, да, я ужасно люблю кататься по льду! отвѣчала она. — Посмотрите, какъ скоро мы проѣхали городъ. Тутъ настоящіе Спасы; вотъ и лѣсъ такой-же, какъ нашъ.

Она обернула голову въ сторону Нарѣзнаго и смотрѣла на видъ берега.

Но ей былъ видѣнъ не одинъ берегъ. Видна была смуглая, круглая голова, съ черными, какъ смоль, блестящими, немного вьющимися волосами, выбивавшимися изъ подъ фуражки, и два огненныхъ глаза, съ смѣлой удалью смотрѣвщіе вдаль. Морозъ еще болѣе разжегъ и румянецъ щекъ, и огонь глазъ, а бровный воротникъ такъ хорошо врѣзалъ на своемъ темномъ пушистомъ фонѣ свѣжесть и энергію молодого лица. Вдругъ вокругъ стана Лиды крѣпко обвилась сильная мужская рука. Сначала Лида не поняла ничего и только слабо вскрикнула. Черные волнистые волосы мгновенно заслонили ей глаза, и она почувствовала горячій поцѣлуй въ то мѣстечко своей лебединой шейки, которое не было закрыто воротникомъ шубы. Лида хотѣла оттолкнуть, хотѣла вскочить на ноги, но руки у нея отнялись и ноги вдругъ оцѣмѣли; такъ отнимаются онѣ во снѣ,

когда человекъ напрягаетъ всѣ усилія оттолкнуть надвигающуюся опасность и вдругъ чувствуетъ, что его ударъ падаетъ безсильно, какъ хлопья ваты. Поцѣлуй сипались все въ одно и то-же мѣсто, все горячѣе, все жаднѣе, и рука, охватившая станъ, сдавливала его все неистовѣе. Какой-то подавленный, никогда неслыханный Лидою стонъ, едва слышался изъ боброваго воротника, ее теперь душившаго.

— Какъ вы смѣете... оставьте меня! прошептала наконецъ Лида, собравъ свои силы и съ негодованіемъ освобождаясь отъ пламеннаго натиска.—Я выпрыгну изъ саней! я крикну сейчасъ!

Нарѣжный отшатнулся отъ нея, блѣдный и дрожащій.

— Простите меня!.. Я сумасшедшій! прошепталъ онъ, не осмѣливаясь взглянуть на Лиду и завертываясь выше носа въ свой воротникъ.

Влажное облако вдругъ подступило къ глазамъ Лиды и затуманило ихъ на одно мгновеніе. Ея длинныя рѣсницы вздрогнули, вздрогнули вмѣстѣ съ ними тонкія ноздри, съ обиженнымъ и бессильнымъ протестомъ шевельнулись поблѣднѣвшія губки и вдругъ ручьемъ хлынули изъ глазъ слезы.

Нарѣжный не смѣлъ смотрѣть на нихъ, но онъ ихъ слышалъ. Онъ слышалъ, какъ безмолвно глотала Лида свои рыданія.

— Поверни назадъ! сурово сказала онъ вучеру, не открывая воротника. Но Лидѣ онъ не говорилъ ничего.

Только при въѣздѣ въ городъ, когда уже стали встрѣчаться чужіе экипажи, и Лида съ рѣшимостью отерла свое лицо, онъ склонился немного къ ней, такой-же закутанный и смущенный, и пробормоталъ чуть слышно:

— Не сердитесь, ради Бога! Развѣ я виноватъ? Кто смотритъ на васъ, тотъ дѣлается безумнымъ... Мнѣ больно, что я оскорбилъ васъ. Но я не могу поступать иначе. Я всегда буду такъ поступать. Я не раскаяваюсь ни въ чемъ. Слышите, Лида! Пусть меня казнятъ за одно это мгновеніе—я не откажусь отъ него... Можетъ быть, я въ вашихъ глазахъ дикарь, варваръ... Я заслуживаю это мѣщеніе. Но я не въ силахъ бороться противъ страсти... За нее все отдамъ, все погублю. Пусть вы знаете меня такимъ, каковъ я есть. Не хочу выставлять себя лучше.

— Не смѣйте говорить со мною! Не смѣйте мнѣ показываться на глаза! сказала Лида, отвернувшись въ сторону.

Лида еще была на репетиціи, гдѣ никто теперь не узнавалъ ее, такъ вяло и разсѣянно шла ея роль. Нарѣжный тоже было явился на репетицію, но сейчасъ-же извинился, что ему нездоровится и уѣхалъ домой, такъ-что роль его нужно было читать по книгѣ. Передъ концомъ репетиціи швейцаръ подалъ Лидѣ записочку. Нарѣжный писалъ ей: „Лидія Николаевна! Вы запретили мнѣ смотрѣть на васъ и говорить съ вами. Ослушаться васъ не могу, но для меня это равняется смертной казни. Передъ казнью, самымъ ужаснымъ преступникамъ позволяютъ исповѣдываться и покаяться. Надѣюсь, что и мнѣ вы не откажете въ этомъ послѣднемъ актѣ справедливости. Чѣмъ страшнѣе приговоръ, тѣмъ необходимѣе выслушать оправданіе. Если вы мнѣ ничего не отвѣтите, я буду считать, что вы позволили мнѣ явиться къ вамъ завтра вечеромъ въ семь часовъ, *безъ свидѣтелей*, можетъ быть, въ послѣдній разъ. Вашъ до гроба Константинъ“.

Лида вспыхнула, прочтя эту дерзкую подпись безъ фамиліи и обычныхъ заключительныхъ эпитетовъ. „Кто далъ ему право?“ шевелился у нея на душѣ оскорбленный вопросъ; она хотѣла было изорвать въ мельчайшіе клочки записку взбалмошнаго инженера, но потомъ раздумала, посмотрѣла еще разъ на безумную подпись, покачала съ улыбкой головою и спрятала записку въ порт-монэ. „Какой ребенокъ, чистый кадетъ!“ сказала она сама себя нѣсколько успокоившимся тономъ. Отвѣчать Нарѣжному Лида не сочла нужнымъ.

Татьяна Сергѣевна понять не могла, отчего Лида была въ такомъ непозволительно-мрачномъ настроеніи духа въ тотъ именно вечеръ, когда Овчинниковъ долженъ былъ, повидимому, сдѣлать ей рѣшительное предложеніе.

— Я никогда, никогда не видала тебя, Лиди, такую надутую! въ безпокойствѣ говорила генеральша.—Право, я начинаю думать, что твой характеръ серьезно портится. Изъ такого милаго, веселаго ребенка... *tu es devenue si journalière, si maussade!* Не было-ли у васъ чего-нибудь на репетиціи? Вѣдь, кажется, твоя роль идетъ удачно?

— Что ты выдумываешь, мама? я такая, какъ всегда! отдѣлывалась Лида. — Нельзя-же цѣлые дни хохотать и прыгать. Утомилась немного въ театрѣ и больше ничего.

— Хорошо-бы если такъ, *chère amie!* со вздохомъ качала

головой генеральша. — Я вижу, ты перестала быть откровенной съ матерью. Это мнѣ очень больно, Лиди!.. Я не заслужила этого съ твоей стороны. Я съ глубокою грустью убѣждаюсь въ послѣднее время, что ты избѣгаешь дѣлиться со мною твоими мыслями. Кто-же можетъ быть лучшимъ другомъ твоимъ, какъ не твоя мать, Лиди. Помнишь, мы съ тобою читали въ дѣтствѣ въ *veillées du chateau*, исторію *Alphonsine*? Ты, вѣрно, не забыла ея ужасную судьбу. Вотъ что значить пренебрегать совѣтами матерей! Она раскаялась, какъ ты знаешь, но уже было поздно.

— Право не знаю, мама, отчего это тебѣ все представляется... Ты стала такая подозрительная съ нѣкоторыхъ поръ.

— Ахъ, *chère amie*, если-бы ты могла войти въ мою душу, ты не удивилась-бы этому! еще разъ вздохнула генеральша. — Теперь рѣшается счастье всей твоей жизни, а ты знаешь, какъ оно мнѣ дорого. Меня огорчаетъ, что ты смотришь на это дѣло не вполне такъ, какъ требуетъ благоразуміе... Конечно, ты прекрасная дочь и никогда не пойдешь противъ воли матери... Но я желала-бы видѣть съ твоей стороны болѣе... какъ-бы сказать... этой *sontanéité*, этого *entraîn*... Не въ моихъ правилахъ принуждать тебя, Лиди, ты это знаешь. Я предоставляю твою судьбу вполне твоему выбору; но повторяю тебѣ, я была-бы счастлива, очень счастлива, если-бы совершилось то, на что я рассчитываю. А безъ твоей помощи, Лиди, безъ твоей доброй воли, это не можетъ совершиться... Я боюсь, Лиди, что ты дашь слишкомъ много вниманія тѣмъ, кто вертится около тебя отъ нечего дѣлать, какъ обыкновенно вертятся около хорошенькихъ дѣвушекъ. У нихъ не можетъ быть никакихъ серьезныхъ намѣреній; да если-бы и были, признаюсь, я не видѣла-бы въ этомъ ничего особенно лестнаго. А между тѣмъ это незаслуженное вниманіе по-напрасну пугаетъ Николая Дмитриевича. Онъ такой робкій, неувѣренный. Нужно-же ободрить его, дать ему понять, можетъ-ли онъ рассчитывать на тебя... Посмотри, что онъ дѣлаетъ для тебя, какъ онъ о тебѣ думаетъ? Вѣдь это герцогскіе подарки — шуба, напимѣръ, лошади.

— Развѣ ты не купила, мама, лошадей? встревоженно спросила Лиди.

— То-есть, какъ тебѣ сказать, *chère amie*!.. Собственно я

купила у него. Но онъ былъ такъ милъ, предложилъ обождать уплатой, пока у меня будутъ свободныя деньги... У меня въ это время не было денегъ. Само собой разумѣется, что онъ это сдѣлалъ изъ деликатности, чтобы не оскорбить твое самолюбіе. Онъ желалъ ихъ подарить тебѣ и не смѣлъ... Но, понятно, разъ будетъ кончено между вами... Ты знаешь, Лиди, я слышала стороною, что Николаю Дмитріевичу давали за эту пару рысаковъ полторы тысячи.

— Мама! мнѣ кажется, мы очень дурно дѣлаемъ, что позволяемъ Овчинникову присылать намъ такіе дорогіе подарки! съ неудовольствіемъ сказала Лиди. — Я такъ сержусь на себя, что поступала необдуманно... Вѣдь это Богъ знаетъ что! Вѣдь это какая-то продажа! тихо выговорила Лиди, нахмуривъ брови. — Это унижительно, мама!

— Ахъ, Лиди, Богъ съ тобою! заговорила генеральша, покраснѣвъ до бѣлковыхъ глазъ. — Въ чемъ-же ты видишь униженіе? Вѣдь ты-же всегда съ удовольствіемъ встрѣчала эти знаки вниманія со стороны Николая Дмитріевича. Другое дѣло, если-бы онъ былъ совершенно чужой.

— Да, я знаю, что сама! сердилась Лиди. — Я про себя и говорю... Я презираю себя за свою слабость. Я не могу видѣть равнодушно богатства. Когда кто-нибудь одѣтъ лучше меня, когда кто-нибудь катается на хорошихъ лошадяхъ, въ хорошей каретѣ — это меня мучаетъ. Я готова на все, чтобы имѣть еще лучше. Развѣ это хорошо? Это очень гадко; это безнравственно, это низко... Надя Коптева никогда-бы этого не сдѣлала. Отчего она всѣмъ довольна? Ты должна была воспитать меня, какъ Надю Коптеву. Она всегда будетъ счастлива, потому что уважаетъ себя; а я всегда буду несчастлива, потому что я гадкая. Надя Коптева никогда-бы не пошла за Овчинникова, хотя она бѣднѣе меня. Она-бы никому не продалась.

— Лиди, Лиди! въ ужасѣ говорила Татьяна Сергѣевна. — Что ты говоришь? приди въ себя! Что сдѣлалось съ тобою? Я никогда не слыхала отъ тебя такихъ ужасныхъ вещей... *Quelles expressions! quel ton!* стыдись, Лиди.

— Да, продалась, продалась! еще раздраженнѣе настаивала Лиди. — Отъ кого мнѣ скрыватьсь? Ты всегда говорила, что нужно быть откровенной. Ну вотъ я и говорю, что думаю... Я

могу обманывать другихъ, а себя я не могу обмануть. Я выйду за Овчинникова, я нынче-же ему дамъ слово, а онъ мнѣ все-таки противень. И ты сама знаешь, что онъ мнѣ противень. Развѣ этакая дрянъ можетъ кому-нибудь нравиться? Я-бы гораздо скорѣе пошла за Нарѣжнаго или Прохорова. То люди все-таки... А я не пойду за нихъ, потому что я никуда негодная, избалованная дѣвченка. Потому что я хочу быть богаче всѣхъ... Ну, я напередъ знала, что ты расплачешься... Съ тобою никогда нельзя говорить откровенно...

Татьяна Сергѣевна громко рыдала, закрывши обѣими руками свой батистовый платокъ.

Овчинниковъ явился ровно въ 8 часовъ, одинъ, безъ дяди. У Татьяны Сергѣевны мучительно болѣла голова, и она все время лежала на постели. Однако, она принудила себя выйти, чтобы не смутить Овчинникова. Но Лида не выходила очень долго. Она ходила по своей комнатѣ въ самомъ зломъ и капризномъ настроеніи духа. Сначала она хотѣла переодѣться и позвала было Машу. Мама торжественно принесла только-что разглаженныя кружевные вещи и еще торжественнѣе разложила ихъ на столъ.

— Ну, барышня-голубчикъ, одѣвайтесь скорѣе, да идите къ нему... А то обидится, посоветовала Мама.

— Что ты еще тамъ за вздоръ выдумываешь! вскрикнула Лида. — Всегда съ своими сплетнями!.. Ты-бы меньше амуричала съ Викторомъ, да торчала по переднимъ, такъ лучше-бы было

— Что это вы, барышня, напраслину клепите? не на шутку! обидѣлась Мама. — Я, хоть и мужичка, а тоже свою анбицію наблюдаю. Меня никто съ вашимъ Викторомъ не ловилъ... А кто ловилъ, пушай скажетъ... Мало-ли что про человѣка сбрехать можно.

— Ну, молчи, молчи! останавливала Лида. — Тебѣ слово, ты десять. Не смѣй мнѣ такъ отвѣчать... Кто тебя просилъ соваться не въ свое дѣло? Зачѣмъ ты принесла эти рукавички?

— Ну ужъ, барышня, Богъ съ вами совѣмъ! плакала Мама. — Поѣдомъ меня стали ѣсть да и только. То Машу не знали, подъ какіе образа посадить, а то ужъ хуже Маши и людей у васъ нѣтъ. Я-жь-таки, вуска не доѣвши, съ самыхъ обѣдовъ за утыгами пропадала. Морда опухла дѣлъ печи стоявши! Я-жь у васъ и виновата!

— Миѣ не нужно этихъ мерзостей! унеси ихъ вонъ! топнула ногой Лида, хватая кружевные рукава и раздирая ихъ на двое.— Я не буду одѣваться. Я останусь въ чемъ была. Пожалуйста, не смѣй выдумывать... Это ты привыкла съ мамой, вертишь ею какъ хочешь... Я тебѣ не мама!

— У, обидчицы! чтобъ вамъ!.. грубо огрызнулась все еще плачущая Маша.—Я по маменькиному приказу приготовила, сказали, къ жениху выходить. Что-жь вы на меня осатанѣли? Нешто я въ томъ виновата, что вы съ своими милыми чѣмъ не поладили. За что безъ пути человѣка грызть?

— Съ милыми? Это еще что? Какъ ты это смѣешь? виѣ себя горячилась Лида.

— Да не смѣялись. Нешто я не видала, какъ вы съ землемѣромъ въ саняхъ катались! Весь народъ видѣлъ... какъ вы и на ледъ съ нимъ ѣздили!

— А! такъ ты вотъ что! такъ ты такая! задыхалась Лида.— Убирайся отсюда вонъ! Слышишь, чтобъ твоего духу не было!.. Чтобъ завтра-жь я тебя не видала!

— Ну что-жь... Когда-нибудь надо уходить! У господъ другого не заслужишь. Я вамъ не крѣпостная! грубила Маша.— Только не вы меня занимали, не вамъ меня и прогнать. По-старше васъ хозяйка есть!

— Вонъ, вонъ! кричала Лида.— Ахъ, ты этакая мерзавка!

— Нѣтъ, я не мерзавка! мерзавки не такія бываютъ! кричала въ отвѣтъ Маша, уходя изъ комнаты и хлопнувъ дверью передъ носомъ нервно плакавшей Лиды.

Татьяна Сергѣевна два раза прислала м-ше Трюше звать Лиду, и болтливая французенка насилу уговорила ее выйти. Овчинниковъ былъ на этотъ разъ начиненъ рѣшимостью. Не вида долго Лиды, онъ сталъ изливать свои чувства передъ Татьяной Сергѣевной.

— О! я такъ цѣню, такъ цѣню ваше расположеніе, дорогой мой Николай Дмитричъ! утѣшала его генеральша.— Я не мечтаю о другомъ счастіи, какъ видѣть васъ своимъ сыномъ. Вы не повѣрите, я всегда смотрѣла на васъ съ родственнымъ чувствомъ... Какое-то предчувствіе говорило миѣ, что мы не должны быть чужіе другъ другу. Вѣдь я стараго вѣка, добрѣйшій Николай Дмитричъ, вы не взыщете съ меня. старухи.

Не знаю вашихъ новыхъ ученыхъ затѣй, а вѣрю еще въ симпатію и антипатію. Право, этого нельзя отрицать.

— Я-бы желалъ знать отъ васъ, Татьяна Сергѣевна, какъ смотритъ на это дѣло Лидія Николаевна? небрежно спросилъ Овчинниковъ.—Ее такъ долго нѣтъ. Не больна-ли она?

— Она сегодня, дѣйствительно, весь день нездорова. На репетиціи простудилась еще больше. Но она непремѣнно хотѣла видѣть васъ. Она такъ привязана къ вамъ. Надо знать ея натуру, дорогой Николай Дмитричъ, такъ, какъ я ее знаю. Иногда кажется, что она какъ-будто равнодушна, мало внимательна, но кто видитъ насквозь ея нѣжное сердце... Вы просто не повѣрите, сколько въ ней теплоты подъ этою наружною безпечностью.

— Я-бы очень желалъ знать, какъ посмотреть на мое намѣреніе Лидія Николаевна! настаивалъ Овчинниковъ.

— Вы знаете, дорогой Николай Дмитричъ, какъ свято я уважаю права своихъ дѣтей. Не мнѣ жить, а ей. Я не стѣсняю Лиди въ выборѣ. Я считаю обязанностью матери откровенно высказать свой взглядъ, подать совѣтъ, но рѣшеніе ея судьбы я предоставляю самой Лиди. Вы, вѣроятно, одобрите, въ этомъ случаѣ, мою систему,—хоть я и женщина прошлаго вѣка, однако, не принадлежу къ числу тѣхъ старовѣровъ...

— Вы, можетъ быть, слышали что-нибудь отъ Лидіи Николаевны? еще разъ спросилъ Овчинниковъ.—Могу-ли я расчитать, что не встрѣчу съ ея стороны...

— О, я почти увѣрена въ этомъ! съ убѣжденіемъ перебила генеральша. — Вы понимаете, конечно, мой добрѣйшій Николай Дмитричъ, что я не могла прямо говорить съ Лиди о томъ, что у меня давно было на сердцѣ. Я такъ щажу въ этихъ случаяхъ деликатность Лиди... Тѣмъ болѣе, что я ничего не слыхала отъ васъ. Она, бѣдная, и не подозрѣваетъ, что вы откроете ей нынче. Но, зная, какъ она смотритъ на васъ, какъ всегда вамъ симпатизировала, я вполне надѣюсь. Cher ange, какъ она мило высказывалась... Съ такой наивностью, съ такой теплотою... Она еще чистый ребенокъ, Николай Дмитричъ, чистый ребенокъ. Берегите ее ради Бога... ради меня, старухи! вдругъ закончила Татьяна Сергѣевна, быстро закрывая глаза платкомъ. Когда Лидя вошла въ гостиную, блѣдна не по обыкновенію, сердце

Татьяны Сергѣевны защемило тяжелнѣе предчувствіемъ. Но она рѣшилась кончить дѣло разомъ. Она тотчасъ-же встала съ дивана и сказала довольно торжественно, обратясь къ Лидѣ: — Лиди, мой дружокъ! Николай Дмитричъ имѣетъ поговорить съ тобою объ очень серьезномъ дѣлѣ. Я не буду мѣшать вамъ.

Она вышла изъ гостиной величественно и серьезно, держа платокъ у глазъ, какъ выходятъ герцогини чувствительныхъ мелодрамъ на провинціальныхъ театрахъ.

— Я къ вамъ по дѣлу, Лидія Николаевна! Вы слышали отъ папаша! началъ Овчинниковъ, стараясь сохранить шуточный тонъ, но внутренно сильно смущенный. — Дядюшка былъ у васъ утромъ? Онъ привезъ мнѣ ваше позволеніе быть у васъ сегодня вечеромъ... безъ постороннихъ...

Лиди молчала, потупившись въ коверъ.

— Не знаю, какъ покажется вамъ то, что мнѣ нужно передать вамъ сегодня. Подозрѣвали-ли вы что-нибудь съ моей стороны?.. Вы постоянно окружены такимъ поклоненіемъ...

— Ахъ, оставьте это! нетерпѣливо сказала Лиди.

— Впрочемъ, что касается меня лично, я всегда старался обратить на себя ваше вниманіе, Лидія Николаевна! продолжалъ Овчинниковъ по возможности самоувѣреннымъ тономъ и не глядя на Лиду. — Я былъ счастливъ, когда могъ быть пріятель вамъ какимъ-нибудь вздоромъ... Конечно, это пустяки, и я никогда не смѣлъ рассчитывать...

Лиди сдѣлала нетерпѣливое движеніе плечомъ и безпощадно стала тереть ленточку на своемъ рукавѣ.

— И если вы замѣтили сколько-нибудь мою привязанность къ вамъ... Конечно, я не позволяю себѣ выражать свои чувства какъ какой-нибудь армейскій юнкеръ... я слишкомъ уважаю пріличія свѣта, чтобы вдаваться въ сантиментальности... Я жаль-бы теперь знать, какъ смотрите вы на это, Лидія Николаевна. Я позволю себѣ быть краткимъ и яснымъ... Мнѣ кажется, это лучше всего.

— Да, да! торопливо поддержала его Лиди. — Говорите скорѣе!..

— Я не хочу въ этомъ важномъ дѣлѣ игнорировать, такъ-сказать, дѣловой элементъ. Чѣмъ трезвѣе мы обсудимъ его, тѣмъ оно будетъ вѣрнѣе. Мнѣ-бы не хотѣлось, чтобы рѣшеніе ваше было вспышкой необдуманности. Не правда-ли?

Лида молча кивнула головою и еще досадливѣе продолжала щипать ленту.

— Я убѣжденъ, что союзъ мужчины и женщины долженъ быть основанъ не на одномъ увлеченіи, а и на холодномъ сознаніи выгоды этого союза... Можетъ быть, это и недостатокъ съ моей стороны, но, во всякомъ случаѣ, это мой принципъ. И я-бы хотѣлъ прежде, чѣмъ услышать вашъ рѣшительный отвѣтъ, представить вашему вниманію соображенія разсудка... Разсудокъ никогда не мѣшаетъ чувству.

Лида хмурилась и кусала отъ нетерпѣнія губы.

— Вы бѣдны, я богатъ... начнемъ съ этого! продолжалъ Овчинниковъ, увлеченный своею ролью референта, и словно совершенно забывъ о Лидѣ, на которую онъ не глядѣлъ. — Во мнѣ вы получите общественное положеніе и матеріальное обезпеченіе, могу сказать, довольно роскошное... Конечно, я не считаю роскошь сильнѣе другихъ преимуществъ, болѣе, можетъ быть, возвышенныхъ... Но, однако, согласитесь, что и это преимущество не маленькое въ нашъ положительный вѣкъ... А вы именно, Лидія Николаевна, созданы для роскоши, для изящной обстановки... Въ тѣсной средѣ вы-бы погибли... Оно такъ естественно...

Брови Лиды сходились все сердитѣе, все ближе.

— Итакъ, вотъ выгода ваша! продолжалъ профессорствовать Овчинниковъ, смотря въ пространство. — Теперь мои выгоды: онъ тоже несомнѣнны... Вы мнѣ нравитесь... Я боюсь быть нескромнымъ... но вы мнѣ очень, очень нравитесь, Лидія Николаевна!.. За счастье цѣловать ваши ручки... прижать васъ къ своему сердцу... Видите-ли, ужъ я начинаю говорить, какъ провинціальный любезникъ... Словомъ, за счастье имѣть васъ своей женою... за это блаженство!..

Овчинниковъ вдругъ перенесъ на Лиду свой бараній, расплывающійся взглядъ и продолжалъ совѣмъ измѣнившимся, растеряннымъ тономъ.

— Я готовъ отдать Богъ знаетъ что... Можетъ быть, я и не такъ красивъ въ вашихъ глазахъ, Лидія Николаевна! Можетъ быть, другіе имѣютъ въ вашемъ мнѣніи преимущество надо мною съ этой стороны. Можетъ быть, я кажусь вамъ не такимъ забавнымъ, не такимъ оживленнымъ, какъ нѣкоторые другіе...

— Ахъ, оставьте! съ сердцемъ перебила Лида, почти отворачиваясь отъ Овчинникова.

— Я и не смѣю претендовать, чтобы вы нашли во мнѣ всё достоинства, говорилъ Овчинниковъ дрожавшимъ отъ волненія голосомъ, весь теперь погруженный въ созерцаніе Лиды, на которую онъ ни разу не посмотрѣлъ во время своей поучительной лекціи.—Я буду счастливъ и тѣмъ, если вы мнѣ позволите немножко любить васъ... быть около васъ, поклоняться вамъ, какъ божеству.

Онъ потянулся своей трясущейся, мокрой и расплущенной рукой къ ручкѣ Лиды.

— Ваша воля будетъ для меня закономъ, Лидія Николаевна! я, какъ рабъ, буду слушаться васъ! бормоталъ онъ, уцѣпившись за эту ручку своими обѣими руками и вдругъ какъ-то бессильно и подобострастно опускаясь на колѣни, словно у него подтаяли ноги.—За одинъ вашъ добрый взглядъ, за одну ласку вашу я... я... я на все готовъ. Только не гоните меня... Позвольте мнѣ хоть пресмыкаться у вашихъ ногъ... у вашихъ очаровательныхъ ножекъ...

Онъ смотрѣлъ снизу вверхъ въ гнѣвные глаза Лиды, рыхло опустившись самъ на себя, словно раздавленный, немѣющий силы подняться. Глаза его были подернуты какимъ-то сальнымъ блескомъ, а вялый ротъ съ полуоткрытыми, трясущимися губами выражалъ идиотское сладострастіе...

Прямо надъ нимъ тревожною волною возвышалась высокая грудь Лиды.

— Раздавите меня, но не прогоняйте! шепталъ онъ, прижавъ дряблыми губами къ ручкѣ Лиды и прижимаясь къ ея ногамъ всѣмъ хилымъ тѣломъ своимъ.—Я не могу жить безъ васъ... Я не могу смотрѣть на васъ... Не отталкивайте меня... Скажите да!

Лида не отнимала руки, не отодвигалась, но взглядъ ея не обращался на Овчинникова. Грудь ея усиленно дышала.

— Вы видите, въ какомъ состояніи! плаксиво умолялъ ее Овчинниковъ, совершенно потерявшійся отъ электрическаго прикосновенія Лидина тѣла. — Я не могу сносить вашей красоты Лидія Николаевна! Она нужна мнѣ... Отдайте мнѣ ее... Возьмите все у меня... Ваше прикосновеніе уничтожаетъ меня... Я теряю рассудокъ, теряю волю... Я долженъ быть вамъ смѣшон

теперь, жалокъ... глупъ... Пощадите-жь меня... У меня нѣтъ силъ...

— Что вы хотите? Я ничего не слыхала отъ васъ! не глядя сказала Лидя. — Пожалуйста, встаньте; оставьте мою руку.

— О, нѣтъ, я не оставлю ее... Я умру у вашихъ ногъ... Сдѣлайте меня счастливымъ навсегда! юнилъ Овчинниковъ, ползая на своихъ безсильныхъ колѣнкахъ. — Будьте моей женою, моей повелительницей... Я весь отдаюсь вамъ... самъ и все, что есть у меня... за одинъ мигъ блаженства.

— Хорошо, я согласна. Встаньте пожалуйста! быстро сказала Лидя. — Я не могу видѣть васъ на колѣняхъ. Прошу васъ, встаньте. Мамап выйдетъ сейчасъ.

— Вы согласны, согласны! покрывалъ Овчинниковъ своими поцѣлуями неподвижную руку Лиди. — Вы дали мнѣ жизнь... Я озолочу васъ, Лидія Николаевна! Я сдѣлаю васъ счастливѣе всѣхъ... Я васъ заставлю любить себя. Каждый капризъ вашъ будетъ исполненъ, какъ въ сказкѣ. Какую спальню устрою я вамъ!.. Я уже все обдумалъ. Это будетъ не спальня, а обитель Юноны, нѣчто олимпійское, божественное, истинный пріютъ наслажденій. Все выпишу изъ Парижа. А вы меня полюбите изъ благодарности... Вы оцѣните меня, когда узнаете ближе. Не отрывайте своихъ прелестныхъ ручекъ... Я не разстанусь съ ними, я замеръ на нихъ...

— Пойдите поговорите съ мамап. Нужно все обдумать, обо всемъ посоветоваться, сказала Лидя, стараясь освободить свою руку. — Во всякомъ случаѣ, свадьба должна быть отложена до будущаго года.

— Какъ! до будущаго года?! неистово вскрикнулъ Овчинниковъ, поднимаясь на ноги. — Нѣтъ, это невозможно! Это будетъ смертоубійство! Вы убьете меня, Лидія Николаевна. Не повторяйте этихъ ужасныхъ словъ. Наша свадьба должна быть сейчасъ-же, завтра, сегодня, если-бы было можно. Чего намъ ждать? Зачѣмъ отдавать часы блаженства? Вы видите, что вы изъ меня сдѣлали. Я не узнаю себя. Я просто школьникъ... Всѣ мои правила, всѣ привычки свѣта разсыпаны Богъ знаетъ куда. Я готовъ самъ расплакаться... готовъ дѣлать всевозможныя глупости. Одно прикосновеніе вашей ручки переродило меня, Лидія Николаевна! Теперь у меня нѣтъ терпѣнія... Теперь я буду безум-

стбовать, если вы отложите свадьбу. Я сгорю отъ страсти. Я... я... я просто истая, уничтожусь... Лучше-бъ ужъ вы прямо прогнали меня и отняли всякую надежду. Какъ это возможно!

— Ахъ, какой вы странный! Но вѣдь это-жъ не перчатки надѣтъ. Нужно приготовить все, сообразить, съ неудовольствіемъ возразила Лида. — Все равно, вы будете посѣщать насъ всякій день. Мы будемъ вмѣстѣ.

— Тѣмъ невозможно, тѣмъ невозможно! горячился Овчинниковъ, сладострастными глазами пожирая Лиду. — Лучше замуровать въ стѣну, чѣмъ смотрѣть и мучиться каждую минуту. И что вамъ готовить? Я ничего не позволю вамъ истратить на себя. Я выпишу вамъ все приданое изъ Парижа. Это будетъ моя *corbeille de pose*. Слышите, рѣшительно все, до послѣдней ленточки. Я васъ обставляю, какъ царицу. Я не пожалѣю ничего, только не откладывайте свадьбы, не тираньте меня...

— Нѣтъ, это невозможно. Я увѣрена, что это невозможно, сухо отвѣчала Лида. — Во всякомъ случаѣ, нужно поговорить съ маман. Попросите ее сюда.

Какъ ни уговаривала Лиду Татьяна Сергѣевна, какъ ни умоляла ее Овчинниковъ, свадьба была отложена до осени и Лида даже взяла съ Овчинникова слово, что пока она не уѣдетъ въ деревню, никто, кромѣ Демида Петровича, не будетъ знать о ихъ помолвкѣ.

Каншинъ узналъ объ этомъ въ тотъ-же вечеръ. Онъ встревожился ужасно и разбранилъ своего племянника не на шутку. По его мнѣнію, Лида была такой кусочекъ, который необходимо было владѣть въ ротъ, не откладывая въ долгій ящикъ. Особенно глупою и невозможною казалась ему таинственность, подъ которой Лида желала скрыть свою помолвку.

— Помилуй, Nicolas, это даже обидно! ворчалъ расходившійся старикъ. — Какая тутъ можетъ быть цѣль, кромѣ пустого каприза? Это будетъ тебя стѣснять въ обращеніи съ Лидою, чортъ знаетъ какъ! Какой-же ты мужчина, если ты не можешь настоять на такомъ пустякѣ? Гдѣ-жъ твое самолюбіе? Еще мужемъ успѣешь належаться подъ башмакомъ. Выдержи себя хоть теперь. Тутъ гласность совершенно необходима, и изъ уваженія къ тебѣ, и изъ уваженія къ дѣвушкамъ. Все-таки будетъ стѣснять нѣсколько другихъ и опредѣлять положеніе. Да и лучше, зна-

ешь, на всякій случай, чтобы дѣвушка считала себя публично связанною съ человѣкомъ. Барышни вѣдь тоже мудрены. Всѣхъ ихъ капризовъ не предусмотрить.

На другой день Овчинниковъ явился къ Обуховымъ вмѣстѣ съ дядей, и дипломатіи Каншина удалось нѣсколько уломать Лиду. Овчинникову было разрѣшено объявить о предстоящей свадьбѣ и даже назначена на ближайшее воскресенье официальная помолвка. Свадьбу тоже приблизили мѣсяца на два.

— Видишь, какъ съ ними нужно обращаться, хвастливо говорилъ Демидъ Петровичъ, садясь въ санки Овчинникова. — А ты и губы развѣсилъ! Съ женщинами вездѣ, братъ, надо приступомъ. Онѣ только и сдаются силѣ; вотъ самъ скоро испытаешь! съ сальной улыбкою прибавилъ Демидъ Петровичъ, фамильярно хлопая Овчинникова по ляжкѣ.

Суровцовъ получилъ въ Крутогорскѣ записку такого содержанія: „Анатолій Николаевичъ! Папа слышалъ сейчасъ въ Шишахъ, будто Лида выходитъ замужъ за Овчинникова. Пожалуйста, сходите къ нимъ и узнайте, правда-ли это? Неужели она въ самомъ дѣлѣ можетъ выйти за него? Отговорите Лиду, если можно. Мнѣ будетъ ее чрезвычайно жалко. Такая красавица и вдругъ съ такимъ противнымъ уродомъ! Узнайте подробнѣе и объ Алешѣ. Мы слышали, что онъ очень плохъ, болѣетъ, худѣетъ. Они, навѣрное, совсѣмъ забыли бѣднаго мальчика. Поцѣлуйте его хорошенько отъ меня и попросите Татьяну Сергѣевну прислать его къ намъ на Страстной. Все равно, двѣ недѣли онъ не будетъ учиться. А домой папа привезетъ его самъ. На Святую уже будетъ отлично въ деревнѣ и онъ хоть немножко отдохнетъ. Какъ я боюсь за его здоровье! Исполнили-ли вы мою просьбу— говорили-ли съ нимъ? Хотѣла было передать поклонъ теткѣ Татьянѣ Сергѣевнѣ, да не стоитъ: она дура; она губитъ и Алешу, и Лиду. Лидѣ непременно передайте мой поклонъ, но ни за что не поздравляйте, если правда. Напротивъ, прямо скажите ей, что я сердита на нее и очень осуждаю ее за эту ужасную глупость. Неужели-же правда? Приѣзжайте скорѣе сами. Намъ скучно безъ васъ. Даже папа васъ поминаетъ. Вамъ преданная Надежда Коптева“.

Коптевскій ключникъ Михѣй стоялъ передъ Суровцовымъ еще весь въ снѣгу подземки, которая набилась тонкой бѣлой пылью

въ каждую складку его свитки, въ каждый завитокъ бараньей шапки, густо напудрила его русую бороду и залѣпила сплошными льдинками рѣсницы глазъ.

Измученный въ эти три мѣсяца городской жизнью, Суровцовъ, съ радостнымъ и родственнымъ чувствомъ смотрѣлъ на эту деревенскую фигуру, отъ которой несло свѣжимъ просторомъ зимняго поля, ржаной соломой овиновъ, овчинами полушубка.

— Что, Михай, дорога, видно, плоха? улыбаясь спросилъ Суровцовъ.

— Мететь, Анатолий Миколаичъ!.. Разыгралась дуже. Переносы иуще всего доняли. Кобыла на что сытая, пріемная, заѣдетъ по брюхо, хоть голоси, черезъ кресла валится снѣгъ-то!.. Насилу догреблись. Слѣдочка чуточки не видать. А сверху тоже сыпуть. По урочищамъ не спознаешь.

— Ты одинъ?

— Да одинъ... съ нявкой что-ли мнѣ ѣздить. Тамъ-то жильями будто ничего у Стручихинныхъ. Льдами ѣзда. А этотъ перегалокъ замучилъ, что отъ темнаго лѣсу... двадцать двѣ версты—кустика тебѣ вѣтъ. Шутка-ли? какъ поползло и сверху, и снизу — кричи разбой. Ровно холсты передъ глазами стелеть. Ну, да благодарить Создателя, засвѣтло доѣхали. А то-бы гдѣ!?

— Ну что-жь, барышни здоровы?

— А съ чего-жь имъ нездоровиться? Спать вволю, ѣда вволю, нешто они нужду какую видать?.. Ихъ дѣло не то, что нашей бабы мужицкой. Надюшка-то ползеть, Богъ съ ей, гляди какъ!.. То, помню, давно-ли воробушекъ махонькій была. А то ужъ глянулъ надъсь — гладкая стала, ядреная, что тебѣ телва заводская. Барышня ничего—путающая.

— Будто путающая?..

— А то что-жь?.. самая хозяйка! дому своему будетъ содержательница, потому занятная. И поведенія великатнаго, не ругательница. Да супротивъ нашихъ коптевскихъ барышень по уѣзду вѣтъ!.. Что говорить!.. Вѣрюшка-то съ Надюшкой ребятишекъ учать—и Боже мой! Въ одну зиму въ цифирь производять. Вотъ дьячекъ тоже на Спасяхъ грамотъ учить, такъ куды жь! Слава одна только, что ученіе.

Суровцовъ въ тотъ-же вечеръ отправился къ Обуховымъ. Его ненависть къ городу стала еще острѣе послѣ письма Нади и

появленія Михѣя. Ему до боли хотѣлось бросить всё дѣла и улизнуть въ Суровцово, на тихую замерзлую рѣчку, въ безмолвный садъ, убранный въ зимнее серебро, къ мужицкимъ избамъ, къ мужицкимъ бородамъ, — въ тотъ хорошо натопленный старый господскій домъ, съ визжащими блоками, съ трясущимися ставнями, гдѣ ждала его настоящая деревенская, настоящая русская дѣвушка, свѣжая, простая, сердечная, какъ русская деревенская природа.

И Татьяна Сергѣевна, и Лида нѣсколько удивились приходу Суровцова. Онъ такъ рѣдко участвовалъ въ общихъ оргіяхъ вругторскаго веселья, что постояннымъ участникамъ ихъ казался непонятнымъ выходцемъ иного міра. У Обуховыхъ не было въ этотъ вечеръ никого, кромѣ графа Ховена такъ-какъ это былъ вторникъ Каншинныхъ, и губернской бомондъ направилъ туда свое теченіе.

Графъ Ховенъ былъ изысканно-любезенъ съ дамами, особенно въ небольшомъ обществѣ, которое онъ предпочиталъ шумной публикѣ. Онъ рассказывалъ Лидѣ на прекрасномъ французскомъ нарѣчій чрезвычайно замѣчательныя вещи о своей жизни въ Парижѣ, о знакомствахъ съ разными знаменитостями свѣта. Но въ ту минуту, какъ приходъ Суровцова прервалъ его бесѣду и Татьяна Сергѣевна назвала ему Суровцова, „своего деревенскаго со-сѣда“, мягкая и любезная фигура графа вдругъ переродилась въ какое-то мраморное изваяніе недоступнаго величія. Съ холодною вѣжливостью онъ едва прикоснулся къ рукѣ Суровцова, не давая себѣ труда даже взглянуть на него, и обратился къ Татьянѣ Сергѣевнѣ съ незначительной общей фразой, какъ-бы желая показать, что сокровища его ума и изящныхъ чувствованій могутъ быть расточаемы только въ средѣ немногихъ избранныхъ.

Впрочемъ, графъ не очень долго оставался въ такой величественной замѣнутости, такъ-какъ онъ скоро замѣтилъ, что Суровцовъ нисколько не былъ стѣсненъ ни его холодностью, ни его присутствіемъ; Суровцовъ бесѣдовалъ съ Лидою и Татьяной Сергѣевной съ безпечною простотою человѣка, чуждаго свѣтскихъ расчетовъ; онъ совершенно не подозрѣвалъ правъ графа Ховена на какое-либо особенное вниманіе и удивленіе, и смотрѣлъ на него весьма естественно, какъ на незнакомаго ему гостя Обухо-

ныхъ, до котораго ему нѣтъ ровно никакого дѣла. Въмѣстѣ съ тѣмъ въ простыхъ разсужденіяхъ Суровцова проглядывало столько живого и самостоятельнаго ума, что опытный взглядъ свѣтскаго графа сразу угадалъ въ немъ нѣкоторое исключеніе изъ дюжиннаго типа крутогорской толпы.

— Вѣдь вы, кажется, давно у насъ въ Крутогорскѣ? болтала съ Суровцовымъ Татьяна Сергѣевна. — Около мѣсяца, я думаю? Ахъ, вы на губернскомъ собраніи? Значить, вы гласный?.. Не стыдно-ли вамъ забывать старыхъ друзей?.. Гдѣ вы пропадаете все время?.. Хоть-бы отъ скуки когда забрели.

— Да вѣдь вы знаете меня, Татьяна Сергѣевна: я не особенный любитель общества. А тутъ дѣла. Въ собраніи сидишь, комисиіи разныя. Вечеркомъ, иногда поработаешь по старой привычкѣ. Какъ-то не можешь отстать.

— Вы и тутъ не оставляете своей учености! Мнѣ кажется, вы ужъ давно все знаете! съ улыбкой сказала Лида. — Я-бы умерла отъ испуга, если-бы меня заставили перечитать столько книгъ, сколько вы читаете.

— Кто вамъ сказалъ, что я много читаю? Совершенно напротивъ. Я гораздо больше работаю руками и ногами, чѣмъ головой. Вотъ это-то именно меня и томить въ городѣ. Я тутъ не имѣю никакого движенія.

— Какъ? Вамъ не нравится нашъ Крутогорскъ? изумилась Лида. — Даже послѣ вашей Пересухи?.. Ваша деревня, кажется, Пересуха?

— Да. Это почти въ одномъ мѣстѣ. Не нравится—сказать мало. Я просто боленъ въ вашемъ Крутогорскѣ. Я завядаю въ немъ, какъ рыба на сухомъ пескѣ.

— Такъ вамъ кажется, что въ Спасахъ и въ Пересухѣ веселѣе, чѣмъ въ Крутогорскѣ, даже и зимою? съ искреннею насмѣшливостью допытывалась Лида.

— Даже и зимою въ сто разъ веселѣе! спокойно говорилъ Суровцовъ. — Вы знаете, когда я люблю Крутогорскъ. Когда я переѣзжаю шосейную заставу и спускаюсь на яской выгонъ. Когда около меня знакомая деревенская тройка, знакомая бородастая рожа моего Федота, знакомый тарантасъ. Впереди лѣсъ, дорога съ обозами, а Крутогорскъ вашъ назади, въ прекрасномъ далекѣ... О, какъ онъ бываетъ мнѣ милъ тогда!.. Онъ

мнѣ кажется тогда и живописнымъ, и чистенькимъ, и даже веселымъ.

— Это очень остроумно, сказала Лида, — но все-таки я желала-бы знать, чѣмъ деревня можетъ быть веселѣе города? Ну вотъ возьмите хоть Надю Коптеву. Вы у нихъ часто бываете. Расскажите мнѣ, какъ она проводитъ зиму?.. Вотъ мы и посмотримъ.

— Ахъ, ша сдѣге, нельзя-же, чтобы у всѣхъ людей были одни вкусы! вступилась благодущная Татьяна Сергѣевна, которой вообще казалось неловкимъ и неприличнымъ поднимать серьезные споры съ гостемъ, тѣмъ болѣе затрогивать слишкомъ интересное для него имя.—Ты любишь развлечения, общество,—Анатолий Николаевичъ болѣе предпочитаетъ домашнюю жизнь. И то, и другое имѣетъ свои преимущества.

— Надя Коптева, право, проводитъ отлично зиму, отвѣчалъ между тѣмъ Суровцовъ;—она и на скотномъ дворѣ, и на птичницѣ, и дѣтшкѣ поучить, и сама поучится, набѣгается, нагуляется, возвратится домой веселая, румяная; посмотрите на нее и сравните съ вашими восковыми крутогорскими барышнями... Тамъ человекъ, сила, кровь... Есть кому и работать, есть кому наслаждаться.. Ей-богу, я никогда не слыхалъ въ городахъ такого смѣха, какими смѣются въ деревнѣ... Тамъ всѣ полезны, всѣ работаютъ, и всѣмъ весело... Недавно пришло мнѣ въ голову: иду я по Московской улицѣ, смотрю ѣдетъ какой-то старикъ не старикъ, молодой не молодой, вижу изъ начальниковъ. Смотрѣть срамъ! Лицо пергаментное, корчитъ изъ себя что-то важное, весь завернуть въ мѣха, какъ бабка столѣтняя, носу не видать, а на дворѣ теплынь, я иду въ пальто и то уши горять... Ну, мужчина это, скажите на милость? Онъ пѣшкомъ до переулка не дойдетъ. Сядетъ онъ верхомъ, поѣдетъ на звѣра? Защититъ васъ, найдется въ опасности? Да онъ такая-же мягкая рухлядь, какъ его скунсовая шуба, только развѣ молю объѣденная... Вотъ вамъ продуктъ города... Имя ихъ легионъ. Есть и шляпы, и шубы, и тросточки, только людей самихъ нѣтъ. Мускулы высохли, члены отнялись, кровь еле движется... Онъ и крикнуть не можетъ—голосу нѣтъ. Разсмѣяться не можетъ по-человѣчески, навѣрное раскашляется. А деревенскія бабы въ однѣхъ ватопныхъ шубкахъ да въ кожаныхъ башмакахъ въ крещенскіе морозы глотки

деруть часовъ по пяти сряду и не чхнутъ ни разу. Кому уже, кажется, тяжело пришлось такъ, какъ имъ горемычнымъ, бабамъ да мужикамъ. А посмотришь на ихъ веселье — позавидуешь... Пятнадцать часовъ косятъ и ворошатъ сѣно, домой идутъ — пѣсни на все поле поютъ. Молотятъ цѣпами съ зари до зари — шутки, смѣхъ такъ и сыпятся. А отчего? Оттого, что они дышатъ воздухомъ, не гарью, оттого, что у нихъ все тѣло въ работѣ, въ жару роста...

— Однако, вы слишкомъ преувеличиваете выгоды деревни, виѣшался графъ довольно снисходительнымъ тономъ.— Я совершенно согласенъ съ вами насчетъ необходимости физическихъ упражненій... Я всегда держался и держусь этой привычки. Но вѣдь и въ городѣ ея можно такъ-же строго держаться, какъ я это знаю по личному опыту.

— Да, но въ городѣ она требуетъ настоящей системы, обдуманности, наконецъ, особенныхъ средствъ, возражалъ Суровцовъ.— Въ деревнѣ она дается всѣмъ, навязывается даже тѣмъ, кто не думаетъ о ней и даже не въ состояніи оцѣнить ее. У насъ еще такъ мало методическихъ людей... Возьмите вы потомъ другую сторону: въ городѣ вы волей-не-волей раздражаете свои нервы; половину ночи проводите безъ сна, въ искусственныхъ и напряженныхъ впечатлѣніяхъ. Постоянные разговоры, постоянныя столкновения, постоянная обязанность насиловать свое расположеніе духа. Повѣрите-ли, меня въ городѣ положительно раздражаетъ, что я не могу никуда выйти, чтобы не встрѣтить кого-нибудь. Тутъ на васъ на всякомъ шагу смотреть чужіе и вы на всякомъ шагу обязаны смотрѣть на нихъ. Вѣдь это противно! Вѣдь это посягательство на внутреннюю свободу человѣка. Я хочу быть одинъ, а меня окружаетъ незнакомая толпа, за мною подглядываютъ, меня тѣснятъ. Я хочу покоя, тишины, а они шумятъ. Ночью, когда люди должны мирно отдыхать отъ трудовъ дня, ихъ кареты гремятъ по мостовой надъ самымъ ухомъ вашимъ,— они только собираются на свое веселье, на свою работу... А воздухъ! Эти миазмы нечистоплотныхъ каменныхъ ящиковъ, которые тысячами сбиты въ кучу и дышатъ другъ въ друга. Табакъ, водка, испорченное дыханье, дымъ, задніе дворы—вотъ воздухъ города. Богъ съ нимъ совсѣмъ. Не понимаю, за какія это райскія наслажденія подвергаетъ себя человѣкъ подобнымъ страданіямъ?

— Вы преоригинальный проповѣдникъ! улыбалась насмѣшливо Лида.—А мы, въ своей наивности, жалѣемъ васъ, несчастныхъ, обреченныхъ зимовать въ сугробахъ, какъ бѣлые медвѣди. Вы, я думаю, лица человѣческаго не видите по дѣльмъ мѣсяцамъ. Въ вамъ и добраться никому нельзя. Морозы, вьюги.

— Намъ и ненужно никого. Есть своя работа, есть умная книжка, затопилъ каминъ, зажегъ лампу и наслаждайся собою. А захотѣлось развлечься — верхомъ на коня, за лисицами, за русаками. Компанія живо соберется и, повѣрьте, гораздо веселѣе и искреннѣе вашихъ бальныхъ кавалеровъ. А музыка-то какая! Вы бывали когда-нибудь зимою въ лѣсу?

— Нѣтъ, слава-богу, никогда не бывала и не имѣю никакого желанья, отвѣчала Лида.—Лѣтомъ я очень люблю лѣсъ, но зимою я предпочитаю ему дворянское собранье.

— Жаль! продолжалъ Суровцовъ.—То собранье поинтереснѣе. Когда вспугнешь стаю куропатокъ или бирюкъ поднимется — лучше всякой мазурки.

— Да, но вы освѣщаете только одну сторону, которой я лично, впрочемъ, вполне сочувствую, съ достоинствомъ замѣтилъ графъ.—Я самъ человѣкъ деревни, самъ кровный земледѣлецъ, съ улыбкой пояснилъ онъ. — Мы всѣ, несчастные владѣтели майоратовъ, такъ-сказать, закрѣпощены землѣ, *assegvis à la glèbe*, какъ говорили въ старину. Но я все-таки позволяю себѣ не согласиться съ вашими идеями о вредности городской жизни. Вы упускаете, сколько мнѣ кажется, главное преимущество города: безъ него невозможна общественная жизнь въ высшемъ смыслѣ, то-есть, общеніе умственныхъ интересовъ, развитіе литературы, науки, политическихъ взглядовъ. Деревня не въ состояніи этого выработать. Вообще, очагъ цивилизаціи — это городъ... Промышленная дѣятельность стала основнымъ силою нашего общества только въ городѣ. А промышленность и цивилизація, по-моему,—почти синонимы. Одна коренится въ другой.

— Все это совершенно вѣрно и мнѣ въ голову не приходитъ спорить противъ такихъ истинъ, соглашался Суровцовъ.—Было бы нелѣпо проповѣдывать бесполезность городовъ... Но вѣдь не найду-же я удовольствія жить на заводѣ каменноугольнаго газа изъ того только, что этотъ газъ полезенъ. Все-таки я вправѣ

считать себя счастливымъ, что на мою долю, вмѣсто черной и вонючей копоти, достался воздухъ зеленого сада.

— Очень можетъ быть, что я ошибаюсь, мягко настаивалъ графъ,—но и съ точки зрѣнія личныхъ удобствъ, личнаго удовольстворенія, городъ, мнѣ кажется, не можетъ быть замѣненъ деревней, на-сколько я въ состояннн оцѣнить этотъ предметъ. Кромѣ суровыхъ работъ и удовольствій, нѣсколько грубыхъ,—я говорю въ смыслѣ формы,—у человѣка есть потребность болѣе утонченныхъ наслажденій, наприимѣръ наслажденія художественныя... Я позволю себѣ отнести къ художественнымъ наслажденіямъ и наслажденія общежитія... Отношенія между людьми равнаго круга, исполненныя необходимаго изящества и достоинства, составляютъ въ жизни серьезный источникъ удовольствій. Какъ я ни уважаю охоту и другія забавы, въ которыхъ высказывается сила и ловкость мужчины, я не могу умолчать и о другой сферѣ жизни, гдѣ играетъ роль благовоспитанность и тонкіе таланты общежитія.

— Они тѣ-же въ деревнѣ, что и въ городѣ, графъ, спорилъ Суровцовъ.—Замковая жизнь англичанъ доказываетъ это лучше всего. Но во всякомъ случаѣ вы слишкомъ обобщаете вопросъ. Городъ въ идеѣ, конечно, можетъ имѣть очень много преимуществъ. Даже Петербургъ, Парижъ имѣютъ ихъ очень много. Въ иностранныхъ городкахъ, иногда самыхъ маленькихъ, мнѣ случалось встрѣчать столько условій пользы и удовольствія, что имѣ, конечно, не трудно выдержать сравненіе съ нашею Пересухою. Но мы собственно говоримъ не о городѣ-идеалѣ, не о какомъ-нибудь швейцарскомъ городкѣ, а просто-на-просто о Крутогорскѣ. Тамъ уже вы, графъ, какъ ни защищайте его, ничего не найдете: ни художества, ни утонченностей общежитія, ни умственнаго общенія, ни даже промышленности... Найдете только дрянной воздухъ, вредныя привычки и самый невѣжественный міръ сплетенъ и злорадства.

— Не все-же однако сплетни и злорадство; вы черезчуръ строгій судья, Анатолій Николаевичъ, сухо остановила его Татьяна Сергѣевна.—Здѣсь есть столько прекрасныхъ семействъ, милыхъ и благовоспитанныхъ...

— Въ деревнѣ столько-же сплетенъ! сердито заговорила Лида.— Всѣ тѣ-же, кто живетъ въ деревнѣ, и сюда переѣзжаютъ. Тѣ-

же Каншины, тѣ-же Зыковы. Я и тамъ наслупалась. Отъ скуки еще больше сочиняютъ другъ на друга.

Суровцовъ видѣлъ, что на него готовы были напуститься не на шутку.

— Не всякое лѣко въ строку, mesdames, сказалъ онъ шутливо.— Мнѣ, городоненавистнику, простительно пересолить маленько. Конечно, тутъ есть почтенные люди, противъ которыхъ грѣхъ что-нибудь сказать. И я вовсе не думалъ...

Графъ Ховенъ никогда не допускалъ себя къ участію въ какихъ-нибудь слишкомъ рѣзкихъ или слишкомъ продолжительныхъ разговорахъ. Поэтому онъ, вмѣсто отвѣта, углубился въ свою га-ванскую сигару, когда увидѣлъ, что Суровцовъ на-столько неприличенъ, что можетъ поднять въ гостинной серьезный споръ съ человѣкомъ, ему незнакомымъ.

— Вы были въ Швейцаріи? спросилъ онъ небрежно, желая перевести разговоръ на болѣе невинный предметъ.

Когда изъ разговора съ Суровцовымъ графъ Ховенъ убѣдился, что Европа была ему извѣстна лучше, чѣмъ самому графу, и встати узналъ, что Суровцовъ былъ профессоръ университета, онъ сталъ относиться къ нему съ гораздо большимъ вниманіемъ. Даже рѣзкость его выраженій и неприличную привычку спорить онъ объяснилъ себѣ обычною угловатостью ученыхъ и не поставилъ ихъ Суровцову въ особенное преступленіе.

Но все-таки графъ чувствовалъ себя внѣ своего круга и потому раскланялся съ Обуховыми ранѣе, чѣмъ обыкновенно. Суровцовъ оставался нарочно до его ухода, чтобы исполнить порученіе Нади. Онъ понималъ всю бесплодность этого порученья, зная свѣтски-вылощенную точку зрѣнія Лиды на жизнь и чувствуя за собою такъ мало правъ на внимательство въ ея дѣло. Однако онъ пересилилъ свое малодушіе и рѣшился высказать все Лидѣ.

„Какое мнѣ дѣло до ея точекъ зрѣнія, до того, какъ она объяснить себѣ мои слова? говорилъ онъ самъ себѣ, собираясь приступить къ разговору.— Пускай она останется въ убѣжденіи, что я не галантенъ, что я невѣжа, что я берусь не за свое дѣло. Что мнѣ во мнѣніи этой пустой и слѣпой дѣвочки? Мы прежде всего люди, а не гости, не кавалеры. Дѣло идетъ о спасеніи дѣвушки, которая сама не видитъ своей гибели. Всякій прохожій обязанъ предостеречь ее, знакомъ-ли онъ съ нею

или не былъ представленъ ей въ гостинной. Я ея сосѣдъ и пріятель, въ нѣкоторомъ смыслѣ; какъ-же могу я не сказать? Надя правдивѣе и чище всѣхъ насъ; душа ея не испорчена ни однимъ пятнышкомъ, и она говоритъ смѣло то, что ей кажется нужнымъ. Она поручила мнѣ сказать, значить, въ этомъ не будетъ никакой ошибки, никакого ложнаго положенія. Не стоитъ и мѣднаго гроша то знакомство и то общество, въ которомъ считается неприличнымъ попытаться спасти человѣка. Я буду вѣренъ своему долгу, а тамъ какъ собѣ хотятъ! Обижайтесь или не обижайтесь, — мнѣ все равно.

— Я имѣю къ вамъ порученіе отъ Надежды Трофимовны, сказала Суровцовъ Лидѣ послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, которыя Лида не думала нарушать, въ расчетѣ, что этимъ скорѣе выживетъ Суровцова. Татьяна Сергѣевна вышла въ это время чѣмъ-то распорядиться.

— Отъ Нади? у васъ есть записка? спросила Лида безъ большого увлеченія.

— Записки къ вамъ нѣтъ, — она мнѣ пишетъ. Она просила меня узнать, правда-ли, что вы выходите замужъ за Овчинникова? спросилъ Суровцовъ, спокойно глядя въ глаза Лиды.

Лида вся вспыхнула отъ гнѣва и смущенія и быстро отдѣлилась отъ спинки кресла, въ которомъ небрежно развалилась.

— Она васъ проситъ узнать объ этомъ? сказала она, запинаясь отъ волненія. Почему это ее такъ интересуетъ?

— Надежду Трофимовну? Мнѣ помнится, вы съ ней родные и отчасти подруги.

— Да, да, конечно. Но она могла-бы написать мнѣ объ этомъ прямо. Почему она предполагаетъ, что я должна быть особенно откровенна съ вами? Это ея личная точка зрѣнія, которой я не понимаю, ядовито замѣтила Лида, надавивъ на словъ „личная“.

— Помилуйте, что-жь тутъ за хитрости! Всякій понимаетъ, что если дѣвушка выходитъ замужъ, то она не станетъ этого скрывать, а не выходитъ, тоже скрывать не станетъ. Развѣ это какой грѣхъ?

— Ну да, я выхожу за Овчинникова, скажите это Надѣ... что-жь изъ этого? сказала сердито Лида.

— Да изъ этого выйдетъ мало хорошаго, Лидія Николаевна, серьезно сказалъ Суровцовъ, пристально глядя на Лиду.

— Вот какъ! отвѣтила Лидя, усиливаясь насильливо улыбнуться. — Нада поручила вамъ настращать меня. Я впрочемъ должна сказать вамъ, Анатолій Николаевичъ, что въ подобныхъ дѣлахъ совѣтуюсь только съ мамой и не нуждаюсь ни въ чьихъ другихъ совѣтахъ.

— Да вѣдь совѣты сами по себѣ вреда не принесутъ, Лидія Николаевна. Самое плохое, что ихъ выслушаешь и махнешь рукой. А иногда совѣтъ можетъ раскрыть глаза на такія вещи, которыхъ мы не подозреваемъ.

— Миѣ очень пріятно слышать отъ васъ это поученіе, холодно сказала Лидя, — но что касается моей личной судьбы, то я желала-бы избавить васъ отъ труда заниматься ею. Я васъ прошу передать Надѣ, что я выхожу замужъ за Николая Дмитриевича, и, если можно, прекратить затѣмъ разговоръ объ этомъ предметѣ.

— Послушайте, Лидія Николаевна, я не изъ числа тѣхъ любезниковъ, которые рисуются передъ вами галстучками и фраками, серьезно сказалъ Суровцовъ. — Поэтому и вы забудьте на минуту о томъ, что мы въ гостиной, что я кавалеръ, а вы божество крутогорскихъ баловъ. Мы знаемъ другъ друга довольно хорошо и въ довольно обыденной обстановкѣ. Я человѣкъ совсѣмъ простой, дайте-жъ миѣ сказать вамъ по-человѣчески, безъ всякихъ крутогорскихъ выдумовъ то, что меня заставляетъ вамъ сказать — моя совѣсть.

Лидя гнѣвно, но совершенно растерянно смотрѣла на Суровцова, снова откинувшись въ свое кресло и чувствуя, что она будетъ вынуждена выслушать сейчасъ что-то очень тяжелое.

— Танцы вѣдь когда-нибудь кончатся, Лидія Николаевна, а жизнь придется вѣкъ жить, продолжалъ между тѣмъ Суровцовъ строгимъ авторитетнымъ тономъ, который замѣтно сталъ дѣйствовать на Лиду. — Вы дѣвушка умная и сообразительная, даромъ что молода. Зачѣмъ вамъ продавать себя?

— Я никому не продавалась... Не смѣйте оскорблять меня... прошептала Лидя своими вздрогнувшими и поблѣвшими губами. Глаза ея быстро наполнялись слезами безсильнаго гнѣва, но она словно не смѣла остановить Суровцова.

— Вамъ нужно богатство. Я это знаю, говорилъ все увѣреннѣе и тверже Суровцовъ. — Вамъ, дѣйствительно, невозможно вый-

ти за бѣднаго. Вы воспитаны такъ несчастно. У васъ отняты всѣ силы и привито столько слабостей. Этому не поправишь теперь. Но развѣ мало исполнѣ порядочныхъ богатныхъ людей? У васъ выборъ широкъ. Вы нравитесь мужчинамъ неотразимо. Вы такъ блестящи, такъ увлекательны.

У Лиды вырвался облегченный вздохъ, и она нѣсколько спокойнѣе стала слушать убійственныя рѣчи Суровцова.

— Искателей у васъ, навѣрное, много... Посовѣтуйтесь съ своимъ сердцемъ, не обманывайте его. Вѣдь обмануть можно на одинъ день, а на цѣлую жизнь обмануть нельзя... Овчинниковъ вамъ не нравится, онъ не можетъ вамъ нравиться... Если онъ теперь еще не противенъ вамъ, то онъ будетъ противенъ вамъ очень скоро... Попомните мое слово...

— Я не вѣрю ни въ какія пророчества, съ трудомъ выговорила Лида.—И удивляюсь вашей дерзости...

— Помилуйте, тутъ дѣло вовсе не о дерзости, и не о любезничаньи... Изъ-за чего буду я вамъ говорить дерзости?.. Ребеночъ я, что-ли? Вы, кажется, знаете меня на-столько. Дѣло идетъ о всей вашей жизни, а не о формѣ моихъ словъ, какова-бы она ни была... Овчинниковъ глупъ, гадокъ, вы это хорошо знаете... Развѣ есть на свѣтѣ женщина, которой онъ можетъ понравиться? А у васъ столько изящнаго вкуса, столько живыхъ потребностей...

— По крайней мѣрѣ, не смѣйте оскорблять тѣхъ, кто не можетъ отвѣчать вамъ! со слезами произнесла Лида.—Вы можете забыть, что вы въ гостиной, но не должны забывать, что вы говорите съ дѣвушкой... о томъ... кого она избрала... Вы должны пощадить ея самолюбіе... если приличія для васъ не существуетъ.

— Право, Лидія Николаевна, я говорю не для оскорбленія, а чтобъ яснѣе высказать свою мысль, возразилъ Суровцовъ болѣе мягкимъ голосомъ.—Успокойтесь пожалуйста; я рѣшительно не охотникъ ругаться, даже и на дворѣ, не только въ гостиной. И если я немного рѣзко отозвался объ Овчинниковѣ, то потому, что не хотѣлъ ослаблять своего приговора... Онъ, дѣйствительно, очень плохъ головою... Вы, я думаю, сами замѣтили это давно... И характеръ его пустой, и привычки очень дурныя, для семейной жизни положительно невозможныя. Наконецъ, онъ просто развадина...

— Вы все кончили? сухо спросила Лида. Сердце ея было раздавлено; грудь надрывалась сдержанными рыданиями.

— Что-жь еще больше? сказалъ въ раздумьи Суровцовъ. — Человѣкъ долженъ пособлять человѣку. Вы идете, зашмурысь, въ пропасть, я это вижу; долженъ-ли я взять васъ за руку и остановить? Какъ вы думаете?

— О, я такая дурочка, что я ничего не могу думать. Вы — великій ученый и философъ. Вы ужъ думайте за насъ за всѣхъ...

— Да, признаюсь... Есть надъ чѣмъ пофилософствовать, говорилъ словно самъ себѣ Суровцовъ, грустно покачивая головою. — Послѣдній работникъ ищетъ себѣ въ подруги жизни какую-нибудь свѣжую силу. Онъ дозволяетъ себѣ роскошь красивой молодой жены, не имѣя обезпеченнаго куска, не имѣя угла, гдѣ спать... А мы, съ нашими барскими хоромами, съ нашими каретами, щеголяющіе въ бархатѣ и кружевахъ, — мы требуемъ изящества и роскоши во всемъ, кромѣ своей жены, кромѣ своего мужа. Были-бы обои красивы, была-бы мебель обита свѣжимъ, а что съ нами на всю жизнь соединяется какой-нибудь уродъ съ идиотскимъ мозгомъ — это еще что за бѣда!.. За грязную тряпку не схватимся рукою, какъ можно! а отдать всю себя, свое тѣло, свою душу въ законную власть какой-нибудь физической и нравственной гадинѣ — это другое дѣло. Подъ фракомъ ничего не видно...

— Анатолій Николаевич! оставите-ли вы меня! За что вы меня мучите? вдругъ разразилась слезами Лида. — Кто далъ вамъ право мучить меня? Развѣ вы мнѣ отецъ, развѣ вы мнѣ братъ? Ваши укоры бесполезны теперь! вчера я дала слово...

— А! вы ужъ дали слово...

— Да... я дала слово... и объ этомъ знаетъ весь городъ. Предупреждали-бы раньше.

— Слово всегда останется словомъ, Лидія Николаевна. За то и дѣло на всегда останется дѣломъ, если его сдѣлаете разъ. Подумайте хорошенько, что ждетъ васъ; перестаньте хоть на одинъ часъ быть крутогорской барышней. Вы женщина прежде всего, вы человѣкъ. — Вы собираетесь сдѣлаться женою, матерью. Чтобы быть женою, надо любить. Но за деньги полюбить нельзя... А того, кто осквернитъ васъ, это будетъ источникомъ гибели дѣтей вашихъ, — того вы любить не можете. Вы будете

проклинать его, ненавидѣть... Подумайте вы объ этомъ... Отдаться человѣку, котораго презираешь,—это глубочайшій развратъ. Спасите-жь себя... Вѣдь на одномъ обманѣ остановиться нельзя, Лидія Николаевна... Одинъ обманъ втянетъ въ цѣлую систему обмановъ. Вы теперь обманываете себя, потому вы обманете мужа, потомъ обманете и того, для кого обманули мужа... Это роковой законъ... Онъ ведетъ въ пропасть... Не вы первая очутитесь въ ней... Вотъ вамъ мое послѣднее слово...

— Вы дворянинъ, вы считаете себя благороднымъ человекомъ, и вы даете мнѣ совѣтъ—отказаться отъ своего общанія... Вы убѣждаете меня сдѣлать безчестный поступокъ, плакала Лида.—Могу-ли я вѣрить вамъ послѣ этого?..

— Я все сказалъ, Лидія Николаевна, строгимъ голосомъ отвѣтилъ Суровцовъ.—Вы знаете меня за честнаго человѣка и должны вѣрить, что все, что я сказалъ, — правда. Теперь ваша судьба зависитъ отъ васъ. Вы знаете впередъ, что ждетъ васъ, и если идете на-встрѣчу, значить, вамъ самимъ хочется этого. Отговариваться невѣденіемъ и пенять на другихъ вы уже теперь не можете. Если вы сдѣлаете преступленіе противъ себя, то вы сдѣлаете его обдуманно, сознательно... Позвольте пожелать вамъ доброй ночи и честнаго рѣшенія. Подумайте хорошенько, не закрывайте глазъ. Не дайте упасть себѣ ниже животнаго. Звѣрь и птица, и тѣ любятъ искренно, безъ продажи...

Лида поднялась съ кресла, съ глазами, метавшими огонь. Послѣдне неловкое выраженіе Суровцова кольнуло ее особенно больно.

— Что-жь дѣлать? задыхаясь проговорила она, силясь презрительно улыбнуться.—Не вѣмъ на свѣтѣ быть Paul et Virgine... Вы съ вашей Надей можете услаждать себя, сколько хотите, этими добродѣтельными теоріями, а ужъ меня грѣшную потрудитесь оставить въ покоѣ... Мнѣ такъ захотѣлось вдругъ спать... Я не смѣю удерживать васъ...

Суровцовъ ушелъ отъ Обуховыхъ почти такъ-же разстроенный, какъ сама Лида. Его бесконечно огорчало это легкомысліе и пустота души, съ которыми дѣвушка, повидимому, неглупая, отнеслась къ его человѣческой попыткѣ—удержать ее отъ гибельнаго шага.

„Нѣтъ, эта легкая тина приличія и свѣтскихъ принциповъ, хуже самой опасной пучины, думалось ему.—Она выворачиваетъ

человѣка на-изнанку; она шиньонъ принимаетъ за мозгъ, а галстукъ за душу. Этотъ народъ даже постигнуть не можетъ, что могутъ существовать у человѣка другіе интересы, кромѣ личнаго расчета или злорадства. Въ Крутогорскѣ невозможенъ-бы былъ ни Галилейскій учитель, ни Петръ Амьенскій...

ХІІ.

ГУБЕРНСКІЙ СКАНДАЛЬ.

Странное состояніе овладѣло организмомъ Лиды, когда, послѣ всѣхъ тревогъ и неожиданностей этого знаменательнаго дня, поздно ночью она пришла раздѣваться въ свою комнату. Татьяна Сергѣевна уже спала глубокимъ, спокойнымъ сномъ за своими ширмами, и ея разговоръ, противъ обыкновенія, не развлекалъ Лиду отъ осадившихъ ея мыслей... Каншинъ съ своею шубою, Овчинниковъ съ своимъ предложеніемъ, репетиція спектакля, все множество лицъ,—мелькавшихъ въ послѣдніе дни передъ Лидою, все вдругъ снова до-чиста стерлось въ ея памяти; около нея стоялъ теперь во всемъ своемъ блескѣ только одинъ образъ молодого брюнета съ дерзкими и страстными глазами. На шейкѣ Лиды до сихъ поръ горѣли горячіе поцѣлуи и около стана ея все еще змѣю обвивалась сильная рука... Лида бросилась въ постель и затушила свѣчу съ какою-то судорожною поспѣшностью, словно она торопилась отдаться непривычнымъ, сладкимъ мечтамъ, которыя тѣснились въ ея груди, возбужденной долгою бессонницей; Лида съ удивленіемъ почти съ испугомъ убѣдилась, что она больше не сердится на Нарѣжнаго. Напротивъ того, она съ медленнымъ наслажденіемъ старалась воскресить въ своемъ ощущеніи всѣ подробности своего неожиданнаго ватанья по льду, всякое слово, всякій взглядъ удалаго юноши. Его смѣлое молодое лицо глядѣло теперь на нее сквозь темноту ночи съ выраженіемъ чего-то жаднаго и требовательнаго. И въ отвѣтъ ему во всемъ существѣ Лиды поднимались и ходили, и просились на-встрѣчу какія-то жгучія необъяснимыя желанія... Тяжело и сладко замирала грудь Лиды въ этихъ страстныхъ грезахъ... Рука, обвившая ея станъ, чувствовалась все осязательнѣе, все тѣснѣе... становилась все необходимѣе... Лида готова

была звать ее съвозъ черную ночь своими томными запекшимися губками, которыя шептали что-то. Ей казалось, что она не одна, что на нѣжномъ пуху ея подушекъ, подъ ея жаркимъ одѣяломъ, здѣсь, рядомъ съ нею, дышетъ кто-то другой, незримый, но желанный. Лида ощущала теперь съ какимъ-то нервнымъ безпокойствомъ прикосновеніе самой себя. Трепещущая кровью и силою упругая полнота ея собственнаго молодого тѣла опяняла ее томительнымъ зноемъ. Ротъ ея широко раскрылся и она лежала, опрокинувшись косою на кровать, уставивъ въ темную пустоту неподвижно смотрѣвшіе глаза, сбивъ простыни, сбросивъ на полъ одѣяло и порядкомъ разметавшись... Ей хотѣлось что-то схватить, обнять... Но она не знала что, и въ безвыходной досадѣ кобкала свои горячія подушки...

До зари промучилась Лида въ томительной безсонницѣ. Съвозъ чадъ своихъ грезъ, съ холодающимъ ужасомъ, вспомнила она вечернюю сцену съ Овчинниковымъ, вспомнила его лягушечью, мягкую и влажную руку, угреватое, безлобое лицо, длинное какъ дыня, всю его жалкую бабью фигуру, безпомощно раскисшую отъ одного ея прикосновенія... „Вотъ кто будетъ дѣлать со мною дни и ночи! молніей мелькнуло въ сердцѣ Лиды, — вотъ кого должна я ждать, должна ласкать... ласкать... никогда!“

Ей никогда не было такъ невыносимо больно, такъ стыдно на душѣ, какъ въ эту минуту... „Что дѣлаю я? Что сдѣлала я? шепталь оскорбленный внутренний голосъ.—Время еще не ушло; развѣ не случается, что даютъ слово, и потомъ отказываются... Вѣдь мужчины такъ часто надуваютъ... Еще никто въ городѣ не успѣлъ узнать: если утромъ послать письмо, навѣрное, не будетъ поздно“...

Фигура молодого инженера заслонила въ воспаленномъ воображеніи Лиды отвратительный образъ, ее возмущавшій, и она еще нетерпѣливѣе, еще горячѣе развивала мелькнувшій въ головѣ ея планъ.

„Мама говоритъ, что Нарѣжный бѣденъ. — Un hobegau sans sous ni malle, выразилась она; голодъ женится на жадѣ,—но неужели мы такъ бѣдны; я не вѣрю этому... У насъ же имѣнье большое, мы-же живемъ чѣмъ-нибудь, и въ Петербургѣ жили, меня воспитывали... и теперь все покупаемъ, нанимаемъ Алешѣ учителей... Нѣтъ, это мама нарочно скрываетъ отъ

меня, чтобы я не очень думала о своемъ богатствѣ, чтобы я выходила за Овчинникова... А самъ Нарѣжный? Вѣрно-же и онъ что-нибудь имѣетъ?.. Говорятъ, всѣ инженеры получаютъ огромное жалованье... наживаются ужасно... Положимъ, онъ еще молодой, только-что вышелъ изъ корпуса... Я непременно спрошу его... Развѣ ужъ такъ много нужно для того, чтобы жить весело? Вѣдь живутъ-же другіе... О, какъ-бы мы счастливы были съ нимъ! мы непременно сейчасъ-же-бы поѣхали въ Петербургъ. Онъ тамъ все знаетъ, всѣ уголки... Мы нашли-бы маленькую хорошенькую квартиру, какихъ-нибудь пять комнатокъ, отлично-бы убрали ее цвѣтами, коврами... Мы жили-бы съ нимъ, какъ два кадета... всегда вмѣстѣ... Вмѣстѣ-бы ѣздили въ саняхъ... обнявшись... по льду за городъ... Онъ рассказывалъ, какіе прекрасные парки на островахъ... Лѣтомъ-бы въ эти парки... бродили-бы тамъ... болтали... совершенно, совершенно одни... чтобы ни одной души не было... Ахъ, какая у насъ была-бы спальня!.. Какъ-бы онъ любилъ меня... какъ-бы я его любила... Онъ совсѣмъ не похожъ на большихъ, хотя онъ такой высокой... А какой онъ сильный... Какъ больно онъ тогда обнялъ меня... Негодный мальчишка! Какъ это онъ позволилъ себѣ? Вѣдь этого никто-бы не смѣлъ сдѣлать, кромѣ его... Онъ совсѣмъ, бѣдненькій, растерялся, кажется, онъ плакалъ потомъ... дурачекъ "...

Лида улыбалась въ темнотѣ томною, долгою улыбкой, потягиваясь всѣми членами.

Вдругъ ей ключемъ прилило что-то въ голову, и строй мыслей разомъ смутился. Сцены прочитанныхъ французскихъ романовъ, рассказы, слышанные отъ m-lle Тришэ, отъ Протасьева, отъ многихъ другихъ, беспорядочною чередою выдвигались другъ за другомъ. „Зачѣмъ я отложила свадьбу? думалось теперь Лидѣ, и она сама пугалась ясности и рѣшительности своихъ думъ.— Все равно—я не могу любить Овчинникова. Я ни разу не сказала ему, что я его люблю... Онъ долженъ видѣть, что я захожу за него замужъ не по любви... Свѣтъ имѣетъ свои условія, и я подчиняюсь имъ. Я не имѣю права идти противъ желаній татапа. Матапа воспитала меня, татапа отвѣчаетъ за мою судьбу... Она лучше знаетъ жизнь, чѣмъ я, и я обязана ей повиноваться... Но вѣдь никто не можетъ заставить любить насильно... Замужество не значитъ непременно любовь. Я могу

быть женою, хозяйкою дома, но на мою свободу никто не смѣетъ посягнуть... я и никому не общала... А тогда... Кто помѣшаетъ намъ... это будетъ еще лучше... онъ бѣденъ, я богата... Намъ будетъ такъ хорошо... У него все будетъ, все, что только ему нужно... Я только и буду думать о немъ... О, какое это будетъ счастье!.. Какъ будетъ онъ счастливъ... Онъ не подозрѣваетъ, онъ будетъ въ отчаяннѣйшій... И вдругъ... О, зачѣмъ я сдѣлала эту глупость, отложила свадьбу? Ужъ кончатъ, такъ кончатъ... По крайней мѣрѣ, не томиться... Не поговорить-ли завтра съ маман... Она тоже огорчена отсрочкою... Нарѣженный тоже придетъ завтра... Бѣдный, онъ думаетъ, что это въ послѣдній разъ, что я его навсегда прогоняю... за его кадетскія проказы. Я ему не намекну ни однимъ словомъ... Скажу ему, что выхожу за Овчинникова и больше ничего... Пусть себѣ помучается... Интересно видѣть, какую вытянутую физиономію состроитъ этотъ негодный мальчишка... Онъ, навѣрное, и тутъ что-нибудь наповѣсничаетъ... Вѣдь онъ не можетъ обойтись безъ шалостей одной минуты..“ Заснула Лида ужъ поздно утромъ, когда стали звонить къ ранней обѣдѣ и начали гремѣть по мостовой первыя бочки водовозовъ... Но и во снѣ она видѣла все то-же, думала о томъ-же и такъ-же металась. Ее на силу разбудили въ одиннадцать часовъ, усталую и капризную.

Съ Лидой еще ни разу не случилось, чтобы она не принимала утромъ. Но въ этотъ день Лида рѣшительно объявила, что она нездорова, что ей нужно подучить роль, и что она не одѣнется до обѣда. Не умываясь и не расчесываясь, она завернулась въ свой теплый и широкій капотикъ, забралась совсѣмъ съ ногами въ глубокое мягкое кресло и до пяти часовъ просидѣла за французскимъ романомъ, не говоря ни слова ни съ Татьяной Сергѣевной, ни съ m^{lle} Тришэ. За то Лида выпила двѣ чашки крѣпкаго шеколаду, что не мало удивило Татьяну Сергѣевну. Добрая старушка приписывала разстройство Лиды важному рѣшенію, принятому вчера, и благословляла Бога за счастливый исходъ своего завѣтнаго плана.

Нарѣженный явился цѣлымъ часомъ раньше, чѣмъ его ждала Лида. Татьяна Сергѣевна еще отдыхала, по обычаю, послѣ обѣда, хотя уже лампы давно были зажжены. Онъ прошелъ прямо въ желтую диванную, гдѣ висѣвшая съ потолка хрустальная пале-

вая лилія разливала свой матовый фантастическій свѣтъ, подоходившій до темныхъ угловъ. Онъ приказалъ доложить о себѣ Лидіи Николаевнѣ, а самъ ходилъ большими шагами по ковру, съ серьезною рѣшимостью обвиненнаго, явившагося для выслушанія приговора. Онъ порывисто щипалъ пухъ своихъ пробивающихся усиковъ и отчаянно ерошилъ свои лоснящіеся, волнистые волосы, что-то ворча себѣ подъ носъ.

Лида вошла въ диванную такъ тихо, что Нарѣжный замѣтилъ ее уже тогда, когда она стояла съ безмолвно-вопросительнымъ взглядомъ посреди комнаты. Ей почему-то пришла фантазія одѣться къ вечеру во все черное. Ея льняные волосы были распущены назадъ, какъ у маленькихъ дѣвочекъ и обильными волнами сбѣгали по плечамъ, рѣзко выдѣляя свое блѣдное золото на глубоко сверкающей чернотѣ бархатной кофточки. Никогда еще лицо Лиды не выражало столько внутренней жизни, какъ теперь, послѣ тревожнаго дня, послѣ ночи глубокихъ сердечныхъ волненій. Легкая синева бессонницы отдѣляла ее глаза, влажные и полные какой-то затаенной думы. Дѣтскій румянецъ и дѣтская полнота щекъ нѣсколько поблѣкнули, но за то тѣмъ осмысленнѣе смотрѣлъ слегка запекшійся ротикъ Лиды. Вся фигура Лиды дышала соблазномъ и страстью, какъ никогда еще не видѣлъ ее бѣдный юноша.

— Вы позволили мнѣ придти къ вамъ въ послѣдній разъ, Лидія Николаевна, началъ Нарѣжный, не спуская съ Лиды изумленныхъ глазъ.— Я оскорблялъ васъ... Но я не желалъ васъ оскорблять, видѣть Бога... Лидія Николаевна...

Лида смотрѣла на него молча и строго.

— Я... ей-богу, я не знаю, что со мною дѣлается, продолжалъ Нарѣжный, съ азартомъ размахивая руками. — Я самъ себѣ не радъ! Чортъ знаетъ, что такое... Мнѣ еще никогда не приходилось такъ скверно, Лидія... Николаевна... Даже на выпускномъ экзаменѣ. Даже когда меня сѣкли въ корпусъ. Не сердитесь на меня, ради Бога; стодить-ли на меня сердиться, посудите сами... Вѣдь если-бы я нарочно... Я-бы и душою радъ... Да что-жь дѣлать? Я и самъ знаю, что не хорошо, что это неприлично, глупо, что это должно казаться вамъ обиднымъ... Но, честное слово, это случилось само собою... Я самъ не ожидалъ. Я и не подозревалъ ничего, когда предложилъ вамъ кататься...

А тутъ вдругъ—хлопъ! этакая оказія... Вы, можетъ быть, не повѣрите, а, ей-богу, я себя за волосы таскалъ, когда возвратился домой... Я знаю, что стѣдить... Вѣдь это еще хорошо, что вы добрая, что вы позволили мнѣ придти къ вамъ оправдаться, посмотрѣть на васъ еще разокъ. Развѣ я могу жить безъ васъ, не видѣть васъ?

Бѣдный юноша дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ, стоя передъ Лидою и съ самымъ нѣжнымъ вниманіемъ пристылъ глазами къ ея воспаленнымъ глазамъ.

— Вы хотите, чтобы я раскаялась въ своей добротѣ, холодно сказала Лида, сердце которой обливалось счастьемъ и которой хотѣлось прыгнуть на шею милому юношѣ.—Видѣсто того, чтобы извиниться въ неслыханной дерзости, которую вы позволили себѣ сдѣлать, которую никто-бы кромѣ меня не простилъ вамъ, вы вдругъ осмѣливаетесь повторять тѣ-же глупости.

— Нѣтъ, ужъ извините меня, Лидія Николаевна! въ отчаяньи произнесъ Нарѣжный, путая свои черные вихры.—Это Богъ знаетъ, что такое!.. Какое-же тутъ оскорбленіе? Конечно, я не имѣлъ права дѣлать то, что случилось вчера: въ этотъ я сознаюсь и прошу вашего прощенья. Но вѣдь нельзя-же до такой степени простирать свой деспотизмъ... Это безпощадно... это... это невыносимо... Я желаю покориться вамъ... Но я не могу... я возмущаюсь... Чѣмъ-же я виноватъ, что я не въ силахъ переносить вашего вида, что меня въ лихорадку бросаетъ, въ жаръ, въ холодъ отъ вашихъ глазокъ; нынче они особенно убійственны. Зачѣмъ у васъ такой ротикъ, на который смотрѣть нельзя... Я вотъ пришелъ къ вамъ трезвый, хладнокровный, а теперь сталъ съумасшедшимъ. У меня голова къ верху ногами стала... У меня искры пробѣгаютъ... Вы виноваты въ этомъ, а не я... Вы не смѣете, не должны быть такой красавицей... Потому, что вы понапрасну мучаете насъ ей-богу, вы дѣлаете преступленіе. Я... я положительно взбунтуюсь противъ васъ... Моя гордость, мое самолюбіе оскорбляется... Мы такіе-же люди, какъ и вы... Я тоже молодъ... Также не уродъ... Я не глупѣе васъ, я учился больше вашего, я все могу сдѣлать и желѣзную дорогу провести, и мостъ построить, и домъ... И вдругъ вы меня обращаете въ дурачка, безумца... Можете водить за собою, какъ собачку на веревочкѣ, куда хотите и сколько хотите... Кто

далъ вамъ это право на деспотизмъ?.. Это вопіющая несправедливость природы и я громко протестую противъ нее!

Лида едва имѣла силъ, чтобы удержаться отъ неистоваго взрыва хохота. Ее безконечно забавляло и безконечно льстило ея самолюбію кадетская горячность Нарѣжнаго. Но она все-таки овладѣла собою и, ласково улыбувшись, сказала ему:

— Видите, я права, что запретила вамъ являться ко мнѣ. Я спасаю вашу гордость и ваше спокойствіе; только, во всякомъ случаѣ, не кричите такъ: вы разбудите маман, которая еще отдыхаетъ и напугаете нашу англичанку, нервы которой очень разстроены.

— О, такъ вы простили меня! Я по голосу вижу, что вы меня простили, совсѣмъ простили! съ радостной улыбкой прошептала Нарѣжный.—Я буду шептать такъ тихо, что никто не услышитъ, кромѣ васъ, Лидія Николаевна... кромѣ тебя, моя Лидочка, моя радость!

Лида не успѣла произнести и слова, какъ уже была въ объятіяхъ Нарѣжнаго. Онъ почти сломалъ ее на двое этимъ рѣзкимъ кадетскимъ объятіемъ и осыпалъ безумными поцѣлуями ея глаза, ея губы, ея грудь и плечи. Лида не могла двинуться, потому что скорѣе лежала на рукахъ Нарѣжнаго, чѣмъ стояла на своихъ ногахъ.

— Нѣтъ... ты обманываешь меня... Ты не сердись... Ты не можешь сердиться... мой Лидокъ, Лидочка моя, жизнь моя! шептала совсѣмъ угорѣлый Нарѣжный.—Развѣ сердятся на то, что любятъ? Развѣ любить грѣхъ? Для чего-же мы молоды? Для чего красота твоя? Я былъ сумасшедшій, я былъ дуракъ, что просилъ у тебя прощенья за свою любовь... Я долженъ носить съ нею, гордиться ею, а не таять, какъ краденое... Я съ колокольни закричу, что люблю тебя, всѣмъ объявлю и тебѣ, и твоей матери, и всему свѣту!.. Пусть все погибнетъ, для меня, если погибнетъ твоя любовь... Мнѣ ничего другого не нужно.

— Безумный! Пустите меня!.. Не смѣйте... вырывалась испуганная Лида.—Я сама виновата, что вы оскорбляете меня второй разъ. Идите прочь отъ меня...

Нарѣжный выпустилъ Лиду изъ рукъ и упалъ на колѣни, крѣпко схвативъ ея ноги.

— Не сердись на меня, Лида! что я сдѣлалъ тебѣ? Какъ-же иначе выразить тебѣ мою любовь? Я предлагаю тебѣ всего себя. Навсегда... Я знаю, мы будемъ счастливы... Я буду работать, у насъ все будетъ... Моя карьера только начинается. Я до всего дойду. Только будь ты со мною, Лида. Много-ли намъ нужно вдвоемъ? Вѣдь все равно—ты выйдешь замужъ? Чѣмъ-же я хуже другого? Я ей-богу не хуже твоихъ Протасьевыхъ, Овчинниковыхъ, Прохоровыхъ. Я молодой... Со мною будетъ тебѣ веселѣе. Я и добрѣе ихъ, Лида, гораздо добрѣе... У меня все на чистоту... Я не умѣю хитрить и притворяться, какъ они. А деньги у меня будутъ. Сколько нужно, столько и будетъ. Развѣ я не наживу, Лида? Мнѣ ужъ обѣщали прибавить жалованье... Главный инженеръ самъ говорилъ. У меня и квартира большая, и двѣ лошади есть.

Онъ припалъ къ ногамъ Лиды и страстно цѣловалъ ихъ.

— Лидочка моя, Лидочекъ мой, будь моею, не выходи ни за кого. Мы будемъ счастливы!

— Вы ребенокъ, я не могу на васъ сердиться, прошептала Лида, оправляясь немного отъ безцеремонныхъ объятій.—Если-бы я считала васъ за взрослога человѣка, вамъ-бы не прошло это даромъ... Но на васъ я смотрю, какъ на повѣсу-кадета. Уйдите сейчасъ. Я слышу, папаи идетъ. Лучше, чтобы она не видала васъ.

— Скажите мнѣ, что вы любите меня хоть немножко и я уйду покорный, счастливый, умоляя Нарѣжный, лова руки Лиды.

Лидѣ было очень жалко его. Душа ея просилась сказать ему что-нибудь хорошее и ласковое; но воспоминаніе вчерашняго вечера, какъ капли осенняго дождя, отрезвили ее.

— Вставайте-жь, неисправимый шалунъ, торопила она Нарѣжнаго.—Не понимаю, за что я такъ добра къ вамъ. Я сама балую васъ.

— Поцѣлуйте меня, Лида, поцѣлуйте одинъ разъ на прощанье, страстно упрашивалъ Нарѣжный.—Развѣ моя любовь не стоитъ одного поцѣлуя?

Лида въ нерѣшимости смотрѣла на него, ничего не отвѣчая. Онъ былъ такъ хорошъ съ своими черными волосами, всеоконченными, какъ у ребенка, съ умоляющими глазами, полными на-

ивной юношеской вѣры. Лида уже цѣловала его въ своихъ тревожныхъ мечтаніяхъ; Лида уже близко сроднилась съ нимъ за эту одну мучительную и сладостную ночь. Отчего не поцѣловать ей теперь? Она-же звала его сердцемъ. Вотъ онъ пришелъ. Не тѣнь, не мысль,—а самъ онъ живой.

Тонкія ноздри Лиды вдругъ раздулись легонько, электрическія искорки сверкнули въ зрачкахъ глазъ, и она, зардѣвшись, быстро нагнула голову на-встрѣчу Нарѣжному...

Когда Нарѣжный явился въ двѣнадцать часовъ ночи въ клубъ, гдѣ онъ обыкновенно составлялъ себѣ партію въ преферансъ, онъ нашелъ тамъ цѣлую толпу. На большомъ столѣ въ главной залѣ ужиналъ Овчинниковъ, Каншинъ, Протасьевъ, чиновникъ въ должности губернскаго льва и разный другой народъ.

— Ба! вотъ кстати!.. вскрикнулъ Протасьевъ, увидя входящаго Нарѣжнаго. — Юный владыка рельсовъ и прочая, и прочая. То-то я смотрю, скучно что-то. Никто не хохочетъ, никто не вретъ. А это его нѣтъ... генераль-инженера нашего. Садись къ намъ!.. Бери бокаль.

— Ахъ вы классики, классики! сказалъ съ сожалѣніемъ Нарѣжный. — Не смѣете отступить отъ шампанскаго. Все въ эти дудки дудите. А мнѣ оно, ей-богу, противно. То-ли дѣло жонкеу заварить или пуншъ.

— Ну, ну садись. Пей, что даютъ! вмѣшался Каншинъ. — Въ чужой монастырь съ своими уставами не ходятъ. Вотъ когда будутъ отрывать твою дорогу, тогда твои законы пойдутъ. Хочешь портеромъ разбавить?

— Собачьи головки?.. Ладно. Все-таки не такъ приторно.

Нарѣжный присѣлъ къ столу, отыскивая портерь.

— Тебя будто встрепалъ кто? спросилъ Протасьевъ вглядываясь пристально въ Нарѣжнаго. — Ей-богу. Откуда это ты?..

— Много будешь знать, скоро состаришься. А у тебя и безъ того лысна, шире соборной площади, отвѣчалъ со смѣхомъ Нарѣжный.

— Эге-ге-ге!.. Знаю, знаю, подсмѣивался Протасьевъ. — Хоть не тансъ. Мнѣ Амалья все вчера рассказала.

— Ну тебя совѣмъ, съ твоей Амальей, провались она! съ неудовольствіемъ отговаривался Нарѣжный. — Вы-то, скажи, чего собрались тутъ?.. Что это у васъ за пиръ?

Нарѣжный опрокинулъ себѣ въ ротъ цѣлый стаканъ шампанскаго съ портеромъ.

— А! такъ ты, значить, не поздравлялъ?.. Nicolas! Надо и его накачать!.. Пусть жениха повеличаетъ.

— Что вы тамъ говорите, господа, какого жениха?

— Какого?! Онъ словно съ неба сорвался... Онъ и, правда, высоконько-таки живетъ, объяснялъ Протасьевъ Каншину.— Ты, стало быть, не знаешь новости дня?

— Да говори прямо!.. Вотъ чудакъ! потребовалъ Каншинъ.— А тогда мы еще за здоровье заставимъ пить. А то вѣдь онъ однимъ стаканчикомъ норовитъ всегда отдѣлаться. Онъ все себя за кадетика считаетъ.

Нарѣжнаго вынудили выпить еще стаканъ. Голова его, и безъ того сильно взволнованная, закружилась кругомъ.

— Кто-жъ женихъ-то, спрашивалъ онъ.— Кого поздравлять? Васъ, что-ли, дядюшка?..

— Да Nicolas!.. Неужто-же въ самомъ дѣлѣ не слыхалъ? Ей, человекъ, дай еще шампанскаго. Похолодѣе. Подаютъ Богъ знаетъ что, рвотное какое-то; говорятъ тебѣ, заморозь до иголокъ. Афанасій хорошо морозитъ. Прикажи ему, если самъ не умѣешь.

— А!.. Николай Дмитріевичъ!.. Вотъ какъ, удивился Нарѣжный, у котораго сердце почему-то странно сжалось.— На комъ-же это, Николай Дмитріевичъ?..

— На Лидѣ Обуховой. Она вчера дала мнѣ слово.

— На Лидѣ Обуховой! вскочилъ вдругъ Нарѣжный, словно его ошпарили кипяткомъ.— Что за вранье!.. Ниче, кажется, не первое апрѣля.

— Вотъ не вѣрить человекъ! Не шутя, на Лидѣ! убѣждалъ его Каншинъ.— А что, голубчикъ?.. Видно перехватили лакомный кусочекъ?..

— Господа, вы шутите?.. спросилъ Нарѣжный мрачно хмурясь. Во всякомъ случаѣ, вы выбрали очень неудачную тему. Лида никогда не могла дать слово Овчинникову, это ясно.

Всѣ съ изумленіемъ переглянулись другъ съ другомъ. Отъ сосѣднихъ столовъ подходила, будто невзначай, праздная публика.

— Послушайте, г. Нарѣжный, обо мнѣ вы можете говорить,

какъ вамъ угодно, но я просилъ-бы васъ не упоминать, имени Лиди Николаевны, тѣмъ менѣе въ такой фамиллярной формѣ. Здѣсь клубъ, и всѣ мы, не исключая, кажется, васъ, выпили нѣсколько лишнее. Я-бы не желалъ, чтобъ имя моеи невѣсты...

— Его невѣсты! расхохотался вдругъ совершенно опянявшій Нарѣжный. — Желалъ-бы я слышать, чтобъ отвѣтила Лида Обухова на предложеніе такого жениха!..

— Послушай, Нарѣжный! Оставь, ты совсѣмъ пьянъ!.. Эхъ, какой ты придира, въ самои дѣлѣ, успокоивалъ его Демиидъ Петровичъ. — Съ тобой нельзя и связаться. Ну, чего ты пристаешь къ человѣку съ дерзостями?.. Трогалъ онъ что-ли тебя?..

— Да вѣтъ, господа, вы послушайте, что онъ говоритъ, хохоталъ Нарѣжный, указывая пальцемъ на Овчинникова. — Онъ говоритъ, что Лида его невѣста, что она слово ему дала. Ну, посудите сами!.. Мы всѣ знаемъ Лиду; можетъ-таки она выйти замужъ за Овчинникова?..

— Я прошу васъ быть осторожнѣе въ выраженіяхъ, г. Нарѣжный, остановилъ его Овчинниковъ, поблѣднѣвъ отъ гнѣва. — Мы пригласили васъ, какъ приличнаго человѣка, выпить съ нами стаканъ вина, но мы вовсе не желаемъ выслушивать ваши пьяныя бредни. Поэтому, не угодно-ли вамъ оставить нашъ столъ. Я здѣсь старшина и имѣю право потребовать этого.

— Я самъ себѣ старшина! горячился Нарѣжный. — Я не говорю вамъ никакихъ дерзостей; но я утверждаю, что вы лжете, что вы недостойный хвастуиъ, если осмѣлитесь повторить, будто Лида Обухова дала вамъ слово выйти за васъ замужъ!

— Господа! успокойтесь. Мы здѣсь въ клубѣ, не у себя дома. Мы можемъ окончить этотъ разговоръ въ болѣе удобномъ мѣстѣ, останавливалъ Протасевъ. — Пожалуйста, брось его, Николае. Ты видишь, онъ опянялъ. Перестань, Нарѣжный, прошу тебя, не приставай. Ну, какое тебѣ дѣло?..

— Мнѣ вѣтъ никакого дѣла! А я считаю себя обязаннымъ защищать честь дѣвушки, съ которой я знакомъ, и которую я глубоко уважаю. Она никогда не унижится до того, чтобъ выйти за идіо...

— Константинъ Ильичъ, ради Бога, перестань! Ну, что-жь это въ самомъ дѣлѣ. Вѣдь здѣсь не трактиръ. Ты приходишь, Богъ знаетъ, до чего, уговаривалъ его Протасьевъ и человѣка два пріятелей.— Поѣдемъ съ нами прокатиться. Ты освѣжишься немного.

— Мало-ли богатыхъ уродовъ, упрямо кричалъ Нарѣжный, вырываясь изъ ихъ рукъ. — Я не позволю всякой сволочи хвататься Лидой!

— Да тише ты, не кричи! Вѣдь это скандалъ. Вѣдь ты чортъ знаетъ, какъ компрометируешь дѣвушку, обступали кругомъ расходившагося Нарѣжного.

— Я не буду вамъ ничего отвѣчать сегодня, потому что вы пьяны, дрожащимъ голосомъ говорилъ Овчинниковъ, шумно вставая съ своего мѣста. Но это такъ не кончится!.. Если вы не уйдете сейчасъ отсюда, я пошлю за полиціею и прикажу васъ вывести. Вы производите буйство въ публичномъ мѣстѣ и въ нетрезвомъ видѣ.

— Лида никогда не выйдетъ за него! Я ему сорву его дурацкій носъ, если онъ осмѣлится повторить клевету, кричалъ на весь клубъ Нарѣжный, уводимый на улицу толпой знакомыхъ.— Она плюетъ на его миліоны. А я на него плюю. Пусть онъ стрѣляется со мною.

Нарѣжного насилу увели и усадили въ сани Протасьева.

На другое утро все праздное населеніе Крутогорска, называвшееся „обществомъ“, было безконечно утѣшено появленіемъ на очереди дня клубнаго скандала. Интересъ былъ тѣмъ острѣе, что главною героинею этого скандала была Лида. Барыни и барышни трепетали отъ радости, что могутъ, наконецъ, не нарушая свойственной имъ скромности, представить убѣдительныя доказательства своихъ давнишнихъ подозрѣній. Нарѣжный, разумѣется, не осмѣлился-бы публично называть m-me Обухову Лидою и дѣлать дерзости ея жениху, если-бы не имѣлъ на это какихъ-нибудь правъ, правъ, положимъ, таинственныхъ, но тѣмъ не менѣе несомнѣнныхъ. Да и можно-ли ожидать чего-нибудь другого отъ пустой кокетки, которая вѣшается на шею всякому мужчине и въ то-же время безстыдно продаетъ себя богатому и глупому уроду? М-me Каншина была особенно неистощима на философскія максимы относительно брака и сердечныхъ влеченій.

Хотя весь Крутогорскъ былъ почему-то убѣжденъ, что г-жа Каншина ловила для своей Агаты разомъ троихъ жениховъ съ тугими карманами, самыхъ сомнительныхъ качествъ, однако, теперь оказалось, что она, напротивъ того, совершенно не понимала, какъ можно до такой степени увлекаться богатствомъ, забывъ главное, — счастье своихъ дочерей? М-ше Каншина, конечно, любить Овчинникова, какъ родственника, но, между нами будь сказано, она просто не могла-бы представить себѣ этого разложившагося идиота мужемъ Зои, Агаты или Евы, — особенно Агаты, этого послѣдняго и любимаго ея цѣтка. Родственная любовь не ослѣпляетъ ее, какъ не ослѣпляютъ миліоны Овчинникова. Нѣтъ, въ этомъ отношеніи м-ше Каншина никогда не рискуетъ сдѣлать ошибку. Конечно, они не такъ богаты, какъ Овчинниковъ, но они довольны тѣмъ, что Господь послалъ имъ. Зоя, Ева и Агата воспитаны такъ, что ищутъ прежде всего человѣка, и считаютъ богатство дѣломъ второстепеннымъ. Онѣ сами представляютъ своего рода нравственный и умственный капиталъ, который дороже денегъ. Можетъ быть, эти взгляды и ошибочны, можетъ быть, они идутъ въ разладъ съ современными потребностями свѣта, но, по крайней мѣрѣ, она, м-ше Каншина, считала долгомъ своей совѣсти постоянно внушать эти взгляды своимъ дочерямъ. Что касается Лиды Обуховой, то, конечно, г-жа Каншина, изъ расположенія къ ея матери, — этой, правда, недалекой, но доброй старушки, не позволяла себѣ высказывать то, что она давно знаетъ, въ чемъ успѣла убѣдиться задолго до переѣзда ихъ въ Крутогорскъ. Нарѣзанный тутъ не при чемъ. Нарѣзанный мальчишка, какихъ найдется тысячи. Не Нарѣзанный, такъ другой. Разницы мало. Если-бы спросить ее, г-жу Каншину, то она могла-бы рассказать о деревенскихъ увеселеніяхъ этой крутогорской львицы, которыя, навѣрно, были-бы нѣсколько интереснѣе. Но, конечно, это не въ ея правилахъ, и она предоставляетъ обожателямъ Лиды увлекаться своими иллюзіями сколько душѣ угодно. Она очень жалѣетъ, что ея супругъ, изъ родственнаго участія, способствовалъ этому дѣлу; но сама она, г-жа Каншина, давно умыла руки, и совѣсть ея чиста.

Перезрѣвшая Нина, всегда открыто возстававшая противъ культа Лиды Обуховой, подхватила давно желанную, давно томительно-выжидаемую новость, съ еще большею страстностью, чѣмъ г-жа

Каншина. Нина видѣла въ Лидѣ не только молоденькую и не только красавицу, отъ которой съума сходила вся молодежь, но еще и соперницу по остроумію. Остроумничаніе было послѣднимъ фортомъ, куда укрѣлись съ широкаго поля свѣтской брани утомленныя нескончаемыми походами, эволюціями, неудачными шибками и проигранными генеральными сраженіями, оскудѣвшія силы тридцатипяти-лѣтней дѣвочки, послѣ того, какъ одинъ за другимъ были разрушены безпощаднымъ временемъ неподвижныя передовыя редуты ея смазливости и молодого одушевленія. Лида осмѣлилась обозвать Нину, въ присутствіи цѣлаго хора кавалеровъ, „крутогорскою весталкою“; а Ева Каншина сама передавала ей, какъ за ужиномъ съ графомъ Ховеномъ, Протасьевымъ и Нарѣжскимъ, въ послѣдній маскарадъ, Лидочка нѣсколько разъ называла ее „преподобною матерью Ниной“ среди гомерическаго хохота собесѣдниковъ. Даже и въ глаза Лидочка не разъ величала ее Ниною Харитоновной, съ оскорбительной злонамѣренностью соединяя вмѣстѣ эти два неудобосоединимыя имени. Поэтому Нина энергически приступила ко вторичному дополнительному изданію всѣхъ сплетенъ, ходившихъ объ Лидѣ, и къ дѣльному сбыту ихъ крутогорской публикѣ. По новой редакціи оказалось, что самъ Нарѣжскій хвастался своими отношеніями къ Лидѣ, и что онъ увозилъ ее ночью на саняхъ за городъ. Нина могла назвать даже свидѣтелей, которые встрѣчали ихъ вмѣстѣ, и если не дѣлаетъ этого, то единственно потому, что не желаетъ компрометировать дѣвушки, какова-бы она ни была и какъ-бы нагло ни поступала она относительно Нины. Смѣшно было Нинѣ, при ея развитіи, равняться съ пустою дѣвчонкой, у которой въ головѣ ходитъ вѣтеръ, а въ сердцѣ нѣтъ ни одного нравственнаго правила. Нина только ручается за одно, что, несмотря на распространенныя слухи, свадьба Лиды съ Овчинниковымъ не будетъ отложена на нѣсколько мѣсяцевъ; не будетъ потому, что *не можетъ быть* отложена. При всей вѣтрености своей, Лида настолько сообразительна, чтобы не допустить себя до новаго, уже непоправимаго скандала. Нина не считаетъ себя вправѣ объяснять всѣмъ и каждому причину своихъ предположеній... такъ-какъ это касается чести посторонней дѣвушки. Не въ ея моральныхъ принципахъ допускать подобное посягательство на права другого. Но она твердо стоитъ на одномъ, что свадьба будетъ *ускорена*

какъ только можно, что Лидѣ совершенно необходимо торопиться свадьбою.

Никогда во всю зиму не было въ Крутогорскѣ такого визитнаго волненія, какъ въ это утро. Постороннему могло показаться, что наступило Рождество или свѣтлый праздникъ. Замѣчательно, что въ это утро у всѣхъ явились самыя неустрашимыя побужденія совершить такіе визиты, которые иначе были-бы отложены неизвѣстно докуда. Синяя карета Каншиныхъ на бѣлыхъ лошадяхъ просто рѣяла по улицамъ. Протасевъ, который вмѣстѣ съ полковнымъ адъютантомъ тоже шнырялъ изъ дома въ домъ, стараясь уладить столкновеніе Овчинникова съ Нарѣжнымъ, съ досадою натыкался на всякомъ шагу на этихъ знакомыхъ бѣлыхъ лошадей.

— Ну! поднялась теперь эта „оберъ-суперъ-вригсъ-сплетница“, пробормоталъ онъ сквозь зубы. — Изъ своего министерства не скоро выпустить...

— Да и баба! прибавилъ адъютантъ, качнувъ удивленно какою. — Чисто прорванное рѣшето!.. Такъ и льетъ, такъ и льетъ!

Протасевъ, однако, не уладилъ ничего. Съ самаго ранняго утра, когда Овчинниковъ былъ еще въ постели, у него собрались на военный совѣтъ Демида Петровичъ, Протасевъ, драгунскій адъютантъ и еще нѣкоторые друзья. Только одинъ адъютантъ стоялъ за необходимость дуэли, да и то не очень твердо. Дядюшка-же и Протасевъ били руками и ногами противъ. Дядюшка увѣрялъ, что это дѣло семейное, въ кружкѣ товарищей, что всѣ были подпивши и что самъ Овчинниковъ наговорилъ Нарѣжному, пожалуй, еще больше дерзостей. Овчинниковъ обнаружилъ очевидную склонность присоединиться къ мнѣнію друзей, и если не рѣшался еще сдѣлать это открыто, то единственно вслѣдствіе безтактной откровенности адъютанта, котораго дернуло сказать, будто дѣло идетъ о чести Лиды, а не о чести Овчинникова, и что, поэтому, онъ врядъ-ли вправѣ извинить Нарѣжнаго. Рѣшено было прежде всего убѣдить Нарѣжнаго извиниться передъ Овчинниковымъ въ присутствіи участниковъ обѣда. Но Нарѣжный объ этомъ и слышать не хотѣлъ и наговорилъ Протасеву такихъ вещей про Овчинникова, что тотъ даже не рѣшился передать ихъ по адресу. Тогда Демида Петровичъ,

боявшийся дуэли, какъ Богъ знаетъ чего, предложилъ довольно лукавую штуку—извиниться не передъ Овчинниковымъ, который-де, въ сущности, не можетъ считать себя оскорбленнымъ враньемъ подпившаго пріятеля,—а передъ Лидою. Ясно, что Нарѣжный не могъ отказаться отъ такого извиненія, и опасное дѣло уладилось-бы въ полчаса. Полковой адъютантъ молча хмурился и кусалъ свои бакенбарды, однако, не возражалъ ничего, но зато самъ Овчинниковъ пришелъ въ неожиданный азартъ, когда сообразилъ, что онъ уполномочить Нарѣжнаго имѣть съ Лидой свиданіе. Демидъ Петровичъ насилу уломалъ его, общавши присутствовать при этомъ извиненіи въ качествѣ посредника. Но только-что разѣхались друзья Овчинникова, съ тѣмъ, чтобы отвезти и Нарѣжному этотъ ультиматумъ, какъ неистово зазвенѣлъ звонокъ, и лакей доложилъ Овчинникову о пріѣздѣ Нарѣжнаго.

У Овчинникова сдѣлалось жарко на сердцѣ отъ внезапнаго прилива радости. Онъ никакъ не ожидалъ, чтобы такая забубенная голова, какъ Нарѣжный, такъ скоро пошелъ на мировую и еще самъ-бы пріѣхалъ къ нему, очевидно, съ извиненіемъ. Овчинниковъ не спалъ всю ночь, тревожно обдумывая всѣ безысходные ужасы предстоявшей развязки. Только-что занялась для него заря будущаго счастья, только-что получилъ онъ надежду принять въ свои объятія драгоцѣнный цвѣтокъ, на который любовались тысячи, не смѣя дотронуться до него, не смѣя мечтать о немъ, — и вдругъ все задернулось чернымъ флеромъ. Пистолеты, убійство, ссылка въ Сибирь, — все это мерещилось его напуганной фантазіи, въ нераспутываемой комбинаціи, и слабая голова, непривыкшая ни къ каковой борьбѣ съ судьбою, отказывалась мыслить за себя. Овчинниковъ чувствовалъ, что онъ ничего не выдумаетъ, ничего не въ состояніи отстранить, и съ болѣзненнымъ щемленіемъ сердца отдавался теченію событій. Можетъ быть, другіе помогутъ, спасутъ его.

Утромъ, когда друзья сидѣли вокругъ постели, ему казалось, что они собрались на его похороны, что самъ онъ въ послѣдній разъ видитъ вокругъ себя всю эту роскошную обстановку и весь нѣжащій комфортъ своей праздної жизни. Онъ едва нашелъ въ себѣ силы, чтобы не расхныкаться, какъ маленькій ребенокъ. Если-бы пріѣхалъ одинъ дядя или одинъ Протасьевъ, онъ-бы

непрѣменно расхныбался. Онъ желалъ плакать, думая, что слезы перестанутъ давить его сердце. Но адъютантъ, съ своимъ суровымъ видомъ и военною точкою зрѣнія, невольно удержалъ его отъ этого бабьяго утѣшенія.

Овчинниковъ выскочилъ въ гостиную съ горячимъ желаніемъ сдѣлать все возможное, чтобы облегчить Нарѣжному тяжелую минуту извиненія; у него мелькнула даже мысль прямо броситься къ нему и протянуть руку, но онъ сейчасъ-же одумался, найдя, что будетъ приличнѣе притвориться глубоко оскорбленнымъ и поддержать свое достоинство холодною сдержанностью приемовъ.

„Ужь если явился ко мнѣ, такъ, навѣрное, струсилъ. Не мѣшаетъ выдержать его нѣсколько минутъ. Эти господа храбрятся, пока не пройдетъ горячка“, подумалъ онъ.

Нарѣжный стоялъ среди гостиной, вытянувшись во весь ростъ, въ застегнутомъ скюртукѣ, блѣдный и серьезный, съ волосами, всклокоченными высоко вверхъ à la Фра-Дьяволо. Черные глаза его злобѣще сверкали. Онъ быстро подошелъ къ Овчинникову, какъ только тотъ появился въ дверяхъ, и сказалъ ему отрывисто:

— Г. Овчинниковъ, между нами вчера было недоразумѣніе. Я очень досажую на это. Если-бъ я зналъ...

— Да. Вы слишкомъ погорячились... съ расплывшеюся улыбкою отвѣчалъ ему Овчинниковъ. — Мы всѣ были вчера немного dans les vignes du seigneur... Мнѣ это тѣмъ непріятнѣе, что я всегда чувствовалъ къ вамъ...

— Позвольте, не въ томъ дѣло! рѣзко перебилъ Нарѣжный. — Я досажую не на то, что сказалъ вамъ. Вовсе нѣтъ. То, что я сказалъ, я всегда готовъ повторить... при комъ угодно. Я досажую, что не зналъ вчера о вашей помолвкѣ. Я думалъ, что вы хвастаетесь. Въ этомъ прошу васъ извинить меня. Я ошибся.

— Я охотно извиняю васъ, Нарѣжный. Мы съ вами всегда были пріятелями... началъ было Овчинниковъ, но Нарѣжный тотчасъ-же перебилъ его, хмурясь и ероша волосы:

— Вотъ что, г. Овчинниковъ. Я человѣкъ откровенный и всегда готовъ сознать свою ошибку. Но не думайте, чтобы я явился къ вамъ только съ извиненіемъ. У меня есть къ вамъ серьезное дѣло. Можно намъ на нѣсколько минутъ въ кабинетъ?

Они вошли и притворили двери. Овчинниковъ съ тревожнымъ

чувствомъ подозрѣнія молча смотрѣлъ на возбужденное лицо инженера. Тотъ шумно опрокинулся въ кресло и долго ерошилъ рукою волосы, метая искрометные взгляды въ пустоту.

— Вы женитесь на Лидѣ Обуховой? Она дала вамъ слово? спросилъ онъ наконецъ.

— Да, да... женюсь... Она дала мнѣ слово... Я-жъ говорилъ вамъ вчера, нервѣнительно проговорилъ Овчинниковъ, непонимавшій, съ какою цѣлью Нарѣжный опять заводитъ непріятный ему разговоръ.

— Вчера я не вѣрилъ, нынче я убѣдился, что вы говорили правду, со вздохомъ сообщилъ Нарѣжный.

— Я всегда говорю правду, и жалѣю, что вамъ это было неизвѣстно, замѣтилъ Овчинниковъ.

— Лида вамъ дала слово, это такъ... говорилъ между тѣмъ Нарѣжный, немилосердно теребя свой чубъ и не обращая вниманія на возраженіе Овчинникова. — Но Лида васъ не любитъ, я долженъ сказать вамъ это. Ее продаетъ вамъ мать. Лида можетъ сдѣлаться вашею женою, но любить васъ никогда не можетъ... никогда! Она любитъ другого...

— Г. Нарѣжный! вскопчилъ внѣ себя Овчинниковъ. — Вчера вамъ угодно было оскорблять меня въ клубѣ, теперь вы пріѣхали продолжать ваши оскорбленія въ моемъ собственномъ домѣ. Я не потерплю этого! Я прошу васъ сейчасъ-же оставить мой кабинетъ, или я позвоню людямъ. Я былъ вправѣ ожидать отъ васъ извиненій, и вдругъ, вмѣсто всякихъ извиненій...

— Послушайте, г. Овчинниковъ, мрачно хмурился Нарѣжный, — пожалуйста, не давайте себѣ труда стращать меня. Предупреждаю васъ, я не боюсь никого и ничего. Въ моемъ теперешнемъ настроеніи духа я готовъ самъ искать скандала. Но будете-ли вы этимъ довольны — не знаю. Не лучше-ли вамъ кончить мирно? Вѣдь никто насъ не слышитъ. Уступите мнѣ Лиду, откажитесь отъ нея. Вотъ зачѣмъ пріѣхалъ я къ вамъ...

— Вы сумасшедшій! Вы налѣзаете на дерзости, на сцены! Я прекращаю съ вами всякій разговоръ и прошу васъ немедленно оставить меня! въ безсильномъ негодованіи выпятился Овчинниковъ, которому смутно мерещилась вчерашняя тяжелая перспектива.

— Лида любитъ меня, объявляю вамъ! вскрикнулъ Нарѣж-

ный, вскакивая съ кресла. — Я люблю ее и не отдамъ ее никому. Я отниму Лиду у васъ изъ-подъ вѣнца, если ее повезутъ подъ вѣнецъ; я вырву Лиду изъ вашей спальни, если вы сдѣлаете ее своей женой... Вы женитесь насиліемъ, вы соблазнили ея гнусную мать своимъ богатствомъ, а противъ насилія всякое насиліе законно. Отдавайте волею, все равно я возьму ее. Если вы честный человѣкъ, вы не осмѣлитесь жениться на ней. Лида еще ничего не понимаетъ, но вы должны понимать. Развѣ ей нуженъ такой мужъ? Развѣ не подло жениться на такой чистой и прелестной дѣвушкѣ такому, какъ вы?..

— Вонъ! закричалъ Овчинниковъ, побѣлѣвъ, какъ мѣлъ, и забывъ всѣ свои страхи. — Афанасій! Люди!

Онъ звонилъ, что было силы, въ колокольчикъ, отшатнувшись изъ предосторожности за большое кресло.

— Вы подлецъ, вы воръ! говорилъ ему Нарѣжный, уже схватившись за ручку двери. — Если-бы мнѣ было не отвратительно прикоснуться къ вамъ, я-бы опозорилъ васъ при вашихъ лакеяхъ. Но съ васъ довольно и этого... Вотъ вамъ!

Онъ вдругъ неожиданнымъ движеніемъ вырвалъ изъ рукъ Овчинникова потухшую сигару и швырнулъ ее прямо ему въ лицо.

— Стрѣляться завтра... Если вы струсите, я дамъ вамъ пощечину въ клубъ! прошепталъ Нарѣжный, который дрожалъ теперь всѣмъ тѣломъ и не зналъ, чѣмъ-бы еще ему оскорбить ненавистнаго человѣка.—Одинъ изъ насъ долженъ умереть, помните это. Выбора нѣтъ...

Онъ сильно оттолкнулъ оторопѣвшаго камердинера, появившагося у двери, и вышелъ вонъ.

Овчинниковъ хотѣлъ приказать что-то своему Афанасію, но языкъ у него не шевелился и голова кружилась.

— Дай воды! наконецъ прошепталъ онъ, опускаясь въ бессиліи на кресло.

Вѣсть о дуэли Овчинникова съ Нарѣжнымъ пронеслась по городу почти одновременно съ ихъ ссорой. Полковой адъютантъ былъ выбранъ секундантомъ Овчинникова и уже черезъ часъ послѣ ухода Нарѣжнаго уговорился съ нимъ выѣхать въ тотъ-же вечеръ къ пустому зданію конскаго бѣга, за городскимъ выгономъ. У Овчинникова не было пистолетовъ и онъ ѣздилъ разыскивать ихъ по всему городу, вездѣ трубя о предстоящей дуэли.

Демидъ Петровичъ пришелъ въ неописанный ужасъ, когда его потребовали къ племяннику подписать наскоро составленное духовное завѣщаніе и принять необходимыя документы. Онъ разругалъ его безъ всякой церемоніи, но, убѣдясь, что Овчинниковъ не посмѣетъ отказаться отъ дуэли, выскочилъ вонъ, ничего не подписывая и ничего не слушая. Онъ велѣлъ гнать лошадей маршъ-маршемъ прежде всего къ Татьянѣ Сергѣевнѣ. Татьяна Сергѣевна упала въ обморокъ при первомъ словѣ о дуэли. Лица разрыдалась. Демидъ Петровичъ насилу могъ уговорить ихъ сейчасъ-же вмѣстѣ съ нимъ ѣхать къ губернатору, который, по его словамъ, одинъ могъ предупредить кровопролитіе. Татьяна Сергѣевна, въ чемъ была, бросилась въ карету и заплаканная, взволнованная явилась къ своему старому пріятелю. Мѣры были приняты сейчасъ-же. Одинъ курьеръ привезъ полиціймейстера, другой — воинскаго начальника. Даны были самыя грозныя инструкціи, и Демидъ Петровичъ заѣхалъ пообѣдать къ Овчинникову уже съ спокойнымъ сердцемъ и, даже слегка подсмѣиваясь, вслушивалъ его малодушныя причитанія.

— Ну что-жь, и подѣломъ! Не затѣвай вздора!.. говорилъ онъ ему вмѣсто ободренія. — Не равняйся съ каждымъ сорванцомъ. Тому вѣдь все равно. Ему-ли пулю въ лобъ всадятъ, онъ-ли тебѣ... Что ему? Ты—совсѣмъ другое дѣло; у тебя большія дѣла, большія обязанности, ты главный представитель стараго дворянскаго рода, почти семьянинъ, наконецъ. вѣдь ужъ все-таки ты пѣвоторнымъ образомъ связанъ съ дѣвушкою. Тебѣ нельзя поступать какъ какому-нибудь буршу.

Какъ ни недалеко былъ Овчинниковъ, однако и онъ догадался по внезапно успокоившемуся тону дяди, что тотъ какъ-нибудь уладилъ дѣло. Овчинниковъ желалъ этого всей душой и въ послѣдніе часы даже сильнѣйшимъ образомъ рассчитывалъ на это. Но онъ боялся, чтобы дядя какъ-нибудь не оборвался въ расчетахъ, и чтобы завтра не пришлось-бы приступить къ этому-же при гораздо худшихъ условіяхъ. Демидъ Петровичъ вызвался провожать племянника на конскій бѣгъ и дорогою сообщилъ ему, что онъ не допуститъ безумнаго кровопролитія и уже принялъ свои мѣры. Когда Овчинниковъ подѣхалъ къ зданію бѣга, онъ еще издали замѣтилъ толпу и шумъ. Полиціймейстеръ съ нѣ-

сколькими жандармами и посторонними свидѣтелями арестоваль Нарѣжнаго и его секунданта.

— Ну, видишь! Куда-жь тутъ ѣхать? объяснилъ улыбаясь Каншинъ, — прикажи поворачивать домой. А то чего добраго и насъ съ тобой арестуютъ. Пускай теперь дожидается тебя на гауптвахтѣ!..

Онъ мигнулъ кучеру и сапки быстро повернулись опять на ледъ.

Горько и неутѣшно плакала Лида, припавъ лицомъ къ подушкамъ своей постели, когда узнала, чѣмъ кончилась дуэль. Нарѣжный семь дней просидѣлъ на гауптвахтѣ, ожидая отвѣта своего начальства, которому была послана телеграмма отъ губернатора. Черезъ семь дней пришелъ приказъ о переводѣ Нарѣжнаго на другую дорогу, за нѣсколько сотъ верстъ отъ Крутогорска. Инженеры хотѣли сдѣлать ему прощальный товарищескій обѣдъ, но этого обѣда не допустили, а препроводили прямо Нарѣжнаго съ гауптвахты въ сопровожденіи жандарма, до границы губерніи, отобравъ у него подписку въ томъ, что онъ не возвратится самовольно въ Крутогорскъ. Лида просто не могла простить себѣ своей вѣтрености. Она знала, что всему виною была одна она. Зачѣмъ она позволила Нарѣжному цѣловать себя, говорить ей о своей любви, зачѣмъ она сама поцѣловала его? Она должна была прямо объявить ему, что она невѣста другого, что она не хочетъ и не можетъ слушать ничего болѣе. Но когда Лида, укоряя себя, вспомнила сцены послѣднихъ свиданій своихъ съ Нарѣжнымъ, ей представлялось, что во всей ея жизни еще не было другой минуты такого сердечнаго блаженства. Каждый жестъ и слово молодого инженера, всѣ черты его одушевленнаго лица, стояли передъ нею, не стираясь, словно живыя. Нѣтъ, она плохо рассказываетъ въ своихъ грѣхахъ. Она готова опять, сейчасъ-же, повторить и свои слова, и свои поцѣлуи. Никогда Овчинниковъ не казался Лидѣ такимъ отвратительнымъ, бездушнымъ пошлякомъ, какъ теперь, когда онъ безропотно перенесъ оскорбленія соперника и прибѣгнулъ къ помощи начальства, чтобы спастись отъ дуэли. Никогда не рисовался ей въ такихъ геройскихъ, рыцарскихъ краскахъ отважный юноша, пострадавшій за свою безумную любовь къ ней. Если-бы еще вчера Лида спросила себя, любитъ-ли она Нарѣжнаго, она долго-бы размыш

ляла, прежде чѣмъ пришла къ рѣшительному выводу. Но теперь въ ея сердцѣ все было кончено, все уяснено. Ей казалось, что она любить Нарѣжнаго долго и страстно, что она всегда любила его. Её теперь удивляло, какъ мало высказалась она ему, какъ мало наслаждалась своимъ счастьемъ. Она упрекала себя въ неблагодарности, въ безсердечности. Она желала искупить чѣмъ только можно свою вину; ей хотѣлось принести жертву, рискнуть чѣмъ-нибудь важнымъ и дорогимъ. У нея захватывало духъ отъ этого опяняющаго желанія и нетерпѣніе мучило её. Она была убѣждена сердцемъ, что это такъ не кончится, что что-то готовится впереди, что Нарѣжный не разстанется съ нею такъ просто и такъ скоро. Овчинникова она принимала съ какимъ-то раздражительнымъ невниманіемъ. Она не находила въ себѣ силъ возстать противъ совершившагося, разрушить то, что приготовлялось такъ давно и что ей самой было необходимо въ разныхъ отношеніяхъ. Но она мстила своему будущему владыкѣ каждымъ словомъ, каждымъ взглядомъ. Она радовалась его позору и его неудачѣ. Овчинниковъ не осмѣливался объясниться съ нею прямо касательно Нарѣжнаго, но объяснился за то довольно безцеремонно съ Татьяной Сергѣевной. Бѣдная генеральша употребила все свое институтское краснорѣчіе, чтобы разгладить морщины на челѣ своего будущаго зятя и изгнать изъ его сердца мрачныя подозрѣнія. Но она не смѣла намекнуть Лидѣ объ этомъ разговорѣ и умоляла Овчинникова не давать Лидѣ даже повода думать, что онъ подозрѣваетъ её въ чемъ-нибудь.

— Иначе вы все погубите, все... все!.. мой дорогой Николай Дмитріевичъ, настаивала генеральша. — У Лиды столько гордости и она такъ горячится въ этихъ случаяхъ. Не придавайте болтовнѣ вбалмошнаго мальчишки серьезнаго значенія. Вы знаете этихъ людей... Ихъ приласкаешь изъ состраданья, а они Богъ знаетъ что возмечтаютъ о себѣ.

Разъ поздно вечеромъ, Маша таинственно всунула въ руку Лиды какую-то записку. Лида схватила её жадно, будто ждала её.

— Ухъ, барышня, бѣдовья-жъ вы стали! улыбнулась Маша. То, бывало, и не знали ничего этого... Не попасть-бы вамъ, барышня, въ бѣду съ этими записочками...

— Отъ кого это? Кто тебѣ её далъ, Маша? допрашивала Лида, покраснѣвъ до бѣлковъ.

— Да ужь вамъ, барышня, лучше знать... Сунуль какой-то чортъ, снеси, говорятъ, барышнѣ. А я у калитки стояла. Вѣдь темно, не разглядишь... Большой какой-то сунуль.

— Лида ушла въ пустую диванную, отвернулась спиною къ двери и съ неизъяснимымъ волненіемъ распечатала крошечную записочку.

„Лида, я не могу уѣхать, не простившись съ тобой, написано было тамъ. — Я возвратился съ половины дороги и скрываюсь здѣсь. Завтра я долженъ ѣхать отсюда, можетъ быть, навсегда. Я люблю тебя; скажи мнѣ, что и ты меня любишь, и тогда я уѣду счастливъ. Я буду ждать завтра отъ 11 утра до 2-хъ, въ той самой галереѣ на конскихъ бѣгахъ, гдѣ меня арестовали. Твой приѣздъ будетъ отвѣтомъ, да или *нѣтъ*. Твой на всю жизнь. К. Н.“

У Лиды тряслись руки, когда она прятала на грудь эту маленькую записочку. Разгорѣвшееся лицо ея вдругъ проступило теплотою и нѣжностью, которыхъ никто не видѣлъ на этомъ лицѣ. Она еще прежде простилась съ матерью и тотчасъ легла въ постель, безмолвная, серьезная, вся свѣтящаяся чѣмъ-то хорошимъ. Всю ночь она грезила сладкими грезами, ежеминутно просыпаясь, путая сонъ съ дѣйствительностью. Никогда Лида не чувствовала въ себѣ такого прилива доброты, мягкости и чистоты помысловъ, какъ въ это утро. Записочка ночевала съ нею подъ подушкою, и она сотню разъ осыпала ее горячими поцѣлунми. Она спрятала ее опять на грудь, и Маша не могла надивиться, что это напало на барышню: тихая, ласковая вдругъ стала, слова капризнаго ей не сказала, и все словно сама себя улыбается...

Лида долго думала, какъ поѣхать ей на конскій бѣгъ. Ѣхать она рѣшилась твердо, чтобы ни вышло изъ этого. Но одной было невозможно; на извозника Лида боялась сѣсть, а свой вучерь узнаеть то, чего не нужно было никому знать. Сначала Лида остановилась на графѣ Ховенѣ: онъ такъ скромень и такъ любезень къ ней; но, подумавъ, Лида даже съ нѣкоторымъ испугомъ оттолкнула отъ себя эту мысль.

— Нѣтъ, „изъ нихъ“, изъ здѣшнихъ, никому нельзя! и думать нечего, говорила она рѣшительно сама себѣ, не давая себѣ яснаго отчета, почему нельзя.

Она вдругъ вспомнила о Суровцовѣ, и что-то словно зажглось въ ея головѣ.

— Да, попрошу его. Если онъ откажется, никто не сдѣлаетъ. Лида торопливо подошла къ столу и набросала нѣсколько словъ Суровцову. Вотъ какія были эти слова:

„Анатолій Николаевичъ, вы считаете меня гадкою, но все-таки немножко любите меня. Мнѣ нужна ваша услуга, которой не можетъ сдѣлать никто другой. Кромѣ васъ, я не знаю людей вполне честныхъ. Свѣромность тутъ необходима, а я могу надѣяться только на вашу. Мы съ вами ссорились такъ недавно, и эта записка, конечно, удивитъ васъ. Но я знаю, что была виновата только я; я знаю еще, что вы всегда простите меня. Подѣзжайте на извозчикѣ, который васъ не знаетъ, ровно въ 12 часовъ къ М-ше Адель; я тамъ буду примѣрять платье и выйду къ вамъ. Л. О.“

Суровцовъ прочиталъ, подумалъ, покачалъ головою и улыбнулся... Онъ все слышалъ и все понималъ. Ъхать или нѣтъ? Конечно, ѣхать; дѣвушка обращается ко мнѣ съ просьбою, я обязанъ исполнить ее. Хорошо-ли, дурно-ли дѣлаетъ она, — это дѣло ея совѣсти. Она не открываетъ мнѣ своихъ намѣреній, она только проситъ провожатаго... какъ отказать ей?.. Въ Суровцовѣ шевелилась даже надежда, что это къ лучшему, что случай можетъ помочь ему спасти Лиду. Въ назначенный часъ Суровцовъ подѣхалъ къ подѣзду модистки. Лида ждала его, совѣмъ одѣтая, густо укутанная синей вуалью. Онъ молча приподнял шляпу, она молча прыгнула въ сани...

Извозчикъ остановился у задней стѣны галереи за конскимъ бѣгомъ, но Лида сидѣла неподвижно.

— Помочь вамъ выйти? спросилъ Суровцовъ, удивленно обращиваясь къ Лидѣ...

Онъ не могъ видѣть, какою блѣдностью покрылось подъ вуалью лицо Лиды и какъ дрожали ея руки въ куней муфтѣ...

— Нѣтъ, я сама... Куда-жь идти?.. прошептала она не своимъ голосомъ.

— Это галерея конскаго бѣга... Вы, кажется, ее называли... вонъ дверочка! сказалъ Суровцовъ...

Лида слѣзла съ саней и нервнительнымъ шагомъ, спотыкаясь

въ сугробахъ снѣга, пошла въ тесовой дверцѣ. Сердце ея стучало и руки тряслись.

— Я сейчасъ вернусь, не отъѣзжайте!.. смущенно сказала она, остановившись у этой дверочки, и не глядя на Суровцова. Она простояла еще секунду, опустивъ голову, и стараясь успокоить свое волненіе; потомъ порывисто вошла въ галерею.

Опытный извозчикъ не оглядывался на барышню, а сосредоточенно окрикивалъ нетерпѣливо переступавшую пристажную. Суровцовъ тоже смотрѣлъ въ сторону.

Нарѣжный стоялъ, почти спрятавшись, въ углу холодной и пустынной постройки, мрачно завернувшись въ свой бобровый воротникъ, въ позѣ Чайльдъ Гарольда, покидающаго отчизну. Увидя Лиду, онъ рванулся къ ней съ неистовою стремительностью кадета.

— Лида... Ты пришла ко мнѣ... Такъ ты моя!.. ты моя! кричалъ онъ, пытаясь обнять Лиду.

Но Лида остановила его строже, чѣмъ когда-нибудь, и отшатнулась къ двери.

— Не трогайте меня, или я уйду сейчасъ-же! сказала она твердо. Настроеніе ея духа сильно измѣнилось послѣ вчерашней ночи. Тревоги приготовленія, и хитрости, которыми она должна была замаскировать свою поѣздку за городъ, отрезвили ее совершенно. Участіе въ ея тайнѣ Суровцова, человѣка, ей мало близкаго, теперь ее безконечно злило и казалось ей непростительною глупостью. Мысли Лиды были заняты гораздо болѣе тѣмъ, что думаетъ о ней Суровцовъ, и не встрѣтится-ли мать, и не замѣтитъ-ли ея кто-нибудь изъ знакомыхъ, — чѣмъ ожиданіемъ свиданія. Собственная рѣшимость представлялась теперь Лидѣ дѣтскою необдуманностью и пустымъ увлеченіемъ, которое нужно было прекратить какъ можно скорѣе. Леденящій сырой холодъ пустой тесовой галереи, въ которой безотрадно гудѣлъ вѣтеръ, тоже не манилъ въ изліаніямъ сердца, и не настраивалъ на нѣгу чувствъ.

— Я явился за тобою, Лида; видишь, я скрываюсь, какъ воръ... горячился между тѣмъ Нарѣжный.— Уѣдемъ отъ нихъ, обвиняемся въ какой-нибудь деревушкѣ... Клянусь тебѣ, мы будемъ счастливы... я буду работать за пятерыхъ!.. я далеко пойду, повѣрь мнѣ, Лида... я... я..

— Выслушайте меня, Нарѣжный, сказала Лида, почти не глядя на юношу.— Я исполнила вашу просьбу,—пріѣхала про-

ститься съ вами. Вы должны понять, что больше я ничего не могла и не хочу сдѣлать. Дѣло кончено, и если вы дѣйствительно любите меня, вы не должны безумствовать. Я выхожу за мужъ за Овчинникова... Но васъ... я всегда буду считать васъ своимъ другомъ...

Она протянула ему руку, которую Нарѣжный почти выдернулъ у нея и покрывалъ поцѣлуями, не смотря на перчатку.

— А, такъ вы гоните меня!.. Вы отнимаете отъ меня всякую надежду! въ отчаяніи бормоталъ онъ. — Если такъ, я брошусь подъ первый локомотивъ, который увижу!.. Какой смыслъ жить послѣ этого?.. жить безъ тебя... на-вѣки безъ тебя!..

— Отъ чего на-вѣки? Прошептала смущеннымъ голосомъ Лида, — развѣ вы не пріѣдете сюда, когда все успокоится?.. Я буду всегда вашимъ другомъ... всегда... Я хочу васъ видѣть... когда выйду замужъ.

— О! я не вынесу этого! кричалъ Нарѣжный. — Видѣть тебя женою своего врага... отнятою у меня... Нѣтъ, лучше умереть одинъ разъ!..

— Не сумасбродствуйте! Богъ дастъ, все окончится лучше, чѣмъ вы ожидаете... Можетъ быть, мы будемъ еще счастливы... тѣмъ-же смущеннымъ шепотомъ остановила его Лида, — вы ребенокъ... вы всегда дѣлаете глупости... Слушайте лучше меня...

— Скажи-же мнѣ хоть одно слово въ утѣшеніе, Лида, и я удаюсь съ покорностью, говорилъ Нарѣжный. — Скажи, что ты любишь меня... Мнѣ и этого будетъ довольно на всю жизнь... Но уѣхать отъ тебя и не знать даже этого... о, это выше моихъ силъ!..

— Да... я люблю васъ, еще тише произнесла Лида, вся покраснѣвъ и опустивъ голову. — Прощайте! мнѣ нельзя... я не могу больше...

Нарѣжный напрасно силился удержать ее.

— Одинъ, только одинъ поцѣлуй на прощанье! умолялъ онъ. Лида съ пугливой быстротой поцѣловала его въ губы и, задержавъ вуаль, бросилась назадъ къ двери.

— Я буду писать тебѣ Лида... Дай мнѣ хоть эту отраду! просилъ Нарѣжный, слѣдуя за нею, и все еще не выпуская ея руки.

— Хорошо, пишите... На имя вашего товарища... Онъ передастъ мнѣ...

Она, не оглядываясь, отворила дверь и пошла, не подымая головы, къ санкамъ Суровцова.

Они доѣхали молча до льдовъ.

— Анатолий Николаевичъ! по-французски сказала Лида, когда санки осторожно спускались съ берега.— Вы осуждаете меня? Вы, вѣроятно, подозреваете меня въ чемъ-нибудь очень дурномъ? Отчего вы не спросили меня, куда и для чего вы меня провожали?

— Вы просили моей услуги, и я исполнилъ вашу просьбу, отвѣчалъ Суровцовъ.— Остальное касается не меня, а васъ.

— Я пріѣзжала проститься съ Нарѣжнимъ, сказала Лида.— Вы знаете, что его выслали отсюда отчасти изъ за-меня. Я не могла отказать ему въ этомъ. Находите вы, что это очень дурно, непростительно съ моей стороны?..

— Это вамъ лучше знать, Лидія Николаевна, отвѣчалъ Суровцовъ;— въ дѣлахъ сердца непростительно одно: ложь передъ самимъ собою. Берегитесь этой лжи: она гораздо губительнѣе, чѣмъ нарушенное слово... Все равно, вы очутитесь тамъ, не нынче—завтра. Обмануть можно людей, но не себя... Лучше-же сдѣлать этотъ шагъ, пока есть время, пока его можно сдѣлать честно и безвредно для всѣхъ...

— Теперь поздно, я уже невѣста... горько шептала Лида.

— Теперь не поздно, твердо настаивалъ Суровцовъ.— Скажите мнѣ слово—и мы опять будемъ у галереи, и вы условитесь обо всемъ. Разсчитывайте на меня. Я исполнѣ въ вашемъ распоряженіи. Если вамъ нужно уѣхать, я все устрою... Я желалъ-бы спасти васъ отъ непоправимой ошибки. Какимъ-бы ни были житейскія условія вашей любви, они во всякомъ случаѣ будутъ легче добровольнаго самоубійства, на которое вы рѣшились такъ необдуманно... Вы не знаете жизни, не знаете своего собственного сердца, Лидія Николаевна; оно ужасно отомститъ вамъ, помните это...

— Я ничего не могу; у меня нѣтъ характера, у меня нѣтъ воли! я испорченная, избалованная дѣвчонка. У меня не достанетъ духу сдѣлать то, что мнѣ-бы хотѣлось теперь... Не говорите мнѣ объ этомъ, не трогайте меня... Я должна отдаться воли, произнесла сквозь слезы Лида.

— Одна минута, и мы-бы были у галереи, съ улыбкой ободренія сказалъ Суровцовъ, въ первый разъ оглядываясь на Лиду.— Спросите у своего сердца и отвѣчайте,—куда намъ ѣхать?..

Лида молчала въ глубокомъ волненіи, полная самыхъ разнообразныхъ чувствъ.

— Смотрите, еще есть время... не повернуть-ли?..

— Нѣтъ, ужъ видно мнѣ судьба! безнадежно прошептала Лида. — Я не могу... не въ моихъ силахъ...

— Куда-же? еще разъ повторилъ Суровцовъ, приостанавливая на всякій случай кучера.

— Туда, въ городъ... домой!.. чуть слышно произнесла Лида и быстро закрылась своей муфтой...

Евгеній Марковъ.

(Продолженіе будетъ.)

ГОРЕ ПАШИ.

(Les orientales, par V. Hugo.)

— Что мучить тѣнь Аллы? шепталъ дервишь смиренный. —
Казна твоя полна, а жертвы малоцѣнны.
Ты сталь суровъ и скупъ. Твой рѣзкій смѣхъ угрюмъ.
Не иззубрилъ-ли ты отцовской сабли въ схваткѣ?
Иль разбудилъ тебя, дремавшаго въ палаткѣ,
Полковъ мятежныхъ шумъ?*

— Что сдѣлалось съ пашой?—твердили бомбардиры,
Готова фитили предъ битвой у мортиры.—
Имамы-ль этотъ мозгъ желѣзный потрясли?
Иль рамазана постъ нарушенъ имъ священнѣй?
Иль видѣлъ онъ во снѣ, какъ на краю вселенной
Всталъ ангель Азраиль съ мечомъ изъ нѣдръ земли?

— Что съ нимъ?—въ своемъ кругу судили ичогланы *). —
Корабль-ли утонулъ, гдѣ были талисманы,
Способные его помолодить опять?
Въ Стамбуль-ль признали его отжившей славой?
Иль былъ запуганъ онъ цыганкою лужавой
И сталь за жизнь дрожать?

— Чѣмъ нашъ султанъ смущенъ? шептались тайно жены. —
Не сына-ль онъ засталъ въ тѣни чинаръ зеленыхъ
Съ своей любимицей румяною въ потьмахъ?
Не въ ванну-ль травъ ему душистыхъ не достали?
Иль нѣсколькихъ головъ, ожидаемыхъ въ сералѣ,
Доставить не успѣлъ прибывшій къ намъ феллахъ?

— Что грустенъ господинъ? твердятъ рабы въ смущении.
Увы! ошиблись всѣ. Какъ послѣ пораженья,

*) Турецкіе пашы.

Униженный герой, забывъ на свѣтѣ все,
 Подобно старику, согбенному годами,
 Три ночи онъ сидитъ, три дня сидитъ, руками
 Закрывъ свое лицо.

Не бунтъ его солдатъ, которые посмѣли
 Брать приступомъ сераль, подобно цитадели,
 И чуть во время сна пашу не подожгли;
 Не мечъ его отцовъ, сломившійся въ сраженьи;
 Не Азраила тѣнь; не мрачныя видѣнья
 Съ шнурками черными въ немъ душу потрясли.

Увы! Аллаха тѣнь постовъ не нарушала;
 Есть у султанши стражъ, а сынъ—ребенокъ малый;
 Всѣ корабли его спаслись отъ бурь и бѣдъ;
 Исправно прибылъ грузъ феллаховъ неопратныхъ
 И въ головахъ людскихъ и въ травахъ ароматныхъ
 Здѣсь недостатка нѣтъ.

Оплакиваетъ онъ не городовъ руины,
 Не трупами людей покрытыя долины,
 Не звѣрства мусульманъ, не Греціи пожаръ,
 Не стонъ сиротъ и вдовъ, исполненный мольбами,
 Не видъ задушенныхъ дѣтей предъ матерями,
 Не торгъ невинностью, попавшей на базаръ.

Нѣтъ! не прошли предъ нимъ подобныя видѣнья,
 Разливъ кровавый свѣтъ въ его воображеньи
 И пробудивъ въ душѣ угрюмый рой тревогъ...
 Паша, готовясь въ бой, сидитъ, тоской томимый,
 Какъ женщина, въ слезахъ... на-дняхъ его любимый
 Нубійскій тигръ издохъ!

А. М.

РАЗВИТІЕ ПЕРВОБЫТНОЙ КУЛЬТУРЫ.

VII.

ПОЛИТЕИЗМЪ.

Дальнѣйшее развитіе культуры сопровождалось тѣмъ, что чело-
вѣческій умъ видимо началъ выходить изъ состоянія первобытной
тупости и апатіи; если не многіе, то, по крайней мѣрѣ, болѣе да-
ровитые люди начинали волноваться серьезными вопросами отно-
сительно смысла окружающихъ явленій. Къ разряду такихъ людей
слѣдуетъ отнести, конечно, и того вафра, который говорилъ од-
ному англійскому миссіонеру: „мнѣ нужны твои наставленія; еще
когда я не зналъ тебя, я уже задумывался надъ этимъ. Двѣнад-
цать лѣтъ назадъ я пасъ въ полѣ стадо. Погода была пасмурная.
Я сидѣлъ на скалѣ и спрашивалъ себя съ печалью, — съ печалью,
потому что не могъ отвѣтить на свои вопросы. Я спрашивалъ
себя: кто тамъ поставилъ звѣзды? На чемъ держатся онѣ? Воды
неустанно текутъ и текутъ непрерывно съ утра до ночи и съ
ночи до утра; но гдѣ-же онѣ останавливаются и кто движеть
ими? Облака тоже приходятъ и уходятъ и сыплютъ дождемъ на
землю. Откуда приходятъ они и кто посылаетъ ихъ? Не колдуны-
же даютъ намъ дождь; какъ-бы они могли дѣлать это и почему
я никогда не вижу своими глазами, какъ они поднимаются за
дождемъ на небо? Я не могу видѣть вѣтра, но что онъ такое?
Кто приноситъ его, заставляетъ дуть и шумѣть и пугать насъ?
Какъ растетъ хлѣбъ? Вчера на моемъ полѣ не было ничего, кромѣ
зерна, а сегодня я вернулся на него и нашелъ уже кое-что. Кто
даетъ землѣ умъ и силу производить растенія? Такъ съ печалью

спрашивалъ я себя и закрылъ лицо своими руками“. Отвѣтомъ на всѣ подобныя вопросы является теорія духовъ,—все дѣлаютъ духи, которыми наполнены и воздухъ, и земля, и воды, и планеты, горы и лѣса. На этой ступени культурнаго развитія характеръ первобытнаго фетишизма мѣняется. Каждый предметъ природы, каждое естественное явленіе, каждое искусственное произведеніе имѣютъ своего духа-хозяина, который, однакожь, не связанъ съ ними неразлучно, когда хочетъ, покидаетъ ихъ, а въ случаѣ ихъ уничтоженія, перебирается въ другое жилище. Очень часто эти фетиши имѣютъ самую странную форму. У дикихъ племенъ Бразиліи, напр., однимъ изъ самыхъ сильныхъ фетишей была тыквенная бутылка, наполненная камнями, съ отверстіемъ для рта и рукояткой; она считалась вмѣстилищемъ духа, который говорилъ изъ нея, когда ее приводили въ движеніе; поэтому индѣйцы, поставивъ ее передъ собою, обращались къ ней съ рѣчами, периодически устраивали въ честь ея празднества и даже шли на войну, если духъ бутылки требовалъ человѣческой жертвы. У сѣвероамериканскихъ индѣйцевъ каждый человѣкъ имѣетъ своего личнаго фетиша-покровителя, или, какъ выражаются индѣйцы, свое *лекарство*, которое обыкновенно является молодымъ людямъ во снѣ и служить также пріютомъ духа. Такимъ лекарствомъ можетъ быть цѣлое животное или часть его, кожа, зубъ, перо, или неодушевленный предметъ, раковина, ножикъ, трубка. Это лекарство юноша долженъ достать себѣ, никогда не разставаться съ нимъ, почитать находящагося въ немъ духа, дѣлать въ честь его праздники, приносить ему въ жертву собакъ и лошадей и даже брать съ собою въ могилу, чтобы онъ помогъ ему пробраться въ загробную страну счастливой охоты. Подобныя вѣрованія встрѣчаются у всѣхъ дикихъ народовъ и упорно держатся въ жизни даже съ переходомъ къ высшей культурѣ. Одно австралійское племя думаетъ, что душа перваго врага, убитаго воиномъ, входитъ въ его тѣло, поселяется около печени и предостерегаетъ его о близкой опасности посредствомъ особеннаго царапанья и щемленія. Каждый арауканецъ тоже имѣетъ подобнаго духа и при каждой удачѣ повторяетъ обыкновенно поговорку: „мой духъ-хранитель все еще со мной“. Между арійскими народами Европы, какъ въ древней Греціи, такъ и въ Римѣ, мы встрѣчаемъ тѣ-же понятія о духахъ-хранителяхъ, какъ и у австралійцевъ, американцевъ, азіатцевъ, — понятія, которыя

впослѣдствіи были украшены философскимъ краснорѣчіемъ и измѣнились сообразно съ нравами цивилизованной жизни. Менандръ, напр., называетъ добраго генія своимъ руководителемъ въ таинствахъ этой жизни. Ученіе это было принято и Платономъ и типическимъ примѣромъ его можетъ служить духъ, котораго Сократъ чувствовалъ внутри себя и который удерживалъ его отъ зла. Ученіе это осталось и въ новѣйшей Европѣ. „Каждому человѣку, говоритъ, напр., Сведенборгъ, — сопутствуетъ дружественный духъ; безъ его помощи человѣкъ не былъ-бы въ состояніи мыслить рационально, аналитически и духовно“... Отсюда только одинъ шагъ до спиритизма и его новѣйшихъ духовъ.

Съ развитіемъ общественной жизни, съ превращеніемъ семей въ роды и племена, кромѣ личныхъ и семейныхъ духовъ-покровителей являются родовые. Всѣ дикіе народы на извѣстной культурной ступени, подобно бурятамъ Сибири и индѣйцамъ Америки, поклоняются разнымъ видамъ животныхъ, орламъ, лебедямъ, змѣямъ, крокодиламъ и т. д., какъ вмѣстилищамъ ихъ родовыхъ божествъ. Съ другой стороны, по мѣрѣ развитія общихъ понятій, кромѣ легионовъ духовъ, живущихъ въ безчисленныхъ предметахъ природы и проявляющихся въ ея разнообразныхъ явленіяхъ, появляются общія божества, богъ огня, богъ моря, богъ дождей, богъ лѣсовъ и т. д. У большинства политеистовъ вѣтры, напр., особенно четыре вѣтра четырехъ странъ свѣта, превращаются въ личныхъ боговъ и въ то-же время есть нѣкоторое божество съ болѣе обширною властью, богъ вѣтровъ или богъ бури. Точно такимъ-же образомъ богъ *Море* превращается въ *бога* морей, какимъ мы видимъ его, напр., въ гомеровскомъ Посейдонѣ, колебатель земли, который держитъ своихъ коней въ пещерахъ эгейскихъ пучинъ, запрягаетъ золотогривыхъ скакуновъ въ свою колесницу и мчится черезъ разступающіяся передъ нимъ волны, а подвластные ему морскіе звѣри сбѣгаются толпами привѣтствовать своего повелителя. Огонь превращается въ бога огня, какимъ мы видимъ его у народовъ Азіи и Мексики. Въ послѣдней онъ назывался Господиномъ огня и старымъ богомъ; ему воздавались большія почести, такъ-какъ онъ давалъ тепло, пекъ хлѣбъ, жарилъ мясо; за каждою ѣдой первый кусокъ и первое воздѣіаніе бросались въ огонь и въ честь бога его ежедневно сожигались благовонія. У ассиріянь, халдеевъ и финикіянь воздвигались огненные столбы и храмы,

гдѣ не было никакого изображенія, кромѣ вѣчнаго огня, горѣвшаго на очагѣ Молоха, которому поклонники его приносили въ жертву даже дѣтей своихъ. Громъ, землетрясеніе, звѣзды, луна, солнце тоже превращались въ личныхъ, очеловѣченныхъ боговъ, и по мѣрѣ того, какъ осложнялись и развивались у людей общественныя отношенія, всѣ упомянутыя божества составляли изъ себя іерархію по образцу земной; надъ безчисленными легіонами духовъ являлись духи-повелители, выше которыхъ стояли другія божества, подчинявшіяся, въ свою очередь, главнымъ великимъ богамъ, представителями и первообразами которыхъ на землѣ служили мощныя владыки народовъ, вродѣ монгольскихъ хановъ или императоровъ Китая, Перу и Мексики. Въ двухъ послѣднихъ странахъ верховнымъ божествомъ былъ богъ солнца, въ честь котораго каждое утро при солнечномъ восходѣ во всѣхъ храмахъ гремѣли трубы, жглись благовонія, приносилось въ жертву нѣсколько капель крови изъ ушей жрецовъ, а въ важныхъ случаяхъ на алтаряхъ этого бога рѣзали массы людей въ жертву ему. Но въ Старомъ Свѣтѣ поклоненіе солнечному богу никогда не доходило до такихъ размѣровъ и во главѣ божественной іерархіи логически являлись всюду небо и земля.

Такимъ образомъ, съ развитіемъ общихъ понятій и съ усиленіемъ человѣческаго мышленія возникали высшія божества политеизма. Человѣческая мысль достигла уже извѣстной возможности сомнѣваться въ тѣхъ понятіяхъ, которыя человѣкъ принимаетъ на вѣру отъ другихъ. Интересный экземпляръ такого скептика представляетъ собою перуанскій инка Тупакъ-Юпанки, который говорилъ: „многіе утверждаютъ, что Солнце — живое существо и что оно создало всѣ вещи. Но когда кто создаетъ что-нибудь, то онъ находится при той вещи, которую создаетъ, между тѣмъ многія вещи возникаютъ, когда Солнца нѣтъ. А что оно не живое существо, это можно понять изъ того, что оно не утомляется своимъ постояннымъ ходомъ. Если-бы оно было живымъ, то утомлялось-бы, подобно намъ, и если-бы оно было свободнымъ, то посѣщало-бы и тѣ части неба, на которыхъ оно никогда не бываетъ. Оно похоже на предметъ, привязанный веревкою, который постоянно описываетъ одинъ и тотъ-же кругъ, или на стрѣлу, летящую туда, куда ее пустятъ, а не туда, куда она сама захотѣла-бы летѣть“. Другой инка послѣ подобной-же бесѣды съ жрецомъ сказалъ ему: „говорю

тебѣ, что надъ этимъ нашимъ отцомъ Солнцемъ долженъ быть болѣе сильный и могущественный владыка, который повелѣваетъ ему ходить по тому пути, по которому оно ежедневно странствуетъ; вѣдь если-бы оно было высшимъ божествомъ, то не ходило-бы вѣчно по одной и той-же дорогѣ и по временамъ отдыхало-бы, когда захочется“. Путемъ подобныхъ размысленій понятіе о верховномъ божествѣ постепенно очищается отъ тѣхъ грубыхъ чертъ, которыя мы постоянно встрѣчаемъ въ божествахъ первичныхъ формацій. Начатки представленій объ одномъ божествѣ, возвышающемся во всѣхъ отношеніяхъ надъ массаи остальныхъ божествъ, мы встрѣчаемъ у многихъ дикихъ народовъ, напр., у индѣйцевъ Америки, поклоняющихся Великому Духу, который вездѣ обитаетъ и все оживляетъ собою, проявляется въ скалахъ и деревьяхъ, въ водѣ и облакахъ, въ растеніяхъ и животныхъ. Жители Массачузетса говорятъ, что верховный духъ сотворилъ всѣхъ другихъ боговъ, что онъ живетъ надъ небомъ, далеко на западѣ, и къ нему отправляются послѣ смерти всѣ добрые люди; никто изъ людей не видалъ его, но вѣрованіе въ него передается отъ поколѣнія къ поколѣнію. Въ религіи мексиканцевъ мы встрѣчаемъ Свѣтлое Зеркало, божество, которое было сначала солнцемъ, но потомъ, вслѣдствіе расширенія понятій, превратилось въ Душу Мира, сотворившую небо и землю, повелѣвающую всѣмъ на свѣтѣ, въ верховное божество. На островахъ Тихаго океана мы встрѣчаемъ вѣрованіе въ высшаго бога Таароа, вѣчнаго, несотвореннаго творца, живущаго въ высшихъ небесахъ, котораго люди видѣть не могутъ и который, послѣ промежутковъ въ безчисленные періоды лѣтъ, обновляется, сбрасывая свою внѣшнюю оболочку. У негровъ Золотого Берега выше неба возсѣдаетъ Ніонино, творецъ всѣхъ вещей, живущій въ величественномъ покоѣ, вмѣстѣ съ своими дѣтьми и служебными божествами, которыя исполняютъ его волю на землѣ. Этотъ процессъ мифическаго отвлеченія до метафизической ступени совершается одновременно съ развитіемъ государствъ и осложненіемъ общественныхъ отношеній, которыя и отражаются на порядкахъ небснаго пантеона. „Языческое ученіе іорубовъ, говоритъ одинъ путешественникъ, — составлено на основаніи аналогіи съ формами и обычаями гражданскаго управленія. Народъ признаетъ одного короля въ странѣ и одного бога въ мірѣ. Просители достигаютъ до короля при помощи его слугъ,

царедворцевъ и сановниковъ, которыхъ они задабриваютъ лестными словами и подарками. Точно также ни одинъ человекъ не можетъ прямо обратиться къ ихъ высшему богу, который, по ихъ словамъ, самъ назначилъ разныхъ *орисовъ* посредниками между ними и людьми; самъ богъ въ жертвахъ не нуждается, но орисы, очень похожіе на людей, любятъ, чтобы имъ приносили въ жертву овецъ, голубей и другіе предметы. Тотъ-же самый процессъ мы видимъ въ Греціи, гдѣ Зевсъ былъ царемъ олимпійскихъ боговъ, а еще ниже ихъ стояли цѣлыя толпы полубоговъ, героев, демоновъ, нимфъ, наядъ и т. д. Смотря по степени общественнаго развитія и по роду той жизни, какую ведетъ извѣстный народъ, разнообразится и устройство его олимпа, состоящаго подъ властью главнаго бога. У народовъ пастушескихъ въ ряду второстепенныхъ божествъ одно изъ главныхъ мѣсть занимаетъ богъ скотоводства; съ развитіемъ земледѣлія появляется богиня или богъ земледѣлія; у народовъ воинственныхъ войною на олимпѣ завѣдуетъ божественный военный министръ, въ роль котораго иногда возводится какой-нибудь дѣйствительный умершій военачальникъ или даже настоящій министръ, какъ, напр., въ Китаѣ. У монголовъ, покорившихъ міръ, былъ даже не одинъ богъ войны, а три, — военный министръ и генеральный штабъ, — богъ храбрости, богъ-воитель и богъ побѣды. Великій богъ войны у ирокезовъ часто требовалъ себѣ человѣческихъ жертвъ; чтобы доставить ему удовольствіе, они мучили и пытали плѣнниковъ; къ нему обращался военачальникъ во время военныхъ совѣтовъ, и, призывая его имя, воины бросались въ бой, за которымъ онъ слѣдилъ съ высоты. Въ Полинезійи страшное изображеніе бога войны, покрытое красными перьями, съ зубами акулы во рту, съ глазами изъ перламутра и съ пучкомъ человѣческихъ волосъ на шлемѣ, вносилось въ ряды сражающихся особымъ жрецомъ, который искажалъ свое лицо страшными судорогами и издавалъ ужасающіе вопли, принимавшіеся за голосъ самого бога. Съ появленіемъ начатковъ болѣе высокой культуры появляются богъ поэзіи, богъ торговли, богъ правосудія. Развитіе идеи послѣдняго божества мы можемъ прослѣдить въ греческой исторіи. Въ древнѣйшій періодъ ея цари-судьи, бывшіе прототипомъ Зевса, считались вдохновляемыми свыше при произнесеніи своихъ справедливыхъ и мудрыхъ приговоровъ. Духи, внушавшіе имъ эти приговоры, назывались *де-*

мистами и съ теченіемъ времени представленія о нихъ слились въ образѣ одной личности, богини Фемиды, помощницы Зевса, завѣдующей правосудіемъ.

Монотеизмъ или признаніе единого Духа есть достояніе высшей культуры, хотя дуалистическая форма остается въ прежней силѣ и духу добра обыкновенно противопоставляется духъ зла. Слабые начатки этого дуализма встрѣчаются и въ совершенно дикой жизни, но въ ней, при самомъ низкомъ уровнѣ понятій, принципъ раздѣленія духовъ на два враждебныхъ лагеря служатъ не нравственные мотивы, не добродѣтели и пороки въ современномъ значеніи этихъ словъ. О такомъ принципѣ дѣленія не можетъ быть и рѣчи тамъ, гдѣ дикарь, спрошенный европейцемъ, какіе поступки онъ считаетъ хорошими и какіе худыми, отвѣчаетъ, какъ это сдѣлалъ одинъ бушмень, — „хорошо воровать чужихъ женъ, но худо, если у тебя у самого украдутъ жену“. На этой ступени умственного развитія человѣка боги нисколько не лучше и не хуже людей. Боги фиджійцевъ горды и мстительны, они воюютъ между собой, убиваютъ и ѣдятъ другъ друга, хвастаются такими именами, какъ *прелюбодѣй, женокрадъ, мозгопѣдъ, убійца*. Въ греческой мифологіи Ахиллъ думаетъ о мести и радуется избіенію враговъ своихъ, Марсъ называется челоуѣкоубійцей и запятнаннымъ кровью, Зевсъ ведетъ себя какъ Донъ-Жуанъ, другіе боги обманываютъ другъ друга и людей, интригуютъ между собой, ссорятся, ругаются и т. д. Камчадалы говорятъ, что главное божество ихъ, Кутха, очень глупъ, и даже подсмѣиваются надъ нимъ. Такимъ образомъ, этотъ міръ духовъ и боговъ не представляется ни поборникомъ добродѣтели, ни подстрекателемъ въ пороку, и то или другое дѣйствіе духовъ опѣнивается людьми лишь съ точки зрѣнія ихъ личнаго интереса, причемъ одинъ и тотъ-же духъ при однихъ условіяхъ можетъ быть полезенъ челоуѣку, при другихъ вреденъ ему, подобно славянскому Домовому, который, будучи покровителемъ своего потомства, начинаетъ, однакожь, буйствовать и самодурить, коль-скоро ему не оказываютъ надлежащаго почтенія. Но и на этой ступени развитія замѣтны уже начатки дѣленія духовъ на добрыхъ и злыхъ. У патагонцевъ, напр., всѣ колдуны превращаются послѣ смерти въ злыхъ демоновъ. Въ Китаѣ и Индіи души людей, оставленныхъ безъ погребенія, умершихъ отъ чумы или насильственной смертью, дѣ-

лаются тоже злыми и мстительными духами, въ числѣ которыхъ, между прочимъ, находится въ одномъ округѣ демоническая душа какого-то жестокаго англійскаго офицера. Въ Индіи даже практикуется добровольная фабрикація демоновъ; одинъ браминъ, напр., на полѣ котораго раджа построилъ домъ, убилъ себя для того, чтобы отмстить ему, сдѣлался демономъ, который былъ ужасомъ всей страны и однимъ изъ популярнѣйшихъ сельскихъ божествъ ея. Наши вотяки еще недавно мстили врагамъ своимъ тѣмъ, что вѣшались у нихъ на воротахъ съ цѣлью навлечь на нихъ полицейское дознаніе и даже судъ; но это было, очевидно, пережившею формою того довольно распространеннаго у дикарей способа мщенія, который поясняется вышеприведеннымъ примѣромъ брамина. Такимъ образомъ, души злыхъ или несчастныхъ людей, тирановъ и утопленниковъ, колдуновъ и страдавшихъ при жизни какими-нибудь тяжкими болѣзнями и т. д. превращаются послѣ смерти въ злыхъ, вредныхъ духовъ, между тѣмъ какъ души людей, отличавшихся при жизни добротою или какими-нибудь общепольными дѣлами, если послѣ смерти своей и наносятъ людямъ какой-нибудь вредъ и безпокойство, напр. вслѣдствіе скудости приносимыхъ имъ жертвъ, все-таки остаются въ сущности добрыми. Точно такимъ-же образомъ начинаютъ раздѣляться обоготворенные предметы и явленія природы; всюду разливающее жизнь солнце почти у всѣхъ народовъ является божествомъ добрымъ, равно какъ и небо, а мертвящая зима — божествомъ злымъ. По мѣрѣ того, какъ это раздѣленіе усиливается, въ мірѣ злыхъ духовъ водворяется такая-же іерархія, о которой мы говорили выше, и съ утвержденіемъ единовластія на олимпѣ міръ злыхъ демоновъ подчиняется верховному духу зла. У алгонкиновъ, напр., мы видимъ Великаго духа и Злого духа, повелѣвающихъ толпами духовъ, которые наполняютъ собою вселенную и борются за владѣтельство надъ нею. Боги эти имѣютъ спеціальную связь — одинъ съ тепломъ и свѣтомъ, другой съ холодомъ и мракомъ. Верховный богъ готтентотовъ никогда не дѣлаетъ имъ зла, между тѣмъ какъ злое божество, покрытое шерстью, съ лошадиною головою и ногами, дѣлаетъ только то, что вредитъ людямъ, и его можно на время усмирить только хорошими жертвами. Черный богъ тунгузовъ живетъ въ отдаленныхъ, непроходимыхъ тайгахъ на сѣверѣ, у него огромные огненные глаза на выкатѣ, плоскій носъ, чудо-

вицная голова; его черные волосы на головѣ и бородѣ — все равно, что тайга послѣ бури; онъ ходитъ въ черномъ тунгузскомъ платьѣ и принимаетъ разные виды на пагубу человѣка: то обернется оленемъ, то приметъ видъ медвѣдя или сохатаго. Этотъ богъ страшно кровожаденъ, но не всякій сатана таковъ; у камчадаловъ, напр., главный изъ злыхъ боговъ, Канна, только мазурикъ, хитрецъ и продвунной обманщикъ.

Такимъ образомъ, развиваясь далѣе и далѣе, этотъ первобытный дуализмъ выражается, наконецъ, вполне рѣзко въ такихъ культурныхъ религіяхъ, какъ Зороастрова, основной идеей которой служитъ борьба между добромъ и зломъ, — борьба, представляемая въ контрастѣ свѣта и тьмы и олицетворенная въ божественныхъ личностяхъ Ормузда и Аримана. Первое и главное желаніе послѣдователей Зороастра выражается въ молитвенномъ восклицаніи: „да будетъ сокрушенъ Ариманъ, да возвеличится Ормуздъ!“ Какъ на странное исключеніе, укажемъ здѣсь на секту изедовъ, которые, отдѣлившись отъ вѣры Зороастра и признавая существованіе верховнаго бога, главное почитаніе воздаютъ, однакожь, духу зла, который, по ихъ вѣрованію, современемъ сдѣлается еще болѣе могущественнымъ, чѣмъ теперь. „Неужели-же, говорятъ они, — духъ зла забудетъ тогда бѣдныхъ изедовъ, которые одни никогда не говорили дурно о немъ и такъ много терпѣли за него гоненій?“ Кромѣ этого, исключительнаго поклоненія духу зла, въ нѣкоторыхъ религіяхъ мы видимъ если не преобладаніе культа злымъ богамъ надъ поклоненіемъ добрымъ, то, по крайней мѣрѣ, равное значеніе обоихъ культовъ. Чѣмъ грознѣе природа страны, чѣмъ болѣе подавляетъ она человѣка, тѣмъ болѣе создаетъ онъ злыхъ божествъ, тѣмъ въ болѣе ужасныхъ формахъ представляются они его воображенію, тѣмъ усерднѣе онъ поклоняется имъ. Припомнимъ контрастъ въ этомъ отношеніи, отмѣченный Боклемъ, между Индіей и Греціей.

Всѣ упомянутые нами боги и духи существуютъ главнымъ образомъ для живыхъ, но уже въ то время, какъ начала возникать божественная іерархія, человѣкъ, не переставая поклоняться душамъ умершихъ людей, естественно пришелъ къ мысли о богѣ, который долженъ управлять страню умершихъ душъ. У многихъ народовъ, какъ мы уже видѣли раньше, существуетъ вѣрованіе, что души послѣ смерти тѣла отправляются въ страну, изъ кото-

рой пришелъ народъ и въ которой покоятся ихъ праотцы; такимъ образомъ богомъ умершихъ дѣлается прародитель или первый человѣкъ. Въ ту эпоху, когда будущая жизнь представляется только продолженіемъ настоящей и когда нравственные понятія существуютъ только въ зачаточной формѣ, не можетъ быть и мысли о загробныхъ наградахъ и наказаніяхъ. Въ этотъ періодъ культурнаго развитія многіе народы, представляя себѣ загробный міръ вполне сходнымъ съ земнымъ, думаютъ, однакожь, что вообще онъ непривлекателенъ, какъ и самая смерть. У древнихъ финновъ страна мертвыхъ, Туонела, находится подъ землей и во всемъ похожа на нее; тамъ свѣтитъ свое солнце, тамъ есть и воды, и лѣса, и поля, и пашни, и луга, и долины, звѣри, рыбы, птицы, но всѣ предметы подземнаго міра мрачны и опасны, а духи, населяющіе его, и во главѣ ихъ Туони, злы и кровожадны. Жена Туони — старая женщина, съ кривчоватыми когтями и отвратительнымъ зобомъ; она угощаетъ приходящихъ къ ней змѣями и лягушками; не менѣе страшенъ и народъ *Туонелы*, т. е. души умершихъ. Первоначальное представленіе о загробныхъ воздаяніяхъ возникаетъ вслѣдъ за развитіемъ моральныхъ понятій, соотвѣтствующихъ условіямъ дикой жизни, напримѣръ, о священныхъ обязанностяхъ гостепріимства, о почтеніи къ старшимъ и т. д. Но сначала эти идеи о возмездіи въ будущей жизни сливаются съ представленіями о послѣдней, какъ о продолженіи настоящей. Превосходную иллюстрацію этого переходнаго состоянія мысли даетъ намъ мифологія минусинскихъ татаръ. По вѣрованію ихъ, въ подземномъ мірѣ господствуетъ девять ирлехановъ, изъ которыхъ одинъ считается ихъ атаманомъ. Этотъ подземный міръ имѣетъ нѣсколько отдѣленій; въ одномъ изъ нихъ сидятъ старухи и прядутъ ленъ; онѣ осуждены за то, что пряли на землѣ послѣ солнечнаго захода, хотя это и запрещено обычаемъ. Въ другомъ отдѣленіи тоже старухи; онѣ ничего не дѣлаютъ, а, по видимому, хотятъ что-то проглотить; на землѣ онѣ получали нитки для наматыванія на клубки, но дѣлали клубки пустыми внутри и воровали пряжу; за это онѣ осуждены глотать эти клубки, но такъ-какъ это невозможно, то клубки будутъ вѣчно сидѣть въ ихъ горлѣ. Сидяція въ третьемъ отдѣленіи молодыя женщины, съ камнями на рукахъ, клали камни въ масло, чтобы придать ему больше вѣса; за это онѣ вѣчно принуждены носить тяжелые

камни. Четвертое отдѣленіе наполнено мужчинами съ кольцами на шеѣ, на которыхъ висятъ огромныя деревья; это удавленники. Въ пятомъ отдѣленіи бѣгаютъ съ крикомъ и воемъ прострѣленные мужчины, вооруженные стрѣлами и луками; это самоубійцы, застрѣлившіеся изъ-за несогласія съ женами. Та-же бѣготня, тѣ-же крики и вопли въ шестомъ покоѣ, наполненномъ мужчинами, ранеными ножами; они зарѣзались въ пьяномъ видѣ. Въ седьмомъ отдѣленіи бѣгаютъ бѣшеная собака и укушенные ею люди, тоже бѣшеные и разсвирѣпѣвшіе; они страдаютъ за то, что были неосторожны и умерли отъ бѣшенныхъ собакъ. Въ восьмомъ отдѣленіи мужъ и жена лежатъ подъ одѣяломъ, которое хотя и сшито изъ девяти шкуръ, но покрываетъ только одну половину; эти супруги жили на землѣ несогласно и будутъ на томъ свѣтѣ вѣчно ссориться за одѣяло, которое при согласіи ихъ было-бы болѣе чѣмъ достаточно для обоихъ. Въ девятомъ отдѣленіи мужъ и жена лежатъ подъ одѣяломъ, сдѣланнымъ только изъ одной шкуры, и тѣмъ не менѣе обѣ половины покрыты; они служатъ примѣромъ, что и малымъ имѣніемъ будутъ довольны супруги, если только между ними миръ и согласіе. Въ другихъ частяхъ этого царства можно видѣть старуху, которая не перестаетъ переливать молоко изъ одной кружки въ другую; на землѣ она угощала своихъ гостей молокомъ, смѣшаннымъ съ водою, и за это будетъ вѣчно отдѣлять воду отъ молока. Немного дальше отъ нея на песчаной равнинѣ стоитъ привязанная лошадь, и хотя кругомъ нѣтъ ни воды, ни травы, но лошадь тучна и сильна; дальше, на зеленомъ и орошенномъ водою лугу, стоитъ другая, тощая и хилая лошадь; первая служитъ доказательствомъ того, что у предусмотрительнаго человѣка и на дурномъ пастбищѣ лошадь будетъ хороша, вторая-же—внушаетъ мысль, что животное будетъ дурно и на хорошемъ пастбищѣ, если за нимъ не смотрѣть. Въ одномъ мѣстѣ рѣка запружена половиною человѣческаго тѣла, между тѣмъ какъ въ другомъ нѣсколько цѣлыхъ тѣлъ не въ состояніи запрудить подобной-же рѣки. Эта половина тѣла не терпитъ наказанія: она принадлежитъ мудрому человѣку, который могъ запруживать рѣки и дѣлать все, что хотѣлъ; она лежитъ для напоминанія проходящимъ, что мудрый человѣкъ, даже лишившись своихъ членовъ, можетъ совершать великія дѣла своимъ разумомъ. Цѣлыя-же тѣла, которыя не въ состояніи запрудить рѣки, показываютъ,

что одною физическою силою, безъ ума, нельзя сдѣлать ничего замѣчательнаго.

Такимъ образомъ, въ первобытное представленіе о будущей жизни, какъ продолженіи настоящей, начинается мало-по-малу входить идея возмездія, и по мѣрѣ развитія нравственныхъ понятій, по мѣрѣ усиленія контраста между злыми и добрыми божествами, загробный міръ начинаетъ болѣе и болѣе раздвѣляться на двѣ разныя половины, которыя въ-концѣ-концовъ превращаются въ два противоположныхъ міра—въ свѣтлое царство правды и блаженства для добрыхъ и въ темное царство грѣха и страданій для злыхъ. Въ первомъ владычествуютъ добрые духи, во второмъ—злые. Во Флоридѣ поклонники солнца вѣровали, что тѣ, которые вѣрно служили солнцу и помогали бѣднымъ, послѣ смерти превращаются въ звѣзды и блаженствуютъ, злые-же послѣ смерти ведутъ жалкое существованіе среди горныхъ пропастей, гдѣ скрываются дикіе звѣри. У индѣйцевъ чоктаусовъ души умершихъ отправляются на западъ, гдѣ съ одной скалы на другую перекинута длинное, скользкое бревно безъ коры; хорошіе люди благополучно переходятъ по этому бревну въ свѣтлую, блаженную страну, дурные же низвергаются съ него въ пропасть и попадаютъ на-всегда въ страну мрачную, холодную и голодную. Этотъ узенькій мостикъ, который встрѣчается даже въ болѣе культурныхъ религіяхъ, не играетъ въ сущности никакой судебной роли, такъ-какъ благополучный переходъ черезъ него или паденіе въ пропасть являются какъ-бы естественными результатами земной жизни. Но съ полнымъ развитіемъ теоріи нравственнаго возмездія является божественный судъ надъ душами, результатомъ котораго служить присужденіе ихъ въ тотъ или другой міръ. Начиная съ этого періода религіознаго развитія, вся сущность вѣрованій и обрядовъ сводится къ тому, чтобы человѣку можно было послѣ смерти избавиться отъ тьмы и попасть въ царство свѣта, чтобы онъ могъ сказать о себѣ то-же, что говоритъ духъ праведнаго египтянина, представъ передъ лицо Озириса и сорока двухъ судей загробнаго міра: „о, владыки правды, дайте мнѣ познать васъ! Я не дѣлалъ намѣренно зла людямъ. Я не говорилъ лжи передъ судилищемъ правды. Я не заставлялъ земледѣльца исполнять болѣе положенной дневной работы. Я не клеветалъ на раба его господину. Я не убивалъ. Я не обманывалъ. Я не проводилъ

ложныхъ границъ на своихъ поляхъ. Я не оскорблялъ изображеній боговъ. Я не отрывалъ кусковъ отъ покрывалъ умершихъ. Я не прелюбодѣйствовалъ. Я не отнималъ молока отъ устъ младенцевъ. Я не охотился за дикими звѣрями на пастбищахъ. Я не вынималъ яицъ изъ гнѣздъ священныхъ птицъ. Я чистъ! Я чистъ! Я чистъ!“

VIII.

МЕТЕМПСИХОЗИСЪ И ПАНТЕИЗМЪ.

Очерченная нами культурная стадія, отличающаяся развитіемъ идеи личности и въ мірѣ боговъ, и въ людяхъ, какъ живыхъ, такъ и умершихъ, на низшихъ ступеняхъ культуры значительно сливается съ другой, противоположной системой, которая въ нѣкоторыхъ странахъ Азіи развилась до полной самостоятельности и нѣсколько разъ переходила, въ своемъ законченномъ видѣ, въ Европу, оставляя здѣсь болѣе или менѣе глубокіе слѣды и въ религиозныхъ вѣрованіяхъ, и въ философскихъ системахъ. Мы говоримъ о метемпсихозисѣ и пантеизмѣ.

„Есть много фактовъ, говоритъ Спенсеръ, — которые навязываютъ первобытному человѣку убѣжденіе, что вещи могутъ измѣняться не только со стороны составляющаго ихъ вещества, но и со стороны своей формы. Взглянемъ на громадную разницу и въ формѣ, и въ существѣ между сѣменемъ и растеніемъ. Поглядимъ на этотъ орѣхъ, съ его твердой, бурой корой и бѣлымъ ядромъ, и спросимъ себя: какое основаніе мы имѣемъ ожидать, что изъ него скоро выйдетъ бѣлый, сочный корешокъ, нѣжный ростокъ и зеленые листики? Когда мы были молоды, намъ сказали, что одно изъ нихъ *вырастаетъ* изъ другого; чистая бланковая форма объясненія была наполнена, и мы перестали удивляться и допытываться. Но стоитъ только на минуту задуматься о томъ, какая мысль должна была-бы возникнуть у насъ при этомъ, если-бы возлѣ насъ не было никого, кто-бы могъ дать это чисто-словесное рѣшеніе, чтобы увидѣть, что эта мысль была-бы — *превращеніе*. Голый фактъ, разсматриваемый независимо отъ всякой гипотезы, заключается здѣсь въ томъ, что вещь, имѣющая извѣстную форму, величину и цвѣтъ, становится вещью, имѣющею совер-

шенно отличную форму, величину и цвѣтъ. То-же самое нужно сказать и о яйцахъ птицы. Лишь нѣсколько дней тому назадъ это гнѣздо содержало въ себѣ четыре или пять круглыхъ, гладкихъ, пятнистыхъ шариковъ, а сегодня вмѣсто нихъ въ немъ находится столько-же маленькихъ птенчиковъ, широко развѣвающихъ клювы въ ожиданіи пищи. Въ насъ воспитали идею, что яйца были *высижены*, и мы удовольствовались этимъ подобіемъ объясненія, но для ума, ненаполненнаго подобными обобщеніями своего или чужого издѣлія, происхожденіе птенчиковъ изъ орѣховъ повязалось-бы ничуть не болѣе страннымъ, чѣмъ происхожденіе ихъ изъ яицъ, т. е. такой метаморфозъ, который мы считаемъ невозможнымъ, былъ-бы для него одинаково невозможенъ съ тѣмъ метаморфозомъ, который мы считаемъ естественнымъ, вслѣдствіе давнишняго и близкаго знакомства съ нимъ. Въ самомъ дѣлѣ, припомнимъ, что въ народѣ до сихъ поръ живетъ убѣжденіе, будто-бы морскія утки выводятся изъ раковинъ, называемыхъ *уткородками*. Мало того, въ старинныхъ „Трудахъ королевскаго общества“ существуетъ описаніе уткородки, изъ котораго видно, что будто-бы уткородка замѣтны слабыя слѣды молодой птицы, которая должна вылупиться изъ нея потомъ. Припомнимъ все это, мы увидимъ, что только наука, притомъ значительно подвинувшаяся впередъ, различила естественныя, органическія превращенія отъ другихъ, которыя кажутся невѣжеству столько-же вѣроятными, какъ и первыя. Морь насѣкомыхъ представляетъ много метаморфозъ, ведущихъ въ ложному заключенію даже еще въ большей мѣрѣ, чѣмъ предыдущія. Нѣсколько дней тому назадъ дикарь видѣлъ на вѣтви, осѣняющей входъ въ его шалашъ, гусеницу, подвѣшенную внизъ головою. Теперь на томъ-же самомъ мѣстѣ виситъ вещь совершенно отличная отъ нея и по формѣ, и по цвѣту — хризалида. Черезъ недѣлю или двѣ изъ этой хризалиды выходитъ бабочка, оставивъ послѣ себя лишь тонкій пустой футляръ. Эти метаморфозы насѣкомыхъ, какъ мы называемъ ихъ, которыя мы объясняемъ себѣ, какъ процессы *развитія*, въ глазахъ первобытнаго человѣка представляются настоящимъ *превращеніемъ* въ точномъ значеніи этого слова. Онъ принимаетъ ихъ, какъ дѣйствительный переходъ одной вещи въ другую, совершенно отличную отъ предыдущей. Поводовъ къ такому заключенію въ природѣ чрезвычайно много. Многіе гусени-

цы, жуки, моли и бабочки походятъ по наружности на тѣ предметы, которыми они обыкновенно бываютъ окружены. Одинъ жукъ, напримѣръ, такъ изумительно похожъ на кору того дерева, на которомъ онъ обыкновенно водится, что пока не придетъ въ движеніе, онъ бываетъ абсолютно невидимъ, такъ-что первое его движеніе невольно возбуждаетъ мысль, что это просто кусокъ коры внезапно ожилъ и задвигался. Одинъ долгоносикъ имѣетъ такую окраску и форму, что когда онъ свернется, то превращается въ буроватый шарикъ, который невозможно отличить отъ окружающихъ его голышей изъ земляныхъ комочковъ; когда-же онъ выйдетъ изъ своей неподвижности, то движеніе его имѣетъ такой видъ, какъ-будто внезапно ожилъ одинъ изъ камешковъ. *Насъкомья*—*трости*, когда они висятъ совершенно спокойно въ лѣсу, тоже невозможно отличить отъ древесныхъ сучковъ или вѣтвей“. Подобныхъ насъкомныхъ очень много и превращеніе ихъ еще болѣе убѣждаетъ дикаря въ томъ, что каждая вещь можетъ переходить въ другую. Дикарь видитъ во снѣ своего умершаго родственника, который набрасывается на него въ видѣ какого-нибудь свирѣпаго животного, и отсюда заключаетъ, что этотъ родственникъ дѣйствительно превратился въ это животное. Ликантропія, т. е. помѣшательство на томъ, что больной воображаетъ себя волкомъ или другимъ животнымъ, въ свою очередь поддерживаетъ ту-же идею оборотней и порождаетъ легенды, вродѣ извѣстнаго сказанія о Навуходоносорѣ, которыя пропагандируютъ въ потомствѣ эту вѣру въ превращенія. Какимъ недостаткомъ критическаго анализа отличается первобытный умъ при развитіи этой идеи въ подробностяхъ, можетъ показать примѣръ зулусовъ, которые на разспросы одного путешественника отвѣчали: „Змѣи, въ которыхъ обращаются люди, немного; онѣ отличаются отъ другихъ и хорошо извѣстны намъ. Если змѣя имѣетъ шрамъ на какой-нибудь сторонѣ, то тотъ изъ насъ, кто знавалъ какого-либо покойника изъ мѣстныхъ жителей, имѣвшаго подобный-же шрамъ, выходитъ впередъ и говоритъ: „это такой-то. Развѣ вы не видите шрама вотъ тутъ? Послѣ этого мы оставляемъ змѣю въ покоѣ и отправляемся спать“. Если мы припомнимъ первобытное вѣрованіе, что души умершихъ бродятъ около своихъ жилищъ и часто посѣщаютъ ихъ, то для насъ станетъ яснымъ заключеніе дикаря, что животныя, появляющіяся въ жилищахъ, ничто иное,

какъ души предковъ. Далѣе, души умершихъ живутъ около мѣстъ погребенія тѣлъ ихъ, на деревьяхъ, гдѣ покойники подвѣшиваются на нихъ. въ пещерахъ, если народъ хоронитъ мертвецовъ своихъ въ пещерахъ, около могилъ и кургановъ, — и вотъ тѣ животныя, которыя обыкновенно водятся въ этихъ мѣстахъ, птицы, нетопыри, совы, волки, лисицы, принимаются за воплощенія этихъ душъ.

Такимъ образомъ возникаетъ и развивается вѣрованіе, что души живыхъ и умершихъ людей превращаются въ животныхъ. Это повсюду распространенное вѣрованіе имѣетъ очень важное значеніе въ жизни народовъ, порождая множество суевѣрныхъ предразсудковъ. У народовъ Азіи чрезвычайно сильна вѣра въ превращеніе боговъ и людей въ тигровъ и львовъ, и вслѣдствіе этого нѣкоторыя племена не только не истребляютъ этихъ хищныхъ животныхъ, но даже мѣшаютъ европейцамъ убивать ихъ. Въ большинствѣ-же случаевъ люди, заподозрѣнные въ подобныхъ превращеніяхъ, преслѣдуются и истребляются. Такъ, напр., рассказываютъ слѣдующую исторію изъ жизни одного индусскаго племени. Человѣкъ по имени Мора видѣлъ, какъ тигръ умертвилъ жену его; онъ послѣдовалъ за этимъ тигромъ, который исчезъ изъ его глазъ передъ жилищемъ человѣка, называвшагося Пузой. Родственники Пузы заявили, что они давно уже замѣчаютъ за нимъ наклонность и способность превращаться въ тигра, и Мора убилъ его. Мѣстныя власти назначили слѣдствіе, и семейство убитаго показало, что Пуза однажды ночью съѣлъ цѣлую козу, причемъ рычалъ, какъ тигръ, а въ другой разъ говорилъ онъ своимъ друзьямъ о сильномъ желаніи съѣсть такого-то быка, и въ ту-же ночь этотъ быкъ былъ дѣйствительно задушенъ тигромъ. Есть цѣлыя племена, особенно въ Африкѣ, которыхъ сосѣдніе народы боятся, вѣруя, что они поголовно состоятъ изъ людей, способныхъ на такія превращенія. Эта вѣра въ обратную долго удерживается даже въ обществахъ высокой культуры, и въ Европѣ кровавыя преслѣдованія вѣдьмъ прекратились и остры, на которыхъ сожигали этихъ несчастныхъ, погасли только въ концѣ XVIII вѣка, а въ Мексикѣ послѣдняя вѣдьма была сожжена въ 1874 году.

Переселяясь въ животныхъ, даже въ растенія, души человѣческія переселяются и въ людей. Алгонкинскіе индѣйцы хоронятъ умершихъ дѣтей подлѣ дороги, чтобы ихъ души могли перейти въ

проходящихъ мимо матерей и, такимъ образомъ, родиться вновь. Негры Золотого Берега вѣрятъ, что души умершихъ способны снова оживать въ тѣлѣ новорожденныхъ, и для африканской матери, оплакивающей своего умершаго ребенка, большимъ утѣшеніемъ служатъ слова: „онъ придетъ опять“. Въ сѣверо-западной Америкѣ мы находимъ даже перенесеніе души знахаремъ, который, возлагая руки на грудь умирающаго или умершаго, затѣмъ кладетъ на голову его родственника и дуетъ черезъ нѣхъ; первый ребенокъ, родившійся у этого преемника отлетѣвшей души, одушевляется ею и получаетъ имя и положеніе покойника. Чаще всего предполагаютъ, что въ дѣтей переселяются души ихъ предковъ и родственниковъ, и въ глазахъ дикарей эта теорія поддерживается какъ частыми случаями наслѣдственности характера, такъ и рѣдкими, но поразительными случаями атавизма, т. е. появленія у ребенка какихъ-нибудь характеристическихъ признаковъ его болѣе или менѣе отдаленнаго предка. Къ этимъ случаямъ присоединяются еще другіе, которые могутъ имѣть цѣну только для слабого ума дикаря. На Ванкуверовомъ островѣ въ 1860 году одинъ юноша пользовался большимъ почетомъ у индѣйцевъ потому только, что имѣлъ на бедрѣ знакъ, похожій на шрамъ отъ огнестрѣльной раны, изъ чего заключили, что въ лицѣ его снова вернулся къ своимъ соплеменникамъ извѣстный вождь, умершій четыре поколѣнія назадъ и имѣвшій такую рану. Въ Гвинее ребенокъ, имѣющій рѣзкое физическое или нравственное сходство съ какимъ-нибудь умершимъ родственникомъ, по общему убѣжденію наслѣдуетъ его душу, а іорубы привѣтствуютъ новорожденное дитя словами: „ты вернулся“, и ищутъ на тѣлѣ его признаковъ, по которымъ-бы можно было узнать, душа какого предка возродилась въ немъ. Это вѣрованіе въ возрожденіе, подстрекавшее негровъ, находившихся въ рабствѣ вдали отъ родины, къ самоубійству, въ надеждѣ родиться вновь въ своемъ отечествѣ, развивается у нѣкоторыхъ низшихъ расъ въ опредѣленное ученіе о земномъ воскресеніи. На основаніи этого ученія многіе дикари, видя въ первый разъ бѣлыхъ людей, принимали ихъ за своихъ умершихъ родственниковъ, а одинъ австраліецъ, повѣщенный въ Мельбурнѣ, выразилъ передъ смертью отрадное убѣжденіе, что снова вернется на землю бѣлымъ человѣкомъ и будетъ имѣть множество шестипенсовыхъ монетъ.

Отъ идеи переселенія душъ умершихъ въ живыхъ людей, въ животныхъ, въ растенія недалеко уже было до мысли о воплощеніи боговъ въ людяхъ, тѣмъ болѣе, что на низшей ступени развитія божественные духи почти ничѣмъ не отличаются отъ душъ умершихъ. Въ Нувагивѣ души нѣкоторыхъ людей превращаются въ боговъ и нерѣдко возрождаются въ тѣлахъ новорожденныхъ дѣтей. Это вѣрованіе въ воплощеніе играетъ важную роль и въ жизни культурныхъ народовъ. По китайской легендѣ, напр., Фоги родился слѣдующимъ образомъ: три нимфы спустились съ неба, чтобы покупаться въ рѣкѣ. Едва онѣ вошли въ воду, какъ на одной изъ ихъ одеждъ появилось растеніе лотусъ съ своимъ плодомъ. Онѣ не знали, откуда взялось оно, и одна изъ нимфъ съѣла плодъ. Вслѣдствіе этого она сдѣлалась беременна и родила сына, который сдѣлался великимъ основателемъ религіи, военнымъ героемъ и законодателемъ. Въ Сіамѣ вѣрятъ, что Кодошъ родился подобнымъ-же образомъ. Одна дѣвица, подъ вліяніемъ таинственнаго наитія, покинула общество и поселилась въ лѣсномъ уединеніи. Однажды во время молитвы она сдѣлалась беременна отъ солнечнаго луча, родила сына и положила его на постель изъ листьевъ лотуса, которые сами открылись, чтобы принять новорожденного. Она была перенесена на небо, а мальчикъ, найденный и воспитанный пустыннокомъ, сдѣлался великимъ мудрецомъ и героемъ. Эта идея воплощенія вполне опредѣляется только съ развитіемъ нравственности и теоріи пантеизма. Види челоуѣкоподобную душу во всемъ, и въ растеніяхъ, и въ животныхъ, и въ людяхъ, въ водѣ и вѣтрѣ, въ свѣтѣ и мракѣ, челоуѣкъ мало-по-малу доходилъ до мысли, что все это различныя проявленія одной и той-же міровой души, которая есть высшее всеобъемлющее существо. „Есть по-истинѣ только одно божество, высшій духъ; онъ той-же природы, какъ и душа челоуѣка“, говоритъ буддійская теологія, утверждая, что душа есть только истеченіе всеобъемлющаго, безличнаго разума, а видимая природа—только тѣнь бога. Отъ веданзма произошелъ буддизмъ, самая распространенная изъ всѣхъ существующихъ религій; буддизмъ признаетъ только высшую Силу, которая проявляется въ матеріи и выдѣляется изъ себя душу челоуѣка, долженствующую снова исчезнуть въ ней. По мѣрѣ развитія нравственности различное проявленіе этой высшей силы, воплощеніе боговъ въ людяхъ и превра-

шеніе людей, съ одной стороны, въ боговъ, а съ другой — въ самыя презрѣнныя созданія, получаютъ нравственное значеніе. Даже у низшихъ расъ мы встрѣчаемъ это вѣрованіе въ переселеніе душъ соединеннымъ съ идеей нравственнаго возмездія, которое получаетъ вполне систематическій характеръ въ культурныхъ религіяхъ. Для индуса тѣло есть только временное жилище души, которая, „будучи заключена въ цѣпяхъ своихъ поступковъ и пожиная плоды прежнихъ дѣйствій“, то возвышается, то понижается въ длинной цѣпи воплощеній въ растенія, въ животныя, въ человѣка, въ божество. Всѣ божества, такимъ образомъ различаются между собою скорѣе по степени, чѣмъ по сущности, всѣ они родственны человѣку; эта корова, можетъ быть, была прежде его бабушкой, душа этой обезьяны можетъ воплотиться въ его будущемъ ребенкѣ, а тотъ червякъ путемъ безконечнаго ряда очищающихъ воплощеній можетъ превратиться въ божество. Души праведниковъ по смерти ихъ переходятъ въ болѣе высокія существа, души грѣшниковъ тѣмъ-же путемъ могутъ дойти до низшихъ ступеней творенія, понижаясь отъ боговъ и духовъ черезъ ряды святыхъ, аскетовъ, браминовъ, нимфъ, царей, министровъ, къ актерамъ, пьяницамъ, плясунамъ, мошенникамъ, слонамъ, лошадямъ, судрамъ, варварамъ, дикимъ звѣрямъ, червямъ, змѣямъ, насѣкомымъ и, наконецъ, неодушевленнымъ предметамъ. Но путемъ добродѣтелей для нихъ возможенъ и обратный процессъ. Искупивъ свое преступленіе въ адскихъ мукахъ, убійца брамина можетъ возродиться въ дикомъ животномъ или паріи, а обезчестившій прелюбодѣяніемъ своего духовнаго отца долженъ сто разъ возродиться въ видѣ травы, куста, пресмыкающагося, хищной птицы, дикаго звѣря и т. д. можетъ повышаться постепенно по лѣстницѣ твореній. Восходя по этой лѣстницѣ, души добродѣтельныхъ людей у буддистовъ возвышаются, наконецъ, на степень божества.

Таковы въ общихъ чертахъ пантеистическія системы браминизма и буддизма, посредствомъ которыхъ пантеизмъ распространился въ большей части Азіи, смѣшиваясь, впрочемъ, повсюду съ народными вѣрованіями и мифами. Но пантеизмъ не ограничивается только этими системами и слѣды его открываются въ религіи древнихъ египтянъ, у которыхъ было въ большой силѣ вѣрованіе въ переселеніе душъ. Въ Греціи представителями этого

ученія были великіе основатели философскихъ школъ. Платонъ думалъ, что души послѣ смерти тѣла избираютъ для себя жилищемъ формы, соотвѣтственныя качествамъ, пріобрѣтеннымъ ими въ ихъ земной жизни, начиная съ философа или влюбленнаго и кончая тиранами и узурпаторами; что души, переселяющіяся въ животныхъ, снова возвышаются до высшихъ стадій, смотря по жизни, какую онѣ вели; что легкомысленныя души переселяются въ птицъ, а невѣжественныя—въ устрицъ. Пифагоръ собственнымъ своимъ приѣздомъ убѣждался въ справедливости метемпсихозиса, такъ-какъ онъ узналъ въ одномъ храмѣ мѣсто, гдѣ висѣлъ щитъ, принадлежавшій ему въ то время, когда онъ былъ Евфорбомъ, котораго Менелай убилъ при осадѣ Трои. Позднѣе онъ былъ прорицателемъ Герматимомъ, котораго погребеніе было преждевременно отпраздновано, когда его душа лишь на время покинула тѣло; послѣ этого, рассказываетъ Лукіанъ, — его пророческая душа переселилась въ пѣтуха. Ученіе о переселеніи душъ было принято и еврейскими кабалистами, отъ которыхъ оно перешло въ нѣкоторымъ христіанскимъ сектантамъ, напр., манихеямъ. Центромъ новѣйшаго пантеизма была александрійская школа, отъ которой посредствомъ сарацинъ идеи эманации и поглощенія перешли въ Европу. Главнымъ представителемъ ихъ былъ Аверроэсъ, учившій, что индивидуальный разумъ есть эманация изъ всеобщаго и составляетъ то, что называется душой человѣка. Ученіе Аверроэса было чрезвычайно популярно въ средней Европѣ, а позднѣе идеи пантеизма получили широкое развитіе въ системахъ Бруно, Спинозы, Шопенгауера. Въ то-же время пантеизмъ приводилъ къ мысли о единствѣ силы и матеріи, объ ихъ неуничтожаемости, и новѣйшая наука наслѣдовала отъ него теорію развитія органической жизни въ непрерывномъ и послѣдовательномъ творествѣ природы отъ жизни растенія и до жизни человѣка.

IX.

М и ф ы.

Въ глазахъ первобытнаго человѣка всѣ предметы природы являются существами живыми и при крайней метафоричности, бѣдности и неточности тогдашняго языка рассказы объ явленіяхъ

природы превращаются въ мифъ, который, переходя отъ поколѣнія къ поколѣнію, теряетъ, наконецъ, свой первоначальный описательный характеръ. Кромѣ того, весьма значительную роль въ образованіи мифовъ играютъ, какъ мы уже отчасти видѣли, сновидѣнія и галлюцинаціи, образы которыхъ принимаются за дѣйствительные факты. Въ сѣверной Америкѣ, напр., одна индѣйская пророчица рассказывала, что однажды во время поста и одиночества она пошла по какой-то тропинкѣ и поднялась по ней на небо черезъ отверстіе, находящееся въ немъ; тутъ она услышала голосъ и увидѣла подлѣ самой тропинки человѣческую фигуру, голова которой была окружена сіяніемъ, а грудь покрыта четырехугольниками; онъ сказалъ ей: „Смотри на меня, меня зовутъ Влестящее голубое Небо!“ Впослѣдствіи эта женщина нарисовала видѣннаго ею бога, а ея рассказъ о путешествіи на небо сдѣлался общимъ достояніемъ племени. Подобныя путешествія и встрѣчи съ богами чрезвычайно часты у всѣхъ дивныхъ народовъ и легенды о нихъ составляютъ одинъ изъ главныхъ матеріаловъ мифологіи. Припадки экстаза, иллюзіи, галлюцинаціи, страшныя сновидѣнія, психическія эпидеміи обыкновенно усиливаются во время народныхъ бѣдствій, напр., болѣзней, которыя такимъ образомъ ускоряютъ процессъ созданія мифовъ. Самыя болѣзни представляются первобытному человѣку въ образѣ личныхъ существъ. Дикій каренъ, напр., живетъ въ постоянномъ страхѣ эпилептическаго *ля*, сумасшедшаго *ля* и другихъ семи злыхъ духовъ, которые рыщутъ вокругъ него, угрожая его здоровью и жизни. Персы представляютъ себѣ скарлатину въ видѣ тѣлеснаго существа, Али, „цвѣтущей дѣвушки, съ кудрями изъ пламени, съ щеками, красными, какъ розы“. Одна славянская легенда рассказываетъ, какъ крестьянинъ, сидѣвшій подѣ деревомъ, увидѣлъ вдали высокую дѣву, закутанную въ саванъ, которая гигантскими шагами приближалась къ нему. Отъ ужаса онъ хотѣлъ-было бѣжать, но она, вытянувъ свою длинную руку, схватила его. „Знаешь-ли ты Чуму? спросила она.—Это я. Посади меня къ себѣ на плечи и неси, не пропуская ни села, ни города; мнѣ нужно побывать вездѣ. За себя самого не бойся, ты останешься невредимъ среди умирающихъ“. Схвативъ его своими длинными руками, она усѣлась на его спинѣ и онъ пошелъ. Прежде всего онъ понесъ ее въ города; тамъ встрѣчали они пляски и веселыя пѣсни, но она махала своимъ саваномъ—и радость

и веселье исчезали. Всюду, куда ни обращался взгляд несчастнаго, онъ видѣлъ смерть и горе, слышалъ звонъ колоколовъ, встрѣчалъ погребальныя процесіи, и для умирающихъ не доставало уже могилъ. Онъ шелъ далѣе — и въ каждой деревнѣ слышалъ предсмертныя стоны, а въ опустѣвшихъ домахъ видѣлъ блѣдныя лица больныхъ. Но вотъ на пригорѣѣ стоитъ его собственная хижина, въ ней живутъ его жена, малыя дѣти, престарѣлые родители, и сердце его обливается кровью, когда онъ подходитъ къ ней. Тогда онъ крѣпко схватываетъ дѣву и погружается съ нею въ волны. Онъ пошелъ ко дну, а она выплыла, но его безстрашная душа побѣдила ее и она бѣжала въ далекія страны, въ горы и лѣса.

Потребность объясненія явленій природы также ведетъ къ созданію мифовъ. „Умственная дѣятельность творца мифовъ, говоритъ Тайлоръ, — обнаруживается даже у глухонѣмыхъ. Сколько разъ замѣчали въ нихъ предположеніе, будто ихъ родители учили ихъ поклоняться и молиться солнцу, лунѣ и звѣздамъ, какъ живымъ существамъ. Нѣкоторые изъ нихъ описывали свои раннія понятія о небесныхъ тѣлахъ, какъ аналогичныя съ окружающими ихъ предметами. Одному казалось, что луна сдѣлана изъ тѣста и прикрѣплена къ верхушкамъ деревьевъ, какъ мраморная плита къ столу, а звѣзды вырѣзаны большими ножицами и прицѣплены къ небу; другому, что луна — горнило, а звѣзды — очаги, зажигаемые живущими на небѣ, подобно тому, какъ мы зажигаемъ свои свѣчи“. Подобнымъ-же образомъ объясняетъ себѣ явленія природы первобытный человѣкъ. Намъ нельзя много распространяться, и мы ограничимся здѣсь лишь нѣсколькими примѣрами. Затмѣнія солнца и луны служатъ однимъ изъ поразительныхъ явленій природы, повергающихъ въ ужасъ дикаря. Всѣ народы объясняютъ себѣ ихъ болѣе или менѣе одинаково. Чиктосы южной Америки думаютъ, что за луною во время затмѣнія гоняются по небу огромныя собаки, которыя хватаютъ и терзаютъ ее, пока свѣтъ ея не станетъ тусклымъ и багровымъ отъ крови, струящейся изъ ея ранъ; китайцы говорятъ, что на солнце и луну нападаетъ драконъ. Нѣкоторые народы, впрочемъ, отступаютъ отъ этого типическаго способа объясненія; караибы, напр., представляли себѣ затмившуюся луну голодною и больною или умирающею; перуанцы думали, что солнце сердится и скрываетъ

свое лицо, а что большая луна можетъ совершенно померкнуть и тогда настанетъ конецъ свѣта; въ Кушанѣ думали, что солнце и луна, эти божественные супруги, поссорились и одинъ изъ нихъ ранилъ другого, а нѣкоторыя племена Африки объясняютъ себѣ солнечное затмѣніе тѣмъ, что „луна погасила солнце“. Но какъ-бы ни объяснялъ народъ это явленіе, оно всегда считается несчастіемъ и наводитъ панику на народную массу, даже послѣ того, какъ наука объяснила сущность этого явленія. Китайскіе астрономы, напр., всегда предсказываютъ затмѣніе и извѣщаютъ о немъ народъ, но тѣмъ не менѣе китайцы всегда встрѣчаютъ зловѣщее чудовище звономъ колоколовъ и предназначенными на этотъ случай молитвами. Въ Европѣ затмѣніе считалось зловѣщимъ предзнаменованіемъ почти до нашего столѣтія; оно поражало ужасомъ и разсѣвало арміи, оно наполняло смятеніемъ всю страну черезъ тысячу лѣтъ послѣ того, какъ Плиній писалъ въ похвалу астрономамъ: „это великіе люди; они выше обыкновенныхъ смертныхъ; отерывъ законы небесныхъ тѣлъ, они освободили бѣдный умъ людей отъ страха передъ зловѣщими предзнаменованіями затмѣній“.

Подобно солнцу и лунѣ, которыя временно поглощаются чудовищами затмѣнія или грозовой тучи, день регулярно поглощается ночью и освобождается изъ пасти ея на разсвѣтѣ, лѣто побѣждается чудовищемъ зимы, чтобы потомъ снова освободиться отъ него. Всѣ эти сцены изъ великой драмы природы, эта борьба свѣта съ тьмой, тепла съ холодомъ, принимаютъ мифическую форму и даютъ главное содержаніе мифологіи. Слѣдующая легенда маорисовъ хорошо выясняетъ, что закатъ солнца можетъ драматизироваться въ разсказъ о героѣ, погружающемся въ тѣло богини Ночи. Мауи, космическій герой Новой Зеландіи, подъ конецъ своей славной дѣятельности возвращается въ страну отца своего и узнаетъ здѣсь, что, быть можетъ, онъ будетъ побѣжденъ, такъ-какъ здѣсь поселилась могущественная прародительница его, Великая-Женщина-Ночь. „Ты можешь видѣть ее, говорятъ ему, — отражающуюся и какъ-бы скрывающуюся и снова выступающую тамъ, гдѣ горизонтъ сливается съ небомъ; то, что ты видишь тамъ блестящимъ такъ ярко-красно, это ея глаза; зубы ея остры и тверды, какъ осколки вулканическаго стекла; тѣло ея подобно мужскому; что-же касается зрачковъ ея глазъ, они изъ яшмы, а ея волосы похожи на пряди длинной морской травы“. Мауи похва-

лился своими прежними подвигами и сказалъ: „пойдешь безъ страха, узнаешь, должны-ли люди умирать или жить вѣчно?“ Но отецъ его припомнилъ одно дурное предзнаменованіе, онъ зналъ, что сынъ его долженъ погибнуть, однако онъ сказалъ: „о, мой послѣдне-рожденный, опора моихъ старыхъ годовъ, будь отваженъ, иди посѣтить свою великую прародительницу, которая скрывается тамъ, гдѣ окраина моря сходится съ небомъ“. Тогда къ Мауи подлетѣли птицы, желая сопутствовать ему, и былъ вечеръ, когда они отправились съ нимъ и пришли къ жилищу Великой-Женщины-Ночи; они застали ее въ глубокомъ снѣ. Мауи запретилъ птицамъ смѣяться, когда онъ увидятъ его влѣзающимъ въ старую прародительницу, а когда онъ весь свернется въ ней и начнетъ выходить изъ ея рта, тогда онъ могутъ смѣяться долго и громко. Затѣмъ Мауи сбросилъ свою одежду, и татуированная кожа его бедръ была разноцвѣтна и прекрасна, какъ чешуя макрели. Сначала птицы молчали, но когда онъ вошелъ ужъ до пояса, маленькая *тивакавака* не могла долѣе сдерживаться и разразилась громкимъ и веселымъ смѣхомъ; тогда проснулась прародительница Мауи, схватила его, крѣпко стиснула, и онъ лишился жизни. Такъ умеръ Мауи, и смерть посѣтила міръ, такъ-какъ его прародительница есть богиня ночи и смерти, и если-бы Мауи прошелъ черезъ ея тѣло и вылѣзъ невредимымъ, то люди не умирали-бы. Новозеландцы думаютъ, что солнце опускается ночью въ свою пещеру, купается тамъ *въ водѣ жизни* и возвращается на разсвѣтѣ изъ подземнаго міра; этимъ и объясняется ихъ идея, что если-бы человѣкъ, опустившись въ подземный міръ, могъ снова возвратиться изъ него, то человечество стало-бы безсмертнымъ. Въ рѣдкихъ случаяхъ солнечные мифы такъ характеристичны, какъ этотъ. Великая-Женщина-Ночь, живущая на горизонтѣ, есть новозеландскій Аидъ или богиня царства мертвыхъ; птицы должны молчать, когда солнце входитъ въ Ночь, но онѣ могутъ пѣть, когда оно выходитъ утромъ изъ ея рта; наконецъ птица, названная въ мифѣ *тивакавака*, собственно значить „кривъ птицы, поющей только при закатѣ солнца“.

Первобытный характеръ этого природнаго мифа очевиденъ; Солнце и Ночь не превратились еще въ немъ въ антропоморфическихкихъ героевъ, а ихъ взаимныя отношенія—въ героическую легенду, которая обыкновенно наполнена подробностями, неизмѣю-

щими перъядею ничего общаго съ первоначальнымъ содержаніемъ природнаго мифа. Развѣтіе этого мифа въ героическую легенду хорошо можно прослѣдить по сказаніямъ новозеландской мифологіи, отрывокъ изъ которой уже приведенъ нами выше. Вотъ какъ рассказываетъ эта мифологія о рожденіи солнца изъ Океана. Было пять братьевъ и всѣ они назывались Мауи; младшій Мауи былъ брошенъ въ море матерью своею Тарангою, но спасенъ отцомъ „Великимъ-Человѣкомъ-въ-Небесахъ“, который взялъ его къ себѣ въ домъ и привѣсилъ къ крышѣ. Далѣе рассказывается объ исчезновеніи ночи на разсвѣтѣ. Однажды вечеромъ, возвратясь домой, Таранга нашла маленькаго Мауи въ обществѣ его братьевъ; узнавъ своего послѣдняго ребенка, рожденнаго уже въ старости, она взяла его спать къ себѣ въ постель, какъ это дѣлала со всѣми другими дѣтьми во время ихъ младенчества. Но маленькій Мауи, замѣтивъ, что мать его постоянно встаетъ передъ разсвѣтомъ и куда-то исчезаетъ вплоть до ночи, началъ беспокоиться и слѣдить за нею. Однажды ночью онъ потихоньку всталъ съ постели и заткнулъ всѣ щели въ дверяхъ и ставняхъ, чтобы солнечные лучи не могли проникать въ жилище. Появился свѣтъ утренней зари, потомъ взошло солнце и поднялось уже высоко на небѣ, а Таранга все спитъ, не подозрѣвая, что на дворѣ уже ясный день. Наконецъ, она открыла окно и, увидѣвъ свѣтъ, съ ужасомъ бросилась бѣжать, и Мауи увидѣлъ, какъ она спустилась въ отверстіе въ землѣ и исчезла въ немъ; такимъ образомъ, онъ открылъ глубокую пещеру, въ которой мать его скрывалась каждый день до наступленія ночи. Затѣмъ слѣдуетъ эпизодъ о путешествіи Мауи къ его прародительницѣ на ту западную окраину земли, гдѣ души людей опускаются въ царство мертвыхъ. Потянувъ въ себя воздухъ, прародительница почувствовала его приближеніе и вознамѣрилась съѣсть его, но, обернувшись кругомъ къ югу, востоку и сѣверу, она почувала обонаніемъ, что онъ приближается къ ней съ западнымъ вѣтромъ, и признала въ немъ своего потомка. Мауи проситъ у нея ея чудотворную челюсть, она даетъ, и съ помощью этого оружія онъ ловитъ въ петлю „Великаго-Человѣка-Солнце“, ранитъ его и заставляетъ идти медленно. Затѣмъ, прикрѣпивъ эту челюсть къ удочкѣ и смазавъ ее для приманки своею кровью, онъ совершаетъ свое самое знаменитое дѣло, вылавливаетъ изъ океана Новую Зеландію, которая и до сихъ поръ на-

зывается *рыбою Мауи*. Сравнивъ этотъ мифъ съ многочисленными его варіантами, сильно распространенными на островахъ Тихаго океана, мы увидимъ въ немъ общее всѣмъ тамошнимъ туземцамъ сказаніе о поднятіи суши изъ моря. Въ нѣкоторыхъ варіантахъ разсказывается, что Мауи получилъ челюсть отъ своего дѣда „Неба-Земли“, въ другихъ-же, что у него было два сына, которыхъ онъ убилъ еще молодыми, чтобы взять ихъ челюсти; что подъ этими сыновьями разумѣются Утро и Вечеръ, видно изъ того, что Мауи изъ глазъ первого сдѣлалъ утреннюю звѣзду, а изъ глазъ второго — вечернюю. Далѣе легенда разсказываетъ, какъ Мауи хватаетъ огонь руками, обжигается имъ и бросается въ море. Когда онъ погрузился въ волны, солнце сѣло въ первый разъ и тьма покрыла землю. Но когда онъ замѣтилъ, что ночь охватила все, онъ погнался за солнцемъ и къ утру привелъ его снова. Унося или бросая огонь въ море, Мауи зажегъ при этомъ вулканъ. Въ другой легендѣ разсказывается, что когда Мауи погасилъ всѣ огни на землѣ, мать послала его за новымъ огнемъ къ прародительницѣ ея Мауикѣ. Въ варіантѣ этого мифа младшій Мауи открываетъ пещеру, ведущую въ страну умершихъ на западѣ, а отецъ его, тоже Мауи, посылаетъ его еще къ болѣе старому Мауи, сидящему у великаго огня подъ землей; они вступили между собой въ борьбу, и младшій Мауи отнялъ огонь, оставивъ искалѣченнымъ стараго подземнаго бога, который по временамъ ворочается и трясеть землю.

Такимъ образомъ, въ этомъ циклѣ легендъ мы имѣемъ первобытный разсказъ о поднятіи солнца изъ океана, исчезновеніе ночи, угасаніе свѣта при закатѣ солнца и новое появленіе его утромъ, о сошествіи солнца въ западный подземный міръ ночи и смерти, который отождествляется съ царствомъ вулканическаго подземнаго огня и съ землетрясеніемъ. Частности этихъ мифовъ до сихъ поръ носятъ первобытный характеръ мифологическаго описанія явленій природы, но въ общей своей сложности они уже превратились въ героическія легенды, въ которыхъ антропоморфическіе герои начинаютъ сливаться съ представляемыми ими явленіями природы. И чѣмъ далѣе идетъ этотъ мифологическій процессъ, тѣмъ болѣе явленія природы, послужившія основой его, исчезаютъ въ народномъ сознаніи за героями, которые дѣлаются главными центрами,

группирующими около себя разрозненные вымыслы и порождающими новыя сочетанія фантастическихъ образовъ. Слѣды этого процесса мы видимъ у всѣхъ народовъ въ легендахъ о людяхъ и герояхъ, поглощаемыхъ чудовищами. У индѣйцевъ Америки, напр., герой Манобозо, солнечный характеръ котораго довольно ясенъ, стараясь выудить царя рыбъ, былъ проглоченъ вмѣстѣ съ лодкою, но онъ началъ поражать въ сердце чудовище своею палицею, такъ-что чуть не былъ выброшенъ имъ прямо въ озеро; но герой поставилъ свою лодку поперекъ горла рыбы и кончилъ тѣмъ, что убилъ ее; когда мертвое чудовище было выброшено на берегъ, чайки проклевали отверстіе въ немъ, сквозь которое и вышелъ Манобозо. Еще на низшихъ ступеняхъ развитія этотъ и другіе природные мифы принимаютъ уже такую форму, что первоначальный смыслъ ихъ дѣлается недоступнымъ для дикарей, вѣрующихъ въ происхожденія ихъ героевъ, но невидящихъ въ нихъ описательныхъ рассказовъ о природѣ. Спенсеръ, видящій во всякой первобытной религіи одно только поклоненіе предкамъ, настойчиво разыскиваетъ его во всѣхъ этихъ мифахъ. Но при всемъ своемъ остроуміи, онъ все-таки не въ состояніи доказать своей мысли, хотя его изслѣдованія невольно наводятъ на то справедливое предположеніе, что во всѣхъ подобныхъ мифахъ, развившихся изъ первобытной описательной легенды о явленіяхъ природы, несомнѣнно находятся присоединенныя къ нимъ впоследствии сказанія о предкахъ и герояхъ, дѣйствительныхъ или вымышленныхъ, но, во всякомъ случаѣ, самостоятельныхъ, а не какъ результатъ превращенія природнаго мифа въ героическую легенду. Сказанія о герояхъ сливались постепенно съ первобытнымъ природнымъ мифомъ и преобразовывали его, такъ-что въ одномъ и томъ-же мифѣ встрѣчаются и черты природнаго сказанія, и элементы героической легенды. Спенсеръ въ этомъ отношеніи ударился въ другую крайнюю противоположность сравнительно съ присяжными мифологами, которые большею частію, найдя въ извѣстномъ сказаніи слѣды природнаго мифа, не останавливаются, какъ и Спенсеръ не останавливается на несомнѣнныхъ слѣдахъ поклоненія предкамъ, а идутъ далѣе, относя къ природному-же мифу даже всѣ черты, примѣшанныя къ нему героической легендой. На это тратится много остроумія и эрудиціи, исписываются цѣлыя фолианты, наполненные всевозможными филологическими и

этнографическими подробностями, но, поставленное на ложномъ основаніи, изученіе мифологіи не подвигается впередъ въ этомъ отношеніи. Чтобы показать читателю, до какого абсурда доходятъ мифологи, мы укажемъ на книгу преждевременно погибшаго русскаго молодого ученаго, Щепкина, „Объ источникахъ и формахъ русскаго баснословія“. Посредствомъ филологической аргументаціи Щепкинъ старается доказать, что русскія былины не только въ своемъ общемъ содержаніи, но и въ каждой мельчайшей частности служатъ поэтическими разсказами о явленіяхъ природы. Князь Владиміръ — солнце, не даромъ-же онъ называется „краснымъ солнышкомъ“; скатерти, покрывающія столы его — „бѣлы-снѣги“, тающіе подъ лучами краснаго солнышка, а пиры Владиміра и богатейрей — оплодотвореніе земли весною!..

Природный мифъ о лунѣ связывается, такимъ образомъ, съ видимыми на ней пятнами, съ кажущимися перемѣнами въ ея формѣ и съ ея періодическими исчезновеніями. „Непостоянная луна“ служитъ сюжетомъ многихъ характеристичныхъ легендъ. Австралийцы говорятъ, что мѣсяць былъ прежде котомъ, но соблазнилъ чужую жену, прогнанъ за то съ земли и съ тѣхъ поръ блуждаетъ по небу. По вѣрованію хазіевъ, мѣсяць періодически влюбляется въ свою мачиху, которая бросаетъ ему въ лицо пепель, отчего происходятъ его пятна. Буряты говорятъ, что въ древности мѣсяць утащилъ съ земли дѣвушку и съ тѣхъ поръ появились на немъ темныя пятна, которыхъ прежде не было. Замѣчательно, что точно такъ-же объясняетъ происхожденіе этихъ пятенъ скандинавская мифологія. Кромѣ буряты и другихъ инородцевъ Сибири, даже у русскихъ жителей ея существуетъ вѣрованіе, служащее, вѣроятно, объясненіемъ лунатизма, что луна похищаетъ дѣтей, почему имъ обыкновенно и запрещаютъ смотрѣть на нее.

Анализируя всю природу, не дѣлая никакого существеннаго различія между людьми и животными, между животными и неодушевленными предметами, первобытный умъ былъ склоненъ объяснить появленіе какого-нибудь предмета процесомъ рожденія, и пережившіе остатки такого умонастроенія до сихъ поръ еще сохраняются на нашемъ языкѣ, напр. въ выраженіи *родился*, т. е. появился, на *небѣ мѣсяцъ*. Рожденіе предполагаетъ родителей, и, задавшись вопросомъ о происхожденіи вещей, первобытный умъ

естественно приходилъ къ мысли, что всѣ предметы произошли отъ общихъ божественныхъ родителей, Неба и Земли. Въ религіозныхъ книгахъ Китая и отчасти японской мифологіи въ процесѣ этого происхожденія Небо и Земля представляются въ ихъ первоначальномъ, стихійномъ значеніи, но почти у всѣхъ другихъ народовъ, какъ скоро небо и земля превращаются въ антропоморфическія божества, процесъ творенія измѣняетъ свой характеръ и небо и земля изъ творцовъ дѣлаются твореніемъ. Превосходною характеристикою перехода отъ первобытнаго природнаго мифа къ героическому служитъ слѣдующая легенда новозеландцевъ. Небо и Земля прильнули другъ къ другу и тѣма покрывала ихъ; отъ нихъ произошли всѣ люди и вещи, но такъ-какъ имъ было темно и тѣсно между соединившимися другъ съ другомъ родителями, то они держали совѣтъ, слѣдуетъ-ли имъ убить своихъ родителей или-же только разлучить ихъ? Тогда Отецъ лѣсовъ свазалъ своимъ пяти великимъ братьямъ: „лучше разлучить ихъ; пускай Небо встанетъ высоко надъ нами, а Земля ляжетъ подъ нашими ногами. Пусть Небо станетъ чуждымъ намъ, а Земля останется близка къ намъ, какъ наша мать-кормилица“! И возсталъ Отецъ хлѣба и пытался разъединить Небо и Землю, но не могъ; напрасны были также усилія Отца рыбъ, Отца дико-растущей пищи и Отца свирѣпыхъ людей. Тогда тихо поднялся Отецъ лѣсовъ и старался разъединить своихъ родителей, борясь съ ними своими дланями и руками. Вотъ онъ пріостановился, его голова крѣпко уперлась въ Мать-землю, а поднятыми вверхъ ногами онъ уперся въ Отца-небо; и напрягаетъ онъ свою спину и плечи въ могучемъ усиліи. Наконецъ, разорваны Небо и Земля, и они громко застонали съ плачемъ и проклятіями. Но Отецъ лѣсовъ не останавливается, далеко-далеко подъ себя вдавлиываетъ онъ землю, далеко-далеко надъ собою отбрасываетъ онъ небо. Но Отецъ вѣтровъ и бурь никогда не соглашался, чтобы мать его оторвали отъ ея господина, и въ груди его возникло лютое желаніе напасть на своихъ братьевъ. Такъ Отецъ бури поднялся и послѣдовалъ за своимъ отцомъ въ поднебесную высь и помчался къ закрытымъ пещерамъ безпредѣльнаго неба, подъ кровомъ которыхъ онъ нашелъ себѣ пристанище. Тогда вышли его дѣти, могучіе вѣтры, буйные шевалы, темныя тучи, плотныя, огненныя, дивоскачущія съ трескомъ и громомъ, и окруженный ими отецъ ихъ ринулся на своего врага. Отецъ лѣ-

совъ и его гигантскія роцци стояли, ничего не вѣдая и не подозрѣвая, когда бѣшеный ураганъ разразился надъ ними, съ трескомъ ломая попадавшіяся ему громадные деревья и разбрасывая по землѣ вырванные съ корнемъ стволы и переломанные сучья, отдавая ихъ на съѣденіе насѣкомымъ и златницамъ. Тогда Отецъ бурь бросился внизъ и началъ бичевать воды, такъ-что волны поднялись, какъ скалы, а Отецъ океана и всего живущаго въ немъ въ ужасѣ бѣжали по своимъ морямъ. Дѣти его, Отецъ рыбъ и Отецъ пресмыкающихся, также бросились искать себѣ безопаснаго убѣжища. „Слушай, слушай, кричалъ Отецъ рыбъ, — давай, скроемся въ морѣ“; но Отецъ пресмыкающихся кричалъ ему въ отвѣтъ: „нѣтъ, нѣтъ; лучше постараемся спастись на землѣ“, и, такимъ образомъ, существа раздѣлились: рыба ушла въ море, а пресмыкающіяся искали спасенія въ лѣсахъ. Но Отецъ океана, взбѣшенный измѣною дѣтей своихъ, пресмыкающихся, поклялся вѣчною враждою къ брату своему за то, что тотъ пріютилъ ихъ въ своихъ лѣсахъ. Отецъ лѣсовъ, съ своей стороны, оплачиваетъ ему тѣмъ-же, дозволяя дѣтямъ брата своего, Отца свирѣпыхъ людей, посредствомъ лодокъ, копій и удочекъ, сдѣланныхъ изъ его деревьевъ, и сътей, сплетенныхъ изъ его волокнистыхъ травъ, истреблять рыбъ, дѣтей Отца океана, а Отецъ океана въ гнѣвѣ набрасывается на отца лѣсовъ, заливая его лодки волнами моря, сноситъ наводненіями въ безпредѣльный океанъ дома и деревья. Затѣмъ Отецъ бури набросился на братьевъ своихъ, Отцовъ воздѣланной и дикой пищи, но Мать-земля схватила ихъ и спрятала въ такое безопасное мѣсто, что Отецъ бури напрасно искалъ ихъ. Тогда онъ бросился на послѣдняго изъ братьевъ своихъ, Отца свирѣпыхъ людей, но не могъ даже пошатнуть его, хотя и напрягалъ всѣ свои силы. Какое дѣло было Отцу свирѣпыхъ людей до ненависти своего брата? Онъ выказалъ себя храбрымъ и свирѣпымъ на войнѣ, его братья отступили передъ ужаснымъ нападеніемъ Отца бури и дѣтей его; Отецъ лѣсовъ и его дѣти изломаны и разнесены на мелкія щепки; Отецъ моря и его потомство бѣжали въ глубину океана или въ береговья углубленія; Боги пищи спасены въ тайномъ убѣжищѣ, и только люди выстояли непоколебимо и отважно на груди Матери-земли, пока сердца Неба и Бури не смягчились и не утихла ихъ вражда. Тогда Отецъ свирѣпыхъ людей сталъ думать, какъ ему отомстить своимъ братьямъ, кото-

рые оставили его безъ помощи во время его борьбы съ Отцомъ бурь. Онъ свилъ силки изъ листьевъ дерева ванаки, и передъ нимъ пали птицы и звѣри, дѣти Отца лѣсовъ; онъ сплелъ сѣти изъ льна и сталъ ловить рыбъ, дѣтей Отца океана; онъ отыскалъ подземное убѣжище дѣтей Отца воздѣланной пищи, сладкій картофель, корень папоротника и всѣ дикоростущія съѣдобныя растенія, выкопалъ ихъ и сталъ сушить на солнцѣ. Хотя онъ и взялъ верхъ надъ четырьмя братьями, но до сихъ поръ еще не можетъ побѣдить пятого брата, Отца бурь, который все еще насылаетъ на него свои бури и ураганы, стараясь погубить его съ дѣтьми на сушѣ и на морѣ. Подъ порывами гнѣва Отца бурь суша скрылась подъ водами. Древнія существа, потопившія, такимъ образомъ, землю, были Ужасный дождь, Долго-продолжающійся дождь, Ураганы и дѣти ихъ: Туманъ, Тяжелая роса и Легкая роса. Они оставили надъ поверхностью моря только самую небольшую часть суши. Но яркій свѣтъ увеличился въ мірѣ, и существа, скрытыя между Небомъ и Землей до ихъ разбѣденія, размножились на землѣ. Небо до настоящаго времени остается въ разлукѣ съ своей женой, Землею. Но обоюдная любовь ихъ не прекращается; теплыя, мягкіе вздохи ея любящаго сердца и повинѣ возносятся къ нему, поднимаясь отъ лѣсистыхъ горъ и долинъ, и люди называютъ ихъ туманами; а безпредѣльное Небо, тоскуя въ долгія ночи въ разлукѣ съ своею возлюбленною, часто проливаетъ слезы на ея грудь, и люди, видя ихъ, называютъ ихъ каплями росы.

Въ этомъ прекрасномъ, дѣтски-наивномъ мифѣ мы можемъ прослѣдить процессъ первобытнаго мифическаго творчества. Лѣсъ, море и всѣ вещи родились отъ Неба и Земли, но мысль о рожденіи ихъ необходимо приводила къ мысли о томъ, что для этого они должны были быть вмѣстѣ, и, слѣдовательно, было время, когда они были соединены другъ съ другомъ. Кто-же разлучилъ ихъ? Вѣдь сами они разойтись, какъ любящіе супруги, не могли. Такъ-какъ кромѣ нихъ и дѣтей ихъ никого на свѣтѣ не было, то понятно, что ихъ разлучили дѣти, которымъ было темно и тѣсно между ними, и главнымъ образомъ, мощный и высокій лѣсъ, который и теперь еще на краю горизонта своими вершинами упирается въ отца—Небо. Съ постепеннымъ переходомъ природнаго мифа въ героическій, эта

дѣтски-наивная простота мысли болѣе и болѣе затемняется личными подвигами и свойствами антропоморфическихъ божествъ. Впрочемъ, у многихъ народовъ идея о *рожденіи* міра долго сохраняется и въ героическомъ мифѣ, выражаясь въ сказаніяхъ о происхожденіи міра, подобно всему живому, изъ яйца. Въ ассирійско-вавилонскомъ мифѣ въ Евфратѣ было положено яйцо Неба; рыба выбросила его на берегъ, а голубь высидѣлъ это яйцо и изъ него началъ нарождаться міръ. Въ нѣкоторыхъ мифахъ міръ творится не изъ яйца, а отъ сына, рожденного творцомъ. Въ Эддѣ природа создается изъ трупа убитаго великаго Имира: изъ брови—моря и всѣ воды, изъ костей—горы, изъ зубовъ—утесы и скалы, изъ черепа—небо, изъ мозга—облака. Наконецъ, съ развитіемъ великихъ культурныхъ системъ совершенно исчезаютъ всякіе слѣды первобытнаго природнаго мифа. Въ буддизмѣ безначальный Будда, желая проявить свои совершенства въ твореніи, сотворилъ сначала множество небесныхъ духовныхъ міровъ, извѣстныхъ подъ именемъ Нирваны, и населилъ ихъ высшими существами, а для жительства менѣе совершенныхъ существъ онъ приступилъ къ творенію видимаго міра изъ райскаго цвѣтка. Но онъ только положилъ основаніе вселенной и, погрузившись въ покой, предоставилъ дальнѣйшее устройство міра двумъ геніямъ, родившимся изъ свѣта его праваго глаза. Первый изъ нихъ, Манжушри, образовалъ въ пустыхъ пространствахъ вселенной густое облако, пролившійся изъ него дождь образовалъ водную сферу, которая мало-по-малу отвердѣла и перешла въ сушу; но земля была пуста и необитаема; тогда подулъ бурный духъ Ариоболо—и на лицѣ земли появились горы, моря, растенія и т. д. Но если міръ рождается, подобно всему живому, то онъ долженъ и умереть, подобно всему рождающемуся, — эта мысль, чуждая еще уму первобытнаго человѣка, естественно возникаетъ при развитіи героическаго мифа. Уже Эдда рисуетъ страшную картину разрушенія или смерти міра. Въ буддизмѣ кончинѣ міра будутъ предшествовать всѣ ужасы нравственнаго паденія и страшныя предзнаменованія. На небѣ явятся сперва два солнца, потомъ четыре, наконецъ шестнадцать. Отъ ихъ невыносимаго жара погибнутъ всѣ растенія и животныя, рѣки и даже моря высохнутъ, земля превратится въ раскаленную печь, а горы будутъ дышать пламенемъ; этотъ жаръ проникнетъ даже къ золотой лагушкѣ,

поддерживающей на себѣ землю; она, вслѣдствіе неимѣнія необходимой для нея влажности, перевернется вверхъ брюхомъ — и весь міръ пойдетъ вверхъ дномъ...

Такимъ образомъ, первобытный умъ объясняетъ происхожденіе міра *рожденіемъ*, а всѣ явленія природы — дѣйствіями боговъ или чудовищъ: затмѣніе — нападеніемъ дракона, землетрясеніе — сначала тѣмъ, что „Мать-Земля пляшетъ“, потомъ — движеніемъ подземнаго бога или животнаго, поддерживающаго собою міръ, слона, бита, гигантской черепахи и т. д. Мифы объ этихъ послѣднихъ животныхъ, по всей вѣроятности, основаны на ископаемыхъ остаткахъ мамонтовъ и другихъ животныхъ древнѣйшихъ періодовъ земли. Иностранцы сѣверной Сибири, находимыя тамъ во множествѣ кости и даже уцѣлѣвшіе въ снѣгахъ трупы мамонтовъ приписываютъ животнымъ, которыя еще и нынѣ живутъ подъ землею, бѣгаютъ, производя землетрясенія, и немедленно издыхаютъ, выйдя случайно на воздухъ и свѣтъ. Въ другихъ мѣстностяхъ эти кости даютъ поводы къ образованію мифовъ о древнихъ великанахъ или гигантскихъ птицахъ, опустошавшихъ гдѣ-то край, а находимые въ землѣ стрѣлы каменнаго періода считаются стрѣлами, которыми дѣйствуютъ духи грома. Стараясь объяснить себѣ сходство человѣка съ обезьяною, первобытный дикарь создаетъ сказанія о томъ, какъ обезьяны были въ древности людьми и потомъ только превратились въ обезьянъ, или какъ онѣ и теперь остаются людьми, но только не говорятъ изъ боязни бѣлыхъ. Мусульманскія легенды рассказываютъ: близъ одного еврейскаго города протекала рѣка, переполненная рыбой, но обезьяны, узнавъ нравы горожанъ, смѣло плавали на виду ихъ въ субботу и скрывались въ будни. Наконецъ, еврейскіе рыбаки поддались искушенію и отправились на ловлю въ субботу, но они дорого заплатились за это, будучи превращены въ обезьянъ за нарушеніе покоя субботняго дня. Не далеко отъ этихъ географическихъ легендъ стоятъ мифы историческіе. Такъ, напр., туземцы Индіи, которые отгнаны индійцами-завоевателями къ холмамъ и лѣсамъ и потомство которыхъ индусы до сихъ поръ называютъ „обезьяньимъ народомъ“, превращены санскритскою легендой въ обезьянъ, сражавшихся въ войскѣ царя Ганумана. Дикари каменнаго періода, которые чуждались завоевавшихъ страну людей, ненавидѣли ихъ и боролись съ ними, превратились въ европейскихъ сказкахъ въ страшныхъ велика-

новъ. Въ разсказахъ мусульманскихъ легендъ о гогахъ и магогахъ, имѣвшихъ чрезвычайно малый ростъ, но длинныя, какъ у слона, уши, опустошавшихъ міръ и т. д., легко узнать татаръ верхней Азіи. Преданія о городахъ, затопленныхъ наводненіями, разрушенныхъ землетрясеніямъ, сожженныхъ непріателемъ, легко превращаются въ самыя фантастическія легенды, въ которыхъ, впрочемъ, не трудно угадать сущность описываемыхъ ими событій. У Гримма есть слѣдующая интересная эстонская легенда о священномъ озерѣ Эйшѣ. На берегу его жили злые люди; они не косили луговъ, которые орошали озеро, не засѣвали полей, которыя оно питало, а только разбойничали, и кровь убитыхъ ими мутила свѣтлыя воды озера. Озеро оскорбилось этимъ. Однажды вечеромъ оно собрало всѣхъ своихъ рыбъ и вмѣстѣ съ ними поднялось на воздухъ. Когда разбойники услышали шумъ, то закричали: „Эйшъ поднялось и оставило намъ свои сокровища и рыбу, но рыбы поднялись вмѣстѣ съ озеромъ и на обсохшемъ днѣ его не нашлось ничего, кромѣ змѣй, ящерицъ и жабъ, которыя вышли на берегъ и поселились въ сосѣдствѣ разбойниковъ. Цѣлую ночь висѣло озеро надъ землею, а поутру стало спускаться и спустилось на новое мѣсто. Жители устроили его ложе, сдѣлали плотины, по берегамъ насадили деревьявъ. Озеро оплодотворило страну, пашни зеленѣли, и жители плясали вокругъ озера: даже старики сдѣлались юношески-веселыми“. Очевидно, что здѣсь дѣло идетъ объ озерѣ, которое когда-то высохло или обмелѣло, вслѣдствіе засоренія или другихъ причинъ, но при развитіи культуры въ его окрестностяхъ снова сдѣлалось богатство водою. Великія эпохи и замѣчательные люди порождаютъ цѣлыя группы богатыхъ историческихъ мифовъ; у насъ, напр., эпоха борьбы съ азіатскими народами произвела былинный эпосъ, а эпоха „строительства земли русской“—мифъ о Георгіѣ Храбромъ. И въ этихъ мифахъ одну изъ главныхъ ролей играетъ риторика. Какъ легко образоваться мифу тамъ, гдѣ (какъ на островахъ Фиджи) жилище короля называлось *небесными облаками*, лодка, въ которой онъ ѣздилъ,—*радугой*, голосъ—*громомъ*, мерцаніе факеловъ въ его жилищѣ—*молніей*? Когда простолюдины вечеромъ проходили мимо его жилища и видѣли свѣтъ этихъ факеловъ, то, вмѣсто того, чтобы сказать; вонъ во дворцѣ горятъ факелы, говорили: вонъ молнія блещетъ въ небесахъ облакахъ. Такимъ пу-

темъ, напр., образовалось много мифовъ о Магометѣ. Метафора, что „сердце Магомета было раскрыто и очищено божественною волею“, превратилась въ легенду, которая рассказываетъ, какъ архангелъ Гавріилъ разсѣкъ грудь пророка, вынулъ изъ его сердца черный комокъ, обшилъ его и снова положилъ на прежнее мѣсто. До какой степени мифъ искажаетъ біографіи замѣчательныхъ дѣятелей, особенно основателей религій, можно видѣть на примѣрѣ Будды. Древнѣйшія легенды о немъ, хотя тоже далеки отъ истины, но все-таки не совершенно еще исказившія ее, рассказываютъ, что Шагьямуни былъ сынъ царя, отличался необыкновенною мудростью, и, убѣдившись вскорѣ послѣ своей женитьбы въ ничтожествѣ всего земного, велъ жизнь аскета. Но увидѣвъ, что и это не ведетъ ни къ чему, онъ бросилъ аскетизмъ, прозрѣлъ, сдѣлался Буддой, началъ творить чудеса и проповѣдывать „о четырехъ истинахъ“. Наконецъ, онъ умеръ, обѣвшись свинины, какъ передаютъ нѣкоторые извѣстія, и прекратилъ свое стихійное существованіе. Во всемъ этомъ еще можно отыскать ясныя слѣды возможныхъ, дѣйствительныхъ событій, но позднѣйшія легенды рассказываютъ совершенно другое. Онъ говорятъ, что не Шагьямуни возвысился до Будды, а Будда сошелъ на землю и воплотился въ Шагьямуни самымъ чудеснымъ образомъ; что не одинъ только Шагьямуни сдѣлался Буддой, но что и прежде его былъ безконечный рядъ Буддъ, появлявшихся въ разныхъ мірахъ и проповѣдывавшихъ то-же самое, что и Шагьямуни, и послѣ него будутъ являться Будды вплоть до окончанія міра. Несмотря, однакожь, на всѣ чудовищныя искаженія исторіи, мифы могутъ служить превосходнымъ историческимъ матеріаломъ для изученія первобытной жизни, языка, обычаевъ, характера мышленія, міросозерцанія. „Мифъ, по прекрасному выраженію Тайлора,—есть исторія своихъ авторовъ, а не дѣйствующихъ въ немъ лицъ; онъ есть воспоминаніе о жизни не сверхъестественныхъ героевъ, а создавшихъ его народовъ“. Впрочемъ, въ этомъ отношеніи слѣдуетъ пользоваться мифами чрезвычайно осторожно, такъ-какъ они легко принимаютъ въ себя всевозможныя анахронизмы, вымыслы позднѣйшихъ временъ и вѣрованія чуждыхъ народовъ. На низкихъ ступеняхъ умственного развитія народы не имѣютъ никакой склонности къ религіозной нетѣрности, они такъ-же вѣрують въ чужихъ боговъ, какъ и въ сво-

ихъ, готовы даже предпочитать первыхъ послѣднимъ, если они стоятъ того. Сибирскіе буряты-шаманисты, напр., давно уже приняли въ число своихъ боговъ „Михолу“; покланяясь своимъ идоламъ и принося жертвы посредствомъ шамановъ, они въ то-же время охотно слушаютъ буддійскихъ ламъ, нанимаютъ ихъ совершать у себя разные обряды, ходятъ въ русскія церкви и ставятъ свѣчи передъ образами. При такой воспріимчивости, дикіе народы, принимая чужія вѣрованія, смѣшиваютъ ихъ съ своими, искажая и обезображивая и тѣ, и другія. Вотъ эта-то смѣсь разнообразныхъ вѣрованій затмѣляетъ и искажаетъ первоначальную форму и творческій колоритъ первобытнаго мифа.

С. Шашковъ.

ВСТРѢЧА.

Звенѣлъ колокольчикъ. Ямщикъ мой сѣдой
Своихъ лошадей погонялъ.

Быль вечеръ, зима... По дорогѣ большой
Я тихо къ селу подъѣзжалъ.

Вотъ станція. Въ хату вхожу: у окна
Какая-то дама сидитъ,
Вся въ черномъ, какъ призракъ худа и блѣдна,
Какъ воскъ, ея кожа сквозить...

Она оглянулась, расширился взоръ,
Послышался сдавленный крикъ...
Звучала въ немъ радость, и боль, и укоръ,—
Онъ ядомъ мнѣ въ душу проникъ.

И, быстро поднявшись на-встрѣчу ко мнѣ,
Закашлялась громко она...
И я на платкѣ увидалъ при огнѣ
Два яркихъ, кровавыхъ пятна.

О, Боже! Какъ этотъ измученный взглядъ
Быль прежде и смѣлъ, и глубокъ;
А рѣчи, что такъ безнадежно звучать,
Лилися, какъ свѣтлый потокъ.

Какъ весело, страстно рвалась впередъ,
Безъ страха тяжелой судьбы,
Какъ станъ ея стройный былъ гибокъ и гордъ,
Какъ жаждала бурь и борьбы!

Теперь въ гувернантки, въ далекую глушь,
Она за безцѣнокъ пошла...
Здоровье разбилъ у ней пьяница-мужъ,
А дочку она въ институтъ отдала...

Я долго разстаться не въ силахъ былъ съ ней:
 Она мнѣ шептала: „Предъ смертью вѣдь ты
 Напомнилъ мнѣ счастье умчавшихся дней
 И лучшія сердца мечты!“

Она сознавала, что въ жизни ея
 Мелькнулъ я послѣднимъ лучомъ:
 Бѣдняжка грядущее знала свое,
 Ждала его въ страхъ нѣмомъ...

Одна лишь могила ждала впереди,
 Въ далекой и чуждой глуши...
 А сердце еще не погасло въ груди,
 Мечты не покинули пылкой души...

О, сестры, идущія той-же стезей!
 Молюсь, какъ молилась она:
 Счастливыѣ будьте въ борьбѣ роковой,
 Чтобъ въ жизни изъ васъ ни одна

Въ борьбѣ не лишилась надежды и силъ,
 Не встрѣтила чаши еѣ,
 И вѣкъ нашъ, какъ ангель, васъ свято хранилъ,
 Васъ,—лучшее чадо свое!

Л. Оболенскій.

БѢШЕНАЯ ЛОЩИНА.

Романъ въ четырехъ частяхъ.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

ГЛАВА I.

Холера усиливалась въ окрестностяхъ. Въ Надеждинкѣ весь поселокъ Смирновыхъ былъ охваченъ заразой. Боже мой, что происходило въ домѣ Смирновыхъ! Надежда Федоровна, какъ разсвирѣпѣвшая насѣдка при видѣ хищнаго ястреба, защищала свое гнѣздо. Ворота были заперты на замокъ, всѣ калитки заколочены, собаки спущены и ни одному человѣку не было свободнаго пропуска ни извнѣ, ни снаружи. Яблоки съ деревьевъ сбили, ягоды обобрали; къ огурцамъ, дынямъ и арбузамъ дѣтей не подпускали на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ. Напрасно крестьяне, обезумѣвъ отъ страха и отчаянія, стучали въ ворота, моля о пособіи или совѣтѣ, — образцовая супруга и мать, вся искаженная добродѣтельнымъ эгоизмомъ материнской любви, гнала ихъ прочь отъ своего супружескаго храма. Полная фанатической вѣры въ справедливость своихъ поступковъ, съ какой невыразимой гордостью и самодовольствомъ сбозрѣвала она весь свой выводокъ, здоровый, веселый и невредимый среди всеобщаго крушенія. Она деспотически распоряжалась обѣдомъ, временемъ, отдыхомъ всѣхъ своихъ домашнихъ. Она не спала ночей, обходя домъ и наблюдая за исполненіемъ своихъ инструкцій.

Всякій намевъ на зелень былъ изгнанъ изъ ея стола. Вскорѣ порѣзали всѣхъ куръ и телятъ на скотномъ дворѣ. Съ большими

предосторожностями посланы были гонцы версты за двадцать, въ мѣстность, гдѣ не было холеры, за провизіей. Сама она, съ пузырьками боткинскихъ капель въ рукахъ и въ карманахъ, разливала ихъ въ опредѣленное время всѣмъ подданнымъ въ своемъ маленькомъ царствѣ. Упитанный супругъ покорялся безпрекословно всѣмъ строгостямъ карантина. Она улаживала ему досузіе часы одиночества всѣмъ, чѣмъ только могла. Веселье, смѣхъ и говоръ царствовали по вечерамъ въ большой залѣ, хорошо вѣтренной и окуренной кругомъ уксусомъ съ душистыми травами. А тамъ, за воротами, царствовалъ плачъ и скрежетъ зубовъ.

Судорожно сжатые члены, синія лица, стугъ заколачиваемыхъ гробовъ и полная народная безпомощность представляли инныя картины, инныя зрѣлища.

Въ Бѣшеной Лощинѣ еще не было холеры, но безпрестанно доходившіе слухи о свирѣпствовавшей кругомъ эпидеміи вселяли невольный ужасъ. Докторъ удвоилъ свою дѣятельность: онъ собственноручно раздавалъ крестьянамъ различныя предохранительныя средства, совѣтовалъ Волгину убавить срокъ рабочихъ часовъ на заводахъ, убѣждалъ крестьянъ не ѣсть огурцовъ, зелени, незрѣлыхъ плодовъ. Но вдругъ настала жара, какихъ давно уже не запомнили старожилы. Воздухъ былъ такъ раскаленъ, что становилось трудно дышать; рѣка обмелѣла, колодцы пересохли, трава выгорѣла, словно выжженная пожаромъ. Ничто уже не могло остановить свирѣпаго потока эпидеміи. Сосѣдніе помѣщики собирались вѣзжать вонъ изъ своихъ имѣній. У Смирновыхъ уже готовились три экипажа для вмѣщенія всѣхъ домочадцевъ, дѣтей, нянекъ, кормилицъ, и семья, по усмотрѣнію Надежды Федоровны, собиралась откочевать въ болѣе безопасную мѣстность. Жители Бѣшеной Лощины все надѣялись, что холера обойдетъ ихъ, благодаря предохранительнымъ средствамъ, но вышло иначе. Она разразилась вдругъ съ невѣроятною силою. Первые случаи произвели потрясающее впечатлѣніе. Докторъ былъ разбуженъ ночью; онъ побѣждалъ, не ведѣвъ тревожить и будить никого въ домѣ. Заболѣлъ ямщикъ, отвозившій волостного старшину въ Надеждену. Въ вечеру въ этой избѣ лежало уже пять покойниковъ—пять жертвъ холеры.

Волгинъ на другой день сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ и чертилъ на-скоро планъ новаго больничнаго барака, который надобно

было соорудить поскорѣе для холерныхъ. Возлѣ него сидѣлъ молодой крестьянинъ, въ простомъ рабочемъ платьѣ мастерового. Онъ былъ какъ свой въ этомъ кабинетѣ. Это былъ одинъ изъ любимыхъ учениковъ и друзей Волгина. Кузнецъ по ремеслу, онъ успѣшно занимался и другими отраслями сельско-хозяйственного труда. Волгину былъ пораженъ особенною способностью къ изобрѣтеніямъ въ его умѣ. Никогда не учась, не имѣя ни одного научнаго знанія, онъ дѣлалъ модели мельницъ, плуговъ, молотилокъ, въ грубыхъ эскизахъ которыхъ сказывался гений. Звали его Кондратіемъ Михайловичемъ. Онъ вскорѣ сдѣлался неразлученъ съ управляющимъ и они вмѣстѣ придумывали различныя упрощенія и улучшенія на заводахъ и фабрикахъ Бѣшеной Лощины. На этотъ разъ Кондратій, нагнувшись надъ Волгинымъ, слѣдилъ за движеніемъ его руки съ напряженнымъ любопытствомъ.

— Это что-же будетъ? остановилъ онъ его надъ непонятнымъ ему знакомъ.

— Это мѣсто для вентилятора.

И Волгинъ началъ растолковывать ему форму и устройство вентилятора.

— Понялъ? Сдѣлаешь? спросилъ онъ его.

Кондратій засмѣялся.

— Велика мудрость! отвѣтилъ онъ, внимательно разсматривая чертежъ.

— Ну, такъ бери рабочихъ, сколько понадобится, и строй баракъ...

— Я думаю, Юрій Николаичъ, лѣсъ-то стоймя поставитъ, — вдвое скорѣе будетъ.

— Ну хорошо, какъ знаешь. Планъ возьми съ собой.

Кондратій былъ грамотный. Волгинъ составлялъ для него записки и иногда просиживалъ съ нимъ цѣлые вечера, растолковывая ему разныя научныя вещи. Его поражала замѣчательная сила ума и способностей этого крестьянина и онъ уже мечталъ сдѣлать изъ него современемъ своего преемника. Въ народѣ Кондратій слылъ чудаконъ и оригиналонъ, но многіе уже начинали предчувствовать въ немъ могучую руку властелина. Онъ былъ страшно настойчивъ, всегда старался поставить на своемъ и довести каждое дѣло до конца, но природный умъ и жажда знанія ограждали его отъ мелкихъ промаховъ посредственности.

Въ ту минуту, какъ мы снова принимаемся за разговоръ, народное бѣдствіе было уже въ полномъ разгарѣ. Работы стали. Цѣлые обозы гробовъ таяулись каждый день на кладбище. Было что-то возбужденное, ненормальное въ обезумѣвшемъ народѣ. Смерть утратила свое таинственное значеніе, — она сдѣлалась обыденнымъ, зауряднымъ явленіемъ. Когда люди стали умирать какъ мухи, когда ихъ краткая, но мучительная агонія связывала здоровыя рабочія руки, которыхъ настоятельно требовали осеннія работы въ поляхъ, — тогда темный, неразвитый людъ сталъ явственно протестовать противъ смерти, и этотъ протестъ выразился неуваженіемъ къ покойникамъ. Ихъ уже не чествовали, какъ прежде, не одѣвали, не убирали на вѣчный покой, а только спѣшили поскорѣе сбыть съ рукъ.

Въ народѣ царствовалъ ужасъ, паническій страхъ смерти. Противъ больницы съ ея новою пристройкою составилось предубѣжденіе: заболѣвшихъ холерою надо было брать силою, увозить съ помощью сотскихъ и старостъ. Несчастный народъ не понималъ, что процентъ смертности существовалъ-бы точно такъ-же и въ отдѣльныхъ домахъ, но, сосредоточившись въ одномъ мѣстѣ, въ больницѣ, онъ поражалъ. Въ описываемое утро пришли доложить управляющему, что одна баба, у которой уже умеръ мужъ и старшій сынъ, никакъ не хочетъ отдавать въ больницу послѣдняго ребенка, заболѣвшаго холерой. Волгина не было дома; графиня вышла сама къ посланному.

— Ничего не подѣлаешь съ глухой бабой, ваше сіятельство, бойко объяснялъ ей только-что вступившій въ свою должность новый староста, усердствовавшій, по этому случаю, изъ всѣхъ силъ. — Больше ничего, какъ, таперича, ее связать, да и отобрать у нея силой.

— Погоди; я пойду сама къ этой бабѣ. Гдѣ она живетъ?

— Недалеко отсюда, ваше сіятельство. Пожалуйте, я провою-сь...

— Нѣтъ, я пойду съ Марфой Васильевной... Она еще здѣсь. Вы можете отправляться къ своимъ дѣламъ.

— Такъ изволите помнить: Фекла Прохорова, шорника Федора жена, — у избы крыльцо новое, заботливо сообщилъ ей староста и вышелъ вонъ съ своими подчиненными.

Графиня пошла звать Галатову, пришедшую въ домъ за но-

вымъ запасомъ лекарствъ, и черезъ нѣсколько минутъ обѣ женщины вышли изъ воротъ на улицу.

— Послалъ было Богъ счастье вашимъ крестьянамъ, да не далъ его имъ въ руки, со вздохомъ сказала Галатова, оглядывая длинную линію новыхъ и удобныхъ построекъ, окаймлявшихъ широкую улицу съ обѣихъ сторонъ.

— Да; все еще такъ ново, замѣтила Кети, оглядывая избы, мимо которыхъ онѣ шли;—вѣрно недавно построено...

— Да какже! Тутъ вѣдь пустошь была,—прежній-то управляющій согналъ ихъ со старыхъ усадебъ да и преселилъ сюда, на голый песокъ. Ну вотъ и жили они,—по двѣ, по три семьи въ одной избушкѣ, лошадь одна на три двора была, шубы не было, сапоговъ и знать не знали... А какъ поступилъ Юрій-то Николаевичъ, онъ ихъ тутъ-же обстроилъ. Колодцы имъ порылъ, плотину устроилъ, водяную мельницу завелъ... Какъ можно!.. Теперь-бы имъ только жить да радоваться... А вотъ Богъ-то и не дастъ...

И она вздыхала, торопливо шагая впередъ.

То-же самое чувство какъ-будто читалось на улылахъ лицахъ встрѣчавшагося имъ народа: всѣ сторонились передъ ними, вланились и тоскливо качали головами, какъ-будто спрашивая, за что надъ ними стряслась такая бѣда. Солнце палило невыносимо. Кети была рада укрыться, наконецъ, хоть въ избу изъ-подъ его палящихъ лучей. Но взойдя на крыльцо и отворивъ дверь, она невольно отшатнулась назадъ. Въ избѣ трудно было дышать: она была жарко натоплена и въ ней стоялъ тяжелый воздухъ. Она пересилила себя и вошла. Небольшую, единственную комнату освѣщали два окна. Цвѣтъ всего въ ней находящагося, стѣнъ, лавокъ, печи, одеждъ и посуды, былъ однообразнаго, темно-сѣраго цвѣта; не было и слѣда того, что украшаетъ жилища мало-мальски цивилизованныхъ людей, ни мебели, ни постели, ни зеркала. У окна на лавкѣ сидѣла женщина въ грязномъ рубищѣ, какъ показалось Кети, но на самомъ дѣлѣ въ обыкновенной будничной крестьянской одеждѣ. Она была въ какомъ-то возбужденномъ состояніи, глаза ея горѣли, губы дрожали, она отирала слезы, катившіяся по загорѣлымъ щекамъ. Тишина была мертвая. На полу, на соломѣ, ногами къ обну, лежалъ мальчикъ, ребенокъ лѣтъ восьми. Онъ былъ накрытъ шубой, лицо его, покрытое синеватою

блѣдностью, видѣлось изъ-подъ нея. При стукѣ отворившейся двери крестьянка выглянула и взметнула на посѣтительницъ дикій, неурязанный взглядъ.

— Не отдамъ! отрѣзала она быстро и, вставъ, загородила бою больного ребенка; — силой-то ничего не возьмете!... Хоть самъ управляющій приходи! Одинъ остался... всего и житья-бытья... Не разстанусь съ нимъ! Только мертваго развѣ возьмете...

— Постой-ка, я посмотрю, что съ нимъ такое, проговорила Галатова, подходя, наклоняясь надъ мальчикомъ и привычной, безстрашной рукой отворачивая шубу съ его маленькаго, исхудавшаго тѣла. — Судорогъ еще не было?

— Такъ, самую малость были, съ живостью отвѣтила мать, заглядывая ей въ глаза. — (Репутація Марфы Васильевны, какъ хорошей лекарки, была извѣстна между крестьянъ.) — Ну, что, помретъ?

— Не помретъ, коли лечить станемъ... Мало-ли ихъ на ноги-то подняли... Давай ложку; сейчасъ лекарство дамъ...

Галатова распорядилась съ такой увѣренностью, лицо ея сіяло такимъ простымъ и неподдѣльнымъ чувствомъ любви и состраданія, что бодрость невольно закрадывалась въ душу бѣдной матери.

Она засуетилась и усердно подавала все, что отъ нея требовали. Больной лежалъ въ забытьи, въ полномъ истощеніи силъ.

— Докторъ въ больницѣ, послать-бы за нимъ, сказала Бети, вся дрожа и напрасно стараясь осилить свое волненіе. Она еще никакъ не могла освоиться съ видомъ страданія и смерти. Она привыкла видѣть больныхъ на чистыхъ постеляхъ, подъ рукою доктора, окруженныхъ заботой и вниманіемъ. Видъ этой грязной обстановки смущалъ ее, какъ какой-то укоръ, какъ что-то безобразное и неестественное. Ей-бы хотѣлось перенести его изъ этой избы, дать ему чистую комнату, постель, сухое бѣлье, цѣлительную теплую ванну.!

— Въ больницу его, въ больницѣ все есть, все готово, говорила она, обращаясь къ крестьянкѣ съ убѣдительною просьбою въ голосъ.

— Не надрывавай ты моего сердца, не поминай мнѣ о больницѣ, вдругъ вскрикнула баба, отирая рукавомъ обильно хлынувшія

слезы: — какъ отвезли туда моего хозяина да большого сына, только я ихъ и видѣла... Одинъ теперь остался... Дай мнѣ хоть взглядѣться-то на него вволю!..

— Богъ милостивъ, поднимется... Не совсѣмъ сиротой останешься, говорила Галатова, поднимая мальчика и оправляя подъ нимъ бѣдное изголовье.— Вонъ у него потъ показался, это хороший признакъ... Дай-ка сухую рубашку, мы ему пережѣнимъ...

Баба достала изъ сундука сухое бѣлье и стала натягивать его на больного съ помощью Марфы Васильевны. Мальчикъ казался безъ жизни, только легкіе стоны изобличали страданіе. Три женщины молча постояли надъ нимъ нѣсколько времени.

— Ну теперь я пойду, произнесла Галатова,—а ты черезъ часъ приходи на барскій дворъ, не будетъ-ли какой пережѣни...

— А какъ не полегчаетъ ему, помретъ онъ? тоскливо спросила мать, пронизывая ее взглядомъ.

Марфа Васильевна не отвѣчала. Крестьянка помалась на мѣстѣ, потомъ вдругъ отошла въ уголъ избы, зарылась въ шубу, висѣвшую на вѣшалкѣ, и зарыдала такъ беспомощно и безотрадно, что у Кети повернулось сердце и къ горлу ея начали подступать спазмы.

— О чемъ плакать? съ состраданіемъ произнесла Марфа Васильевна.— Легче, что-ли, будетъ?

— Вѣдь живы были, третьяго дня всѣ живехоньки были! рыдала баба.— Чуяло-ли мое сердце? Ждала-ли я этого горя?

— Послушай, моя голубка, задушевно сказала Галатова, подходя и садясь около нея на лавку: — и у меня былъ мужъ, и любилъ меня, какъ душу, и жили мы съ нимъ, какъ въ раю небесномъ... Какъ умеръ онъ, я думала, что въ умѣ помѣшаюсь... Взгляну на его постель, на одежду его, да такъ и не устою на ногахъ... Одна, одна теперь...

— Мальчикъ выздоровѣетъ, промолвила Кети съ лихорадочною живостью.— Я не отойду отъ него, сама буду за нимъ ухаживать...

— Кабы онъ уцѣлѣлъ-то у меня, я бы стерпѣла, пережила-бы какъ-нибудь, заговорила баба, утирая слезы и съ сіяніемъ надежды устремивъ глаза въ лицо Кети.— Не знаешь ты, графинюшка, какъ жить было намъ хорошо... И коровка у насъ есть, и лошади, и птица всякая... Молоко каждый день хлебали, по празд-

никакъ яйца варили, курятину... Шубы у меня двѣ... есть и юбки, и сарафаны... Федоръ-то мой вѣдь темный работникъ былъ... И умеръ-то, почитай-что, на работѣ... Третьяго дня всталъ по утру, все животомъ жаловался; всю ночь проохалъ... А самъ собирается за снопами ѣхать... Я ему говорю: „Ой, Федоръ! не ѣзди, не мучай себя, ступай лучше на барскій дворъ, попроси лекарства“. А онъ и говоритъ: „А снопы-то какже? Ихъ вѣдь лошадьми травятъ... Перевезти надо!“ И поѣхалъ... А я поденьщицей была въ этотъ день на заводѣ: прихожу вечеромъ, а онъ уже лежитъ у колодца весь синій да скрюченный... Припалъ головой къ колодѣ, гдѣ лошадей поятъ, да такъ и валяется...

— Зачѣмъ-же у колодца? спросила Кети.

— Да ведро-то самъ не вытащить, а подать-то пить некому. Всѣ на работѣ. Таеъ и подползъ. Взяла я тутъ его, да ужъ и не помню, что было потомъ.

Всѣ замолчали. Въ избѣ стояла тишина. Мальчикъ заневеллся, попросилъ пить. Ему подали.

— Ступайте отсюда, Марфа Васильевна. Я побуду здѣсь съ ней;—мнѣ кажется, ему лучше, вымолвила Кети и, взявъ худую, загорѣлую руку мальчика, стала слѣдить за его пульсомъ.

Мать съ другой стороны тоже припала къ нему, приподняла его лицо, посмотрѣла на свѣтъ.

— Костя, а, Костя! Что у тебя болитъ? Откликнись! Аль ты меня не признаешь? говорила она съ тоской.

Но мальчикъ не открывалъ глазъ, не подавалъ голоса.

— Оставь его, дай ему уснуть, уговаривала ее графиня, стоя на колѣняхъ передъ нимъ.

Галатова простилась и вышла. Снова настала тишина. Крестьянка сѣла, подгорюнившись, на прежнее мѣсто. Она ничего не ѣла со вчерашняго дня. Утромъ она проводила на кладбище самыхъ дорогихъ и близкихъ ей людей, мужа и сына, голоса и присутствіе которыхъ еще таеъ недавно наполняли эту самую избу. Какъ жутко, какъ непривычно кажется ей вдругъ наступившее одиночество и молчаніе!

Кети ходила по избѣ въ безпокойномъ, томительномъ волненіи, приискивая слово утѣшенія и надежды для бѣдной женщины. Ей таеъ хочется вылечить мальчика, таеъ хочется возвратитъ его матери здороваго и невредимаго.

— Мама, вдругъ слышится съ пола слабый голосокъ.

Объ женщины бросились на призывъ.

— Возьми меня, посади къ окошку! шепчетъ ребенокъ.

Какой хриплый, неприятный звукъ! Но онъ звучитъ какъ музыка въ ихъ ухахъ.

— Полегче тебѣ?

— Полегче... Я-бы теперь поѣлъ чего-нибудь.

— Молоко есть? выговорила Кети, вся замирая отъ волненья.

— Есть, сейчасъ сбѣгаю.

Мать выбѣжала изъ избы, не слыша подъ собою ногъ. Кети наклонилась надъ мальчикомъ, жадно впиваясь въ его прояснившиеся глаза. Онъ улыбнулся.

— Гла-финя! пролепеталъ онъ съ дѣтскимъ любопытствомъ.

Въ эту минуту на крыльцо кто-то шагнулъ и въ избу заглянулъ докторъ. Кети вскочила и въ избытокъ радости схватила его за руку.

— Докторъ, вѣдь онъ спасенъ, онъ выздоровѣетъ? крикнула она ему. — Онъ хочетъ ѣсть, я послала за молокомъ.

Межецкій подошелъ, пощупалъ пульсъ и успокоительно махнулъ рукой.

— Ничего, — поправится, завтра бѣгать будетъ.

Кети выбѣжала вонъ: ей нужно было отыскать мать, обнадежить, утѣшить ее. Эта минута наградила ее за многое, многое искупала въ ея жизни.

Какой благотворный переворотъ произвела вся эта печальная эпидемія въ душевномъ настроеніи графини Бореаль. Передъ лицомъ страшныхъ бѣдствій всѣ лучшіе инстинкты ея души заговорили и съ молодой стремительностью овладѣли всѣмъ ея существомъ. Такое положеніе дѣлъ не ускользнуло отъ вниманія Ольги. Съ возрастающимъ ужасомъ слѣдила она за этимъ новымъ пунктомъ сближенія между графиней и Волгинымъ, — пунктомъ, который неминуемо долженъ былъ слить объ ихъ жизни въ одну. Она не могла покориться этой мысли, она все еще не выпускала изъ рукъ оружія борьбы. Чтобъ уравновѣсить свои шансы, она дошла до фанатизма, до геройства. Она сама ходила къ больнымъ, растирала ихъ собственноручно, дежурила въ больницѣ, не спала ночей, оказывала подвиги самоотверженія. Она старалась всегда быть на виду, имѣть первый голосъ во всѣхъ совѣщаніяхъ, во

всѣхъ пожертвованіяхъ. Ея идеи были дѣльны, гуманны, практичны: ихъ нельзя было не принять, нельзя было не одобрить. Кети казалась неопытнымъ ребенкомъ передъ ней; не знала жизни, не знала народа; ея совѣты отзывались неопытностью, непониманіемъ. Волгинъ нерѣдко смѣялся надъ ней, относился къ ней порою сурово, порою строго, — и все-таки между ними была искренность, симпатія, сочувствіе. А къ ней, къ Ольгѣ? Онъ ея чуждался, сторонился, не вѣрилъ ей. Какъ она ненавидѣла эту женщину! Цѣлыя ночи напролетъ она придумывала средства подорвать ея кредитъ, обрѣзать ей крылья, свергнуть ее съ пьедестала. Ей-бы хотѣлось разсорить графиню съ Волгинымъ.

ГЛАВА II.

Климовъ, между тѣмъ, отпустивъ жену въ Бѣшеную Лощину, цѣлыя дни ходилъ какъ потерянный. Онъ совсѣмъ бросилъ и домъ, и хозяйство, бродя по окрестностямъ и не зная, какъ убить время до вечера, когда ему можно было отправиться за женой въ ненавистный домъ Волгина. Что-же дѣлала тамъ Марья Павловна? Какъ она проводила свои дни? Вотъ и желаніе ея исполнилось: она живетъ подъ одной кровлей съ Волгинымъ, имѣетъ опредѣленное занятіе, получаетъ хорошее вознагражденіе, можетъ изучать избранную специальность, однимъ словомъ, все, чего только можетъ желать дѣльная и серьезная женщина, — все къ ея услугамъ. Но оказалось, что это не то, совсѣмъ не то, чего она ожидала. Бывало, въ мечтахъ своихъ о жизни въ Бѣшеной Лощинѣ она представляла себя въ свѣжемъ, свѣтломъ платьѣ, съ безукоризненно причесанными волосами, встрѣчающуюся каждое утро съ Волгинымъ, сначала у самовара, потомъ на скотномъ дворѣ, потомъ на сыроварнѣ. Но охотиѣ и чаще всего представляла она себя въ его кабинетѣ, при свѣтѣ лампы, когда, окончивъ дневныя занятія, они будутъ сходиться на цѣлый, длинный вечеръ; онъ будетъ читать ей что-нибудь и объяснять прочитанное; она, храня на румяномъ и свѣжемъ лицѣ выраженіе вниманія и доброты, будетъ слушать его съ напряженнымъ интересомъ; потомъ мало-по-малу отъ научныхъ объясненій разговоръ перейдетъ въ другую область, — область короткости и сближенія. Какъ она ошиблась! Теперь она встаетъ рано, идетъ на скотный дворъ *одна*,

потомъ сидитъ за самоваромъ *одна*; всѣ пьютъ чай въ своихъ комнатахъ, всѣ въ разное время; она прикована къ буфету, пова не удовлетворитъ всѣмъ требованіямъ. Потомъ она прикована къ кладовой, гдѣ ее осаждаетъ поварь, потомъ она прикована къ молочной, гдѣ ей нужно снимать молоко, потомъ ее ждутъ сыроварня, подвалъ, погребъ и снова самоваръ, снова въ буфетѣ приходится быть одной и одной. И некому замѣтить ни ея платья, ни прически, ни румянца ея щекъ, не съ кѣмъ переброситься парой словъ. А вечеромъ мужъ, неизбѣжно въ одинъ и тотъ-же часъ, и если выдастся свободная минута, то она ее проводитъ съ нимъ, неизмѣнно съ нимъ однимъ. Да и какъ все это похоже на игру, на кукольную комедію, это пребываніе ея на должности въ Бѣшеной Лощинѣ! Мужъ привозитъ и отвозитъ ее каждый день, какъ какую-нибудь дѣвочку, которой вздумалось позабавиться новой затѣей, — затѣей труда: ей дозволили это, но держать на привязи, натягивая каждый разъ веревку, если она вздумаетъ переступить положенную черту. А Волгинъ, Волгинъ? Отчего онъ могъ такъ измѣниться къ ней? Правда, онъ заботится о ней, онъ посылаетъ ей книги бесѣдуетъ съ ней, провѣряетъ ея счета, но и только. Ни слова о будущемъ, о ея личныхъ желаніяхъ, интересахъ. „Онъ влюбленъ въ графиню, — да, влюбленъ!.. Ольга Никонова права...“ И съ этимъ сознаніемъ дѣло теряетъ въ глазахъ Марьи Павловны всю привлекательность и она ходитъ, сама не своя, не чувствуя подъ ногами почвы. Кроме того, съ появленіемъ холеры, была открыта раздача лекарствъ и провизіи, и Климовой, какъ лицу постоянно остающемуся дома, поручено было раздавать ихъ.

Опять черный трудъ, лишенный всякаго интереса, опять отчужденіе отъ общей жизни, отъ общей живой дѣятельности. Въ то время, какъ она, цѣлые часы на ногахъ, въ темной пріемной, имѣетъ дѣло съ отчаяннымъ, унылымъ людомъ, всѣ они, т. е. Волгинъ, графиня и Ольга, можетъ быть, отдыхаютъ гдѣ-нибудь вмѣстѣ на берегу пруда или на площадкѣ у мельницы. А Ольга пристаётъ съ своими возбуждающими рѣчами и понуканіями объясниться съ Волгинымъ и требовать у него отчета въ его поведеніи. И дѣтски неразвитый умъ молодой женщины тревожно ищетъ исхода, жаждетъ переменъ.

Наступилъ день рожденія графини. Съ самаго дальняго дѣт-

ства день этотъ ознаменовывался роскошнымъ баломъ и празднествомъ въ домѣ ея родителей. Лежа въ это утро въ своей постели, въ домѣ Бѣшеной Лощины, Кети думала, какъ различно отъ прежнихъ лѣтъ проведетъ она этотъ день. И вдругъ дверь ея спальни суетливо растворилась и двѣ горничныхъ, впопыхахъ отъ волненія и любопытства, внесли въ ея комнату нѣсколько коробокъ и картонокъ.

— Сейчасъ привезли со станціи, ваше сіятельство! Юрій Николаевичъ сюда приказали отнести, растолковывали онѣ изумленной графинѣ, которая стояла передъ этими вещами, какъ передъ чѣмъ-то давно забытымъ, вернувшимся къ ней изъ стараго міра.

— А вотъ и телеграма, подали онѣ ей конвертъ въ синей обложкѣ.

Телеграма начиналась краснорѣчивыми поздравленіями и пожеланіями счастья со стороны графа. Пока она читала телеграмму съ странной смѣсью удовольствія и легкой ироніи, за дверью снова послышались голоса.

Ольга, м-съ Люси и Марья Павловна, въ нарядныхъ платьяхъ, съ улыбками и поздравленіями, явились въ комнатѣ графини. Безпечный говоръ и восклицанія восторга при распаковкѣ ящичковъ и картонокъ смѣнили соболѣзную и грустную рѣчь прежнихъ дней. Всѣ какъ-будто сговорились не упоминать ни о больныхъ, ни о холерѣ, ни о чемъ мрачномъ и грустномъ. Въ особенности Ольга всѣми силами старалась закружить Кети въ розовой атмосферѣ праздничнаго дня. Волгинъ также получилъ письмо отъ графа. Старикъ сожалѣлъ, что не могъ самъ отлучиться на это время изъ Петербурга, и просилъ Волгина не забыть отличить этотъ день домашнимъ празднествомъ.

Докторъ былъ того мнѣнія, что маленькое развлеченіе среди печальныхъ сценъ послѣдняго времени принесло-бы пользу всѣмъ окружающимъ и въ особенности графинѣ, которая замѣтно похудѣла и утомилась. Положено было залу убрать цвѣтами, устроить обѣдъ съ шампанскимъ, а вечеромъ кататься на ярко освѣщенной лодкѣ, съ гребцами и пѣснями.

Ольга, выслушавъ эти проекты, долго сидѣла мрачная и неподвижная, но вдругъ глаза ея засверкали, очевидно въ головѣ ея мелькнула какая-то мысль, и она первая приняла самое живое и горячее участіе во всѣхъ приготовленіяхъ.

„Баль среди разгара холеры, думала она; — графиня, вся въ цвѣтахъ и бриліантахъ, съ бокаломъ шампанскаго въ рукахъ; стоны умирающихъ, заглушаемые пѣснями гребцовъ, — какой богатый матеріалъ, какъ много можно пустить въ ходъ ядовитыхъ стрѣлъ, намековъ и глубокомысленныхъ выводовъ!“

Съ утра она была уже на ногахъ и дѣятельно занималась уборкою залы.

Волгинъ не обращалъ вниманія на неприличіе подобнаго праздника среди самаго разгара холеры; онъ думалъ только объ одномъ: ослабить какъ-нибудь напряженное состояніе духа графини и отвлечь ее хоть на время отъ ея *idée fixe*.

Увлекаемая общимъ потокомъ восторженныхъ просьбъ и ласковыхъ убѣжденій, графиня одѣлась по-праздничному и пришла въ убранную цвѣтами залу, гдѣ ее ожидалъ столъ, роскошно сервированный для завтрака.

Межецкій, Волгинъ и Славянскій, всѣ въ праздничныхъ костюмахъ и съ такими-же лицами, встрѣтили ее въ дверяхъ, поздравили, закидали удивленными взглядами и изъявленіями восторга. Физиономія Кети отразила радость давно неиспытаннаго торжества. Всѣ наперерывъ толковали о предстоящихъ удовольствіяхъ этого дня. Кети слушала съ полу-грустной, полу-насмѣшливой улыбкой.

— Знаете-ли что, вдругъ сказала она: — мнѣ это празднество напоминаетъ эпизодъ чумы или „красной смерти“ изъ сочиненій Эдгара По; помните, какъ тамъ во время эпидеміи всѣ точно такъ-же заперлись въ роскошномъ замкѣ и посвящали все время буйнымъ оргіямъ, стараясь уничтожить даже малѣйшую мысль о смерти? Но тѣхъ побуждалъ, по крайней мѣрѣ, паническій страхъ чумы, безумное желаніе жить, а насъ что?

— Я сейчасъ объясню вамъ, съ живостію прервалъ докторъ: — мы въ этомъ случаѣ подчиняемся общему закону противоположностей. Насъ дѣвятъ картины настоящаго бѣдствія, и вотъ мы стремимся ухватиться за что-нибудь другое, что могло-бы поднять и ободрить нашъ упавшій духъ... Это своего рода протестъ, графиня, нравственный инстинктъ самосохраненія.

— А мнѣ кажется, это просто эгоизмъ и больше ничего...

— Ну пускай эгоизмъ! вскричалъ Волгинъ, — только мы будемъ веселиться во что-бы то ни стало!

Послѣ обѣда общество снова вышло въ залу и, по общему побужденію, столпилось у арфы, за которую, наконецъ, сѣла графиня. Нѣсколько недѣль пальцы ея не касались инструмента. Теперь-же, возбужденная непривычнымъ порывомъ веселья, праздникомъ, одуряющимъ запахомъ цвѣтовъ, присутствіемъ въ себѣ какой-то полноты и живости ощущеній, она жаждала музыки, жаждала наслаждаться звуками. Волгинъ какъ сѣлъ на кресло сзади ея табурета, такъ и приросъ къ нему, какъ заколдованный. Голова его опустилась на руки; онъ слушалъ, весь охваченный мелодіей могучихъ и торжественныхъ звуковъ, извлекаемыхъ изъ послушнаго инструмента пальцами графини...

Ольга, тяжело дыша, съ расширенными ноздрями, старалась прервать очарованіе и то-и-дѣло торопила доктора и другихъ идти на берегъ пруда смотрѣть, приготовлена-ли лодка. Но докторъ, послѣ роскошнаго обѣда и выпитаго шампанскаго, полулежалъ въ сибаритскомъ покоѣ на мягкомъ оттоманѣ, курия сигару, слушая музыку и напрасно стараясь привлечь къ себѣ въ компанію свою причудливую и неподатливую невѣсту.

— Неугомонная ты! ласково упрекалъ онъ ее.—Ну что тебѣ стоитъ посидѣть около меня съ полчаса?..

Ольга присѣла возлѣ него, пытливо стараясь наблюдать съ этого поста всякое движеніе Волгина и графини. Въ этотъ день и Марья Павловна тоже рѣшилась вся отдаться удовольствію. Она упросила миссъ Люси занять ея мѣсто въ буфетѣ, и англичанка согласилась, забывая, впрочемъ, каждую минуту въ залу, чтобъ сообщать пирующимъ, что дѣлается и готовится на кухнѣ. Климова была въ самомъ лучшемъ своемъ платьѣ, томъ самомъ, въ которомъ когда-то ей было такъ весело на вечеринкѣ у Галатовой, когда Волгинъ дарилъ ее своимъ вниманіемъ, охотно говорилъ съ ней. Теперь не то: онъ даже какъ-будто забылъ о ея существованіи. За что онъ такъ холоденъ къ ней? Чѣмъ она заслужила это? Она ушла для него отъ мужа, самъ онъ уговаривалъ ее жить въ Бѣшеной Лощинѣ, а теперь слова путнаго не скажетъ, ни разу не взглянетъ на нее. „Да! вѣдь онъ съ графиней; она образованная, ученая, ему съ ней весело. И Ольга Борисовна тоже принадлежитъ къ ихъ обществу; она умѣетъ разсуждать, спорить... Я одна здѣсь чужая, одна, какъ отрѣзанный ломотъ“... Она украдкой подошла къ зеркалу, взглянула на свое платье, цвѣтущую фізіономію, пепельный

цвѣтъ волосъ — и невольныя слезы затуманили ея глаза... Она была одинока, въ тѣни; солнце свѣтило тамъ, у арфы, гдѣ смолгли торжественныя звуки и уступили мѣсто тихой, задумчивой бесѣдѣ.

Марья Павловна не выдержала этой картины: она порывисто вышла изъ комнаты. Волгинъ давно уже слѣдилъ за нею и отлично замѣчалъ настроеніе ея духа.

— Скажите мнѣ, началъ онъ, обращаясь къ Кети, — какимъ образомъ не ошибиться въ женщинѣ и угадать, что она такое и чего ей нужно?

— Что вы хотите этимъ сказать? спросила графиня.

— Я говорю о Марьѣ Павловнѣ...

Кети остановилась и въ упоръ посмотрѣла ему въ глаза.

— Вы любите ее? выговорила она, стараясь проникнуть въ самыя тайныя изгибы его души.

— Нѣтъ, отвѣтилъ онъ рѣшительно. — Вотъ объ этомъ-то я и хотѣлъ вамъ сказать... Я видѣлъ, что женщина скучаетъ, говоритъ, что жизнь ея безцвѣтна; что она желала и могла-бы быть полезной... Я, разумѣется, повѣрилъ ей и поддался на удочку... Она жадно слушала мои совѣты, внимательно читала книги; я думалъ, что открываю ей новую точку зрѣнія на жизнь, вывожу на лучшей путь... Что-же вышло? Какая жалкая и странная комедія!... Она поступила сюда на должность; я далъ ей все, что было въ моихъ ередствахъ, — обширное изученіе избранной ею специальности, независимость, просторъ... Довольна-ли она?.. О, нѣтъ!.. она и недовольна, и несчастна! А все оттого, что я имѣю губельную привычку идеализировать и видѣть алмазъ въ булыжникѣ... Кто знаетъ, сколько новыхъ бѣдъ сулитъ мнѣ еще эта несчастная способность...

Онъ замолчалъ; Кети слушала съ понуренною головою. Вдругъ въ комнату вошла Люси и пробормотала что-то о гофманскихъ капляхъ и одеколонѣ. Ольга схватилась за этотъ предлогъ, чтобъ хоть на минуту прекратить невыносимую для нея пытку этой бесѣды у арфы.

— Вызовите скорѣе графиню... скажите ей, заторопила она англичанку.

Та повиновалась и Кети тотчасъ-же встала изъ-за арфы съ неостывшимъ еще блескомъ одушевленія въ глазахъ и во всей ея фигурѣ.

— Марья Павловнѣ дурно? Она плачетъ? спрашивала она.—
Что-же такое случилось?

Ольга встала прямо противъ нея.

— Что случилось? раздался ея зловѣщій голосъ;—и ты можешь
объ этомъ спрашивать? Тебѣ-бы надо лучше всѣхъ это знать!..
Бѣдная Марья Павловна...

Она окинула Кети взглядомъ ненависти и ядовитого упрека.

— Ты *мнѣ* это говоришь, Ольга? серьезно спросила Кети.

— О, извините меня! Я забываю, что графиня Бореаль, вла-
дѣлица Вѣшеной Лощины и хозяйка этого дома, имѣетъ право
для своей личной прихоти топтать счастье всѣхъ окружающихъ
и что это должно считаться законнымъ и справедливымъ...

Она выбѣжала изъ залы въ коридоръ, сама не помня себя.
Смятеніе ея было ужасное. Эта прорвавшаяся вспышка ненависти
уже приводила ее въ отчаяніе. „Какъ она могла такъ измѣнить
себѣ?.. Но, утѣшала она себя,—мотивъ, руководившій ея сло-
вами, для тѣхъ, кто не зналъ глубины ея души, благороденъ и
ясенъ, какъ кристалль... Состраданіе, чувство дружбы,—вотъ лег-
кое и удобное объясненіе неумѣстной вспышки“. Все время, пока
она стояла около рыдавшей Марьи Павловны, она старалась этими
доводами усмирить свой взволнованный духъ... Волгинъ не видалъ
этой сцены: онъ все сидѣлъ на своемъ мѣстѣ у арфы, задумчиво
глядя въ пространство, какъ-будто все еще прислушиваясь къ
замолкнувшимъ звукамъ. Въ эту минуту дверь отворилась и на
порогѣ показалась Марфа Васильевна Галатова. На ней было ея
простое, ситцевое платье съ обычнымъ бѣлымъ передникомъ, изъ
кармановъ котораго торчали пузырьки и банки съ лекарствами.
Вся ея фигура, съ серьезнымъ и огорченнымъ выраженіемъ въ до-
брыхъ глазахъ, съ поблекшимъ румянцемъ щекъ, съ мозолями на
загрубѣвшихъ рукахъ,—составляла рѣзкій контрастъ съ обстанов-
кою комнаты: неубранный столъ съ остатками пиршества, недопи-
тые бокалы шампанскаго, одуряющій запахъ цвѣтовъ, графиня въ
бѣломъ платьѣ и съ бриллиантами на груди,—вотъ что представи-
лось изумленнымъ взорамъ старухи.

Кети онѣмѣла при видѣ Галатовой: ея появленіе было для всѣхъ
словно той невидимой рукой, которая начертала на пиршествѣ Валь-
тасара роковыя слова.

Марфа Васильевна прямо подошла къ Волгину.

— Кондратія Михайлова схватило, выговорила она какимъ-то тихимъ, строгимъ тономъ, отъ котораго у Волгина пробѣжалъ по всѣмъ членамъ нервный трепетъ;— у него сильныя судороги и рвота... Въ воротахъ вашего дома толпа народа; ихъ не пускаютъ; я ужь сказала, что сама пойду за лекарствами...

Волгинъ не далъ ей договорить; онъ вскочилъ съ страшной блѣдностью на лицѣ. Кондратій Михайловъ—его любимецъ, его надежда и гордость. Неужели это возможно? Онъ подошелъ къ доктору и сказалъ ему нѣсколько словъ. Мецецаго будто что-то приподняло съ дивана. Онъ быстро началъ отыскивать фуражку.

— Скорѣе, скорѣе! торопиль его Волгинъ.

Вдругъ вошла Ольга съ Марьей Павловной. Онѣ обѣ уже успѣли переодѣться и держали шляпы въ рукахъ.

— Извините, господа, сказала Ольга отчетливо, — мы не можемъ присутствовать на дальнѣйшей пирушкѣ: мы идемъ къ больнымъ; комедія кончена, дѣйствительная жизнь началась...

Она окинула Кети непередаваемымъ взглядомъ: въ самомъ дѣлѣ, бѣлое платье, брилiанты и роскошная причѣска молодой женщины составляли такую аномалiю среди этихъ испуганныхъ и озбоченныхъ лицъ, торопливыхъ движенiй, что у нея сжалось сердце. Волгинъ замѣтилъ это и подошелъ къ ней.

— Мы пойдемъ вмѣстѣ, добродушно проговорилъ онъ ей.— Я подожду васъ здѣсь пять минутъ.

Зала мигомъ опустѣла; послышалось хлопанье дверей, торопливые шаги по лѣстницѣ. Волгинъ ждалъ графиню у подъѣзда. Она знала, что такое былъ для него Кондратій Михайловъ. Во всю дорогу ни онъ, ни она не проронили ни слова. Больной лежалъ въ просторномъ и прохладномъ сараѣ, наполненномъ душистымъ сѣномъ. Возлѣ него стояла молодая женщина съ испуганнымъ, вполне потерявшимся лицомъ; это была его жена. Она тяжело дышала, стыдясь выказать свое горе, то нервно принималась прибирать все въ сараѣ, то хваталась за кружку съ водою, то вдругъ выбѣгала за ворота, очевидно не помня, что она дѣлаетъ. Больной былъ въ полной памяти, въ полномъ сознанiи чувствъ и воли, но странный, сѣрватый оттѣнокъ, не то блѣдность, не то синева, лежалъ на всемъ лицѣ, просвѣчивая сквозь загаръ и наглядывая на мужественныя черты зловѣщую печать смерти. Глаза его, большiе, ненормально впавшия, вдругъ устремились на вошедшихъ съ

странной смѣсью какого-то стыда надъ самимъ собой, надъ всѣмъ этимъ переполохомъ.

— Такъ-то, другъ ты мой, Юрій Николаевичъ, выговорилъ онъ, отдыхая на каждомъ словѣ: — не выгорѣло, видно, наше дѣло... Умру, поминать меня станешь, что-ли?..

Волгинъ не отвѣтилъ ни слова.

— Рано тебѣ умирать! выговорилъ докторъ.

— Что-жъ подѣлаешь съ ней, съ проклятой... Схватила — и лежишь, какъ колода...

Докторъ, между тѣмъ, нагнувшись надъ нимъ, щупаль его пульсъ... Пульсъ бился едва слышно, едва замѣтно. Больного снова начали подергивать судороги. руки его похолодѣли, лицо вдругъ осунулось и на лбу показались холодныя капли пота. Всѣ съ напряженными лицами стояли надъ нимъ.

— Что-же мы медлимъ? вдругъ вскричалъ Меженкій. — Въ больницу его скорѣе... Тамъ есть всѣ средства... Дайте сюда воды! Я дамъ ему лекарство.

Жена Кондратія бросилась опрометью за водой. Ольга между тѣмъ послала за подводой, приготовляла подушки и войлоки, чтобъ положить на нихъ больного. Подвезли телѣгу; лошадь уже фѣркала у сарая, безстрастно и апатично протягивая морду въ дверь, чтобъ схватить клочокъ сѣна. Больного приподняли; онъ шатался, какъ пьяный, ноги подламывались подъ нимъ. Помутившійся взглядъ его искалъ на лицахъ присутствующихъ какой-нибудь точки опоры, искры надежды.

— Феня! вымолвили его губы чуть слышно, — смотри, береги мой инструментъ... Тамъ у меня много работъ зачато... какъ не умру, додѣлаю...

Послѣднія слова онъ уже договорилъ на телѣгѣ, куда свалился какой-то безжизненной массой.

Волгинъ все стоялъ неподвижно, съ суровыми, сдвинутыми бровями, какъ-бы злясь, негодуя на что-то, не выказывая никакихъ наружныхъ знаковъ участія или состраданія. Вдругъ онъ двинулся прямо къ лошади и схватилъ ее подъ уздцы.

— Не надо въ больницу! сказалъ онъ такъ повелительно, что руки у всѣхъ опустились. — Везите его ко мнѣ... .

— Юрій, вдругъ остановилъ его докторъ, — въ умѣ-ли ты? По-

ложить холернаго въ домъ,—ты забываешь, что всѣхъ тогда выгонишь изъ дому.

— Нѣтъ, нѣтъ! вдругъ вскричала порывисто Кети;—оставьте его, я согласна! У насъ ему будетъ лучше... везите его въ домъ.

Межецвѣй пожалъ плечами.

— А Ольга, а Марья Павловна, а прислуга? Вы всѣхъ подвергаете опасности, всѣхъ можете разогнать изъ дому... Подумайте!

— Не безпокойся обо мнѣ, вдругъ вымолвила Ольга торжественно:—я давно научилась пренебрегать своей личной опасностью для блага ближняго...

— Мой кабинетъ далеко, на самомъ концѣ дома, возражалъ Волгинъ нетерпѣливо;—я загорожусь отъ всѣхъ, никого не буду пускать къ себѣ... Ну, если-бъ кто-нибудь изъ насъ заболѣлъ холерой, развѣ ты сталъ-бы отправлять его въ больницу?.. Поѣзжай, Василій!

Тельга тронулась. Волгинъ прыгнулъ въ нее и сѣлъ около Кондратія, положивъ его голову къ себѣ на колѣни.

ГЛАВА III.

Ночь. Въ кабинетѣ Волгина тускло горѣла лампа подъ темнымъ абажуромъ. Онъ самъ тихими шагами ходилъ по комнатѣ, изрѣдка подходя къ больному, неподвижно и безмолвно лежавшему на кровати, лицомъ къ окну. Вотъ уже нѣсколько часовъ сряду, какъ Волгинъ, касаясь больного, чувствовалъ подъ своими горячими, утомленными руками холодные, скорченныя члены бѣдняка и не зналъ, будетъ-ли онъ живъ или нѣтъ. Кондратій былъ въ забытїи: онъ лежалъ съ такимъ суровымъ, безстрастнымъ выраженїемъ лица. Это выраженїе пугало Волгина; онъ все не хотѣлъ вѣрить въ возможность его смерти. Кондратій умереть! Онъ, его любимецъ и ученикъ, на которомъ онъ сосредоточилъ всѣ свои надежды, которому хотѣлъ вѣрить будущее благосостояніе Бѣшеной Лощины, — погибнетъ безвременной, безвѣстной смертью, подъ натискомъ какой-то слѣпой и грубой силы. Да неужели-же нѣтъ никакихъ средствъ? Онъ уже испробовалъ, кажется, все. Неужели покориться и приготовиться въ скоромъ вре-

мѣни увидѣть одну безсмысленную, безобразную массу тамъ, гдѣ за день передъ тѣмъ еще жило столько энергіи, ума и силы?

Волгинъ не помнилъ самъ потомъ, какъ онъ провелъ эту ночь. Никто не заглядывалъ къ нему въ кабинетъ, кромѣ доктора, который утѣшалъ его, какъ умѣлъ, говорилъ, что есть значительная перемѣна къ лучшему, что теперь надо только добиться теплоты, возвысить температуру тѣла.

И Волгинъ добился ея. Къ разсвѣту онъ почувствовалъ, что его больного бросило въ жаръ. Онъ побѣждалъ за докторомъ, разбудилъ его, привелъ въ свою комнату. Пульсъ былъ очень сильный, больной метался на подушкѣ, прося безпрестанно пить, по временамъ бредилъ, впадая въ забытѣе.

— Что-же съ нимъ? спрашивалъ Волгинъ у доктора.

— Холера, кажется, переходитъ въ тифъ. Будемъ надѣяться: онъ молодъ; выдержалъ холеру — тифъ уже не такъ опасенъ.

Къ полудню Ковдратій очнулся и впалъ въ странную говорливость... Впалые глаза его блестяли фосфорическимъ блескомъ; онъ безпрестанно звалъ къ себѣ Волгина, хотѣлъ говорить съ нимъ. Онъ сдѣлался возбужденъ, веселъ; воспоминанія, событія дѣтства, самыя далекіе эпизоды жизни прихлынули къ его мозгу могучею волною. Порою онъ закрывалъ глаза, но тотчасъ-же просыпался.

— Не отходи отъ меня, просилъ онъ. — Мнѣ все чудятся такія диковины... Вотъ сейчасъ видѣлъ: подходитъ Феня и начинаетъ качать на меня воду изъ насоса; ну знаешь, изъ того самаго, что у насъ на паровой мельницѣ. Всю рѣку на меня выпустила... Ужъ я кричалъ, кричалъ ей: „Дура! вѣдь ты мельницу испортишь, она молотъ не будетъ!“ А то вонъ въ томъ углу волчьи глаза все свѣтятся... Право! Я тебѣ скажу, когда они покажутся... А разказать тебѣ, какъ я въ лѣсъ на медвѣдя ходилъ?

— Расскажи, отвѣтилъ Волгинъ, замирая отъ непонятнаго чувства тоски. Какъ-то странно было слышать потокъ безсвязныхъ, но оживленныхъ рѣчей изъ устъ, почти уже скованныхъ печатью смерти.

— А помнишь, снова началъ больной сбивчиво, уже забывъ о томъ, что хотѣлъ разказать ему:—какъ мы сидѣли съ тобой въ кабинетѣ и ты мнѣ тогда много диковинокъ отерпелъ... И

какъ это я вдругъ сталъ понимать все, а сердце у меня такъ и зародовалось!.. Помнишь ты это?..

— Помню...

Кондратій не сводилъ съ него своихъ лихорадочно блестящихъ глазъ.

— Ты весь извелся со мною... Поди отдохни.— Чай, заводъ нашъ сталъ теперь... Какъ мы оба попремъ съ тобой, плохо будетъ нашей Бѣшеной Лощинѣ...

Въ эту минуту дверь неожиданно скрипнула и вошла графиня. Она была блѣдна и разстроена. Глаза ея впали отъ бессонно проведенной ночи.

— Знаете-ли, что я одна теперь въ домѣ? заговорила она. — Прислуга разбѣжалась почти вся еще съ вечера. Ольга съ докторомъ въ больницѣ, Марья Павловна готовить что-то на кухнѣ, а миссъ Люси ушла съ Галатовой. Мнѣ такъ жутко одной въ пустыхъ комнатахъ. Примите меня къ себѣ, дайте мнѣ посидѣть здѣсь.

Волгинъ не спалъ всю ночь. Онъ былъ тоже въ странномъ возбужденіи. Больной спокойно лежалъ на подушкахъ, какъ-бы погрузившись въ сонъ. Улыбка блуждала на его горячихъ, высохшихъ губахъ.

— Лучше ему? Какъ вамъ кажется? спросилъ вмѣсто отвѣта Волгинъ и неожиданно взялъ ея обѣ руки въ свои.

— Да, да! Докторъ мнѣ это сказалъ... Однако, вы совсѣмъ стали на себя не похожи... Вамъ надобно подкрѣпиться. Прилягте на этотъ диванъ, а я посижу около него.

— Нѣтъ, я не могу спать...

— Ну такъ я попрошу Марью Павловну дать намъ кофе. Я приду сейчасъ...

Ольга между тѣмъ, не находя нигдѣ графини, бросилась въ больницу. Тамъ обычная картина представилась ея взорамъ: процессія гробовъ и толпа народа съ блѣдными, сурово-сжатыми губами, съ лицами, на которыхъ ярко отпечатывался фатализмъ и покорность судьбѣ. Докторъ обходилъ кровати. Ольга заглянула во всѣ комнаты. Кети не было ни въ одной. Выбѣжавъ изъ больницы, она встрѣтилась съ бабой, которая прямо бухнулась ей въ ноги.

— Матушка, Ольга Борисовна, дѣвчонку схватило... Помогите, родная...

— Теперь не могу, отвѣтила Ольга нетерпѣливо; — погоди немного; я или сама приду, или пришлю къ тебѣ кого-нибудь...

Она пустилась бѣжать обратно по дорогѣ въ дождь. Кети и Волгинъ спокойно пили кофе въ кабинетѣ, когда вдругъ дверь стремительно распахнулась и на порогѣ появилась Ольга. Первый взглядъ ея устремился на Кети.

— Ты здѣсь, вымолвила она съ изумленіемъ, — а я думала, что ты пойдешь въ больницу... Я тамъ одна съ самаго утра; я подходила къ твоей спальнѣ, но тогда ты спала, а теперь ты здѣсь... Что-же ты здѣсь дѣлаешь?

— Я принесла сюда кофе; ты знаешь, что у насъ нѣтъ прислуги, что мы одни, отвѣтила Кети; — не хочешь-ли и ты выпить съ нами чашку кофе? прибавила она дружжелюбно.

— Скажу тебѣ откровенно, что не могу пить съ вами кофе въ эту минуту; я считаю своей обязанностью спѣшить туда, куда меня призываютъ долгъ и сотни страждущихъ людей...

— Зачѣмъ-же вы теперь здѣсь? вдругъ отрѣзалъ ей на это Волгинъ.

Ольга на минуту онѣмѣла отъ горькаго чувства оскорбленія...

— Я не знала, что третье лицо можетъ помѣшать вамъ, возразила она язвительно; — впрочемъ, позвольте вамъ замѣтить, что я не навязываю никому своихъ убѣжденій въ дѣлѣ распредѣленія труда, и готова, какъ и всегда, обходиться безъ посторонней помощи... Прощайте, я иду въ больницу!..

Кети молчала. Ей давно уже становилось трудно дышать въ присутствіи Ольги: она чувствовала между нею и собою тяжелую атмосферу непріязни и вражды. Ольга повернулась къ двери.

— Ковдратій выздоровѣлъ, замѣтила она, мимоходомъ взглянувъ на больного; — ваше присутствіе здѣсь бесполезно; желаю вамъ вполнѣ наслаждаться сладкимъ отдыхомъ послѣ трудовъ...

Она поспѣшила выйти, чувствуя, что готова потерять все самообладаніе. Послѣ ея ухода долго длилось молчаніе. Кети прервала его:

— Скажите, отчего добродѣтель такъ зла, такъ непріятна подчасъ? вдругъ вырвалось у нея невольно.

— Оттого, что она не добродѣтель, а лицемѣрие, быстро отвѣтилъ Волгинъ, занятый тѣми-же самыми мыслями.

— Лицемѣрие, говорите вы?.. Но зачѣмъ лицемѣрить?..

— Зачѣмъ румянятся, когда нѣтъ своего собственнаго румянца? Зачѣмъ скрываютъ горбъ, хромоту, искривленные члены?.. Обожаніе пріятно... Вѣдь найдутся-же такіе наивные юноши, которые въ бездушномъ, розовомъ порошокѣ увидятъ живую игру крови, вату примутъ за роскошныя плечи, поддѣльный шиньонъ за собственные волосы!..

Онъ говорилъ съ ироніей, съ негодованіемъ.

— Прощайте, сказала она.

— Куда вы?

— Въ больницу. Не ждите меня, не присылайте за мною... я останусь тамъ на всю ночь.

Она вышла. Сердце Волгина безпокойно сжалось за нее.

Онъ видѣлъ, что она была въ странномъ, возбужденномъ состояніи. Домъ между тѣмъ почти опустѣлъ. Всѣ лакеи и горничныя, пріѣхавшіе съ Кети изъ Петербурга, отправились пѣшкомъ на станцію желѣзной дороги, гонимые паническимъ страхомъ смерти. Осталась только мѣстная прислуга. Волгинъ въ ту-же ночь телеграфировалъ графу Бореаль обо всѣхъ событіяхъ въ Бѣшеной Лощинѣ и просилъ его немедленно пріѣхать.

ГЛАВА IV.

Слишкомъ сильное, ненормальное напряженіе силъ не могло пройти безнаказанно для Кети. Она начинала видимо разнемогаться. Волгинъ видѣлъ, что она находится въ лихорадочномъ состояніи, и нетерпѣливо ждалъ графа. Наконецъ графъ пріѣхалъ. Живой и бодрый старикъ, весь запыленный въ дорогѣ, быстро вошелъ въ домъ. Кети не ожидала его пріѣзда и поблѣднѣла. Въ ея головѣ вдругъ промелькнула страшная мысль о томъ, что случилось что-то недоброе. Она встала, чтобы идти на-встрѣчу графу, и замерла на мѣстѣ.

— Кети, другъ мой, ты больна? воскликнулъ графъ, обнимая ее.

— Ради Бога, ради Бога, говорите все, что случилось! воскликнула молодая женщина.

— Да ничего особеннаго не случилось! Успокойся!

— Вы получили какія-нибудь тревожныя вѣсти? спросила она упавшимъ голосомъ.

— Напротивъ. Мы можемъ теперь дышать свободно... Я получилъ извѣстiе изъ Парижа о смерти Сюзанны, твоей горничной... Ни одного свидѣтеля катастрофы, ни одного облачка на нашемъ горизонтѣ...

Слова графа произвели страшное впечатлѣнiе на больные нервы молодой женщины. Радость потрясаетъ такъ-же сильно, какъ горе. Кети Бореаль продолжала стоять, какъ статуя. Графъ подошелъ къ ней и обнялъ ее за талю. Но она какъ-будто приросла къ одному мѣсту, ноги ея не двигались, руки повисли вдоль тѣла, глаза остановились неподвижно, губы плотно сжались.

— Кети, моя дорогая, что съ тобою? Неужели ты не слышишь, не узнаешь меня? вскричалъ графъ, сжимая ее въ своихъ объятiяхъ и чувствуя, что она падаетъ. — Доктора, доктора! крикнулъ онъ въ испугѣ.

Началась суматоха. Прибѣжалъ докторъ, нагнулся къ лицу больной, приподнялъ вѣки, приложилъ руку къ сердцу, наклонился ухомъ...

— Какой страшный обморокъ!.. сказалъ онъ какъ-бы про себя. — Надо внести ее въ спальню.

Графъ совѣмъ растерялся.

— Юрiй, сейчасъ-же снеси ее въ домъ, распоряжался докторъ; — мнѣ нужно сбѣгать въ аптеку... Ольга, гдѣ-же ты? Готовьте, ради Бога, скорѣе постель...

Волгинъ подошелъ къ Кети и принялъ ее изъ рукъ графа.

Положенiе Кети, несмотря на всѣ хлопоты доктора, не улучшалось; она заболѣла серьезно. Къ вечеру были разосланы гонцы за сосѣдними докторами; весь домъ былъ въ напряженномъ состоянiи, никто не ложился, отъ господъ до послѣдняго кучера.

Усталый, измученный Межецкiй вышелъ весь въ поту на терасу. Былъ второй часъ ночи. Луна свѣтила съвозъ дерева сада, ни одинъ листъ не шелохнулся, будто все притихло въ зачарованной, глубокой тишинѣ лѣтней ночи. Несмотря на душевную тревогу, онъ вдохнулъ полной грудью ароматный воздухъ. Онъ вспомнилъ, что не видалъ Ольгу съ утра; безпокойство объ ней защемило ему сердце.

— Оля, Оля! крикнулъ онъ. — Гдѣ ты?

— Я здѣсь! послышался снизу глухой голосъ и, нагнувшись, Межецкiй увидалъ, что въ углубленiи терасы, внизу, притаилась

какая-то тѣнь въ бѣломъ платьѣ... Изъ оконъ комнатъ графини Бореаль, выходявшихъ въ эту сторону, падалъ свѣтъ на дорожку. Но онъ оставлялъ въ тѣни притаившуюся подъ окнами фигуру. Межецкій подбѣжалъ къ ней. Она дрожала, какъ въ сильнѣйшей лихорадкѣ.

— Ты спасешь ее? выговорила она какъ-то дико, обвивая его шею руками и устремляя на него блуждающій, вопросительный взглядъ.

— О, да! Я надѣюсь, по крайней мѣрѣ... Опасность есть, но она еще не обозначилась ярко... Перемѣнъ къ худшему нѣтъ... Я просижу у нея всю ночь...

Ольга стиснула его въ своихъ объятіяхъ.

— А я? вырвалось у нея какъ-бы въ бреду. — Я одна... вѣчно одна!.. Меня всѣ оставили, всѣ бросили! Никто не пожалѣетъ, не вспомнитъ, не подумаетъ обо мнѣ...

Было столько большой дрожи въ надорванномъ звукѣ ея голоса, что сердце доктора сжалось словно въ тискахъ... Его уже окликали, искали по дому... Онъ медлил, онъ не могъ уйти.

— Докторъ, докторъ! гдѣ вы? слышались голоса.

— Мое сердце, радость моя! шептала онъ, лаская невѣсту. — Я не оставлю тебя, — пойдемъ со мною! Мы будемъ вмѣстѣ, всегда вмѣстѣ... Меня зовутъ: я нуженъ тамъ! Пойдемъ со мною!

Дверь терасы распахнулась настезь.

— Докторъ, испарина показалась! Скорѣе, скорѣе!...

Ольга вскрикнула, оттолкнула жениха и, какъ бѣшенный звѣрь, убѣжала въ глубь сада. Что она думала, что она чувствовала? Годы ощущеній равнялись этимъ минутамъ надежды на смерть графини Бореаль. Межецкій поспѣшалъ въ комнату больной.

— Все, кажется, идетъ какъ нельзя лучше! объявилъ онъ, осмотрѣвъ больную.

Графъ былъ внѣ себя отъ радости. Онъ и обнималъ, и цѣловалъ Межецкаго.

— Графъ, успокойтесь!... Прощу васъ, пойдите отсюда!

Радость чуть не убила старика.

Выздоровленіе Кети шло медленно. Долго графиня была въ состояніи полузабытья, почти ничего не говорила, едва глотала бульонъ или чашку чая; потомъ эта спячка смѣнилась болѣзненною остротою чувствъ, раздражительностью всей нервной системы.

Все ее беспокоило: шумъ отворявшейся двери, порывъ вѣтра, шумъ шаговъ. Она вздрагивала, какъ отъ мучительной боли, при каждомъ громкомъ словѣ, каждомъ сотрясеніи воздуха. Докторъ готовилъ микстуры, дѣлалъ ерѣпительныя ванны, надѣялся на время, молодость, цѣлебную силу природы. И точно: она уже начала вставать съ постели, прохаживаться по комнатѣ, силы начали возвращаться, но стало замѣтно, что она избѣгаетъ общества, ищетъ уединенія, боится выйти изъ комнаты, выглянуть на свѣтъ божій.

Оставаясь одна, Кети впадала въ глубокую задумчивость. Все какъ-будто обрушилось подъ нею; ни одна нить, казалось, не связывала ее съ окружающимъ. Отвлеченная идея не грѣетъ, не ласкаетъ. А люди? Они всѣ ей чужіе. Вотъ и онъ, Волгинъ, заботится о ней, ухаживаетъ за нею, а развѣ лично ему нужны ея присутствіе, ея жизнь? Что она для него? Ничтожная песчинка на вѣсахъ его отвлеченнаго міросозерцанія.

Она сама не понимала, что съ ней дѣлается, къ чему она стремится и рвется. Но эти тяжелыя думы плохо помогали ея выздоровленію; иногда онѣ ухудшали ея здоровье настолько, что за нее снова начинали опасаться.

Докторъ ужаснулся, придя однажды вечеромъ въ спальню графини, чтобъ освѣдомиться о состояніи ея здоровья. Утромъ она была такъ хладнокровна, полна силъ и бодрости, что онъ даже отиѣнилъ всѣ лекарства и поздравилъ ее съ полнымъ выздоровленіемъ. Теперь горячія и сухія руки ея лежали совершенно безсильно на ручкахъ креселъ; она дрожала, глаза горѣли огнемъ лихорадки. Онъ пощупалъ пульсъ: пульсъ былъ очень усиленъ.

— Голова болитъ? спросилъ тревожно Межецкій. Онъ былъ всегда нѣсколько влюбленъ въ своихъ больныхъ.

— Я здорова совершенно, съ сдержаннымъ раздраженіемъ отвѣтила Кети, силясь вырвать отъ него руки. — Не вздумайте увѣрять, что мнѣ нельзя будетъ уѣхать отсюда. Это будетъ бесполезно; меня не задержитъ ничто. Я не останусь болѣе здѣсь... я уѣду.

— Да я и не думаю! отвѣтилъ докторъ, струсивъ, и, отошедши къ окну, сталъ обдумывать перемѣну въ своей больной.

— Ночь, пожалуй, будетъ безпокойна... Эти симптомы не предвѣщаютъ ничего добраго... Морфій?... Да! Хорошій пріемъ мор-

фія... Тутъ, какъ нарочно, и Оля моя свалилась... простудилась, видно, голубушка моя, какъ тогда у терасы подъ окнами-то стояли... Въ ночь, пожалуй, тоже жарокъ разыграется... Лежить такая добрая, ласковая... Положила мою голову къ себѣ на подушку... звала, чтобъ я поскорѣе пришелъ.

Онъ поспѣшно приготовилъ лекарство: его тянуло въ маленькую комнатку, гдѣ на постели лежала его бѣлая голубка, слабая и присмирѣвшая.

— Опять лекарство? нервно вымолвила графиня, отворачиваясь отъ рюмки, которую онъ предлагалъ ей.

— Успокойтесь, это только морфій... въ предупрежденіе бессонницы... Но почему вы однѣ? Гдѣ графъ? Гдѣ миссъ Люси?

— Послушайте, докторъ, не мучьте меня... Я здорова; мнѣ хочется быть одной. Они приходили было, я велѣла сказать, что я сплю... Я въ самомъ дѣлѣ сейчасъ лягу... Вотъ видите, я выпила ваше лекарство... Ну давайте, я выпью еще что-нибудь, если вы ужь безъ этого не можете... только не сзывайте сидѣлокъ, не ставьте сторожей около моей постели! говорила Кети, сердясь какъ больной ребенокъ.—Я говорю вамъ, что я лягу, лягу, лягу...

Она опрокинула голову на спинку кресла и не въ силахъ была пошевелить ни однимъ членомъ. Межецкій опять взялся за ея пульсъ — она не противилась. Какая слабая, горячая рука! Онъ вышелъ въ сосѣднюю комнату. Тамъ, слабо освѣщенная лампой, дремала служанка. Было уже двѣнадцать часовъ ночи. Онъ приказалъ женщинѣ раздѣть госпожу, а самъ остался подождать, раздумывая, давать-ли знать графу или нѣтъ? Старикъ, радуясь, что его Кети выздоровѣла, приготовлялся везти ее на югъ, въ теплыя страны, и весь вечеръ писалъ письма въ Петербургъ, устраивая свои дѣла. Узнавъ отъ служанки, что графиня „легли почивать“, онъ съ спокойнымъ духомъ ушелъ къ себѣ. Докторъ рѣшился не тревожить его до утра. Вошла служанка съ платьями и юбками.

— Легли, шепнула она,—а точно какъ безъ памяти; протянулись какъ пласть!

Докторъ вошелъ въ комнату. Молодая женщина была въ забыты. Онъ съ участіемъ поглядѣлъ на нее нѣсколько минутъ, потомъ смочилъ ей виски одеколономъ. Она подняла на него глаза изъ-подъ отяжелѣвшихъ вѣкъ.

— Это ты, Германъ? вырвался у нея усть полусознательный вопросъ Межецкѣй не отвѣчалъ. Оцъ держалъ свою руку на ея плывшемъ лбу. Да, да! продолжала она съ кѣмъ-то невидимымъ разговоръ, и странно было увидѣть лукавую улыбку на похудѣвшемъ личикѣ; — вѣдь это не больно, я знаю... минута страданія и только.

Докторъ не зналъ, что ему дѣлать. Вдругъ дверь изъ коридора тихонько скрипнула и на порогѣ показалась миссъ Люси, съ заспаннымъ личикомъ, въ туфляхъ и въ бѣломъ ночномъ пеньюарѣ.

— Меня миссъ Ольга къ вамъ послала, объясняла она доктору, скрещивая на груди свои руки; — просить васъ придти; мы съ ней не спимъ; она все пить просить, — я ей не даю много пить.

— Сейчасъ, сейчасъ, милая, добрая моя миссъ Люси, заговорилъ докторъ, отводя ее отъ постели и провожая къ двери; — я сію минуту буду къ вамъ, сію-же минуту, а вы скажите Ольгѣ побуда, что я ее люблю, люблю и самъ тоскую по ней... А у васъ цѣлую ручки за вашу ангельскую доброту. Пойдемте отсюда.

Войдя въ коридоръ, онъ быстро се оставилъ и взбѣжалъ наверхъ по лѣстницѣ къ Волгину.

— Юрій! Спишь? оклиевнулъ онъ поспѣшно. — Сдѣлай мнѣ не въ службу, а въ дружбу...

Волгинъ сидѣлъ за копторкой съ перомъ въ рукахъ. Передъ нимъ лежалъ чистый листъ бумаги. Онъ вздрогнулъ, какъ-будто его ударили обухомъ. Лицо его было такъ блѣдно, такъ печально и сурово, что докторъ загнулся на полу-словѣ.

— Чего тебѣ? отозвался онъ рѣзко.

— Графиня больна... у нея опять жаръ, она бредитъ. Я отослалъ горничную, графъ спитъ, Ольга сама больна и требуетъ меня къ себѣ. Я у нея не былъ съ самыхъ сумерекъ. Поди и посиди вмѣсто меня около графини. Слушай-же! Постой! остановилъ онъ быстро подыавшагося съ своего мѣста Волгина. — Въ случаѣ, если жаръ и бредъ усилятся, прикладывай мокрые компрессы къ головѣ; просто намочи полотенце и прикладывай. Я приду скоро, черезъ часъ, черезъ полчаса, самъ не знаю, когда. Прощай!

Онъ почти скатился съ лѣстницы. шагая черезъ три ступени разомъ.

Луна свѣтила по опустѣвшимъ, безлюднымъ комнатамъ, ложилась полосами на паркетномъ полу, таинственно освѣщала металлическія струны безмолвной арфы. Должно быть, нервы Волгина были сильно возбуждены, если ему почудилось за табуретомъ у арфы, гдѣ онъ когда-то сидѣлъ и слушалъ, очертаніе женской фигуры, той самой, которая такъ неотступно и неодолимо занимала всѣ его мысли съ минуты своей болѣзни. Онъ отвернулся, брови его сдвинулись еще суровѣе и, торопливо шагая впередъ, онъ остановился у двери спальни. Рука его безъ шума псвернула ручку замка и онъ вошелъ. Во всей комнатѣ былъ разлитъ тусклый полусвѣтъ ночной лампы, стоявшей въ углу у алькова. Тамъ за отвинутыми кисейными занавѣсками, на роскошной кровати, рисовался блѣдный обликъ женской фигуры. Онъ подошелъ ближе; въ ногахъ постели стояло широкое, мягкое кресло, предназначенное для ночныхъ бдѣній; онъ опустился въ него и замеръ неподвижно и безмолвно, устремивъ взоръ на подушки, на которыхъ металась въ жару истома и лихорадки та, призракъ которой чудился ему сейчасъ въ залѣ. Отъ нея вѣяло пламенемъ; роскошныя пряди ея темныхъ волосъ высоко взбивались надъ влажнымъ лбомъ, батистовая кофта распахнулась, обнаженныя руки, похуѣвшія и прозрачныя, лежали безъ силы на одѣялѣ, жаркія губы были полуоткрыты, рѣсницы отбрасывали рѣзкую тѣнь на лихорадочно-пылавшія щеки. Какое странное, фантастическое выраженіе лица! Вся во власти недуга, вса охваченная бредомъ и галлюцинаціями, она тяжело дышала, грудь ея неровно колыхалась, сквозь тонкій батистъ было слышно учащенное біеніе ея сердца. Какъ она была не похожа на ту женщину, которую онъ видѣлъ еще сегодня утромъ: та была вся въ черномъ, холодная, блѣдная, закованная въ какую-то броню приличій и хладнокровія; та говорила такъ неумолимо о своемъ отъѣздѣ, та глядѣла такъ сурово; такъ сдержанно.

А эта?.. Онъ все глядѣлъ, глядѣлъ на нее, не сводя глазъ потомъ протянулъ руку къ лампѣ, прибавилъ свѣта, поднялъ абажуръ. Въ забытьи, въ бреду, Кети мучилась отъ галлюцинацій. Вотъ ей кажется, что ей жарко, что она бросилась въ рѣку купаться. Рѣка на видъ такая прозрачная, прохладная, волны бѣ-

гуть по ней, шумить и бурлить она, но напрасно молодая женщина ищет прохлады и свѣжести въ ея бурныхъ волнахъ. Это не волны, это сухой, горячій, сыпучій песокъ. Онъ всю ее обдастъ жгучимъ пламенемъ и въ ужасѣ она не знаетъ, куда дѣвать свои обожженные члены. Она вскрикиваетъ и отерываетъ глаза. Передъ ней стоитъ Волгинъ съ мокрымъ полотенцемъ въ рукахъ.

Она пристально смотритъ на него, не узнавая его.

— Это ты?.. лепечетъ она. — Пришелъ за мною?.. Но я не своя, надо спросить у Волгина, — онъ не хочетъ отдать меня тебѣ, онъ держитъ, держитъ меня!

Сердце Волгина сильно забилося. Въ головокруженіи, не помня себя, онъ бросилъ полотенце, припалъ къ ней, обвилъ ее руками и крѣпко, почти судорожно прижалъ ее къ себѣ.

— Да, да, Кети! Ты моя... Я не отдамъ тебя никому!..

Словно магнетическій токъ пробѣжалъ вдругъ по членамъ графини. Она упала на подушки, тихо сомнувъ глаза. Забытые сковало ея уста. Ей чудилось, что ее напоили, освободили, навѣяли прохладу и покой на ея усталые члены. Наконецъ она пошевелилась, проснулась, слабо открыла глаза. Краска сознанія залила ея щеки. Но бредъ еще боролся съ разсудкомъ.

— У меня лихорадка, произнесла она чуть слышно, — я брежу или схожу съ ума!..

И она пристальнымъ, загадочнымъ взоромъ посмотрѣла на Волгина.

— Ты останешься? прервалъ онъ, наклоняясь къ ея лицу, и вдругъ, не дождавшись отвѣта, быстро откинулся въ кресло, спустилъ абажуръ, отодвинулъ лампу.

У двери щелкнула задвижка, — кто-то входилъ въ комнату.

— Ну что? услыхалъ Волгинъ, какъ въ полуснѣ, осторожный шопотъ доктора, — что наша больная? Бредъ былъ? Прикладывалъ ты холодные компрессы?

Волгинъ не отвѣчалъ: зубы его стучали, онъ дрожалъ какъ въ лихорадкѣ. Онъ безсвязно пролепеталъ, что ему пора идти, и вскорѣ не слышно исчезъ за дверью. Межецкій подошелъ и взялся за пульсъ больной. Она была въ полномъ сознаніи, но отъ слабости не могла сдѣлать ни одного движенія.

— Это вы, докторъ?.. слабо обликнула она его. — Миѣ лучше

теперь... Я все бредила, я видѣла во снѣ... Никто не входилъ сюда?..

— Пульсъ изрядный, говорилъ докторъ, не отвѣчал. — Отлично, отлично! Я вамъ сейчасъ дамъ микстуру и завтра утромъ вы встанете здоровой...

— Былъ здѣсь кто-нибудь? настаивала Кети.

— Не волнуйтесь, ради Бога, извольте выкушать вотъ это...

— Прежде скажите: былъ здѣсь кто-нибудь?

— Ну да! Былъ Юрій на одну минуту; я его просилъ посидѣть около васъ. Не хотѣлъ тревожить графа.

Графиня протянула ему свою слабую, горячую руку.

— Благодарю васъ, докторъ, благодарю. Покойной ночи.

На другой день веселое щебетанье птицъ подъ окномъ разбудило ее. Было давно уже позднее утро; нѣсколько разъ уже приходили къ ней въ комнату и графъ, и докторъ, и миссъ Люси; Кети все спала крѣпкимъ сномъ выздоровленія и покоя. Наконецъ она проснулась, приподнялась на постели. Что-же такое случилось съ нею? Отчего такъ радостно трепещетъ ея сердце? Отчего волнами вливается въ ея грудь полнота и радость бытія? Вредъ ли то былъ или дѣйствительность, но ощущеніе осталось: ощущение блаженства. Здѣсь, вчера, при свѣтѣ лампы, ей блеснули прямо въ глаза, во всей полнотѣ неподдѣльнаго чувства, тѣ загадочныя, холодныя очи, которыя она всегда считала недоступными. Она сознавала, что она любима. Она встала, шатаясь отъ физической слабости, но бодрая духомъ. Ей подали умыться, подали утренній пенъюаръ, она одѣлась машинально, не замѣчая, что дѣлаетъ; послала за графомъ, спросила чаю, — все какъ въ полуснѣ. Графъ между тѣмъ торопливо шелъ на-встрѣчу Волгину, возвращавшемуся изъ села. Первый разъ въ это утро управляющій послѣ долгаго времени присутствовалъ на сходкѣ мужиковъ, собранной для обсужденія разныхъ дѣлъ. Онъ былъ встрѣченъ всеобщю и единодушною радостью со стороны крестьянъ.

— А мы ужъ испугались-было, батюшка Юрій Николаичъ, говорили крестьяне, обступая его. — Сказали, что будто ты насъ бросаешь!

— Ну вотъ еще выдумали! шутиливо проговорилъ Волгинъ. — Съ чего мнѣ отсюда уѣзжать?

Онъ опять былъ бодръ и веселъ, опять серьезно и спокойно

толковалъ о дѣлахъ. Возвращаясь со сходы въ самомъ лучшемъ настроеніи духа, онъ встрѣтился съ графомъ.

— А вы ничего не знаете, быстро заговорилъ тотъ: — графиня была больна всю ночь, а теперь и слышать не хочетъ объ отъѣздѣ. Но она на-столько здорова теперь, что очень-бы могла ѣхать, и я не знаю, что вдругъ сдѣлалось съ нею.

Сигара выпала изъ задрожавшихъ рукъ Волгина.

— А я шелъ было именно еще разъ переговорить съ ней объ этомъ, вымолвилъ онъ, овладѣвая собою. — Крестьяне желаютъ получить ея согласіе насчетъ нѣкоторыхъ хозяйственныхъ распоряженій.

— Пойдемте, сказалъ графъ, — всѣ теперь въ сборѣ въ ея комнатѣ.

Кети, закутавшись въ теплую шаль, сидѣла рядомъ съ докторомъ, который съ жаромъ излагалъ ей новую методу леченія, долженствующую, по его мнѣнію, совершенно поставить ее на ноги втеченіи двухъ недѣль.

— Силезскія воды и купанья, купанья во всю осень, купанья до октября, — и предсказываю вамъ, что никакіе нервы не устоятъ противъ этого средства.

— Я тоже буду купаться съ графиней, объявила миссъ Люси радостно, — ей будетъ веселѣе вдвоемъ.

Вошелъ Волгинъ. Онъ почувствовалъ, что блѣднѣетъ, но это и придало ему силы быть еще серьезнѣе, чѣмъ обыкновенно.

— Я слышалъ, что вы отложили вашъ отъѣздъ, графиня? спросилъ онъ.

— Да, да! отозвалась та робко и смущенно, окидывая его глазами. — Я хочу пробить здѣсь, въ Бѣшеной Лощинѣ, еще слѣдующій мѣсяцъ.

— И прекрасно сдѣлаете. Я уполномоченъ отъ крестьянъ просить васъ согласиться на нѣкоторыя мѣры, которыя въ высшей степени благотворно отзовутся на ихъ хозяйствахъ.

Онъ продолжалъ говорить все въ томъ-же дѣловомъ тонѣ, упорно не поднимая глазъ. Но какое дѣло было Кети до того? Она видѣла, она знала, что съвозъ покровъ наружной холодности и равнодушія съвозило что-то другое. Ей было отрадно и сладко заглядывать въ это другое и угадывать подъ его суровой оболочкой жаркій трепеть тлѣющей страсти.

ГЛАВА V.

Прошло недѣли двѣ. Былъ сентябрь въ исходѣ. Никогда подобная осень не спускалась на почву Бѣшеной Лощины; дни были совершенно майскіе, вечера такіе-же теплые, какъ весной. Полевая работа оканчивались съ лихорадочнымъ усердіемъ, открывая доступъ другимъ заботамъ и соображеніямъ. Въ одномъ изъ овраговъ Бѣшеной Лощины Волгинъ открылъ богатая залежи кругляковъ фосфорита и мысль объ устройствѣ завода искусственныхъ удобреній тотчасъ-же возникла въ его головѣ. Почва Бѣшеной Лощины состояла изъ суглинка съ пескомъ и нуждалась въ удобреніи. Волгинъ пробовалъ выписывать изъ Риги суперъ-фосфатъ, но это оказалось и дорого, и неудобно, и непримѣнимо для такого громаднаго количества земли. Теперь-же, если-бъ этотъ заводъ могъ осуществиться, онъ сразу поднялъ-бы весь экономическій бытъ села. Бѣшенная Лощина представляла неисчислимыя удобства для подобнаго предпріятія. Вода, лѣсъ, судоходная пристань подъ рукою, значить заводъ могъ-бы легко и удобно сбывать свои продукты въ различныя мѣстности Россіи.

Волгинъ сообщилъ графу часть своихъ проектовъ и повезъ его осматривать мѣстность, убѣждая его не щадить капиталовъ для первыхъ приступовъ къ дѣлу. Графъ, самъ немножко химикъ, а главное, неисправимый энтузіастъ, уцѣпился за это предпріятіе, какъ Колумбъ за открытіе Америки. Онъ вызвался самъ съѣздить въ Петербургъ за опытными химиками для производства анализовъ и устройства лабораторій.

Графъ, между прочимъ, былъ очень доволенъ и тѣмъ, что ему можно было отлучиться на время въ Петербургъ. Для его артистической натуры уже становилось необходимо разнообразіе; Кети выздоровѣла совершенно, поѣздка въ Алжиръ или Египетъ какъ-то улетучивалась подъ наплывомъ дѣловыхъ соображеній и поэтический элементъ какъ-будто совсѣмъ исчезъ изъ атмосферы Бѣшеной Лощины.

Графъ радовался, что все кончилось такъ благополучно, и до-вѣрчиво оставлялъ Кети на попеченіе Волгина. Онъ не замѣчалъ никакой перемены въ отношеніяхъ послѣдняго къ графинѣ.

Не такъ недалновидна была Ольга. Она сразу поняла переѣмнѣ отношеній двухъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ романа. Она была больна въ лихорадкѣ только недѣлю, — только на недѣлю выпустила ихъ изъ виду. И между тѣмъ что-то случилось таинственное, непонятное, неостижимое. Она чувствуетъ это „нѣчто“, оно вѣетъ въ воздухѣ, оно ощущается во всемъ. Но что-же именно? Волгинъ болѣе чѣмъ когда-нибудь весь преданъ своей дѣятельности, онъ невидимъ по цѣлымъ днямъ, онъ рѣдко проводитъ вечера съ Кети, съ остальнымъ обществомъ. Кети гуляетъ въ саду, читаетъ, кушается съ миссъ Люси, — жизнь ея такъ открыта, такъ видима для всѣхъ. А Ольга видитъ другое, чувствуетъ другое. Нѣтъ ни одного факта сближенія Волгина съ Кети; напротивъ, они какъ-будто отделились другъ отъ друга, но развѣ это самое не знаменательный признакъ въ своемъ родѣ? Отчего графиня такъ внезапно осталась, рѣшившись было совсѣмъ уѣхать? Отчего вдругъ, какъ по мановенію волшебнаго жезла, она стала такъ покойна? Отчего глаза Волгина сіяютъ, отчего, когда они вмѣстѣ, вокругъ нихъ разливается какая то необъяснимая атмосфера любви? И Ольга чувствуетъ, что все переѣмнилось въ ея головѣ: правда и иллюзія, воображеніе и дѣйствительность. Ей стало представляться, что слѣдныя по обыкновенію щеки Кети горятъ жгучимъ румянцемъ, что глаза ея полны ожиданія, что арфа звучитъ подъ ея руками волшебными призывными звуками въ часы бессонныхъ ночей, когда гаснутъ лампы и весь домъ предается сну.

Правда-ли, о, правда-ли все это?.. Или это ей такъ кажется, или это галлюцинаціи, бредъ разстроеннаго мозга?..

— Ты замѣчаешь... вы замѣчаете, спрашиваетъ она у жениха и у всѣхъ окружающихъ, — что графиня стала играть на арфѣ по ночамъ, что она переѣмнила прическу, что она поетъ цѣлый день?

Всѣ смотрѣли на нее удивленными глазами и Ольга отходила прочь въ тревогѣ, не зная, удивляться-ли всеобщей непроницательности, или въ самомъ дѣлѣ усомниться въ дѣйствительности своихъ наблюдений. Фактъ, фактъ!.. давайте-же ей фактъ или она сойдетъ съ ума! Она жаждетъ осязать фактъ, увидать его во-очію, чтобъ получить возможность жить, возможность выйти изъ того мучительнаго міра галлюцинацій, на который она обречена.

А время неумолимо идетъ впередъ. Вотъ и срокъ ея свадьбы... Осталось только пять дней. Въ домѣ происходитъ шитье прида-

наго, флигель будущихъ супруговъ совершенно отдѣланъ. Ольгу безпрестанно зовутъ примѣрить то то, то другое, она не противится, хотя мрачна и задумчива, какъ ненастная ночь... Даже самого доктора иногда поражаютъ ея странности, но, какъ истинный влюбленный, онъ приписываетъ ихъ совѣмъ другому; онъ думаетъ, что она прощается съ своимъ дѣвичествомъ, и оставляетъ ее въ покоѣ. Онъ и тому уже радъ, что она не отеладываетъ его блаженства и спокойно говоритъ о близкой свадьбѣ.

Въ домѣ ждутъ возвращенія графа съ двумя химиками, Горномъ и Галилевымъ, которыхъ рекомендовалъ Волгинъ. Въ этотъ же день должно быть открытiе новой чайной, которая воздвигалась Волгинымъ, добившимся уничтоженія кабаковъ въ Вѣшеной Лощинѣ. Наканунѣ доктору нужно съѣздить въ городъ за бумагами для предстоящей свадьбы и онъ проситъ Ольгу поѣхать вмѣстѣ съ нимъ. Она даетъ свое согласiе. Но непредвидѣнное обстоятельство задерживаетъ ея отъѣздъ. Она случайно узнаетъ отъ миссъ Люси, что завтра графиня ѣдетъ съ утра въ лѣсъ, чтобы вмѣстѣ съ Волгинымъ осмотрѣть мѣсто для новаго завода.

Ольгу словно кто по головѣ обухомъ ударилъ... Свиданье, свиданье! Вотъ фактъ наконецъ. Завтра воскресный день, рабочiе распущены, Ольга съ докторомъ въ городѣ, слѣдовательно они одни, одни на всемъ просторѣ лѣса, въ уединенiи и роскоши природы. Вотъ гдѣ должно произойти открытiе, вотъ гдѣ положится предѣлъ ея галлюцинаціямъ. Она рѣшилась прослѣдить ихъ до конца... Дрожа, какъ преступница, она встаетъ съ зарей и идетъ въ лѣсъ пѣшкомъ, одна, оставивъ записку доктору, что за ней прислали къ больному и она съ нимъ ѣхать не можетъ.

Было восемь часовъ утра. Вѣчно зеленый, смолистый сосновый лѣсъ едва проснулся отъ ночной дремоты и тихо отряхалъ на землю жемчужныя капли росы. Тайнственная темнота и сырость царствовали въ немъ: старыя, задумчивыя сосны, прямыя, какъ свѣчи, тѣсными рядами танулись въ вышину, сплотившись и переплетшись вѣтвями, будто дружныя члены семьи... Слышался вдали невидимый шумъ потока, трещали сучья, лѣсныя птицы перекликались въ кустахъ. Но Ольгѣ были чужды красоты природы: голоса лѣса не говорили ей ничего. Сливаясь съ лѣснымъ полусвѣтомъ, она шла, едва отдѣляясь отъ темныхъ стволовъ деревьевъ. Шагъ ея послѣшенъ и быстръ; вотъ она садится у дороги за

срубленнымъ пнемъ, вотъ она ждетъ, прислушивается... Да! стукъ кабриолета, голоса сторожей, шаги по дорогѣ... Они, они! Но что это? Волгинъ одинъ! Графиня нѣтъ! Онъ одинъ и идетъ прямо къ ней, все ближе и ближе!.. Она рѣшается говорить съ нимъ. Въ ея умѣ быстро возникаетъ планъ. Ей нечего ждать; она уже отпѣтая! Что ей терять, на что рассчитывать? Но пусть онъ узнаетъ все, что волнуетъ ея сердце, что не даетъ ей ни жить, ни дышать. Страстная жажда вылить ему свою душу сжигаетъ ей губы, мутитъ рассудокъ. Пусть онъ ее отвергнетъ, пусть унижить, но все, что такъ долго копилось изъ невысказанной страсти, тоски, желаній, ревности, пусть заклоочетъ, обдастъ его, будетъ ему памятно. Утро было прелестное. Солнце уже свозило тепло и ярко сквозь темную зелень деревьевъ, золотило песокъ на тропинкахъ. Волгинъ пріѣхалъ первый. Осмотрѣвъ работы, онъ закурилъ сигару и пошелъ въ лѣсъ, на-встрѣчу своимъ спутницамъ. Никогда онъ не былъ такъ счастливъ; ему казалось, что съ нимъ случилось то-же самое, что съ суровымъ утесомъ Лермонтова, когда къ нему на грудь, сіяя радужными крыльями, спустилась почевать золотая тучка.

Взглядъ Волгина былъ влаженъ отъ блеска: онъ полной грудью вдыхалъ воздухъ...

Вдругъ на поворотѣ тропинки онъ встрѣтился лицомъ къ лицу съ Ольгой.

Онъ остолбенѣлъ.

— Какъ вы сюда попали? проговорилъ онъ.

— Я ждала васъ, я знала, что вы пріѣдете! смѣло выговорила Ольга и глаза ея злобще сверкнули. — Мнѣ нужно говорить съ вами... Пойдемте!..

Она увлекла его въ чащу лѣса. Онъ чувствовалъ, что сопротивление было невозможно.

— Вамъ очень меня нужно? спрашивалъ онъ.

— Очень; необходимо, неизбѣжно!

— Нѣтъ, я дольше не могу терпѣть! вдругъ глухо и страстно заговорила она, остановившись передъ нимъ на полянѣ и судорожно ломая руки. — Знаете-ли вы, что я люблю васъ, Юрій? Что эта любовь меня губитъ, сжигаетъ все мое существо... Спасайте меня, если въ васъ есть хоть искра человѣколюбія! Дѣйствуйте на меня чѣмъ-нибудь... Ну, говорите-же, что вы меня не любите,

презираете, чувствуете ко мнѣ отвращеніе... Бичуйте меня, бичуйте больяѣ!..

Волгинъ сдѣлался блѣденъ, какъ полотно. Онъ молчалъ, подавленный этими звуками искренняго страданія... По странному свойству человѣческой природы, онъ не могъ, когда человѣкъ подставлялъ свою голову подъ удары, бить его по этой головѣ.

— Говорите-же, что вы любите другую... разказывайте, какъ вы любите другую; опишите мнѣ пылъ вашей страсти, тайну поцѣлуевъ, нѣгу взаимныхъ ощущеній и ненависть ко мнѣ!

Онъ молчалъ, онъ стоялъ блѣдный и неподвижный, съ сурово сжатыми губами, не въ силахъ вымолвить слова. Она слѣдила за нимъ, какъ звѣрь, готовый кинуться и растерзать его въ порывѣ бѣшеной страсти.

— Изъ состраданія, изъ жалости ко мнѣ!.. Я у вашихъ ногъ... молю... дайте мнѣ дышать... Разрубите скорѣе этотъ гордіевъ узелъ... Дайте мнѣ услышать, осязать вашу ненависть... Дайте мнѣ фактъ вашей любви къ другой... Фактъ, фактъ! Свидѣтельство вашихъ словъ!

Она ломала руки почти на колѣняхъ передъ нимъ. Онъ молча повернулъ отъ нея въ другую сторону. Она вскочила и снова очутилась передъ нимъ.

— Нѣтъ! такъ уйти нельзя... Вы хотите убить меня—да?.. Отчего вы молчите?.. Зачѣмъ молчите?.. Одно слово... ну какое-нибудь! Онѣмѣли вы?.. Ну, ну! говорите что-нибудь... Скорѣе, да скорѣе-же!..

Она, задыхаясь, трясла его руки.

— Ну что-же мнѣ говорить?.. Я не знаю... Дистуйте сами, что вамъ нужно! Я ничего не могу и не хочу говорить...

— Да будьте-же человѣкомъ хоть разъ въ жизни!.. Вѣдь это—рѣзать безъ ножа!.. Вы—развитой человѣкъ, проповѣдующій гуманность, издѣваетесь надъ страданіями вашего ближняго! Какъ-бы ни были презрѣнны, низки, преступны мои ощущенія, но они искренни!

Онъ остановился и посмотрѣлъ на нее пристально и серьезно.

— Если-бъ я испытывалъ тѣ ощущенія, которыя вы испытываете, вымолвилъ онъ наконецъ,—то я давно-бы попросилъ связать себя по рукамъ и по ногамъ и отвезти въ домъ умалишенныхъ. Я не придаю этимъ ощущеніямъ никакого другого значе-

нія... Слышите-ли? И говорить съ вами, какъ съ обыкновенной женщиной, а тѣмъ болѣе открывать вамъ свою душу,—я считаю ненужнымъ и бесполезнымъ!.. Я-бы васъ жалѣлъ, я-бы любилъ васъ, можетъ быть, если-бъ не зналъ, что вы развили въ себѣ эти ощущенія насильственнымъ путемъ, что вы разозли ихъ въ себѣ, что вы себя извратили, надорвали, подогнали, что вамъ нравится этотъ мозговой развратъ, что вы купаетесь въ морѣ напускныхъ страданій и завистливо-ревнивыхъ ощущеній... Вотъ все, что я имѣю вамъ сказать! Ну теперъ довольно... Пустите меня...

Черезъ минуту порывистые, быстрые шаги его глухо раздались въ отдаленной чащѣ лѣса. Онъ не замѣчалъ, куда идетъ, зачѣмъ, что его гонитъ? Онъ почти бѣжалъ. Сердце его нервно билось, ноги дрожали. Наконецъ онъ опомнился, оглянулся кругомъ себя. Онъ былъ одинъ наверху оврага, заросшаго старыми соснами. Солнце ярко свѣтило; на деревѣ не шелохнулся листь,—все было такъ привѣтно, тихо, отрадно. Внизу, въ отлогихъ, зеленыхъ берегахъ, струился лѣсной потокъ; вода была прозрачна, чиста, холодна. Волгинъ легъ въ песчаномъ уступѣ, образуемомъ берегомъ, легъ и закурилъ сигару. Солнце свѣтило ему прямо въ глаза, надъ нимъ раскидывалось безконечное, безоблачное небо. Мало-по-малу онъ успокоился.

Вечеромъ того-же дня Межецкій ходилъ безпокойными шагами вдоль по алеѣ, ведущей на дорогу, поджидая Ольгу, которая пропала съ утра. Онъ давно уже пріѣхалъ изъ города и справлялся о ней у всѣхъ домашнихъ, но никто не могъ сказать ему, куда и когда она отправилась.

Домъ между тѣмъ наполнялся гостями. Пріѣхали Горнъ и Галилеевъ, сообщивъ, что графа задержали дѣла въ Москвѣ и онъ будетъ только къ ночи. Волгинъ распорядился объ обѣдѣ для пріѣзжихъ и отправился въ отведенныя имъ комнаты. Оживленная и шумная бесѣда длилась безъ конца. Ольги все не было; докторъ ходилъ по алеѣ—и безпокойство его росло.

Вдругъ, съ терасы, прямо надъ его головою, полились неожиданно гармоническіе звуки арфы и вся фигура Кети, озаренная лучами заходящаго солнца, какъ изящное произведеніе художника, отчетливо вырѣзалась на темномъ фонѣ вечерняго неба. На эти-то звуки бѣжала, неслась по направленію къ нимъ, въ дому, ка-

кая-то торопливая, черная, быстро приближающаяся точка. Докторъ узналъ въ ней Ольгу.

— Вотъ она наконецъ! вскричалъ онъ и бросился къ ней на встрѣчу.

Онъ удивился, что она почти бѣжала, глядя напряженно вверхъ, въ пространство, въ какую-то точку, и почти столынулась съ нимъ, не замѣчая его и не опуская глазъ. Онъ быстро обнялъ ее руками и остановилъ.

— Оля! Куда? Откуда? заторопилъ и закидалъ онъ ее вопросами. — Не стыдно, не грѣхъ тебѣ пропадать? Я, ей-богу, не пущу тебя въ другой разъ въ такую даль! Ты могла заблудиться, озябнуть, промокнуть. О, да какая-же ты блѣдная! Оля, что съ тобой? вымолвилъ онъ съ испугомъ.

Она не вдругъ опомнилась. Онъ держалъ ее въ своихъ объятіяхъ, загоразивая ей дорогу и съ ужасомъ слѣдя за выраженіемъ ея лица. Дикая, неумолимая, жадная рѣшимость яркими чертами была написана на этомъ лицѣ. Ноздри ея раздувались, глаза горѣли, поднятыя вверхъ съ какой-то угрозой, мстью, дикимъ наслажденіемъ предвкушаемаго торжества. Она, казалось, не видѣла и не понимала ничего ея окружающаго. Ольга, наконецъ, опомнилась, совладѣла съ выраженіемъ лица, улыбнулась жениху и, взявъ его подъ руку, пошла медленнымъ и вполне сознательнымъ шагомъ по дорогѣ. Но онъ весь дрожалъ подъ впечатлѣніемъ видѣннаго имъ лица и ждалъ, но не смѣлъ просить объясненія. Она сама заговорила вдругъ натуральнымъ, простымъ, успокоительнымъ тономъ:

— Ты, Жакъ, не удивляйся, что я такая возвратилась изъ рощи. Я вся еще подъ вліяніемъ тяжелаго, непріятнаго впечатлѣнія. При мнѣ сейчасъ повѣсили бѣшеную собаку; она перекусала овецъ, хотѣла укусить и меня; я бѣгала отъ нея, взобралась со страху на дерево, и потомъ на этомъ самомъ деревѣ ее повѣсили при мнѣ.

Это было все правда, но только не приключеніе съ бѣшеной собакой привело ее въ такое состояніе, — нѣтъ! это было что-то другое, что не проходило, что оставалось въ ней.

— Ахъ, Оля! я весь дрожу. Что-бы могло быть съ тобой, если-бъ она тебя укусила?

— Ничего; развѣ ты не вылечилъ-бы меня? произнесла она

съ натянутой, но хорошо подыгранной лаской;— а теперь я отдѣляюсь только блѣдностью да дрожаніемъ. Что-же тутъ страшнаго? До свадьбы заживетъ!

Онъ снова нервически вздрогнулъ отъ ея тона. Она видѣла по его испытующему взгляду, что онъ хочетъ проникнуть въ самую сокровенную глубину ея души. О, какъ быстро, какъ ловко собрала она всѣ свои силы, чтобъ отвлечь малѣйшую тѣнь подозрѣнія! Ея дѣвственная прелесть, ея туманная загадочность, все, что украшало когда-то, въ былые дни, ея спокойное, самоувѣренное лицо,— все снова спустилось, окутало ее непроницаемою броней отъ всѣхъ назойливыхъ взоровъ и наблюдений. Она даже вдругъ какъ-будто стала полнѣе, моложе, свѣжѣе; губы ея нашли фразы, которыя давно уже исчезли съ ея языка; она стала разсуждать, шутить, смѣяться. Межецвѣй былъ совсѣмъ сбитъ съ толку. Какъ всегда, онъ поддался очарованію осмысленной бесѣды съ любимой женщиной,— очарованію, котораго онъ былъ такъ давно лишень. Ольга съ замѣчательнымъ присутствіемъ духа поддерживала эту бесѣду и, казалось, даже находила въ ней наслажденіе. Онъ, ослѣпленный, влюбленный, не былъ одаренъ тѣмъ двойнымъ зрѣніемъ, съ помощью котораго могъ-бы видѣть, что за этимъ наружнымъ спокойствіемъ чернѣлось, двоилось, пробивалось наружу что-то другое.

— Наконецъ, выговорилъ онъ, садясь съ ней на полуразрушенную скамью и обнимая ея покорный станъ, — наконецъ-то, я безъ помѣхи могу прижать тебя къ своему сердцу! Какъ я радъ, что все такъ хорошо устроилось само собой къ блаженному дню нашей свадьбы! Вѣдь ты знаешь, что мы останемся одни на это время въ Вѣшеной Лощинѣ: вѣроятно, завтра-же весь этотъ людъ, графиня, Юрій, графъ со всей свитой выѣзжаютъ отсюда въ Нижній закупать матеріялы и машины для новаго завода.

Она вдругъ вскочила, какъ ужаленная. Она стремительно закрыла лицо руками и долго держала ихъ такъ.

— Оля, опять? вскричалъ онъ, вскакивая.

На этотъ разъ на лбу ея появились синяки отъ ногтей, которыми она впиалась въ него, чтобъ физической болью заглушить боль душевную.

— Извини меня, вдругъ выговорила она, наконецъ, медленно отнимая руки отъ лица, которое улыбалось какою-то неподвиж-

ною улыбкою;—я не сказала тебѣ, что я голодна, какъ волкъ, и у меня уже спазмы отъ истощенія. Пойдемъ скорѣе, вѣдь я съ утра ничего не ѣла...

Она побѣжала въ домъ, таща его за собою. Тамъ докторъ распорядился о закускѣ и посовѣтовалъ ей выпить вина для подкрѣпленія силъ. Ольга ѣла много, въ молчаніи, не замѣчая, что и какъ она ѣсть. Она выпила два стакана вина, но хмѣль не бросился ей въ голову; она была по-прежнему блѣдна, тороплива въ движеніяхъ; докторъ видѣлъ, что она спѣшила, рвалась куда-то. Между тѣмъ стемнѣло. Въ домѣ зажгли лампы. Въ сосѣдней отъ нихъ комнатѣ слышались шаги: вошелъ Волгинъ съ своими товарищами, графиня, Славянской, миссъ Люси; всѣ собирались куда-то. Межецкій на минуту оставилъ Ольгу, которая словно приросла къ своему мѣсту, вся превратившись въ слухъ.

— Оля, всѣ собираются въ новую „чайную“, объявилъ онъ, возвращаясь.—Сегодня ея открытіе. Ты поѣдешь?..

— Нѣтъ... да! Я подумаю... Подожди, лепетала Ольга.—А когда вы воротитесь?

— Графиня съ Юріемъ должны вернуться сюда къ двѣнадцати часамъ, будутъ ждать пріѣзда графа. А мы можемъ пробыть тамъ сколько хотимъ. Собирайся!..

Она вдругъ вся вздрогнула, какъ-бы отъ невидимаго удара.

— Вотъ-что, Жакъ, выговорила она вдругъ съ внезапною рѣшимостью и, подойдя ближе, положила ему руки на плечи. — Вотъ-что, мой милый.—(Голосъ ея какъ-то странно звучалъ отчетливыми, рѣзкими нотами.)—Я пойду отдохну у себя... Я очень устала... Дай мнѣ отдохнуть... Оставь меня... Я приду къ тебѣ черезъ часъ.

— Ну такъ я провожу тебя въ твою комнату и отправлюсь. Тебѣ, въ самомъ дѣлѣ, нуженъ покой. Ты выглядишь совсѣмъ больной.

Въ эту минуту раздался стукъ экипажа, отвозившаго въ „чайную“ общество Бѣшеной Лощины. Ольга, придя въ свою комнату, сѣла на постель. Она разстегнула брючки платья, накинула шаль. Докторъ все не уходилъ.

— Ступай, ступай, говорила она тоскливо, зарывая голову въ подушки; — я хочу быть одна...

— Погоди-же... не гони меня! говорилъ онъ нѣжно, возбужденный тишиною и одиночествомъ комнаты;— я такъ рѣдко вижу тебя теперь... Ты все скрываешься, уходишь куда-то... Дай мнѣ посидѣть около тебя хоть немного, убавкачь твою бѣдную, безпокойную головку...

Она нетерпѣливо двинула плечомъ подъ его рукою... Глаза ея гнѣвно свергнули молніей оскорбленнаго дѣвичества, какъ показалось влюбленному жениху.

— Обращаюсь къ тебѣ какъ къ человѣку, а не какъ къ будущему законному супругу, выговорила она съ особеннымъ удареніемъ:— можешь-ли ты, въ состояніи-ли ты уважить желаніе женщины, которая хочетъ остаться одна, или для тебя уже недоступны подобныя уступки?

Межецкій оробѣлъ и, вставъ, покорно исчезъ за дверь. Тогда она вскочила и неподвижно прислушивалась нѣсколько секундъ къ удалявшемуся шуму его шаговъ. Потомъ она вдругъ словно преобразилась. Она быстро застегнула платье, закрутила волосы, отворила дверь. Она не сошла съ лѣстницы; она сбѣжала съ нея. Сердце колотилось у ней въ груди, какъ у хищнаго звѣря, добравшагося, наконецъ, до своей добычи. Куда она шла?.. Что было у нея на умѣ?.. Озираясь, какъ воръ, будто гонимая чьимъ-то преслѣдованіемъ, осторожно, неслышно пронеслась она по коридору и пропала, нырнула куда-то. И ничто не нарушило, не потревожило болѣе тишины и одиночества опустѣвшаго дома..

ГЛАВА VI.

Большая новооткрытая чайная на главной площади Бѣшеной Лощины сіяла огнями. Благодаря щедрости графини, можно было забыть, что находишься въ степной деревнѣ, въ глухомъ уголкѣ Россіи. Обстановка этого новаго, красиваго дома была роскошна.

Собравшійся сюда народъ былъ доволенъ и веселъ. Онъ очень хорошо понималъ, кому онъ обязанъ этимъ подаркомъ, и съ неподдѣльною благодарностью встрѣтилъ графиню съ хлѣбомъ-солью. Онъ тѣснилъ ее, обступалъ, велъ за собой, обращая ея вниманіе на устройство общественной „чайной“.

— Много довольны твоей милостью! Сама тебѣ заслужишь!

Не побрезгуй, отвѣдай нашего хлѣба-соли! слышались теплыя рѣчи и восклицанія.

И графиня не чувствовала, какъ ее усаживали на первое мѣсто и устанавливали передъ нею и ея гостями всѣ принадлежности главнаго угощенья—чая. Она была довольна, какъ никогда.

Усѣвшійся рядомъ съ ней Галилеевъ нѣсколько отрезвилъ ее, относясь съ нѣкоторой ироніей ко всему происходящему. Онъ, прихлебывая чай изъ стакана, сталъ доказывать, что нѣсколько роскошная обстановка чайной—вещь скорѣе вредная, чѣмъ полезная для простолюдина. Поднялся споръ. Горнъ, въ полнѣйшемъ восторгѣ, бѣгавшій безъ устали по всѣмъ закоулкамъ, наблюдая народъ, его фізіономію, его сужденія и рѣчи,—горячо началъ защищать противное. Пришелъ докторъ и тоже вступилъ въ разговоръ... Кругомъ стоялъ гамъ, чашки стучали, слышались нетерпѣливыя требованія; между рядами посѣтителей проворно бѣгали деревенскіе парни, замѣняя ловкость—усердіемъ и недостаткомъ навыка—неутомимостью.

— Извините, господа, вдругъ вскричала Горнъ, вскакивая:—сейчасъ пробѣжала цѣлая ватага дѣвушекъ и бабъ... Я долженъ узнать, что тамъ такое...

— Специалистъ! насмѣшливо поддразнилъ его Галилеевъ.

— Ну да, и горжусь этимъ! Женщина во всѣхъ слояхъ общества самый интересный субъектъ...

Веселью не было конца. Волгину пришлось напомнить графинѣ, что нужно было собираться домой.

— Двѣнадцать часовъ, экипажъ готовъ, графиня! сказалъ онъ, наконецъ, подходя къ ней и подавая ей пледъ.—Поѣдемте, сейчасъ приѣдетъ графъ.

— А мы остаемся! крикнулъ ему Горнъ.—Тутъ одна красotka уже начала дѣлать мнѣ глазки...

— Скажите Ольгѣ, что я сейчасъ буду! отозвался докторъ, дослушавъ вмѣстѣ съ Галилеевымъ послѣдніе напѣвы хоровой пѣсни.

Надъ Бѣшеной Лощиной сіяла во всей красѣ лунная, теплая осенняя ночь.

Какъ быстро совершился переѣздъ! Ни Волгинъ, ни графиня не замѣтили его. Они сами не знали, какъ очутились въ кабинетѣ, лицомъ къ лицу. Тяжелая портьера опустилась за ними.

Свѣтъ лампы, поставленной Волгинымъ на столъ, озарялъ комнату матовымъ свѣтомъ.

Графиня сбросила съ себя пледъ и быстрыми шагами подошла къ нему.

— Наконецъ-то! проговорила она, глядя на него сіяющими восторгомъ глазами;—наконецъ!

Она, казалось, не въ силахъ была вымолвить больше ни слова; грудь ея тяжело и прерывисто подымалась, слова съ трудомъ вылетали изъ полукрытыхъ губъ. Волгинъ стоялъ, какъ вкопанный. Онъ не могъ уяснить себѣ, что съ нимъ, не смѣлъ повѣрить тому, что слышалъ, что видѣлъ. Въ глазахъ его плавали какія-то солнца, онъ чувствовалъ головокруженіе отъ ея взгляда, и внезапная блѣдность покрыла его черты.

— Говорите еще... произнесъ онъ чуть слышно;—скажите еще одно слово... еще! еще!

— Вы для меня все, все! продолжала Кети, откинувъ голову назадъ, будто въ какомъ-то восторженномъ бреду.—Помните статую Изиды съ таинственнымъ покрываломъ на челѣ? Помните юношу, который положилъ всю свою жизнь, чтобъ приподнять конецъ покрывала и заглянуть въ лицо статуѣ?.. Ну, я тоже приподняла покрывало, я сбросила его—и смотрю...

— Не совсѣмъ!.. нетвердо и весь дрожа выговорилъ Волгинъ и сдѣлалъ къ ней одинъ шагъ.

Она отступила и быстро закрыла лицо руками.

— Ну, смотрите теперь! Сдерните покрывало до конца!

Онъ отвелъ ея руки отъ лица и овладѣлъ этими руками.

— Смотрите! снова произнесъ онъ, и глаза его, съ деспотизмомъ страсти, говорили, приказывали, требовали... и она почувствовала, что въ этомъ взглядѣ была такая сила, которая ломала ее, какъ былинку, и вырывала почву изъ-подъ ея ногъ. Она пошатнулась; все для нея слилось въ какой-то огненный, опьяняющій вихрь.

Онъ поддержалъ ее, отнесъ на козетку и впервые томительно-блаженный поцѣлуй огласилъ строгія стѣны кабинета.

Вдругъ раздался дикій крикъ. Спинка козетки затрепала отъ стремительнаго удара ножа, который врѣзался въ горло несчастной, еще улыбавшейся Кети. Она вся перекачнулася, вся пода-лась назадъ, и изъ ея запрокинутаго горла алымъ потокомъ брыз-

нула кровь прямо въ лицо окаменѣвшаго, потерявшаго сознаниѣ Волгина.

— На! люби ее теперь! Любуйся! крикнулъ у него надъ ухомъ чей-то странный голосъ.

Волосы встали у него дыбомъ. Онъ увидѣлъ страшное лицо Ольги, лицо убійцы, жадно наклонявшейся все ближе и ближе къ лицу графини, еще полному жизни, блеска и красокъ, но по которому уже бѣжали судороги страданій и искажали прекрасныя черты. Тутъ все пережѣшалось, все превратилось въ хаосъ. Ольга почувствовала, что ее оттолкнулъ кто-то, кто-то вскрикнулъ; послышался шумъ, топотъ, паденіе тѣла, стоны, крики, суматоха. Сбѣжались люди, горничныя, довторъ, весь домъ. Потоки крови, рыданія, плескъ воды, звонъ ножа, падающаго на полъ, и на постели чья-то недвижно лежащая фигура, трогательно-прекрасная во всемъ величій безвременно-погибшей жизни.

— Кто, кто это сдѣлалъ? стоялъ въ ушахъ Ольги гулъ безчисленныхъ голосовъ.

Къ ней бросились, ее потащили куда-то, но опять кто-то вырвалъ ее и она почувствовала себя въ тѣсныхъ объятіяхъ, знакомыхъ объятіяхъ жениха. Онъ рыдалъ надъ нею, какъ безумный.

Потомъ вдругъ настало для нея одиночество, мракъ, неподвижность, длинная, темная ночь, населенная призраками и галлюцинаціями убійства...

П. Лѣтневъ.

Ф А Т А.

(Les orientales par, V. Hugo.)

СЕСТРА:

О, братья, что сдѣлалось съ вами?
Зачѣмъ ваши взгляды горятъ
Зловѣщимъ огнемъ подѣ бровями,
Какъ пламя надгробныхъ лампадъ?
Гдѣ вы пояса разорвали?
Зачѣмъ вы кинжалы свои
Три раза уже вынимали
Въ отвѣтъ на разспросы мои?

СТАРШІЙ БРАТЪ:

Фату ты снимала съ лица на пути?

СЕСТРА:

О, братъ, господинъ мой, должна я
Была возвращаться изъ башь,
Отъ взоровъ гяуровъ скрывая
Лице свое въ плотную ткань.
Минуя мечеть у базара,
Покровъ въ паланкинѣ своемъ
Я, вся разгорѣвшись отъ жара,
На мигъ подняла надъ лицомъ...

ВТОРОЙ БРАТЪ:

А встрѣчный глядѣлъ на тебя молодецъ?

СЕСТРА:

Не знаю... быть может... пугливый,
 Меня разглядѣть онъ не могъ...
 Что-жь значить вашъ шопоть строптивый?
 Зачѣмъ этотъ шопоть такъ строгъ?..
 Вамъ хочется крови?.. Душою
 Клянусь: не видалъ онъ меня...
 Нѣтъ!.. Сжальтесь хотя надо мною, —
 Вѣдь слабая женщина я!..

ТРЕТІЙ БРАТЪ:

Багровъ былъ закатъ пролетѣвшаго дня!

СЕСТРА:

Простите!.. Вины я не знаю!..
 Кинжалы взвились!.. Это—кровь!..
 Колѣни я вамъ обнимаю...
 Спасите!.. О, бѣлый покровъ!..
 Васъ кровь моихъ рубѣ испугала?..
 Бѣжите?.. Пойдите-жь на мигъ!..
 Въ глазахъ потемнѣло... Упала
 Фата гробовая на нихъ!..

ЧЕТВЕРТЫЙ БРАТЪ.

Ее не поднимешь теперь при другихъ!

А. М

ДАНИЕЛЬ ДЕРОНДА.

РОМАНЪ

ИЗЪ СОВРЕМЕННОЙ АНГЛІЙСКОЙ ЖИЗНИ.

ГЛАВА LXIII.

Послѣ пріѣзда матери Гвендолина не хотѣла долго оставаться въ Генуѣ. Ея желаніе какъ можно скорѣе покинуть эту „жемчужину моря“ придавало ей силы и мужество.

— Я никогда болѣе не увижу Средиземнаго моря, сказала Гвендолина матери, которая вполне понимала, какъ ей казалось, чувства своей дочери, даже запрещеніе когда-либо упоминать объ ея покойномъ мужѣ.

Что-же касается самой м-съ Давило, то хотя она формально признавала настоящую минуту печальной, но въ сущности со времени свадьбы Гвендолины она никогда не наслаждалась такъ полно, какъ теперь. Ея дорогое дѣтище возвратилось къ ней и выказывало привязанность еще большую, чѣмъ прежде.

— Вы здѣсь, мама? вскрикивала Гвендолина ночью, какъ во дни своего дѣтства, когда ее пугало что-нибудь во снѣ.

— Да, голубушка, отвѣчала м-съ Давило, спавшая въ одной комнатѣ съ дочерью;— что тебѣ нужно?

— Ничего, я только хотѣла знать, что вы со мною. Я васъ разбудила, простите.

(Такихъ словъ Гвендолина не произносила въ прежнее время.)

— Нѣтъ, я вовсе не спала.

— Мнѣ не вѣрилось, что вы со мною, и я хотѣла услышать

вашъ голосъ. Я все могу перенести, если вы меня не покинете, но вы не должны беспокоиться обо мнѣ даже по ночамъ. Вы должны быть счастливы, должны позволить мнѣ сдѣлать васъ счастливой. Иначе, что-же мнѣ остается?

— Христосъ съ тобою, голубушка; для меня нѣтъ большаго счастья, какъ твоя любовь.

На слѣдующую ночь м-съ Давило услышала, что Гвендолина тяжело вздыхаетъ, и спросила ее:

— Не дать-ли тебѣ, Гвенъ, усыпительныхъ капель?

— Нѣтъ, мама, благодарю; я не хочу спать.

— А тебѣ было-бы хорошо заснуть.

— Вы не знаете, что для меня хорошо! воскликнула Гвендолина съ жаромъ.— Вы и дядя не должны мнѣ перечить и говорить, что для меня хорошо то, что я вовсе не считаю для себя хорошимъ.

М-съ Давило замолчала, нисколько не удивляясь раздражительности дочери.

— Я всегда была дурною дочерью, мама, сказала черезъ нѣсколько минутъ Гвендолина.

— Нѣтъ, голубушка!

— Да, да! воскликнула Гвендолина настойчиво: — я всегда поступала дурно и вотъ почему теперь несчастна.

И она горько расплакалась. Несмотря на ея рѣшимость никогда не упоминать о событіяхъ своей брачной жизни, она отъ времени до времени подвергалась подобнымъ нервнымъ припадкамъ. Благодаря этимъ вспышкамъ и отрывочнымъ свѣденіямъ, которыя передавалъ ей Гаскойнъ, м-съ Давило мало-по-малу начала понимать всю правду объ отношеніяхъ Гвендолины къ ея покойному мужу. Извѣстія, собранныя Гаскойномъ, были далеко неутѣшительны; добродушный сэръ Гюго счелъ своей обязанностью сообщить пастору въ возможно-мягкой формѣ сущность духовнаго завѣщанія Градкорта. Онъ не хотѣлъ, чтобы Гаскойнъ сохранилъ до возвращенія въ Англію свои иллюзіи по этому предмету, и постепенно приготовилъ его къ принятію непріятной вѣсти; сначала онъ выразилъ опасеніе, что вдова, кажется, получитъ менѣе, чѣмъ слѣдовало ожидать; а потомъ, послѣ долгихъ, смутныхъ намековъ, прямо заявилъ, что у Градкорта была незакон-

ная связь и, за неимѣніемъ законнаго наслѣдника, почти все его состояніе переходило по завѣщанію къ побочнымъ дѣтямъ.

Гаскойнъ былъ очень опечаленъ этой вѣстью и вспомнилъ невольно, какъ гордо и оскорбительно обходился съ нимъ покойный, вспомнилъ, что во время пребыванія Грандкорта въ Дипло онъ, Гаскойнъ, слышалъ объ его прошедшей разгульной жизни, но никогда не подозрѣвалъ, что послѣдствія подобной жизни отзовутся самымъ гибельнымъ образомъ на людяхъ порядочныхъ и ни въ чемъ невиновныхъ. Но пасторъ не высказалъ этихъ мыслей сэру Гюго, а только замѣтилъ, какъ истинно-свѣтскій человѣкъ, сдѣлавшійся добросовѣстнымъ служителемъ алтаря:

— Молодые люди, составляя духовныя завѣщанія, обыкновенно рассчитываютъ, что жизнь ихъ еще долго продлится. Вѣроятно, м-ръ Грандкортъ не думалъ, что это завѣщаніе когда-нибудь приведется въ исполненіе. Во всякомъ случаѣ, печально, въ нравственномъ отношеніи, что незаконной связи дается преимущество передъ законнымъ бракомъ.

— Впрочемъ, я нахожу справедливымъ, сказалъ сэръ Гюго, — что Грандкортъ, имѣя сына, позаботился о немъ и оставилъ ему свои помѣстья. У него не было родственниковъ ближе двоюроднаго брата, а грустно думать, что, покидая жизнь, приносишь пользу только двоюродному брату. Приятно писать духовное завѣщаніе, когда оно составляется въ пользу своихъ дорогихъ, собственныхъ дѣтей, но, повторяю, горько оставлять состояніе чужому человѣку. Поэтому я прощаю Грандкорту его завѣщаніе въ этомъ отношеніи. Но, сказать между нами, я никогда ему не прощу, что онъ обошелся съ вашей племянницей... съ нашей племянницей такъ скверно. Онъ оставилъ ее въ положеніи вдовы какогонибудь мелкаго чиновника. Я презираю человѣка, который мститъ женѣ изъ-за гроба. Всякій джентльменъ обязанъ позаботиться, чтобъ его вдова поддержала достоинство его имени. Да, наконецъ, и легче умирать, зная, что жена и дѣти останутся въ хорошемъ положеніи. Я вполне понимаю чувства нашихъ солдатъ въ брѣвскую войну, которые смѣло шли на штурмъ, зная, что ихъ семейства получаютъ хорошія пенсіонъ.

— Ваши слова тѣмъ болѣе меня изумляютъ, отвѣчалъ Гаскойнъ, — что я, замѣняя Гведолинъ отца, выказалъ слѣпое довѣріе къ м-ру Грандкорту и не выговорилъ въ брачномъ конт-

рактѣ никакого опредѣленнаго содержанія его вдовѣ въ случаѣ его смерти. Мнѣ казалось, что при его щедрости подобная мѣра была излишней. Но вы, вѣроятно, меня за это осудите.

— Нѣтъ, я уважаю человѣка, довѣряющаго своему ближнему, но если вы станете выдавать замужь другую племянницу, хотя бы за архіепископа Клантербурійскаго, то свяжите ему руки крѣпкимъ условіемъ на случай смерти. Если онъ хорошій человѣкъ, онъ не станетъ противиться. Что же касается м-съ Грандкорть, то, право, я питаю къ ней гораздо болѣе родственнаго сочувствія съ тѣхъ поръ, какъ съ нею поступили несправедливо, и я надѣюсь, что она всегда будетъ разсчитывать на меня, какъ на друга.

Такъ говорилъ рыцарски-благородный сэръ Гюго, одушевляясь негодованіемъ, что прелестная юная вдова Грандкорты получила всего двѣ тысячи фунт. стер. въ годъ и домъ въ каменно-угольномъ округѣ. Конечно, ректору эта цифра показалась не столь презрѣнной, какъ баронету, но онъ гораздо болѣе его сознавалъ всю тяжесть униженія, которому подвергли Гвендолину и ея родственниковъ публичнымъ заявленіемъ объ отношеніяхъ ея покойнаго мужа къ м-съ Глашеръ. При этомъ онъ съ ужасомъ думалъ, какъ онъ передастъ это извѣстіе м-съ Давило и Гвендолинѣ. Добрый пасторъ былъ вполнѣ увѣренъ, что его племянница не имѣла ни малѣйшаго понятія о существованіи м-съ Глашеръ, но м-съ Давило, узнавъ о содержаніи духовнаго завѣщанія, объяснила себѣ многое, непонятное до тѣхъ поръ въ брачной жизни дочери, которая, очевидно, какимъ-нибудь способомъ узнала о незаконной связи мужа и объ его незаконныхъ дѣтяхъ. Она надѣялась, что во время путешествія въ Англію она найдетъ удобную минуту развѣдать, что было дѣйствительно извѣстно Гвендолинѣ, и мало-по-малу приготовить ее къ тяжелому разочарованію. Но ей не пришлось прибѣгать къ уловкамъ и хитростямъ.

— Я надѣюсь, мама, что вы не особенно огорчитесь, если мнѣ придется отказаться отъ богатства и роскоши, сказала Гвендолина вскорѣ послѣ разговора пастора съ ея матерью; — можетъ быть, я ничего не получу.

М-съ Давило вздрогнула и отвѣчала послѣ минутнаго размышленія:

— Нѣтъ, голубушка, ты получишь кое-что. Сэръ Гюго знаетъ содержаніе духовнаго завѣщанія.

— Это еще ничего не значить, произнесла Гвендолина задумчиво.

— Какъ ничего? По словамъ сэра Гюго, ты получишь двѣ тысячи фунтовъ стерлинговъ ежегоднаго дохода и домъ въ Гадсмирѣ.

— Я получу только то, что приму, отвѣчала Гвендолина;— вы и дядя не должны уговаривать меня измѣнить мое рѣшеніе. Я готова все сдѣлать для вашего счастья, но когда дѣло идетъ о мужѣ, то я не желаю, чтобъ кто-нибудь виѣшивался. Довольно вамъ, мама, восьмисотъ фунтовъ стерлинговъ въ годъ?

— Болѣе, чѣмъ довольно, голубушка, но ты не должна давать мнѣ столько. А ты знаешь, кто получаетъ все остальное состояніе?

— Да, отвѣчала Гвендолина, махая рукою;— я все знаю, и нахожу завѣщаніе вполнѣ правильнымъ, но прошу никогда мнѣ о немъ не упоминать.

М-съ Давило отвернулась и, вставъ, взяла со стола вѣеръ. Не желая встрѣтить взоровъ дочери, она не подняла головы и по возвращеніи на свое мѣсто. Но Гвендолина слѣдила за нею съ тѣмъ новымъ чувствомъ, которое такъ еще недавно въ ней проснулось.

— Сядьте ко мнѣ поближе, мама, и не горюйте, сказала она.

М-съ Давило исполнила ея желаніе, тщетно стараясь удержаться отъ слезъ.

— Не плачьте, продолжала Гвендолина, ласкаясь къ матери;— я хочу быть умной и доброй, особенно къ вамъ, моя старая, дорогая мама.

Дѣло было въ томъ, что Гвендолина рѣшилась спросить совѣта у Деронды, слѣдовало-ли ей принимать что-нибудь отъ покойнаго мужа, во всякомъ случаѣ,—не болѣе той суммы, какая необходима на содержаніе ея матери. Она чувствовала въ себѣ достаточно силы на все, что могло возвысить ее въ глазахъ Деронды.

Сэръ Гюго настойчиво уговаривалъ ее тотчасъ отправиться въ Англію съ м-съ Давило и поселиться въ его лондонскомъ домѣ до окончанія траура и приведенія въ порядокъ ея дѣлъ. По его словамъ, въ эту пору Лондонъ былъ уединеннымъ мѣстомъ; онъ

брался самъ отобрать всё принадлежавшія Гвендолинѣ вещи въ роскошномъ домѣ на Гросвенорскомъ скверѣ. Этотъ планъ какъ нельзя болѣе соответствовалъ желаніямъ Гвендолины, потому что въ Лондонѣ она могла легче всего устроить свиданіе съ Дерондой.

Узнавъ во время обратнаго путешествія, что ей заранѣе было извѣстно завѣщаніе мужа, сэръ Гюго нѣсколько разъ заговаривалъ объ ея будущей, скромной жизни и старался представить ее въ возможно благопріятномъ свѣтѣ. По его мнѣнію, вдова, въ отношеніи которой мужъ поступилъ несправедливо, должна была вскорѣ утѣшиться, чтобъ не дать возможности другимъ истолковывать ея горе финансовымъ разочарованіемъ. Благодаря своимъ неожиданно поправившимся обстоятельствамъ и искреннему сожалѣнію къ Гвендолинѣ, сэръ Гюго обращался съ нею, какъ добрый отецъ, называлъ ее милой голубушкой и, говоря съ Гаскойномъ о Гадсмирѣ, объяснялъ, какія улучшенія „мы тамъ введемъ“. Гвендолина, блѣдная, молча слушала, какъ онъ доказывалъ, что если она предпочтетъ отдать Гадсмиръ въ аренду, то всего выгоднѣе войти въ сдѣлку съ хозяевами каменноугольныхъ копей, хотя, по его личному мнѣнію, трудно найти болѣе уютное и живописное мѣстечко.

— Конечно, тамъ царитъ угольная сажа, прибавилъ баронетъ добродушно, — но она очень полезна для здоровья. Я съ удовольствіемъ жилъ-бы въ Гадсмирѣ.

— Это мѣстечко значительнѣе Офендина? спросилъ Гаскойнъ.

— Да, отвѣчалъ баронетъ рѣшительно; — я бывалъ тамъ, впрочемъ, еще ребенкомъ, вмѣстѣ съ братомъ, но помню очень хорошо, что паркъ гораздо обширнѣе, хотя комнаты, быть можетъ, и такія-же, какъ въ Офендинѣ.

— Бѣдный, милый Офендинъ теперь пустой, замѣтила м-съ Давило: — м-ръ Гейнсъ отказался отъ аренды. Жаль, что я не воспользовалась любезнымъ предложеніемъ лорда Бравеншо остаться еще годъ даромъ; по крайней мѣрѣ, я топила-бы и содержала въ чистотѣ хорошенькій домикъ.

— Я надѣюсь, что ваше новое жилище столь-же уютно.

— Слишкомъ уютно, отвѣчалъ Гаскойнъ съ улыбкой; — большому семейству тамъ немного тѣсно.

Услыхавъ, что Офендинъ не занятъ, Гвендолина послѣшно от-

вернулась и мысленно перенеслась въ знакомый, дорогой домикъ, окруженный мирными пастбищами, тѣнистыми деревьями и живописной алеей, оканчивавшейся пасторскимъ домомъ. Она видѣла себя входящей въ широко отворенную дверь, на порогъ которой ее съ нетерпѣніемъ ожидали мать и сестры. Мирная, уединенная жизнь въ этомъ забытомъ уголкѣ казалась ей нѣкогда нестерпимо скучной, но теперь она желала этой жизни.

Гвендолина тѣмъ болѣе сосредоточила свои мысли на Оффендинѣ, что она твердо рѣшилась никогда не вступить ногою въ гадсмирское чистилище; но она не выказала никакого интереса къ происходившему подлѣ нея разговору, какъ-будто дѣло шло о совершенно чуждомъ предметѣ, атлантическомъ телеграфѣ или церковныхъ реформахъ, о которыхъ бесѣдовали, между прочимъ, ея дядя и сэръ Гюго, истощивъ всевозможныя темы. Только они одни наполняли скучные часы дороги въ вагонахъ и на станціяхъ веселой, пріятной бесѣдой; Гвендолина упорно молчала, сосредоточившись въ своемъ внутреннемъ мірѣ и принимая все, что говорилось и дѣлалось вокругъ нея, за тревожный сонъ. Что-же касается м-съ Давило, она постоянно думала о томъ, что именно мучило ея дочь, и терялась въ догадкахъ о причинахъ, побуждающихъ ее отказаться отъ наслѣдства послѣ мужа, — по крайней мѣрѣ, ей показалось, что дочь выражаетъ такое желаніе.

Чѣмъ ближе къ концу подвигалось путешествіе, тѣмъ болѣе устанавливались мысли Гвендолины на одномъ предметѣ: какъ-бы ей увидать Деронду и спросить его совѣта, какъ ей далѣе поступать. Только благодаря ему, служившему ей чѣмъ-то вродѣ внешней совѣсти, она примирилась съ необходимостью скрыть въ глубинѣ своего сердца укору ея внутренней совѣсти. Она не могла сдѣлать теперь ни шага безъ полной увѣренности, что Деронда его одобритъ. Но она забыла спросить его адресъ и узнать о немъ теперь можно было только отъ сэра Гюго. Она очень хорошо понимала, какъ посторонніе люди могли перетолковать видимое преслѣдованіе ею Деронды, который выказывалъ къ ней сравнительное хладнокровіе. Но жажда видѣть Деронду и почерпнуть изъ его совѣта новыя силы до того овладѣла сердцемъ Гвендолины, что она готова была заплатить за свиданіе съ нимъ не только мелочной непріятностью, но даже тюрьмой или пыткой. Поэтому, прибывъ въ Лондонъ и узнавъ, что баронетъ уѣзжаетъ на нѣ-

сколько дней въ аббатство къ женѣ и дѣтямъ, она, при матери и безъ малѣйшаго колебанія, сказала:

— Сэръ Гюго, я желала-бы видѣть м-ра Деронду какъ можно скорѣй. Я не знаю его адреса; пожалуйста скажите, гдѣ онъ живетъ, или передайте ему, что мнѣ нужно его видѣть.

— Право, я не знаю, гдѣ онъ теперь, въ городѣ или въ аббатствѣ, но я его розыщу, отвѣчалъ баронетъ добродушно, какъ-будто порученіе Гвендолины было самое обыкновенное;—я ему сейчасъ напишу, а если онъ въ аббатствѣ, то передамъ ваше желаніе на словахъ. Конечно, онъ сейчасъ къ вамъ явится.

Однакожь, баронетъ былъ вполне убѣжденъ, что Гвендолина страстно любила Деронду уже давно, и боялся, чтобъ она не сдѣлала чего-нибудь слишкомъ неосторожнаго, легкомысленнаго. Онъ былъ очень радъ, что такое прелестное созданіе любило его дорогого Дана и что судьбѣ было угодно устранить единственную преграду къ ихъ счастью. Но его тревожила мысль, достаточно-ли любилъ ее Данъ и не составилъ-ли онъ себѣ какой-нибудь планъ жизни, при которомъ этотъ прелестный бракъ былъ-бы немислимъ. Конечно, всѣ эти мысли были преждевременны, такъ-какъ послѣ смерти Грандкорта не прошло еще и двухъ недѣль, но почти всегда наши мысли или забѣгаютъ впередъ, или опаздываютъ.

Какъ-бы то ни было, сэръ Гюго написалъ записку Дерондѣ и тотъ получилъ ее на своей городской квартирѣ.

ГЛАВА LXIV.

Деронда явился по зову Гвендолины не безъ нѣкотораго волненія. Не самолюбіе, а чувство нѣжной симпатіи нашептывало ему, что сердце Гвендолины могло требовать отъ него болѣе, чѣмъ онъ могъ дать; не путемъ теоретическаго мышленія, а инстинктивнымъ сознаніемъ онъ дошелъ до убѣжденія, что Гвендолина любитъ его. Онъ чувствовалъ, что судьба этой женщины таинственно связана съ его судьбой. Если-бъ все это случилось годъ тому назадъ, онъ не сталъ-бы спрашивать себя, любить-ли ее, а безсознательно поддавался-бы пламенному влеченію спасти ее отъ горя, охранять въ будущемъ отъ всѣхъ опасностей мрачнаго одиночества и довести

до конца ту роль покровителя, которая началась выкупомъ ожерелья. Но теперь любовь и долгъ опутали его другими узами и это влеченіе уже не могло руководить его жизнью; все-же это чувство было такъ сильно, что онъ съ ужасомъ ожидалъ встрѣчи съ ея умоляющими, страстными взорами. Чѣмъ сильнѣе онъ сознавалъ, что его сердце занято другою и что эта любовь заставляла его отшатнуться отъ Гвендолины, тѣмъ съ большимъ состраданіемъ онъ думалъ объ ея судьбѣ.

Придя въ Паркъ-Ланъ, онъ прошелъ въ маленькую гостиную, гдѣ нѣкогда, на музыкальномъ вечерѣ, Гвендолина въ первый разъ обратилась къ нему съ мольбою не покидать ее, слившейся съ мелодичнымъ воплемъ—*Per pietà non dirmi addio*. Теперь онъ сознавалъ, что вся прелесть мелодіи происходила отъ чуднаго, дорогого голоса Миры.

Дождаясь Гвендолины, Деронда ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, всѣ предметы въ которой онъ зналъ наизусть уже много лѣтъ. Но теперь всѣ они, начиная съ улыбающагося портрета леди Малинджеръ до львиныхъ мордъ, украшавшихъ каминъ, казались ему чѣмъ-то не реальнымъ, принадлежностью не настоящаго, а прошедшаго,—такъ велика была переиѣна, происшедшая въ немъ, такъ глубоко преобразили его впечатлѣнія послѣдняго времени, такъ новы были условія, въ которыхъ онъ очутился въ знакомомъ, почти родномъ домѣ.

Наконецъ вошла въ комнату Гвендолина, очень измѣнившаяся, не столько отъ траура, сколько отъ болѣе спокойнаго выраженія лица. Она была довольна, что Деронда тотчасъ пріѣхалъ, но никто изъ нихъ не улыбнулся, пожимая другъ другу руку; оба они были полны грустныхъ воспоминаній и грустныхъ предчувствій.

— Вы очень добры, что пришли; сядемте, сказала она, опускаясь въ кресло.

Онъ сѣлъ противъ нея.

— Мнѣ очень нужно васъ видѣть, продолжала она; — скажите, что мнѣ слѣдуетъ дѣлать? Не бойтесь, говорите все, что думаете. Я рѣшилась исполнить свой долгъ, какъ-бы тяжелъ онъ ни былъ. Я прежде боялась бѣдности и зависимости отъ другихъ; потому я и вышла замужъ. Но съ тѣхъ поръ я перенесла многое, гораздо худшее, и чувствую, что перенесу и бѣдность, если вы найдете необходимымъ. Вамъ извѣстно завѣщаніе моего мужа?

— Да, сэръ Гюго мнѣ передалъ его содержаніе, отвѣчалъ Деронда, догадываясь, какого совѣта она у него спросить.

— Должна-ли я принимать состояніе, которое онъ мнѣ оставилъ? произнесла Гвендолина съ первыми раздраженіемъ. — Я вамъ скажу, что я думаю по этому предмету. Вамъ, быть можетъ, неизвѣстно, что, выходя замужъ, я болѣе всего думала о спокойствіи матери. Правда, я была эгоистка, но я искренно ее любила, и въ началѣ моей несчастной брачной жизни меня утѣшала мысль, что мать моя находится въ лучшемъ положеніи. Теперь мнѣ было-бы всего прискорбнѣе видѣть ее снова въ нищетѣ и я думаю, что взявъ только такую сумму, которая обезпечитъ ея положеніе, я не сдѣлаю ничего дурного. Вѣдь я была очень дорога моей матери, а онъ меня отнял у нея и... и...

Хотя Гвендолина приготовилась заранѣе къ этому свиданію и хотѣла говорить только о своихъ отношеніяхъ къ матери, но горькія воспоминанія заставили ее умогнуть въ сильномъ волненіи и она безпомощно опустила глаза, смотря на свои руки, на которыхъ не блестяло ни одного кольца, кромѣ обручальнаго.

— Не тревожьтесь, произнесъ нѣжно Деронда.—дѣло очень просто и я полагаю, что не могу даже дать вамъ дурного совѣта. Вы обращаетесь ко мнѣ потому, что я единственный человѣкъ, которому вы повѣрили грустную тайну вашей жизни.

Онъ остановился, чтобъ дать время Гвендолинѣ оправиться, и когда она подняла на него свои глаза, продолжалъ:

— Вы сознаете, что совершили въ отношеніи умершаго поступокъ, который считаете преступленіемъ, хотя его вовсе не было. Вы думаете, что лишились всѣхъ правъ, которыя вы могли имѣть, какъ его жена. Вы не хотите взять отъ него ничего, боясь доказать свѣту, что его смерть принесла вамъ пользу. Вы, наконецъ, желаете подвергнуться самобичеванію за то, что поддались соблазну. Я самъ чувствовалъ нѣчто подобное. Такъ-ли я васъ новялъ?

— Да, отвѣчала Гвендолина,—я хочу быть хорошей женщиной, не такой, какъ прежде. Я постараюсь пренести все, что вы найдете необходимымъ. Что мнѣ дѣлать?

— Если-бъ финансовый вопросъ касался только васъ однихъ, то я не сталъ-бы васъ отговаривать, но теперь я беру въ руководители ваше чувство къ м-съ Давило, совершенно справед-

ливое, по моему мнѣнію. Я полагаю, что ваше поведеніе нѣсколько не освобождаетъ вашего мужа исполнить свой долгъ въ отношеніи васъ. Онъ по своей собственной волѣ женился на васъ и взялъ всю вашу жизнь. Кромѣ того, онъ, конечно, обязанъ позаботиться и о вашей матери.

— Она получала восемьсотъ фунтовъ стерлинговъ въ годъ и я думала теперь этимъ удовольствоваться, сказала Гвендолина.

— По-моему, вы не имѣете права назначать въ этомъ случаѣ предѣлы, отвѣчалъ Деронда;—вы поставили-бы м-съ Давило въ самое непріятное положеніе, обязывая ее принять то, отъ чего вы отказались по неизвѣстной для нея причинѣ. Къ тому-же мы рѣшили въ Генуѣ, что никто не долженъ узнать, какое бремя тяготитъ вашу совѣсть, а эту тайну будетъ очень трудно сохранить при отказѣ отъ наслѣдства. По моему мнѣнію, вы должны просто повиноваться послѣдней волѣ вашего мужа, и укору совѣсти могутъ только указать вамъ на способъ употребленія означенныхъ суммъ.

Съ этими словами Деронда машинально взялъ шляпу, которую онъ съ начала разговора поставилъ на полъ подлѣ себя. Сердце Гвендолины дрогнуло при мысли, что онъ уйдетъ, и она безсознательно встала, не соображая, что этимъ поддерживала его намѣреніе удалиться. Онъ тотчасъ также всталъ и подошелъ къ ней ближе.

— Я исполню башъ совѣтъ, но что-же мнѣ еще дѣлать? сказала Гвендолина поспѣшно.

Она не могла произнести ничего другого, какъ эти простыя, дѣтскія слова, и не была въ силахъ удержаться отъ слезъ. Деронда почувствовалъ въ сердцѣ жгучую боль, но, сознавая всю важность этой минуты, онъ сдержалъ себя, чтобъ не слишкомъ поддаться состраданію.

— Вы, вѣроятно, вскорѣ уйдете изъ Лондона съ м-съ Давило? спросилъ онъ просто, когда она нѣсколько успокоилась.

— Да, черезъ недѣлю или полторы, отвѣчала Гвендолина, устремляя свой взглядъ въ окно, словно передъ нею открывалась картина ея будущей жизни;—я хочу быть очень доброй ко всѣмъ моимъ... для нихъ счастье еще возможно. Не правда-ли, это хорошо?

— Конечно, это вашъ долгъ, произнесъ Деронда; — потому

вы найдете для себя и другія обязанности. Если смотрѣть на жизнь, какъ на исполненіе долга, то она только издали кажется скучной и мрачной, а въ сущности лишь отсутствіе всякой цѣли въ жизни дѣлаетъ ее таковой. Но однажды положивъ въ основу вашей новой дѣятельности укоры совѣсти и желаніе принести пользу другимъ, вы на каждомъ шагу будете находить неожиданное удовольствіе и ежедневно жизнь ваша станетъ расширяться.

Гвендолина посмотрѣла на него тѣмъ взглядомъ несчастнаго, умирающаго отъ жажды, который вдругъ слышитъ журчаніе ручья. Этотъ взглядъ поразилъ Деронду и онъ сказалъ съ нѣжнымъ сочувствіемъ:

— Горе разразилось надъ вами въ такихъ молодыхъ лѣтахъ, что вы можете взглянуть на него, какъ на подготовленіе къ жизни, а не какъ на пресѣченіе ея. Подумайте, судьба васъ спасла отъ худшихъ результатовъ вашего брака, который вы считаете предосудительнымъ. Вы стояли на пути, который могъ привести васъ къ позорному униженію, и ангель-хранитель остановилъ васъ во-время, указавъ на всѣ ужасы, которыхъ вы должны избѣгать въ жизни. Вы молоды; взгляните на все случившееся, какъ на спасительный урокъ. Вы можете, вы должны сдѣлаться одной изъ лучшихъ на свѣтѣ женщинъ.

Деронда говорилъ такимъ умоляющимъ тономъ, точно дѣло шло объ его собственномъ счастьѣ, и его слова дѣйствовали на Гвендолину съ магической силой. Она чувствовала, что въ ней просыпались новыя силы, что она начинала жить новою жизнью. Такъ могуче вліяніе другого человѣка, передъ которымъ мы преклоняемся съ пламенной любовью. Но новое, открывавшееся передъ нею существованіе было безусловно связано съ присутствіемъ Деронды. Она не говорила себѣ, что онъ ее любитъ, но инстинктивно чувствовала, что не можетъ дышать безъ него. Въ первый разъ послѣ страшной прогулки по морю въ Генуѣ лицо ея покрылось яркимъ румянцемъ, но она не произнесла ни слова.

— Я не хочу васъ долѣе утруждать, сказалъ Деронда, протягивая руку.

Она снова вздрогнула и молча положила свою маленькую руку на его могучую ладонь.

— Вы больны, вы не походите на себя, продолжалъ онъ.

— Я не могу спать, отвѣчала она прежнимъ унылымъ тономъ;—я все вижу одни и тѣ-же страшные образы.

— Они мало-по-малу исчезнутъ, сказалъ Деронда, не находя возможнымъ вырвать руку и удалиться.

— Сэръ Гюго намѣренъ пріѣхать въ Дипло, промолвила Гвендолина;—вы также пріѣдете?

— Вѣроятно, отвѣчалъ Деронда, и, чувствуя, что онъ говорилъ слишкомъ холодно, прибавилъ съ жаромъ: — да, непременно.

При этомъ онъ крѣпко пожалъ ей руку, точно прощался съ нею.

— А здѣсь вы больше меня не посѣтите? спросила Гвендолина грустно и поблѣднѣвъ болѣе прежняго.

— Конечно, я приду, если могу принести вамъ какую-нибудь пользу... если вы этого желаете.

— Какъ-же мнѣ этого не желать! воскликнула съ жаромъ Гвендолина; — къ кому-же мнѣ обратиться за помощью? А у самой не хватаетъ силъ!

Снова слезы душили ее.

— Я непременно приду, промолвилъ Деронда, и на лицѣ его выразилось истинное горе.

Гвендолина замѣтила эту неожиданную перемену въ Дерондѣ, но мысль о новомъ свиданіи съ нимъ взяла въ ней верхъ надо всемъ и въ ея сердцѣ проснулась надежда.

— Не будьте несчастны изъ-за меня, сказала она тономъ нѣжной самоувѣренности; — я не забуду вашихъ словъ и буду стараться исполнить ваши совѣты.

Она бросила на него рѣшительный взглядъ и снова протянула ему руку, но на ея устахъ не играла улыбка. Со времени смерти мужа она казалась только мрачной статуей той Гвендолины, смѣхъ которой нѣкогда весело раздавался среди самаго серьезнаго общества.

Разговоръ съ Гвендолиной глубоко поразилъ Деронду. Трудно было вообразить болѣе тяжелое положеніе для человѣка добраго и нѣжнаго, но благоразумнаго! Онъ не могъ жестоко оттолкнуть ее отъ себя, но въ то-же время ясно сознавалъ, что настанетъ минута, когда ихъ отношенія должны прерваться, и ударъ для Гвендолины будетъ тѣмъ ужаснѣе, чѣмъ теперь они тѣснѣе сои-

дутся. Какъ-бы то ни было, онъ посѣтилъ ее въ Лондонѣ еще два раза, но эти свиданія происходили въ присутствіи м-съ Давило и потому были не столь тревожны. Гвендолина, помирившись съ мыслью принять оставленное мужемъ наслѣдство, составила планъ своей будущей жизни, о которомъ она теперь съ удовольствіемъ говорила. Она желала снова поселиться съ матерью и сестрами въ Офендинѣ, гдѣ она нѣкогда была такъ счастлива, хотя этого не сознавала. Сэръ Гюго одобрилъ этотъ планъ и обѣщаль похлопотать о сдачѣ Гадсмира въ аренду, причѣмъ вырученными деньгами можно было уплатить съ избыткомъ за аренду Офендина. Деронда также охотно говорилъ объ этомъ предметѣ, видя, что подобный разговоръ дѣйствовалъ успокоительно на Гвендолину. О себѣ-же онъ вовсе не упоминалъ и она не спрашивала о томъ, что его всего болѣе занимало. Ее интересовало теперь только одно — пріѣздъ Деронды въ Дипло осенью, и она не имѣла ни малѣйшаго подозрѣнія, чтобъ маленькая еврейка и ея братъ могли произвести какую-нибудь перемѣну въ ея судьбѣ.

ГЛАВА LXV.

Между тѣмъ узы, связывавшія Деронду съ Эздрой и Мирой, которыхъ Гвендолина, думая о немъ, не принимала въ расчетъ, становились все тѣснѣе и тѣснѣе.

Возвратясь въ Лондонъ, Деронда чувствовалъ себя совершенно новымъ человѣкомъ. Онъ уѣзжалъ за-границу въ полномъ невѣдѣніи, на-сколько желанія и стремленія, возбужденныя въ его душѣ за послѣднее время, найдутъ себѣ поддержку въ тайнѣ его происхожденія, которая, наконецъ, должна была объясниться. А вернулся онъ какъ-бы съ хартіей, узаконившей его право на то, чего онъ смутно жаждалъ; онъ вернулся съ сладкимъ сознаніемъ, что долгъ побуждалъ его идти именно туда, куда тайно его влекло сердце. Съ той самой минуты, какъ Мира простилась съ нимъ въ домѣ м-съ Мейрикъ послѣ спасенія ея изъ воды, онъ почувствовалъ къ ней ту глубокую, преданную любовь, которая помогла ему выдти незапятнаннымъ изъ ужасныхъ искушеній, созданныхъ его отношеніями къ Гвендолинѣ. Эта любовь, постоянно

усиливаясь, особенно со времени переѣзда молодой дѣвушки къ брату и почти ежедневныхъ ихъ свиданій, долго оставалась какъ-бы безсознательной; только въ разговорѣ съ матерью онъ впервые открыто призналъ, что, дѣйствительно, любить юную еврейку, точно такъ-же, какъ Іосифъ Калонимъ побудилъ его выразить опредѣленно свою рѣшимость вести жизнь, достойную еврея. Энергія, проявившаяся въ немъ при этой переѣзѣ во всемъ его нравственному бытію, изумляла даже его самого. Найдя своихъ предковъ, онъ точно нашелъ вторую душу; онъ уже не терялся въ лабиринтѣ общихъ, безпристрастныхъ симпатій, а съ благородной горячностью сосредоточивалъ все свои чувства и стремленія на одномъ предметѣ. Ему уже теперь не для чего было сдерживать своего влеченія къ Мардохею и страсти къ Мирѣ, хотя молодая дѣвушка, какъ онъ опасался, была далека отъ любви къ нему, несмотря на то, что она поклонялась ему, какъ своему благодѣтелю.

Вотъ почему Деронда, естественно, прибывъ въ Лондонъ поѣхалъ прямо съ желѣзной дороги въ бромптонскій скверъ. Это было именно въ тотъ день, когда Мира встрѣтила отца, и какъ она, такъ и ея братъ, находились въ самомъ грустномъ, мрачномъ настроеніи.

— Даниэль Деронда можетъ войти? вдругъ произнесъ знакомый голосъ къ дверяхъ.

— Да, да, отвѣчалъ Мардохей, вставая и идя навстрѣчу къ Дерондѣ.

Онъ, повидимому, не былъ нисколько удивленъ, точно видѣлъ своего друга утромъ и ожидалъ его вторичнаго посѣщенія; но Мира вскочила, вся покраснѣвъ и съ тревожнымъ ожиданіемъ чего-то дурного.

Однакожь, лицо Деронды сіяло необыкновенной радостью. Онъ протянулъ руки Мирѣ и Мардохею и молча взглянулъ на нихъ.

— Случилось какое-нибудь несчастье? спросилъ онъ, наконецъ, тревожно замѣчая смущеніе Мира.

— Не говорите теперь о несчастьяхъ, произнесъ Мардохей, — въ вашихъ глазахъ сіяетъ радость; подѣлитесь ею со мною.

Мира подумала, что Деронда, вѣроятно, не можетъ раздѣлить съ ними эту радость; но ничего не сказала. Они все сѣли и Даниэль произнесъ торжественно:

— Ваша правда; радость, которую я теперь ощущаю, останется всегда при насъ, какія-бы несчастья ни разразились надъ нашими головами. Я не говорилъ вамъ, зачѣмъ поѣхалъ за-границу; меня вызвали туда для объясненія тайны моего происхожденія. Вы были правы, Мардохей, я—еврей.

Оба они крѣпко сжали другъ другу руки, глаза Мардохея лихорадочно заблестѣли, а Мира вздрогнула, какъ отъ удара электрической машины.

— Мы принадлежимъ къ одному народу, продолжалъ Деронда, — наши души стремятся къ одной цѣли и ни въ жизни, ни въ смерти ничто насъ не разъединитъ.

Вмѣсто отвѣта, Мардохей шопотомъ произнесъ еврейскую молитву. Мира опустилась на колѣни подлѣ брата, — такъ сильно подѣйствовалъ на нее быстрый переходъ отъ отчаянія къ радости. Въ первую минуту она думала лишь о братѣ, который сіялъ счастьемъ.

— Я не только еврей, сказалъ Деронда, — но происхожу отъ семейства испанскихъ евреевъ, энергично сохранившихъ завѣтъ нашего народа и прославившихся многими учеными. Мой дѣдъ, Давиель Каризи, оставилъ коллекцію драгоценныхъ рукописей, надеясь, что онѣ перейдутъ въ руки внука. Теперь это исполнилось, несмотря на всѣ старанія скрыть отъ меня мое происхожденіе. Я привезъ шкатулку съ этими бумагами и оставлю ее у васъ, Мардохей. Вы, конечно, мнѣ поможете ихъ разобрать и прочесть.

При этихъ словахъ на лицѣ Деронды показалась такая свѣтлая улыбка, что Мира невольно вспомнила снова о м-сь Грандкорть и поднялась со стѣла въ замѣтномъ смущеніи. Деронда съ своей стороны подумалъ, что въ его глазахъ слишкомъ ясно выражалась любовь и что это именно побудило отвернуться молодую дѣвушку. Между тѣмъ Мардохей произнесъ торжественнымъ тономъ:

— Давиель, я вамъ говорилъ съ самаго начала, что мы не знаемъ всѣхъ путей Провидѣнія. Ваша доброта къ моей сестрѣ и ко мнѣ подготовила васъ къ принятію съ радостью великаго завѣта нашего народа.

— Да, вы и Мира были моими учителями, отвѣчалъ Деронда; — если-бъ я узналъ о своемъ происхожденіи прежде,

чѣмъ познакомился съ вами обоими, то я, кажется, возсталъ бы противъ мысли быть евреемъ. Но теперь, благодаря постепенному усвоенію вашихъ мыслей, я всею своимъ существомъ откликнулся на эту неожиданную пережѣну въ моей жизни. Вы развили во мнѣ мысли и стремленія, вѣроятно, унаслѣдованныя мною отъ моихъ предковъ, хотя они долго оставались въ смутной, неопредѣленной формѣ. Съ самой моей юности я всегда жаждалъ служить какому-нибудь идеальному дѣлу, вести къ возвышенной цѣли свой народъ. Вы указали мнѣ на эту цѣль — соединеніе нашего разъединеннаго народа въ одну націю. Вы сказали, что наша религія создала насъ единымъ народомъ прежде, чѣмъ ереси насъ раздѣлили. Я рѣшился практически примѣнить ваши идеи. Въ неудачѣ нѣтъ ничего безчестнаго, а безчестно было-бы съ моей стороны не попытаться счастья.

— Родной братъ не могъ-бы чувствовать такъ одинаково со мною, какъ вы, произнесъ Мардохей съ восторгомъ.

Чтобъ понять всю силу впечатлѣнія, произведеннаго на Мардохея одушевленными словами Деронды, надо припомнить, что Даниель до сихъ поръ удерживалъ себя отъ всякаго прямого и явнаго сочувствія къ идеямъ Мардохея. На Миру онъ также сильно подѣйствовали, тѣмъ болѣе, что неожиданно выраженное Дерондой родство мыслей и стремленій съ ихъ мыслями и стремленіями возбудило въ молодой дѣвушкѣ радостное изумленіе и въ душѣ ея возникла надежда, не ложны-ли были все ея опасенія? Все, повидимому, въ немъ доказывало, что онъ былъ свободенъ отъ всякихъ тайныхъ узъ, которыя связывали-бы его, мѣшая начать новую жизнь.

Когда Деронда уходилъ въ этотъ памятный день, онъ просилъ позволенія у Миры называть Мардохея Эдрой, какъ она его называла.

— Пожалуйста называйте его Эдрой, отвѣчала она едва слышно и въ смущеніи опускала глаза.

Дѣйствительно-ли было что-то новое, необычайное въ Дерондѣ или она смотрѣла на него подъ вліяніемъ неожиданной пережѣны въ ея собственныхъ чувствахъ?

Старикъ Лапидотъ, разставшись съ дочерью, думалъ только объ одномъ — о возможности проиграть полученные деньги. Онъ не спрашивалъ себя, обратится-ли онъ снова къ помощи Миры или

рискинетъ свидѣться съ сыномъ; фактическое обладаніе кошелекомъ Миры изгоняло всякую мысль о будущемъ. Но какъ ни сильна была въ неѣ страсть къ игрѣ и какъ скромны ни были требованія его желудка, все-же необходимо было ему ѣсть хоть одинъ разъ въ день, а для этого были нужны деньги. Поэтому, когда въ игорномъ домѣ Лапидотъ удвоилъ и утроилъ, а потомъ проигралъ данныя ему Мирой тридцать шиллинговъ, онъ сталъ разсуждать, что было благоразумнѣе: продать-ли кошелекъ и поставить снова вырученныя деньги на карту или возвратить кошелекъ Мирѣ и объяснить, что ея деньгами онъ заплатилъ необходимые долги? Принимая все въ соображеніе, онъ долженъ былъ согласиться, что жизнь съ дѣтьми представляла ему наибольшее выгоду; по его мнѣнію, онъ имѣлъ полное право на все, чѣмъ пользовались его дѣти, а если ему и пришлось-бы вынести нѣкоторое униженіе при встрѣчѣ съ Эздрой, то оно вполне выкупалось безопаснымъ и лѣнливымъ существованіемъ на чужой счетъ. Къ тому-же онъ могъ черезъ дочь и добрыхъ друзей, о которыхъ она говорила, добыть иногда и денегъ для игры. Всѣ эти разсужденія привели, наконецъ, къ тому, что вечеромъ на другой день послѣ перваго свиданія съ Мирой онъ отправился въ Бромптонскій свверъ въ надеждѣ увидать Миру и найти удобный предлогъ для входа въ домъ. Но было уже довольно поздно и въ открытое окно онъ услыхалъ ея пѣніе.

Дѣйствительно, Мира пѣла „Herz, mein Herz“, а Эзра слушалъ ее съ закрытыми глазами. Вдругъ вошла въ комнату служанка, м-съ Адамъ, и сказала нерѣшительнымъ тономъ:

— Какой-то господинъ спрашиваетъ васъ, миссъ. Онъ называетъ себя вашимъ отцомъ.

— Я сейчасъ выйду! произнесла Мира, вскакивая и смотря на брата.

— Нѣтъ, Мира, сказала Эзра твердо.—Попросите его сюда, м-съ Адамъ.

Сердце Миры тревожно забилось и она не сводила глазъ съ Эздры, который также всталъ. Онъ былъ очень взволнованъ, но выраженіе лица его было строгое, рѣшительное и брови насуплены.

Отворивъ дверь передъ старикомъ, м-съ Адамъ невольно взглянула прежде на Лапидота, а потомъ на Эзру.

— Да, конечно, это отецъ, промолвила она.

Дѣйствительно, чертами лица они походили другъ на друга, хотя выраженія у нихъ были совершенно различныя.

— Эзра, сынъ мой! ты вѣрно меня не узнаешь послѣ столькихъ лѣтъ разлуки? сказалъ Лапидотъ искусственно - печальнымъ тономъ.

— Я васъ знаю слишкомъ хорошо, отецъ, отвѣчалъ Эзра съ торжественной холодностью.

— А, ты мною недоволенъ. Неудивительно: наружность обманчива. Находясь въ дурныхъ обстоятельствахъ, трудно поступать такъ, какъ желаешь. Я много выстрадалъ.

Все это Лапидотъ произнесъ посиѣшно, находя новыя силы въ звукахъ своего голоса.

— Вотъ твой кошелекъ, голубушка, прибавилъ онъ, обратясь къ Мирѣ; — я думалъ, что ты о немъ безпокоишься: тутъ есть надпись. Ты видишь, я его опорожнилъ. Я уплатилъ необходимыя долги за квартиру и пищу. Я зналъ, что тебѣ это понравится, а теперь я безъ гроша и вполнѣ завишу отъ своихъ дѣтей. Вы можете меня прогнать, не прибѣгая къ помощи полиціи. Скажи только, Мира: „батюшка, ты мнѣ надоѣлъ, ты заботился обо мнѣ и ничего не жалѣлъ для меня, когда я не могла существовать безъ твоей помощи, а теперь ты мнѣ не нуженъ“. Скажи это—и я тотчасъ исчезну. Я не стану отравлять твоей веселой жизни.

— Вы знаете, батюшка, что я этого не скажу, отвѣчала Мира, которую слова отца потрясли до глубины души, хотя она и понимала, что все это была комедія.

— Мира, оставь насъ, произнесъ Эзра тономъ авторитета.

Она взглянула на брата съ пламенной мольбою и, взявъ его за руку, промолвила шепотомъ, который, однакожь, могъ слышать Лапидотъ:

— Помни, Эзра, что ты самъ сказалъ: наша мать его не прогнала-бы.

— Положись на меня, отвѣчалъ Эзра.

Мира вышла изъ комнаты, но, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ по лѣстницѣ, остановилась и сѣла на ступеньку. Сердце ея тревожно билось при мысли, что послѣ объясненія съ Эзрой отецъ можетъ навсегда покинуть ихъ.

Лапидотъ предугадывалъ, что скажетъ ему сынъ, и приготовился хладнокровно выслушать всё его проповѣди, какъ бредъ умирающаго человѣка.

— Мы живемъ здѣсь съ сестрою, началъ Эзра, — на средства, доставляемныя мнѣ добрымъ, щедрымъ другомъ и добываемыя Мирой тяжелымъ трудомъ. Пока у насъ будетъ дождь, мы не выгонимъ васъ изъ него, не оставимъ васъ на съѣденіе вашимъ собственнымъ порокамъ. Вы — нашъ отецъ, и хотя вы порвали всё узы родства, но мы признаемъ свой долгъ. Вы бѣжали съ деньгами, оставивъ долги неуплаченными, вы бросили свою жену, отняли у нея ребенка, сдѣлались безсовѣстнымъ игрокомъ, вы хотѣли продать мою сестру и даже продали ее, но сдѣлка не состоялась: сестра кое-какъ сама спасла себя. Послѣ этого можете-ли вы пользоваться нашимъ довѣріемъ? Мы дадимъ вамъ кровъ, постель, пишу, одежду, но мы никогда не будемъ вамъ довѣрять. Вы дурной человѣкъ, вы погубили нашу мать. Такой отецъ, какъ вы — божеская кара; но если-бъ человѣческое правосудіе подвергло васъ самому презрѣнному наказанію, и тогда мы сказали-бы: „это нашъ отецъ, позвольте его взять“.

Лапидотъ не предчувствовалъ, что слова сына поразятъ его въ самое сердце. Онъ бросился въ кресло и заплакалъ истерически, какъ женщина. Эзра замолчалъ, едва переводя дыханіе, послѣ вспышки чувствъ, которыя онъ скрывалъ впродолженіи многихъ лѣтъ. Руки его дрожали и онъ чувствовалъ, что смерть приближается къ нему быстрыми шагами. Между тѣмъ Мира, услышавъ знакомыя, хотя уже давно неслыханныя всхлипыванія, не выдержала и вбѣжала въ комнату. Но, отворивъ дверь, она увидала, въ какомъ положеніи находился Эзра, и все ея вниманіе сосредоточилось на немъ. Она подошла къ нему и взяла его дрожащую руку. Черезъ нѣсколько минутъ отецъ, сознавшій ея присутствіе, поднялъ голову, отеръ платкомъ глаза и произнесъ жалобнымъ тономъ:

— Прощай, Мира, твой отецъ никогда болѣе тебя не обезпечитъ. Онъ достоинъ собачьей смерти и околѣетъ на улицѣ. Если-бъ твоя мать была жива, она меня простила-бы и мы прожили-бы вмѣстѣ нашу старость. Но я этого не заслужилъ. Прощай!

Онъ всталъ съ кресла, но Мира схватила его за руку и съ испугомъ воскликнула:

— Нѣтъ, батюшка, нѣтъ! Эздра, не прогоняй его! вскричала она, обращаясь къ брату. — Оставайтесь, батюшка. Эздра, я не могу сказать отцу: „ступай и умри, какъ собака!“

— Я его не прогонялъ, отвѣчалъ Эздра съ усміемъ; — напротивъ, я сказалъ: оставайтесь и живите съ нами.

— Такъ вы не уйдете отсюда, батюшка? Мы будемъ заботиться о васъ, сказала Мира и, взявъ за руку отца, повела его внизъ въ гостиную. — Это моя комната, а рядомъ будете жить вы. Представьте себѣ, что вы возвратились къ моей матери и она васъ простила. Она теперь говоритъ моими устами.

Лапидотъ только этого и желалъ, то-есть остаться жить у дѣтей. Вскорѣ въ немъ исчезла всякая тѣнь смущенія. Онъ сталъ весело говорить съ Мирой объ ея пѣвнн, а когда м-съ Адамъ принесла ему ужинъ, онъ постарался доказать ей, что онъ настоящій джентльменъ, хотя одежда этого далеко не обнаруживала. Все-же ночью онъ, по обыкновенію, долго не заснулъ и его мысли сосредоточивались на томъ, сколько могла имѣть денегъ Мира и какой методъ игры въ рулетку былъ самый вѣрный для выигрыша, а о своемъ строгомъ снѣ онъ вовсе не думалъ.

ГЛАВА LXVI.

Возвратясь изъ аббатства, Деронда былъ очень пораженъ, найдя въ скромномъ бромптонскомъ домикѣ новаго обитателя — старика Лапидота. Мира нашла нужнымъ сказать отцу о дружбѣ Деронды къ ея брату и объ его благодѣяніяхъ, но умолчала о спасеніи ея самой изъ воды, и упомянула о своемъ пребываніи у м-съ Мейрикъ въ такихъ неопредѣленныхъ выраженіяхъ, что можно было подумать, что она познакомилась тамъ съ Дерондою. Она не могла быть откровеннѣе съ отцомъ, потому что не желала, чтобъ его тлетворное дыханіе коснулось ея идеальныхъ отношеній къ Дерондѣ, а Лапидотъ, по извѣстнымъ ему причинамъ, не старался узнать всѣхъ подробностей объ ея бѣгствѣ въ Англію. Но его чрезвычайно интересовалъ тотъ фактъ, что Мира и Эздра имѣли, повидимому, очень вліятельнаго и высокопоставленнаго покровителя.

Деронда узналъ объ увеличеніи семейства своихъ друзей отъ Эдры.

— Я теперь успокоился, прибавилъ онъ, — и надѣюсь, что нѣжныя попеченія сестры и спокойная, мирная жизнь отвлекутъ его отъ всѣхъ соблазновъ. Я, конечно, взялъ слово съ Мирры, что она никогда не дастъ ему денегъ, потому что деньги приведутъ его къ вѣрной гибели.

Деронда въ первый разъ явился въ Бромптонъ на третій день послѣ переезда Лapidота. Новое платье, заказанное старику, не было еще готово, и потому онъ не вышелъ къ Дерондѣ, желая произвести на него по возможности пріятное впечатлѣніе. Но онъ изъ окна пристально осмотрѣлъ Деронду и его болѣе всего поразила молодость друга серьезнаго Эдры; по рассказамъ Мирры онъ никакъ этого не ожидалъ и тотчасъ догадался, что причиной частыхъ посѣщеній молодого человѣка была любовь къ Миррѣ, а не ученые занятія съ ея братомъ. Это открытіе какъ нельзя болѣе порадовало Лapidота, такъ-какъ онъ надѣялся извлечь болѣе для себя пользы изъ нѣжнаго сердца дочери, чѣмъ изъ холодныхъ отношеній къ нему сына; къ тому-же онъ былъ увѣренъ, что сумѣетъ снискать расположеніе Деронды. Вообще онъ старался вести себя чрезвычайно осторожно и любезно со всѣми, онъ входилъ съ видимымъ интересомъ во всѣ подробности музыкальных уроковъ Мирры, смиренно исполнялъ требованія и съ Адамъ насчетъ некурения табаку въ комнатахъ и наслаждался подаренной ему дочерью трубкой и табакомъ въ соедѣвшемъ скверѣ. Онъ никогда не протестовалъ противъ торжественнаго заявленія Мирры, что она обѣщала брату не давать ему никакихъ денегъ, и терпѣливо ждалъ удобнаго случая измѣнить эту рѣшимость.

Во второе свое посѣщеніе Деронда засталъ Лapidота въ комнатѣ Эдры; онъ уже былъ прилично одѣтъ и просилъ позволенія остаться при чтеніи старыхъ бумагъ изъ шкапулки Даниэля Баризи. Деронда обошелся съ нимъ очень холодно, питая естественное отвращеніе къ человѣку, причпившему несчастье всему своему семейству, но онъ не могъ прогнать его изъ комнаты, тѣмъ болѣе, что старикъ оказался даже очень полезнымъ для разбора древнихъ нѣмецкихъ манускриптовъ. Лapidотъ предложилъ переписать эти рукописи, такъ-какъ его глаза были гораздо сильнѣе, чѣмъ у больного Эдры. Деронда охотно согла-

сился, полагая, что эта готовность работать доказывала спасительную перемену въ старикѣ, и даже на лицѣ Эдры появилось довольное выраженіе, но онъ все-же выразилъ желаніе, чтобъ переписка происходила на его глазахъ. Онъ смотрѣлъ на отца, какъ на преступника, отдавнаго на частную работу, и не могъ положиться, что онъ будетъ работать наединѣ. Но благодаря этой необходимой мѣрѣ, бѣдный Эдра долженъ былъ выносить постоянное присутствіе отца, который мало-по-малу отвыкъ отъ своего страха къ сыну и велъ себя по-старинному, то-есть не сидѣлъ спокойно пяти минутъ, вскакивалъ съ мѣста, жестивулировалъ, выбѣгалъ покурить на улицу, ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, разговаривалъ съ Мирой обо всякомъ вздорѣ, вспоминалъ о старыхъ товарищахъ, рассказывалъ пикантные анекдоты и сцены изъ игранныхъ старину пьесъ. Все это дѣйствовало на нервы Эдры и глубоко его возмущало, такъ-что Мира, когда только могла, вводила отца къ себѣ внизъ и тамъ заставляла его переписывать бумаги подъ своимъ наблюденіемъ.

Между тѣмъ постоянное присутствіе Лапидота воздвигло какъ-бы непреодолимую преграду между Дерондой и Мирой, которые боялись говорить между собою при немъ и ложно объясняли въ глубинѣ своего сердца взаимную сдержанность. Однакожь, Деронда не долго оставался въ томительной неизвѣстности насчетъ чувствъ, питаемыхъ къ нему Мирой.

Тотчасъ по возвращеніи изъ аббатства онъ зашелъ къ Гансу Мейрику, чувствуя, что старыя узы дружбы обязываютъ его рассказать Гансу результатъ его путешествія и перемену, происшедшую въ его жизни. Юнаго живописца не было дома и Дерондѣ сказали, что онъ уѣхалъ на нѣсколько дней въ деревню къ знакомымъ. Подождавъ съ недѣлю и боясь, чтобъ щепетильный Гансъ не осердился на него за что-нибудь, онъ снова отправился къ нему и на этотъ разъ засталъ его въ мастерской. Онъ стоялъ передъ мольбертомъ съ палитрою въ рукахъ, но лицо его было до того желто и испито, что трудно было повѣрить его недавнему возвращенію изъ деревни.

— Не похоже, чтобъ ты недавно былъ на травѣ, старина, сказалъ Деронда, пожимая ему руку; — не ѣздилъ-ли ты въ Кембриджъ?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Гансъ, бросая палитру, которую онъ, оче-

видно, взялъ за минуту передъ тѣмъ только для приличія; — я былъ въ невѣдомой странѣ, никому и всѣмъ принадлежащей; но, признаюсь, тамъ смертельно скучно.

— Неужели ты пилъ запоемъ, Гансъ? спросилъ Деронда съ безпокойствомъ.

— Нѣтъ, хуже: я вурилъ опиумъ. Я уже давно хотѣлъ испытать блаженство, которое ощущаютъ курильщики опиума, но даю тебѣ слово, что не повторю никогда своей попытки. Опиумъ положительно мнѣ не годится.

— Что случилось? Ты былъ въ духѣ, когда писалъ мнѣ послѣднее письмо.

— Ничего не случилось особеннаго. Только свѣтъ для меня сталъ походить на грядку капусты послѣ ея уборки: все мнѣ казалось голо, мрачно, пустынно. Конечно, это припадокъ болѣзни, свойственной геніямъ. Или, по-просту, мнѣ надоѣло быть нравственнымъ среди такой духоты.

— Ничего другого? Не случилось никакого несчастья?

Гансъ молча покачалъ головой.

— Я пришелъ, чтобъ поговорить о своихъ дѣлахъ, продолжалъ Деронда, — но если ты будешь скрытничать, то и я не могу быть откровеннымъ съ тобою.

— У меня нѣтъ никакихъ дѣлъ! воскликнулъ Гансъ съ напращенной улыбкой, — кромѣ ссоры съ торговцемъ картинь. Къ тому-же, если ты желаешь рассказать мнѣ что-нибудь о своихъ дѣлахъ, то это будетъ въ первый разъ въ жизни и, конечно, не скрываетъ нашихъ старыхъ счетовъ.

Деронда чувствовалъ, что слова и обращеніе Ганса были совершенно искусственны, но, надѣясь, что своей откровенностью онъ возбудитъ и въ немъ искренность, продолжалъ, какъ-будто ничего не случилось:

— Ты смѣялся надъ моимъ таинственнымъ путешествіемъ въ Италію, Гансъ, но цѣль его была очень серьезная, и отъ нея зависѣло счастье всей моей жизни. Я никогда не зналъ своихъ родителей и отправился въ Геную для свиданія съ моей матерью. Оказывается, что отецъ мой умеръ давно, когда я былъ еще ребенкомъ; какъ онъ, такъ и мать моя — евреи, и мой дѣдъ былъ знаменитый ученый. Многое уже прежде давало мнѣ основаніе предполагать мое еврейское происхожденіе и я

былъ на-столько подготовленъ къ открытію тайны, что обрадовался, убѣдившись окончательно въ этомъ.

— Не ожидай, чтобъ я разинулъ ротъ отъ изумленія, произнесъ Гансъ, устремивъ глаза на свои туфли.

— Тебѣ уже сказали?

— Да, матушка. Ей передали эту новость братъ и сестра. Конечно, мы не можемъ такъ радоваться, какъ они, подобной неожиданной перемены въ твоей жизни; но если ты этому радъ, то въ-концѣ-концовъ и я буду радъ, хотя, право, не знаю, когда придетъ этотъ конецъ.

— Я совершенно понимаю, что ты не можешь раздѣлять моихъ чувствъ, сказалъ Деронда,—но я не могъ не передать тебѣ такого важнаго событія въ моей жизни. Вся моя будущность теперь измѣнится. Я усвоилъ себѣ часть идей Мардохея и на-иѣрень, на-сколько это возможно отдѣльному человѣку, примѣнить ихъ на практикѣ. По всей вѣроятности, я отправлюсь на Востокъ и останусь тамъ нѣсколько лѣтъ.

Гансъ ничего не отвѣчалъ, а, вставъ съ кресла, подошелъ къ мольберту и, повернувшись спиною къ Дерондѣ, сказалъ очень тихо:

— Извини за нескромный вопросъ: м-съ Грандкортъ знаетъ объ этомъ?

— Нѣтъ, но я долженъ просить тебя, Гансъ, перестать шутить, отвѣчалъ Деронда съ сердцемъ.—Всѣ твои предположенія по этому предмету не имѣютъ и тѣни правды.

— Во-первыхъ, я такъ-же мало шучу теперь, какъ шутилъ-бы въ день своихъ похоронъ, а во-вторыхъ, тебѣ неизвѣстно, на чемъ основаны мои предположенія.

— Можетъ быть. Но позволь мнѣ разъ навсегда убѣдить тебя, что я никогда не былъ и не буду къ м-съ Грандкортъ въ положеніи поклонника или жениха. Если ты серьезно предполагалъ что-нибудь подобное, ты ошибался!

Наступило минутное молчаніе, одинаково непріятное для обоихъ.

— Можетъ быть, я также ошибался и относительно другого моего предположенія, произнесъ, наконецъ, Гансъ.

— Какого?

— Относительно твоего нежеланія ухаживать за другой женщиной, не замужней и не вдовой.

— Я понимаю твой намекъ, Мейрикъ, и очень сожалѣю, что мы въ одномъ отношеніи враждебны другъ другу. Но я надѣюсь, что ты скажешь прямо, есть-ли у тебя причины разсчитывать на успѣхъ.

— Твой вопросъ совершенно излишній, отвѣчалъ Гансъ съ видимымъ раздраженіемъ.

— Отчего?

— Оттого, что ты долженъ это знать гораздо лучше меня.

— Я буду откровеннѣе твоего. У меня нѣтъ и твои надежды на успѣхъ.

Гансъ поспѣшно взглянулъ на Деронду и снова отвернулся.

— Я даже не знаю, продолжалъ Деронда, оскорбленный недвѣріемъ Ганса, — какъ мнѣ высказать ей мои чувства. Если она не любитъ меня, то я причину ей большое горе, такъ-какъ не могу бросить ея брата, а постоянно видѣть ее послѣ подобнаго объясненія будетъ мнѣ крайне тяжело.

— И я, кажется, никогда не высказывалъ ей своихъ чувствъ, замѣтилъ Гансъ какъ-бы въ свое оправданіе.

— Ты хочешь сказать, что мы съ тобою въ одинаковомъ положеніи. Слѣдовательно, тебѣ нечего мнѣ завидовать.

— Я слишкомъ высокога о себѣ мнѣнія, чтобы тебѣ завидовать.

— Я вижу, что ты считаешь меня помѣхой, но, право, я нисколько не порчу твоего дѣла; сказалъ Деронда, вставая: — если-бъ даже я и имѣлъ преимущество надъ тобою, то при настоящихъ обстоятельствахъ это не принесло-бы мнѣ никакой пользы. Ты знаешь, что у нихъ поселился старикъ отецъ.

— Да, и я обругалъ-бы его съ удовольствіемъ, если-бъ онъ не былъ еврей.

— Мои отношенія къ ней теперь очень натянуты и могутъ пройти цѣлые годы прежде, чѣмъ мнѣ удастся узнать ея чувства ко мнѣ. Вотъ какъ обстоитъ дѣло, Гансъ. Ты видишь, что ни одинъ изъ насъ, въ сущности, не вредитъ другому и наше глупое соперничество ничѣмъ не кончится. Я надѣюсь только, что наша старая дружба выдержитъ такое испытаніе.

— Наша дружба, моя дружба къ тебѣ, съ жаромъ воскликнулъ Гансъ, подбѣгая къ Дерондѣ и смотря ему прямо въ глаза, — не можетъ выдержать такой низости! Я, неблагодарная собака, плачу тебѣ за всю твою доброту подлостью. Я скрываю отъ тебя,

что ты счастливѣйшее животное на свѣтѣ. Если Мира любить кого-нибудь болѣе своего брата, то именно тебя.

Деронда вздрогнулъ и, взглянувъ съ изумленіемъ на Ганса, промолвилъ:

— Ты сочиняешь, чтобъ сдѣлать мнѣ удовольствіе.

— Не въ такомъ я духѣ, чтобъ дѣлать кому-нибудь удовольствіе, продолжалъ Гансъ;—увѣряю тебя, что я убѣдился въ этомъ не безъ горечи, тѣмъ болѣе, а быть можетъ тѣмъ менѣе, что полагалъ твое сердце занятымъ герцогиней. Но, чортъ тебя возьми! ты любишь кого слѣдуетъ, ты еврей и все тебя улыбается.

— Но какъ-же ты въ этомъ убѣдился, голубчикъ, говори скорѣе! воскликнулъ Деронда, не довѣряя еще своему счастью.

— Не спрашивай. Матушка была свидѣтельницей. Дѣло въ томъ, что Мира ревнуетъ тебя къ герцогинѣ, и чѣмъ скорѣе ты ее успокоишь, тѣмъ лучше. Ну, слава-богу, очистилъ я свою совѣсть отъ тяжелаго гнета; теперь я имѣю полное право послать тебя къ чорту. Вишь, проклятый, до какого счастья дожилъ, и, надо сознаться, ты его вполне заслуживаешь.

— Ну спасибо, Гансъ, да благословить тебя Господь, промолвилъ Деронда, крѣпко пожимая руки своему другу.

ГЛАВА LXVII.

Совѣтъ Ганса успокоить Миру, ревновавшую м-съ Грандкортъ, побудилъ Деронду какъ можно скорѣе объясниться ей въ своей любви. Онъ чувствовалъ, что если она дѣйствительно его любитъ, то онъ мужественно перенесетъ всѣ ожидавшія его неприятели со стороны Лapidота. Онъ не замѣчалъ въ немъ никакой рѣзкой пережѣны, и старикъ по-прежнему ухаживалъ за нимъ; но онъ предвидѣлъ, что присутствіе Лapidота въ домѣ своихъ дѣтей приведетъ когда-нибудь къ открытой борьбѣ и позорному униженію, отъ которыхъ онъ рѣшился на-сколько возможно защитить Эдру и Миру.

Эти предчувствія еще болѣе усилились-бы, если-бъ онъ зналъ, что происходило въ умѣ старика, который подвергался всѣмъ стѣсненіямъ своего новаго положенія только въ надеждѣ выждать удобный случай и получить значительную сумму отъ Деронды или отъ Миры. Желаніе приобрѣсть денегъ для удовлетворенія своей

страсти къ игрѣ было въ немъ такъ сильно, что онъ не остано- вился-бы даже передъ кражей. Съ этой цѣлью онъ старался ро- зыскать, гдѣ Мира прятала деньги и ключи, но тщетно, такъ- какъ она, съ своимъ обычнымъ практическимъ благоразуміемъ от- давала всѣ свои деньги м-съ Мейрикъ, оставляя себѣ только ме- лочь на необходимые расходы. Поэтому Лапидотъ мало-по-малу пришелъ къ тому убѣжденію, что ему оставалось только взять у Деронды большую сумму въ видѣ отступного и уѣхать снова за- границу.

Въ тотъ день, когда Деронда пришелъ съ твердой рѣ- шимостью объяснить Мирѣ свою любовь, Лапидотъ находил- ся въ такомъ дурномъ настроеніи, что не сталъ слушать чте- нія еврейскихъ рукописей, а пошелъ покурить въ скверъ. Миря не было дома, но Деронда зналъ, что она вскорѣ вернется, и былъ необыкновенно веселъ, рассчитывая найти подтвержденіе словъ Ганса въ выраженіи глазъ молодой дѣвушки при ея входѣ въ комнату.

— Въ эти жары вамъ здѣсь, Эзра, тяжело дышать, сказалъ онъ, прерывая чтеніе;—я поищу для васъ лучшее жилище. Вѣдь теперь, прибавилъ онъ съ улыбкой,—я могу распорядиться вами, какъ хочу.

— Мнѣ вездѣ тяжело дышать, но вотъ вы могли-бы жить въ деревнѣ, въ великолѣпномъ дворцѣ, а ради меня остаетесь въ этой тюрьмѣ. И все-таки я не могу сказать вамъ: поѣзжайте.

— О, нѣтъ, самая лучшая деревня показалась-бы мнѣ безъ васъ тюрьмою, отвѣчалъ Деронда;—эта комната—счастливѣйшее для меня мѣсто во всемъ свѣтѣ. Къ тому-же я здѣсь воображаю себя на Востокѣ, такъ-какъ я собираюсь туда рано или поздно. Только я сниму галстухъ и тяжелое кольцо, прибавилъ онъ и положилъ упомянутые лишніе въ тропическую жару предметы на столъ, заваленный книгами и бумагами. — Я не расстаюсь съ этимъ памятнымъ кольцомъ и всегда ношу его на галстухѣ, но во время работы оно меня душитъ своею тяжестью.

Черезъ нѣсколько минутъ Деронда снова принялся за чтеніе еврейской рукописи, подъ руководствомъ Эзры, который комен- тировалъ каждую фразу, и ни одинъ изъ нихъ не замѣтилъ, какъ въ комнату вошелъ Лапидотъ и сѣлъ въ углу. Глаза его тотчасъ остановились на блестящемъ кольцѣ Деронды, и, занятый мыслію

выманить извѣстную сумму денегъ, онъ невольно сталъ размышлять, за сколько можно было-бы продать это кольцо. Конечно, онъ не могъ-бы выручить столько, сколько надѣялся получить отъ Деронды отступного, но одно было гадательное и невѣрное, а другое находилось въ его рукахъ. Онъ могъ свободно взять кольцо, не боясь никакого преслѣдованія со стороны друга его дѣтей, и не было ничего легче, какъ на вырученные деньги уѣхать за границу. Все-же лучше было получить прямо большую сумму, потому онъ рѣшился подождать ухода Деронды и на улицѣ объяснитьсь съ нимъ. Онъ всталъ и подошелъ къ окну, но хотя кольцо лежало на столѣ за его спиною, оно постоянно ему мерещилось и онъ соображалъ, какъ скоро можно однимъ шагомъ перейти отъ стола къ выходной двери. Однако, все-же онъ не измѣнилъ своей рѣшимости объяснитьсь съ Дерондой и пошелъ на лѣстницу, чтобъ тамъ его дожидаться, но проходя мимо стола, онъ какъ-то инстинктивно протянулъ руку къ кольцу, какъ пьяница къ водкѣ. Очутившись на лѣстницѣ съ кольцомъ, онъ надѣлъ шляпу и поспѣшно вышелъ на улицу, а дойдя до конца сѣвера, онъ уже рѣшился продать кольцо и отправиться моремъ за границу.

Деронда и Эзра едва замѣтили его уходъ и продолжали, по-прежнему, свои занятія. Вскорѣ, однако, появленіе Миры прервало чтеніе. Она вошла въ шляпѣ, и когда Деронда всталъ, чтобъ съ нею поздороваться, она съ какимъ-то страннымъ смущеніемъ промолвила:

— Я зашла только на минуту, чтобъ дать Эздрѣ новое лекарство. Я тотчасъ должна идти къ м-съ Мейрикъ по дѣлу.

— Позвольте мнѣ васъ проводить, сказала Деронда; — я не хочу болѣе беспокоить Эздру и къ тому-же слишкомъ жарко заниматься. Мнѣ также надо повидать м-съ Мейрикъ. Вы позволите мнѣ идти съ вами?

— Конечно, отвѣчала Мира, покраснѣвъ и замѣчая что-то новое въ выраженіи лица Деронды.

Отвернувшись, она налила лекарство и подала его брату, который сидѣлъ съ закрытыми глазами, всецѣло поглощенный недавнимъ чтеніемъ еврейскихъ рукописей. Деронда думалъ о предстоящей прогулкѣ, но вдругъ онъ вспомнилъ, что онъ былъ въ неприличномъ *deshabillé*.

— Пожалуйста, извините меня, я совсѣмъ забылъ, сказала

онъ, обращаясь къ молодой дѣвушкѣ и поспѣшно надѣвая галстухъ;—но Боже мой! гдѣ же мое кольцо?

И, нагнувшись, онъ сталъ искать на полу. Эзра молча взглянулъ на него, а Мира, быстро подбѣжавъ, промолвила:

— Вы его положили на столъ?

— Да, отвѣчалъ Деронда и продолжалъ искать вездѣ пропавшую вещь, передвигая мебель и полагая, что вѣрно кольцо куда-нибудь закатилось.

— Здѣсь былъ отецъ? спросила на ухо у брата Мира, блѣдная, какъ смерть.

Онъ знаменательно взглянулъ на нее и молча кивнулъ головой. Она снова подбѣжала къ Дерондѣ и быстро спросила:

— Вы не нашли?

— Можетъ быть, я положилъ кольцо въ карманъ, произнесъ Деронда, замѣтивъ испуганное выраженіе лица Мира.

— Нѣтъ, вы положили его на столъ, сказала она рѣшительно и выбѣжала изъ комнаты.

Деронда послѣдовалъ за нею. Она прежде всего заглянула въ гостиную, а потомъ въ спальню, но отца нигдѣ не было. Наконецъ, она съ отчаяніемъ посмотрѣла на пустой гвоздь, на которомъ всегда висѣла его шляпа, и, подойдя къ окну, устремила безсознательный взглядъ на улицу. Черезъ минуту она обернулась къ Дерондѣ и въ глазахъ ея было видно самое тяжелое сознаніе позора и униженія. Но онъ взялъ ее за обѣ руки и произнесъ съ жаромъ:

— Мира! пусть онъ будетъ моимъ отцомъ, такъ же, какъ вашимъ; раздѣлимъ съ этой минуты всякое горе и радость. Ваше униженіе мнѣ дороже гордой славы всякой другой женщины. Скажите, что вы меня не отвергаете, что вы раздѣлите со мною все, что вы будете моею женою. Я долго скрывалъ свою любовь, долго сомнѣвался. Скажите, что вы принимаете мою любовь, и я докажу вамъ всей моею жизнію, какъ горячо и преданно васъ люблю!

Мира не разомъ перешла отъ отчаянія къ блаженной радости, нѣ вдругъ поняла, что въ эту позорную минуту Деронда, счелъ ее достойной быть его женою. Съ первыхъ его словъ она успокоилась, но объяснила ихъ его любовью къ Эздрѣ, и только мало-по-малу она усвоила себѣ истинное значеніе его неожидан-

наго объясненія въ любви. Она вспыхнула, глаза ея заблестѣли, но когда Деронда умолекъ, она не могла произнести ни слова, а только подняла къ нему голову и просто, молча поцѣловала его, словно это былъ самый естественный отвѣтъ. Нѣсколько минутъ они стояли неподвижно, подъ вліяніемъ сильныхъ впечатлѣній. Наконецъ, она промолвила шопотомъ:

— Пойдемъ, милый, успокоимъ Эздру.

ГЛАВА LXVIII.

Сэръ Гюго исполнилъ обѣщаніе, данное Гаскойну, провести часть осени въ Дипло, и его пребываніе въ замкѣ съ начала октября придавало какое-то особое оживленіе всѣмъ окрестностямъ, отъ роскошныхъ домовъ въ Бракеншо и Кветчамъ до гостепріимныхъ жилищъ торговцевъ Ванчестера. Сэръ Гюго умѣлъ быть любезнымъ со всѣми и, искусно поддерживая свою популярность, принадлежалъ къ тѣмъ аристократамъ - либераламъ, которые стоятъ за всевозможныя реформы, но въ то-же время требуютъ сохраненія старинныхъ англійскихъ обычаевъ, въ томъ числѣ раздѣленія общества на строго ограниченныя наслѣдственные классы. Онъ гостепріимно принималъ въ Дипло и старыхъ ванчестерскихъ стряпчихъ, и молодыхъ сельскихъ пасторовъ, но всегда разборчиво составлялъ списокъ приглашенныхъ. Добродушный лордъ Бракеншо, напримѣръ, не разсердился-бы, если-бъ его посадили за одинъ столъ съ стряпчимъ Робинсономъ, но Робинсонъ не былъ-бы доволенъ обѣдомъ вмѣстѣ съ лицами, считавшимися ему равными. Всѣ эти тонкости хорошо понималъ сэръ Гюго и, стараясь каждому доставить наибольшее удовольствіе, незамѣтно увеличивалъ свою популярность. Но особымъ расположеніемъ его теперь пользовался пеникотскій пасторъ. Баронетъ не только находилъ Гаскойна пріятнымъ собесѣдникомъ, но желалъ сохранить съ нимъ дружескія отношенія ради м-съ Грандвортъ, къ которой онъ относился съ чисто-рыцарской преданностью, возбужденной главнымъ образомъ такой причиной, о которой онъ даже не упоминалъ леди Малинджеръ. Его рыцарскія чувства доходили до того, что онъ считалъ недостойнымъ порядочнаго человѣка открывать тайну женщины кому-бы то ни было, даже своей женѣ.

Послѣ объясненія съ Мирой Деронда нашелъ нужнымъ увѣдомить сѣра Гюго о своемъ предстоявшемъ бракѣ, но, боясь, что это извѣстіе возбудитъ неудовольствіе баронета и приведетъ къ неприятному разговору, онъ предпочелъ письмо устной бесѣдѣ. Дѣйствительно, сѣръ Гюго вышелъ изъ себя, прочитавъ это неожиданное посланіе, хотя, по правдѣ сказать, оно его не очень удивило. Чтобъ сорвать на комъ-нибудь злобу, онъ тотчасъ понесъ письмо къ женѣ, и когда она выразила глубокое сожалѣніе, что необыкновенные таланты Даниѣля пропадутъ даромъ, благодаря его сумасбродной еврейской фантазіи, баронетъ рѣзко сказалъ:

— Все это вздоръ! Повѣрь мнѣ, Данъ никогда не будетъ дуракомъ. У него высшіе политическіе взгляды на европейскій вопросъ, которыхъ ты не можешь понимать, и не бойся, онъ себя никогда не осрамить.

Что-же касается брака Деронды, то мнѣніе леди Малинджеръ такъ строго согласовалось съ его собственнымъ, что сѣръ Гюго не могъ назвать его ошибочнымъ. Она съ сожалѣніемъ заявила, что никогда не думала о возможности такого брака, приглашая Миру пѣть на домашнемъ концертѣ и давать уроки дочерямъ; напротивъ, она она была увѣрена, что послѣ нѣкотораго времени Даниѣль женится на м-съ Грандкортъ, которая, конечно, была лучше какой-то еврейки, хотя лично она ей не очень нравилась. Баронетъ на это замѣчаніе ничего не отвѣтилъ, а только просилъ до времени сохранить втайнѣ сообщенное извѣстіе, такъ-какъ, думалъ онъ про себя, „чѣмъ долѣе Гвендолина объ этомъ не узнаетъ, тѣмъ лучше; пусть онъ самъ ей скажетъ“. Между тѣмъ сосѣдство Гвендолины съ Дипло дозволяло ему и леди Малинджеръ окружать бѣдную вдову самымъ дружескимъ вниманіемъ.

Гвендолина привела въ исполненіе свой планъ поселиться въ Офендинѣ и поражала добрую м-съ Давило своимъ необыкновеннымъ спокойствіемъ. Она находилась въ томъ мирномъ, меланхоличномъ настроеніи, которое всегда доступно человѣку, отказывающемуся отъ всякихъ самолюбивыхъ стремленій и принимающему за особый, неожиданный даръ судьбы каждую, хотя-бы самую мелкую, пріятность въ жизни, особенно всѣ добрыя проявленія не только въ людяхъ, но даже и въ собакахъ. Развѣ кто-нибудь, освободившись изъ мрачной, душной ямы, можетъ жаловаться на свѣжій воздухъ и дневной

свѣтъ? Можно примириться со всякой тяжелой долей, если смотрѣть на свою жизнь, какъ на спасеніе отъ другого, болѣе худшаго существованія. Подобное чувство доступно всякому, кто одаренъ способностью Гамлета къ самопознанію и самобичеванію. Къ такимъ натурамъ принадлежала и Гвендолина, тысячу разъ мысленно переживавшая страшную исторію своихъ соблазновъ, отъ каждагося удовлетворенія самолюбивой страсти къ удовольствіямъ, впервые заставившаго ее отвернуться отъ голоса совѣсти, до пламенной ненависти, которая неудержимо влекла ее къ преступленію, несмотря на всѣ ея старанія найти опору въ нѣкогда поправленной ею совѣсти. Она теперь постоянно повторяла про себя слова Деронды, придавшія ей силу бороться съ овладѣвшимъ ею сначала отчаяніемъ, и ясно доказавшія, что судьба спасла ее отъ худшаго зла, какъ для нея самой, такъ и для другихъ.

Кромѣ того, Гвендолину поддерживала увѣренность, что она вскорѣ опять увидитъ Деронду и что вся ея будущность, на которую она смотрѣла съ свѣтлой надеждой, будетъ состоять изъ постоянного самоусовершенствованія подъ его непосредственнымъ руководствомъ. Съ присущимъ человѣческой натурѣ эгоизмомъ, она всецѣло поддавалась сознанію, что Деронда для нея необходимъ, и не замѣчала, какъ чужда ей была его жизнь, казавшаяся бѣдной Гвендолинѣ исключительно наполненной его отношеніями къ ней. Она никогда не воображала его себѣ иначе, какъ подлѣ себя, готовымъ отелкинуться на каждый ея вздохъ. Не самъ-ли онъ явился передъ нею впервые, какъ наставникъ и покровитель, возбудивъ сначала къ себѣ одно негодованіе, а потомъ полное довѣріе и любовь? Она не могла вообразить, чтобъ когда-нибудь исчезла эта опора, казавшаяся ей столь-же твердой, какъ земля, по которой она не могла сдѣлать ни шага безъ поддержки этой опоры.

Дѣйствительно, Деронда вскорѣ пріѣхалъ въ Дипло, которое находилось гораздо ближе отъ Лондона, чѣмъ аббатство. Онъ хотѣлъ было перевезти Эздру и Миру въ какое-нибудь живописное мѣстечко на берегу моря, пока не приготовитъ новаго, болѣе удобнаго жилища въ Лондонѣ для всѣхъ троихъ. Но Эзра просилъ, чтобъ его оставили на прежней квартирѣ, такъ-какъ всякое передвиженіе было для него слишкомъ тягостно, хотя виѣстѣ съ тѣмъ и выразилъ желаніе отправиться виѣстѣ съ ними на Востокъ. Деронда надѣялся сыграть свою свадьбу мѣсяца черезъ два, и, дѣ-

лая необходима къ тому приготовленія, онъ долженъ былъ серьезно переговорить съ сэромъ Гюго о положеніи своихъ дѣлъ и о денежныхъ средствахъ, которыми онъ могъ располагать. Вотъ почему онъ ускорилъ свою поѣзду въ Дипло. Но, съ другой стороны, его не менѣе побуждало къ тому и обѣщаніе, данное Гвендолинѣ. Сознаніе своего собственнаго счастья пробуждало въ его сердцѣ какое-то болѣзненное, тревожное чувство въ отношеніи Гвендолины; это, быть можетъ, покажется парадоксомъ, такъ-какъ обыкновенно влюбленнаго, пользующагося взаимностью, считаютъ совершенно счастливымъ, а подъ счастьемъ разумѣется полное равнодушіе къ горю другихъ. Но человѣческой опытъ обыкновенно парадоксаленъ, то-есть не соотвѣтствуетъ современнымъ свѣтскимъ и даже философскимъ фразамъ. Деронда нисколько не измѣнялъ своей любви къ Мирѣ, а только дѣлалъ ее еще болѣе достойной молодой дѣвушки, примиряя съ этой любовью заботы о другой женщинѣ. Дѣйствительно, что такое самая любовь къ существу, которое мы любимъ болѣе всего на свѣтѣ, какъ не сочетаніе безконечныхъ заботъ, которыя, однако, для насъ сладостнѣе всякихъ радостей внѣ этой любви?

Деронда два раза прѣзжалъ въ Дипло и оба раза видѣлъ Гвендолину, но не рѣшился ей сказать о происшедшей перемѣнѣ въ его жизни. Онъ горько упрекалъ себя за это, но объясненіе, отъ котораго могутъ произойти важныя послѣдствія, обыкновенно зависитъ отъ обстоятельствъ и чаще всего отъ расположенія того лица, которому объясненіе можетъ доставить неприятность или горе. Въ первое свиданіе съ Гвендолиной она такъ закидала его вопросами о лучшемъ устройствѣ своей жизни, о средствахъ образовывать себя, обходиться добрѣе со всѣми окружающими и уничтожить въ себѣ всякую тѣнь эгоизма, что Деронда не могъ нанести ей тяжелый ударъ въ ту самую минуту, какъ она просила его помощи помочь ей вступить на путь истины. Во второй разъ онъ засталъ ее въ такомъ мрачномъ отчаяніи, подъ впечатлѣніемъ роковыхъ воспоминаній, она такъ истерически рыдала, убѣждая себя въ его презрѣніи, что онъ могъ только думать о томъ, какъ ее успокоить и утѣшить; когда-же она мало-по-малу оправилась и ея глаза загорѣлись дѣтской радостью, то онъ не рѣшился причинить ей новое горе.

Однако, время шло и Деронда чувствовалъ, что объясненіе съ

Гвендолиной становилось все необходимѣе. Правда, она никогда не спрашивала его о дѣлахъ и даже не любопытствовала узнать, зачѣмъ онъ ѣздилъ въ Геную, но тѣмъ тяжелѣе должна была отозваться на ней рѣзкая переменъна въ его жизни. Предоставить другимъ сообщить ей печальную вѣсть было-бы слишкомъ жестоко и точно такъ-же безжалостно казалось ему прибѣгнуть къ помощи письма. Сообразивъ все это, онъ, наконецъ, рѣшился снова поѣхать въ Дипло и во что-бы то ни стало объясниться съ Гвендолиной.

На этотъ разъ онъ нашелъ тамъ Ганса Мейрика, который рисовалъ портреты дочерей сэра Гюго и въ свободное время посѣщалъ семейство своего друга, Рекса Гаскойна. Онъ, повидимому, находился въ прежнемъ веселомъ настроеніи, хотя Деронда сразу увидалъ нѣкоторую искусственность въ его обращеніи.

— Когда ты пріѣхалъ сюда, Гансъ? спросилъ Деронда.

— Дней десять; прежде срока, назначеннаго сэромъ Гюго. Я два дня провелъ въ Пеникотѣ. Какое идилическое мѣстечко! Гаскойны—просто прелесть и, кромѣ того, они родственники Вандиковой герцогинѣ. Я видѣлъ ее издали въ черномъ платьѣ, хотя она не показывается чужимъ.

Слишкомъ высоко цѣняя счастье Деронды, чтобъ подозрѣвать, какія чувства онъ питалъ къ Гвендолинѣ, Гансъ совершенно свободно выражался о ней.

— Развѣ она гоститъ теперь въ пасторскомъ домѣ? спросилъ Деронда.

— Нѣтъ, но меня водили въ Офендинъ, чтобъ посмотреть старый домъ, и я познакомился съ семействомъ герцогини. Ты, конечно, бывалъ тамъ и знаешь ихъ всѣхъ?

— Да, бывалъ, отвѣчалъ спокойно Деронда.

— Славный, старый домъ. Прекрасное жилище для романтической вдовы. А у ней, говорятъ, было много романовъ въ жизни. Я слышалъ, напрямѣръ, что было нѣчто у нея и съ моимъ другомъ Рексомъ.

— Это, вѣрно, случилось не задолго до ея свадьбы, промолвилъ Деронда, сильно заинтересованный словами Ганса; — она жила въ Офендинѣ не болѣе года. Откуда ты узналъ эту исторію?

— О! испытавъ горе, я тотчасъ замѣтилъ слѣды его и въ дру-

гихъ. Я случайно услыхалъ, что Рексъ никогда не ходитъ въ Офендинъ и ни разу не видалъ герцогини со времени ея прїѣзда, а миссъ Гаскойнъ разсказала мнѣ о какомъ-то представленіи шарадъ въ Офендинѣ, изъ чего я понялъ, что Рексъ такъ увивался вокругъ своей двоюродной сестры, что обжогъ себѣ крылья, какъ муха на пламени свѣчи. Но я не знаю, какую роль она тутъ играла. Известно мнѣ только, что явился герцогъ и выхватилъ изъ его рукъ красавицу, какъ всегда бываетъ, когда достойный молодой человѣкъ искренно полюбитъ кого-нибудь. Я понимаю теперь, почему Гаскойнъ говоритъ, что законъ его невѣста и что онъ никогда не женится. Но все это вздоръ. Если герцогъ утонулъ не ради тебя, то, можетъ быть, онъ сдѣлалъ эту любезность для моего друга, Рекса. Кто знаетъ?

— А развѣ необходимо и съ Грандкорть выйти снова замужъ? промолвилъ Деронда.

— Ахъ, ты, чудовище! отвѣчалъ Гансъ;—ты хочешь, чтобъ она всю жизнь тебя оплакивала и горѣла на медленномъ огнѣ, какъ индійскія жены по смерти своихъ мужей, пока ты будешь счастливъ и веселъ.

Деронда ничего не отвѣчалъ, но на лицѣ его выразилось неудовольствіе и Гансъ тотчасъ перемѣнилъ разговоръ. Однакожь, разставшись съ Дерондой, онъ сказалъ себѣ, что Деронда, вѣроятно, питалъ нѣкогда къ герцогинѣ такія чувства, узнать о которыхъ Мирѣ было-бы не очень пріятно.

„Напрасно она не влюбилась въ меня, прибавилъ онъ мысленно, — у нея не было-бы соперницъ. Ни одна женщина на свѣтѣ не разговаривала со мною о богословскихъ предметахъ“.

На другой день Деронда отправился въ Офендинъ съ твердой рѣшимостью не возвращаться оттуда безъ объясненія съ Гвендолиной. Онъ наканунѣ послалъ узнать, приметъ-ли она его, и получилъ утвердительный отвѣтъ; теперь-же онъ засталъ ее въ старой гостиной, гдѣ произошли главнѣйшіе эпизоды ея жизни. Она казалась не столь печальной, какъ прежде, и хотя на лицѣ ея не играла улыбка, но оно выражало мирное спокойствіе, составлявшее поразительный контрастъ съ тѣмъ нервнымъ волненіемъ, въ которомъ она находилась въ послѣднее его посѣщеніе. Тѣмъ скорѣе она замѣтила печальное настроеніе Деронды: не успѣлъ онъ сѣсть противъ нея, какъ она посѣпшно сказала:

— Вы боялись снова прѣхать, потому что я въ прошлый разъ слишкомъ плакала и отчаявалась. Послѣ я очень объ этомъ сожалѣла и рѣшилась быть какъ можно спокойнѣе, чтобъ не причинить вамъ непріятности.

Гвендолина такъ нѣжно произнесла эти слова, что задача Деронды стала для него еще труднѣе; но надо было исполнить свой долгъ.

— Я самъ взволнованъ сегодня, сказалъ онъ грустнымъ тономъ,—но это потому, что я долженъ рассказать вамъ нѣчто, касающееся лично меня, моей будущности. Я боюсь, что вы меня упрекнете въ недостаточной откровенности съ вами до сихъ поръ, тогда-какъ вы отъ меня ничего не скрывали. Но ваши испытанія были такъ тяжелы, что, говоря съ вами, я всегда забывалъ о себѣ и о своихъ дѣлахъ.

Въ голосѣ Деронды было столько застѣнчивой нѣжности и онъ смотрѣлъ на Гвендолину такимъ умоляющимъ взоромъ, что она вздрогнула. Но слова его только изумили ее, но не испугали. Она подумала, что дѣло шло о какой-нибудь пережѣнѣ въ отношеніяхъ Деронды къ сару Гюго и его будущему наслѣдству.

— Какъ могли вы что-нибудь сказать мнѣ о себѣ, когда вы только думали, какъ-бы успокоить и утѣшить меня.

— Вы, можетъ быть, удивитесь, что я только недавно узналъ, кто мои родители, произнесъ Деронда.

Гвендолина нисколько не удивилась и подумала, что ея догадка была справедлива.

— Я ѣздилъ въ Италію, продолжалъ онъ,—съ цѣлью увидать мою мать. По ея желанію, отъ меня до сихъ поръ скрывали мое происхожденіе. Она разсталась со мною послѣ смерти моего отца, когда я былъ еще ребенкомъ. Но теперь она очень больна и не хотѣла долѣе скрывать отъ меня истины. Главная причина, по которой она такъ долго не открывала тайны моего происхожденія, заключалась въ томъ, что я еврей.

— Еврей! глухо произнесла Гвендолина въ какомъ-то паническомъ изумленіи.

Деронда покраснѣлъ, но не сказалъ ни слова и ожидалъ, пока Гвендолина оправится отъ неожиданнаго столбняка. Впродолженіи нѣсколькихъ минутъ она не поднимала глазъ съ пола и какъ-бы отыскивала выходъ изъ окружавшаго ее со всѣхъ сторонъ мрака.

Наконецъ, она, повидимому, выбилась на свѣтъ и промолвила тихо:

— Какую-же переменѣну можете сдѣлать въ вашей жизни это открытіе?

— Громадную, отвѣчалъ Деронда съ жаромъ, но остановился, пораженный бездной, отдѣлявшей его отъ Гвендолины.

Они точно говорили на различныхъ языкахъ, непонятныхъ другъ другу.

— Вамъ нечего на это обращать вниманіе; вы остаетесь тѣмъ-же человѣкомъ, хотя вы и еврей, произнесла Гвендолина съ чувствомъ, стараясь успокоить Деронду насчетъ того, что никакая внѣшняя переменѣна не могла измѣнить ихъ отношеній.

— Напротивъ, это открытіе я встрѣтилъ съ радостью, сказалъ Деронда; — я былъ подготовленъ къ подобному перевороту уже заранѣе, познакомившись съ очень замѣчательнымъ евреемъ, идеи котораго такъ увлекли меня, что я намѣренъ посвятить ихъ осуществленію остальную мою жизнь.

Гвендолина снова была озадачена, но на этотъ разъ къ ея изумленію присоединился еще страхъ. Ей и въ голову не приходило, что слова Деронды касались Миря и ея брата, но ее пугала мысль, что ея умъ не сможетъ послѣдовать за Дерондой въ новую таинственную область его стремленій.

— Мнѣ, можетъ быть, придется для этой цѣли уѣхать на Востокъ на нѣсколько лѣтъ, сказалъ Деронда послѣ минутнаго молчанія.

Мравъ, окружавшій Гвендолину, началъ разсѣваться; слова Деронды становились для нея понятнѣе, но все страшнѣе и страшнѣе.

— Но вы вернетесь? промолвила она дрожащими губами и слезы незамѣтно потекли по ея щекамъ.

Деронда вскочилъ и отошелъ на нѣсколько шаговъ. Черезъ минуту Гвендолина отерла глаза и вопросительно взглянула на него.

— Да, когда-нибудь, если буду живъ, отвѣчалъ Деронда.

Снова наступило молчаніе. Онъ не могъ рѣшиться произнести ни слова, а она, повидимому, обдумывала то, что хотѣла сказать.

— Что вы будете дѣлать? спросила она, наконецъ, нерѣши-

тельнымъ, застѣнчивымъ тономъ.— Могу я понять ваши идеи или я слишкомъ невѣжественна?

— Я отправляюсь на Востокъ, чтобъ познакомиться съ положеніемъ моего народа въ различныхъ странахъ, отвѣчалъ Деронда, охотно распространяясь о томъ, что не касалось настоящей причины предстоявшей разлуки;—идея, которой я намѣренъ посвятить свою жизнь, заключается въ политическомъ возрожденіи моего народа, въ созданіи еврейской націи, съ такимъ-же центромъ, какой имѣетъ англійская, хотя англичане также разсыяны по всему свѣту. Какъ-бы ни были слабы мои усилія, но я рѣшился исполнить свой долгъ, и, во всякомъ случаѣ, я могу пробудить въ другихъ сочувствіе къ этому движенію.

Долго молчали они послѣ этихъ словъ Деронды. Гвендолинѣ казалось, что міръ передъ нею растетъ и расширяется, а она остается среди него одинокая, беспомощная. Мысль о возвращеніи Деронды съ Востока ступевалась передъ одурѣвающимъ сознаніемъ, что передъ его возвышенными стремленіями она совершенно исчезала, становилась незамѣтной точкой. Для многихъ людей рано или поздно наступаетъ роковая минута, когда великія, міровыя движенія и общечеловѣческія задачи, до тѣхъ поръ погребенныя въ газетахъ и въ скучныхъ книгахъ, вдругъ врываются въ ихъ ежедневную жизнь. Подобный кризисъ засталъ теперь врасплохъ Гвендолину; она впервые почувствовала присутствіе какой-то таинственной, громадной силы, впервые начала сомнѣваться въ своей власти надъ окружавшимъ ее міромъ. Несмотря на всѣ тяжелыя испытанія, чрезъ которыя она прошла въ послѣднее время, она сохранила свое дѣтское убѣжденіе, что все, окружавшее ее, было создано для нея, и вотъ почему она никогда не ревновала Деронды, считая невозможнымъ, чтобъ онъ кому-нибудь принадлежалъ, кромѣ нея. Но теперь что-то закралось въ ея сердце страшнѣе всякой личной ревности, что-то таинственное, безплотное, сразу отбросившее ее на задній планъ, и, однакъ, возбуждавшее въ ней не злобу, а сознаніе собственнаго ничтожества.

Деронда молчалъ, внутренно радуясь отсрочкѣ рокового объясненія, а Гвендолина сидѣла неподвижно, какъ статуя, скрестивъ руки и устремивъ глаза въ пространство. Наконецъ, она взглянула на Деронду и сказала дрожащимъ голосомъ:

— Это все, что вы можете мнѣ сказать?

— Еврей, о которомъ я только-что упомянулъ, продолжалъ онъ съ замѣтнымъ волненіемъ, — человекъ, сдѣлавшій переворотъ во всемъ моемъ существѣ, братъ миссъ Лапидотъ, пѣніе которой вы не разъ слышали.

Гвендолина покраснѣла до корней волосъ. Воспоминанія широкой волной нахлынули на нее. И прежде всего ей представилось тайное посѣщеніе Миры, во время котораго она слышала голосъ Деронды, читающаго по-еврейски съ братомъ молодой дѣвушки.

— Онъ очень болѣнъ, близокъ къ смерти, продолжалъ Деронда съ нервной дрожью въ голосѣ.

— Она вамъ сказала, что я была у нея? спросила неожиданно Гвендолина, поднимая глаза.

— Нѣтъ, я васъ не понимаю.

Она снова отвернулась. Румянецъ на щекахъ замѣнился смертной блѣдностью и она, не поворачивая головы, сказала тихо, словно думая вслухъ:

— Но вы не можете жениться?

— Да, я женюсь, отвѣчалъ такъ-же тихо Деронда.

Въ первое мгновеніе Гвендолина какъ-бы замерла; потомъ она вздрогнула, глаза широко раскрылись, она протянула руки прямо противъ себя и съ глухимъ, гробовымъ стономъ промолвила:

— Я знала, что меня бросать. Я была жестокая, грѣшная женщина... и теперь одна... одна!

Сердце дрогнуло у Деронды. Она была жертвою его счастья. Онъ схватилъ ее за руки и инстинктивно опустился передъ нею на колѣни.

— Я жестокъ, я жестокъ, повторилъ онъ, смотря на нее съ мольбою, какъ-бы прося прощенія.

Его близость и прикосновеніе разсѣяли охватившій ее мракъ; его взглядъ, полный нѣжнаго сожалѣнія, возвратилъ ее къ сознанію. Она впиалась въ него глазами. Крупныя слезы потекли по ея щекамъ, и Деронда, не выпуская ея рукъ, отеръ ей глаза платкомъ, словно ребенку. Она хотѣла говорить, но вопли заглушили ея слова. Наконецъ, она произнесла отрывисто:

— Я сказала... я сказала... помните въ библиотекѣ, въ аббатствѣ, что я стану лучше оттого, что узнала васъ.

Деронда чувствовалъ, что глаза его также покрылись влагой. Гвендолина тихо высвободила одну изъ своихъ рукъ и, въ свою очередь, отерла ему лицо платкомъ.

— Мы не совершенно разстанемся, сказалъ онъ; — я буду вамъ писать, когда могу, а вы мнѣ отвѣчайте.

— Я буду стараться, произнесла она шопотомъ.

— Мы теперь будемъ ближе другъ къ другу, продолжалъ онъ, вставая; — если-бъ прежде мы видались чаще, то все болѣе и болѣе увеличивалась-бы раздѣляющая насъ бездна. Теперь-же мы, можетъ быть, никогда не увидимся, но мысленно мы всегда будемъ вмѣстѣ.

Гвендолина не произнесла ни слова; она встала машинально, бессознательно, понимая только, что онъ сейчасъ уйдетъ и что этому невозможно помѣшать. Въ глазахъ ея мрачно отражалось отчаяніе человѣка, на-вѣки похоронившаго въ свои радости и надежды; Дерондѣ стало стыдно за свои пошлыя слова утѣшенія.

Онъ молчалъ. Увѣренный, что они разстанутся безъ дальнѣйшихъ объясненій, онъ ждалъ только удобной минуты, чтобъ удалиться. Это было не легко. Наконецъ, она взглянула на него. Онъ протянулъ руку. Она крѣпко сжала ее и медленно промолвила:

— Вы были очень добры для меня. Я этого не заслужила. Я буду стараться... жить лучше. Я буду думать о васъ. Кому я сдѣлала хоть какое-нибудь добро? Одинъ только вредъ. Я не хочу причинять вамъ горя. Я стану лучше...

Она не могла окончить фразы, не оттого, чтобъ слезы душили ее, а отъ нервной дрожи. Она молча потянулась къ нему и поцѣловала его въ щеку. Онъ обнялъ ее. Потомъ они посмотрѣли другъ другу прямо въ глаза; онъ отвернулся и вышелъ изъ комнаты.

Черезъ нѣсколько минутъ въ дверяхъ показалась м-съ Давило.

— Гвендолина, что съ тобою, ты не здорова? сказала она, подходя къ дочери и взявъ ее холодныя руки.

— Да, мама, но не бойтесь, я буду жить, отвѣчала Гвендолина и зарыдала истерически.

Мать уговорила ее лечь въ постель; весь день и всю ночь она

лихорадочно металась, но между припадками истерички шопотомъ произносила:

— Не бойтесь, я буду жить. Я хочу жить.

Къ утру она заснула, а когда на слѣдующій день открыла глаза, то, нѣжно посмотрѣвъ на мать, промолвила:

— Бѣдная мама! вы все сидѣли подлѣ меня. Не отчаивайтесь. Я буду жить. Я буду лучшей женщиной.

LXIX.

Одно изъ самыхъ блаженныхъ ощущеній любви—чарующее сознаніе, что, соединяя съ нашею жизнью жизнь любимаго созданія, мы можемъ замѣнить для него горе радостью и даже ступевать мрачное воспоминаніе свѣтлой дѣйствительностью. Любовь Деронды къ Мирѣ именно отличалась этимъ сладостнымъ отгѣнкомъ покровительства. Еще съ дѣтства жизнь ея была усѣяна терніями, и когда онъ впервые ее увидалъ, то самое безнадежное отчаяніе искажало ея черты; но теперь она сіяла, какъ только-что распустившійся цвѣтокъ, подъ теплыми лучами безоблачнаго счастья, и горе казалось ей если и возможнымъ въ будущемъ, то легко переносимымъ вѣстѣмъ съ любимымъ человѣкомъ. А онъ съ необъяснимою радостью слѣдилъ за спокойнымъ, трезвымъ счастьемъ, разливавшимся по всему ея существу, и говорилъ себѣ ежеминутно, что ему не надо другого блаженства, какъ сохранить это нѣжное созданіе отъ малѣйшаго страданія. Она не знала о разочарованіи Ганса и отчаяніи Гвендолины; убѣдившись, что Деронда любилъ ее, она легко объясняла себѣ всѣ чувства къ нему Гвендолины той благодарной преданностью за сдѣланное имъ добро, которую она нѣкогда сама ощущала. Все, что говорилъ Деронда о м-сь Грандкорть, хотя онъ очень рѣдко и сдержанно о ней упоминалъ, вполне подтверждало это предположеніе. Мира легко вѣрила, что онъ былъ ангеломъ-хранителемъ не только для нея одной, и она лишь удивлялась тому, что среди всѣхъ облагодѣтельствованныхъ имъ созданій онъ избралъ именно ее спутницей своей жизни.

Такимъ образомъ, очутившись подъ длиннымъ вуалемъ невѣсты, Мира не ощущала обычнаго страха молодой дѣвушки передъ невѣдомой судьбой, а лишь чувствовала душевную тревогу

при мысли, достойна-ли она того великаго дара, которымъ судьба ее наградила. Рѣдко подъ этимъ бархатнымъ балдахиномъ стояла лучшая, счастливѣйшая чета; рѣдко болѣе надежная клятва вѣрности была произносима устами, прикасавшимися къ брачной чашѣ. Естественно, вѣнчаніе происходило по еврейскому закону, и среди гостей, присутствовавшихъ при брачной церемоніи и на послѣдовавшемъ за нею скромномъ обѣдѣ, находилась вся семья Коганевъ. Конечно, Мардохей не могъ забыть въ минуту счастья объ этихъ друзьяхъ, неоставлявшихъ его въ печальную эпоху жизни.

М-съ Мейриксъ вполне это понимала и совершенно примирилась съ мыслью встрѣтить на свадебномъ обѣдѣ еврея-закладчика, и явилась съ своими тремя дочерьми, которыя съ удовольствіемъ видѣли, что романъ Миры достойно оканчивался бракомъ съ Дерондой. Одинъ только Гансъ не присутствовалъ на этомъ интересномъ торжествѣ, потому что, по выраженію Эми, мужчины всегда имѣютъ глупую привычку влюбляться въ кого не слѣдуетъ. Мейрики были вознаграждены за побѣду надъ своими предрасудками характеристичной рѣчью Когана, непоходившей нисколько на обыкновенныя послѣобѣденныя изліянія. Мардохей большею частью молчалъ, но его блестящіе, впалые глаза сверкали сочувственной радостью, особенно когда они останавливались на Дерондѣ.

Свадебный обѣдъ былъ очень скромный, но Мира получила дорогіе подарки. Сэръ Гюго и леди Малинджеръ приготовили полную коллекцію необходимыхъ дорожныхъ принадлежностей для путешествія по Востоку и бриліантовый медальонъ съ надписью: *„Жень милого Даниеля Деронды съ пожеланіями всего лучшаго—Г. и Л. М.“* Клесмеры прислали великолѣпныя дамскіе часы съ соотвѣтственной надписью.

Но Деронда получилъ нѣчто драгоцѣннѣе золота и бриліантовъ въ день своей свадьбы. Это было слѣдующее письмо изъ Дипло:

„Не думайте обо мнѣ съ грустью въ день вашей свадьбы. Я помню ваши слова, что я должна сдѣлаться одной изъ тѣхъ лучшихъ женщинъ, имя которыхъ произносится всѣми съ любовью и уваженіемъ. Я до сихъ поръ не понимаю, какъ это можетъ случиться, но если ваши слова когда-нибудь исполнятся, то лишь благодаря вашей помощи. Я думала только о себѣ и заставила

васъ страдать. Но болѣе не печальтесь обо мнѣ. Я буду стараться и сдѣлаюсь лучшей женщиной только потому, что узнала васъ.

Гвендолина Грандкорть.

Послѣ свадьбы тотчасъ приступили къ приготовленіямъ для отбѣзда на Востокъ, потому-что Деронда не могъ отказать Эздрѣ въ желаніи сопровождать его и Миру, а очевидные симптомы свидѣтельствовали о быстро приближавшейся его смерти, такъ что времени терять было нельзя.

— Не все-ли равно, гдѣ я умру, только-бы быть съ вами, говорилъ Эзра.

Но судьбѣ не было угодно, чтобъ онъ выѣхалъ изъ Англіи. Однажды утромъ онъ сказалъ Дерондѣ:

— Оставайтесь со мною сегодня; я не доживу до ночи.

Онъ потребовалъ, чтобъ его одѣли и посадили въ покойное кресло; Деронда и Мира не отходили отъ него ни на минуту, и впродолженіи нѣсколькихъ часовъ онъ молчалъ, устремивъ на нихъ глаза, полные спокойствія и мирнаго созерцанія. Только поздно вечеромъ, когда уже смеркалось, онъ взялъ за руки Деронду и Миру и тихо промолвилъ:

— Смерть приближается, но она только лишитъ меня возможности васъ видѣть, дорогіе друзья. Я, Даніель, буду всегда присутствовать въ твоей душѣ. Куда пойдешь ты, Даніель, пойду и я. Моя душа будетъ жить въ тебѣ и мы никогда не разстанемся.

Онъ умолкъ и Деронда ждалъ, не прибавитъ-ли онъ еще чего-нибудь. Но Эзра медленно приподнялся и произнесъ по-еврейски отходную молитву, съ которой каждый еврей обращается къ небу, чувствуя приближеніе смерти. Потомъ онъ снова опустился въ кресло и не произнесъ болѣе ни слова.

Черезъ нѣсколько часовъ его не стало.

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ ВЕЧЕРЪ.

I.

Вечеръ рождественскій, тихій и ясный,
Свѣтъ серебромъ заблесталъ подъ луною.
Звѣздная ночка красавицей властной
Медленно сходить, повитая тьмою...
Въ лунномъ сіяніи тонуть громады
Бѣлыхъ домовъ, сидѣты соборовъ,
Тѣни легли подъ мосты, подъ аркады
Синія дали уходятъ отъ взоровъ.
Молча любуешься ночкою синей,
Ловишь ее и глазами, и слухомъ...
Вѣтви деревьевъ въ серебряный иней
Убраны, точно осыпаны пухомъ...

II.

Скудная комнатка, все такъ убого,
Передъ иконою лампада мерцаетъ.
Бѣдная елка и свѣчекъ немного
Пару грошовыхъ коней озаряетъ.
Только! Но въ ласковыхъ глазкахъ ребенка
Свѣтится радость и смѣхъ безъ предѣла...
Какъ онъ болтаетъ задорно и звонко,
Съ елки игрушки срываетъ онъ смѣло...
Бѣдная женщина съ нимъ. Много муки
Видитъ навѣрно въ борьбѣ съ нищетою...
Но подъ веселые дѣтскіе звуки
Мать разцвѣла, словно небо зарею...

III.

Домъ воспитательный... Бѣдныя дѣти!
Спать ужъ въ кроваткахъ, на жесткихъ подушкахъ,
Всѣ одиноки, забыты на свѣтѣ,
Имъ и не снится, поди, объ игрушкахъ...
Что имъ до этой рождественской ночи—
Дѣтямъ любви, позабытымъ любовью?
Пусть-же спокойно смежаются очи,
Сонъ безъ тревогъ пусть слетитъ къ изголовью.
Можетъ быть, святся имъ тихія ласки,
Матери бѣдной улыбка и трепеть...
Можетъ быть, шепчетъ имъ чудныя сказки
Ангеловъ божьихъ таинственный лепетъ...

В. И. Славянскій..

ИЗРАИЛЬ ВОИНСТВУЮЩІЙ.

VI.

ЕВРЕЙСКІЙ ДУЛЪ.

Грохоть ручьевъ справа и слѣва.

Медленно подвигаемся мы по дну ущелья, слѣдуя за капризными извивами какой-то рѣченки. По ней въ эту пору вполне безопасно прошла-бы курица, но шумить она такъ, что я порою вижу только, какъ мой Магома рѣчь отрываятъ, а словъ его не слышу вовсе. Попадетъ въ русло камень, обломокъ какой-нибудь скалы—рѣченка пыжится неимоვნно, взмываетъ вся, перобрасывается черезъ него гремящими струями и, обѣжавъ препятствіе, долго еще злится и ворчитъ, вымещая свою досаду на мелкихъ кремняхъ, на золотистомъ пескѣ, наконецъ на насъ, неповинныхъ путешественникахъ. Въ самомъ дѣлѣ, это ужь становится невыносимо. То-и-дѣло обдаетъ мелкою водяною пылью или хлещетъ въ лицо крупными брызгами. Не знаешь, куда дѣваться. Попробоваль я было взобратъся на откосъ, но конь мой оттуда торжественно сползъ вмѣстѣ съ осыпавшимися глыбами земли и вслѣдъ за ними и я, и онъ очутились въ самомъ руслѣ. Тутъ и растительность была чахлая; только въ трещинахъ камня зеленѣли какіе-то кусты съ ярко-красными цвѣтами, отъ запаха которыхъ кружилась голова, да точно голубая эмаль по золоту, на ярко освѣщенныхъ солнцемъ плѣшкахъ желтаго камня ласково улыбались намъ знакомыя свѣрныя незабудки.

— Что-жь, скоро? спрашиваю я у Магомы.

— Ауль?.. А если я тебѣ скажу, развѣ ближе будетъ? философствуетъ сумрачный горецъ.

— Должно быть, ты и самъ не знаешь?

— Пять поворотовъ, а тамъ долина. Изъ долины дорога вверхъ пойдетъ. Вверху и чуль.

— Чуль? Что это такое?

— Деревни свои такъ называютъ евреи.

— Отчего же здѣсь такъ пустынно? Ни одного аула нѣтъ.

Жмуро оглянулся Магома.

— Не тебѣ спрашивать! И тутъ былъ ауль, взмахнулъ онъ на вершину довольно пологой горы, по откосамъ которой были разбросаны великолѣпныя кусты орѣшниковъ и ясеней;—и тамъ ауль стоялъ, повазалъ онъ головой на темное ущелье вправо, сплошь заросшее одичавшею чащею черешней и яблонь.—Назадъ три пустыхъ аула оставили. Спроси у горнаго вѣтра, гдѣ ихъ жители. По чужбинѣ въ одиночку блуждаютъ, точно такъ-же, какъ чекалки бродятъ въ ихъ оставленныхъ жилищахъ. Вонъ этому шайтану привольнѣе и лучше, чѣмъ такому джигиту, какъ Сеидъ-агъ...

— Какому шайтану?

— Не видишь!

Прямо надъ нами словно повисла какая-то большая птица, широко разбросивъ крылья, серебрившіяся на солнцѣ. Большіе, круглые, золотые глаза смотрѣли на насъ и, вѣрно, ничего не видѣли. Встретилъ-ли его кто изъ сырого и теплаго убѣжища въ нишѣ сѣрой скалы или самъ онъ поднялся въ ущелье въ неурочное время? Магома нехотя вытащилъ ружье, до сихъ поръ мирно болтавшееся за спиною. Небрежно, словно не глядя, навелъ его — и тотчасъ же загремѣли вокругъ пробужденныя нами окрестности. Направо и налево, впереди и позади—точно сотни выстрѣловъ. Гулко перехватывастъ. Каждая скала, каждая гора отразила ихъ; въ каждую пещеру, слѣдуя по ея извилинамъ и постоянно повторяясь, ворвался этотъ грохотъ. А на песокъ вздрагивалъ громадный филинъ-пугачъ, переводя маховыми крыльями и поминутно раскрывая клювъ, точно ему дышать было нечѣмъ. Еще болѣе недоумѣло-пристально смотрѣли на насъ его налитые золотомъ глаза. Даже и вѣки не смежались.

— Зачѣмъ ты это?

— Его жалѣть нельзя. Ты знаешь-ли, кто онъ?

— Птица.

— Какая! Тутъ прежде, давно это было, злое племя погорамя сидѣло. Съ шайтаномъ дружилось, всякаго, кто попадалъ къ нему, живого въ огнѣ жарило и пожирало. Сакли это племя не знало вовсе. Что звѣри, голое по лѣсамъ шлялось, а внизъ, въ долины, сходить не смѣло, потому что наши муллы заѣляли его.

— Было у него оружіе? заинтересовался я горною легендой.

— Нѣтъ. Дубьемъ дралось, камнями. Что наши мальчишки—изъ пращи. Стало намъ тѣсно, внизу мѣста не хватало, муллы велѣли въ горы идти. Пошли, только каждый кусокъ земли намъ съ бою доставался.

— Да вѣдь какъ-же они дрались, не камнями-же остановить васъ могли?

— Силы непомерной были. А главное—шайтанъ помогать имъ. Сегодня выстроился, а ночью онъ, поганый, завалить аулъ камнями. Навеземъ снизу земли для садовъ—червей пошлетъ или всю ее пескомъ занесетъ. Наконецъ стали мечеть строить. Что за день сдѣлаемъ—ночью все рухнетъ!.. Самые умные муллы думали—ничего придумать не могли, пока не пришелъ одинъ ходжи, побывавшій въ Меккѣ. Ну, тотъ все сразу понялъ. Велѣлъ найти такого ребенка, за которымъ грѣховъ нѣту, да чтобы онъ единственный былъ у матери, да чтобы его отецъ святой жизнью былъ извѣстенъ, да чтобы на груди у ребенка луна, въ видѣ родимаго пятна, означалась. Десять лѣтъ искали—не нашли. Наконецъ услышали отъ проѣзжаго еврея одного, что есть такая семья и ребенокъ такой, далеко-далеко, въ Кабардѣ самой. Что было дѣлать? Сказали ходжи. „Непремѣнно добудьте его“, посоветовалъ. Пошли наши набѣгомъ. Много крови пролилось, сколько тысячъ челоувѣкъ убили—одинъ Аллахъ да Магометъ, пророкъ его, сосчитать развѣ могутъ. Разорили сто ауловъ, а мальчика живьемъ добыли. Привезли къ ходжи. „Ну, теперь, говорить, начинайте строить мечеть, только внизу яму выройте“. Вырыли. „Посадите туда мальчика, чернаго пѣтуха и бѣлую кошку“. Посадили. „Заложите ихъ камнями сверху“. Жалко было, да что-жъ дѣлать—заложили. „Теперь, говорить, выводите стѣны—прочно будетъ“. И вѣрно! Прошла ночь — все цѣло, слышно только было, какъ

шайтанъ по горамъ да по ущельямъ до утра плакалъ, что власти у него нѣтъ, что царство его отошло.

— Ну, а ребенокъ что-же?

— Ребенку что! Его душа — прямо въ рай. Люди видѣли, какъ черезъ три дня изъ этихъ самыхъ камней, которыми яма была заложена, вылетѣла зеленая птичка и прямо въ небо взвилась. Откуда ни возьмись, кинулся за ней черный коршунъ, — это шайтанъ былъ, — только съ неба его громомъ ударило, такъ и не удалось ему зеленую птичку добыть. Ну вотъ какъ достроили мечеть — и аулы начали въ горахъ ставить, шайтанъ уже ничего не могъ намъ дѣлать. Только дикое племя этого самаго святого ходу поймало, сжарило и съѣло. Жирный былъ! Тутъ и случилось чудо великое. Всѣ, кто ѣлъ его или былъ при томъ, разомъ въ филиновъ обратились, и положено имъ плакать каждую ночь, такъ чтобы всѣ правовѣрные слышали, какъ они казнятся. Всей остальной твари повелѣно самимъ Аллахомъ ненавидѣть и убивать ихъ; оттого днемъ они ничего не видятъ. Выйди ночью въ садъ — не заснешь, какъ начнешь плакать этотъ шайтанъ надъ тобою. До утра проплачетъ, проклятый. Вотъ здѣсь какое чудо было и вотъ отчего въ горахъ такая скверная, слѣпая птица завелась! Нѣтъ Бога, кромѣ Бога, а Магометъ — пророкъ его!

Сообщивъ мнѣ горную легенду. Магома точно самъ испугался, что говорилъ такъ много. Брови нависли еще ниже, лицо стало еще сумрачнѣе и точно закаменѣлъ человѣкъ — ни слова. Наконецъ Магома мало-по-малу вышелъ изъ своего оцѣпененія.

— Ты меня прости! извинялся онъ. — Много ужъ тутъ накопилось, показалъ онъ на сердце. — Сюда подошло! — И онъ провелъ пальцемъ поперегъ горла. — А всего обиднѣе, что и между нашими отступники показались. Подъ урусомъ, видишь, жить спокойнѣе. Точно орелъ горный курицей сталъ!.. Такіе люди появились между нами, что за барана „могилу матери своей продадутъ и въ бороду мертваго отца плюнуть“. Вотъ какіе люди! Видно, на нихъ по ошибкѣ мать надѣла папаху, а не платокъ. Не даромъ у насъ поютъ про нихъ: „у кого шашлыкъ есть, у того вы работники; у кого есть буза, у того вы гости; у кого есть дѣвушки, у того вы просители. Не дадутъ ихъ — только плавать станете. Ой, вы, собачьи рты, саранча голодная! Папаха ваша — тряпка мельничная, ружья на плечахъ — стебли кукурузныя!..

Когда другіе воевать идутъ, вы за жирнымъ пловомъ сидите, дочери блудницъ!“

— Какіе люди нынче стали — срамъ сказать! жаловался Магома.— За послѣднее время только одинъ племянникъ мой, Джафаръ, настоящимъ человѣкомъ оказался.

Я заинтересовался, что, по понятіямъ Магомы, соединяется съ представленіемъ о настоящемъ человѣкѣ. Оказалось, дѣло очень оригинальное. Джафаръ никогда и ничего не проситъ. Если что нужно, отправится тайкомъ въ чужой аулъ и самъ добудетъ оттуда. Ночью-ли, съ оружіемъ въ рукахъ, хитростью — только никакъ не съ согласія хозяина. Пить бузы Джафаръ можетъ сколько угодно и пьянъ не будетъ, потому что настоящій человѣкъ всегда долженъ быть трезвымъ, хоть-бы онъ цѣлый бурдюкъ русской водки выпилъ. Враги всегда завидуютъ „его дыму“, онъ храбрый молодецъ и никто до сихъ поръ не рѣшался вызвать его на доказательства такой храбрости, потому что помнятъ, какъ онъ одинъ-на-одинъ горнаго медвѣдя взялъ. Посватался онъ за одну дѣвушку, да родные свѣсивы были. „Намъ, говорятъ, не надо бѣдняка. Пусть сначала пять коровъ купить“, да и дѣвушка, говорятъ, другого любила. „Баба подлая тотъ, кто обращаетъ вниманіе на это“.

— Вотъ тебѣ и на! не удержался я.

— А по-твоему какъ: другого любить, такъ и уступить? Таеъ можетъ сдѣлать только тотъ, на котораго „еще недавно шальвары надѣты!“

Джафаръ, оказывается, поступилъ какъ-разъ по рецепту трагическаго злодѣя Магомадь-оглы. Онъ подобралъ трехъ сорванцовъ и среди бѣлаго дня, не выходя изъ аула, схватилъ несчастную дѣвушку на улицѣ. Пока сбѣжались на крикъ ея сосѣди и родные, онъ съ нею бросился въ ближайшую саклю. Хозяинъ ея, по горному обычаю, хотя-бы и не сочувствовалъ такому поступку, не смѣетъ отказать „храброму молодцу“ въ пріютѣ и защитѣ, если не хочетъ прослыть „собачьимъ ртомъ“ и „трусливою чекалкой“. Двери заперли. Родные дѣвушки и знакомые стрѣляли въ саклю, старались выломать двери, орали во все горло, мать царапала себѣ лицо, рыдала, но „храбрый молодецъ“ въ это время насилывалъ спокойно свою жертву, предварительно связанную его друзьями, такъ-что потомъ она поневолѣ должна была сдѣлаться его

женою. Воображаю положеніе родныхъ, слышавшихъ отчаянныя вопли дѣвушки... Ночью друзья „храбраго молодца“ Джафара съужили его съ дѣвушкой припрятать. Черезъ нѣсколько дней на аульной площади зарѣзали нѣсколькихъ быковъ, доставленныхъ Магомадомъ, угостили весь джамаатъ, а спустя двѣ недѣли отпраздновали свадьбу Джафара... И просто, и скоро!

— А если-бы дѣвушка и послѣ этого не вышла за него?

— Не можетъ этого быть! рѣшительно оборвалъ Магомадъ.

— Какъ не можетъ?

— Очень ясно... Ты какъ бурица, что ночью во снѣ таракана видѣла, а, проснувшись, не понимаетъ, куда онъ дѣвался!.. Кто женится на обезславленной дѣвушкѣ? Кто рѣшится?.. Джафаръ-бы надъ нимъ всю жизнь смѣялся. „Я де полакомился медомъ, а ты ѣшь воскъ“.

Таковъ идеаль „настоящаго человѣка“ Джафара.

— Въ прежнее время онъ-бы юридомъ сталъ, у самого-бы Шамиля былъ! А теперь такъ, даромъ пропадаетъ малый!.. Никакого ему дѣла по душѣ нѣтъ. Не все-же чужихъ коней угонять. Настоящей „веселой игры“ нѣтъ нынче, вотъ въ чемъ бѣда; не по обычаю живемъ. „Въ свой ротъ чужого хозяина пустили“, ну и должны терпѣть, что онъ за собой и корову свою привелъ туда!“ Да! Очень вы обидѣли насъ, очень! И зачѣмъ мы вамъ? Воевали-бы, какъ прежде; что-же это за война, что-же это за удачая потѣха, когда вы у насъ колыбели наши и могилы отцовъ, землю горскую забираете?

Миновали мы и пять поворотовъ, и наверхъ взобрались... на хорошо протоптанную тропинку попали. Какая-то скрипучая арба медленно ползла впереди съ духтартъ-эмберъ-гухчеги, еврейской красавицей, старательно закрытой со всѣхъ сторонъ коврами, полагаю, что не отъ чужого взгляда, а скорѣе отъ солнца, потому что когда мы поравнялись съ этимъ Ноевымъ ковчегомъ, поставленнымъ на колеса, еврейская красавица выглянула оттуда, поразивъ насъ какимъ-то клювообразнымъ носомъ, сросшимися бровями и черными глазами, весьма не выразительными, въ видѣ двухъ коринокъ, вкрапленныхъ въ блѣлое тѣсто. Разумѣется, виски около глазъ черной щеголихи были разрисованы шариками и черточками... Удовлетворивъ свое любопытство, она исполнила горный обычай, опустивъ на лицо платокъ.

— Это вторая жена знакомаго еврея здѣшняго, объяснилъ Магома, считавшій неприличнымъ кланяться женщинѣ.

— Какъ вторая? Да развѣ у евреевъ по нѣскольку женъ?

— Что же ты удивился? По три есть.

Я, разумеется, не повѣрилъ, зная, что многоженства у европейскихъ евреевъ не допускается, но потомъ самъ убѣдился, что горные кавказскіе евреи (законъ Моисеевъ не запрещаетъ этого) имѣютъ зачастую по три и по двѣ жены, въ чемъ несомнѣнно сказалось вліяніе племенъ, среди которыхъ врѣзались еврейскіе аулы.

— Одно у нихъ дурно, соображалъ Магома. — Наши жены мирно живутъ между собою, а у горскихъ евреевъ постоянныя ссоры. Потому мужья и стараются по разнымъ ауламъ расселить бабъ и всю жизнь проводятъ, переезжая изъ одного аула въ другой. Нѣсколькими хозяйствами живутъ.

Мы настигали мелкорослыхъ яшаконъ съ вязанками дровъ и хвороста; гвалтъ ихъ черномазый оборванецъ, громадная папаха котораго несомнѣнно была больше его самого. Тѣмъ не менѣе у пояса болтался кинжалъ, а громкій голосъ мальчугана раздавался такъ самоувѣренно и смѣло, что даже Магома сочувственно улыбнулся, если можно счесть улыбкою какое-то вздрагиваніе сѣдыхъ усовъ.

— Настоящій мужъ будетъ. И между нашими такихъ мало.

— А это кто-же?

— Еврей.

— Съ чего онъ такой громадный кинжалъ надѣлъ?

— Это сынъ одного кунака моего, Мамре... Ты не смотри, что онъ малый.. Этими самымъ кинжаломъ онъ разъ отъ волка отбился. И на дерево лѣзть не захотѣлъ, потому что у него орлиная душа. Стыдно бѣжать тому, у кого на головѣ не платокъ, а папаха, если у него въ рукѣ есть кинжалъ... Выростеть — большой храбрець будетъ.

Еврейчикъ почтительно пріостановился, выждалъ Магомадъ-оглу и тихо привѣтствовалъ его словами: барухъ-габо (да будетъ благополученъ вашъ пріѣздъ). Несмотря на самоувѣренность и мужество мальчика, въ глазахъ его просвѣчивалось грустное выраженіе, общее всему племени семитовъ, — что-то серьезное, недопускающее громкой шутки и слишкомъ безцеремонной веселости. На

одною изъ осликовъ болталось ружье, вскинутое туда пастухомъ. Ослы ступали мѣрно, плотно вбивая копытца въ твердую землю и звонко позвякивая колокольцами. Яшаки эти были очень жирны, такъ и лоснились. Видимо у хорошаго хозяина въ рукахъ. Дойдя до самой верхушки гребня и увидавъ внизу ауль, они, точно преднарительно сбѣлись, словно по камертону, разомъ заорали на весь просторъ. Оглушили даже, такъ-что Магомадъ сплюнулъ въ сторону. Одинъ изъ этихъ пѣвцовъ былъ украшенъ лентами, кусочками алаго и желтаго сукна и множествомъ бубенчиковъ. Онъ шелъ впереди, служа для остальныхъ, такъ-сказать, путеводителемъ. Зачастую, выйдя изъ лѣса, пастухъ пускаетъ такимъ образомъ стадо и оно само, слѣдуя за вожакомъ, добирается до дому.

Добрались и мы, наконецъ, до вершины холма.

— Что это? невольно воскликнулъ я, пріостанавливая лошадь.

Весь противоположный склонъ былъ загроможденъ саклями. Между ними—ни площадей, ни клочка сада. Одни узкіе переулки силетаются, разбѣгаются и пропадаютъ въ кучахъ безпорядочно разбросанныхъ саклей. Сады и хорошо обработанныя поля точно рамкою окружали этотъ ауль снизу. Глазъ не зналъ, на чемъ остановиться. Холма не было видно подъ этимъ муравейникомъ, кишѣвшимъ тысячами жизней и оглушавшимъ насъ могучимъ гуломъ громкихъ голосовъ. Какая разница съ татарскими аулами! Туда подъѣзжаешь—тишина полная. Тутъ точно каждый обитатель жалкихъ мазанокъ считаетъ своею обязанностью орать на весь этотъ зеленый просторъ. Словно золотыя пластинки блистали подъ солнцемъ, уже заходившимъ, плоскія кровли саклей, выстроенныхъ изъ камня, на грязи или на глинѣ вмѣсто цемента. Словно дыры въ этихъ мазанкахъ чернѣли окна, лишеныя рамъ и стеколъ, только ставни болтались иногда на одной петлѣ... Груды камней взбирались однѣ на другіе, точно школьники, когда какой-нибудь шалунъ заоретъ: „мала куча!“ и на опрокинутого имъ мальчика валится, сломя голову, цѣлый классъ. Однѣ сакли точно перелѣзаютъ черезъ другія. Тутъ нѣсколько мазанокъ лѣстницами—маленькія на большихъ, а сверху ужъ совсѣмъ микроскопическія. Внизу даже не размотришь, точно ложкою размѣшанное мѣсиво. Цѣлое море плоскихъ кровель. И какъ все это людно! На улицахъ бѣгаютъ пестрыя толпы, женщины группами сидятъ на крышахъ, точно подъ страхомъ смертной казни запрещено имъ пре-

бываніе дома. Румяные отблески заката, обливая багрянцемъ и золотомъ эту кипѣнь люднаго аула, еще болѣе жизни и красоты придаютъ ему. А тамъ дальше, за ауломъ, маревомъ лѣсныхъ идетъ зеленая понизь и только розовой змѣей, блистая на излучинахъ своихъ расплавленнымъ золотомъ, вьется узенькая рѣченка, пропадая тамъ, гдѣ и лѣса сами кажутся какими-то сѣроватыми облаками... А еще дальше, только въ сторону, стали грандіозные силуэты главнаго хребта, вершины котораго огнистыми коронами и пламенными кострами сверкаютъ надъ закурившимися уже вечернимъ туманомъ долинами.

— Что-же это, неужели тутъ и мусульмане живутъ? съ недоумѣніемъ указаль я на минаретъ пестрой, точно желтыми и голубыми изразцами покрытой мечети.

— Нѣтъ. Это ихняя мечеть, еврейская.

— Синагога?

Оказалось, что горные евреи всѣ свои синагоги строятъ такимъ образомъ. Ихъ не отличишь издали отъ мусульманскихъ мечетей. Иногда онѣ и расписаны въ татарскомъ вкусѣ.

Еврейскій аулъ, куда мы столь торжественно вступали, принадлежалъ еще недавно къ числу „немирныхъ“. Опъ держался Шамила и между мюридами этого властелина кавказскихъ горъ было не мало храбрецовъ отсюда.

Магомадъ-оглу навстрѣчу слышались привѣтствія. Мусульманинъ, презирающій городского еврея, ненавидящій русскаго, съ видимымъ уваженіемъ относился къ горнымъ евреямъ. Вообще окрестное населеніе нисколько не отличаетъ себя отъ нихъ. Случались даже и невѣроятныя сближенія. Горцы отдавали дочерей своихъ замужъ за евреевъ, а зачастую и сами евреи, по мѣстному обычаю, силкомъ увозили красавицъ изъ мусульманскихъ ауловъ. При такихъ обстоятельствахъ иногда начиналась безконечная „канля“ съ убійствами, грабежами, преслѣдованіями; чаще-же враги мирились и „прекрасная Елена“ какого-нибудь горскаго аула оставалась въ саклѣ у похитившаго ее Париса изъ племени израилева.

Чѣмъ ниже мы спускались, тѣмъ гуще была шумная толпа.

Подъ конецъ, не доѣзжая полуверсты до аула, мы двигались,

точно подхваченные волною. Нельзя было повернуть ни вправо, ни влѣво; со всѣхъ сторонъ сплошная стѣна любопытныхъ, быстро переговаривавшихся съ Магомадь-оглы. Сообщительность горныхъ евреевъ изумительна. Они сами выспрашивали насъ обо всемъ и, въ свою очередь, рассказывали свѣжія сплетни своего аула. Все это дѣлалось такъ добродушно, что не тяготило насъ. Эта болтливость была безъ назойливости. Интересовались они всѣмъ. Правда-ли, что турецкій султанъ истребилъ гяуровъ по всему лицу Порты оттоманской, правда-ли, что въ „Тыплизѣ“ женщины перестали носить шаровары, а облеклись въ кавіе-то широкіе зонтики? Правда-ли, что гдѣ-то втеченіи трехъ дней видѣли звезду съ тремя хвостами, а бѣлая собака заговорила по-человѣчьи и войну провозвѣстила? Правда-ли, что въ виду войны урусъ всѣхъ евреевъ забереть въ солдаты и заставить ихъ принять христіанскую вѣру? („Еще-бы не правда, подтверждаетъ сосѣдъ:—самъ мулла Ибрагимъ сказывалъ!“) А знаютъ ли „многочтимые хахамы“ (это—мы!) о томъ, что въ ихъ аулѣ нѣкая Шунамить только что родила тройни, по мѣстному обычаю, лежа на землѣ. „И всѣ мальчики!“ восторгались болтуны. Хозяинъ (т. е. мужъ) по этому поводу зажегъ у себя свѣчи и развѣсилъ по стѣнамъ золотыя бумажки съ именами разныхъ ангеловъ, которые и новорожденныхъ, и мать будутъ охранять отъ козней дьявола? Черезъ нѣсколько дней допустятъ къ ней женщинъ и тогда „мы сообщимъ вамъ остальное!“ успокаивали насъ евреи, точно судьба трехъ новыхъ гражданъ аула насъ интересовала въ одинаковой степени съ ними.

— Хозяинъ, вѣрно, позоветъ хахама на торжество обрѣзанія! додумывались съ одной стороны.

— Онъ богатый. Куръ и гусей подадутъ вволю! прибавляли съ другой.— Можете ѣсть сколько хотите.

— Мать два раза землю съ могилы пила!

— Не два раза, а одинъ.

— Ну, ты мало знаешь. Мнѣ сестра рассказывала.

Если роды очень трудны, то берутъ землю съ недавней могилы, разводятъ въ водѣ и даютъ выпить страдалицѣ. Не умирается боль—повторяютъ то-же средство, только еще глубже берутъ такую-же землю.

— Не знаете-ли вы, помогаютъ-ли отъ лихорадки перья бѣлаго пѣтуха? добивался какой-то старикъ.

— Да развѣ они персы, чтобы лечить больных? возражали ему. — Ты-бы старухъ своихъ спросилъ.

— Да онѣ ужъ лечили. Не помогаетъ.

— А колдунъ аульный что-же?

— Двухъ барановъ требуетъ, безъ того нейдетъ.

— Ай-вай, двухъ барановъ! Чтобъ душа его бабки подавилась ими на томъ свѣтѣ.

— Чтобъ ему никогда не ѣсть курятины.

— Вотъ ужъ собачій ротъ, воронье брюхо. Чтобы сакля его отца обрушилась на его голову!

— Подожди, персы пріѣдутъ, они вылечатъ.

Магома потомъ мнѣ объяснилъ, что сюда въ горы пріѣзжаютъ своеобразные аптекари — персидскіе брадобреи, которые за одно продаютъ и лекарства. Впослѣдствіи уже я узналъ изъ записокъ Гуды-чернаго, что цирюльники эти пріѣзжаютъ изъ Персіи и открываютъ на аульныхъ базарахъ публичную продажу лекарствъ и снадобій, приготовляемыхъ изъ разныхъ травъ. Вся ихъ аптека заключается въ большомъ мѣшкѣ. Каждый медикаментъ завязанъ отдѣльно въ грязную тряпку. Относясь къ нимъ съ полнѣйшимъ довѣріемъ, кавказскіе горные евреи ни за что не обратятся къ окружающему медику, подозрѣвая, что въ русскія лекарства подмѣшана свинина или что-либо трефное. Персидскіе медики-цирюльники, какъ рассказывали мнѣ въ аулѣ Гемейды, имѣютъ средства противъ всѣхъ недуговъ и несчастій. Они излечиваютъ бесплодныхъ жонъ и даже неспособнымъ мужьямъ возвращаютъ утраченныя силы. Злые бабы могутъ быть укрощаемы настоемъ изъ травы, предписываемымъ цирюльникомъ, отчаянные пьяницы начинаютъ чувствовать отвращеніе ко всему хмѣльному, когда такой магъ и волшебникъ скажетъ имъ какія-то три магическія слова на ухо. Если мужъ подозрѣваетъ свою Пенелопу въ измѣнѣ, ему стоитъ только принять лекарство и во снѣ онъ увидитъ всѣхъ ея любовниковъ; если жена, въ свою очередь, имѣетъ основаніе думать, что Менелай украсилъ ее рогами, стоитъ только прыснуть на спящаго водою, проданной персомъ, чтобы горный Довъ-Жуанъ въ бреду назвалъ имя разлучницы. Если супруги хотятъ имѣть именно мальчика, а не дѣвочку, персъ и тутъ посодѣйствуетъ таинственными чарами; къ нему-же обратится юноша, потерпѣвшій фіаско въ своихъ любовныхъ походахъ, и т. д. Вообще персидскіе

цирюльники здѣсь соединяютъ въ своихъ особахъ всѣ свѣденія медицинскаго факультета, съ прибавленіемъ разныхъ волшебствъ. которыя оставили-бы далеко позади популярную у насъ въ Петербургѣ дѣвицу Александрину.

Волна подхватившаго насъ народа внесла и коней, и всадниковъ въ узкій переулочъ аула. Тутъ зрители потѣснились, но навстрѣчу выспали новыя. Полныя любопытства лица мѣшались въ какое-то марево, такъ что у насъ головы заболѣли отъ усталости. Можно было поручиться, что все населеніе жило постоянно на улицахъ. Тутъ мѣстный башмачникъ выдѣлывалъ чевяки, тамъ сердобольная мать откровенно подмывала своего ребенка. Въ сторонѣ на виду спалъ яшакъ, а у самого брюха его столь-же аппетитно похрапывали двое погонщиковъ. Въ переулкахъ, вливавшихся подобно притокамъ въ главную улицу, сидѣлись группы громко оравшаго и размахивавшаго руками народа. Если бы я не былъ предупрежденъ уже, я-бы могъ подумать, что здѣсь случилось какое-либо необычайное событіе. На площадкахъ сидѣли кучки болтуновъ—и то-же оранье доносилось оттуда. Въ ауль мы опять прошли сквозь строй вопросовъ, отъ которыхъ никуда не уйдешь, никуда не спрячешься. Магомадъ-оглы, сохраняя спокойствіе, невозмутимо отвѣчалъ, когда его спрашивали, не видѣли онъ въ сосѣднихъ аулахъ шайтана, который, говорятъ, сбѣжалъ съ Мадлисской горы туда; не портить-ли этотъ шайтанъ шайтанъ по ночамъ, и что-же смотреть муллы: пора-де нечистаго возвратитъ опять на старое мѣсто жительства.

Въ открытыхъ лавкахъ засѣдали такія-же болтливыя толпы разнаго люда. Обыкновенно, когда не хватаетъ новостей и мѣстныхъ сплетенъ, горные евреи рассказываютъ другъ другу сказки о томъ, какъ Надиръ-шахъ во время оно разорялъ ихъ, какъ въ такую смутную пору еврейскаго настроенія являлись многоученые и добродѣтельные раввины, ради которыхъ Богъ спасалъ отъ гибели горское населеніе. Разумѣется, при семъ удобномъ случаѣ не обходилось безъ чудесъ. Острыя сабли персовъ отскакивали отъ священнаго пятикнижія, устрешенные небесными явленіями враги отступали отъ синагогъ, не нанося вреда народу, запершемуся въ этихъ убѣжищахъ. Но вотъ нашло съ юга видимо-невидимо полчищъ Надиръ-шаха. Особенно персы ненавидѣли израиля и народу божьему пришло отъ врага жутко. Ихъ даже и въ плѣнъ не уводили, а

убивали. Что было дѣлать? Кала-чирахскій еврейскій джамаатъ думалъ, думалъ да и рѣшился выселиться вонъ. Бросили свои сакли, свои сады оставили, кладбища, гдѣ лежали ихъ отцы и дѣды. Совсѣмъ опустѣлъ край. Задолго послѣ того мѣстный ханъ вздумалъ дворець строить. Чѣмъ тесать вновь камни да украшать ихъ выбивкой арабески, гораздо лучшимъ показалось ему воспользоваться надгробіями еврейскаго кладбища. Такъ и сдѣлали. Въ три дня и три ночи воздвигли ему громадное кала-чирахское Тюильери; краше этого дворца не было, пожалуй, ни въ Багдадѣ, ни въ Мосулѣ. Развѣ у падишаха въ Стамбулѣ да у Московъ-царя есть лучше дворцы. Да и то едва-ли! сомнѣваются еврейскіе сказочники. Торжествовалъ ханъ это событіе три мѣсяца и, наконецъ, перебрался въ новыя палаты. Но тутъ ужъ начались такія чудеса, о какихъ ни одна душа не слыхала. Расскажи хахаму — такъ и онъ, пожалуй, не повѣритъ, потому что ни въ одной книгѣ чудесъ такихъ не найдешь. Каждую ночь стѣны дворца оглашались рыданіями. Плакали камни! Мало этого, со всѣхъ ограбленныхъ кладбищъ еврейскихъ приходили сюда плакать мертвецы, лишенные своихъ надгробій. Кто проходилъ ночью, тотъ видѣлъ, какъ бѣлыя фигуры становились каждая у своего камня и, прислонясь головой къ нему, причитала до утра. Вѣтеръ разметывалъ во всѣ стороны ихъ волосы, разбрасывалъ бѣлыя саваны, но не могъ заглушить ихъ отчаяннаго вопля. Наконецъ черезъ недѣлю умерли ханскія дѣти. Ни одного въ живыхъ не осталось; послѣ нихъ умерли его жены; въ пятомъ актѣ этой горской мистеріи умираетъ самъ ханъ, всѣ его приближенные; все, что дышало въ этомъ дворцѣ, — все погибло. Не осталось ни одного коня, ни одного пса, даже несчастныя кошки подошли. Послѣ того и мертвецы перестали посѣщать это гибельное для всего живого мѣсто. Черезъ пятьдесятъ лѣтъ здѣсь попробовали вновь поселиться люди — и опять вымерли.

Развалины, говорятъ, стоятъ и до сихъ поръ, мрачныя и безлюдныя. Татары мимо нихъ и ходить боятся. Смѣльчава, пожалуй, мертвецы задушатъ, какъ задушили они хана, не пожалѣвъ ни жены его, ни дѣтей, ни садовъ, ни осла, ни всякаго скота его. Легенда объясняется очень просто. Камень на могилы употребляется здѣсь поздраватый. Въ немъ, можетъ быть, сохранились испаренія отъ гнѣющихъ подъ тонкимъ слоемъ земли труповъ и первые обита-

тели сказочнаго дворца въ знойное лѣто погибли всѣ отъ зараженнаго воздуха этого горскаго Тюльери.

Вотъ круто внизъ сбѣгаетъ узенькій проулочекъ. По правую и по лѣвую сторону его журчатъ ручьи по камнямъ. Вездѣ сакли съ лавками и мастерскими. Оттуда гремятъ молоты, слышатся татарскія пѣсни, популярныя въ средѣ горскихъ евреевъ. Голые до пояса работники выскакиваютъ поминутно на улицу, поболтаютъ съ сосѣдями и опять за дѣло. И все это стремглавъ, все это сторяча, точно надъ ними рушится крыша или земля проваливается подъ ногами. Переулочъ оказался, къ удивленію, вымощеннымъ, но не на радость намъ. Изъ сакель выливаютъ сюда всякую неподходящую жидкость. Поэтому спускъ до того скользокъ, что моя лошаденка раза два разбѣзжалась, широко раздвигая ноги. Наконецъ толпа, сопровождавшая насъ, помогла горю. Нѣсколько человѣкъ уцѣпились за хвосты лошадей и въ то время, какъ послѣднія скользили внизъ, живые тормазы тянули ихъ за хвосты назадъ. Шестивѣ это было столь комично, что я нѣсколько разъ принимался хохотать, потѣшаясь надъ серьезною важностью Магомы, принимавшаго помощь сановито и благосклонно, какъ нѣчто достойное и неизбѣжное. При этомъ „носители хвоста“ оглушали насъ криками, подобныхъ которымъ мы нигдѣ не слышали. Я думаю, что отъ этихъ воплей другая, не горская лошадь давно-бы стремглавъ кинулась внизъ, оставивъ хвостъ, какъ трофей побѣды, въ рукахъ у неистовыхъ горлановъ.

Чтобы понять оригинальность этой картины, представьте себѣ пестроту народа, горячій свѣтъ уже заходящаго солнца, обливавшій и насъ, и нашу свиту, и сѣрыя мазанки, и зеленую лѣсную долину внизу, и молчаливые силуэты туманныхъ горъ по сторонамъ.

А ночь ужъ наступала и, по мѣрѣ того, какъ гасла рѣка, какъ контуры лѣса теряли своеобразныя формы и сливались въ одно синевато-сѣрое море, какъ изъ-подъ нашихъ глазъ въ синіе сумерки уходили узкіе переулки люднаго аула, какъ на западѣ розовая полоса все узилась и узилась, — смолкали и говоръ толпы, и бряцаніе бубенцовъ на ослахъ, шлявшихся на улицахъ, и пѣсни молодыхъ дѣвушекъ, ткавшихъ на кровляхъ своихъ сакель пестрые шнуры, производствомъ которыхъ славятся еврейскіе аулы горнаго Дагестана... Скоро изъ тихаго, словно ползкомъ разбѣ-

гавшагося гула громко выдѣлялся стукъ отъ копытъ нашихъ лошадей да гулъ рѣченки въ порогахъ. Толпы, провожавшія насъ, ноотстали. Каждый торопился домой.

Сумерки сгущались... Чѣмъ ниже спускались мы, тѣмъ становилось сырѣе и прохладнѣе. Тутъ уже подымался туманъ... И вмѣстѣ съ туманомъ донеслось къ намъ благовоиное дыханіе азалий, смѣшанное съ дивнымъ ароматомъ кавказской дафны... Скоро направо и надѣво сакли стали порѣже; мы выѣзжали на край аула, гдѣ жилъ кунакъ Магомадъ-оглы.

Вотъ въ туманѣ сверкнулъ огонекъ и кто-то взялъ подъ уздцы мою лошадь.

— Барухъ-габо!..

— Шеломъ-алейхемъ...

Чувствую, что кто-то держитъ стремя; пора-бы съ лошади сойти, а голову такъ и клонить, глаза смыкаетъ дрема... Должно быть, страшно затомился за весь этотъ богатый впечатлѣніями день, да и запахъ цвѣтовъ душилъ до одури; а тутъ еще откуда-то только-что распустившимися миндальными деревьями пахнетъ!.. Или, можетъ быть, лавровишни зацвѣли... это ихъ густой аромать.

Послѣднее впечатлѣніе — какое-то бородатое лицо внизу да крупная золотая звѣзда въ вышинѣ темно-синяго ночного неба... Потомъ унылая, за сердце хватающая пѣсня, но слышаль-ли и ее дѣйствительно или во снѣ приснилась — хоть убейте, ничего уже не помню.

VII.

Израиль воинствующій у сева дома.

Удивительно замираетъ мысль въ царствѣ горныхъ вершинъ.

Кругомъ все такъ громадно. Въ гордомъ величїи стоятъ эти гиганты, блистая снѣговыми коронами и подпирая недосягаемыя голубыя выси. Безпросвѣтною глушью лѣсною одѣты ихъ крутня подножья. Вѣчно зеленые остролисты заполонили ущелья. Въ ихъ сырѣи и молчаливомъ сумракѣ мелькаютъ вѣтвисторогія головки красивыхъ козулъ. Съ нагорныхъ скалъ гремятъ неугомонные водопады, неизвѣстно сколько тысячелѣтїй долбя вершины сѣрыхъ утесовъ внизу, и обѣгутъ дальше кристалльными ручьями. Вьется таковой

ручей по сырому лѣсу, пробивается сквозь массы гнѣющихъ вѣтвей бурелома, опрыскиваетъ холодною влагой громадные оранжевые грибы, точно шапки чьи-то, разбросанныя по мягкимъ низинамъ. А въ миндальную рощу попадетъ — весь розовыми цвѣтами усыплется. И не видать чистыхъ струйъ подъ этимъ благоухающимъ слоемъ лепестковъ, свѣянныхъ тихимъ вѣтромъ съ вѣтвей, тутъ-же чуть-чуть вздрагивающихъ надъ ними. А тамъ дальше, гдѣ миндальнымъ роцамъ ковецъ, цѣлое море фіалокъ. Зайдешь сюда — спрячутся за раскидистыми вершинами обступившихъ тебя каштановъ горныя выси — и снова работаетъ мысль, снова чувствуетъ она свою мощь! И любу ей среди зеленого царства, и привольно ей подъ этими тѣнистыми сводами.

Проснулся я рано и первое впечатлѣніе было — эти чудныя горы съ каменнымъ великолѣпіемъ ихъ утесовъ, съ смутными призраками тумановъ, цѣплавшихся, мѣняя свои очертанія, за темныя скалы съ густою синью ущелій. Тянуло туда. Эта заманчивая синь особеннымъ образомъ дѣйствуетъ на душу; она неизвѣстностью своей околдовываетъ. Вѣдь знаешь, что и тамъ такіе-же плоскокровельные аулы, а чудится все-таки что-то сказочное, зовущее, невѣдомое. Тутъ точно все извѣдано, все опостылѣло, а настоящее поэтическое, ласковое, обаятельное — тамъ, именно за эту таинственную синью.

— Хахамъ, хахамъ!.. послышалось позади.

Въ окно смотритъ кудлатая голова, за нею Магомадь-оглы.

Въ саклѣ уже горѣлъ каминъ и въ огнѣ его пыхтѣлъ и ворчалъ маленькій котелокъ. Точь-въ-точь лапландская тупа; изъ грубаго камня сложено устье камина, глиняная труба доходитъ до крыши. Закрываютъ ее также доской, придавливая ее камнемъ. Одно неудобство въ этихъ сакляхъ: въ нее не входитъ, а вползать приходится. Дверь низенькая. А изъ комнаты въ комнату еще и того хуже: какія то норы, звѣриныя лазейки. За то чисто очень. Стѣны видимо смазываются часто известкой, глиняный полъ убитъ плотно и на немъ нѣтъ никакого сора. Разная посуда такъ и блеститъ на полкахъ, высокіе кувшины по угламъ съ изящной рѣзбой. Есть и серебряныя, тѣ на виду красуются вмѣстѣ съ громадными мѣдными подносами, на каждомъ изъ которыхъ легко могла-бы помѣститься одна изъ семи тучныхъ коровъ, видѣнныхъ во свѣѣ Фараономъ. И зеркала даже есть, но вродѣ на-

шихъ деревенскихъ, показывающія два носа вмѣсто одного, какое-то строфокамилово яйцо вмѣсто глаза и что-то вродѣ колоссальнаго ежа вмѣсто кудлатой головы нашего хозяина. Вокругъ зеркала — шашки, пистолеты, ружья, кинжалы, даже два турецкихъ ятагана. Пистолеты въ серебряной оправѣ съ чернью, ружья съ серебряной насѣчкой. Постели до потолка и сундуки одинъ на другомъ довершаютъ убранство комнаты. Кровля поддерживается деревянной баласиной, вродѣ очень не изящной колонны. Она вся увѣшана оружіемъ. Тутъ цѣлый арсеналь. Горные евреи столь-же гордятся этими смертоносными орудіями, сколько гордятся ими чеченцы и лезгины. Оборванецъ изъ этого израиля воинствующаго, поражающій васъ невозможными лохмотьями, откровенно выказывающими всѣ прелести его сильнаго, хоть и не совсѣмъ красиваго тѣла, непременно щегольнетъ парюю пистолетовъ съ окованными въ серебро головками или великолѣпнымъ кинжаломъ съ сплошь унизанною бирюзкою рукоятью. Тутъ, въ горницѣ, кузачкой, даже очень красиво было. Свѣтъ яркаго дня билъ прямо въ открытыя окна и выхватывалъ изъ сумрака пестрые разводы шелковыхъ матерій, развѣшанныхъ по стѣнамъ, пурпурныя наволочки круглыхъ цилиндрическихъ подушекъ, одѣяло изъ ярко-зеленой мови, и въ тысячи искръ дробился, скользя по цѣлому арсеналу разнаго оружія. Какая-то бабенка съ завѣшаннымъ лицомъ внесла и разстлала кубинскій коверъ.

Если-бы я былъ настоящій хахамъ, т. е. еврейскій ученый, для моего приѣма хозяева исполнили-бы цѣлый рядъ церемоній. Цѣлый день меня осаждали-бы посѣтители толпами. Вся подноготная аула раскрылась-бы передо мной въ ихъ разсказахъ, потому что „гостю не должно быть скучно ни подъ какимъ видомъ“. Въ свою очередь, и я-бы долженъ былъ разсказать тысячу разъ, зачѣмъ, куда и откуда ѣду, и что я встрѣчалъ на пути, какіе народы видѣлъ и какихъ обычаевъ эти народы держатся, сообщить всѣ новости видѣнныхъ мною странъ, разсказать о своей семьѣ и своемъ городѣ все, что знаю, толковать о политикѣ Фиренгистана, о коварствѣ инглиза, объ ученыхъ муллахъ, къ которымъ, несмотря на свою вѣру, евреи относятся съ величайшимъ уваженіемъ. Нельзя точно опредѣлить, къ кому они чувствуютъ больше почтенія — къ раввину или муллѣ, который пишетъ имъ всевозможныя бумаги, даетъ имъ совѣты, служитъ для нихъ чѣмъ-то вродѣ мирового

судьи, посвящаетъ ихъ въ тайнства магіи и чародѣйства. Хахама, если онъ сбѣденъ, надѣлать деньгами и хлѣбомъ и проводить до слѣдующаго села, такъ что ученый раввинъ можетъ пропутешествовать по всѣмъ горнымъ ауламъ израиля воинствующаго, не истративъ ни копейки. Напротивъ, еще съ собою привезетъ небольшія деньги.

Хозяинъ мой оказался человѣкомъ очень недюжиннымъ. Это былъ настоящій типъ воинственнаго горца. Магомадъ-оглы рекомендовалъ его, какъ храбреца, не разъ во времена оны схватывавшагося съ нами. Въ самомъ дѣлѣ, Мамре-ага (почему мой проводникъ произвелъ его въ „аги“ — не знаю) изъ молодежи своего аула, въ отвѣтъ на призывъ Шамиля, составилъ небольшой отрядъ, который сильно беспокоилъ русскихъ. Къ этой отчаянной шайкѣ примкнули нѣкоторые окрестные мусульмане, вовсе несчитавшіе позоромъ подчиниться вождю изъ племени израилева. Мамре-ага былъ не только воинственнымъ горцемъ, но и ловкимъ шпиономъ считался, — разумѣется, для своихъ. Явится, бывало, въ русскія войска подъ видомъ торговца, высмотритъ все, не упуститъ случая съ выгодой распродать барановъ или битую дичь, а ночью — руководитъ набѣгомъ и самъ во главѣ своихъ узденей вихремъ врывается въ успѣвшія построиться и оцѣтенившіяся штыками колонны. На лбу и на щекѣ у Мамре до сихъ поръ громадный рубецъ багровѣтъ — слѣдъ отъ сабельнаго удара лихова кубанца, который, впрочемъ, самъ попался ему въ плѣнъ и цѣлую недѣлю высидѣлъ у него въ ямѣ подъ саклей. Нужно было посмотрѣть на яму, чтобы убѣдиться, какъ скверно здѣсь было плѣнному. Земляныя стѣны. окно сверху, если считать окномъ дыру какую-то, — ничѣмъ не лучше бухарскаго клоповника. Сверху въ дождь льетъ, а вздумается хозяину или остервенѣвшимъ бабамъ закрыть отверстіе доской — хоть задохнись тамъ, среди невыносимаго срада и безпросвѣтной тьмы.

— Ну, а потомъ что-же было?

— Заболѣлъ, совсѣмъ съ лица опалъ; заговариваться сталъ. То пѣсни поетъ, то плачетъ, — ну, и пожалѣли его.

— И умеръ?

— Нѣтъ, мы его взяли оттуда. Вывели, въ саклѣ жилъ. Только на цѣпи. Потомъ Гаджи-Мурату продалъ его!.. Пять тумановъ взялъ.

И все это совершенно равнодушно, точно онъ медвѣдя поймалъ, подержалъ его на цѣпи, а потомъ и сбылъ выгодно лубителю.

— Зачѣмъ-же большого-то на цѣпь сажать?

— Да развѣ онъ баба?.. Онъ мужчина. А мужчину только цѣпью въ плѣну удержишь. Не обрѣжь орлу крылья, выше облаковъ подыметъ, такъ и „настоящій человѣкъ“, изумлялся моею недогадливости Мамре-ага.

Я сталь-было ему объяснять, что за-границей плѣнныхъ освобождаютъ на честное слово.

— Вотъ еще что выдумалъ!.. Это не мужи, это бабы, только они по ошибкѣ папахи надѣли. Имъ-бы канаусовые шаровары да замужь ихъ отдать!.. Что они, развѣ курицы! Въ курятникѣ и свободно, только ястреба тамъ не удержишь. Только для курицы въ курятникѣ довольно мѣста. Воробью отвори кѣтку — и онъ вылетитъ на свободу.

Мамре-ага славился особеннымъ искусствомъ устраивать засады. Тутъ по всѣмъ окрестностямъ у него не было соперниковъ. Рассказывали про такіе случаи, гдѣ не зналъ я, чему удивляться, дерзости этого израильскаго кондотьери или его мужеству. Во главѣ пяти-шести человѣкъ ему удавалось пробираться за русскую цѣпь, въ районъ, занятый отрядомъ, и тамъ, высидивъ по десяти, двѣнадцати часовъ въ кустахъ или въ травѣ, выхватывать нѣсколько жертвъ. Разъ, такимъ образомъ, онъ выпаралъ чуть не изъ середины лагеря какого-то юнаго офицера, который, впрочемъ, не долго былъ въ горахъ. Повторилась исторія „Кавказскаго плѣнника“. Русский бѣжалъ изъ аула въ сопровожденіи одной изъ мѣстныхъ красавицъ.

— Одно скверно, когда ваши съ собаками приходили. Тогда нельзя было. Собаки все вынюхаютъ.

— Этакая собака одна цѣлаго отряда стоять!.. прибавилъ Магомедъ-оглы. — У нея сердце и мозгъ — человѣчьи, философствовалъ онъ.

— Она не только въ бою, она и такъ выскрываетъ горцевъ, слѣды отгрызаетъ, за версту его чувствуетъ.

— А когда до драки дѣло дойдетъ, собака впереди. Прямо за горло хватаетъ. И любили-же ихъ ваши солдаты! Раненыхъ изъ бою выносили, лечили въ лазаретахъ своихъ. Холодно — подъ

шинелями держали. Съ солдатами собаки эти спали вмѣстѣ, ѣли изъ одной чашки. Разъ мнѣ удалось живьемъ захватить такую въ одномъ набѣгѣ. Привезли домой, думали къ себѣ приучить. Нѣтъ! Ничего не ѣсть, только воетъ все, а подойдешь—зубы скалить и въ горло вцѣпиться норовить. Застрѣляли. Что съ ней дѣлать было иначе?

Я думаю, впрочемъ, что собаки эти могли-бы ѣсть и изъ одной посуды съ израильтянами воинствующимъ. До чего неопрятны здѣсь евреи горные—представить себѣ нельзя. Я остановился въ саклѣ зажиточнаго человѣка, но и у него ни котлы, ни подносы, ни тарелки не были вымыты вовсе. Запахъ отъ всего отвратительный, такъ-что ѣшь поневолѣ, не желая обидѣть хозяина, который считаетъ оскорбленіемъ отказъ гостя отъ скверно и неряшливо-приготовленной похлебки. Къ тому-же и чесноку во все они валяютъ сверхъ мѣры. Вина вамъ подадутъ—и стаканъ найдется, но въ стаканѣ этомъ грязи, мухъ, гадости всякой цѣлыми слоями налипло. Вымойте—на васъ посмотрятъ съ удивленіемъ, какъ на большого чудака и брызгу. Вотъ-де охота человѣку возиться напрасно! Пожалуй-бы, обидѣлись даже! Деревянные кружки, на которыхъ подаются рыба, рисъ и т. д., насквозь жиромъ пропитаны; еще остатки вчерашней трапезы, насохшіе на нихъ, не отскреблены, а хозяйка преравнодушно валить новое варево. При томъ, не менѣе отвратительный обычай, по которому передъ началомъ обѣда глава семьи собственноручно рветъ чуревъ (хлѣбъ) на куски и кидаетъ эти куски присутствующимъ. Тѣ ихъ ловятъ на-легу.

— Дай тебѣ Богъ всякаго благополучія! отвѣчаетъ гость и сейчасъ-же проглатываетъ такой кусокъ. Я это дѣлалъ, стараясь не смотрѣть на руки своего амфитріона, который, повидимому, страдалъ водобоязнью, а объ мылѣ и помину нѣтъ.

— Примите, дорогіе гости!..

Вы оглядываетесь; за вами цѣлая процесія бабья разнаго, притомъ прегнуснаго вида, со всевозможными яствами, отъ которыхъ разить и прогорклымъ масломъ, и лукомъ. Тутъ и баранья похлебка, гдѣ курдючьяго сала больше, чѣмъ навару, и пловъ опять съ неизбѣжнымъ курдючьимъ саломъ, и мясо съ чеснокомъ, и варенныя въ сахарѣ яблоки и сливы. Послѣднее не совѣтую пробовать. Въ это „сладкое“ евреи обильно прибав-

ляютъ того-же универсальнаго курдючьяго сала. Больше всего въ ихъ обѣдѣ понравились мнѣ удивительно-ароматическія травы, которыя ѣдятъ съ хлѣбомъ.

Удивительно, сколько можетъ съѣсть еврей во время праздничнаго обѣда, какимъ считается обѣдъ, устраиваемый по поводу пріѣзда гостя. Куда нашимъ извозчикамъ на постоялыхъ дворахъ! Тутъ — безъ конца. Пять разъ обнесутъ пловомъ, по три раза за хинкаль принимаются. На кутумъ насыдутъ — все уничтожать, что подано, а въ антрактахъ, для разнообразія и возбужденія аппетита, головки лука и чеснокъ — нещадно истребляются! А тотъ-же еврей въ будни у себя за столомъ, кромѣ чурека да чеснока, ничего не видитъ и сытъ и доволенъ бываетъ. Тѣмъ не менѣе, я думаю, что такихъ растяжимыхъ желудковъ ни у кого нѣтъ.

Большое вниманіе и особенная честь со стороны хозяина, если онъ самъ, собственными своими пальцами, разорветъ для васъ вареное мясо на куски или точно такимъ-же порядкомъ предложить вамъ копченую рыбу... Еще странный обычай. Встрѣчая евреевъ въ Россіи, и особенно въ западныхъ губерніяхъ, вы привыкли къ ихъ умѣренности. Народъ трезвый; пьяный еврей — рѣдкость. Правы израиля воинствующаго не таковы. Вино они пьютъ до остервенѣнія. Тосты провозглашаютъ одинъ за другимъ.

Право, подумаешь, что это наши братья славяне.

— Здоровье твоего дѣда! обращается къ вамъ хозяинъ, когда весь наличный составъ болѣе близкихъ родныхъ истощенъ. — Хорошій человекъ былъ! заключаетъ онъ, точно очень близко знакомъ съ нимъ былъ.

— Большой джигитъ! прибавляетъ другой, думая, что все это вамъ доставляетъ особенное удовольствіе.

Пьютъ всѣ, желая здоровья вамъ и мирно почившему предку вашему. Вы пробуете объяснить, что „большой джигитъ“ давнымъ-давно въ землѣ сырой. „Ну, все равно, тамъ ему будетъ лучше!“ — И они благочестиво возносятъ очи гдѣ.

— За кунаковъ кунака твоего! За братьевъ друга твоего!

Пьютъ.

— Чтобы пистолотъ твой никогда не давалъ осѣчки!

— Чтобы въ полѣ у тебя кукуруза всегда родилась!..

— Пусть Господь пошлетъ ангеловъ въ сады твои!

И за ангеловъ пьютъ.

— На посрамленіе твоихъ враговъ!..

— Чтобы подъ ними лошадь всегда спотывалась!

И по поводу враговъ выпили.

— Чтобы твоя папаха дольше носилась!

Бываютъ очень неподходящіе тосты, весьма скабрзанаго содержания, недоказывающіе, чтобы израиль воинствующій былъ особенно на языкъ воздерженъ.

Только за женщинъ не пьютъ. Большой нескромностью считается о женщинахъ говорить или интересоваться здоровьемъ жены, дочерей, сестеръ... И рады вы, когда, наконецъ, пирушка заключается послѣдними тостами и охмѣлѣвшіе, но неизмѣнно хранящіе восточную солидность гости или расходятся, или похрапываютъ у стѣнъ, опираясь на мягкія подушки, до тѣхъ поръ, пока сыновья не растащутъ ихъ по домамъ. Дѣлается это въ сумерки, потому что горнецъ ни за что не покажется на улицахъ своего аула пьянымъ среди бѣлаго дня. Это считается большимъ позоромъ. „У него соломенные ноги!“ говорятъ про такого.

Подъ вечеръ, когда синимъ сумракомъ окутало окрестности и вся гора уже засвѣчивалась огоньками, робко еще боровшимися съ послѣдними отсвѣтами отгорѣвшаго дня, у дверей сакли послышалось громкое ржаніе коней и говоръ многихъ голосовъ. Видимо, совершалось что-то важное, потому что бывшіе въ саклѣ встрепенулись и зашептались.

— Должно быть, наши пріѣхали!.. Съ погони!..

Въ саклю почтительно вошло четверо молодыхъ людей. Красавецъ къ красавцу—точно на подборъ. Вотъ-бы интереснымъ барышнямъ показать! Черты тонкія, красивыя, складъ тѣла сильный, но стройный. Плечи широкія, талія въ перехватъ.

— Ну, что, выслѣдили?

— Нашли... Лисица показала хвостъ.

— Что-жь вы ее не поймали?.. А еще молодцами называетесь! Вамъ-бы у аульной печки хлѣбъ печь съ бабами да сплетничать съ ними, да мѣрять, у кого шаровары шире... Ой, вы!.. Еще жениться собираетесь. Да васъ бабы иголками обидятъ и жаловаться вы на нихъ побѣжите своей бабушкѣ или матери... Безсовѣстные!.. Васъ-бы посадить на яшаконъ, лицомъ къ хвосту, да и провезти такъ по аулу. Дѣвки блудливыя!..

Молодежь молчала.

— Или она васъ хвостомъ напугала, лисица эта?

— У лисицы лисенятъ много...

— Что-жь, они шайкой одной?

— Выѣсть всѣ. Два дыма было, а за каждымъ дымомъ по шести человекъ сидѣло. За подмогой вернулись.

Я не понималъ, въ чемъ дѣло. Оказалось потомъ, что украденную дѣвушку отбивать собирались. Похитители прятались въ окрестностяхъ. Преслѣдователи наткнулись на нихъ, да спасовали. За двумя кострами двѣнадцать удалцовъ оказалось.

— Что-жь, она плачетъ?

— Какое, — смѣется! Поди, говорить, скажи роднымъ, что не хотѣли отдавать по согласію, я и такъ обошлась.

— Говорили отцу?

— Нѣтъ... „Арисъ“ (женихъ законный, отъ котораго она бѣжала) въ аулъ послалъ. Совсѣмъ потерялъ голову, бѣдный.

— Чего-же вы сюда-то сунулись?

— Да вашихъ храбрецовъ звать пришли.

Двое племянниковъ хозяина вызвались ѣхать. Понятно, что и я не могъ пропустить этого зрѣлища, тѣмъ болѣе, что оно скорѣе походило на офенбаховскую оперетку, въ которой недремлющіе стражи порядка, *messieurs les sahabiérs*, проходятъ мимо самаго носа разбойниковъ, великодушно ихъ не замѣчая, чѣмъ на настоящую трагедію съ воплями и стонами, съ кинжальными ударами, кровью и чадомъ пожарищъ... Дѣло должно было окончиться неизбѣжно миромъ. Погоня была формальностью. Только слѣдовало попытаться отбить украденную родственницу, которая недѣли черезъ три, все равно, сама явится. Да и всякій изъ преслѣдователей при подходящемъ случаѣ сдѣлалъ-бы то-же самое.

Когда мы вышли садиться на лошадей, ночь уже зажгла въ темныхъ небесахъ мириады своихъ неугасимыхъ лампадъ и вой чекалокъ уже замиралъ въ глуши окутанныхъ мракомъ ущелій... Было свѣжо, хорошо, пахло скабіозами, лошади бодрились и постукивали копытами о землю. Въ аулъ блистали огоньки... Гдѣ-то слышалась гортанная пѣсня и какія-то струны трепетали медленно и нѣжно... „Другъ мой, другъ далекій, вспомни обо мнѣ!“ такъ и хотѣлось крикнуть прямо въ лицо этой холодѣющей ночи...

VIII.

ОБЪЯВЛЕНІЯ РАЗВОЙНИКИ И ЕВРЕЙСКАЯ САМОБРУТКА.

Какая это была чудная ночь...

Наши кони, сторожко храпя и потряхивая головами, поднимались въ горы. Путь былъ крутъ, таеъ что лошади буквально цѣплялись за каждый выступъ камня передними ногами, упираясь въ твердую почву задними. Сучья съ благовонными цвѣтами хлестали въ лицо, и немудрено: среди этого теплаго мрака тропинка казалась черною щелью. Не различишь, гдѣ нагнуться, гдѣ нѣтъ. Ни одной звѣзды вверху, потому что вершины деревьевъ переплетались въ непроницаемые своды. Тамъ слышался порою тихій шелестъ, хотя вѣтра и въ поминѣ не было. Точно размахъ какихъ-то мягкихъ крыльевъ порою мимо ушей. Разъ что-то теплое, мягкое, бархатистое ударило мнѣ прямо въ щеку и съ тихимъ пискомъ шарахнулось въ сторону. Противное ощущеніе — должно быть, летучая мышь. Въ черной чащѣ порою бриліанты, изумруды и яхонты вспыхивали, смѣшиваясь съ золотистымъ блескомъ желтаго топаза и краснаго рубина. То по одиночѣ, то кучками, точно въ воздухѣ дрожать и мерцаютъ головные уборы лѣсныхъ силфовъ. Посвѣтить, посвѣтить, переимѣнить нѣсколько цвѣтовъ и вдругъ потухнетъ, точно водою вспрыснутая искра. Одинъ поворотъ тропинки — и новая чудная деталь этой великолѣпной картины. Тихо журчитъ лѣсной ручей, сонно, медлительно, словно спать ему самому захотѣлось, словно эта молчаливая ночь унимаетъ его шаловливыя серебряныя струйки. Надъ нимъ вьются нѣсколько свѣтляковъ и отраженіе ихъ зыблется въ водѣ; ни позади, ни впереди ручья не видно, только одинъ этотъ лоскутокъ...

Тропинка все круче и круче. Приходится, чтобы не таянуло назадъ, нагибаться къ самой шеѣ коня.

— Сойти съ лошадей надо! говорить мнѣ увязавшійся за нами Магомадъ-оглы.

— Зачѣмъ?

— Трудно... Вонъ впереди всѣ уже пѣшкомъ идутъ. Только подъ уздцы возьми.

Такъ и сдѣлали.

Наверхъ, дѣйствительно, трудно было подыматься, тѣмъ болѣе, что подъ ноги совались постоянно, должно быть, узловатые, свившіеся, какъ змѣи, корни деревьевъ. Наткнешься и летишь лицомъ въ сочную траву. Да и подозрительное шуршаніе какое-то по сторонамъ слышится. Не змѣи-ли, недаромъ самая гора называется Змѣиной.

— Что, развѣ тутъ змѣй много?

— Прежде было... Царь ихній жилъ на этой горѣ. Въ пещерѣ...

— Кто-жь его видѣлъ?

— Никто. Только и до сихъ поръ въ этой пещерѣ золотыя кольца да битую посуду, изъ которой ѣлъ онъ, находятъ... Могучій царь былъ. Могъ всякій образъ принять на себя. И волкомъ, и лисицей, и чекалкой, и медвѣдемъ. У него на головѣ три короны блистали: одна рубиновая, другая яхонтовая, а третья алмазная... Большой былъ царь. Каждый день ему по три мальчика и по три дѣвочки приносили, за то змѣи не трогали никого. Ваша Мириамъ (Богоматерь) помогла. Дочь одного священника должна была идти на съѣденіе змѣиному царю. Ну, отецъ молиться сталъ. Мириамъ приняла ея образъ и вмѣсто нея пошла къ змѣѣ. Какъ увидѣлъ ее змѣинный царь, дрогнулъ и въ самое нутро горы вползъ со всѣми своими подданными. Изъ пещеры въ „сердце“ горы жила тянулась. Ну, тогда Мириамъ заклала змѣй, чтобы онѣ вышли изъ своей тюрьмы только тогда, когда ето-нибудь на этой горѣ храмъ ея разрушить...

— А развѣ здѣсь есть церковь?

— Древняя стоять... Пустая давно...

— Магомадъ-оглы, будь другомъ, покажи...

Въ моемъ воображеніи такъ и возникла разомъ поэтическая картина развалинъ въ темномъ царствѣ этого дремучаго лѣса.

— Послѣ... Вотъ догонимъ невѣсту, а тамъ видно будетъ... Да они далеко еще, развалины эти. Ну, какъ ‘заклала Мириамъ змѣй, ни одна не показывается здѣсь. Только какъ заночуешь на горѣ, такъ ночью слышится, какъ внутри, далеко, далеко подъ землею, что-то шуршитъ, и стонетъ, и шикаетъ, и свищетъ. Это онѣ... Это царь змѣинный ищетъ выхода, да не находитъ его, и шипитъ отъ злости. А то волкомъ въ горѣ завоетъ или, какъ ре-

бѣнокъ, плакать начнеть. Тоже на свѣтъ выйти хочеть. А то у него тамъ дня нѣтъ, все ночь, хоть и живеть онъ въ алмазныхъ палатахъ, гдѣ чудесныя звѣзды горять...

Иногда по сторонамъ болѣе злобщіе звуки слышались. Что-то тяжелое, грузное, массивное шарахнулось отъ насъ въ чащу, такъ что долго послѣ того трещали сучья, все тише и тише, и замиралъ шорохъ встревоженнаго звѣря. Хорошо еще, если такимъ образомъ кабана вспугнешь, а то вѣдь въ эти горы зачастую и тигръ жалуетъ, а про леопарда и толковать нечего — постоянный гость. Выхватить-же изъ насъ любого и труда особеннаго нѣтъ... Оружіе за спиною, бредемъ черезъ силу, темно, и не увидимъ даже, какъ не досчитаемся товарища. Положеніе скверное. Даже передовые остановились, видно переговариваются, что дѣлать?..

— Въ прошломъ году также мохнатый чортъ унесъ Абдуль-Рахима. Потому только обрывки платья, папаху да кости наши.

— А помнишь, какъ здѣсь звѣрь русскаго чиновника попортилъ?

Толковали, толковали и не нашли ничего лучшаго, какъ зажечь сучья какого-то сильно пахучаго смолистаго дерева и съ этими импровизированными факелами идти впередъ. Вѣсь остановились на нѣсколько минутъ. Слышимъ, какъ ломаются вѣтви. Лошади пугливо храпятъ, а ночь еще чернѣе, еще непрогляднѣе...

Вонъ вспыхнуло ярко-красное пламя. Другой огневой языкъ выхватилъ изъ тьмы сѣрые стволы какихъ-то сумрачныхъ великановъ; третій еще дальше загорѣлся, освѣтивъ какое-то бородастое лицо, сіяющее самой беззавѣтной дѣтской улыбкой. Четвертый прямо передъ понуренной мордой вороного коня. И трещать сучья, и раскидываютъ по сторонамъ снопы яркихъ искръ. Вмѣстѣ съ свѣтомъ послышались шутки. Кое-гдѣ смѣхъ, громкій, откровенный. Дали и мнѣ цѣлый пукъ смолистыхъ вѣтвей; зажечь у Магомада; смотрю — надо мною въ вышинѣ висятъ, какъ борода, длинныя волокна чужедныхъ, перебрасываясь съ одного дерева на другое. Такой длинной бахромы, пожалуй, и надъ тронами средневѣковыхъ сюзереновъ не колыхалось съ ихъ торжественныхъ катафалковъ. Теперь вся тропинка съ ея извилами намѣчивается чудесно. Вонъ огоньки впереди повернули вправо, круто повернули, точно мы назадъ собираемся идти. Вотъ налѣво взяли... Какіе-то сѣрые камни по сторонамъ. Неужели близка вершина,

что пошли утесы? Мой факель освѣщаетъ чью-то широкую спину впереди и крупный задъ сѣраго коня, помахивающаго хвостомъ.

— Теперь безопасно, говорить Магома рядомъ. — Ни одинъ звѣрь на огонь не пойдетъ. Особенно, какъ увидить, что насъ много.

Общительность евреевъ сказалась и при этомъ. Пока темно было, всѣ молчали; точно ночь давила. Теперь молодежь расхвсталась такъ, что передъ ея воображаемыми подвигами поблѣднѣли-бы блистательныя дѣянія сказочныхъ Рустема и Зораба. Чего, чего тутъ только не было. Одинъ разъ съ тигромъ схватился и задушилъ его голыми руками, „какъ щенка“, другой съ дерева десять медвѣдей перестрѣлялъ. Точь-въ-точь наши охотники, одною пулей двухъ зайцевъ пронизывающіе и ею-же случайно убивающіе покоившагося впереди медвѣда! Самый краснорѣчивый изъ нихъ слышалъ, притаился въ чащѣ, какъ два звѣря въ лѣсу разговаривали по-лезгински, въ чемъ остальные не нашли ничего невѣроятнаго. Израиль воинствующій твердо вѣруеть, что душа наша по смерти переселяется въ различныхъ животныхъ на болѣе или менѣе продолжительное время, чтобы „настрадаться“. Послѣ того ее очищаютъ сквозь огонь въ аду и, наконецъ, водворяютъ на жительство въ рай. Точно также мнѣ рассказывалъ одинъ еврей, что онъ видѣлъ, какъ на кладбищѣ купался въ чанѣ съ водою только-что схороненный его пріятель. Для этого они нарочно ставятъ у могилъ воду. Это—тоже очищеніе. Дѣло въ томъ, что душа не тотчасъ-же оставляетъ тѣло. Она триста дней находится въ могилѣ вмѣстѣ съ трупомъ и нельзя-же ей въ этомъ неопратномъ видѣ взлетѣть въ горнія. Употребляютъ-ли столь чисто-плотныя души при этомъ казанское мыло, покрыто мракомъ неизвѣстности. Что, если-бы евреи за-живо подражали своимъ душамъ и не были одержимы водоболзнью, на-сколько выиграло-бы это племя въ красотѣ и приличіи!

Вѣрованіе о пребываніи души въ могилѣ находитъ подтвержденіе въ томъ, что разрытыя могилы обнаруживали часто трупы въ иномъ положеніи, чѣмъ то, въ какомъ ихъ хоронятъ. Евреи кладутъ своихъ покойниковъ въ продолговатую яму, аршина три глубины, прямо въ землю, на спину, лицомъ къ верху. Надъ нимъ съ аршинъ оставляютъ свободное мѣсто, для чего устраиваютъ надъ покойникомъ родъ крыши изъ досокъ. Сверху яма заваливается землею.

— Какъ-же онъ повернулся-бы въ могилѣ, если-бы души съ нимъ не было?..

— Надоѣло ей лежать на одномъ боку — легла на другой. Самыя грѣшныя души поворачиваются лицомъ въ землю. Поворачиваются и отъ другихъ причинъ.

Разъ умеръ старикъ-еврей. Сынъ его сталъ обижать свою мать. Старикъ въ могилѣ услышалъ и постарался выйти; долго онъ сидѣлъ приподнять доски, наконецъ удалось. Душа его вышла, задушила непочтительнаго и преступнаго сына и вернулась въ могилу. На другой день надъ нею оказалась земля взрыхленною и сквозь нее выглядывали углы приподнятыхъ досокъ...

Наконецъ гѣсъ порѣдѣлъ и въ просвѣтахъ его забагровѣло какое-то яркое зарево...

Я было приостановился.

— Тамъ, должно быть, указалъ Магома.

— Кто... что?

— А храбрецъ, что арусу увезъ...

Наша партія шла съ веселымъ смѣхомъ, безъ всякой осторожности. Мраченъ и молчаливъ былъ только одинъ оставленный женихъ — арасъ.

Чѣмъ ближе, тѣмъ ярче въ просвѣтахъ пылаетъ красное зарево. Черныя силуэты деревьевъ на немъ обрисовались каждою своею вѣтвью, даже сквозь листву прорывается багровый свѣтъ и вся она точно нарисована на немъ, — каждый зубчикъ листа, каждая арабеска переплетающихся сучьевъ. Какая-то большая птица сидитъ на голой вѣтви и вся на красномъ фонѣ выдѣлилась...

Крики и оттуда доходятъ...

Къ самой опушкѣ подошли... Небольшая полянка, огневое пятно ярко горящаго костра посередѣ... Масса ослѣпительно сверкающихъ углей, черныя колоды только-что срубленныхъ деревьевъ, обвиваемыхъ темнымъ дымомъ. Цѣлыя снопы взвивающихся кверху искръ. За костромъ утесъ. Только верхушка его видна надъ пламенемъ и точно сплошь облита кровью. Огненные руки цѣпляются за нее, отбрасываются назадъ и снова въ отчаяніи схватываютъ ближайшія деревья. Дотронутся до вѣтви и позолотятъ ее, доселѣ совершенно темную. Золотится, золотится, рассыпается искрами, и нѣтъ ея. Узкія, вьющіяся жала пламени разбѣгаются вокругъ костра по землѣ, то оближутъ кустарничекъ,

то едва замѣтною струйкой понижутся внутрь его и вдругъ оттуда вылетятъ цѣлымъ клубомъ блѣдно-чернаго дыма, на который громадный костеръ владетъ свои багровые оттѣнки и отсвѣты. А тамъ, смотришь, съ тихимъ шелестомъ свертываются, сжимаются и тлѣютъ красивые бѣлые цвѣты. Сочные сучья куста еще держатся, да и имъ не выстоять. Огненное жало дѣлаетъ свое дѣло. Легкій трескъ пройдетъ по нимъ, завьются и закружатся они, осыпая точно градомъ помертвѣвшіе листья, и скоро на мѣстѣ куста еще одно огненное пятно выхватываетъ изъ мрака ближайшіе къ нему коричневые стволы какихъ-то лѣсныхъ великановъ изъ скрывавшаго ихъ сумрака. Въ дыму костра порою грузно шмыгнетъ встревоженный ястребъ, на минуту точно краснымъ платкомъ взмахнулъ тамъ — и нѣтъ уже очнувагося хищника и долго его недовольный влекоть слышится въ чернолѣсьи...

На огненномъ фонѣ черныя фигуры. Видимо, онѣ насъ услышали и насторожились, привстали. Вонъ чернѣе силуэтъ человѣка и тонкая линія ружья у него въ рукахъ; черное на красномъ фонѣ. На пурпурную скалу, позади костра, человѣкъ взобрался. Онъ совершенно краснымъ въ пламени кажется. Храпѣнье коней изъ лѣсу. Одинъ къ костру подошелъ и тоже чернѣетъ на его огнистомъ пятнѣ. Кто-то въ сѣдло садится. Жѣнскій голосъ. Вотъ и она сама, граціозная, тонкій станъ, узко-покатыя плечи, широкіе разливы бедръ, формы которыхъ не скрадываются хорошо обмятымъ платьемъ.

Черные клубы дыма заслонили краснаго человѣка на красной скалѣ. Но свѣтлая струйка точно брызнула вверхъ оттуда и сквозь трескъ и свистъ костра грянулъ выстрѣлъ. На огнистомъ фонѣ костра замелькали люди и вырисовались тонкія черточки горскихъ винтовокъ.

— Трусы, собаки! оретъ наша партія и разомъ изъ двѣнадцати стволовъ стрѣляетъ въ воздухъ.

Запахъ пороха билъ въ носъ. Чувствуешь головокруженіе какое-то. Возбуждаетъ — весело.

— Дьяволы подлые! Давно-ли щенята орловъ ловятъ? слышится у костра и оттуда взметываются въ воздухъ нѣсколько свѣтлыхъ струй и слышится грохотъ. Но и тамъ стрѣляютъ въ воздухъ...

Я такъ и подозрѣвалъ, что будетъ нѣчто вроде лекоковской оперетки. Точно сцена изъ „Les brigands“.

— Что: это вы тутъ, воры, дѣлаете?.. Вотъ мы васъ!.. кричимъ мы.

— Уносите ноги! А то сжаримъ въ огнѣ и медвѣдямъ жаркое оставимъ, отвѣчаютъ оттуда.

— Подлыя вороны! пронзительно восклицаетъ женскій голосъ. — Покажите имъ себя, храбрые молодцы. Снимите съ нихъ шальвары и пустите домой голоногихъ.

Опять мы стрѣляемъ въ воздухъ, то-же дѣлаютъ и противники. Клубы порохового дыму еще гуще разстилаются кругомъ.

— Нахшонъ! выкрикиваетъ кто-то изъ нашихъ, уже совершенно дѣловымъ тономъ.

— Чего? откликаются изъ противной партіи.

— Мать велѣла тебѣ передать, что дровъ дома нѣтъ.

— Знаю, я уже говорилъ братьямъ.

— А какое у васъ вино съ собой? въ свою очередь, въ пережку съ руганью, вопрошаетъ кто-то оттуда. — Не захватили-ли бурдюка? У насъ мало.

И опять ругань...

Наши вскакиваютъ на коней, похитители невѣсты — тоже. Я остаюсь въ тѣни. Благо на сухое мѣсто попалъ. Лежать мягко, удобно.... Нужно-же кому-нибудь быть зрителемъ этого спектакля.

На красномъ фонѣ костра точно сцена изъ вальпургіевой ночи. Черные силуэты наѣздниковъ мелькаютъ съ бѣшеной стремительностью, налетаютъ одни на другихъ, сталкиваются, разбѣгаются, вьются, выдѣлывая въ сѣдлѣ разныя экзерциціи джигитовки высшей школы, стрѣляя назадъ, впередъ, но неизмѣнно въ воздухъ. Все это съ головокружительной быстротой. То въ одну кучу собьются и точно многоглавое, многоголосое чудовище, какая-то безобразная, черная амфибія клубится и катится тамъ, какъ вдругъ свалка разобьется и всадники, точно чѣмъ-то вспрыснутые, стремятся прочь одинъ отъ другого, чтобы сейчасъ-же опять свалиться въ одно мѣсиво... Ругань, смѣхъ дробятся въ воздухѣ, ржанье лошадей смѣшивается съ молодецкими выкриками. Вотъ кто-то изъ сѣдла вылетѣлъ и испуганный конь мимо меня шархнулъ безъ сѣдока въ черную чащу. Ловить его кинулись всѣ — и преслѣдователи, и преслѣдуемые. Я боялся, чтобы не затоптали меня... Поневолѣ къ стволу прижался, точно прилипъ. Крики ихъ замерли въ глуши лѣса — и опять загремѣли со всѣхъ сто-

ронъ. Лошадь была поймана.. Невѣста все это время спокойно сидѣла у огня, точно и не ея дѣло совсѣмъ.

Солиднаго Магомадъ-оглы я не узналъ даже: папаха на затылкѣ, хохочетъ, оретъ больше другихъ, благимъ матомъ. Ругается, стрѣляетъ, съ разбѣгу всадилъ кинжалъ въ дерево и, ни съ того, ни съ сего, на ближайшій вустъ плюнулъ, точно тотъ оскорбилъ его злѣйшимъ образомъ.

— Ты чего? накинулся онъ на меня. — Или не весело тебѣ?

Наконецъ, обѣ партіи уставать начали. Опять разъединились и заняли первоначальное положеніе.

— Чего-же вы отъ насъ не бѣжите? Вѣдь вамъ бѣжать слѣдуетъ по адату! негодовали въ нашей партіи.

— Зачѣмъ? Мы посмотримъ, какъ собаки отъ лѣсныхъ звѣрей побѣгутъ. Убирайте ноги вы!

— Совсѣмъ не наше дѣло бѣгать! резонерствовали преслѣдователи.— Вы увезли невѣсту, вамъ и уходить слѣдуетъ, а мы васъ догонять будемъ... Пора вѣдь... И она утомилась.

Начался третій актъ этой оперетки. Убѣжденные нашими ораторами въ своей обязанности бѣжать, джигиты бросились къ дѣвухѣ. Десятки рукъ схватили ее, приподняли въ воздухъ, моментально завернули въ какую-то кошму и разомъ, въ видѣ какого-то свертка, взбросили на сѣдло въ руки къ ея избраннику. Послышался какой-то дикій крикъ, точно вой волчьяго стада, и вся эта масса разомъ парохнулась впередъ, въ сырую темень лѣсной чащи.

Я едва успѣлъ вскочить въ сѣдло, какъ мой конь, увлеченный общимъ смятеніемъ, стремительно ринулся впередъ, со слѣпа набѣжалъ на костеръ, прынулъ въ сторону и чуть не вышибъ меня изъ сѣдла прямо на огонь. На одну секунду обдало горячими искрами, обожгло лицо, близко-близко мелькнуло въ глазахъ яркое пламя, и спустя минуту я уже вслѣдъ за другими вихремъ несея среди непрогляднаго мрака, вцѣпившись инстинктивно въ гриву коня и прижимая голову къ его взмыленной шеѣ. Вѣтви хлестали въ лицо, изъ-подъ копытъ лошади сыпались искры, когда она попадала на камень, а преслѣдуемые и преслѣдователи еще неудержимѣе, еще безумнѣе неслись все впередъ и передъ, буда молчаливыя окрестности дикими криками какой-то адской, дыханіе захватывающей травы. Воображаю, какъ отъ

насъ шарахались въ стороны вспугнутые звѣри, какъ лѣсные хищники—филины-пугачи, ошеломленно забирались въ густую чащу чинаръ и каштановъ. Мнѣ до сихъ поръ удивительно, какъ насъ не разбило о какое-нибудь дерево, какъ мы не сломали себѣ шеи когда конь спотыкался среди своего бѣшенатаго бѣга, когда сѣдло какъ-будто отрывалось отъ его спины. Въ ухахъ свисталъ воздухъ, оглушали выстрѣлы. А кровь прилиwała къ вискамъ, росло воодушевленіе и все дальше и дальше хотѣлось нестись впередъ, хотя и въ хвостѣ этой сумасшедшей травли. Опьяняло!..

Ужъ внизу мою лошадь схватилъ подъ уздцы Магомать-оглы.

— Стой!.. Ты хотѣлъ церковь видѣть вашей святой Міріамъ.

— Гдѣ она?

— Въ сторовѣ немного. Теперь, все равно, погони не увидишь. Они до слѣдующаго аула гнать будутъ. Молодецъ, что невѣсту укралъ, спрячется тамъ у своего кунака, а остальные въ аулъ вернутся.

Я послѣдовалъ за нимъ.

Конь еще вздрагивалъ, поводилъ ушами, похрапывалъ, заявляя поминутно желаніе смѣнить умѣренную рысь на дивій бѣгъ.

Большая поляна. Мѣсяцъ уже всталъ на краю неба. Сюда доходитъ только его слабый отсвѣтъ. Края поляны отодвигаются въ царство тьмы непроглядной. Точно нѣтъ ихъ вовсе. Только назади насъ видны деревья, а кругомъ мракъ, и изъ этого мрака выдѣляется едва освѣщенное пятно площадки. Тихо, сумрачно, торжественно позади въ лѣсу, но здѣсь, на этомъ пятнѣ, еще тише, сумрачнѣе и торжественнѣе едва-едва намѣчаются, точно призраки, грандіозныя руины древняго храма.

И разобрать ихъ трудно! Смутно ужъ очень. Одна громадная масса стремится вверхъ и ея-то вершина всего ярче видна. Точно виситъ она. Подножіе теряется въ сумракѣ. Кругомъ вучи щебня, обгрызки какой-то стѣны, круглая башня съ чернымъ зѣвомъ провала.

Чуть-чуть намѣтилось во мракѣ и опять ушло во мракъ, когда мѣсяцъ спрятался за тучей. На одну минуту только и показа-

лось, строгое, торжественное, молчаливое и величавое. Такимъ оно мерещится мнѣ и теперь, полнымъ сумрака и тайны, безъ деталей, безъ второстепенныхъ абрисовъ, но необычайно цѣльное, внушающее благоговѣніе. Точно старій, полузабытый сонъ встаетъ передо мною! Помнится еще только запахъ цвѣтовъ, которые словно невидимыя кадила возносили во тьмѣ свои благоуханія къ невидимому алтарю этого сумрачнаго храма, цѣлые вѣка умирающаго въ своей таинственной глуши.

И опять мракъ лѣса, и опять треска на жесткихъ сѣдлахъ.

В. Немировичъ-Данченко.

ВЪ ТАЙГѢ И ТУНДРАХЪ.

Незнание — жалкая вина.

А. Пушкинъ.

Въ одномъ американскомъ романѣ, случайно попавшемся мнѣ подъ руку, является героемъ наслѣдникъ будущаго богатства своего отца. Наслѣдство это состоитъ изъ земель въ Теннесси или какомъ-то другомъ плодородномъ, но мало заселенномъ штатѣ. Дальновидный батюшка, имѣя въ виду благополучіе своего сына и убѣжденный въ томъ, что современемъ обширныя пустоши, которыя онъ пріобрѣталъ цѣною тяжелыхъ трудовъ и лишений, сдѣлаются источникомъ неисчерпаемаго богатства, воспиталъ своего сына въ полной увѣренности будущаго обладателя этими богатствами. Сынъ выросъ, какъ обыкновенно растутъ батюшкины сынки, надѣясь, что его будущее впередъ обезпечено. Эта надежда портитъ всю жизнь его; она мѣшаетъ ему устроиться въ такихъ положеніяхъ, гдѣ человѣкъ самаго зауряднаго ума и энергіи, но только неимѣющій за собой земель въ Теннесси, т. е. такого богатства, которое рано или поздно должно свалиться съ неба въ его руки, извернулся-бы не благополучно; она вырабатываетъ изъ довольно способнаго юноши безпомощнаго и жалкаго Митрофанушку. Достигнувъ, наконецъ, зрѣлаго возраста, герой нашъ додумывается до той мысли, что наслѣдство отца оказало ему дурную услугу; съ проклятіемъ оставляетъ онъ свои заповѣдныя богатства въ Теннесси какиѣ въ уплату накопившейся на нихъ недоимки въ 50 долларовъ, а самъ на эти-же 50 долларовъ отправляется въ Нью-Йоркъ, гдѣ и принимается за устрой-

ство своей скромной судьбы уже не съ юношескими иллюзіями воображаемаго богача, а на основаніи собственнаго труда, знанія и таланта, и подъ конецъ жизни добивается прочнаго общественнаго положенія. Но горькій упрекъ въ прежнихъ иллюзіяхъ и напрасно потерянномъ времени не оставляетъ нашего героя до самой смерти и онъ, бросая печальный взглядъ на свое прошлое, умираетъ съ тяжелымъ сознаніемъ своей непоправимой ошибки.

Не напоминаетъ-ли намъ этотъ романическій наслѣдникъ нашей собственной исторіи, не рисуется-ли онъ намъ въ фантастическихъ богатствахъ Теннесси нашихъ вовсе не фантастическихъ тундръ Сибири? Не пора-ли и намъ отложить наши надежды на то, что „земля наша велика и обильна“, и взглянуть на это обиліе болѣе хладнокровно, послѣдовавъ примѣру теннесійскаго мечтателя. отрезвленнаго суровымъ житейскимъ опытомъ? Чтобы отвѣтить на эти вопросы фактически, мы намѣрены заглянуть здѣсь въ наши сибирскія тайги и тундры.

Капитальный бытовое фактъ, оставленный намъ отъ нашего прошлаго, есть ненормальное распредѣленіе нашихъ рабочихъ рукъ по лицу „великой и обильной“ земли русской. Благодаря историческому бродяжеству русскаго населенія и его смутнымъ стремленіямъ къ колонизаціи, ему приходилось селиться не тамъ, гдѣ естественныя условія почвы и климата обѣщали наибольшее вознагражденіе за трудъ, а въ тѣхъ непріютныхъ пустыряхъ и дѣбряхъ, которые не давали ему ничего, кромя вѣрной защиты отъ татарскаго набѣга, крѣпостнаго права и другихъ житейскихъ невзгодъ. Но когда народъ неотразимою историческою случайностью загоняется въ скудныя и непріютныя мѣста, не имѣя, такъ-сказать ничего за душой, то онъ естественно употребляетъ всю свою мощь и энергію на то, чтобы возможно лучше примѣниться къ условіямъ среды, его окружающей, чтобы извлечь изъ этой среды все, что она способна дать ему, и въ-концѣ-концовъ непремѣнно извлекаетъ изъ нея что-нибудь, такъ-какъ нѣтъ на свѣтѣ такой злополучной территоріи, которая, при разумной и энергической разработкѣ ея, не прокормила-бы своихъ обитателей. Чего-бы, казалось, ожидать обездоленной горной Швейцаріи въ этомъ отношеніи, кромя голодной смерти: ни полей, ни морей, ни горныхъ богатствъ у нея нѣтъ; а вѣдь живетъ-же на ней разноязычное племя, ухитрившееся разыграть даже довольно вид-

ную роль въ исторіи общеевропейской цивилизаціи и культуры.

Совершенно иное было положеніе русскаго народа, нетеряваго въ самыя трудныя минуты своей исторической жизни смутнаго сознанія, что онъ богатый наследникъ неисчислимыя теннесійскихъ богатствъ, какихъ-то „кисельныхъ береговъ“ и „молочныхъ рѣкъ“, которыя рано или поздно свалатся на него точно съ неба. И вотъ въ ожиданіи этихъ обѣтованныхъ богатствъ, онъ не позаботился ни о развитіи своихъ наличныхъ силъ, ни о примѣненіи ихъ къ даннымъ условіямъ своей бытовой дѣйствительности, а коврыялъ какъ попало и гдѣ попало свои пустоши и все надѣялся, что „молочныя рѣки“ сами притекутъ къ нему. Онъ даже о географическомъ положеніи обѣтованныхъ ему странъ имѣеть довольно скудныя понятія: на Волгѣ-ли онъ или на Днѣпрѣ? въ Крыму или въ Сибири?—до поры, до времени это ему все равно; а вотъ *придетъ оно* — статья-то и обнаружится. Эта сбивчивость географическихъ свѣденій о положеніи своихъ „теннесійскихъ помѣстій“ бѣнудь, однакожъ, не мѣшала ему стремиться туда всей душой, и мы вступили во второе тысячелѣтіе нашей исторіи все тѣми-же богатыми владѣльцами невѣдомо гдѣ лежащихъ теннесійскихъ помѣстій, временно осужденные скитаться по міру съ одной надеждой и ожиданіемъ несмѣтныхъ богатствъ. Разумѣется, оказывались въ наличномъ владѣніи и мѣста, способныя при энергіи и трудѣ производить не въ примѣръ больше, чѣмъ они производятъ; да кому-же охота тратить умъ и энергію на то, чтобы устроиться на временномъ кочевьѣ, когда вотъ-вотъ *придетъ оно*—и перебирайся вновь на „кисельные берега“ да на „молочныя рѣки“. Всякій срывалъ съ своего кочевья, что могъ, а могъ сорвать, при своемъ кочевническомъ отношеніи къ нему, конечно, очень мало, потому что не онъ управлялъ природой, а природа вездѣ господствовала и помышала имъ.

Ненормальное распредѣленіе рабочихъ силъ по отношенію къ производительнымъ богатствамъ страны было неизбежнымъ послѣдствіемъ нашего историческаго скитанія по землѣ русской, той капитальной ошибкой, за которую мы уже не дешево заплатились. Послѣ освобожденія крестьянъ она сдѣлалась еще болѣе очевидной; теперъ стало ясно, что эта вѣковая ошибка составляетъ такой краеугольный фактъ, отъ исправленія котораго за-

виситъ устойчивость и дальнѣйшій ходъ всей отечественной культуры. Литература съ разныхъ сторонъ указывала на этотъ фактъ, и вопросъ, поднятый нашей жизнью, — вопросъ о новомъ и болѣе рациональномъ распредѣленіи рабочихъ силъ по государственной территоріи, вносказательно говоря — вопросъ о ликвидаціи теннесійскихъ богатствъ, былъ всегда самымъ жизненнымъ и жгучимъ вопросомъ нашего эковомического быта.

Но увы! послѣдствія очень скоро показали, что о дѣйствительномъ положеніи этихъ теннесійскихъ имуществъ наши почтенныя публицисты имѣли свѣденія столь-же скудныя, какъ и тѣ, которыя почерпались темными массами русскихъ тружениковъ отъ бѣглыхъ солдатъ и переходящихъ свитниковъ о существованіи „кисельныхъ береговъ“ съ „молочными рѣками“. Сами публицисты слишкомъ поторопились своимъ выводомъ, что приведеніе въ равновѣсіе населенности сѣвера и юга одной только европейской Россіи, гдѣ густота народонаселенія, словно на зло теоріи Рикардо, такъ-таки и остается до сихъ поръ обратно пропорціональна плодородію почвы, — можетъ если не вполнѣ исправить, то навѣрное существенно облегчить вѣковую культурную ошибку. Въ послѣднія 5—6 лѣтъ мы стали догадываться, что наши теннесійскія поля лежатъ вовсе не тамъ, гдѣ ихъ предполагали; что и въ Поволжьѣ, и въ Новороссіи, гдѣ мы думали при помощи одного только свободнаго перехода прокормить не знаю сколько миліоновъ сѣверныхъ крестьянъ, обдѣленныхъ природой, сами коренные жители уже начинаютъ жаловаться на скудость своихъ черноземныхъ почвъ и терпѣть голодухи.

„Эхъ! ахъ кисельные-то берега совсѣмъ не тутъ!“ приходится воскликнуть обманувшимся публицистамъ, хотя въ существованіи кисельныхъ береговъ имъ все еще не хочется усомниться и разочароваться. Вопросъ о переходѣ крестьянъ изъ нѣкоторыхъ малоземельныхъ мѣстностей принимаетъ нѣсколько новую постановку, благо подъ руками оказывается Сибирь, т. е. почти сказочное обиліе пустопорожнихъ полей, на мѣстѣ которыхъ тѣмъ удобнѣе можно предполагать все, что подскажетъ намъ услужливая фантазія, ибо того, что въ дѣйствительности лежатъ на этихъ необозримыхъ сибирскихъ пространствахъ, и по сіе время не знаетъ никто, ни даже самъ западно-сибирскій генералъ-губернаторъ, по откровенному признанію котораго имѣющихся о

Сибири точныхъ свѣденій недостаточно даже и для административныхъ цѣлей.

Въ этой новой постановкѣ вопроса о переселеніи все до такой степени своеобразно и неожиданно, что не знаешь, чему болѣе дивиться: тому-ли, что вопросъ о колонизаціи возникаетъ въ нашемъ отечествѣ съ его классическимъ черноземомъ тогда, когда среднее народонаселеніе европейской Россіи едва достигаетъ $12\frac{1}{2}$ душъ на одну квадратную версту; тому-ли, что передовая группа нашихъ публицистовъ продолжаетъ искать экономическаго благосостоянія все въ тѣхъ-же кислыхъ берегахъ да молочныхъ рѣкахъ, о производительныхъ свойствахъ которыхъ она сама, говоря откровенно, не имѣетъ никакихъ опредѣленныхъ свѣденій.

Первый фактъ, повидимому, крупнѣе и многозначительнѣе. Въ самомъ дѣлѣ, рѣчь идетъ ни болѣе, ни менѣе, какъ о томъ, что мы своимъ кочевническимъ, хищническимъ отношеніемъ къ естественнымъ богатствамъ своей родины успѣли истощить плодороднѣйшія отъ природы поля, не добившись даже того уровня матеріальнаго благосостоянія, который могъ-бы кое-какъ обезпечить среднимъ числомъ тринадцать человѣкъ, разбросанныхъ на квадратной верстѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что сибирскія пространства необозримо; однакожь, если мы съ тѣми-же приемами и съ тою-же степенью власти надъ силами природы, которая выказывали до сихъ поръ, примемся за эксплуатацію и этихъ необозримыхъ пространствъ, то навѣрное и тутъ получится тотъ-же результатъ нашей умственной безпомощности и хозяйственнаго запустѣнія. Изъ $25\frac{1}{2}$ миліоновъ квадр. верстъ всего пространства западной и восточной Сибири мы не знаемъ съ точностью, какая именно часть годна для воздѣлыванія. Принимая во вниманіе, что изотермическія линіи быстро понижаются къ востоку вообще, что значительная часть даже южной Сибири занята высокими горами и т. п., обыкновенно допускаютъ, что только $\frac{1}{3}$ всего ея пространства можетъ считаться удобною для заселенія. Расчетъ этотъ скорѣе преувеличенъ, чѣмъ ниже дѣйствительности; но допустимъ даже, что въ Сибири найдутся 10,000,000 квадр. верстъ, могущихъ дать пріютъ и обезпечить существованіе человѣку. Такъ-какъ, во всякомъ случаѣ, мѣстности Сибири, уже по одной причинѣ своего отдаленія отъ центровъ ад-

министраціи и торговли, несомнѣнно менѣе удобны въ экономическомъ отношеніи, чѣмъ мѣстности южной Россіи, такъ-какъ и для европейской Россіи средній терминъ въ 12¹/₂ душъ на одну квадрат. версту оказывается уже превышающимъ наши культурно-хозяйственныя силы, то въ результатѣ окажется, что эти необозримыя пустыни, о которыхъ мы мечтаемъ, какъ о кисельныхъ берегахъ, — это пресловутое „золотое дно“ едва-едва можетъ дать просторный пріютъ менѣе чѣмъ 100 миліонамъ душъ. Допустимъ, что нынѣшнее народонаселеніе Россіи удвоится и ему уже станетъ тѣсно въ предѣлахъ русской территоріи. Максимумы относительнаго народонаселенія опредѣлить теоретически нѣтъ никакой возможности. Можно согласиться, что Бельгія и нѣкоторыя части Италіи, гдѣ густота населенія превышаетъ 150 и даже 170 душъ на 1 квадрат. версту, дѣйствительно уже перенаселены; что даже средній уровень населенности Англіи, съ Шотландією и Ирландією (болѣе 100 душъ на 1 квадрат. версту), тоже слишкомъ великъ и поддерживается только ненормальнымъ напряженіемъ производительности этой страны, окупаются язвою пауперизма и опирается на экономически-политическую отсталость другихъ странъ, которыя Англія путемъ фритредерства эксплуатируетъ нещадно. Франція въ Европѣ представляетъ собою въ этомъ отношеніи дѣйствительно золотую середину; почти половина (48%) ея народонаселенія (въ Англіи только 12%) живетъ сельско-хозяйственнымъ трудомъ и ни одного признака перенаселенности въ ней еще не оказалось. Между тѣмъ народонаселеніе здѣсь, дойдя уже до 70 слишкомъ душъ на 1 кв. версту, возрастаетъ совершенно естественнымъ путемъ и притомъ даже въ далеко не цвѣтушія години ея политическаго и экономическаго быта. Что-же будетъ, читатель, когда и наше русское народонаселеніе дойдетъ до этихъ норій, сохранивъ свои нынѣшніе культурно-хозяйственныя приемы? Да вѣдь намъ не то, что нынѣшней государственной территоріи, съ Сибирью и Кавказомъ, съ средне-азіятскими владѣніями, а и цѣлаго земного шара окажется недостаточно. Или утѣшать себя тѣмъ, что до этого дѣло не дойдетъ, что мы благоразумно воздержимся или судьба воздержитъ насъ отъ такого ненормальнаго размноженія? Да, оно можетъ быть и такъ, но утѣшительно-ли такое утѣшеніе — не думаю.

Нашъ расчетъ могутъ упрекнуть въ мальтузіанствѣ и въ банальности, потому что кто-же изъ насъ заботится о будущемъ? Но намъ хотѣлось-бы убѣдить читателя, что и наше настоящее въ дѣйствительности вовсе не такъ умирительно, какъ его рисуютъ намъ кисельные публицисты, что никакихъ неисчерпаемыхъ богатствъ у насъ за душою нѣтъ и что само пресловутое сибирское раздолье можетъ быть исчерпано очень скоро, даже непремѣнно скорѣе, чѣмъ явствуетъ изъ этого расчета, если только исчерпывающая наша способность окажется прежней.

Въ нашихъ народныхъ массахъ, — мы это слышимъ со всѣхъ сторонъ, — все сдѣлать и сильнѣе сказываются стремленія къ переселенію за Волгу, за Уралъ, на Дарью-рѣку или въ другія, столь-же невѣдомыя имъ палестины. Стремленіе это — результатъ вѣковой нашей исторіи и только смутное, стихійное стремленіе, а отнюдь не сознательный продуктъ свѣденій, хотя-бы отрывочныхъ и неполныхъ, о вожделѣнныхъ мѣстностяхъ и о той судьбѣ, которая дѣйствительно ждетъ переселенцевъ въ этомъ невѣдомомъ для насъ краю. Никакая публицистика не вытравитъ изъ нихъ этого стихійнаго порыва, и въ этомъ отношеніи, конечно, правы тѣ, кто возстаетъ противъ стѣснительныхъ мѣръ, сдерживающихъ свободное колонизаціонное движеніе. Но слѣдуетъ-ли изъ этого, что добросовѣстной публицистикѣ ничего не остается болѣе дѣлать по этому, сравнительно, новому вопросу о переходѣ крестьянъ, какъ платонически воздыхать объ отиѣнѣ этихъ стѣсненій? Конечно, нѣтъ.

Мы уже сказали, что ближайшій капитальный вопросъ, который предстоитъ разрѣшить, не теоретически, а чисто-бытовымъ путемъ, нашей русской дѣйствительности, заключается въ нормальномъ распредѣленіи рабочихъ силъ по лицу нашей государственной территоріи. Допустимъ, что крестьянамъ открытъ совершенно свободный переходъ изъ одной мѣстности въ другую. Что-же ручается намъ за то, что начавшееся тогда переселеніе за Волгу, за Уралъ, на Дарью рѣку или въ другія обѣтованныя окраины, будетъ дѣйствительнымъ началомъ того нормальнаго распредѣленія, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь? Вѣдь нельзя-же стихійное стремленіе самихъ крестьянъ къ сытовымъ рѣкамъ съ кисельными берегами предоставить совершенно случайному и табунному передвиженію. Вѣдь нужно-же кому нибудь быть руководителемъ

этихъ передвиженій. Или въ духѣ новой маниловщины, неожиданно возрождающейся на столбцахъ и страницахъ не только почвенныхъ, но и другихъ нашихъ толстыхъ и тощихъ поврежденныхъ изданій, намъ скажутъ, что и безъ руководителей одна русская смекалка до всего доведетъ?

Изъ всѣхъ европейскихъ странъ одна Швейцарія до сихъ поръ возвела у себя переселенія отдѣльныхъ личностей и массъ на степень государственнаго учрежденія, — Швейцарія, гдѣ географическія свѣденія распространены въ самыхъ темныхъ слояхъ крестьянскихъ массъ; но и та нашлась вынужденною принять это дѣло подъ свое особое руководство и контроль. А прослѣдите хоть по журнальной статьѣ исторію европейскихъ эмиграцій въ Америку!

Наша Америка, — скажутъ мнѣ, — не за морями. Это такъ; но она за горами, да и едва-ли болѣе вѣдома тому, кому придется заселять ее, чѣмъ самые отдаленные края за-атлантическихъ материковъ вѣдомы ирландскимъ, нѣмецкимъ и швейцарскимъ переселенцамъ. Къ тому-же у насъ дѣло переселенія представляетъ совершенно иной оборотъ: рѣчь идетъ не о томъ, чтобы сбить въ чужіе края избытокъ своего народонаселенія, а во сто кратъ усложняется тѣмъ, что наше переселеніе должно — какъ уже повторено было нѣсколько разъ — стать началомъ новой эпохи равномернаго распредѣленія рабочихъ силъ соотвѣтственно производительнымъ источникамъ страны. Въ западныхъ государствахъ дѣло это совершалось исподволь, вѣками, а потому и прошло почти незамѣченнымъ, словно все размѣстилось стройными рядами само собою. Намъ приходится совершить этотъ элементарный культурный шагъ уже въ позднемъ періодѣ историческаго развитія. Поэтому-то оно и не можетъ обойтись у насъ безъ дѣятельнаго и рациональнаго руководства. А между тѣмъ намъ говорятъ, что даже въ официальныхъ кружкахъ еще не имѣется свѣденій объ обширнѣйшихъ государственныхъ областяхъ, — свѣденій, которыхъ было-бы достаточно для ежедневнаго административнаго обихода...

II.

Скоро отпразднуемъ мы 300-лѣтній юбилей присоединенія Сибири къ Россіи. Можно предсказать, что не ознаменуемъ мы его

выставкою на подобіе той, которую Соединенные Штаты празднуютъ теперь 100 - лѣтнюю годовщину своего независимаго существованія; не окончимъ и не начнемъ мы къ тому времени желѣзной дороги черезъ Сибирь къ Тихому океану, о которой ораторствовать въ Обществѣ *бездѣйствія промышленности* такъ легко, но которую проводить въ дѣйствительности такъ бесполезно и трудно. Но нельзя предвидѣть, какой сборникъ издадутъ къ этому торжественному дню иркутскіе литераторы, оживится-ли хоть на мгновеніе замирающая Кяхта, этотъ „ключекъ эlegantнаго Парижа въ монгольской степи“, какъ еще недавно выражался о ней одинъ иностранный ея посѣтитель, и сколько выпьютъ шампанскаго красноярскіе купцы. Впрочемъ, послѣдняго, я думаю, будетъ выпито много. Да и не шутка: 300 лѣтъ! Посмотрите, что успѣли сдѣлать даже за меньшій срокъ англичане въ Индіи, въ Америкѣ, въ Австраліи. Менѣе тридцати лѣтъ понадобилось, на нашихъ глазахъ, для основанія въ калифорнской глуши образцоваго города, уже имѣющаго въ себѣ одномъ больше народонаселенія, чѣмъ всѣ вмѣстѣ взятые губернскіе города западной и восточной Сибири. А вѣдь Сан-Франциско, который мы почему-то привыкли считать за образецъ, за *plus ultra* необычайно быстро городского развитія, въ дѣйствительности, однакожъ, уступаетъ австраліи-скимъ городамъ, Мельберну и Сидни, разрастающимся точно не по днямъ, а по часамъ, и прельщающимъ европейцевъ своею красотою, богатствомъ и удобствами. А вѣдь ни объ англійской Америкѣ, ни тѣмъ паче объ Австраліи, не было и помину еще въ тѣ времена, когда Ермакъ Тимофеевичъ уже билъ челомъ Грозному царю вновь завоеваннымъ царствомъ Кучума. Но, положимъ, тутъ дѣйствовала англо-саксонская раса, не даромъ славящаяся на весь міръ своею необыкновенною энергіею и предприимчивостью. Но вотъ и другія націи, которыя, подобно намъ, не отличаются особенной расторопностью, а именно испанцы и португальцы; имъ также, какъ и намъ, приходится нести на своей исторіи тяжелые слѣды поздняго иноплеменнаго завоеванія и они стоятъ несравненно ближе къ намъ по своимъ государственнымъ и социальнымъ способностямъ и стремленіямъ; а между тѣмъ и они успѣли за эти триста лѣтъ покрыть большую часть заатлантическаго материка цѣлою плеядою хотя и туго, но все-же развивающихся федерацій, республикъ, и даже

создали бразильскую монархію съ 7-ми миліоннымъ населеніемъ. Обыкновенно на такія паралели смотрятъ, какъ на укоръ нашему патриотическому гонору, который особенно въ настоящій моментъ занесся превыше облакъ небесныхъ, но только путемъ сравненій и аналогій можно опредѣлить самое дѣйствительное положеніе, а опредѣливъ его, понимать, чего мы дѣйствительно стоимъ. Въ такихъ сложныхъ дѣлахъ, каково заселеніе новыхъ странъ и образованіе обширныхъ колоній, проявляются, такъ-сказать, въ общемъ синтезѣ самыя разнообразнѣйшія стороны и черты національнаго характера, цивилизаціи и бытовыхъ условій колонизирующихъ народовъ; поэтому-то подобныя паралели, въ смыслѣ самопознанія черезъ сравненіе, должны-бы быть особенно плодотворны... Не судьба-же насъ, полаю, обидѣла до того, чтобы даже помѣсь испанскихъ флибустьеровъ съ краснокожими индѣйцами представляла по отношенію къ намъ высшую культурную породу, и если мексиканцы, перуанцы и бразильцы обгоняютъ насъ въ дѣлѣ одушевленія культурною жизнью громадныхъ пространствъ, прежде вовсе безлюдныхъ или дикихъ, то должны-же быть этому какія-нибудь причины, не прямо обусловленныя природою или судьбою, а генеалогическими или саціальными особенностями.

Иногда приходится слышать мнѣніе, будто объ Америкѣ и Австраліи находятся въ положеніи, несравненно болѣе благопріятномъ, чѣмъ наша Сибирь, для водворенія въ нихъ европейской цивилизаціи. Выгоды всего побережья Атлантическаго океана въ этомъ отношеніи, дѣйствительно, очевидны, но такъ-какъ и за изытіемъ этого побережья еще остается въ Новомъ Свѣтѣ много странъ, тянущихъ съ давнихъ поръ свою болѣе или менѣе гармоническую ноту въ общемъ хорѣ цивилизованныхъ государствъ, то такое мнѣніе могло бы быть принято только послѣ весьма обстоятельной и подробной провѣрки. Принять-же безусловно, будто Сибирь, по самому своему положенію, или вовсе неспособна быть мѣстомъ жительства цивилизованнаго народа, или будетъ способна стать имъ только тогда, когда наша власть надъ природою значительно расширится, когда дальнѣйшее развитіе желѣзныхъ дорогъ и телеграфовъ дастъ возможность побѣждать громадность разстояній съ сравнительно малыми издержками, когда успѣхи техники научатъ насъ извлекать и при неблагопріятныхъ климатическихъ и почвенныхъ условіяхъ большія количества про-

дукта и т. п., — признать это, говоря я, — значило-бы стать въ вопіющее противорѣчіе съ тѣми фактами, которые уже достовѣрно извѣстны намъ относительно Сибири.

Крайне скудны тѣ свѣденія, которыя до сихъ поръ добыты по части исторіи Сибири и мѣстными археологами, вродѣ князя Бострова, и изрѣдка наѣзжающими сюда изъ Петербурга изслѣдователями, начиная съ Лопухина и кончая г. Пейзецомъ, издававшими свои труды по-русски и не въ однихъ только спеціальныхъ изданіяхъ. Нѣсколько болѣе посчастливилось нѣмцамъ, начиная съ Палласа, Бера, Гельмерсена, Гумбольдта, кончая Кильбергомъ, Эрманомъ, Кастреномъ, Миддендорфомъ (окончаніе путешествія котораго, начатаго, если, не ошибаюсь, еще въ 1845 г., вышло только въ концѣ прошлаго года) и др. Хотя большая часть изъ нихъ и путешествовали по Сибири на счетъ русской казны или академическихъ суммъ, однако, труды ихъ принадлежатъ все-таки къ нѣмецкой литературѣ, которая и оказывается до сихъ поръ самою полною изъ всѣхъ литературъ о Сибири. Помимо такихъ, болѣе или менѣе всѣхъ и капитальныхъ сочиненій, которыя большею частью и по цѣнѣ, и по изложенію доступны далеко не всѣмъ, нѣмцы имѣютъ уже нѣсколько популярныхъ книгъ, рисующихъ жизнь нашей Сибири съ разныхъ сторонъ и на-столько полно и добросовѣстно, на-сколько это возможно при неудовлетворительномъ состояніи научныхъ свѣденій о Сибири. Изъ числа послѣднихъ, я могу рекомендовать читателямъ небольшую книжку Альбина Кона (Kohn) „Sibirien“ (сибиряки); ничего подобнаго мы, конечно, не имѣемъ въ нашей отечественной литературѣ. Кона пробылъ въ Сибири нѣсколько лѣтъ и пишетъ преимущественно о тѣхъ ея частяхъ, которыя ему самому привелось видѣть. Въ видѣ дополненія къ его, во всякомъ случаѣ, уважительному труду, тотъ-же издатель поручилъ извѣстному географу Ричарду Андре составить описаніе крайняго востока Сибири и Амурскаго края. Въ этой прекрасной компиляціи нѣмецкаго географа находится, между прочимъ, и обстоятельный рассказъ о камчатскомъ бунтѣ Беніовскаго, который намъ самимъ сталъ такъ недавно извѣстенъ. Замѣчательно, что даже изъ немногихъ численныхъ сибирскихъ авторовъ нѣкоторые предпочитаютъ издавать свои труды по-французски (напримѣръ, г. Ник. Латкинъ, издавшій въ 1875 году своей „Aperçu général de l'arrondisse-

ment de Krasnojarsk“). Приводимъ мы этотъ знаменательный фактъ не какъ укоръ кому-бы то ни было, а только какъ несомнѣнное указаніе на то, что нѣмцы и французы больше насъ самихъ интересуются Сибирью, хотя о кисельныхъ берегахъ за Ураломъ или Сыръ-Дарьей они и не думаютъ мечтать.

Какъ ни скудны свѣденія, которыя мнѣ удалось почерпнуть изъ отечественныхъ и иностранныхъ источниковъ о прошломъ Сибири, можно, однакожь, съ полною достовѣрностью сказать, что Сибирь уже похоронила въ себѣ двѣ цивилизаціи, изъ которыхъ древнѣйшая и интереснѣйшая — чудская цивилизація, играла, по всей вѣроятности, и для европейской Россіи немаловажную роль.

Уже Лопухинъ, въ изданномъ имъ въ 1771 г. „Дневникѣ путешественника“, говоритъ о чудскихъ могилахъ въ южныхъ частяхъ уральскаго хребта. Здѣсь, въ повинуемыхъ теперь, хотя едва-ли еще истощенныхъ серебряныхъ и мѣдныхъ рудникахъ находятся окаменѣлыя деревянныя, а отчасти и каменныя земледѣльческія орудія, оставленныя, конечно, не киргизами, до сихъ поръ незнающими земледѣлія. Подлѣ Абацка въ тобольской губ., въ равнинѣ, близъ самой большой дороги, по которой ежегодно тысячами проводятся партіи ссыльныхъ, находятся большія четырехгранныя возвышенія, называемыя здѣсь „чудскими буграми“. Всего больше такихъ искусственныхъ возвышеній въ Минусинскомъ округѣ, гдѣ ихъ называютъ „чудскими курганами“. Г. Пейзенъ изслѣдовалъ эти курганы въ пятидесятыхъ годахъ и опубликовалъ свои труды въ „Запискахъ Географическаго Общества“ и въ „Современникѣ“. Въ Чинскомъ хребтѣ, составляющемъ западное продолженіе Малаго Алтая, нерѣдки совершенно особаго вида доисторическіе памятники, которые называютъ „чудскими столбами“, а въ самомъ Маломъ Алтайѣ, у теплаго, такъ-называемаго „Святого озера“, находятся два большіе каменные всадника, по общему характеру весьма сходные съ изваяніями, которыя удалось извлечь изъ чудскихъ могилъ.

Всего обстоятельнѣе ознакомилъ насъ съ этими доисторическими памятниками нѣмецъ Кельбергъ, изслѣдовавшій ихъ въ Забайкальѣ и собравшій изрядную коллекцію чудскихъ древностей. Кельбергъ не оставляетъ никакого сомнѣнія насчетъ того, что въ Забайкальѣ существуютъ остатки двухъ совершенно различ-

ныхъ цивилизацій, которые иногда смѣшиваются между собою подъ общимъ именемъ чудской. Остатки эти относятся къ различнымъ эпохамъ; причѣмъ замѣчательно то, что остатки позднѣйшаго періода, т. е. монгольскіе или, точнѣе, татарскіе (о чемъ прямо свидѣтельствуютъ нерѣдко находимыя въ нихъ надписи)—выражаютъ болѣе низкую степень культуры, чѣмъ остатки первобытные или собственно чудскіе, такъ-какъ откуда-нибудь да взялось-же это названіе, встрѣчаемое въ Сибири на каждомъ шагу, отъ Урала сплошь до Забайкалья. Позднѣйшія изслѣдованія вполне подтвердили мнѣніе Кельберга.

Сопоставляя вмѣстѣ всѣ эти отрывочныя данныя, мы можемъ съ достаточною достовѣрностью нарисовать слѣдующую картину: въ эпоху, предшествовавшую появленію первыхъ варяжскихъ князей на русской землѣ, уже существовало вполне культурное племя по обѣ стороны Урала, сплошь до Забайкалья. Западную границу этого племени опредѣлить не легко, за неимѣніемъ сколько-нибудь достовѣрныхъ данныхъ. Если допустить (а на это имѣются нѣкоторыя основанія), что племя это было чудь и притомъ та самая чудь, которую мы уже въ историческія времена находимъ на берегахъ Финскаго залива, то общій предѣлъ распространенія этой, до сихъ поръ почему-то вовсе не изслѣдованной нашими историками культуры, окажется очень уважительнымъ. Шафарикъ и Делевель потратили не мало труда и ума, чтобы доказать этимологическимъ путемъ тожество этой загадочной чуды съ чудянами; но вмѣсто этого ученаго дилетантизма было-бы гораздо полезнѣе разъяснить наконецъ, въ какихъ отношеніяхъ стояла, дѣйствительно, эта сибирская чудь къ тѣмъ нашимъ доисторическимъ, но несомнѣнно культурнымъ предкамъ, которые оставили по себѣ изслѣдованныя г. Григорьевымъ куфическія могилы.

Объ ископаемыхъ остаткахъ по эту сторону Урала уже было говорено на страницахъ „Дѣла“ за этотъ годъ, о сибирской-же культурѣ мы можемъ сказать слѣдующее:

Она несомнѣнно пережила нѣсколько послѣдовательныхъ ступеней развитія, такъ-какъ до сихъ поръ сохранились еще нѣкоторые памятники, относимые къ каменному періоду. Преобладаютъ, однакожь, бронзовые остатки, а впоследствии являются и другія металлическія издѣлія: золотыя и серебряныя, иногда съ

украшеніями изъ сапфіра и другихъ драгоценныхъ камней. Альбинъ Коизъ называетъ поляка, долго прожившаго въ Сибири и теперь перевезшаго въ Германію свою замѣчательную коллекцію чудскихъ древностей, собранную имъ главнѣйшимъ образомъ въ нерчинскомъ управленіи, близъ Баргузинска. Въ числѣ прочихъ упоминается о золотомъ кубкѣ чрезвычайно художественной и изящной отдѣлки. Г. Степановъ въ Красноярскѣ имѣетъ коллекцію мѣднаго оружія, нерѣдко находимаго въ золотыхъ приискахъ. Изъ Селенгинска и другихъ забайкальскихъ мѣстностей не мало интересныхъ образцовъ разнаго рода вывезено Кельбергомъ и Эрманомъ.

Основываясь на всѣхъ этихъ открытіяхъ и изслѣдованіяхъ, можно утверждать, что чудь занималась земледѣіемъ, которому киргизы еще такъ недавно стали учиться и котораго большая часть сибирскихъ инородческихъ племенъ не знаетъ и до сихъ поръ. Она занималась горными промыслами, глубоко чтитъ своихъ мертвыхъ, и большая часть теперь находимыхъ кургановъ есть ничто иное какъ гробницы. Чудь имѣла столь распространенный и до сихъ поръ между многими азіатскими и американскими племенами обычай погребать вмѣстѣ съ мертвецомъ и нѣкоторые предметы его домашняго обихода: утварь и оружіе, а также изваянія, вѣроятно, игравшія роль идоловъ или амулетовъ. Замѣчаютъ, что эти чудскія изваянія похожи на древніе памятники ацтековъ. Въ иныхъ мѣстностяхъ или въ иныхъ эпохи покойники погребались въ сидячемъ положеніи. Могилы часто внутри выкладывались кирпичемъ.—Тотъ-же Кельбергъ нашелъ въ Забайкальѣ остатки чудскихъ водопроводовъ и мельницъ, а между тѣмъ въ настоящее время еще многіе русскіе переселенцы въ Сибири мелютъ зерна на ручныхъ жерновахъ!

Рядомъ съ этими мертвыми остатками чудской культуры слѣдуетъ упомянуть и о двухъ органическихъ представителяхъ этого, Богъ вѣсть когда отжившаго міра: о вишнѣ и свицнѣ. Извѣстно, что въ Сибири въ настоящее время вишня не принимается. Г. Трапезниковъ, послѣ нѣсколькихъ, очень дорого ему стоившихъ опытовъ разведенія плодовыхъ деревьевъ въ Сибири, такъ-таки и былъ вынужденъ ограничиться отрицательными результатами. Правда, Альбинъ Коизъ, будучи самъ специалистомъ по части огородничества и садоводства, утверждаетъ, что опыты

эти производились при нарочито-нераціональныхъ условіяхъ. Мы тѣмъ охотнѣе вѣримъ на этотъ разъ А. Кону, что, по свидѣтельству очевидцевъ, еще въ недавнее время между чудскими могилами близъ Абацка видѣлось нѣсколько вишневыхъ деревьевъ; послѣднее исчезло лѣтъ тридцать тому назадъ. Въ Сибири также имѣется особая мѣстная порода свиней, которая ростомъ и дородствомъ значительно превосходитъ акклиматизированную здѣсь русскую породу. Ее называютъ чудскою, и родина ея, кажется, нерчинское управленіе, мѣстности котораго, особенно-же Баргузинскъ, изобилуютъ ископаемыми чудскими древностями.

Когда исчезла эта высшая изъ культурныхъ степеней, до сихъ поръ осуществленныхъ на сибирской почвѣ,—этого съ достовѣрностью рѣшить нельзя; несомнѣнно только, что она умерла не собственною своею смертію. Въ Тобольскѣ, Рыбинскѣ, Тарѣ до сихъ поръ еще сохранились преданія о какихъ-то кровопролитныхъ битвахъ. На западѣ отъ Тары до сихъ поръ уплѣбли высокія—футовъ въ 40 или 50—земляныя насыпи конической формы, которыя считаются у специалистовъ памятниками, воздвигнутыми на мѣстѣ этихъ битвъ побѣдителями. Что побѣдители эти стояли на низшей степени культурнаго развитія, чѣмъ побѣжденные,—въ этомъ не оставляютъ никакого сомнѣнія памятники второй изъ вышеупомянутыхъ категорій. Побѣдители эти были, по всей вѣроятности, тѣ-же самые монголы, которые отсюда двинулись позднѣе на западъ и оставили столь неизгладимыя слѣды и на достовѣрной исторіи нашего отечества. Встати замѣтимъ, что монголы въ современной этнографіи составляютъ такую сбивчивую и ничего собою невыражающую категорію, которую даже и употреблять совѣстно въ сочиненіяхъ, претендующихъ на какую-бы то ни было степень научной точности. Ключомъ къ сколько-нибудь систематической классификаціи сѣверно-азіатскихъ расъ служить изученіе нашихъ сибирскихъ инородцевъ. А между тѣмъ по этой части до сихъ поръ еще не сдѣлано почти-что ничего: Симонъ Палласъ до настоящаго дня долженъ оставаться настольною книгою каждаго, интересующагося этими вопросами. Кастрень, безспорно, сдѣлалъ много для изученія самоѣдскаго, тунгузскаго и остяцкаго языковъ; но, во-первыхъ, онъ слишкомъ исключительный лингвистъ; во-вторыхъ, онъ умеръ, не успѣвъ привести въ порядокъ вывезенный имъ

изъ послѣдняго сибирскаго путешествія матеріалъ. Миддендорфъ, котораго послѣдній выпускъ исключительно посвященъ этнографіи и снабженъ къ тому-же великолѣпными рисунками, даетъ не мало весьма драгоцѣнныхъ, но, къ сожалѣнію, очень неполныхъ, отрывочныхъ свѣденій... Что-же касается нашихъ ученыхъ соотечественниковъ, то они сами собираются кой-какими свѣденіями о своей родинѣ у тѣхъ-же нѣмцевъ. Такимъ образомъ недостатокъ свѣденій вообще, а свѣденій о близко-касающихся намъ предметахъ въ особенности, составляетъ Ахиллесову пяту нашего культурнаго быта по преимуществу. Онъ-то и поддерживаетъ въ насъ пылкія мечты о нашихъ неисчерпаемыхъ богатствахъ...

III.

Итакъ, нѣтъ сомнѣнія, что чудская культура существовала въ Сибири, что эта цивилизація пала, очевидно, не подъ вліяніемъ какихъ-нибудь неблагоприятныхъ мѣстныхъ условій, а только вслѣдствіе завоеванія, или, точнѣе говоря, вслѣдствіе цѣлаго ряда завоеваній, такъ-какъ едва-ли возможно допустить, чтобы всѣ разноязычныя и разнохарактерныя племена, которыхъ брѣнные останки еще остаются здѣсь и послѣ двухъ вѣковъ хроническаго вымиранія, явились сюда одновременно, подъ властью одного какого-нибудь вождя. Но куда-же дѣвалась самая чуждъ—этотъ бесспорно интереснѣйшій изъ древнихъ обитателей сибирской территоріи? И почему-же патріархъ исторіи и этнографіи Сибири, Мюллеръ, не упоминаетъ о чуди въ числѣ племенъ, которыя существовали здѣсь во времена Ермака и Кучума, хотя онъ и насчитываетъ много такихъ племенъ, которыхъ въ настоящее время и слѣдъ простылъ, такъ-что у насъ не остается никакихъ данныхъ рѣшить, что это были за племена. Впрочемъ, не только со времени Кучума, но даже съ конца XVII столѣтія, нѣкоторыя племена уже успѣли здѣсь исчезнуть безслѣдно. Такъ, на примѣръ, г. Ник. Латкинъ упоминаетъ о совершенномъ исчезновеніи ариновъ и качинцевъ, которые въ половинѣ XVII столѣтія были еще настолько сильны, что даже нападали на Красноярскъ.

Молчаніе Мюллера о чуди, впрочемъ, еще ровно ничего не доказываетъ. Весьма вѣроятно, что „чуждъ“ просто было собиратель-

ное прозвище, обозначающее цѣлую федерацію многочисленныхъ народцевъ, носившихъ каждый свое особое названіе, хотя и принадлежавшихъ къ финскому семейству. Федеративная форма политическаго быта, по свидѣтельству достовѣрнѣйшихъ нашихъ историковъ, была очень распространена въ древности, по крайней мѣрѣ, по сѣю сторону Урала. Если такъ, то легко могло быть, что, съ уничтоженіемъ федеративной связи подъ вліяніемъ завоеванія, исчезло и самое названіе, а оставшіяся въ живыхъ семейства каждаго отдѣльнаго народца разбрелись въ разныя стороны, всего болѣе на сѣверъ, а отчасти и за Уралъ. По крайней мѣрѣ, племя зырянъ въ пермской губерніи, во-1-хъ, съ этнографической точки зрѣнія, весьма загадочно, во-2-хъ, оно носить на себѣ явные слѣды давней и давно утраченной культуры. Наконецъ, нѣкоторыя части исчезнувшей чудской народности могли остаться и на прежнихъ мѣстахъ, уступая и подчиняясь вліянію завоевателей.

Черезъ сумбуръ официальной классификаціи инородческихъ племенъ легко, однакожь, установить слѣдующія главныя ихъ группы:

I. *Финская*, къ которой относятся вогулы, остяки, самоѣды и юраки.

II. *Монголы*, которыхъ наиболѣе типическими представителями въ Сибири служатъ буряты, тунгузы и манджурскія народности.

III. *Татары*, къ которымъ, кромѣ сибирскихъ собственно татаръ (тарскихъ, турскихъ, уйгурскихъ солнцепоклонниковъ), надо отнести якутовъ съ долганами и киргизовъ съ ихъ болѣе опредѣленнымъ тюркскимъ характеромъ.

Въ эту классификацію не входятъ народы крайняго сибирскаго Востока, о которыхъ мы не можемъ до сихъ поръ сказать рѣшительно ничего, что-бы имѣло хотя тѣнь научной достовѣрности. Кастренъ на основаніи своихъ лингвистическихъ, а Миддендорфъ — своихъ антропологическихъ изслѣдованій, равно отрицаютъ возможность создать изъ этихъ народностей какую-то особую расу. Впрочемъ, всѣ эти соображенія очень мало выжуются съ главнымъ предметомъ моей статьи; но установить три выше названныя группы было необходимо въ видахъ удобства дальнѣйшаго изложенія.

Очень вѣроятно, что народы первой, т. е. финской группы, если не были самою чудью, то несомнѣнно были причастны къ

чудской цивилизаціи. Всѣ они, очевидно, носятъ на себѣ слѣды народовъ не первобытно-дикихъ, а утратившихъ свою древнюю культурность отъ вѣковыхъ столкновеній съ сильнѣйшими ихъ варварскими побѣдителями — монголами. Позднѣ другихъ, по крайней мѣрѣ, въ западно-сибирскихъ предѣлахъ, пали остяки и сродные съ ними вогулы, которыхъ мы потому и рекомендуемъ, какъ представителей средняго термина этой группы. Слѣдовъ прежней культуры читатель въ нихъ найдетъ уже мало; но они, по крайней мѣрѣ, не отступили ни передъ древними своими побѣдителями, ни передъ русскими цивилизаторами. Во времена Ермака остяки, по свидѣтельству Мюллера, составляли сильное и не вполне подчиненное татарскимъ завоевателямъ племя; по крайней мѣрѣ, они, на правахъ союзниковъ, выслали на помощь Кучуму противъ казаковъ 20,000-ную армію. Даже при телерешнемъ своемъ упадкѣ, они все еще не дошли до той крайней степени униженія, которую мы встрѣчаемъ на каждомъ шагу между сибирскими инородцами. Они воздѣлываютъ особое растеніе, волокна котораго даютъ нити болѣе прочныя и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе нѣжныя, чѣмъ конопля; изъ этой ткани они дѣлаютъ свои одежды, называемыя „мавницами“. Отъ нихъ русскіе узнали противоскорбутныя свойства черемши. Ирбитскіе, тобольскіе и тюменскіе кушцы ведутъ съ остяками довольно дѣятельную торговлю и даже имѣютъ для этой цѣли постоянныхъ агентовъ въ Березовѣ и Нарышѣ, куда остяки являются платить свой ясакъ. Притѣсненія и надувательства, которымъ подвергаются при этомъ эти кроткія, хоть и одичалые потомки когда-то цивилизованныхъ отцовъ, можно легче вообразить, чѣмъ описать; мы-бы не стали даже упоминать о столь обыкновенномъ въ этихъ мѣстахъ дѣлѣ, если-бы остяки не выказывали весьма необычнаго въ инородцахъ протеста противъ такого образа дѣйствій своихъ просвѣтителей. Альбинъ Кюнь рассказываетъ сцену, которой ему пришлось быть свидѣтелемъ во время его плаванія по Оби: на одной стациіи остяки явились обмѣнивать рыбу на кумачъ, гвозди, бусы и т. п. товары, которые везъ для этой цѣли агентъ какого-то тобольскаго торговаго дома. Окончательная сдѣлка была умышленно отложена до той минуты, когда пароходъ уже трогался въ путь, и остякамъ оставалось, не посмотрѣвъ, забрать то, что имъ давалъ ловкій спекуляторъ, и убираться второпяхъ на свои байдары.

На этотъ разъ операція, должно быть, оказалась особенно выгодною для купца, потому что одинъ изъ остяковъ, нагнавъ удаляющійся пароходъ вплавь, зарѣзалъ мошенника на глазахъ пассажировъ и матросовъ и бросился за бортъ прежде, чѣмъ его успѣли схватить.

Совершенно иное дѣло самоѣды: слишкомъ очевидно загнанные враждебною силою въ печорскія болота и холодныя тундры Сибири, изобилующія только графитомъ, они успѣли уже дойти до того крайняго предѣла вырожденія, котораго мы не встрѣчаемъ даже на низшихъ ступеняхъ человѣческаго существованія. А между тѣмъ достаточно взглянуть только на коллекцію превосходно выполненныхъ самоѣдскихъ типовъ, приложенную къ послѣдному выпуску „Ost-sibirische Reise“ Миддендорфа, чтобы убѣдиться, что это вовсе не какая-нибудь низшая порода людей; но кругныя обстоятельства дѣлаютъ и богато одаренныя натуры. Обстоятельствъ же круче тѣхъ, съ которыми приходится имѣть дѣло самоѣдамъ, въ особенности же восточнымъ вѣтвямъ этого племени, даже и придумать мудрено. Тундра, на которой они осуждены скитаться, такова, что самоѣдскіе шаманы утверждаютъ, будто Богъ ее и не сотворялъ вовсе, а она самопроизвольно явилась на свѣтъ божій. Миддендорфу пришлось прожить между самоѣдами цѣлую зиму, и это обстоятельство дало ему возможность разглядѣть даже въ ихъ до-нельзя униженномъ быту несомнѣнные слѣды прежней культуры. Это дѣлаетъ большую честь спокойной и проницательной наблюдательности автора, такъ-какъ на первый взглядъ здѣсь ничего, кромѣ превосходящаго всякое описаніе униженія человѣческой природы, разглядѣть невозможно: не только половая стыдливость, но даже несомнѣнно свойственная многимъ животнымъ элементарная чистоплотность ими утрачены отъ тяжелой необходимости проводить въ повалку и безвыходно въ юртѣ долгія зимы. Грязь покрываетъ ихъ такую корою, что когда, съ наступленіемъ весны, они отъ нея отмылись (замѣняя мыло щелочными выдѣленіями своего собственнаго тѣла), то Миддендорфъ не могъ узнавать лица тѣхъ, съ которыми онъ безотлучно прожилъ 9 мѣсяцевъ. Оказывается однакожь, что и тутъ, какъ я выше замѣтилъ, существуютъ извѣстныя нравственныя понятія, даже моды и цѣлый кодексъ приличій, который не могъ зародиться при тѣхъ бытовыхъ условіяхъ, въ которыхъ самоѣды живутъ

теперь. Замѣчательно между прочимъ, что самоѣдская дѣвица, несчитающая нужнымъ прикрывать свои половые органы въ юртѣ вокругъ огня, хотя-бы въ сообществѣ цѣлаго племени, будетъ навѣки опозорена, если бы кто-нибудь увидалъ обнаженную ея ногу. Притомъ самоѣды довели до замѣчательнаго совершенства выдѣлку кожъ, т. е. такую отрасль производства, которой не только сибирякамъ, но и намъ, русскимъ, весьма не излишне было-бы у нихъ поучиться.

Не могу не упомянуть здѣсь объ остаткахъ крайне интереснаго племени юраковъ, которое г. Венюковъ не счелъ даже нужнымъ помѣстить на своей этнографической картѣ азіатской Россіи, такъ-какъ ихъ едва остается 500 человѣкъ (300 мужчинъ и 200 женщинъ), кочующихъ въ тундрахъ между Уральскимъ хребтомъ и Енисеемъ. Ихъ по справедливости можно назвать послѣдними могиканами чудской цивилизаціи: въ гордомъ отчужденіи отъ другихъ племенъ, особенно-же отъ русскихъ, они вымираютъ, но не вырождаются. По наружному виду они крѣпче и значительно выше ростомъ всѣхъ другихъ инородческихъ племенъ западной Сибири, а также отличаются отъ нихъ чистоплотностью и особенно заботливостью о своихъ дѣтяхъ. При всемъ этомъ они совершенно беспомощны противъ двухъ страшнѣйшихъ бичей своего климата и быта: ослы и голоднаго тифа. Ихъ жилище называется „тюмень“ и весьма напоминаетъ вигвамы американскихъ индѣйцевъ. Очень интересно было-бы изучить ихъ въ связи съ маленькимъ племенемъ баргузовъ близъ Баргузинска, которое представляетъ нѣкоторыя, сходныя съ юраками, бытовые черты; притомъ-же оба племени живутъ въ настоящее время въ мѣстностяхъ, изобилующихъ чудскими древностями. Но о баргузахъ лично мнѣ очень мало извѣстно. Выше уже было говорено, что чудская цивилизація распространялась до Забайкалья, однако, на востокъ отъ Енисея мы уже не встрѣчаемъ завѣдомо-финскихъ племенъ. Такимъ образомъ, цѣлый рядъ фактовъ наводитъ насъ на мысль, что Сибирь досталась намъ вовсе не въ качествѣ совершенно первобытной, дикой страны, въ которой намъ приходилось-бы насаждать первые корни цивилизаціи и культуры, которыхъ, впрочемъ, мы и не думали насаждать; наша задача здѣсь была проще и легче: надлежало только возстановить и поддержать то, что уже и безъ насъ здѣсь давно существовало, и за это скромное дѣло

мы были-бы съ избыткомъ вознаграждены тѣми удобствами и выгодами, которыя русскіе поселенцы непременно извлекали-бы, встрѣтивъ на мѣстѣ нынѣшнихъ вымирающихъ инородцевъ, отъ которыхъ, кромѣ тифозной и оспенной заразы, дѣйствительно можно позаимствоваться только очень немногимъ, — дружественныя и хорошо знакомыя съ мѣстными условіями племена, чудскія или монгольскія — это все равно.

IV.

Что чудская цивилизація въ Сибири пала подъ ударами монгольско-татарскаго завоеванія — это не можетъ подлежать сомнѣнію. Нѣкоторую историческую и этнографическую загадку можетъ составлять только то, были-ли здѣсь, такъ-сказать, послѣдовательные періоды завоеваній монгольскихъ и татарскихъ, или-же монголы и татары приходили сюда вмѣстѣ, въ видѣ сброднаго племени подъ властью какого-нибудь сильнаго общаго вождя, какъ они впоследствии явились въ Европу? Но здѣсь рѣшеніемъ этого вопроса мы заниматься не станемъ, а лучше посмотримъ, какой бы-то вой строй водворился на развалинахъ прежней чуди.

Судя по наилучше сохранившемуся народу монгольской группы, т. е. по бурятамъ, культурный уровень этихъ побѣдителей былъ, безспорно, очень низокъ. Благодаря изслѣдованіямъ Густава Радде и Эрмана, мы знаемъ буряты лучше другихъ ихъ восточныхъ и западныхъ сосѣдей; однакожь, признаковъ когда-то высшей культуры въ нихъ отыскать не удалось и до сихъ поръ. Судя по языку, буряты несомнѣнно доводятся близкими родичами знаменитымъ гуннамъ. Слово гуннъ (по-монгольски *кунъ* или *кумынъ*) и теперь обозначаетъ человѣка на бурятскомъ нарѣчій. Всѣмъ своимъ бытовымъ и психическимъ складомъ буряты напоминаютъ хорошо извѣстный типъ кочевыхъ завоевателей, живущихъ свое собственное благополучіе на поработеніи и разореніи воинственно-слабѣйшихъ народовъ. Только въ недавнее время они стали усваивать нѣкоторыя приемы культурнаго развитія. Такъ, буряты Братской волости (близь Балаганска) занимаются даже земледѣіемъ, но главное ихъ значеніе въ экономическомъ быту Сибири составляетъ извозный промыселъ. Товарныя сообщенія между Кяхтою и

Иркутскомъ — центромъ нашей восточной торговли — поддерживаются исключительно бурятами; караваны ихъ идутъ зимою, въ декабрѣ и январѣ, такъ-что самыя байкальскія гавани (Лиственничная и Посольскій монастырь) служатъ только станціями этого караваннаго пути. На льду Байкальскаго озера устраиваются обыкновенно и промежуточные караванъ-сераи; но такъ-какъ нерѣдко проваливались здѣсь не только цѣлые караваны, но и станціи, то съ 1863 г. дорога эта начинается все болѣе и болѣе замѣняться южною обходною дорогою. Съ развитіемъ пароходства по Ангарѣ и Селенгѣ, Посольскъ совершенно долженъ потерять всякое значеніе. Скотоводство и главнѣйшимъ образомъ табуны составляютъ одну изъ главныхъ статей бурятскаго народнаго хозяйства. Нечего и распространяться о томъ, что эти важныя для Сибири хозяйственныя отрасли находятся у бурятъ въ самомъ первобытномъ состояніи. Отъ сближенія съ русскими буряты не только сами не научились сколько-нибудь рациональному веденію этого дѣла, но, напротивъ, русскіе-же перенимаютъ у нихъ ихъ варварское обращеніе съ животными и ихъ первобытныя способы обработки молочныхъ продуктовъ, преимущественно масла. Въ домашнемъ хозяйствѣ бурятъ немаловажную роль играетъ продажность ихъ женщинъ. Едва только русскій, ссыльный, промышленникъ или путешественникъ, попадетъ въ бурятскую деревню или кочевье, мужчины спѣшатъ оставить его наединѣ съ своими красавицами. Если, по ихъ возвращеніи, жена или дочь можетъ показать какой-нибудь цѣнный, полученный ею подарокъ, то и сама она, и гость становятся предметомъ даже нѣкотораго уваженія. Вообще-же буряты не могутъ похвалиться классическимъ гостеприимствомъ кочевниковъ. Изъ ремеслъ у бурятъ довольно развиты тѣ, которыя особенно важны въ кочевомъ быту; такъ, напримѣръ, бурятскіе кузнецы значительно лучше русскихъ. Это заставляетъ предполагать, что желѣзо имъ знакомо уже съ давнихъ поръ; а между тѣмъ въ настоящее время желѣзо привозится въ Сибирь съ Урала. Въ Нерчинскѣ живетъ главный буддійскій жрецъ бурятъ — Бандида-Хамбо; впрочемъ, буддизмъ у бурятъ хотя и не вырожденъ окончательно въ шаманство, но очень существенно переижданъ съ суевѣріями, распространенными у всѣхъ сибирскихъ народовъ, а отъ нихъ перешедшими и къ русскимъ переселенцамъ Сибири, у которыхъ мы находимъ даже особый

глаголь *шаманить*, т. е. продѣлывать разные волшебные обряды, заимствованные у инородцевъ. Когда мы встрѣчаемъ у русскихъ сибиряковъ, напримѣръ, вѣру въ *сохатаго*, то мы еще можемъ не согласиться съ нѣмцами, будто она заимствована ими у бурятъ, такъ-какъ бурятскій сохатый совершенно тождественъ съ нашимъ домовымъ; но очень нерѣдко мы найдемъ у переселившихся въ Сибирь нашихъ соотечественниковъ такія характеристическія суевѣрія, какъ, напримѣръ, „вынутіе души“ у живого человѣка, заимствованное, очевидно, у маленькаго племени сойотовъ, кочующихъ въ восточномъ Саянѣ, близъ знаменитыхъ графитныхъ копей Алибера. Сойоты эти говорятъ по-бурятски, но у нихъ сохранилось преданіе, будто прежде они имѣли свой особый языкъ, котораго теперь никто не знаетъ. Они ведутъ свой родъ отъ какого-то сказочнаго богатыря Ирхита и считаютъ себя родственниками, кажется, манджурскаго племени урѣнховъ, кочующихъ въ сибирскихъ предѣлахъ, за Мунку-Сардыкомъ, у озера Коссоголь. Перикинъ посѣтилъ урѣнховъ въ 1857 г., по порученію графа Перовскаго, въ поискахъ за мѣдной рудой и за лаписъ-лаzureмъ. Онъ нашелъ у нихъ такую ступень матеріальнаго благоденствія и культуры, которой не достигъ еще ни одинъ монгольскій народъ въ предѣлахъ Сибири.

Возвращаясь къ бурятамъ, замѣтимъ, что хотя они и лучше другихъ своихъ собратій сумѣли приспособиться къ новымъ политическимъ условіямъ, но тѣмъ не менѣе постепенно нищаютъ и вымираютъ даже довольно быстро. Въ Братской волости ихъ остается всего до 50,000.

За вѣтвь бурятскаго племени считаются также карагасы, кочующіе въ лѣсахъ на сѣверномъ склонѣ Малаго Алтая, въ особенности на рѣкѣ Удѣ. Они дѣйствительно говорятъ по-бурятски и носятъ сходную съ ними одежду, во всѣхъ-же другихъ отношеніяхъ представляютъ съ ними очень мало общаго. Въ особенности они отличаются своимъ рыцарскимъ духомъ и гостепріимствомъ, благодаря которому нашъ такъ-называемый „бродяжій путь“ идетъ черезъ ихъ мѣстность. Карагасы едва-ли не лучшіе во всей Сибири охотники и имѣютъ совершенно своеобразныя ружья, хотя, повидимому, охота стала почти исключительно ихъ промысломъ только съ тѣхъ поръ, какъ варварское выжиганіе лѣсовъ вынуждаетъ ихъ къ частымъ перекочевы-

ваніямъ изъ одного лѣса въ другой. Еще лѣтъ двадцать пять тому назадъ карагассовъ считалось 3,000 душъ; теперь ихъ уцѣлѣло только нѣсколько сотенъ. Уже 25 лѣтъ тому назадъ у нихъ не было домашнихъ животныхъ, кромѣ оленей; за то достаточныя семьи имѣли ихъ отъ 800 до 1,000 головъ; теперь же хозяйство и съ 30-ю оленями уже считается очень достаточнымъ. Карагассы — чистые солнцеповлонники, и мы не знаемъ у нихъ слѣдовъ буддизма или шаманства. Въ ихъ мѣстности сохранились какія-то каменные постройки, о которыхъ намъ тоже очень мало извѣстно.

Карагассы платятъ ясакъ нижеудинскому исправнику. Самъ по себѣ этотъ ясакъ, для нихъ, какъ и для большинства инородцевъ, не обременителенъ, но сборъ его происходитъ нежеслѣдующимъ образомъ: исправникъ является на мѣсто, назначенное для сбора, въ сопровожденіи 20 или 30 казаковъ; карагассы ждутъ этого наѣзда, какъ грома, и тотчасъ-же начинаются торги съ ихъ старшинами, т. е. опредѣляется то количество мѣховъ, которое исправникъ беретъ себѣ за то, чтобы признать мѣха, предназначенные въ уплату ясака, годными. Торги эти дѣлятся иногда цѣлую недѣлю. Правительство запрещаетъ продавать инородцамъ водку, но нижеудинскіе купцы находятъ слишкомъ жестокимъ подобное лишеніе этихъ добрыхъ людей столь существеннаго блага нашей цивилизаціи. Не знаю, уступаютъ-ли нижеудинскіе исправники этимъ купцамъ право торговать этимъ запретнымъ товаромъ бесплатно, но съ карагассовъ взимается за это новый налогъ; вслѣдъ затѣмъ исправникъ съ казаками удаляется. Когда уже карагассы совсѣмъ пьяны, то купцы выкадываютъ передъ ними провезенные изъ Слободскаго села или Нижнеудинска: муку, порохъ, чай, бусы, ружейные стволы, ножи и т. п.

Къ монгольской-же группѣ относятся разбросанные здѣсь на необозримомъ пространствѣ почти 3 милліоновъ квадратныхъ верстъ тунгусы, которыхъ Миддендорфъ считаетъ древнѣйшими обитателями этого края. Миддендорфъ также обращаетъ вниманіе на дѣйствительно поразительное сходство нѣкоторыхъ тунгусскихъ типовъ съ американскими краснокожими. Официальная классификація тунгусскихъ племенъ не имѣетъ, разумѣется, никакого научнаго значенія. Сами тунгусы называютъ себя „*бое*“ или „*оээнки*“; названіе-же тунгусовъ дано имъ китайцами и значить

„волючіе татары“. Не подлежитъ сомнѣнію, что большая часть племенъ средняго и нижняго Амура: дауры, мангуны или ольча, также какъ и ороконы и манегры, представляютъ собою только различныя видоизмѣненія общаго тунгусскаго племени, которое новѣйшими этнографами считается за особое семейство монгольской расы. Выѣшнимъ своимъ видомъ тунгузы чрезвычайно напоминаютъ японскій плебейскій типъ.

Если буряты по отношенію къ древнѣйшей чудской цивилизаціи разыграли неблаговидную роль разрушителей, даже неспособныхъ воспользоваться тѣмъ, что они разрушали, то тунгузы, кочующіе въ нашей тайгѣ и тундрахъ, ни съ чудскою, ни съ какою-бы то ни было другою цивилизаціею до сихъ поръ ни въ какихъ отношеніяхъ еще вовсе не бывали. Это, безспорно, одно изъ первобытнѣйшихъ племенъ, въ настоящее время существующихъ въ какихъ-бы то ни было частяхъ свѣта. Но если-бы изъ этого стали заключать, что тунгузы ни къ какой цивилизаціи вовсе неспособны, или что цивилизованіе ихъ сопряжено, по крайней мѣрѣ, съ какими-нибудь нарочитыми трудностями, то намъ вовсе не пришлось-бы даже, въ опроверженіе такого ошибочнаго мнѣнія, сослаться на общую монгольско-манжурскимъ племенамъ переимчивость, на высокій культурный уровень поразительно сходныхъ съ тунгузами японцевъ и т. п. Гораздо ближе сослаться на примѣръ тунгузовъ - жѣ, но подчинившихся китайскому вліянію. Казалось-бы, не Богъ знаетъ какіе уродились цивилизаторы китайцы, а между тѣмъ, по единодушному свидѣтельству путешественниковъ, манжурскія и тунгузскія поселенія праваго берега Амура, въ особенности мангунскія въ низовьяхъ этой рѣки, являются какими то отрадно-дѣйствующими на европейскую душу оазисами по сравненію даже съ нашими казацкими станицами на сѣверномъ берегу или хотя-бы съ самимъ Благовѣщенскомъ. „Благовѣщенскъ, говоритъ Рич. Андре, — представляетъ унылые ряды солдатами сколоченныхъ деревянныхъ лачугъ съ красивыми крышами; ихъ въ немъ 3,434; но ни вокругъ, ни около ни одного деревца. Совершенно иную картину представляетъ правый китайскій берегъ. Чѣмъ ближе къ Айгуну, отстоящему отъ Благовѣщенска всего въ 33 верстахъ, тѣмъ видъ становится привлекательнѣе. Селеніе тянется за селеніемъ, деревня за деревнею. Селенія эти и деревни ничего не

представляютъ особеннаго, но видъ ихъ дѣйствуетъ отрадно; они утопаютъ въ зелени садовъ, такъ-какъ религіозныя вѣрованія жителей обязываютъ ихъ окружать деревьями свои кладбища. Русскіе-же какъ-бы умысленно окружаютъ себя пустырями и навозными кучами“.

Удивительно ли, что наши сибирскіе инородцы, по крайней мѣрѣ, тѣ изъ нихъ, которые не вовсе успѣли одичать и отупѣть, естественно льнутъ къ Китаю, такъ-что уже въ концѣ прошлаго столѣтія правительство нашлось вынужденнымъ запретить бурятскимъ ламамъ ихъ частыя путешествія за-границу, подъ предлогомъ будто-бы пополненія своего религіознаго образованія. Единственною мѣрою, предпринятою до сихъ поръ въ видахъ просвѣщенія нашихъ тунгузовъ, было запрещеніе имъ татуироваться, такъ-какъ уплату ясака нельзя-же считать особенно цивилизующею мѣрою. Впрочемъ, если для карагасовъ, кочующихъ въ неприступныхъ лѣсахъ, ясакъ самъ по себѣ, т. е. независимо отъ злоупотребленій, связанныхъ съ его взиманіемъ, можетъ быть признанъ необременительнымъ, то едва-ли то-же самое можно сказать о тунгузахъ, такъ-какъ полезныя животныя уже значительно перевелись въ ихъ странѣ. Аргали или сибирская дикая коза исчезла вовсе даже въ русской Дауріи; средней-же уловъ пушныхъ звѣрей считается въ зиму 4 соболя, 150 бѣлокъ да нѣсколько лисицъ, волковъ и медвѣдей. А между тѣмъ охота составляетъ почти единственный ресурсъ тунгузовъ, все хозяйственное богатство которыхъ состоитъ изъ оленей. Лошадей имѣютъ только манегры, которыхъ потому и называютъ конными тунгузами. Впрочемъ, при варварскомъ выжиганіи степей, манеграмъ приходится все болѣе и болѣе переходить въ оленій разрядъ, а такъ-какъ и олени не питаются золой или льдомъ, то число ихъ быстро уменьшается, обуславливая собою и соответственное уменьшеніе числа своихъ обладателей. А между тѣмъ тунгузы являются необходимыми пособниками золотопромышленности въ тайгѣ, по свидѣтельству спеціалиста г. Латкина, такъ-какъ только, благодаря имъ и въ особенности ихъ верховой ѣздѣ на оленяхъ, приски и разсыскныя партіи въ этихъ мѣстахъ могутъ сообщаться съ остальнымъ міромъ.

Послѣ самоѣдовъ, дошедшихъ уже до того, что они даже къ

бѣлымъ медвѣдямъ относятся не только со страхомъ, но съ почетомъ, видя въ нихъ особую націю, сознательно отстаивающую противъ людей цѣлостность своей территоріи, тунгузы, кажется, самое жалкое и безпомощное племя цѣлой Сибири. Оспа и голодный тифъ истребляютъ ихъ иногда цѣлыми родами. Мы извѣстно нѣсколько случаевъ, когда сибирскіе промышленники или развѣдчики наѣзжали на тунгусское кочевье, гдѣ находили всѣхъ мертвыми, за изъятіемъ одного или двухъ совершенно безпомощныхъ младенцевъ, которые только благодаря такой счастливой случайности избѣгали ужасовъ голодной смерти или не становились добычею дикихъ звѣрей.

V.

Монгольская группа народностей рисуется, какъ читатель увидѣлъ, съ точки зрѣнія культурности, въ далеко не привлекательномъ свѣтѣ. Однако, изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы тотчасъ за паденіемъ чудской цивилизаціи въ Сибири немедленно водворился тотъ безпроглядный мракъ времёнъ, который такъ разительно властвуетъ въ ней теперь. Мы уже говорили объ остаткахъ каменныхъ построекъ въ Саянскомъ хребтѣ, которыя по происхожденію своему едва-ли тождественны съ чудскими древностями. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что, при нѣкоторомъ разслѣдованіи здѣшнихъ непочатыхъ угловъ, выступятъ доселѣ неизвѣстные, но неотразимые свидѣтели невѣдомо когда отжившей и богчвѣсть откуда занесенной сюда культуры.

Не желая, однакожь, вдаваться въ предположенія и догадки о будущемъ, замѣчу только, что за культурою чудскою въ Сибири слѣдуетъ періодъ татарской культуры, которой географическія границы точно такъ-же, какъ и бытовой уровень, теперь уже и опредѣлить едва-ли возможно. Весьма вѣроятно, что во время казацкаго завоеванія культура эта еще существовала, какъ живой, насущный фактъ. Казаковъ, разумѣется, никому въ голову не придетъ обвинить за то, что они не занялись тотчасъ-же этнографическимъ изслѣдованіемъ ихъ земель; но тѣ, которымъ они, такъ-сказать, изъ рукъ въ руки передали это

громадное царство, не имѣють уже равныхъ съ ними правъ на происхожденіе и невѣрность. Можно съ большою вѣроятностью утверждать, что позднѣйшая татарская цивилизація Сибири исчезла съ лица земли уже во времена русскаго владычества. Легкость, съ которою Сибирь покорилась горсти пришлыхъ людей, еще не доказываетъ, какъ это обыкновенно думаютъ, будто Сибирь уже и въ тѣ времена была такою-же дикою и безлюдною, какою она стала потомъ. Легкость эта свидѣтельствуетъ о томъ только, что и позднѣйшая культура Сибири имѣла тотъ-же разрозненный, федеративный характеръ, какой мы предполагаемъ за чудскою цивилизацію. Завоеватели легко могли, даже сами того не подозрѣвая, находить себѣ союзниковъ въ массахъ народонаселенія, тяготившихся хищническимъ деспотизмомъ монголовъ. То, что намъ извѣстно о подробностяхъ завоеванія Сибири, не только не противорѣчитъ этому предположенію, но даже и подтверждаетъ его.

Но обратимся къ самому замѣчательному представителю татарской народности въ Сибири, а именно къ якутамъ.

Какимъ образомъ это, теперь совсѣмъ почти вымершее племя, поцало на далекій сѣверо-востокъ Сибири?—это, конечно, составляетъ одну изъ тѣхъ загадокъ, которыхъ географическое распредѣленіе желто-азіатской расы представляетъ не мало вообще. Чтобы не ходить далеко за примѣрами, сошлемся хотя-бы на калмыковъ донскихъ степей, которые являются такимъ-же отрѣзаннымъ ломтемъ монгольскаго семейства на западѣ, какъ и якуты на Ленѣ. Миддендорфъ особенно тщательно изслѣдовалъ это крайне интересное племя, и языкомъ, и чертами лица рѣзко выдѣляющееся изъ среды ближайшихъ своихъ сосѣдей.

Но и помимо этнографическаго интереса, якуты заслуживаютъ особеннаго вниманія также и тѣмъ, что они до сихъ поръ единственные обитатели и, такъ-сказать, охранители одной изъ богатѣйшихъ сибирскихъ областей, заключающей въ себѣ несомнѣннѣйшіе задатки экономическаго развитія. Несмотря на свое, повидимому, очень невыгодное географическое положеніе, якутская область пользуется, однакъ, сравнительно довольно умѣреннымъ климатомъ. Средняя годовая температура здѣсь — 8°, 25 Реом. Правда, распределена она по временамъ года крайне неравно-

мѣрно, такъ что лѣтомъ зной доходитъ до $+ 36^{\circ}$ Реом., а зимою нерѣдко 50° -вне морозы. Средняя температура лѣта почти $+ 17^{\circ}$ Р. Эти свойства здѣшняго климата, вмѣстѣ съ доброкачественностію почвы нѣкоторыхъ долинъ и равнинъ, дѣлають Якутскую область гораздо болѣе удобною для земледѣлія, нежели многія, южнѣ лежація страны Сибири. Врангель, прожившій нѣсколько лѣтъ въ этихъ мѣстностяхъ, указываетъ на равнину Міоре, верстъ 100 къ сѣверу отъ Якутска, какъ на одну изъ удобнѣйшихъ для хлѣбонашества. Уже въ прошломъ столѣтіи нѣкто Иванъ Степановичъ Старостинъ осуществилъ первый опытъ полевого хозяйства въ этомъ далекомъ и мало извѣстномъ краѣ. Однакожь, примѣръ его до сихъ поръ находитъ очень мало послѣдователей.

Надо-ли говорить, что эти единичные опыты еще не создали земледѣлія въ этомъ обширномъ и богатомъ краѣ? Сами якуты въ настоящемъ своемъ положеніи хлѣбонашествомъ въ большихъ размѣрахъ заниматься не могутъ, — главнѣйшимъ образомъ по недостатку земледѣльческихъ орудій. Все-же привозное продается имъ по чудовищной цѣнѣ. Такъ, напримѣръ, 1 фунтъ табаку, стоящій на базарѣ въ Иркутскѣ отъ 4—10 коп. сер., въ Якутскѣ цѣнится 1 р. 25 коп.; 1 ф. хлѣба стоитъ 20 коп. сер. Къ тому-же, такъ-какъ торговля ведется не на деньги, а въ обмѣнъ на мѣха, то и эти чудовищныя цѣны оказываются только номинальными. Въ дѣйствительности-же всѣ эти „дѣла цивилизаціи“ обходятся якуту еще дороже, такъ-какъ мѣха отъ него принимаются за безцѣновъ: бѣлка — максимумъ въ 2 коп. сер., лучшая лисица — въ 1 р. с., т. е. отдается за 5 фунт. хлѣба; а между тѣмъ пушныя звѣри и здѣсь примѣтно выводятся, а возрастаютъ въ численности крупныя хищники, съ которыми плохо-вооруженнымъ якутамъ бороться не подѣ силу. Кстати замѣтитъ, что здѣсь водятся даже и пантеры.

Такъ-называемыя *албаты*, т. е. обширнѣйшіе луга по верховьямъ Колымы, а также между Колымою и Леною, представляютъ превосходныя пастбища, на которыхъ якуты развели скотоводство въ довольно обширныхъ размѣрахъ. Здѣсь-же они развели и породу татарскихъ лошадей. Лучшими и многочисленнѣйшими считаются табуны Сулуй-Этара по Верхней Колымѣ. 82-лѣтній

якуты разсказывалъ Врангелю, будто въ старыя годы якуты занимались и земледѣліемъ, а также имѣли свои письмена.

Якутская область имѣетъ большія залежи мамонтовой кости. Миддендорфъ даетъ рисунки нѣкоторыхъ издѣлій, вырѣзанныхъ изъ нея при помощи простаго ножа. По этимъ рисункамъ мы можемъ судить, что якуты не уступаютъ въ искусствѣ рѣзбы, по крайней мѣрѣ, швейцарскимъ горцамъ, которыхъ рѣзные работы изъ дерева находятъ себѣ въ Европѣ обширный сбытъ.

Миддендорфъ утверждаетъ, что якуты подчиняютъ своему вліянію не только тунгузовъ, съ которыми они ведутъ крайне выгодную для себя торговлю, но даже русскихъ. Тѣмъ, говорить онъ на стр. 1546 своего послѣдняго выпуска, — кому мое мнѣніе покажется преувеличеннымъ, я сошлюсь не только на нѣкоторыхъ, лично мнѣ извѣстныхъ, простыхъ поселенцевъ Таймырскаго края, но и на цѣлое семейство священника въ Хатангскомъ погостѣ; я сошлюсь на цѣлое большое селеніе „Альгинская слобода“, почти примыкающее къ городу Якутску; я сошлюсь на самый городъ Якутскъ, гдѣ въ мое время, на вечеринкахъ у русскихъ купцовъ и даже у чиновниковъ, говорили по-якутски. Но всего убѣдительнѣе будетъ, конечно, ссылка на одного изъ высшихъ чиновниковъ здѣшней администраціи (г. Уваровскаго), который самъ много работалъ въ разныхъ канцеляріяхъ и управленіяхъ, а между тѣмъ пишетъ свое сочиненіе по-якутски, такъ-какъ этотъ языкъ ему оказывается ближе всѣхъ другихъ; будучи русскимъ, онъ, однакожъ, на каждомъ словѣ своего сочиненія выдаетъ себя за умнаго и благовоспитаннаго якута, какимъ онъ дѣйствительно сталъ вполнѣ“.

Сами-же якуты у русскихъ сдѣлали только одно важное заимствованіе: игорныя карты, при помощи которыхъ они съ успѣхомъ состязаются въ *козырдашъ* и *маряшъ*, очевидно тоже заимствованныя у своихъ просвѣтителей.

Есть довольно вѣрныя указанія на то, что якуты пришли въ нынѣшнюю якутскую область съ Байкала, будучи вытѣснены оттуда бурятами, но весьма мало вѣроятія, чтобы окрестности Байкальскаго озера были дѣйствительною ихъ родиною.

Сѣвернѣе якутовъ, въ непривѣтныхъ мѣстностяхъ по низовьямъ Яны, Индигирки и Колымы, живетъ очень малочисленно

племя юкагировъ, которое мы знаемъ по описанію Врангеля. Трудно рѣшить—составляютъ-ли юкагиры вѣтвь племени якутскаго, значительно измѣнившуюся подѣ влияніемъ неблагопріятныхъ климатическихъ и экономическихъ условій, или-же, наоборотъ, составляютъ они одно изъ многочисленныхъ племенъ сѣверо-восточнаго побережья, составляющихъ и по сей день загадку этнографіи и группируемыхъ обыкновенно въ одно, очень нестройное плѣо, подѣ названіемъ „полярной расы“? У юкагировъ сохранилось преданіе о какомъ-то могущественномъ племени *омоковъ*, будто-бы обитавшемъ въ этихъ мѣстахъ и распространившемся далеко на югъ, на востокъ и на западъ. Мнѣ вѣзетъся, что сказаннаго мною о якутахъ вполне достаточно для того, чтобы убѣдить читателя въ возможности уже давнишняго существованія культуры въ этомъ, повидимому, столь непривѣтномъ краѣ. Несмотря на всѣ перетерпѣнныя ею отъ послѣдующихъ завоеваній невзгоды, культура эта здѣсь уцѣлѣла даже больше, чѣмъ гдѣ-бы то ни было на сибирской почвѣ, благодаря все тѣмъ-же якутамъ, которые одни только и представляютъ свѣтлое пятно на крайне мрачномъ фонѣ поголовнаго и хроническаго вымиранія сибирскихъ инородцевъ. Отъ чудской цивилизаціи уцѣлѣли одни только бугры да могилы, отъ цивилизаціи татарской уцѣлѣли живые люди, если только не докажется когда-нибудь, что якуты сами были однимъ изъ звеньевъ огромной чудской цѣпи, тянувшейся когда-то отъ Финскаго залива вплоть до Забайкалья. Это возможно; но при нынѣшнемъ недостаткѣ свѣдѣній на этотъ счетъ ничего, кромѣ болѣе или менѣе остроумныхъ догадокъ и предположеній, сказать нельзя.

Чтобы покончить съ помянутыми юкагирами, замѣчу, что ихъ остается немногимъ болѣе 1,000 душъ, которые живутъ въ перемежку съ такимъ-же числомъ якутовъ и болѣе 300 русскихъ переселенцевъ. Юкагиры преимущественно рыболовы, ловятъ нельму, стерлядь, осетра, которые продаются русскимъ промышленникамъ; сами-же питаются по преимуществу сельдями, когда онѣ есть, такъ что втеченіи одного мѣсяца (сентября, когда улевъ всего лучше) одна семья съѣдаетъ среднимъ числомъ до 30,000 сельдей. Немаловажное подспорье составляетъ для нихъ ягода *мамюра*, собираніе которой сопровождается у нихъ

особенными обрядами и танцами, и мучнистый корень *макарша*, который въ большомъ количествѣ припасается мышами за зиму въ ихъ норкахъ; а юкагиры заимствуютъ его уже у мышей. Не странно-ли, что у насъ и рѣчи никогда не было о томъ, чтобы аклиматизировать этотъ питательный корень въ сѣверныхъ предѣлахъ европейской Россіи, гдѣ онъ могъ-бы послужить, быть можетъ, полезнымъ суррогатомъ лебеды? А корень-то долженъ быть неприхотливый насчетъ климатическихъ условій, такъ-какъ родится въ странѣ, гдѣ средняя годовая температура—13° Реом. и гдѣ непрерывная ночь длится болѣе 5 недѣль.

Мы пройдемъ молчаніемъ наши владѣнія на Тихомъ океанѣ, такъ-какъ роль ихъ на долгое время останется еще чисто - пассивною въ экономическомъ отношеніи, а слѣдовательно они очень мало вяжутся съ главною мыслью этой статьи. Какъ-бы мы ни относились къ недавней продажѣ Соединеннымъ Штатамъ нашихъ американскихъ владѣній и къ еще болѣе недавнему обмѣну Курильскихъ острововъ на японскую половину Сахалина.—всѣ эти вопросы могутъ заживо задѣвать развѣ только матеріальныя выгоды гг. Филиппеуса и К°, единственныхъ эксплуататоровъ этихъ отдаленныхъ краевъ, а вовсе не національные русскіе интересы. Едва-ли кому придетъ въ голову упрекнуть насъ въ томъ, чтобы мы были обижены величиной своей территоріи, не обезпечили себѣ достаточнаго географическаго пространства для проявленія зидительной инициативы русской націи. Но едва-ли и самый красной патріотъ рѣшится утверждать, чтобы мы проявили свою зидительную силу въ чемъ-нибудь съ надлежащей энергіей, чтобы мы воспользовались хоть сотою долей тѣхъ естественныхъ богатствъ, которыя лежатъ мертвыми на необозримыхъ пространствахъ Сибири. Этого мало; мы истощили, расхитили эти богатства бесполезно для себя и ко вреду для всего человѣчества; мы довели инородцевъ до хроническаго вымирания, преслѣдуя какія-то эфемерныя экономическія выгоды. Помилюйте—скажутъ мнѣ—да развѣ исчезновеніе низшихъ расъ передъ лицомъ наступающей бѣлой культуры не составляетъ повсемѣстнаго факта, по-

чти непреложнаго закона природы? Развѣ въ этомъ отношеніи Сибирь не представляетъ полнѣйшей аналогіи съ Америкою вообще и всего болѣе съ Соединенными Штатами, гдѣ краснокожіе точно также мрутъ какъ мухи, а правители и просвѣтители считаютъ себя чуть-что не обязанными содѣйствовать всѣми мѣрами ихъ успѣшнѣйшему и быстрѣйшему вымиранію, прикрываясь только изъ піетистскаго лицемерія будто-бы филантропическими цѣлями? Да и какое тутъ братолюбіе, когда все дѣло сводится къ пословицѣ: „своя рубашка къ тѣлу ближе“.

Но мы вовсе не о братолюбіи и говоримъ, а о наивозможно выгоднѣйшей для насъ эксплуатаціи природныхъ богатствъ Сибири, о своей-же собственной рубашкѣ, именно о томъ, чтобы сохранить ее на своемъ тѣлѣ. Богатства Сибири ускользаютъ изъ нашихъ рукъ не потому, что ихъ мало и что ради того мы должны доводить до нищеты, тифа и вымиранія инородческія племена, а потому, что мы не внесли въ этотъ обширный край ни знанія, ни культуры, ни добросовѣстнаго отношенія къ его туземцамъ и, какъ хищники, взяли у него все, что могли, не давъ ничего такого, что слѣдовало-бы дать. Притомъ непреложность закона объ обязательномъ вымираніи низшихъ расъ можетъ быть очевидна только тому, въ чьихъ глазахъ испанскій браконьеръ, лицемерный іезуитъ или хотя бы даже ирландецъ, піонеръ калифорнскихъ пустынь, представляются недосыгаемымъ идеаломъ цивилизаціи. Впрочемъ, относительно Сибири даже о примѣненіи этого псевдозакона не можетъ быть и рѣчи. Въ самомъ дѣлѣ, когда мы видимъ высокій уровень культуры, созданный европейскою цивилизаціей въ Соединенныхъ Штатахъ сѣверной Америки, то мы легко понимаемъ, что краснокожіе туземцы не только полезными союзниками, но даже подчиненными помощниками американскаго общества не могли быть, хотя все-же нынѣшнюю жалкую судьбу этихъ туземцевъ нельзя приписать ничему иному, какъ грубости и животному корыстолюбію цивилизаторовъ. Кстати замѣтить, что за вѣковую язву рабства и истребленія краснокожихъ Соединенные Штаты расплачиваются именно теперь не тѣми единицами, которыхъ оскальпируетъ какой-нибудь возмущившійся индѣйскій военачальникъ, а повсемѣстнымъ упадкомъ гражданственности и ужасою продажности администраціи, вскормленной на злоупотре-

требленіяхъ и притѣсненіяхъ беззащитныхъ туземцевъ. Но вѣдь мы до сихъ поръ не сдѣлали ничего такого высоко-цивилизованнаго въ Сибири, что-бы могло въ силу нашей высшей цивилизаціи и недосыгаемой культурности сокрушить эти слабыя племена?—Вѣдь не земля-же ихъ намъ понадобилась при густотѣ менѣе четырехъ миліоновъ народонаселенія на протяженіи болѣе 25¹/₂ миліоновъ квадр. верстъ!

Эпопея нашей цивилизаціи Сибири вовсе не такъ обширна, чтобы ее нельзя было обозрѣть здѣсь въ общихъ чертахъ.

Мы можемъ оставить вовсе въ сторонѣ тѣхъ немногихъ переселенцевъ, вольныхъ или невольныхъ, которые, пользуясь плодородіемъ сибирской почвы, земледѣльческимъ трудомъ снискиваютъ себѣ болѣе или менѣе достаточное дневное пропитаніе. Намъ совершенно неизвѣстны земледѣльческіе приемы древней чуди, а потому и невозможно рѣшить — на-сколько русскіе переселенцы выработали и усовершенствовали здѣсь эту важную отрасль народнаго хозяйства. Одно несомнѣнно, что земледѣліе въ Сибири ведется на тѣхъ-же первобытныхъ началахъ, какъ и въ европейской Россіи; а потому, несмотря даже на сравнительно большіе надѣлы, оскудѣніе почвы уже весьма замѣтно начинается и въ здѣшнихъ населенныхъ мѣстахъ.

Но Сибирь до сихъ поръ интересовала насъ вовсе не какъ поприще земледѣльской колонизаціи, а какъ золотое дно, какъ неисчерпаемое хранилище металургическихъ богатствъ. Но мы уже знаемъ, что и чудскіе народы умѣли не только добывать золото, но и выдѣлывать изъ него весьма изящные предметы. Опять-таки мы не имѣемъ никакихъ точныхъ данныхъ на то, чтобы опредѣлить отношеніе чудскихъ золотопромышленниковъ къ нынѣшнимъ съ точки зрѣнія совершенства ихъ техническихъ приемовъ, но, принимая во вниманіе, что первобытнѣе тѣхъ способовъ добыванія этого драгоцѣннаго металла, которые въ ходу у сибирскихъ промышленниковъ, ничего и вообразить невозможно, мы должны будемъ признать, что и въ этомъ дѣлѣ мы еще не особенно далеко двинули Сибирь на пути прогресса. Не вдаваясь въ техническія тонкости и подробности, ограничимся только слѣдующимъ элементарнымъ расчетомъ.

Въ 1872 году на приискахъ системы Лены, Енисея и Нер-

чинска работали всего 30,622 человекъ и добыли за цѣлый годъ:

Система Лены.	630 пудовъ
„ Енисея	405 „
„ Нерчинская.	250 „

Всего. 1,285 пудовъ золота.

т. е. среднимъ числомъ $1\frac{2}{3}$ фунтовъ въ годъ на человекъ. Мы уже имѣли случай замѣтить со словъ специалиста (г. Латкина), что безъ тунгузовъ, поддерживающихъ сообщенія между приисками въ тайгѣ, золотопромышленность была-бы тамъ невозможна.

Читатель можетъ судить изъ вышеприведеннаго расчета за 1872 г. (который, однакожъ, нельзя считать почему-бы то ни было особенно неблагоприятнымъ), что вовсе не особенная доходность золотоискательства сосредоточиваетъ на немъ всю энергію и помыслы нашихъ сибирскихъ пионеровъ. Дѣло въ томъ, что сибирская золотопромышленность, при господствующихъ въ ней способахъ эксплуатаціи, совершенно азартная игра, нѣчто вродѣ *козырдаши*, въ который якуты спускаютъ въ нѣсколько часовъ то, что имъ удастся получить съ казаковъ, которыхъ они нещадно обманываютъ по торговлѣ мускусомъ. Тамъ, гдѣ много проигрывающихъ, непрежѣнно есть хоть одинъ, залучающій въ свой карманъ терлемяя его партнерами крупицы. Перспектива стать именно этимъ однимъ и привлекаетъ нашихъ сибирскихъ корифеевъ къ этому дѣлу, неизмѣющему ничего общаго съ какии-бы то ни было экономическимъ производствомъ, но за то изобилующему всѣми треволненіями азартной игры. Такъ-какъ добываніе серебра по самому техническому своему существу неспособно быть предметомъ подобнаго рода игры, то оно и находится въ Сибири въ совершенномъ загонѣ, будучи исключительно сосредоточено въ немногихъ казенныхъ заводахъ, которые, благодаря даровому каторжному труду, стоятъ тоже внѣ всякихъ условій обычнаго экономическаго производства.

Сибирь, точно, неисчерпаемо богата весьма разнородными полезными металлами и минералами, но золото столь исключительно приковываетъ къ себѣ наше вниманіе, что на остальное у насъ

уже не хватаетъ нравственныхъ и матеріальныхъ силъ. Мѣстность между Енисеемъ, Ангарою, Иркутскомъ и Саянскими горами представляетъ своего рода минералогическій музей. Желѣзо встрѣчается въ ней на каждомъ шагу, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ совѣшь на поверхности (напримѣръ, вокругъ деревни Тасѣевой). Но желѣзныхъ заводовъ во всей восточной Сибири существуетъ только два. Каменный уголь тоже повсемѣстно распространенъ, такъ что село Черемшова, напр. (т. е. западная его часть), стоитъ на поверхностныхъ каменноугольныхъ пластахъ. Это, однакожь, не помѣшало одному почтенному старожилу придти въ большое недоумѣніе, когда Альбинъ Копъ спросилъ его—не пользуются-ли, по крайней мѣрѣ, мѣстные жители этимъ даровымъ топливомъ?— „Что ты, сердечный! нешто камни горять!..“

Каменный уголь и графаты вообще въ Сибири распространены необыкновенно, даже на отдаленномъ сѣверѣ и на островахъ Ледовитаго океана, доказывая собою, что и тутъ когда-то была растительность. Въ тундрахъ залежи каменнаго угля встрѣчаются на глубинѣ нѣсколькихъ футовъ и, загораясь, производятъ любопытный, хоть и разорительный феноменъ самозажиганія тундръ. Въ 1869 году отъ такого самозажиганія тундръ сторѣла почти половина города Красноярска. И все-таки мы и до сихъ поръ остаемся въ полномъ убѣжденіи, что тундры промерзаютъ на значительную глубину, чуть не до центра земнаго шара.

Изъ всѣхъ этихъ углеродистыхъ богатствъ Сибири эксплуатируются только графитовыя копи француза Алибера, доставляющія великолѣпный и дорого цѣнимый матеріалъ преимущественно на нѣмецкую карандашную фабрику Фабера. Тутъ-же въ Саянскихъ горахъ находятся залежи фарфоровой глины, которая при болѣе тщательномъ изслѣдованіи можетъ оказаться сродни знаменитому китайскому, богатому каолиномъ, фарфору, но единственный, существующій здѣсь заводъ (Усть-лужскій), выдѣлываетъ только крайне грубую посуду и весь его годовой оборотъ не превышаетъ 14,000 руб. Изъ всѣхъ громаднхъ богатствъ, буквально валяющихся въ землѣ, или, точнѣе, на землѣ, также и соль удостоилась благосклоннаго вниманія сибирскихъ цивили-

заторовъ, но добывается она только въ Троицкѣ и Усольскѣ, да и то безъ глазирень.

Объ остальныхъ минералогическихъ и металлургическихъ производствахъ Сибири не стоитъ и говорить. Желѣзо съ трудомъ окупаетъ незатѣйливыя издержки его добыванія, несмотря на трудъ арестантовъ. Мѣди уже въ 1871 году добыто немногимъ болѣе 1,000 пуд., т. е. едва половина прежде добывавшагося количества. Нерчинскій свинецъ въ Петербургѣ обходится въ шесть разъ дороже англійскаго и пѣмецкаго. Правда, на петербургской выставкѣ 1870 года появился вновь открытый въ Сибири минералъ *олецъ* или *орлецъ*, но вслѣдъ затѣмъ онъ опять куда-то скрылся, даже не удививъ собою Европу, которая гораздо болѣе удивлена тѣмъ, что мы, кромѣ такого, способнаго безъ вѣсти пропадать ольца, ничего еще не открыли въ Сибири; да даже и тѣми полезными продуктами этой страны, которые споконъ-вѣку извѣстны остякамъ и юкагирамъ, мы не подумали воспользоваться до сихъ поръ.

Фабричнаго производства въ Сибири, при незаселенности этой страны, никто, конечно, и не ждетъ, только потому оно и не обманываетъ ничьихъ ожиданій. Недавно зародившееся въ тобольской губерніи ковровое производство можетъ служить только доказательствомъ того, что земледѣліе уже становится недостаточнымъ для того, чтобы прокормить мѣстныхъ жителей. Ковры эти ни доброкачественностью, ни дешезиною похвалиться не могутъ. Невольно приходится на умъ, что если-бы, вмѣсто плохихъ ковровъ, наши сибиряки принялись за изготовленіе столь употребительнаго у кочевниковъ войлока или кошмы, то имѣли-бы, вѣроятно, отъ этого гораздо лучшей доходъ, такъ-какъ на сбытъ ихъ у монгольскихъ племенъ, русскихъ и китайскихъ, можно рассчитывать. Въ восточной Сибири стоитъ упомянуть тельминскій заводъ г. Вѣлоголоваго, не потому, чтобы онъ пользовался особеннымъ значеніемъ, а за его едва-ли гдѣ-нибудь виданную энциклопедичность. На немъ изготовляются: сукно, стекло, мыло и сальныя свѣчи, мука, масло, кожи, бумага и водка. А между тѣмъ весь годовою оборотъ едва превышаетъ 200,000 р. сер., при 440 человекѣ рабочихъ. Бумажная фабрика въ Есауловкѣ имѣетъ оборота едва на 1,500 руб. въ годъ, и выдѣ-

лываемая на ней бумага продается по 1 коп. сер. за листъ очень свѣрнаго качества; нѣсколько лучшая почтовая стоитъ 4 коп. сер. А что, если-бы сибирскіе предприниматели научились у самоѣдовъ ихъ замѣчательной выдѣлкѣ кожъ? Вѣдь имъ не только на мѣстныхъ рынкахъ, но и въ Европѣ нечего было бы опасаться конкуренціи.

Но за то въ Сибири процвѣтаетъ фабрикація водки и повсемѣстное распространеніе ея — эта единственная панацея всѣхъ нашихъ цивилизаторскихъ завоеваній.

По расчету въ Сибири ежедневно въ водочный заторъ идутъ отъ 3 до 4,000 пудовъ ржи; не слѣдуетъ при этомъ упускать изъ вида, что Сибирь ужь вовсе не такъ богата хлѣбомъ и что ея годовой земледѣльческій продуктъ, при среднемъ урожаѣ, едва достаточенъ для прокормленія мѣстнаго народонаселенія. Это, однакожь, не мѣшаетъ съ большимъ успѣхомъ подвизаться на винномъ поприщѣ цѣлымъ десяткамъ крупныхъ и мелкихъ капиталистовъ: гг. Бѣлоголовому, Юдину, Голдобину, Домбровскому и пр., и пр., и пр. Но истиннымъ водочнымъ падишахомъ западной Сибири все-таки остается Поцѣлло-Пахлевскій.

Такъ-какъ водку недостаточно производить, но надо и продавать, то количество кабаковъ въ Сибири, преимущественно-же по близости пріисковъ и въ мѣстахъ, гдѣ собираются въ большомъ числѣ возвращающіеся съ пріисковъ рабочіе, достигаетъ дѣйствительно легендарныхъ размѣровъ. Въ Красноярскѣ, напр., на 100 душъ поголовнаго населенія приходится одинъ кабакъ, да кромѣ того въ подгородномъ селѣ Зальдѣевѣ изъ шести домовъ въ одномъ существуетъ открытое питейное заведеніе... А между тѣмъ на 12,000 человекъ приходится одна школа.

Что-же будутъ отвѣчать сибирскіе цивилизаторы и піонеры на вопросъ: что ими сдѣлано до сихъ поръ для развитія культурныхъ силъ Сибири?

Приблизительно отвѣтъ долженъ быть таковъ: „мы безслѣдно погребли здѣсь двѣ цивилизаціи — чуждую и татарскую, которыя, можетъ быть, хватали и не богъ-вѣсть какъ далеко, но, во всякомъ случаѣ, могли-бы не безъ пользы облегчить намъ дальнѣйшее развитіе страны. Мы загнали къ бѣлымъ медвѣдамъ, въ безпросвѣтные лѣса и тундры, послѣднихъ представителей этихъ

двухъ отжившихъ культуръ, не водворивъ на ихъ мѣстѣ лучшихъ пришельцевъ и работниковъ. Мы выжгли лѣса и степи либо на топливо для двухъ единственныхъ горновъ нашихъ чугунолитейныхъ заводовъ и многочисленныхъ винокурень, а то и просто зря. Мы исчерпали рудныя богатства, сами попользовавшись оттого крупницами, а то и спустивши на это дѣло послѣдніе гроши, составлявшіе весь оборотный капиталъ нашихъ незатѣпливыхъ и предпріятій. Наконецъ, мы даже не позаботились изучить Сибирь въ ея экономическомъ отношеніи и ковыряли ея богатая почвы какъ попало, точно мы поселились въ ней на нѣсколько лѣтъ, мимоходомъ, и при первомъ удобномъ случаѣ, какъ вѣчные бродяги, оставимъ ее, движемся дальше, если только океанъ не положитъ предѣла нашему бродяжеству и тупому непониманію нашего дѣйствительнаго положенія.

Л. Мечниковъ.

УБИЙЦА—МОНОМАНЪ.

Разсказъ Катреля.

Президентъ. Подсудимый, что можете вы прибавить въ свое оправданіе?

Подсудимый. Боже меня избави, г. президентъ, произнести хотя-бы одно слово, которое могло-бы смягчить или замедлить вашъ приговоръ. Я благодарю моего адвоката за все, что онъ наболталъ сейчасъ въ мою пользу. Избирая его, я хорошо зналъ, къ кому я обращаюсь, но онъ превзошелъ мои ожиданія. Если я прочту въ вашихъ глазахъ малѣйшій признакъ жалости ко мнѣ, я изобрѣту факты, отягчающіе мою вину. Впрочемъ, я спокоенъ, мнѣ не придется прибѣгать къ такой крайности. И въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ заключается ваша обязанность, господа судьи? Произнести приговоръ, торжественный, ясный, неопровержимый, который на извѣстное время занялъ-бы всю журналистику и воспоминаніе о немъ не тревожило-бы ни вашего сна, ни вашего пищеваренія. Что касается меня, я желаю умереть. Вы видите, намъ очень не трудно согласиться между собою.

Не правда-ли, странно, что, при искреннемъ желаніи разстаться съ жизнію и при умѣнши владѣть ножемъ, я остался живъ? Я пытался покончить съ собою, но не могъ... Каждый разъ я чувствовалъ страхъ, усвоенный мною еще въ дѣтствѣ, и отъ котораго я не могъ избавиться до сихъ поръ... Я вѣрилъ, что мнѣ предстоитъ иная участь, я мечталъ о другой жизни... Вы скажете, что въ моихъ словахъ нѣтъ здраваго смысла. По-

здравляю васъ съ такимъ открытіемъ. Развѣ я былъ-бы здѣсь, если-бъ обладалъ здравымъ смысломъ? Мое сердце истерзано, мой умъ половъ противорѣчій, — вотъ почему я сталъ негодлемъ, котораго вы призваны осудить. Я подвергнусь также и божьему суду и скажу, не желая васъ оскорблять, что Его приговоръ тревожитъ меня гораздо больше, чѣмъ вашъ... Г. прокуроръ въ своей обвинительной рѣчи назвалъ меня феноменомъ, мономаніакомъ... говорилъ о патологическомъ состояніи и пр., и пр. Много онъ потратилъ на меня времени и искусства. Правда, не часто приходится обвинять людей образованныхъ, имѣющихъ ученую степень; нельзя-же срѣзывать ихъ головы гильотиной съ такой-же легкостью, съ какою срываютъ спѣлыя вишни съ дерева... Я грубъ, это я доказалъ, и притомъ я всегда страстно любилъ поэзію...

Президентъ. Эти разсужденія нейдутъ къ дѣлу. Въ вашихъ-же интересахъ я совѣтовалъ-бы вамъ обратиться къ фактамъ.

Подсудимый. Пусть будетъ по-вашему; такъ-же, какъ и вы, я желаю поскорѣ кончить.

Я родился въ Вьевилѣ. Прекрасная сторона, которая, однакожь, не будетъ гордиться мною. Я прожилъ сорокъ три года, но чувствую себя дряхлымъ и усталымъ, точно столѣтній старецъ. Это, однакожь, не мѣшаетъ мнѣ припоминать мою юность съ такой ясностью, какъ-будто она прошла только вчера.

Мой отецъ, достаточный буржуа, жилъ на Луговой улицѣ, подлѣ маріи, въ своемъ собственномъ домѣ. Домикъ былъ небольшой, двухъ-этажный, съ красной черепичной крышей, съ палисадникомъ, обильно наполненнымъ розовыми кустами; его рѣшетчатые ставни регулярно запирались въ девять часовъ вечера и открывались въ шесть утра; въ этотъ-же часъ аккуратно поднимались съ постели его обитатели. Мой отецъ и моя мать были люди честные, добродѣтельные и пользовались самой хорошей репутаціей во всемъ околдкѣ. Благодаря ихъ достоинствамъ, мои преступленія оставались ненаказанными втеченіи двадцати трехъ лѣтъ.

Какъ-разъ напротивъ нашего дома находились бойня и мясная лавка г. Кристовала. Лавка выглядѣла опротно, кокетливо,

убрана была гирляндами искусственныхъ цвѣтовъ и арабесками изъ золотой бумаги. Кривоваль былъ истинный артистъ. Съ какою тщательностію онъ выдѣлывалъ разные фигуры и фестоны изъ сала на тѣхъ частяхъ говядины, которыя находились на выставкѣ въ окнѣ! Я заглядывался на нихъ. Два раза въ недѣлю я видѣлъ, какъ въ большой дворъ бойни входилъ скотъ, предназначенный на убой; я почти не чувствовалъ къ нему жалости. Онъ интересовалъ меня гораздо болѣе разрѣзанный на куски, разукрашенные искусствомъ Кривовалья, чѣмъ въ живомъ состояніи, когда онъ мнѣ казался грязнымъ и некрасивымъ. Мало-по-малу страхъ, внушаемый мнѣ видомъ окровавленныхъ рукъ, запачканныхъ кровью сапогъ и длинныхъ ножей нашего сосѣда, исчезъ совершенно и быстро смѣнился удивленіемъ, котораго я никогда не могъ обуздать въ себѣ. Ни аптека Любена, съ ея красными и зелеными вазами, ярко блестящими при вечернемъ освѣщеніи, ни большая, расписанная зала мѣри, ни музей, ни судъ не казались мнѣ достойными сравненія съ лавкой Кривовалья. Запахъ свѣжей крови, яркій цвѣтъ только-что отрѣзанныхъ кусковъ мяса, блескъ ежедневно полируемой мѣди, бѣлизна мраморныхъ полокъ, гирлянды, окровавленные артистическія работы Кривовалья возбуждали во мнѣ изумленіе и я завидовалъ ученику мясника, который съ засученными рукавами, съ красными, потрескавшимися руками, съ раскраснѣвшимися, запотѣвшимъ лицомъ усердно помогалъ своему хозяину.

Въ то время я не былъ тѣмъ сильнымъ и неутомимымъ человекомъ, какимъ вы видите меня теперь. Мнѣ было семь лѣтъ; блѣдный, хилой и трусливый мальчикъ, я возбуждалъ во всѣхъ къ себѣ сожалѣніе. Какъ-то разъ утромъ я сидѣлъ у дверей нашего дома, на солнцѣ, и дрожалъ отъ холода. Подошелъ Кривоваль. Мы вмѣстѣ вошли въ комнату; поздоровавшись съ моимъ отцомъ, сосѣдъ сказалъ ему:

— Поручите мнѣ вашего сына и вскорѣ вы не узнаете его; онъ станетъ силенъ, какъ быкъ, и красенъ, какъ пѣонъ. Если онъ не чувствуетъ отвращенія къ нашему ремеслу и въ состояніи будетъ проводить у насъ цѣлый день, я ручаюсь, что его здоровье поправится. Латынь — поповское дѣло; но если вы непременно хотите посадить мальчугана за эту науку, ему легче будетъ справиться съ нею, когда онъ пріобрѣтетъ мускулы, чѣмъ

теперь, когда онъ еле дышетъ. Почту за счастье оказать услугу такимъ людямъ, какъ вы, г. Пйданье, и ваша достойная супруга.

Это предложеніе не поправилось моею матери. Однакожь, настоянія моего отца, доказывавшаго, что пріобрѣтеніе здоровья для меня самое высшее благо, а также радость, выраженная мною при увѣренности, что я могу сдѣлаться такимъ-же сильнымъ, какъ и мои товарищи, — поколебали ее и она дала свое согласіе.

Вскорѣ я сошелся съ ученикомъ Кривоалея, котораго звали Антимъ Бриконъ. Этотъ грубоватый, но добродушный парень спокойно убивалъ быка и рѣзалъ барана, но сильно горевалъ, если ему случалось нечаянно наступить на хвостъ собакѣ. Онъ научилъ меня надувать телятину, рѣзать и украшать говядину. Цѣлый день я дышалъ свѣжей кровью и силы мои поправлялись. Когда я приходилъ домой къ обѣду, моя мать, цѣлуя меня, говорила съ улыбкой:

— Нашъ малютокъ поправляется съ каждымъ днемъ. Онъ выглядить отлично.

Когда отецъ замѣчалъ, что пора приниматься за науку, мать останавливала его.

— Все придетъ въ свое время, говорила она. — Пусть онъ прежде поправится здоровьемъ и пріобрѣтетъ силы.

Подстрекаемый первымъ успѣхомъ, я сталъ заботиться только объ одномъ — какъ-бы сдѣлаться сильнымъ; всѣ средства для достиженія этой цѣли мнѣ казались хорошими и дозволительными. Я сталъ пить кровь; когда я былъ убѣжденъ, что никто меня не видитъ, я наносилъ раны животнымъ и сосалъ кровь изъ свѣжихъ ранъ. При такомъ образѣ жизни тѣло мое пріобрѣтало силы, а сердце очерствлялось. Находясь подъ вліяніемъ жестокости, которую внушаетъ бойня, и нѣжныхъ ласкъ моею святою матери, я вырабатывался въ существо странное, ужасное, во мнѣ укоренялись холодная жестокость и пылкое лицемеріе. Эти качества остались во мнѣ преобладающими и до сихъ поръ.

Бриконъ научилъ меня дѣлать кораблики изъ бумаги и мы пускали ихъ плавать въ кровяныхъ лужахъ. Онъ научилъ меня попадать ножомъ на двадцать пять шаговъ въ облатку. Люди, пристрастные къ игрѣ ножомъ, не уважають этого вида игры:

по ихъ мнѣнію, нелѣпо выпускать изъ рукъ рукоятку ножа, что составляетъ необходимость при бросаніи; они бьютъ въ цѣль, находящуюся подъ носомъ, съ размаху. Они предпочитаютъ бить живое существо; они довольны, когда издыхающее животное своими конвульсивными движеніями заставляеть дрожать рукоятку ножа. Говорятъ, что жизнь, удаляясь, проходитъ по длинѣ оружія и проникаетъ черезъ ладонь руки, держащей его...

Мой отецъ, наконецъ, рѣшилъ, что настало время отправить меня въ гимназію. Мать увидѣла невозможность долѣе сопротивляться. Въ это время я уже былъ вполне сформировавшимся чудовищемъ. Я сдѣлалъ видъ, что огорченъ разставаніемъ съ моими родителями, но меня приводила въ отчаяніе необходимость измѣнить образъ жизни. Всѣ думали, что я плачу о семьѣ, съ которой принужденъ разставаться, но меня грызла тоска по крови.

Я передаю все, какъ было, не преувеличивая и не ослабляя. Вы должны убѣдиться, господа, что вашъ долгъ избавить отъ меня общество. Я рассчитываю, что вы исполните свою обязанность.

Первое время въ гимназіи я ротозейничалъ, но такъ-какъ, по своей дикой натурѣ, я не могъ сойтись ни съ однимъ изъ товарищей, я сталъ прилежно заниматься. Я даже... безъ всякихъ хлопотъ съ моей стороны... получилъ первую награду при выпускѣ. Бстати она мнѣ была, нечего сказать!.. Но извѣстно, что судьба прихотлива и можетъ поставить въ тупикъ самого дьявола!.. Мой отецъ, въ восторгѣ отъ моего успѣха, пожелалъ, чтобы я отправился въ центральную школу. Къ несчастію, моя мать, страстно желавшая, чтобы я постоянно былъ подлѣ нея, сдалась на мои просьбы и такъ ходатайствовала за меня, что я возвратился въ Вьевиль, а по возвращеніи убѣдился, что во мнѣ снова заговорили мои прежніе, на время было уснувшіе, инстинкты.

Лавка Крестовала по-прежнему находилась противъ нашего дома. Нечего было и думать о моихъ прежнихъ занятіяхъ на бойнѣ. Я былъ теперь человѣкомъ ученымъ и къ тому-же сильнымъ. Нельзя-же было работать на бойнѣ въ качествѣ любителя. какъ другіе изъ любви къ искусству занимаются музыкой или живописью. Всѣ-бы сочли меня крайнимъ чудакомъ, если-бъ я.

увѣнчанный лаврами на гимназическомъ актѣ, получившій первую награду, сдѣлался прикащикомъ въ мясной лавкѣ. Брикомъ переселился изъ Вьвиля въ Гарансьеръ. Не съ кѣмъ мнѣ было дѣлать свое время и жизнь казалась мнѣ печальной и монотонной.

Желая занять меня и нѣсколько развлечь, отецъ мой помѣстилъ меня къ нотариусу, мэтру Пелюшо, и я сталъ переписывать на бѣло бумаги. Но могла-ли заинтересовать меня такая нелѣпная работа, могла-ли она измѣнить ходъ моихъ идей?..

Изъ моей комнаты видны были ворота, въ которыя входилъ скотъ, предназначенный для бойни Кривоваля. Каждое утро я садился у окна и прислушивался къ движенію взадъ и впередъ, которое предшествовало бою скота, прислушивался къ звукамъ, происходящимъ отъ удара молотомъ въ лобъ убиваемого животнаго... Этотъ звукъ дѣйствовалъ на меня, какъ на другихъ дѣйствуютъ музыкальные звуки.

Будь противъ нашего дома не кровавая бойня Кривоваля, а фруктовый магазинъ или аптека, я, вѣрно, сдѣлался-бы другимъ человѣкомъ. Но что говорить о томъ, чего не случилось... Возвращаюсь къ событіямъ.

15 іюля 1860 года прибылъ дилижансъ изъ Гарига, опоздавъ на цѣлый часъ. Дилижансъ до сихъ поръ прибывалъ всегда акуратно; немудрено, что его промедленіе послужило поводомъ для сборища на площади, гдѣ онъ остановился, значительной толпы народа.

— Эй ты, соня, кричалъ ямщику конюхъ, спѣшившій распречь лошадей, — ты вѣрно мухъ считаешь въ дорогѣ? Или, можетъ быть, ты пробовалъ, каковъ вкусъ водки? Что случилось?

— Оставь свои шутки до другого раза. На послѣдней станціи мы узнали, что дочь содержателя постоялаго двора, подъ вывѣской „Синяго пѣтуха“, Люрота, пригвозжена къ кухонному столу ножомъ; несчастной проткнула горло; острый конецъ ножа воткнулся въ дерево, а рукоятка какъ-разъ подъ косою... Вотъ какая бѣда случилась тамъ... вотъ почему мы опоздали на цѣлый часъ.

Въ толпѣ прошла дрожь, а когда хозяинъ „Синяго пѣтуха“, блѣдный и дрожащій, вышелъ изъ дилижанса, его засыпали во-

просами и проводили до дверей суда, куда онъ понесъ заявленіе о совершившемся убійствѣ.

Изъ города выслали въ окрестности нѣсколько полицейскихъ агентовъ; слѣдствіе продолжалось мѣсяцы, но все было бесполезно. виновнаго не открыли.

Бѣдная Люрота! Повѣрите вы мнѣ или нѣтъ, но я скажу вамъ, что я оплакивалъ ее много разъ. Славная была дѣвушка, пріятная и стоворчивая! Въ ночь съ 14 на 15 іюня я возвращался изъ Гарига, куда посылалъ меня мѣтръ Пелюшо. Было одинадцать часовъ, когда я подѣхалъ къ дверямъ „Синяго пѣтуха“; ночь была страшно темная. Я крайне удивился, увидя, что черезъ щель въ ставнѣ просвѣчивается узкая полоска свѣта. Содержатель „Синяго пѣтуха“ обыкновенно уже спалъ въ это время. Я подумалъ о Люротѣ и веселыя мысли зародились въ моей головѣ. „Можетъ быть, она не спитъ, думалъ я,—въ ожиданіи запоздавашаго путешественника. Не худо зайти выпить залпомъ стаканъ вина и сорвать съ нея поцѣлуй“.

Дверь не была заперта, я толкнулъ ее и вошелъ.

Мнѣ не зачѣмъ описывать вамъ расположеніе дома; вы имѣете его фотографическое изображеніе, какъ въ цѣломъ, такъ и въ отдѣльных частяхъ. Прелестная вещь эта фотографія! Вы знаете, что на улицу выходятъ большая кухня и еще болѣе обширная комната для путешественниковъ.

Люрота находилась въ кухнѣ; она спала, облокотясь на столъ, стоявшій близко печки. Голова ея опиралась на руки, сложенные какъ-бы для молитвы. Рукава были засучены и ея бѣлыя руки образовали на рыжей скатерти розоватую ромбоидальную тѣнь. Ея шея была обнажена, густая, тяжелая коса была подшпилена высоко, а на здоровомъ затылкѣ разбросались въ беспорядкѣ нѣсколько отдѣльных волосковъ. Подлѣ стола упирался въ потолокъ плохо обтесанный столбъ; на гвоздикѣ, вбитомъ въ него, висѣла лампа; она дымила; потухавшее пламя, однакожь, освѣщало мясистыя прелести спавшей дѣвушки и онѣ являлись въ какой-то фантастической окраскѣ. Слабый свѣтъ отъ лампы падалъ на стаканы, выровненные на поставцѣ, и на мѣдныя кастрюли, уставленные въ рядъ на полкѣ подлѣ печи. Въ очагѣ, гасимый золою, вспыхивалъ по временамъ слабый огонекъ и производилъ туманныя, прихотливыя тѣни на стѣнахъ и потолкѣ.

Люрота была одна въ комнатѣ. Я подошелъ къ печи и, стоя спиной къ очагу, сталъ разсматривать бѣдную милую дѣвушку, спавшую передо мной. Тишина прерывалась только нѣжнымъ и ровнымъ шумомъ ея дыханія и монотонными ударами маятника въ деревянныхъ часахъ съ кукушкой, циферблатъ которыхъ вырисовывался въ тѣни, точно глазъ безъ рѣсницъ колоссальной ночной птицы.

Все, что происходило затѣмъ въ моемъ мозгу, было до такой степени странно, что я рѣшительно не знаю, какъ объяснить вамъ этотъ процессъ. Для его пониманія вы должны сдѣлаться такими-же сумасшедшими, каковы я былъ тогда.

Увидя предъ собою эту спящую прелестную молодую дѣвушку, зная, что я нахожусь съ нею наединѣ, я прежде всего подумалъ о томъ, какъ хорошо ее теперь разцѣловать. Я даже нагнулся надъ ея обнаженной шей, желая въ точности исполнить свое желаніе, но остановился на полдорогѣ и сказалъ себѣ: „разрозненный поцѣлуй не имѣетъ никакой цѣны, лучше разбудить ее“. Я снова посмотрѣлъ на искушающій меня затылокъ и воображеніе мое стало работать, лихорадочно работать...

Мнѣ казалось, что я вижу на шеѣ Люроты смѣющіяся губы, сложенные для поцѣлуя, вызывавшія поцѣлуй. Я подумалъ, что это невозможно, что мнѣ такъ кажется, и снова наклонился. То, что я замѣтилъ теперь, бросило меня въ сильный жаръ и потъ; я убѣжденъ, что вы, при такомъ случаѣ, испытали-бы головокруженіе. Губы были совершенно открыты; вмѣсто зубовъ видѣлись края раны, изъ которыхъ медленно сочилась и пѣнилась кровь. Скоро на скатерти образовалась кровавая лужа, въ которой отражался бѣлый силуэтъ Люроты. Я перепугался. Рана улыбалась мнѣ и посылала поцѣлуи.

Мнѣ, видно, предназначено было сдѣлаться злодѣемъ. Въ эту минуту я увидѣлъ подлѣ несчастной дѣвушки кухонный ножъ, длинный, острый и тонкій. Я готовъ поклясться, что его не было здѣсь въ ту минуту, какъ я вошелъ. Потухавшая лампа бросила свѣтъ на сталь и я почувствовалъ въ себѣ непреодолимое желаніе схватить этотъ ножъ. Я хотѣлъ бѣжать, но не могъ. Я закрылъ глаза, но продолжалъ видѣть. И это неудивительно: все, что я видѣлъ, происходило во мнѣ самомъ.

Безъ всякой опредѣленной мысли я схватилъ ножъ. Богу из-

вѣстно, что я не желалъ зла бѣдной Луротѣ... и при всемъ томъ я поднялъ руку. И увидѣлъ я, что свѣтъ падаетъ на рану, которая продолжаетъ мнѣ улыбаться и посылаетъ поцѣлуи... Я ударилъ... Зачѣмъ?.. Развѣ я знаю? Несчастная захрипѣла; этотъ ужасный хрипъ съ тѣхъ поръ слышится мнѣ каждую ночь. Она вытянула руки; на меня напалъ страхъ, что она сейчасъ поднимется, и я налегъ всѣми силами на ножъ. Если-бъ она встала, я убѣжденъ, что я упалъ-бы мертвымъ отъ страха. Она сдѣлала судорожное движеніе и скончалась.

У меня тотчасъ явилась мысль бѣжать, что было легко: дверь находилась въ двухъ шагахъ отъ меня, стоило только отворить ее и оставить позади себя комнату, внашавшую мнѣ ужасъ. Но я на-столько ослабѣлъ, ударившамъ въ голову кровь такъ ослѣпила мнѣ глаза, такъ стучало у меня въ вискахъ, что я долго пробирався ошупью, пока не ошупалъ ручки замка. Холодное желѣзо произвело на меня такое потрясеніе, что я едва не упалъ. Мнѣ казалось, что сталь входитъ въ ладонь моей руки и раздираетъ мнѣ тѣло.

На воздухъ я пришелъ въ себя... Черезъ часъ я вошелъ въ свою комнату, не встрѣтивъ ни живой души, и заперся на ключъ. На этотъ разъ я не прислушивался къ звукамъ, исходящимъ изъ бойни.

Это было первое убійство, за нимъ не замедлили послѣдовать другія...

19 октября того-же года во рву за оградой, въ двухстахъ шагахъ отъ помьберской фермы, нашли тѣло разнощика, восемнадцатилѣтняго веселаго юноши. Я встрѣтился съ нимъ, когда онъ, сидя на краю дороги, своими здоровыми зубами грызъ черствый хлѣбъ; на колѣняхъ у него лежали фрукты, собранные имъ по дорогѣ. Я сѣлъ подлѣ него; мы разговорились, и я просилъ его разсказать мнѣ кое-что изъ его кочующей жизни. Онъ былъ сирота и кормилецъ своей семьи, состоявшей изъ двухъ дѣвочекъ, семи и десяти лѣтъ; онъ прилежно работалъ, желая имѣть возможность хоть изрѣдка доставлять имъ какое-нибудь удовольствіе. Каждый мѣсяцъ онъ заходилъ въ деревню, гдѣ его сестренки были пансіонерками въ школѣ, находящейся въ завѣдываніи мѣстнаго приходскаго священника. Онъ проводилъ съ ними

день, нѣжа и угощая ихъ всѣмъ, что могъ приобрести на свои скудные средства, и затѣмъ снова пускался въ путь.

Съѣвъ ломоть хлѣба, онъ вынулъ изъ кармана ножъ и взялъ въ руку яблоко.

— Теперь встаетъ приниматься и за десертъ, сказалъ онъ мнѣ весело. — Посмотрите, какъ ловко я облуплю яблоко; позволительно иногда и полакомиться!

День былъ великолѣпный, теплый, нѣжащій; базалось, никакая дурная мысль не могла зародиться въ головѣ. Но, къ несчастію, солнечный лучъ освѣтилъ ножъ, который мальчикъ держалъ въ рукѣ. Съ этого момента взглядъ мой приковался къ ножу; мнѣ слышался трескъ, будто-бы исходящій изъ стали. Вскорѣ брасныи туманъ застлалъ мнѣ глаза.

— Не хотите-ли, господинъ, яблочка? спросилъ меня мальчикъ. — На дворѣ жарко; яблоко, упавшее съ дерева на дорогу, принадлежитъ прохожему, мнѣ, вамъ, кому случится. Я уступлю вамъ свой ножикъ, пока буду укладывать мѣшокъ. Мнѣ надо поскорѣе отправиться въ дорогу. До деревни, куда я иду, не далеко, часа два ходьбы. Тамъ ждутъ меня мои малютки; если онѣ не увидятъ меня въ назначенный часъ, онѣ, бѣдняжки, станутъ плакать; я общалъ повидать ихъ непременно сегодня.

Передавъ мнѣ свой ножъ, мальчикъ наклонился и сталъ укладывать свой мѣшокъ. Бѣдняжка! Зачѣмъ судьба толкнула меня на его дорогу?.. Онъ умеръ, милый малютка! У меня не хватаетъ мужества рассказать вамъ, какъ совершилъ я это убійство...

Вы видите, что я ничто иное, какъ машина для убійства. Никого я не убилъ изъ ненависти, но это самое и дѣлаетъ меня страшилищемъ и налагаетъ на васъ обязанность избавить отъ меня общество.

И на этотъ разъ правосудію не повезло; разслѣдованіе не привело ни къ чему, виновный не отыскался. Нѣкоторые чиновники были перемѣщены или уволены, жандармская команда усилена, общана награда тому, кто нападетъ на слѣдъ убійцы, священники говорили проповѣди о порчѣ правовъ въ наше время; мэръ увѣрялъ всѣхъ, что въ окрестностяхъ бродитъ шайка разбойниковъ, болѣе многочисленная, чѣмъ шайка Картуша.

На слѣдующій годъ 6 марта въ полѣ нашли тѣло комисара

полиціи, пораженнаго такимъ-же образомъ, какъ были убиты Люрота и разнощикъ; затѣмъ 7 ноября открытъ былъ трупъ померольскаго священника, а 12 марта 1863 года шап-мартенскаго извощика.

Эти послѣдовательныя убійства произвели страшную панику въ Вьевилѣ; только слесаря блаженствовали: на ихъ работу наступилъ большой спросъ; каждый хозяинъ квартиры спѣшилъ переменить замки у своихъ дверей; окна нижнихъ этажей домовъ укрѣпляли рѣшетками. Стоило послушать, какія исторіи рассказывались по вечерамъ, когда семья собиралась у камина или очага! Многие изъ рассказчиковъ увѣряли, что они только чудомъ избѣгли опасности. И добряки не лгали; они были такъ настроены, что сами вѣрили фантастическимъ ужасамъ, созданнымъ ихъ воображеніемъ. На ночь всѣ квартиры запирались двойными запорами. Рѣдко кто рѣшался выѣхать изъ города въ одиночку; если-же дѣла побуждали предпринять путешествіе, старались ѣздить компаніями и запасались оружіемъ.

Первое время мнѣ доставляло удовольствіе сознаніе, что я одинъ привелъ въ ужасъ цѣлый городъ, принявшій чрезвычайныя мѣры для защиты отъ меня; кромѣ чисто-вявшнихъ мѣръ, городъ увеличилъ своихъ полицейскихъ агентовъ и просилъ помощи у Парижа, точно дѣло шло о гражданской войнѣ. Однакожь, это удовольствіе скоро смѣнилось негодованіемъ на самого себя; добрыя качества характера - еще оставались во мнѣ... Моихъ робкихъ согражданъ я называлъ трусами и имѣлъ намѣреніе защитить ихъ отъ себя самого; я старался увѣрить себя, что болѣе не повторится случаевъ убійства; я зналъ, что самымъ дѣйствительнымъ средствомъ будетъ преданіе себя во власть правосудія, и хотѣлъ уже это сдѣлать, но мнѣ представились ужасъ, горе и стыдъ двухъ достойныхъ стариковъ, давшихъ жизнь такому чудовищу, какъ я, и я поколебался...

Припоминается мнѣ одинъ вечеръ. Въ гостяхъ у насъ былъ сент-эсташскій священникъ. Кончивъ партію въ трик-травъ и поужинавъ, онъ собрался домой. Мѣй отецъ не хотѣлъ пустить его одного и приказалъ мнѣ проводить его. Мать моя сильно поблѣднѣла.

— Въ умѣ-ли ты, сказала она тихо отцу. — Мальчику придется возвращаться одному... его могутъ убить...

— Еще хуже будетъ, если убьютъ нашего гостя, отвѣчалъ онъ;—скажутъ, что этого-бы не случилось, если-бъ мы дали ему провожатаго. Я самъ провожу священника.

— А что, если мы пойдемъ втроемъ? Разбойники тогда уже не рѣшатся сдѣлать на насъ нападеніе.

— Да, ты будешь пугаломъ для нихъ, моя Маріана. Оставайся-ка лучше, старуха, у камина; я возьму мальчугана, это будетъ дѣйствительнѣе. До сихъ поръ разбойники нападали только на тѣхъ, кому приходилось идти въ одиночку; для насъ они не сдѣлаютъ исключенія.

Вѣрите-ли, когда мы возвращались, я дрожаль за моего отца... Я такъ любилъ его... О силѣ этой любви вы едва-ли можете составить себѣ точное понятіе. Я забылъ, что только во мнѣ одномъ заключается опасность, мнѣ казалось, что не я виновникъ ужасныхъ убійствъ... Я желалъ, чтобы кто-нибудь попалъ на моего отца или на мать, и я убилъ-бы его, защищая ихъ... О, если-бъ мнѣ пришлось быть на войнѣ, я сдѣлался-бы, можетъ быть, героемъ...

Подъ вліяніемъ ужаса, возбужденнаго моими убійствами, Вьевиль освѣтили газомъ, чему до тѣхъ поръ противился слишкомъ бережливый муниципалитетъ. Газовымъ освѣщеніемъ городъ обязанъ мнѣ... хоть въ этомъ моя заслуга...

Между тѣмъ изъ Парижа прислали агентовъ; ихъ розыски были такъ-же мало успѣшны, какъ и мѣстныхъ агентовъ; арестовали нѣсколько невинныхъ и, не добившись ничего, прекратили дальнѣйшее разслѣдованіе.

Вскорѣ умерли одинъ за другимъ мой отецъ и мать. Возмущенный своими поступками, питая ужасъ къ самому себѣ, я рѣшился навсегда оставить страну.

Я не могу винить себя въ' неблагодарности. Я горячо благодарилъ Бога, что онъ призвалъ къ себѣ моихъ родителей ранше, чѣмъ они узнали о моихъ преступленіяхъ.

Я рѣшился жить въ лѣсу, одинъ, въ такомъ логовищѣ, котораго не рѣшился-бы избрать ни одинъ человекъ. Я провелъ шесть лѣтъ въ уединеніи, подверженный всевозможнымъ лишеніямъ, отказываясь отъ всякихъ сношеній съ людьми. Единственнымъ моимъ развлеченіемъ была охота, но я никогда не прикасался къ ножу изъ боязни, чтобы у меня снова не проснулся ин-

стинктъ къ челоуѣкоубійству. Не странно-ли это? У меня никогда не являлось желаніе убить челоуѣка изъ ружья, но ножъ всегда вызывалъ во мнѣ самыя безумныя намѣренія. Пускай кто-нибудь попробуетъ разъяснить мнѣ эту странность...

А люди, услыхавъ о моемъ добровольномъ изгнаніи, говорили: „Бѣдняжка Эзебъ, горе о смерти отца и матери такъ сильно омрачило его, что онъ сталъ диваремъ. О, это челоуѣкъ осторожный, холодный, спокойный! Можетъ-ли быть какое-нибудь сомнѣніе, что никакое другое событіе не могло довести его до такой крайности?“

Такииъ-же образомъ составляются, по крайней мѣрѣ, три четверти людскихъ приговоровъ... Не принимайте этого на свой счетъ, господа судьи, тѣмъ болѣе, что вамъ очень легко составить приговоръ обо мнѣ... мои карты открыты, ставка—моя голова... и вы выиграете!

Жилъ я спокойно въ лѣсу, ни съ кѣмъ не знаясь, какъ вдругъ вечеромъ, 3 августа, я услышалъ стукъ въ мою дверь. Было около десяти часовъ, луна свѣтила ярко. Моя лачуга состояла изъ одной комнаты: четыре деревянныя стѣны и крыша. Оставался-ли я въ ней или блуждалъ по лѣсу, дверь ея никогда не запиралась засовомъ. Для всѣхъ былъ открытый входъ, но моя суровость отвадила посѣтителей; разъ или два въ годъ кто-нибудь случайно заходилъ въ мою хижину, но тотчасъ-же давалъ тягу, гонимый моимъ негостепріимствомъ.

Мнѣ было все равно, войдутъ ко мнѣ или не войдутъ; ничего я не ожидалъ отъ людей и не боялся никого. Лежа на кучѣ сухихъ листьевъ, я размышлялъ; въ хижинѣ было темно. На стукъ въ дверь я обернулся. Она отворилась и на порогѣ ея, освѣщенный луной, выяснился челоуѣческой силуэтъ. Не знаю почему, сердце мое забилося въ первый разъ втеченіи моего шестилѣтняго уединенія. Но когда я услышалъ голосъ путника, меня проняла дрожь и холодный потъ выступилъ на вискахъ.

— Гола! кричалъ путникъ. — Нѣтъ-ли здѣсь кого, кто можетъ указать мнѣ дорогу?

Это былъ голосъ Кривоваля, вьевильскаго мясника.

Я вскочилъ, дрожь по-прежнему пробирала меня. Я хотѣлъ оставаться въ темнотѣ, хотѣлъ молчать, но мои губы, помимо моей воли, проговорили:

— Г. Кривоваль... это вы...

— Кой чортъ! меня здѣсь знаютъ... Покажитесь-же, если хотите, чтобы вамъ отвѣчали.

Во мнѣ боролись самыя противоположныя чувства. Я былъ радъ видѣть человѣка, давшаго мнѣ единственныя удовольствія, какія я имѣлъ въ жизни, и въ то-же время меня пронималъ ужасъ, что передо мной стоитъ человѣкъ, возбудившій во мнѣ самыя дурныя инстинкты. Они, конечно, возбуждены помимо его желанія, помимо его воли, но иногда я чувствовалъ къ нему ненависть. Сколько разъ въ своей лагѣ я проклиналъ вліяніе, которое онъ оказалъ на мою жизнь!

Но въ первыя минуты свиданія я помнилъ только объ его добрыхъ намѣреніяхъ и искренно пожалъ ему руку.

— Г. Кривоваль, сказалъ я, — необходимо объяснить вамъ, кто я такой. Встрѣться мы даже при яркомъ солнечномъ свѣтѣ, вы не узнали-бы меня, такъ измѣнили меня горе и дикая жизнь. Позвольте васъ поцѣловать. Я — Эзель Пейданье, вашъ бывшій ученикъ.

— Такъ это правда, что мнѣ рассказывали о тебѣ. Подойди-же ко мнѣ, мой милый.

И онъ привлекъ меня въ свои объятія. Я долго обвинялъ его. Мнѣ казалось, что съ прикосновеніемъ къ этому человѣку, котораго я не видѣлъ послѣ смерти моихъ отца и матери, оживаетъ во мнѣ память о моихъ дорогихъ старикахъ и возвращается мое хорошее прошлое. Я точно помолодѣлъ.

— Очень радъ тебя видѣть, сказалъ Кривоваль. — Вѣрно не случай привелъ меня къ тебѣ.

— Какъ это вышло, г. Кривоваль, что вы попали въ этотъ лѣсъ одинъ и въ такой поздній часъ? спросилъ я.

— Утромъ я прозѣвалъ почтовую карету. Утомленный жаромъ, я ушелъ въ тѣнь и задремалъ. Я былъ убѣжденъ, что звукъ бубенчиковъ разбудитъ меня и я не пропущу кареты. Но на этотъ разъ ошибся; видно лошади шли лѣниво и потому бубенчики глухо звенѣли. Проснувшись, я убѣдился, что карета прошла, и пошелъ пѣшкомъ, рассчитывая застать еще въ Гаригѣ десяти-часовой diligencъ. Но видно мнѣ суждено было заблудиться! Тѣнь манила меня, я углубился въ лѣсъ, увѣренный, что не отойду далеко отъ дороги, оставшейся у меня влѣво. Однакожь, кончилось тѣмъ, что

я взялъ окольное направлѣніе и заблудился. Вотъ уже два часа, какъ я блуждаю, не встрѣчая живой души. Но я не досадаю, потому что тебя встрѣтилъ... Я почую у тебя.

— О, этого нельзя, г. Кривоваль... это невозможно.

— Почему-же?

— Я не хочу, чтобы вы оставались здѣсь. Я покажу вамъ настоящую дорогу; вы пойдете по ней, никуда не сворачивая, и черезъ два часа вы будете въ Гаригъ; во время пути я объясню вамъ причину моего отказа.

— Однакожь, малый, ты любезенъ съ своими гостями! Если ты такъ принимаешь своего стараго пріятеля, можно представить себѣ, какъ обходишься ты съ людьми, мало тебѣ знакомыми. Ты, можетъ быть, опасаясь, что мнѣ будетъ у тебя неудобно? не безпокойся, я не прихотливъ. Я способенъ заснуть на острыхъ камняхъ; къ тому-же намъ есть о чемъ поговорить; мы и не замѣтимъ, какъ пройдетъ время въ болтовнѣ.

— Мы можемъ поболтать и дорогой, г. Кривоваль. Я не хочу, чтобы вы ночевали у меня.

— Пусть будетъ по-твоему. Если тебѣ нравится вытолкать челоуѣка, давшаго тебѣ здоровье, я не стану безпокоить тебя своимъ присутствіемъ. Да, ты сталъ совершеннымъ диваремъ; только волки живутъ такъ, какъ живешь ты.

— Для вашего-же блага я настаиваю на вашемъ удаленіи, г. Кривоваль. Не судите по наружности; изъ двадцати разъ девятнадцать вы можете ошибиться...

— Ну, будетъ! вижу, что правы тѣ, кто ославилъ тебя безумнымъ. Я отлично уснулъ-бы здѣсь на сухихъ листьяхъ, но ты не хочешь—такъ маршъ въ дорогу!

И мы пошли. Ни за что на свѣтѣ я не согласился-бы, чтобы несчастный ночевалъ вмѣстѣ со мною. Вы понимаете, я не былъ увѣренъ въ себѣ. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ воздержанія у меня снова могла проснуться жажда къ убійству.

По дорогѣ Кривоваль разсказалъ мнѣ много фактовъ, составившихъ событія въ маленькомъ городѣ, какииъ былъ Вьевиль. Въ шесть лѣтъ не мало утекло воды: Бриконъ купилъ бойню у мясника, переселившагося въ Суассонъ, дѣвнцы Пиду вышли замужъ—у младшей уже трое дѣтей, у старшей четверо; аптека сгорѣла. Но самымъ важнымъ событіемъ, о которомъ говорили

нѣсколько мѣсяцевъ къ ряду, было арестованіе убійцы Люроты, разнощика, полицейскаго комисара, померольскаго священника и шап-мартенскаго извощика.

Вслушавъ это извѣстіе, я почувствовалъ дурноту и едва не упалъ. Кровь бросилась мнѣ въ голову, во рту засохло; когда я поднялъ глаза, между вѣтвей свѣтила багровая луна, какъ бываетъ всегда передъ ураганомъ.

— Что съ тобой? спросилъ меня мясникъ, намѣреваясь поддержать меня.

— Не прикасайтесь ко мнѣ!.. я не хочу, чтобы вы дотрогивались до меня. Это пустяки... Все прошло... Пойдемъ дальше.

— Дѣйствительно, ты какой-то бѣшенный. Тебѣ только и можно жить въ берлогѣ, какъ дикому кабану. Люди не могутъ быть твоими товарищами.

Наступило молчаніе. Меня грызло любопытство.

— Кто этотъ несчастный, котораго арестовали?

— Ты его знаешь; это одинъ изъ твоихъ друзей, Антимъ Лебегъ, писецъ у Пелюшо.

— Антимъ—убійца?! Тотъ лжетъ, кто смѣетъ поддерживать такое чудовищное обвиненіе. Въ Вьевилѣ нѣтъ человѣка честнѣе Антима. Это какая-нибудь недостойная сплетня, какими всегда отличался нашъ городишко. Антимъ—убійца Люроты... и разнощика... Бѣдняга! Что сдѣлали съ нимъ?

— То, что дѣлаютъ всегда въ подобныхъ случаяхъ. Начали съ того, что его заперли; потомъ произвели слѣдствіе и, наконецъ, судили. Дѣло тянулось шесть мѣсяцевъ. Какой переполохъ произвело оно въ нашемъ департаментѣ! Одни держали пари за Антима, другіе—противъ него. Но въ виду доказательствъ...

— Какихъ доказательствъ?

— Нашли письмо Люроты къ нему, въ которомъ она пишетъ, что станетъ ожидать его въ одинадцать часовъ въ тотъ день, въ который ее убили.

— Что-жь это доказываетъ?

— А то, что онъ былъ у нея въ минуту совершенія преступленія.

— Часто случается, что не удастся быть тамъ, гдѣ предполагаешь.

— Антимъ признался, что онъ ходилъ въ тотъ вечеръ къ

„Синему пѣтуху“; только онъ увѣряетъ, что дверь была заперта; онъ постучалъ нѣсколько разъ и хотя въ комнатѣ видѣнъ былъ свѣтъ, но никто не отозвался на его стукъ. Опасаясь скомпрометировать дѣвушку, онъ не настаивалъ болѣе и ушелъ домой. Вотъ что придумалъ онъ для своего оправданія.

— Почему-жь вы думаете, что онъ говоритъ неправду?

— Потому, что нашли ключъ на дорогѣ; дверь не была заперта изнутри.

— Кто-нибудь другой могъ бросить ключъ: тотъ, кто совершилъ преступленіе.

— Нашелся свидѣтель, который на другой день убійства видѣлъ кровь на подошвахъ Антима.

— Тоже хорошее доказательство! Изъ Люроты текло такъ много крови, что убійца легко могъ запачкаться ею и, въ свою очередь, запачкать ступени крыльца. Кровь сильно текла изъ дѣвушки, страшно было смотрѣть...

— Какъ ты это знаешь?

— Я? Я ничего не знаю; я знаю столько-же, сколько знаютъ другіе... Но надо быть безумцемъ, чтобы признать Антима способнымъ на преступленіе!.. Онъ... дѣйствуетъ ножомъ... не всякій способенъ на такую игру...

— Откуда ты знаешь, что изъ Люроты вышло много крови? Ты горячишься... ты говоришь, какъ человѣкъ, который знаетъ больше, чѣмъ хочетъ сказать. Если ты можешь дать какія-нибудь разъясненія суду, ты будешь подлецомъ, если не сдѣлаешь этого. Антимъ будетъ казненъ черезъ восемь дней. Спаси-же его, если можешь.

— Я... я знаю только то, что знаете вы и другіе.

— Посмотри мнѣ прямо въ глаза. Во все время нашего разговора ты глядишь на меня изподлобья.

— Ну, я смотрю на васъ... Что-же далѣе?

— Ты друженъ съ Антимомъ?

— У него всегда былъ только одинъ другъ—я.

— Зачѣмъ ты удалился сюда и живешь здѣсь по-волчьи?

— Это мое дѣло и я не намѣренъ давать каждому отчетъ въ своихъ поступкахъ.

— Какъ хочешь, нелѣпо жить такимъ барсукомъ, какъ живешь ты.

— Мнѣ нравится эта жизнь.

— Вотъ что я тебѣ скажу: ты, навѣрное, сообщникъ Ан-
тима.

— Благодарю васъ за такое лестное мнѣніе обо мнѣ. Но если я такой негодяй, какимъ вы меня считаете, я могу сыграть съ вами непріятную для васъ шутку.

— Я не боюсь негодяевъ. Въ карманѣ у меня есть чѣмъ про-
пороть имъ шкуру, если они не будутъ... благоразумны. Ты меня
хорошо знаешь; тебѣ извѣстно, какой у меня здоровый кулакъ.

— Нѣтъ удовольствія путешествовать вмѣстѣ, если приходится
выслушивать такія любезности... Вотъ ваша дорога, г. Кристо-
валь, намъ пора разстаться.

— Прощай!.. Подумай хорошенько, что тебѣ дѣлать. Если
ты, вѣчно одинъ, не додумался до раскаянія, значитъ Богъ тебя
оставилъ.

— Довольно! Я сдѣлалъ все, чтобъ оставаться съ вами въ
прежнихъ хорошихъ отношеніяхъ... Не искушайте-же меня... Я
прошу у васъ послѣдней услуги: ступайте своей дорогой.

— Нѣтъ, я не разстанусь такимъ образомъ съ человѣкомъ,
къ которому питаю отцовскія чувства. Я вспылить. Ты не мо-
жешь быть убійцей... Дай мнѣ твою руку.

— Зачѣмъ?

— Ты сдѣлаешь мнѣ большое удовольствіе.

— И послѣ того вы отправитесь?

— Да, но я хочу, чтобы ты еще проводилъ меня. Если ты
этого не сдѣлаешь, я буду думать, что ты продолжаешь сердиться
на меня за мои опрометчивыя слова!

Я дѣлалъ все, что могъ, чтобы разстаться съ нимъ, но
онъ поклялся, что возвратится со мною, если я не соглашусь
проводать его еще нѣкоторое время. Если судьба предназначила
человѣку быть убитымъ, ничто не можетъ спасти его.

Ночь была восхитительная. Поэты ошибаются: у нихъ всегда
событія находятся въ соотвѣтствіи съ состояніемъ стихій... Чортъ
не такъ глупъ, какъ его изображаютъ... Всѣ мои убійства были
совершены въ прекрасную погоду.

Мы продолжали путь, но на этотъ разъ въ молчаніи. У насъ
у обоихъ голова была полна мыслями, раздражавшими нашъ мозгъ.

Къ тому-же ночью, въ лѣсу, человѣкъ какъ-то всегда избѣгаетъ болтовни.

Мясникъ ускорилъ шагъ. Это послужило причиной его гибели. Увидя передъ собой его затылокъ, я впился въ него глазами. Моему воображенію невольно представилось то мѣсто на затылкѣ, въ которое—прости мнѣ Господи!—я уже пять разъ всаживалъ ножъ.

— Найдите предо мной, г. Кристоваль, сказалъ я такъ сурово, что онъ изумился.

Убѣжденный, что имѣеть дѣло съ стумасшедшимъ, бѣднякъ не промолвилъ ни слова. Онъ замедлилъ шагъ и предложилъ мнѣ сигару.

— Малый, табѣ, можетъ быть, не часто приходится курить, сказалъ онъ.—Табачныхъ складовъ нѣтъ въ той берлогѣ, гдѣ ты живешь.

Въ надеждѣ развлечь свои мрачныя мысли, я взялъ предложенную сигару. Кристоваль вынулъ изъ кармана ножъ, одинъ изъ тѣхъ длинныхъ дорожныхъ ножей, которые пригодны для различнаго употребленія. Онъ раскрылъ его и, обрѣзавъ кончикъ сигары, передалъ его мнѣ.

Я не вѣрю въ случай. Вѣроятно, мяснику наступило время разстаться съ жизнью и судьба избрала меня для приведенія въ исполненіе ея рѣшенія. Зачѣмъ она постоянно обращалась ко мнѣ?

Я оставилъ у себя ножъ. Луна не замедлила освѣтить сталь и она заискрилась предъ моими глазами. Къ несчастію, мясникъ снова ускорилъ шагъ. На этотъ разъ искушеніе для меня было слишкомъ сильно. Вы согласитесь, что мнѣ надо было обладать силой характера Сципіона, чтобы не поддаться такому искушенію... Имѣя при себѣ ножъ, который самъ-же несчастный далъ мнѣ въ руки, я не въ силахъ былъ противостоятъ соблазну.

Однакожь, я принужденъ былъ замедлить ударомъ. Мы вошли въ глушь; вѣтви такъ сплелись между собою, что образовали арку и скрыли отъ насъ свѣтъ луны. Было слишкомъ темно и я не могъ нанести вѣрный ударъ. Нѣсколько минутъ мы шли въ темнотѣ.

— Отдай мнѣ ножъ, сказалъ Кристоваль, когда предъ нами начало проясняться. — Я хочу срѣзать вотъ эту вѣтку, изъ нея выйдетъ хорошая трость.

— Я не позволю вамъ утруждать себя, вскричалъ я, подбѣгая къ дереву, на которое указывалъ мясникъ. — Я мастеръ срѣзать вѣтки. Я живо обдѣлаю вамъ палку.

Меня брало нетерпѣніе, къ тому же я боялся зазубрить сталь. Ахъ! зачѣмъ ножъ не переломился, судьба спасла-бы несчастнаго!

— Благодарю тебя, сказалъ Крестоваль, когда я срѣзалъ вѣтку. — Дай мнѣ вѣтку и ступай себѣ съ Богомъ. Прощай. Я не собьюсь теперь съ дороги; я не хочу утомлять тебя до изнеможенія.

— Что вы?.. Развѣ такого волка, какъ я, можетъ утомить двух-часовая ходьба? Нѣтъ, вы можете еще сбиться съ дороги. Переулокъ Діаны чертовски вѣроломный. Пройдя его, вы уже не сойдете съ настоящаго пути; онъ совершенно прямой. Къ тому же, я хочу отдѣлать вамъ палку по моему вкусу. Она будетъ служить вамъ воспоминаніемъ обо мнѣ.

Бѣдняга! Онъ повернулся и пошелъ далѣе. Нѣсколько времени спустя онъ... отправился въ другой міръ...

Когда я увидѣлъ его на землѣ, я почувствовалъ сильный приливъ радости. — Я вамъ рассказываю такъ, какъ было. — Мнѣ казалось, что, умертвивъ его, я отомстилъ за все свое прошлое. Зачѣмъ онъ привлекъ меня къ себѣ и окунулъ мои руки въ кровь? Почему не допустилъ онъ мнѣ умереть отъ истощенія организма, какъ рѣшила судьба? Зачѣмъ онъ вмѣшался въ опредѣленіе судьбы, присудившей мнѣ короткую жизнь? Нѣсколько секундъ мнѣ казалось, что я восстановилъ равновѣсіе вещей, на-время насильственно нарушенное. Но я недолго находился въ этомъ блаженномъ настроеніи. Вопль, вырвавшійся изъ груди умирающаго, ратерзалъ мнѣ сердце. Ничто теперь не можетъ закрыть этой раны; она истечетъ кровью, если вы не подадите мнѣ милостыни гильотиной. Я желаю, чтобы правосудіе поразило меня такъ же, какъ я поражалъ другихъ. Я жду отъ васъ смертнаго приговора!

Я нанесъ невѣрный ударъ. Несчастный мясникъ минутъ двадцать боролся со смертію; онъ судорожно рвалъ траву ногтями, грызъ землю, катался въ крови... Я не понимаю, какъ я не сошелъ съ ума, видя эти ужасы. Онъ приподнялся немного и прислонился къ дереву. Мнѣ показалось, что онъ зоветъ меня, хотя его запекшіяся губы не шевелились... Въ торжественныя минуты говорятъ глаза умирающаго.

Я подползъ къ нему; я не могъ не приблизиться къ нему. Когда я былъ у его ногъ, онъ содрогнулся всеѣмъ тѣломъ и повалился. Понимаете, я внушалъ ему ужасъ! Я просилъ у него прощенія, я наговорилъ ему тысячу нелѣпостей... Ахъ! какъ я желалъ быть на его мѣстѣ. Я вынулъ свой платокъ и вытеръ ему ротъ. Тогда онъ уцѣпился за меня. Очевидно, онъ хотѣлъ говорить, но не могъ. Я приложилъ ухо къ его губамъ. Не знаю, его ли голосъ я слышалъ? Не услышалъ-ли я голосъ своей совѣсти въ эту ужасную минуту, когда я наклонился къ своей жертвѣ, удерживая дыханіе, жадно прислушиваясь, взорами вымаливая слово? Не принялъ-ли я голосъ своей совѣсти за голосъ умирающаго? Я не могу рѣшить, что вѣрнѣе, но только слѣдующія слова запечатлѣлись въ моей памяти: „Предай себя правосудію людей, иначе страшишься правосудія Бога!“

Я сталъ молиться; когда-же тѣло совершенно охладѣло, я взвалилъ его себѣ на плечи; съ правой стороны отъ меня шель мой отецъ, а съ лѣвой моя мать; они поддерживали трупъ, который мы принесли въ городъ на разсвѣтѣ.

Я вижу, вы съ сожалѣніемъ переглянулись, когда я сказалъ о помощи, оказанной мнѣ моими покойными родителями. Вѣрьте или не вѣрьте, какъ вамъ будетъ угодно. Но спрашиваю васъ, могли бы я въ три часа, безъ посторонней помощи, принести тѣло, истекающее кровью, отъ вольтруаскаго перекрестка, куда недѣлю тому назадъ вы ѣздили для производства слѣдствія въ экипажахъ, запряженныхъ добрыми лошадьми, и доѣхали туда съ трудомъ въ полтора часа?

Я перешелъ черезъ спящій городъ прямо къ вашему дому, г. президентъ. Я положилъ мою ношу на ваше крыльцо и постучалъ въ дверь. Мнѣ пришлось долго стучать, ваша прислуга спала крѣпко. Наконецъ, вы сами рѣшились отворить окно и высунулись изъ него съ заспанными глазами.

— Какой глупецъ стучить въ дверь въ такой часъ, когда всѣ честные люди спятъ? спросили вы.

— Это не глупецъ, г. президентъ, отвѣчалъ я, — а убійца, который принесъ тѣло своей жертвы туда, куда она приказала принести его. Одѣньтесь не спѣша. Когда человѣкъ самъ отдаетъ себя подъ ножъ гильотины, онъ можетъ ждать терпѣливо.

Вы вскрикнули и захлопнули окно. Тотчасъ-же я услышалъ

шаги на лѣстницѣ. Предполагая, что вы идете арестовать меня и составить протоколъ, я въ послѣдній разъ поцѣловаль тѣло бѣднаго Кривошова и сталъ ожидать. Но вы сходили внизъ за тѣмъ, чтобы увѣриться, хорошо-ли заперта дверь; я слышалъ, какъ щелкнулъ ключъ въ замкѣ. Къ счастью, шумъ привлекъ нѣсколькихъ прохожихъ; они окружили меня и, благодаря имъ, я былъ арестованъ.

Я кончилъ. Если вы не осудите меня на смерть, вы поступите несправедливо.

Присяжные оправдали подсудимаго.

Услышавъ такой приговоръ, онъ поблѣднѣлъ и затрясся всѣмъ тѣломъ. Онъ разразился такими ругательствами противъ судей, что для успокоенія его принуждены были надѣть на него смирительную рубаху и увести изъ суда.

Пемѣщенный, какъ мономанъ, въ домъ для излеченія душевныхъ болѣзней, Эзебъ Пйданье умеръ въ припадкѣ бѣшенаго безумія.

РАЗСКАЗЫ АЛЬФОНСА ДОДЕ.

I.

Осада Берлина.

Мы проходили съ докторомъ В* по алеѣ Елисейскихъ полей, останавливаясь передъ стѣнами, пробитыми бомбами, передъ камнями, вывороченными картечью изъ тротуаровъ, точно хотѣли узнать отъ нихъ исторію осажденнаго Парижа. Не доходя нѣсколькихъ шаговъ до арки Звѣзды, докторъ остановился и указалъ мнѣ на одинъ изъ большихъ угловыхъ домовъ, группировавшихся вокругъ этого триумфальнаго сооруженія.

— Видите-ли вы эти четыре окна по сторонамъ балкона? спросилъ онъ. — Въ первыхъ числахъ августа, — ужаснаго августа прошлаго года, обильнаго бурями и бѣдствіями, — я былъ приглашенъ сюда для леченія апоплексическаго удара. Имъ пораженъ былъ полковникъ Жувъ, кирасиръ времени первой имперіи. Слава и патриотизмъ вскружили голову старику. Какъ только началась послѣдняя война, онъ переѣхалъ въ эту квартиру съ балкономъ... Угадайте, зачѣмъ? Чтобы видѣть триумфальное вступленіе въ Парижъ нашихъ войскъ... Бѣдный старикъ! Тотчасъ послѣ обѣда онъ получилъ извѣстіе о сраженіи подъ Виссамбургомъ. Прочитавъ подъ бюлетенемъ о пораженіи имя Наполеона, онъ повалился, точно пораженный громомъ.

Я нашелъ стараго кирасира растянувшимся во весь ростъ на коврѣ, на полу; лицо побагровѣвшее и неподвижное, точно онъ получилъ ударъ тяжелымъ орудіемъ по головѣ. Онъ былъ высокаго роста, красивъ, имѣлъ превосходные зубы, волнистые, курчавые бѣлые волосы; ему казалось на видъ шестьдесятъ лѣтъ, хотя въ дѣйствительности было восемьдесятъ. Подлѣ него, вся въ сле-

захъ, стояла на колѣняхъ его внука. Она была похожа на старика. Видя ихъ рядомъ, невольно думалось, что это двѣ прекрасныя греческія медали, выбитыя по одной и той-же модели, только одна—старая, загрязнившаяся, нѣсколько потертая; другая—свѣтлая, во всемъ блескѣ новаго чекана.

Печаль этого ребенка тронула меня. Отецъ этой дѣвушки находился въ штабѣ Мак-Магона. Безпомощный видъ больного старика, лежавшаго передъ нею, невольно вызывалъ въ ея умѣ представленіе о другомъ такомъ-же ужасномъ несчастіи, которое легко могло случиться. Я постарался успокоить ее, но самъ имѣлъ мало надежды. Приходилось бороться съ параличомъ, отъ котораго восьмидесятилѣтніе старики не поправляются. И въ самомъ дѣлѣ, больной втеченіи трехъ дней находился въ неподвижномъ и безсознательномъ состояніи. Въ это время въ Парижѣ пришло извѣстіе о сраженіи подъ Рейхсгофеномъ. Вы, вѣроятно, помните, въ какомъ видѣ оно было передано. До вечера мы были увѣрены въ большой побѣдѣ; мы передавали другъ другу, что въ этотъ день пруссаки потеряли убитыми до двадцати тысячъ, а наслѣдний принцъ взятъ нами въ плѣнъ. Не знаю, какимъ чудомъ, какимъ магнетическимъ токомъ эхо этой національной радости достигло до нашего бѣднаго глухо-нѣмого паралитика. Подойдя вечеромъ къ его постели, я изумился: глаза прояснились, языкъ менѣе тупъ, старикъ сталъ уже не тѣмъ несчастнымъ, какимъ я видѣлъ его утромъ. Онъ имѣлъ силу улыбнуться мнѣ и пробормоталъ:

— По-бѣ-да! по-бѣ-да!

— Да, полковникъ, большая побѣда!

И по мѣрѣ того, какъ я передавалъ ему подробности побѣды арміи Мак-Магона, жизненная сила возвращалась къ нему...

У выходной двери ожидала меня молодая дѣвушка. Она была блѣдна и рыдала.

— Но вѣдь онъ спасенъ! сказалъ я, пожимая ей руки.

Несчастная дѣвушка съ трудомъ мнѣ отвѣтила. Она уже прочла только-что объявленное вѣрное извѣстіе о сраженіи подъ Рейхсгофеномъ; Мак-Магонъ потерпѣлъ совершенное пораженіе; его армія почти уничтожена... Мы съ уныніемъ посмотрѣли другъ на друга. Она отчаявалась, думая о своемъ отцѣ. Я дрожалъ за старика, я былъ увѣренъ, что онъ не перенесетъ этого новаго удара... Что

было дѣлать?.. Оставить ему его радости и заблужденія, которыя оживили его?.. Но въ такомъ случаѣ придется лгать...

— Ну что-жь, я буду лгать, сказала энергическая дѣвушка и, быстро вытеревъ глаза, весело вошла въ комнату своего дѣда.

Она взяла на себя трудную задачу. Въ первые дни еще можно было какъ-нибудь сладить. Старикъ былъ слабъ умомъ и его легко было обманывать, какъ ребенка. Но съ возвращеніемъ физическихъ силъ и умъ его становился яснѣе. Онъ требовалъ, чтобы ему сообщали о каждомъ движеніи армій, желалъ знать всякое извѣстіе, полученное съ театра войны. Жаль было видѣть, какъ это прелестное дитя не только днемъ, но часто и ночью, сидитъ, наклонившись, надъ картой Германіи, прикалываетъ маленькіе значки, комбинируя въ своемъ умѣ славную кампанію французскихъ войскъ; Базенъ идетъ на Берлинъ, Мак-Магонъ двигается къ Балтійскому морю, Фроасаръ занялъ Баварію. Она совѣтовалась со мною; я помогалъ ей, сколько могъ; но едва-ли мы были-бы въ состояніи двигать наши войска, въ нашемъ воображеніи вторгнувшіяся въ Германію, если-бъ намъ не оказывалъ помощи самъ старикъ. Онъ столько разъ побуждалъ Германію во время войнъ первой имперіи, и потому считалъ себя способнымъ предугадывать каждое движеніе нашихъ побѣдоносныхъ войскъ. Они пойдутъ туда, они то-то предпримутъ... и его предсказанія всегда сбывались, и онъ гордился своей проницательностію.

Къ несчастію, какъ ни быстро мы брали города и выигрывали сраженія, мы шли все-таки не такъ скоро, какъ ему хотѣлось. Старикъ былъ ненасытенъ!.. Каждый день, приходя къ нему, я узнавалъ о новомъ успѣхѣ нашихъ армій.

— Докторъ, мы взяли Майнцъ, встрѣчала меня съ горькой улыбкой молодая дѣвушка.

— Все идетъ отлично! кричалъ мнѣ черезъ дверь веселымъ голосомъ старикъ. — Черезъ какіе-нибудь восемь дней мы войдемъ въ Берлинъ.

На самоѣ-же дѣлѣ пруссаки черезъ восемь дней могли подойти къ Парижу... Мы разсуждали, не лучше-ли перевезти его въ провинцію, но насъ остановило предположеніе, что тамъ онъ скорѣе узнаетъ о дѣйствительномъ положеніи Франціи. Я находилъ его еще слишкомъ слабымъ, чтобы онъ могъ перенести горькую истину. Мы рѣшили, что ему лучше оставаться въ Парижѣ.

Помню, въ первый день обложенія Парижа я поднялся къ нимъ сильно взволнованный, съ тоской сердцѣ; ворота Парижа были заперты, подъ стѣнами города уже сражались, предмѣстья стали нашими границами. Старикъ сидѣлъ на кровати, на лицѣ его выражались торжество и гордость.

— Ну, сказалъ онъ мнѣ, — вотъ и началась осада.

Я посмотрѣлъ на него съ недоумѣніемъ.

— Какъ, полковникъ, вы знаете уже...

— Да, докторъ, обратилась ко мнѣ внучка. — Важная новость... осада Берлина началась.

Она проговорила это твердо, спокойно, продолжая работать иглой. Могъ-ли онъ подозрѣвать, что его обманываютъ? Онъ не слышалъ выстрѣловъ съ фортовъ, онъ не видѣлъ несчастнаго, мрачнаго, встревоженнаго Парижа. Съ своей постели онъ могъ видѣть только часть триумфальной арки, все вокругъ него, въ его комнатѣ, наполненной вещами, напоминающими славу первой имперіи, поддерживало его заблужденіе. Портреты маршаловъ, гравюры битвъ, римскій король въ дѣтскомъ платьицѣ, пристѣпочные столы, украшенные мѣдными трофеями, нагруженные медалями и бронзовыми вещами, извѣстная скала на островѣ св. Елены подъ колпакомъ, миниатюры, изображающія одну и ту-же даму, причесанную по-бальному, въ желтомъ платьѣ, съ блестящими глазами, — все это, и столы, и римскій король, и желтыя дамы съ высокими тальями, жеманныя по модѣ 1806 года, — вся эта атмосфера побѣдъ и завоеваній болѣе, чѣмъ наши увѣренія, способствовала тому, что полковникъ наивно вѣрилъ въ осаду Берлина.

Съ этого дня наши военныя операціи значительно упростились. Для взятія Берлина требовалось много терпѣнія. Время отъ времени, когда старикъ слишкомъ скучалъ, ему прочитывали письмо отъ сына, конечно, нами составленное, потому что никакихъ писемъ уже не приходило въ Парижъ и, послѣ Седана, адъютантъ Мак-Магона былъ отправленъ въ германскую крѣпость. Представьте себѣ отчаяніе бѣдной дѣвушки, которая, не получая никакихъ извѣстій отъ отца и зная, что онъ въ плѣну, лишенъ всего, можетъ быть, боленъ, вынуждена была отъ его имени писать веселыя письма, къ счастью, короткія, какія можно писать въ походѣ, постоянно двигаясь впередъ въ завоеванной странѣ. Иногда силы ее оставляли и она на недѣлю оставляла старика безъ ново-

стей. Онъ тревожился, не спалъ. Тогда тотчасъ-же приходило письмо изъ Германіи и она весело, однакожь, едва удерживаясь отъ слезъ, читала его у постели старика. Полковникъ слушалъ съ благоговѣніемъ, снисходительно улыбался, одобрялъ, критиковалъ и объяснялъ намъ сомнительныя мѣста. Онъ былъ особенно хорошъ въ отвѣтахъ, которые посылалъ своему сыну. „Не забывай никогда, что ты французъ, писалъ онъ. — Будь великодушнѣе къ этимъ бѣднымъ людямъ. Не дѣлай для нихъ слишкомъ тяжелымъ непріятельское вторженіе...“ Онъ давалъ безконечныя наставленія о томъ, какъ уважать собственность, съ какимъ почтеніемъ слѣдуетъ относиться къ дамамъ, однимъ словомъ, цѣлый сводъ правилъ военной чести, которыхъ должны придерживаться побѣдители. Онъ примѣшивалъ также нѣсколько общихъ разсужденій о политикѣ и объ условіяхъ мира, которыя слѣдуетъ предложить побѣжденнымъ. Я долженъ сказать, что въ этомъ отношеніи онъ не былъ особенно требователенъ.

„Вознагражденіе военныхъ издержекъ и больше ничего, писалъ онъ. — Зачѣмъ брать у нихъ провинціи... Развѣ изъ Германіи можно сдѣлать Францію?“

Онъ диетовалъ это твердымъ голосомъ; искренность и патриотическая вѣра, звучавшія въ его словахъ, невольно трогали и возбуждали къ нему уваженіе.

Въ это время осада подвигалась, увы! не Берлина... Стоялъ страшный холодъ; бомбардированіе, эпидеміи и голодъ донимали насъ. Благодаря нашимъ заботамъ и нѣжному уходу внучки, спокойствіе и привычки старика не были нарушены. До самаго конца осады я имѣлъ возможность доставать ему бѣлый хлѣбъ и свѣжую говядину. Такая привизія шла только ему одному; однакожь, трудно представить себѣ что-нибудь болѣе трогательное, чѣмъ эти невинно-эгоистичныя завтраки дѣдушки, не сознававшего, что вокругъ него терпятъ недостатокъ: свѣжій и улыбающійся старикъ съ подвязанной салфеткой сидѣлъ на своей постели, а подлѣ него помѣщалась внучка, нѣсколько поблѣднѣвшая отъ лишеній; она сама поила и кормила его недоступными для нея кушаньями. Подерѣвшившись питательнымъ завтракомъ, сидя въ теплой комнатѣ, въ то время, когда на дворѣ дулъ сильный сѣверный вѣтеръ и снѣгъ залѣплялъ стекла оконъ, старый кирасиръ вспоминалъ о своихъ кампаніяхъ на сѣверѣ и въ сотый разъ рассказы-

валь о плачевномъ отступленіи великой арміи изъ Россіи, когда ему приходилось питаться замерзшими сухарями и кониной.

— Понимаешь-ли, малютка, мы ѣли конину.

Она понимала это очень хорошо, потому что уже два мѣсяца ничего другого не ѣла. По мѣрѣ того, какъ съ каждымъ днемъ приближалось выздоровленіе старика, положеніе наше становилось все болѣе и болѣе затруднительнымъ. Его притупившіяся чувства и пораженные параличомъ члены, помогавшіе намъ поддерживать нашъ обманъ, начинали постепенно оживать. Мы замѣтили, что страшная канонада у воротъ Мальо достигаетъ уже его слуха; точно охотничья собака, онъ наводилъ уши и внимательно прислушивался; мы были вынуждены сочинить новую побѣду Базена подъ Берлиномъ и салюты въ ея честь на площади Инвалидовъ. Въ день бузенвальскаго сраженія, по его просьбѣ, мы придвинули его кровать къ окну; онъ увидѣлъ національную гвардію, которая собиралась на площади Великой Арміи.

— Какія это войска? спросилъ добрякъ, и мы слышали, какъ онъ проговорилъ сквозь зубы:

— Дурная выправка! дурная выправка!

Никакихъ замѣчаній онъ больше не дѣлалъ, но мы поняли, что съ этой поры слѣдуетъ принимать еще большія предосторожности. Къ несчастью, мы оплошали въ рѣшительную минуту.

Черезъ нѣсколько дней, когда я пришелъ къ нему на вечернюю визитацію, у самыхъ дверей меня встрѣтила внучка; она была сильно встревожена.

— Завтра они вступаютъ, сказала она.

Не знаю, была-ли отперта комната старика, но припоминаю, что въ тотъ вечеръ я замѣтилъ на его лицѣ странное выраженіе. Вѣроятно, онъ слышалъ нашъ разговоръ, но только мы говорили о пруссакахъ, а добрякъ думалъ о французахъ, о торжественномъ вступленіи французской арміи въ Парижъ по возвращеніи изъ славной кампаніи: Мак-Магонъ при звукахъ трубъ, подъ дождемъ цвѣтовъ, гордо ѣдетъ на конѣ впереди арміи, а подлѣ него сынъ старика, а онъ самъ, старый кирасиръ, одѣтый въ ту форму, которую онъ носилъ подъ Люценомъ, стоитъ на балконѣ и привѣтствуетъ пробитыя пулями знамена съ почернѣвшими отъ пороха орлами...

Бѣдный Жувъ! Полагая, что мы воспрепятствуемъ ему любо-

ваться торжественнымъ маршемъ войскъ изъ опасенія, что сильное волненіе можетъ повредить ему, онъ скрылъ отъ насъ свое намѣреніе и на другой день, когда прусскія войска скромно двигались отъ воротъ Мальо къ Тюльери, отворилъ балконъ и вышелъ на него, одѣтый въ каску, тяжелыя латы и старый, но славный мундиръ кирасировъ дивизіи Мильо. Нужно было имѣть страшную силу воли и удивительную энергію, чтобы, при его болѣзненномъ состояніи, одному, безъ чужей помощи, одѣться въ тяжелыя доспѣхи. Несомнѣнно, что его крайне удивила тишина, царствующая въ городѣ, и опущенныя занавѣси. Парижъ представлялъ мрачный видъ большого лазарета, на многихъ домахъ развѣвались флаги, но какіе-то странные — бѣлыя съ краснымъ крестомъ, и никто не шелъ на-встрѣчу солдатамъ.

Въ первыя минуты, вѣроятно, его брало сомнѣніе: не ошибелись ли онъ?

Но нѣтъ! Сзади триумфальной арки было замѣтно какое-то смятеніе, по улицѣ двигалась какая-то черная масса... Потомъ заблестѣли шишаки касокъ, забили маленькіе іенскіе барабаны и изъ-подъ арки Звѣзды, въ тактъ съ тяжелыми шагами солдатъ и бряцаньемъ сабель, раздался торжественный маршъ Шуберта.

Тогда, среди мертвой тишины, на площади послышался крикъ, ужасный крикъ: „Къ оружію! въ оружію!.. пруссаки!“ И четыре улана, ѣдущіе въ авангардѣ, могли видѣть, какъ на балконѣ старый кирасиръ протянулъ руки, зашатался и упалъ. На этотъ разъ полковникъ Жувъ былъ мертвъ.

II.

Ошибка.

Охотясь до сумерекъ, я былъ застигнутъ жестокой бурей въ долину Шелифа, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Орлеанвила въ Алжиріи. Въ виду не было ни малѣйшаго признака деревни, ни одинокаго дыма, выходящаго изъ трубы постоялаго двора; ливень былъ такъ силенъ, что вода не успѣвала уходить въ землю; мнѣ, такимъ образомъ, предстояло провести ночь по колѣно въ водѣ. Къ счастью, товарищъ мой по охотѣ, гражданскій пере-

водчикъ при миліанахскомъ бюро, вспомнилъ, что въ недалекомъ разстояніи отъ этой мѣстности живетъ племя, съ агой котораго онъ былъ знакомъ; мы рѣшили отправиться къ нему и просить у него ночлега. Вскорѣ близость деревни указали воздѣланныя поля, но какой печальный видъ запустѣнія представляли они въ настоящую минуту! Точно страна была подвержена какому-нибудь страшному бѣдствию, отнявшему у нея работниковъ: жатва стояла неубранной, спѣлый колосъ гнилъ на корню; бороны, плуги и тележки оставались подъ дождемъ въ полѣ, видимо некому было позаботиться, чтобы свезти ихъ въ сараи. Въ самой деревнѣ тотъ-же печальный видъ равнодушія и разстройства.

Выбѣленный домъ аги, безъ оконъ на улицу, казался такъ-же мало оживленнымъ, какъ и всѣ другіе дома деревни. Конюшня его была открыта, ясли пусты; ни одинъ конюхъ не встрѣтилъ насъ, чтобы принять отъ насъ нашихъ лошадей.

— Пойдемъ въ мавританское кафе, сказалъ мой товарищъ.

„Мавританское кафе“ было домомъ въ домѣ арабскаго помѣщика, предназначеннымъ для пріема случайныхъ гостей; такимъ образомъ добродушный мусульманинъ, не нарушая обычая семейной замкнутости, могъ свято соблюдать чтимый имъ законъ гостепріимства. Мавританское кафе аги Си-Слимана было открыто и такъ-же пустынно, какъ и его конюшня. На выбѣленныхъ известью стѣнахъ кафе было развѣшано оружіе и украшенія изъ страусовыхъ перьевъ; вдоль стѣнъ, вокругъ всей комнаты, стоялъ низкій диванъ. Дождь врвался въ отворенную дверь, но никто не обращалъ на это вниманія, хотя въ комнатѣ были люди: старій кабилъ въ лохмотьяхъ, вмѣстѣ надзиратель и прислужникъ въ кафе, и мальчикъ. Старикъ сидѣлъ задумавшись и ничего не видѣлъ передъ собою; мальчикъ, сынъ аги, блѣдный, въ лихорадкѣ, лежалъ на диванѣ, закутавшись въ черный бурнусъ; двѣ борзыхъ собаки лежали у его ногъ.

Когда мы вошли, одна изъ борзыхъ собакъ молча подняла голову, а больной мальчикъ обратилъ къ намъ свои лихорадочно-горячіе прекрасные черные глаза.

— Дома Си-Слиманъ? спросилъ мой товарищъ-переводчикъ по-арабски.

Старикъ мотнулъ головой и сдѣлалъ жестъ рукою, долженствующій выразить, что ага далеко. очень далеко... Мы поняли.

что Си-Слиманъ отправился въ дальнее путешествіе, но какъ ливень все еще не прекращался и мы, потому, не могли пуститься въ дорогу, переводчикъ сказалъ мальчику, что мы друзья его отца и просимъ у него ночлега. Мальчикъ тотчасъ-же поднялся, несмотря на страданія, причиняемыя ему болѣзнью, граціознымъ жестомъ указалъ намъ на диванъ, какъ-бы говоря: „вы мои гости“, поклонился намъ по арабскому обычаю, пославъ притомъ поцѣлуй концами пальцевъ, и, гордо задрапировавшись въ свой бурнусъ, вышелъ съ важностью аги и хозяина дома.

Какъ только онъ скрылся изъ виду, надзиратель за кофейной раздулъ огонь въ жаровнѣ, поставилъ на таганъ два маленькіе котелка и занялся приготовленіемъ намъ кофе. Пока онъ это дѣлалъ, мы узнали отъ него нѣсколько подробностей относительно путешествія его господина и о причинахъ страннаго запустѣнія, въ которомъ мы нашли деревню.

Вотъ-что случилось съ несчастнымъ Си-Слиманомъ. Четыре мѣсяца тому назадъ, въ день 15 августа, онъ получилъ давно-желанный крестъ Почетнаго легиона. Онъ былъ единственнымъ агой въ провинціи, неимѣвшимъ этого отличія. Онъ не получалъ креста потому, что имѣлъ несчастье поссориться въ карточной игрѣ съ своимъ непосредственнымъ начальникомъ арабскаго бюро. Военное товарищество въ Алжирѣ такъ крѣпко стояло другъ за друга, что имя аги, несмотря на желаніе губернатора наградить его, постоянно вычеркивалось изъ списка лицъ, представляемыхъ къ наградѣ орденомъ. Можно судить о восторгѣ Си-Слимана, когда, утромъ 15 августа, орлеансвильскій спаги привезъ ему крестъ и патентъ на орденъ, и въ особенности, когда Байя, любимая изъ четырехъ женъ, приколола крестъ къ его бурнусу изъ верблюжьяго сукна. Эта награда послужила поводомъ къ шумному празднеству въ деревнѣ. Цѣлую ночь раздавались звуки флейты и тамбурина, были танцы, фейерверкъ, а одинъ импровизаторъ сочинилъ великолѣпную кантату, начинавшуюся слѣдующими словами: „Вѣтеръ, сѣдай своихъ скакуновъ, на которыхъ примчится благое извѣстіе...“

На другой день, съ восходомъ солнца, Си-Слиманъ собралъ вооруженныхъ воиновъ своего племени и вмѣстѣ съ ними отправился въ Алжиръ, чтобъ поблагодарить губернатора. У городскихъ воротъ, по обычаю, отрядъ остановился и только одинъ

ага вошелъ въ городъ и отправился въ губернаторскій дворецъ. Губернаторъ Алжирин, герцогъ Малаховъ, принялъ его любезно и выслушалъ отъ него благодарность въ восточномъ стилѣ, переполненную множествомъ цвѣтистыхъ фразъ; не обошлось безъ сравненій юношей съ прямыми пальмами, а женщинъ съ газелью, — сравненій, которыя дѣлались и три тысячи лѣтъ тому назадъ. Раскланявшись съ губернаторомъ, Си-Слиманъ зашелъ въ мечеть помолиться, роздалъ деньги нищимъ, зашелъ въ лавки и накупилъ, не торгуясь, разныхъ разностей для своихъ женъ и своего маленькаго сына. Потомъ его видѣли въ кофейнѣ, гдѣ онъ сидѣлъ на коврѣ, поджавъ ноги, пилъ кофе и выслушивалъ поздравленія.

— Смотрите, вотъ Си-Слиманъ, говорили посѣтители кафе, — пшерадоръ (по арабскому произношенію слова „императоръ“) наградила его орденомъ.

Мальчуганы подбѣгали къ нему, дотрогивались до вѣста и наивно выражали свое изумленіе. Добрякъ Си-Слиманъ благодушеествовалъ; эти минуты онъ считалъ счастливейшими въ своей жизни.

Вечеромъ Си-Слиманъ уже готовился идти къ своему отряду; какъ его остановилъ курьеръ изъ префектуры.

— Наконецъ-то я нашелъ тебя, Си-Слиманъ, сказалъ онъ; — иди скорѣе, губернаторъ тебя спрашиваетъ.

Си-Слиманъ послѣдовалъ за нимъ съ безпокойствомъ. На большомъ дворѣ губернаторскаго дома онъ встрѣтилъ своего начальника арабскаго бюро, который зло улыбнулся ему. Эта улыбка врага испугала его и онъ, дрожа, вошелъ въ приемную губернатора. Маршалъ принялъ его, сидя верхомъ на креслѣ.

— Мой милый Си-Слиманъ, сказалъ онъ сурово, въ носъ, — я очень огорченъ... произошла ошибка... Крестъ назначенъ не тебѣ, а зуг-зугскому кайду... отдай назадъ орденъ.

Краска бросилась въ голову агъ; онъ конвульсивно вздрогнулъ; его глаза метнули молніи, но черезъ минуту онъ низко поклонился губернатору и сказалъ, кладя крестъ на столъ:

— Ты господинъ, можешь взять то, что далъ.

Его руки дрожали, глаза наполнились слезами; Пелисье былъ тронуть.

— Не огорчайся, дружище, получишь крестъ въ будущемъ году, сказалъ онъ и дружески подаль руку опечаленному агъ.

Но ага показалъ видъ, что не видитъ протянутой руки, низко поклонился и вышелъ. Онъ зналъ, какую цѣну слѣдуетъ придавать обѣщаніямъ маршала, зналъ также, что въ глазахъ своихъ соотечественниковъ онъ на-всегда обезчещенъ интригами бюро.

Слухъ о его немилости успѣлъ уже распространиться въ городѣ. Встрѣчные евреи смѣялись надъ нимъ; мавританскіе купцы, напротивъ, окружали его, выражая свою жалость, но ихъ жалость терзала его хуже еврейскихъ насмѣшекъ. Поэтому онъ поспѣшилъ скрыться въ глухихъ переулкахъ. Мѣсто, гдѣ висѣлъ крестъ, жгло его.

„Что-то скажутъ мои воины? что скажутъ мои жены?“ думалъ онъ.

У него сдѣлался припадокъ бѣшенства. Не начать-ли священную войну на границахъ Мароко; или не кинуться-ли въ Алжиръ во главѣ своего отряда, грабить жидовъ, убивать христіанъ и самому погибнуть въ рѣзнь? И то, и другое казалось ему болѣе удобнымъ, чѣмъ возвращеніе въ свою деревню. Вдругъ посреди плановъ мщенія его осѣнила мысль объ имберадорѣ.

Для Си-Слимана, какъ и для всѣхъ арабовъ, идея справедливости и могущества соединялась въ одномъ этомъ словѣ. Имберадоръ былъ настоящимъ главой этихъ правовѣрныхъ мусульманъ, переживавшихъ періодъ совершеннаго упадка. Былъ, правда, у нихъ и другой глава, въ Стамбулѣ, но на него они смотрѣли, какъ на представителя духовной власти, какъ на мусульманскаго папу, впрочемъ, на-столько безсильнаго, что къ нему не стоило и обращаться.

Имберадоръ съ зуавами, съ флотомъ желѣзныхъ кораблей, съ пушками, представлялъ силу, которую слѣдовало уважать. Подумавъ о немъ, Си-Слиманъ счелъ себя спасеннымъ. Онъ былъ убѣжденъ, что императоръ возвратитъ ему крестъ, а для путешествія въ Парижъ потребуется не болѣе недѣли. Си-Слиманъ такъ былъ увѣренъ въ этомъ, что приказалъ своему отряду ожидать его у воротъ Алжира. Самъ-же сѣлъ на пароходъ, отходящій во Францію, съ надеждою и съ яснымъ расположеніемъ духа, точно онъ ѣхалъ въ Мекку.

Бѣдный Си-Слиманъ! Прошло четыре мѣсяца, а изъ писемъ его къ женамъ не видно, чтобы онъ рассчитывалъ на скорое возвращеніе. Вотъ уже четыре мѣсяца Си-Слиманъ, затерянный

въ шумѣ парижской жизни, бѣгаетъ по министерствамъ, его отсылаютъ изъ отдѣленія въ отдѣленіе, для того, можетъ быть, чтобъ онъ испыталъ прелести бюрократическаго устройства французской администраціи; цѣлые часы онъ терпѣливо ожидаетъ въ переднихъ аудіенціи, которой не можетъ добиться; потомъ, вечеромъ, его длинная, печальная фигура, смѣшная своимъ величественнымъ видомъ, появляется у окна привратника и ждетъ терпѣливо ключа отъ комнаты. Усталый, но гордый и полный надежды Си-Слиманъ входитъ въ свой номеръ и бросается на кровать. На другой день та-же исторія, и такъ проходитъ день за днемъ...

Во все это время его войны, съ восточнымъ фатализмомъ, спокойно ждутъ его у воротъ; стреноженныя лошади ихъ гуляютъ по берегу моря, питаются чахлою травкою. Въ деревнѣ все въ запустѣніи; жатва гниетъ на корню, по неимѣнію рукъ, чтобы снять ее. Женщины и дѣти считаютъ дни и безпрестанно смотрятъ въ сторону Парижа. Тяжело видѣть, сколько надеждъ, горя и разоренія повлекъ за собой кусочекъ красной ленточки... Что-то будетъ съ Си-Слиманомъ!

— Одному Богу извѣстно, вздыхая говоритъ надзиратель кафе и своей обнаженной рукою указываетъ намъ черезъ отворенную дверь на серпъ луны, выплывшей изъ облаковъ и блестящей на темно-синемъ небѣ... Дождь пересталъ и небо очистилось.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПОМОЖЕТЪ-ЛИ НАМЪ МЕЛКІЙ ЗЕМЕЛЬНЫЙ КРЕДИТЪ?

(Третій отчетъ комитета о сельскихъ ссудо-сберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ. 1875.—«Мелкій земельный кредитъ въ Россіи». Соч. князя А. П. Васильчикова и А. В. Яковлева. Спб. 1876.)

I.

„Во всякомъ хозяйствѣ,—совершенно справедливо говорить г. Яковлевъ,—когда оно невыгодно, а тѣмъ болѣе, когда оно не даетъ даже средствъ къ существованію, есть только два выхода: или бросить его или сдѣлать его выгоднымъ. Всякая отсрочка въ этомъ случаѣ только увеличиваетъ потери, только разоряетъ“. Поэтому, заключаетъ авторъ „Мелкаго земельного кредита“,—и всякое замедленіе въ облегченіи покупки необходимыхъ крестьянамъ или крестьянскимъ обществамъ земель есть вопросъ будущаго благосостоянія ихъ или разоренія. Князь Васильчиковъ въ своей статьѣ „О мелкомъ земельномъ кредитѣ въ Россіи“, между прочимъ, указалъ, какъ быстро увеличивается число безземельныхъ крестьянъ. „Только широкое развитіе хорошо организованнаго земельного кредита для мелкой земельной собственности можетъ, по его мнѣнію, остановить это обратное движеніе“ (стр. 38.)

Изъ этихъ словъ вполне очевидно, что ближайшая цѣль новой организаціи земельного кредита должна состоять, по мнѣнію радѣтелей о народномъ благѣ, въ облегченіи крестьянамъ покупки земель. Прекрасно! Какимъ-же условіямъ долженъ удовлетворять кредитъ, задавшійся подобною цѣлью?

Во-первыхъ, кредитъ этотъ долженъ быть долгосрочнымъ; во-вторыхъ, по своему размѣру, онъ долженъ значительно превы-

нать тотъ текущій кредитъ, который теперешнія товарищества въ состояніи предоставитъ своимъ членамъ; и, наконецъ, въ третьихъ, онъ долженъ быть кредитомъ дешевымъ.

Изъ существующихъ кредитныхъ учреждений (ипотечные земельные банки и ссудо-сберегательныя товарищества) ни одно не можетъ удовлетворять всѣмъ этимъ условіямъ. У ссудо-сберегательныхъ товариществъ нѣтъ и не можетъ быть необходимыхъ для подобнаго кредита свободныхъ капиталовъ; а существующій у насъ ипотечный земельный кредитъ останавливается на извѣстномъ минимумѣ цѣнности, который не можетъ быть пониженъ, потому что въ такомъ случаѣ расходы по описи, оцѣнкѣ и продажѣ имѣній превысила-бы сумму ссуды, или по крайней мѣрѣ, составили-бы процентъ, слишкомъ обременительный для заемщика. Слѣдовательно, какъ надумались наши почвенные финансисты, необходимо создать новое кредитное учрежденіе. Но тутъ прежде всего возникаютъ два вопроса: должно-ли быть это учрежденіе центральное или мѣстное, ограниченное, сравнительно говоря, небольшимъ райономъ дѣятельности (напр., уѣздомъ); должно-ли оно быть основано на началахъ акціонернаго общества, или на началахъ взаимности (вродѣ теперешнихъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ?)

Г. Яковлевъ подробно разбираетъ каждый изъ этихъ вопросовъ и приходитъ, какъ это и слѣдовало ожидать отъ человѣка, не безусловно лишеннаго здраваго смысла, къ тому заключенію, что банки, имѣющіе цѣлью облегченіе мелкимъ собственникамъ пріобрѣтеніе мелкихъ земельныхъ участковъ, должны быть мѣстные, съ весьма ограниченнымъ райономъ дѣятельности и что въ основѣ ихъ долженъ быть положенъ принципъ взаимнаго кредита,

отнюдь не акціонернаго общества. Было-бы скучно, и совсѣмъ не интересно перечислять всѣ мотивы, которые привели г. Яковлева къ такому выводу. Для всякаго здравомыслящаго человѣка а priori очевидно, что, при существованіи крупныхъ земельныхъ банковъ, расходъ по оцѣнкѣ земельныхъ участковъ будетъ несоизмѣрно великъ съ выдаваемыми подъ нихъ ссудами, и, слѣдовательно, кредитъ ихъ не въ состояніи будетъ удовлетворять требованію дешевизны *). Притомъ-же оцѣнка мелкихъ участковъ,

*) Извѣстно, что расходы по оцѣнкѣ опредѣляются, главнымъ образомъ, разстояніемъ оцѣниваемаго имущества отъ того центра, гдѣ эта оцѣнка окончательно устанавливается и откуда посылаются оцѣнщики.

требуетъ такихъ спеціальныхъ свѣденій относительно оцѣниваемаго имущества, которыми можетъ обладать только небольшое, мѣстное, кредитное учрежденіе, дѣйствующее въ очень ограниченномъ районѣ; крупному банку пришлось-бы, въ такомъ случаѣ, прибѣгать къ помощи мѣстныхъ агентовъ; но „мѣстные агенты, — какъ справедливо замѣчаетъ г. Яковлевъ, — составляютъ всегда слабую сторону центрального учрежденія, въ особенности когда въ немъ сосредоточивается центральная власть. Центральное учрежденіе лишено будетъ всякой возможности провѣрять ихъ показанія; оно должно будетъ вѣрить имъ на слово, и потому оно само никогда не будетъ съ точностью, даже хотъ-бы приблизительно, знать, насколько солидны принятыя имъ обезпеченія“.

Но всего важнѣе то соображеніе, что для крупнаго банка потребуется и крупный капиталъ. А откуда онъ его можетъ взять? То, что могутъ дать мелкіе собственники, будетъ слишкомъ недостаточно для обширныхъ операцій банка и ему, волею-неволею, придется обратиться въ акціонерное общество, только этимъ онъ въ состояніи будетъ приобрести нужные ему ресурсы. Но разъ подобное учрежденіе станетъ акціонернымъ обществомъ, оно не замедлитъ утратить тотъ характеръ, который оно должно имѣть и совершенно уклонится отъ своихъ первоначальныхъ цѣлей. Оно будетъ гоняться за барышами, за крупными кушами, — а такъ-какъ при мелкихъ сдѣлкахъ большого барыша очищаться не можетъ, то оно обратитъ все свое вниманіе лишь на крупныя земельныя операціи. Интересы мелкихъ собственниковъ отодвинутся на задній планъ, и банкъ обратится въ орудіе спекуляцій крупныхъ земельныхъ барышниковъ.

Все это прекрасно и совершенно безспорно. Учрежденія мелкаго земельного кредита должны быть мѣстныя, т. е. съ очень ограниченнымъ райономъ, самое большое въ одинъ уѣздъ“ (стр. 71); они должны быть образованы въ формѣ обществъ взаимнаго кредита.

Запомните, читатель: къ этимъ выводамъ пришелъ самъ г. Яковлевъ. Ниже мы увидимъ, какъ онъ умѣлъ ими воспользоваться при развитіи своего собственнаго проекта организаціи мелкаго земельного кредита. Но прежде, чѣмъ мы дойдемъ до этого проекта, намъ нужно коснуться еще одного вопроса, — вопроса, едва-ли не самаго существеннаго во всемъ этомъ дѣлѣ. Откуда и какъ

могутъ добыть проектируемыя кредитныя учрежденія необходимый для ихъ операцій ссудный капиталъ?

Операціи каждаго банка, главнымъ образомъ, производятся на средства, извлекаемыя имъ извнѣ, — т. е. на чужіе капиталы. Чѣмъ больше такихъ капиталовъ сосредоточить банкъ въ своихъ рукахъ, тѣмъ шире и плодотворнѣе можетъ быть его дѣятельность. Но какимъ-же образомъ могутъ проектируемыя земельныя кредитныя учрежденія привлечь въ свою кассу чужіе капиталы?

Источникомъ для привлеченія чужихъ капиталовъ въ коммерческихъ банкахъ служатъ вклады и текущіе счета *); въ банкахъ-же земельныхъ, по преимуществу долгосрочныхъ — облигаціи или залладные листы. Другихъ источниковъ наше законодательство не допускаетъ; оно не допускаетъ и смѣшенія ихъ въ одномъ банкѣ. Но залогодательный листъ и облигація только тогда могутъ служить солиднымъ источникомъ пріобрѣтенія ссуднаго капитала, когда они пользуются довѣріемъ публики, — когда она охотно ихъ принимаетъ и платитъ за нихъ нарицательную ихъ цѣну, однимъ словомъ, когда они имѣютъ рыночную цѣнность. Но пріобрѣсти довѣріе публики облигаціи могутъ, въ свою очередь, только тогда, когда публика вполне увѣрена въ благонадежности обязательствъ банка. Эта благонадежность можетъ, конечно, имѣть мѣсто лишь въ томъ случаѣ, когда дѣло идетъ о крупномъ, болѣе или менѣе центральномъ земельномъ банкѣ, ведущемъ обширныя операціи, принимающемъ солидные залогы, располагающемъ значительнымъ основнымъ капиталомъ и т. п. Крупныя имѣнія, въ большинствѣ случаевъ, извѣстны публикѣ; дѣйствія крупнаго банка по выдачѣ ссудъ легко доступны ея критикѣ; капиталисты могутъ всегда удостовѣриться, насколько банкъ дѣйствуетъ осмотрительно. Но, оче-

*) Капиталы, «вложенные» въ банкъ или находящіяся у него на текущемъ счету, могутъ быть пускаемы лишь въ обороты краткосрочнаго кредита. Потому ими и пользуются только банки краткосрочнаго коммерческаго кредита. Земельные-же банки, ссужающіе капиталы на долгіе сроки, не имѣютъ, по закону, права пользоваться вкладами для своихъ операцій. Да если-бы они и имѣли это право, то едва-ли-бы могли извлечь изъ него какую-нибудь существенную для себя пользу. Практика ссудо-сберегательныхъ товариществъ (а проектируемыя учрежденія мелкаго земельного кредита, по типу своей организаціи, должны быть аналогичны съ ними) показываетъ, что, во-первыхъ, вклады, вносимые въ подобныя учрежденія, крайне ничтожны (да и будутъ всегда ничтожны, въ виду незначительности процента); во-вторыхъ, они вносятся обыкновенно на весьма короткіе сроки.

видно, что для мѣстнаго земельного кредита, подобная провѣрка, подобная критика совершенно невозможны. За отчетами этихъ мелкихъ, мѣстныхъ банковъ публика слѣдить не можетъ. Большіе денежные и торговые центры вродѣ Петербурга, Москвы, Одессы и т. п., имѣютъ весьма смутныя понятія о самомъ существованіи какихъ-нибудь Царевококшайска, Чебоксарь, Пошехонья и т. п.; что-же они могутъ знать о дѣятельности и солидности ихъ банковъ? А между тѣмъ, въ этихъ-то денежныхъ и торговыхъ центрахъ и сосредоточиваются капиталисты. А если капиталисты, не имѣя возможности судить о солидности денежнаго хозяйства Царевококшайскаго, Пошехонскаго, Чебоксарскаго и тому подобныхъ банковъ, не станутъ покупать ихъ облигацій, то, очевидно, послѣднія никогда не получатъ доступа на биржу; при отсутствіи-же опредѣленной цѣны на биржѣ, закладные листы мѣстныхъ товариществъ не найдутъ себѣ покупателя и въ мѣстномъ населеніи. Кому будетъ охота приобрѣтать бумаги, которыя не могутъ быть во всякое время размѣнены на деньги? Какъ-бы ни были онѣ солидны, но если онѣ не имѣютъ свободнаго обращенія, — иными словами, опредѣленной рыночной цѣны, ихъ никто не станетъ брать. Это до такой степени очевидно, что тутъ и спору никакого не можетъ быть.

Слѣдовательно, закладные листы и облигаціи не могутъ служить ресурсомъ для мѣстныхъ земельныхъ кредитныхъ учрежденій.

Что-же имъ остается дѣлать? Обратиться за помощью къ земству? Но у земства не хватаетъ средствъ даже для покрытія своихъ обязательныхъ земскихъ расходовъ. Къ помощи мѣстныхъ капиталистовъ? Но во-первыхъ, гдѣ вы ихъ найдете, въ какомъ-нибудь Царевококшайскѣ? А во-вторыхъ, если дѣло земельного кредита перейдетъ въ руки мѣстныхъ капиталистовъ — буде такыя отыщутся, — оно не замедлитъ превратиться въ барышническую спекуляцію, кредитъ перестанетъ быть общедоступнымъ, мелкому землевладѣнію будетъ нанесенъ тяжелый ударъ, свободная земля сосредоточится въ рукахъ спекуляторовъ и кулаковъ-промышленниковъ.

Обратиться къ помощи государства? Но... тутъ является очень много *но*. Прежде всего сами гг. Яковлевъ и Васильчиковъ — рѣшительные противники правительственнаго вмѣшательства

въ банковое дѣло. „Всѣхъ приверженцевъ правительственныхъ банковъ, гордо замѣчаетъ г. Яковлевъ, — я отсылаю къ недавно изданной статистикѣ общественныхъ банковъ; хладнокровный и безпристрастный разборъ цифръ покажетъ всякому, желающему видѣть много-ли пользы принесли эти банки въ довольно продолжительный періодъ своего существованія. Всякій, искренно желающій скорѣйшаго достиженія пользы въ извѣстной области кредита, — увѣряетъ онъ далѣе, — всегда предпочтетъ всякую другую форму кредитныхъ учреждений“ (стр. 60).

Во всякомъ случаѣ, можетъ-ли государство, при теперешнемъ состояніи своихъ финансовъ, оказать какую-нибудь существенную поддержку дѣлу мелкаго земельного кредита? Достаточно самаго поверхностнаго знакомства съ нашимъ бюджетомъ и съ состояніемъ нашей государственной кассы, чтобы отвѣчать на этотъ вопросъ безусловнымъ отрицаніемъ.

Но что-же, однако, дѣлать? Откуда взять средства для облегченія мелкимъ собственникамъ приобрѣтенія мелкихъ земельныхъ участковъ? У самихъ у нихъ денегъ нѣтъ и сколько-бы они между собою ни складывались, въ какія-бы взаимныя товарищества въ вступали, а все-же будутъ одни нули да нули, и въ суммѣ ничего другого кромѣ нуля. У земства денегъ тоже нѣтъ; у государства — свои расходы, у частныхъ капиталистовъ хоть и есть деньги, да они сами не дадутъ, а если и дадутъ, то лишь на такихъ условіяхъ, что лучше ужъ совѣмъ ихъ не давать. На закладные листы точно также никакихъ надеждъ возлагать нельзя; на вклады и того меньше. Какъ-же, наконецъ, быть? Гдѣ найти тотъ чудодѣйственный жезлъ, который могъ-бы изъ безцѣннаго камня высѣчь драгоцѣнный металлъ? Какъ разрѣшить эту, повидимому, неразрѣшимую дилемму? Г. Яковлевъ утверждаетъ, что онъ открылъ этотъ магическій жезлъ избобрѣлъ такой планъ организаціи мелкаго земельного кредита, который окончательно посрамляетъ скептиковъ и разрѣшаетъ самымъ удовлетворительнымъ образомъ мучившій ихъ вопросъ объ открытіи новой Калифорніи съ ея новыми золотыми рудниками.

Посмотримъ, такъ-ли это на самомъ дѣлѣ.

II.

„Задача нашего плана, говоритъ г. Яковлевъ,—отыскать возможность скорѣйшаго открытія кредита мелкому землевладѣнію, побѣдивъ...“ указанныя выше затрудненія (стр. 72).

„Въ основаніе всего нашего плана мы положили двѣ мысли, которыя, можетъ быть, въ одно и то-же время поразятъ однихъ своею несвоевременностью, отсталостью, другихъ—радикальностью, но безъ которыхъ, по нашему искреннему убѣжденію, невозможно достигнуть какихъ-либо результатовъ“.

Приступъ, какъ видите, довольно торжественный и не лишень даже нѣкоторой пикантности. Что-же это такія за ужасныя двѣ мысли, которыя однихъ должны поразить своею отсталостью, другихъ—ослѣпить своимъ радикализмомъ?

„Двѣ главныя мысли, полагаемыя нами въ основаніе нашего плана, заключаются въ слѣдующемъ: 1) устраненіе принципа для эксплуатаціи (не совѣмъ понятно; какъ это устранить принципъ для эксплуатаціи? Вѣроятно, авторъ хотѣлъ сказать: устраненіе возможности эксплуатаціи общаго дѣла въ видахъ личнаго интереса;) 2) необходимость извѣстной опеки“.

Мысли прекрасныя и вполне благонамѣренныя. Устранить эксплуатацію — это вещь хорошая; установить извѣстную опеку — это тоже дѣло недурное. Но какъ устранить эксплуатацію, какъ, надъ кѣмъ и въ какой степени установить опеку?

Г. Яковлевъ начинаетъ съ опеки. Прекрасно, начнемъ и мы съ опеки.

Въ настоящее время при императорскомъ московскомъ обществѣ сельскаго хозяйства существуетъ комитетъ (основанный еще въ 1872 году) о ссудо-сберегательныхъ товариществахъ. Комитетъ этотъ образовался по частной инициативѣ и не имѣетъ никакого официальнаго характера, хотя и получаетъ ежегодную правительственную субсидію въ 10,000 руб. *). Цѣль его существованія дво-

*) Въ составъ его входятъ всевозможные радѣтели по части народнаго блага, начиная отъ приснопамятнаго Бабста и кончая самимъ Яковлевымъ. Тутъ рядомъ съ Васильчиковымъ и братьями Верещагинными (Николаемъ и Петромъ) засѣдаютъ Колюпановъ съ Фирсовымъ; рядомъ съ Головачевымъ и Вреденомъ — князь Черкасскій, Кошелевъ и Самаринъ (Дмитрій); рядомъ съ Чупровымъ (профессоръ

якая: съ одной стороны, онъ является какъ-бы посредникомъ въ сношеніяхъ товариществъ съ министерствомъ финансовъ, а съ другой — онъ наблюдаетъ и контролируетъ ихъ дѣятельность, собираетъ о нихъ статистическія свѣденія, даетъ имъ разные совѣты и указанія, собираетъ и провѣряетъ ихъ ежемѣсячные отчеты, издаетъ печатныя руководства, приготовляетъ счетныя книги и т. п. Товарищества, однако, не обязаны входить съ нимъ непременно въ сношеніе, доставлять ему свои отчеты и соображаться съ его указаніями. Тутъ все зависитъ отъ ихъ доброй воли; хотятъ — слушаютъ его, хотятъ — не слушаютъ, хотятъ — становятся подъ его неофіціальныи контроль, хотятъ — не обращаютъ на него никакого вниманія.

Вотъ на этотъ-то комитетъ г. Яковлевъ и предлагаетъ возложить *опекательскія* обязанности, по отношенію къ проектируемымъ имъ товариществамъ мелкаго земельного кредита. Для этого онъ желаетъ, во-первыхъ, чтобы теперешній комитетъ былъ переименованъ въ „центральную кассу народнаго кредита“; во-вторыхъ, чтобы въ этой центральной кассѣ сосредоточенъ былъ высшій контроль и руководство надъ всеми мѣстными учрежденіями мелкаго народнаго кредита. По его плану, цѣль этой центральной кассы должна состоять въ слѣдующемъ:

1) Касса должна содѣйствовать образованію мѣстныхъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ, товариществъ мелкаго земельного кредита и другихъ товариществъ, имѣющихъ цѣлью доставленіе мелкаго кредита.

2) Наблюдать за правильностью ихъ дѣйствій.

3) Доставлять мелкимъ товариществамъ необходимыя для ихъ операций денежныя средства.

4) Исполнять порученія товариществъ.

„Содѣйствовать образованію товариществъ мелкаго кредита“ и доставлять „необходимыя для ихъ операций денежныя средства“, иными словами, центральная касса должна доставить имъ тотъ капиталъ, который, какъ мы видѣли, имъ не могутъ дать ни государство, ни земство, ни частные капиталисты. Но откуда-же сама то она возьметъ его? Въ этомъ вся суть вопроса. Капиталы,

политической экономіи въ московскомъ университетѣ), Пегольсинъ, Тернеръ и т. п. Однимъ словомъ, здѣсь встрѣчаются и представители земцевъ, и представители профессуры и даже адвокатуры.

по расчетамъ г. Яковлева, требуются весьма значительные. „Товарищество земельного кредита, говорить онъ, — можетъ открыть свои дѣйствія только въ томъ случаѣ, когда оно имѣетъ возможность отдѣлять на расходы не менѣе 1,000 руб.; расходъ-же такой возможенъ лишь въ томъ случаѣ, если общая сумма требуемаго членами-учредителями кредита будетъ не менѣе 100,000 рублей“ (стр. 87); слѣдовательно, для первоначальнаго образованія, положимъ 20-ти мелкихъ товариществъ, имѣющихъ, въ общей совокупности, не болѣе 2,000 членовъ, потребуется кредитъ въ 2,000,000 руб. Но вѣдь 20 товариществъ — это капля въ морѣ, особенно если принять крайне-ограниченный районъ дѣятельности каждаго товарищества. Въ настоящее время существуетъ болѣе 600 ссудо-сберегательныхъ товариществъ и они все-таки не могутъ удовлетворять самымъ скромнымъ требованіямъ текущаго народнаго кредита. Такъ какъ на эти кредитныя учрежденія возлагались блестящія надежды и многіе считали ихъ единственной панацеей крестьянскаго благосостоянія, то мы считаемъ нелишнимъ бросить взглядъ на ихъ дѣйствительное положеніе, послѣ десятилѣтняго ихъ существованія.

III.

Въ настоящее время, соображали наши финансисты, и соображали весьма основательно, — крестьянину въ сроки уплаты податей нерѣдко приходится или закабалать себя растовщику или распродавать свою послѣднюю скотину, свой хлѣбъ еще на корню. И тотъ, и другой способы уплаты одинаково влекутъ за собою разстройство бѣднаго крестьянскаго хозяйства и, слѣдовательно, отнимаютъ у него на будущее время возможность исправно оплачивать лежащія на немъ повинности, — говоря иначе, роковымъ образомъ приводятъ къ постоянному накопленію недоимокъ. Ссудное же товарищество откроетъ, напротивъ, ему возможность исправно уплачивать подати на условіяхъ наименѣе для него отяготительныхъ, т. е. не прибѣгая къ такимъ операціямъ, которыя подрываютъ его благосостояніе.

Въ силу этихъ соображеній люди солидные и даже официальные не только не препятствовали нашимъ финансистамъ заводить товарищества, но еще поощряли ихъ, — поощряли и своимъ юри-

лическимъ авторитетомъ, и своими матеріальными средствами. На сколько важно было поощреніе послѣдняго рода, — видно изъ того, что около половины всѣхъ существующихъ въ настоящее время товариществъ возникло единственно благодаря ссудамъ, полученнымъ основателями отъ земствъ, правительства или частныхъ жертвователей. Такъ изъ 488 товариществъ, дѣйствовавшихъ къ 1 іюля 1875 г., 238 при первоначальномъ своемъ образованіи прибѣгли къ займамъ, общая сумма которыхъ равнялась почти 277 тысячамъ, что составляетъ на каждое товарищество болѣе 1,000 руб. Изъ этой суммы 9% получено было отъ правительства, около 68% отъ земствъ, 18% отъ частныхъ капиталистовъ и около 5% отъ сельскихъ и другихъ учрежденій. Кромѣ этихъ первоначальныхъ займовъ, товарищества для продолженія своей дѣятельности постоянно прибѣгаютъ къ новымъ займамъ. Такихъ новыхъ или послѣдующихъ займовъ къ началу 1875 года только въ 98 товариществахъ было сдѣлано на сумму, превышающую 204,000 руб. Въ отчетномъ-же, т. е. 1875 году, въ 153 товариществахъ сумма послѣдующихъ займовъ равнялась 568,082 руб. или 3,712 руб. на каждое товарищество.

Слагая-же вмѣстѣ всѣ займы, какъ первоначальные, такъ и послѣдующіе, мы получимъ къ началу отчетнаго года въ 178 товариществахъ 354,500 руб. или на каждое товарищество 1,991 руб. Къ концу-же года въ 271 товариществѣ общая сумма долговыхъ обязательствъ почти доходила до 675 тысячъ рублей т. е. на каждое товарищество болѣе 2,488 руб. Вообще къ концу 1875 года въ 333 товариществахъ занятый капиталъ составлялъ 58% основныхъ капиталовъ вообще.

Эти цифры краснорѣчивѣе всего показываютъ, на сколько наше земство (въ особенности земство), правительство и частные капиталисты чувствовали себя заинтересованными въ дѣлѣ развитія у насъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ. Немудрено, что оно и принялось весьма успѣшно. Прошло около 10 лѣтъ со времени основанія г. Лугининимъ перваго товарищества, а уже теперь число ихъ достигло 600; въ будущемъ-же 1877 году можно надѣяться, что оно дойдетъ, какъ предполагаетъ г. Яковлевъ, до 1,000. Число членовъ, по отчетамъ 316 товариществъ (другія не доставили подробныхъ отчетовъ въ комитетъ), составляло въ 1875 году 52,909 или по 167 членовъ на каждое товарищество. Предполагая среднимъ

числомъ по 150 членовъ на каждое изъ остальныхъ товариществъ, о которыхъ въ комитетѣ не имѣется подробныхъ отчетовъ, мы найдемъ, что общее число членовъ всѣхъ въ настоящее время существующихъ товариществъ (около 600) равняется $95\frac{1}{2}$ тысячамъ человекъ. Средній годовою оборотъ каждаго изъ этихъ товариществъ простирается до 26,000, а въ нѣкоторыхъ доходятъ почти до 900 тысячъ. Вообще, сравнивая оборотъ нашихъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ съ оборотами германскихъ, въ первыя 8 лѣтъ ихъ дѣятельности, комитетъ приходитъ къ заключенію, что „развитіе первыхъ ничуть не уступаетъ развитію вторыхъ“.

Все это очень утѣшительно, но... но позволительно-же, однако, спросить: какую дѣйствительную пользу оказываютъ они нашему крестьянству? Намъ могутъ, пожалуй, сказать, что вопросъ этотъ пока неумѣстенъ; что въ настоящую минуту смѣшно было-бы и ожидать отъ нихъ какой-нибудь осязательной, существенной пользы, такъ-какъ ихъ дѣятельность захватываетъ въ общемъ итогѣ не болѣе 100,000 крестьянъ. А что-же значать 100,000 въ общей массѣ 50-ти-миліоннаго населенія?

Это такъ; но что-же изъ этого? Когда мы хотимъ опредѣлить составъ капли воды, намъ не зачѣмъ производить наше изслѣдованіе надъ всѣми каплями, заключающимися въ данной рѣкѣ или озерѣ; достаточно взять одну, и по ней мы уже съ увѣренностью можемъ судить и о всѣхъ остальныхъ. Точно также и здѣсь: то дѣйствіе, которое оказываютъ ссудо-сберегательныя товарищества на 100,000 человекъ, такое-же они окажутъ и на 100,000,000. Крестьянство наше въ большинствѣ случаевъ находится почти въ одинаковыхъ житейскихъ условіяхъ, и, слѣдовательно, все, что справедливо относительно наличныхъ членовъ товариществъ, должно быть справедливо и относительно ихъ будущихъ, возможныхъ членовъ.

Прежде всего спросимъ себя, какъ велика средняя помощь, получаемая членомъ ссудо-сберегательнаго товарищества, во что она ему обходится и затѣмъ на удовлетвореніе какихъ именно нуждъ она обращается, какіе именно расходы крестьянскаго хозяйства она покрываетъ.

Относительно опредѣленія средняго размѣра ссуды я буду руководствоваться данными послѣдняго комитетскаго отчета за 1874 годъ.

Къ началу отчетнаго періода въ 214 товариществахъ находилось въ ссудѣ 846,982 руб., что составляетъ на каждого изъ членовъ означенныхъ товариществъ (а ихъ около 35 тысячъ) почти по 24 руб. Въ отчетномъ году въ 323 товариществахъ выдано было въ ссуду 3,311,902 руб., что составляетъ на каждого члена около 62 рублей въ годъ. Конечно, не всѣ члены пользуются ссудами, — слѣдовательно, средняя норма ссуды, приходящаяся на каждого заемщика, должна быть нѣсколько больше. И дѣйствительно, по свѣденіямъ, полученнымъ комитетомъ отъ 263 товариществъ, видно, что въ этихъ товариществахъ ссуды получили 36,800 лицъ; валовая сумма ссуженаго капитала равнялась 2,672,538 руб., т. е. на каждого заемщика приходилось около 72 р.

Допустимъ, что эта цифра представляетъ среднюю норму. Большая часть ссудъ выдавалась на 6 и на 9 мѣсяцевъ (82% всѣхъ выданныхъ ссудъ); средній процентъ былъ 12% въ годъ *), такъ-что изъ занятой суммы заемщикъ могъ воспользоваться лишь какими-нибудь 65—67 рублями.

Однако, съ достовѣрностью можно сказать, что только очень немногіе изъ заемщиковъ могли получить ссуду въ этомъ ея среднемъ, нормальномъ размѣрѣ. Дѣло въ томъ, что высшій размѣръ личной ссуды каждому члену въ большинствѣ товариществъ опредѣляется извѣстнымъ отношеніемъ къ внесенной членомъ паевой доли. Отношеніе это измѣняется отъ 1—1½ паевой доли. Высшій-же размѣръ вообще всей ссуды, какъ личной, такъ и за поручительствомъ, опредѣляется или отношеніемъ этого размѣра къ высшему размѣру пая, или къ внесенной членами паевой доли. Въ уставахъ, опредѣляющихъ размѣръ ссудъ соотвѣтственно количеству внесенной паевой доли, размѣръ этотъ обыкновенно въ 6 разъ превышаетъ послѣдній. Слѣдовательно, величина ссуды или размѣръ кредита, открываемаго товариществами своимъ членамъ, зависитъ, съ одной стороны, отъ величины пая, съ другой — отъ количества внесенныхъ уже паевыхъ долей. Размѣръ паевъ въ товариществахъ, прини-

*) Размѣръ взимаемыхъ по ссудамъ процентовъ былъ весьма разнообразенъ: въ двухъ, напр., товариществахъ взимали всего 6%, въ двухъ — по 36% и 24%. Вообще въ 17 товариществахъ взидалось болѣе 12% въ годъ, въ 5—18%, въ 4—15%. въ 193 — 12% и т. д. Вообще, говоритъ отчетъ, — въ среднемъ выводѣ взидалось 12%. Такъ-что 36,800 лицъ, воспользовавшихся въ отчетномъ году 2,672,538 руб. ссуды, должны были по истеченіи года уплатить товариществамъ однихъ процентовъ 320.704 р., т. е. каждый заемщикъ около 9 р.

мающихъ одинаковый пай для всѣхъ членовъ *), колеблется отъ 25 руб. до 200; большею-же частью онъ не превышаетъ 50 р. Паевые взносы измѣняются отъ 1 руб. 20 к. до 36 р. въ годъ: 62 устава опредѣляютъ годовой паевый взносъ въ 3 руб.; 14 уставовъ въ 1 руб. 80 к. и 20 — въ 6 руб. Среднимъ числомъ паевый годичный взносъ составляетъ обыкновенно около 6%, всего пая, т. е. около 3 р.

А priori очевидно, что большинство крестьянъ, вступающихъ въ товарищества, не въ состояніи внести за-разъ полного пая. Они вносятъ обыкновенно лишь установленныя паевыя доли, изъ которыхъ полный пай можетъ составиться только развѣ лѣтъ черезъ 18—20. Дѣйствительно, комитетъ удостовѣряетъ, что изъ 50,747 членовъ товариществъ въ отчетномъ году лишь 8,432 человекъ, владѣли полными паями, остальные-же 42,315 членовъ владѣли только паевыми долями. По суммѣ полные пай составляли 454,974 руб., т. е. на каждый пай приходилось около 54 руб.; паевыя-же доли—359,191 руб.; слѣдовательно, на каждого изъ членовъ, невладѣющаго полнымъ паемъ, приходилось паевой доли около 8½ руб.

Вотъ эта-то паевая доля и опредѣляетъ размѣръ личнаго кредита, открываемаго товариществами большинству своихъ членовъ. Мы видѣли уже, что, на основаніи большей части уставовъ, высшій размѣръ ссуды не можетъ превышать количества внесенной паевой доли болѣе, какъ въ 1½ раза. Такимъ образомъ, для 83% всѣхъ своихъ членовъ ссудо-сберегательныя товарищества открываютъ кредитъ лишь въ размѣрѣ 12—13 руб. на брата.

12—13 рублей—и это еще высшій размѣръ ссуды, на который, конечно, могутъ рассчитывать далеко не всѣ! Многіе могутъ возразить, что кромѣ личной ссуды существуетъ еще ссуда подъ поручительство. Но, во-первыхъ, не всякому легко найти за себя поручителя, тѣмъ болѣе, что въ большинствѣ уставовъ (извѣстныхъ комитету) поручительство сопряжено для поручителя съ лише-

*. Почти всѣ уставы (454) признаютъ одинаковый пай для всѣхъ членовъ. Но есть, однакожъ, и такія товарищества (34), которыя позволяютъ или вносить одному члену нѣсколько паевъ, или назначаютъ пай не для всѣхъ одинаковые. Но такъ-какъ величина ссуды вездѣ опредѣляется размѣромъ пая, то понятно, что въ этихъ товариществахъ болѣе богатые члены имѣютъ рѣшительное преимущество передъ бѣдными и почти всѣ капиталы товарищества исключительно попадаютъ въ руки первыхъ, а послѣднимъ остаются одни лишь гроши.

нѣмъ права на ссуду въ размѣрѣ той суммы, за которую онъ поручился. Во-вторыхъ, и кредитъ подъ поручительство соразмѣряется обыкновенно съ количествомъ внесенной заемщикомъ и поручителемъ пассивной доли; слѣдовательно, въ большинствѣ случаевъ онъ не можетъ превышать 48 — 50 р.

Въ нѣкоторыхъ товариществахъ уставы прямо опредѣляютъ извѣстный максимумъ кредита, безъ всякаго отношенія къ размѣру пассивы и внесенныхъ пассивныхъ долей. Въ одномъ, напр., для личнаго кредита этотъ максимумъ равняется 7 р. втеченіи первыхъ 3-хъ лѣтъ, и 11 р. — втеченіи слѣдующихъ двухъ лѣтъ; для кредита подъ поручительство онъ опредѣляется въ 15 р. въ первые три года, и въ 20 — въ послѣдующіе два.

Этотъ максимумъ даетъ намъ право предполагать, что и въ тѣхъ товариществахъ, въ которыхъ кредитъ соразмѣряется съ пассивой и пассивными долями, размѣры высшей ссуды колеблются около тѣхъ-же нормъ: 7—11 р. для личнаго кредита, 15 — 20 для кредита подъ поручительство.

И эту-то ничтожную прибавку къ своимъ доходамъ крестьянинъ долженъ оплачивать пассивнымъ взносомъ и процентомъ, что составляетъ среднимъ числомъ отъ 4 до 5½ рублей; слѣдовательно, помощь, оказываемая ему товариществомъ, не превышаетъ въ сущности 10 — 15 рублей, — иными словами, онъ пользуется только 75% занятой ссуды, а 25% отчисляетъ въ пользу товарищества. Едва-ли подобный кредитъ можно назвать дешевымъ кредитомъ.

Въ 1874 году, по отчету комитета, членами товариществъ было уплачено:

Процентовъ по ссудамъ	190,755 р.
Пассивныхъ взносов	509,356 „
Пеней за проср. плат. и т. п.	4.184 „
Итого	<u>704,295 р.</u>

Разложивъ эту сумму на число членовъ, получимъ около 15 руб. на человѣка. Ссудъ въ тотъ-же періодъ выдано на 3,311,902 р., что составитъ на каждого члена около 62 — 63 руб. слѣдовательно, каждая ссуда обошлась среднимъ числомъ въ 24%. Но если принять въ расчетъ, что сумма выданныхъ ссудъ показана въ 323 товариществахъ, а сумма полученныхъ по ссудамъ процентовъ, пассивныхъ взносов и пеней опредѣлена на основаніи отчетовъ

лишь 201 товарищества, то мы должны допустить, что въ дѣйствительности процентъ этотъ былъ несравненно выше.

IV.

Опредѣливъ размѣръ и стоимость кредита, открываемаго ссудо-сберегательными товариществами большинству своихъ членовъ, посмотримъ теперъ, какое значеніе можетъ имѣть этотъ, такъ называемый дешевый, кредитъ въ хозяйствѣ нашего крестьянина. Нѣтъ сомнѣнія, что крестьянинъ прибѣгаетъ къ займу только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ, когда его обездоливаетъ неурожайный годъ, падежъ скота, пожаръ, неотлагаемая уплата подати. Однимъ словомъ, когда онъ не можетъ свести концы съ концами въ своемъ скудномъ обиходѣ. Тутъ-то къ нему и является на помощь ссудо-сберегательное товарищество. Оно, какъ мы видѣли, открываетъ ему свой кредитъ на ту именно сумму, которой ему не хватаетъ для покрытія его неизбѣжныхъ расходовъ; оно даетъ ему возможность быть исправнымъ плательщикомъ и брать съ него за это... какихъ-нибудь 20% въ годъ. Кулакъ содралъ-бы навѣрное вдвое или въ полтора раза болѣе. Все это очень хорошо. Но какое-же измѣненіе производитъ этотъ кредитъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ? Увеличиваетъ-ли онъ хоть на одну іоту его производительныя силы? Очевидно, нѣтъ. Онъ весь идетъ на покрытіе стараго долга, и на будущій годъ крестьянинъ очутится въ такомъ-же критическомъ положеніи, въ какомъ онъ находится въ нынѣшнемъ. Для наглядности, представьте себѣ, читатель, что вы зарабатываете въ годъ 1,200 руб. На поддержаніе своихъ рабочихъ силъ вамъ, положимъ, безусловно необходимо тратить ежегодно 1,100 руб. да кромѣ того у васъ есть долгъ, извѣстную часть котораго вы ежегодно обязаны вносить своему кредитору. Пусть эта часть будетъ равняться 200 руб. Изъ своихъ доходовъ вы уплачиваете 100 руб.; чтобы уплатить остальные 100 руб., вы ищите человѣка болѣе или менѣе сговорчиваго, человѣка, готоваго одолжить вамъ эту сумму на условіяхъ менѣе тягостныхъ, чѣмъ тѣ, которыя наложилъ на васъ вашъ прежній кредиторъ. Положимъ, вы находите такого человѣка, занимаете у него 100 руб. и удовлетворяете имя назойливаго кредитора. На слѣдующій годъ, получая отъ

своего труда тотъ-же доходъ и трата на себя тѣ-же 1,100 руб., вы будете имѣть вмѣсто одного долга цѣлыхъ два и для ихъ покрытія вамъ понадобится вдвое болѣе широкій кредитъ—кредитъ не во 100, а уже въ 200 руб. Но такъ-какъ ресурсы ваши ни на грошъ не увеличились, то нѣтъ основанія предполагать, чтобы вашъ кредитъ могъ увеличиться. Такимъ образомъ, вамъ придется волею-неволею оказаться неисправнымъ плательщикомъ или по отношенію къ своему первому, или по отношенію къ своему второму кредитору.

Точно также, должники-крестьяне въ большинствѣ случаевъ не могутъ производительно затратить получаемаыя ими микроскопическія ссуды, а потому и возвратъ ихъ оказывается для нихъ крайне затруднительнымъ. Это видно изъ слѣдующихъ данныхъ.

По свѣденіямъ комитета, въ 302 товариществахъ въ отчетномъ періодѣ выдано около 3,000,000 руб.; большая часть ссудъ выдавалась на 6 мѣсяцевъ, къ концу года уплачено было не болѣе половины всего занятаго капитала: Число должниковъ въ 291 товариществѣ къ концу отчетнаго года составляло болѣе 70% всѣхъ членовъ. Судя по истекшему періоду (1874 г.), можно предполагать, что весьма многіе изъ нихъ окажутся несостоятельными. Въ 1874 году изъ 130 товариществъ вышло 4,300 членовъ; изъ нихъ вышли за смертью или по собственной волѣ 1,867 и были исключены за свою платежную несостоятельность 2,433, т. е. болѣе половины всѣхъ выбывшихъ. Основываясь далѣе на расчетахъ комитета, опредѣляющаго среднее число членовъ каждаго товарищества въ 167 членовъ, мы можемъ предполагать, что общее число лицъ, входящихъ въ составъ этихъ 130 товариществъ, не превышало 21,710 членовъ; слѣдовательно, исключаемые за невзносъ своихъ долговъ товариществамъ составляютъ болѣе 11% всѣхъ ихъ наличныхъ членовъ. Если мы предположимъ, что и въ остальныхъ товариществахъ исключается подобное-же число членовъ за просрочку въ платежахъ, то окажется, что общее число исключенныхъ простирается ежегодно до 6,000 человекъ или 18 человекъ на каждое товарищество. Въ каждомъ товариществѣ среднее число членовъ, какъ мы знаемъ, равняется 167 человекамъ. Изъ нихъ къ помощи товариществъ прибѣгаютъ около 70% (такъ, по крайней мѣрѣ, было въ отчетномъ году въ 291

товариществѣ), т. е. 116 человекѣвъ, и изъ нихъ 18 оказываются несостоятельными должниками.

Другимъ, и едва-ли даже не болѣе существеннымъ доказательствомъ высказаннаго нами взгляда на значеніе кредита, открытаго крестьянскому хозяйству ссудо-сберегательными товариществами, можетъ служить фактъ быстро растущаго обезземеленія крестьянъ. Фактъ этотъ стоитъ внѣ всякаго спора; его вполне признаютъ даже и лица, всего болѣе хлопотавшія о заведеніи у насъ товариществъ и состоящія членами комитета, учрежденнаго при императорскомъ московскомъ обществѣ сельскаго хозяйства для регулированія и всяческаго споспѣшествованія ихъ ссудо-сберегательной дѣятельности. Князь Васильчиковъ въ своей статьѣ „О мелкомъ поземельномъ кредитѣ въ Россіи“, приводитъ, напр., слѣдующія интересныя данныя, заимствованныя имъ изъ отчетовъ губернскихъ управъ.

Въ 12 уѣздахъ тамбовской губерніи считается всѣхъ крестьянскихъ дворовъ 248,481, и въ томъ числѣ дворовъ безземельныхъ крестьянъ, т. е. крестьянъ, имѣющихъ одну усадьбную осѣдность, безъ полевого надѣла, 12,500, что составляетъ около 5% всѣхъ дворовъ; принимая на 1 дворъ, по средней сложности, выведенной въ губерніи, 3,1 ревизскихъ души или 6,2 душъ обоого пола, всѣхъ безземельныхъ крестьянъ, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, будетъ 77,500 (докладъ комиссіи при губерн. управѣ).

Въ курской губерніи изъ числа всѣхъ дворовъ имѣютъ:

усадыбу съ надѣломъ	195,654	или	94%
одну усадыбу	6,793	„	3%
не имѣютъ вовсе земли	7,008	„	3%

Считая на 1 дворъ 6,2 душъ обоого пола, будетъ всего крестьянъ безъ земли или съ одною усадьбою 93,840 (докладъ губерн. упр. по 14 уѣздамъ).

Въ костромской губерніи въ 10 уѣздахъ насчитано:

дворовъ, имѣющихъ полевой надѣлъ	138,906
безземельныхъ	21,626

что составляетъ громадную пропорцію, почти 15 безземельныхъ на 100 дворовъ и должно равняться, по среднему выводу 5,5 душъ обоого пола, общему числу безземельныхъ сельскихъ обывателей — 98,474 (докладъ губерн. управы, стр. 49: по двумъ уѣздамъ, солигаличскому и кинешемскому свѣденій нѣтъ).

„Въ докладахъ земскихъ управъ не объяснено, что собственно надо разумѣть подъ наименованіемъ разночинцевъ и солдатъ, купцовъ и прочихъ водворенныхъ въ селеніяхъ: полныхъ-ли хозяевъ, имѣющихъ недвижимую собственность, или малоземельныхъ и безземельныхъ обывателей, пристроившихся на гумнахъ, огородахъ другихъ крестьянъ и имѣющихъ въ утлыхъ своихъ избахъ только пристанище и кровъ. Мы полагаемъ, что большая часть ихъ находится въ очень бѣдномъ положеніи, на томъ роковомъ рубежѣ, который отдѣляетъ обывателя-домохозяина отъ пролетарія и обозначается на Руси названіемъ бобыля. Если это такъ, то къ безземельнымъ дворамъ надо еще причислить большое количество таковыхъ разночинцевъ; въ казанской губерніи 9,502 двора, въ курской 17,719, въ одномъ бирюченскомъ уѣздѣ вологодской губерніи—1,133.

„Всего оказывается въ 68 уѣздахъ, о коихъ мы нашли свѣденія на общее число крестьянскихъ дворовъ или семействъ 1,193,667.

безземельныхъ	75,081
съ одною усадьбою	7,406
постороннихъ жителей, приписанныхъ къ обществамъ	16,740

„Сельскій пролетаріатъ зарождается въ Россіи и растетъ быстро“. (Мелкій земельный кредитъ въ Россіи, стр. 14—15.)

„Во всѣхъ сельскихъ обществахъ встрѣчаются уже нынѣ крестьяне, отказавшіеся отъ полевого надѣла послѣ утверженія уставныхъ грамотъ, сдавшіе по частнымъ сдѣлкамъ свои полосы односельцамъ или чужестраннымъ людямъ и разночинцамъ и перешедшіе уже нынѣ на права бобылей, т. е. непашенныхъ, нетяглыхъ крестьянъ“.

Ссудо-сберегательныя товарищества не въ силахъ остановить это, годъ изъ году прогрессирующее обезземеленіе крестьянъ. Въ этомъ тоже сознаются наши главные радѣтели по ихъ устройству—гг. Васильчиковъ и Яковлевъ.

„Цѣль ссудо-сберегательныхъ товариществъ, говоритъ г. Яковлевъ (стр. 42) — весьма ограничена. Цѣль и организція ихъ направлены къ удовлетворенію только самыхъ неотлагаемыхъ потребностей крестьянина. Они главнымъ образомъ имѣютъ въ виду дать возможность мелкимъ хозяевамъ регулировать ихъ хозяйствен-

ные обороты, которые неизбѣжны для нихъ по ихъ положенію собственниковъ нѣсколькихъ десятинъ земли... Если-же лицо, состоящее членомъ товарищества, захотѣло бы развить свои обороты, то кредитъ, открываемый товариществами, окажется недостаточнымъ“.

Люди, смотрящіе на товарищества сквозь телескопное стекло своихъ розовыхъ иллюзій, готовы будутъ, пожалуй, сказать, что „теперешнее безсиліе ихъ дѣтищъ возродитъ крестьянское благосостояніе ничего еще не доказываетъ, что со временемъ, когда ихъ обороты увеличатся, когда расширится районъ ихъ дѣятельности, тогда они будутъ въ состояніи оказывать крестьянину болѣе существенную помощь и дадутъ ему возможность не только регулировать, но и развить далѣе его хозяйственные обороты.

Но противъ этого мнѣнія розовыхъ оптимистовъ г. Яковлевъ возстаетъ самымъ рѣшительнымъ образомъ. Онъ утверждаетъ, и утверждаетъ совершенно справедливо, что кредитъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ, по самой сущности послѣднихъ, не имѣетъ не можетъ и никогда даже не долженъ имѣть производительнаго характера. „Достигнуть удовлетворенія мѣстнаго, краткосрочнаго кредита (промышленнаго, т. е. единственно-производительнаго) расширеніемъ рамокъ, въ которыхъ теперь стѣснены операціи товариществъ, мы считаемъ невозможнымъ. Въ опроверженіе нашего мнѣнія, можетъ быть, нѣкоторые сошлутся на примѣръ кредитныхъ товариществъ въ Германіи“, но, по словамъ г. Яковлева, ссылка эта вполне неосновательна, такъ-какъ германскіе земельные банки преслѣдуютъ совсѣмъ не тѣ цѣли, которыя преслѣдуются нашими товариществами. Тамъ они служатъ не столько средствомъ для поднятія уровня народнаго благосостоянія, сколько средствомъ для его разрушенія, для угнетенія бѣднаго богатымъ, слабого—сильнымъ. Они отказываютъ въ помощи нищему и любезно предлагаютъ ее имущему. „Главная-же характеристическая черта организаціи нашихъ товариществъ—это равенство права на кредитъ для всѣхъ, принятыхъ въ члены товарищества *). Эта черта

*) Къ сожалѣнію, принципъ равенства кредита для всѣхъ членовъ товарищества проведенъ не во всѣхъ уставахъ. Мы видѣли уже, что размѣръ кредита опредѣляется размѣромъ паевъ, слѣдовательно, равенство кредита требуетъ равенства паевъ; между тѣмъ изъ 488 уставовъ, разсмотрѣнныхъ комитетомъ, 34 устава

составляетъ ту границу, которая должна сдерживать товарищества въ ихъ стремленіяхъ въ расширенію операцій, въ стремленіяхъ сдѣлать изъ товариществъ учрежденія уже высшаго разряда кредита (т. е. учрежденія, служащія исключительно интересамъ богатыхъ или вообще обеспеченныхъ классовъ). Сохраненіе этой границы тѣмъ болѣе необходимо, что въ нѣкоторыхъ товариществахъ, гдѣ во главѣ управленія стали мѣстные богачи, выдѣляющіеся изъ общаго уровня состоятельности, уже стало проявляться стремленіе сбросить эту узду. Допустить неравенство кредита или допустить болѣе высокій кредитъ для нѣкоторыхъ его членовъ—значило-бы совершенно разрушить то, что уже въ настоящее время сдѣлано для народнаго кредита (и что, замѣтимъ въ скобкахъ, уже начинаетъ разрушаться въ силу непреодолимой жизненной логики). Но если-бы даже, по какимъ-либо случайностямъ, признано было возможнымъ, уничтоживъ равенство кредита, допустить расширеніе операцій ссудо-сберегательныхъ товариществъ, то и тогда врядъ-ли можно было-бы надѣяться на правильное развитіе краткосрочнаго кредита. Отдаленность товариществъ отъ денежныхъ центровъ представитъ имъ серьезное затрудненіе въ веденію какихъ-либо значительныхъ и правильныхъ оборотовъ. Если даже городскіе общественные банки и мѣстныя общества взаимнаго кредита страдаютъ очевидными недостатками правильнаго банковаго учрежденія и дѣлаются сундуками извѣстнаго кружка пріятелей, то разбросанныя по деревнямъ товарищества, безъ сомнѣнія, не избѣгутъ той-же участи. Если даже губернскіе городскіе банки не затрудняются откладывать платежи по вкладамъ по востребованію, если вообще провинціальныя банки страдаютъ недостатками правильной бухгалтеріи, то чего-же можно ожидать въ деревнѣ, когда банкъ попадетъ въ руки часто неграмотныхъ мѣстныхъ богачей, держащихъ остальное населеніе въ своихъ тяжелыхъ рукахъ?“ (стр. 42—43.)

(т. е. болѣе 7%) допускаютъ неравенство паевъ. Кромѣ того, почти въ половинѣ товариществъ размѣръ кредита опредѣляется внесенною долей паевъ. Очевидно, болѣе состоятельные члены могутъ внести заразъ больше, чѣмъ менѣ состоятельные, потому первые даже въ товариществахъ, признающихъ равенство пая, пользуются кредитомъ въ болѣе широкихъ размѣрахъ, чѣмъ вторые. Отсюда само собою понятно, почему многія изъ нашихъ товариществъ уже и теперь обратились въ орудіе денежной спекуляціи, а не равноправнаго кредита для низшихъ классовъ.

Все это совершенно справедливо. Ссудо-сберегательныя товарищества ни въ какомъ случаѣ не могутъ создать производительнаго кредита, а если и могутъ, то только въ ущербъ народному благосостоянію. А между тѣмъ, по мнѣнію гг. Васильчикова и Яковлева, крестьянство, устраненное отъ пользованія этимъ кредитомъ, никогда не въ состояніи будетъ выбиться изъ своего тяжелаго экономическаго положенія. „Застой крестьянской культуры, по словамъ Васильчикова, — вполне объясняется тѣмъ соображеніемъ, что крестьянское сословіе и мелкая собственность вообще никогда не пользовались тѣми кредитными пособиями, которыя открыты были крупнымъ землевладѣльцамъ и помѣстному классу“ (стр. 18.) Слѣдовательно, чтобы устранить эту главную и, по увѣренію кн. Васильчикова, чуть-ли не единственную причину застоя въ крестьянскомъ хозяйствѣ, нужно открыть крестьянину возможность пользоваться тѣми кредитными пособиями, которыми пользуется крупная земельная собственность.

Но какъ-же это сдѣлать?

Останавливаясь на этомъ существенномъ вопросѣ, гг. Васильчиковъ и Яковлевъ приходятъ къ убѣжденію въ необходимости создать „новую“ форму земельного кредита, — форму, отличную и отъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ, и отъ существующихъ коммерческихъ банковъ. Эта новая форма, пополняя пробѣлъ въ экономической жизни народа, должна будетъ, по ихъ мнѣнію, дать толчекъ развитію народнаго хозяйства и освободить его бюджетъ отъ того хроническаго дефицита, который подтачиваетъ производительныя силы крестьянства. Въ чемъ-же состоитъ эта форма? Осуществима-ли она? И если осуществима, то приведетъ-ли ея осуществленіе къ тѣмъ благимъ результатамъ, о которыхъ мечтають наши финансисты?

Вотъ вопросы, къ анализу которыхъ мы теперь и обратимся.

V.

Число мелкихъ земельныхъ владѣльцевъ, имѣющихъ, по словамъ кн. Васильчикова, крайнюю надобность въ мелкомъ, земельномъ кредитѣ и, вслѣдствіе организаціи современнаго кредита, немогущихъ имъ пользоваться, простирается до 8,135,405. Для того, чтобы удовлетворить потребность въ кредитѣ всей

этой массы людей, придется организовать около 81,000 товариществъ земельного кредита, а для этого центральная касса должна располагать капиталомъ въ 8,100,000,000 рублей.

Слѣдовательно, для удовлетворенія сотой части всѣхъ нуждающихся въ мелкомъ земельномъ кредитѣ — нуженъ капиталъ въ 81,000,000. И это только на первое время. Для поддержанія и развитія операций товариществъ потребуются новые капиталы, капиталы, которые, быть можетъ, даже превысятъ первоначальный капиталъ.

Изъ какихъ-же источниковъ возьметъ касса такія крупныя суммы?

Изъ кармановъ частныхъ капиталистовъ, отвѣчаетъ на это весьма развязно г. Яковлевъ. „Касса должна явиться, говоритъ онъ, — посредникомъ между мелкими товариществами и капиталистами, ищущими помѣщенія для своихъ капиталовъ. Она должна въ себѣ самой обобщить всю массу обязательствъ мелкихъ товариществъ и, прилагая свою гарантію къ этому обобщенному обязательству, привлечь свободные капиталы для мелкаго кредита. Такимъ образомъ, привлеченіе постороннихъ капиталовъ требуетъ отъ этой кассы обладанія особымъ гарантирующимъ капиталомъ, который на обыкновенномъ языкѣ банковыхъ уставовъ называется складочнымъ капиталомъ. Капиталъ этотъ можетъ быть составленъ путемъ акцій, лавъ“ (стр. 93.)

Вотъ какъ! да что-же это такое? Значитъ, центральная касса будетъ ничто иное какъ акціонерное общество. Но вѣдь самъ-же г. Яковлевъ утверждалъ (на стр. 55), что „собрать акціонерный капиталъ въ миліонъ и болѣе рублей составляетъ пустое дѣло, если только въ этомъ дѣлѣ есть какая-нибудь прищипка, на основаніи которой можно составить рекламу. Но если нуженъ капиталъ для учрежденія, хотя-бы и самаго солиднаго, но не общающаго большихъ барышей; если, выражаясь технически, нельзя муссировать дѣло, то пріобрѣтеніе капитала становится дѣломъ невозможнымъ. Мелкій земельный кредитъ бесспорно принадлежитъ къ разряду такихъ дѣлъ“. „Капиталъ, разсуждаетъ тотъ-же г. Яковлевъ, — по своему существу чуждъ всякимъ идеямъ, кромѣ идеи выгоды, и потому ожидать, что онъ явится къ услугамъ ради общественной пользы, было-бы напраснымъ самообольщеніемъ“. „Капиталъ не обращаетъ вниманія на пользу

или вредъ для народа, или для кого-бы то ни было; онъ знаетъ только расчетъ прибылей и убытковъ, и, если этотъ расчетъ не въ его пользу, онъ говоритъ — „дѣло дрянъ“ и бѣжитъ искать хоть нечистыхъ, но выгодныхъ“. (ib.)

Какимъ-же образомъ возможно надѣяться на образованіе складочнаго капитала центральной кассы посредствомъ акцій или паевъ? Очевидно, подобная надежда можетъ имѣть какія-нибудь основанія лишь въ томъ случаѣ, если на капиталы, помѣщенные въ акціи, касса будетъ давать акціонерамъ хорошую прибыль, — другими словами, — если кредитъ кассы будетъ открытъ лишь землевладѣльцамъ, имѣющимъ солидныя обезпеченія и готовымъ платить за него высокій процентъ. Для большинства-же мелкихъ собственниковъ, для народа онъ будетъ на-столько-же недоступенъ, на-сколько для него недоступенъ теперь кредитъ существующихъ уже земельныхъ банковъ. Говоря короче, касса можетъ привлечь къ себѣ свободные капиталы лишь тогда, когда она изъ учрежденія общепользнаго обратится въ орудіе эксплуатаціи и барышничества, когда она, вмѣсто того, чтобы удовлетворить главному своему назначенію — помочь земельнымъ кредитомъ тѣмъ, кто болѣе всего въ немъ нуждается, — сосредоточить его выгоды въ рукахъ людей, неимѣющихъ въ немъ особенной надобности. Въ рукахъ этихъ людей постепенно сосредоточатся огромныя земельныя пространства, которыми они станутъ спекулировать на широкую ногу, а обезземеленное крестьянство своимъ дешевымъ трудомъ сторицею вознаградитъ ихъ за дорогой кредитъ кассы. Акціонеры кассы останутся въ барышахъ, кулаки и спекуляторы обратятся въ крупныхъ землевладѣльцевъ, кредитныя товарищества — въ крупныя земельныя банки, а большинство крестьянскаго населенія останется и безъ земли, и безъ кредита. Не думаемъ, чтобы этого желали наши сельско-хозяйственные пионеры.

Если вѣрить имъ на слово, они далеки отъ такого злостнаго желанія; они искренно любятъ народъ и только его интересы и занимаютъ ихъ. Они вовсе не хотятъ, чтобы проектируемое ими акціонерное общество центральной кассы обратилось въ орудіе народной эксплуатаціи; они не хотятъ, чтобы оно руководствовалось въ своей дѣятельности „кодексомъ широкой морали личнаго интереса“ (стр. 105), чтобы его „высокія цѣли“ служили „лишь за-

вѣсой для проявленія подъ ея покровомъ грубыхъ, корыстныхъ интересовъ“ (ib.). Они хотятъ, чтобы ихъ акціонеры не походили на обыкновенныхъ капиталистовъ, которые, по ихъ-же собственнымъ словамъ „глухи къ громкимъ фразамъ о пользѣ народа“, которые только и хлопочутъ что о барышахъ да наживѣ. Они хотятъ, чтобы ихъ акціонеры никогда не соблазнялись такими операціями, которыя хотя и обѣщаютъ имъ выгоду, но отклоняютъ ихъ отъ ихъ главной цѣли—поддержанія и созданія мелкой собственности; однимъ словомъ, они хотятъ акціонеровъ чистыхъ, какъ голуби и невинныхъ, какъ институтки.

„Какъ достигнуть этого, безъ опасности впасть въ то-же время въ другую крайность, въ отсутствіе всякаго интереса, такъ часто мертвящаго самыя живыя учрежденія? вопрошаетъ себя г. Яковлевъ. Да, г. Яковлевъ, какъ этого достигнуть, скажите намъ ради Бога! Вѣдь въ этомъ-то и заключается вся суть дѣла!

Г. Яковлевъ, сдѣлавъ весьма серьезную мину, удовлетворяетъ наше любопытство весьма неожиданнымъ образомъ: „мы“, отвѣчаетъ онъ, „по совѣсти говоримъ: не знаемъ и просимъ другихъ указать“ (стр. 106).

Вотъ тебѣ и штука! А что-же, если и мы не знаемъ, и попадья не знаетъ и никто не знаетъ! Нѣтъ, г. Яковлевъ, это не отвѣтъ; вѣдь это вы, а не мы и никто другой, проектируете центральную кассу мелкаго земельного кредита, такъ ужъ это вы и средство должны найти для примиренія этихъ, повидимому, совершенно непримиримыхъ вещей. Г. Яковлевъ, нужно отдать ему справедливость, дѣйствительно старается найдти это средство, но, увы! напрасно. „Можно было-бы, говоритъ онъ, — ограничить предѣлы прибыльности паевъ и сдѣлать ихъ неотчуждаемыми. Такая неотчуждаемость паевъ сдѣлала-бы учрежденіе не только асоціаціею капитала, но и асоціаціею лицъ, вносящихъ въ учрежденіе свои взгляды, свои убѣжденія, а ограниченіе прибыльности паевъ положило-бы непреодолимое препятствіе къ стремленіямъ личнаго интереса. Но въ то-же время, съ грустью замѣчаетъ онъ, „мы должны сознаться, что неотчуждаемость паевъ вводитъ совершенную замѣнутость общества, что также можетъ (и не только можетъ, но необходимо должно) представить вредныя стороны“ (стр. 106).

Значить, это средство не годится. Нѣтъ-ли какихъ другихъ?

„Мы могли-бы, разсуждаетъ нашъ прожекторъ,—указать на другую мѣру. на участіе правительства въ составленіи складочнаго капитала, съ предоставленіемъ, на основаніи этого капитала, участія въ контролѣ и даже управленіи представителямъ отъ товариществъ, съ предоставленіемъ товариществамъ права постепеннаго выпуска принадлежащей правительству части въ складочномъ капиталѣ кассы, даже съ предоставленіемъ права выкупа всего капитала“... „но (опять это *но*), но правительственное участіе въ частныхъ учрежденіяхъ является весьма часто не только не полезнымъ, но даже вреднымъ, парализуя, съ одной стороны, неизбѣжными формальностями частную инициативу, а съ другой — возбуждая обманчивыя надежды и преувеличенное довѣріе“ (ib.).

Значить и это не годится.

Что-же касается „предоставленія товариществамъ права обратиться кассу въ ихъ исключительную собственность, посредствомъ выкупа ими складочнаго капитала, то такое предоставленіе, выражаетъ самъ себѣ г. Яковлевъ,—можетъ сдѣлать кассу орудіемъ одностороннихъ стремленій извѣстнаго кружка товариществъ, почему-либо взявшихъ верхъ надъ другими“ (ib.).

Куда не вѣнь — все клинь! Положеніе критическое и, повидимому, безвыходное... Впрочемъ, нѣтъ, намъ кажется, г. Яковлевъ могъ-бы выйти изъ него безъ особеннаго затрудненія, если-бы... если-бы онъ рѣшился быть *вполнѣ* откровеннымъ и припряталъ-бы въ карманъ излишнюю скромность. Будь онъ откровененъ и не будь онъ „немножко“ стыдливъ, ему-бы слѣдовало обратиться къ читателямъ съ такою рѣчью: „конечно, милые читатели, проектируемое мною акціонерное общество центральной кассы мелкаго поземельнаго кредита, при обыкновенныхъ условіяхъ и въ рукахъ обыкновенныхъ людей, не замедлитъ превратиться въ обыкновенный акціонерный банкъ, преслѣдующій лишь личныя выгоды гг. учредителей и акціонеровъ. Но я вѣдь предлагаю, чтобы въ центральную кассу народнаго кредита былъ обращенъ теперешній комитетъ „сельскихъ ссудо-сберегательныхъ промышленныхъ товариществъ“, комитетъ, состоящій при московскомъ обществѣ сельскаго хозяйства и вмѣщающій въ себѣ квинтъ-эссенцію самыхъ видныхъ и наиболѣе прославленныхъ радѣтелей о благѣ народа. Скромность не позволяетъ мнѣ говорить о себѣ; но вѣдь кромѣ меня въ немъ засѣдаютъ и другія почтенныя особы, какъ князя

Васильчиковъ и Черкасскій, графъ Коновницынъ и баронъ Корфъ (Павель),—такіе высокоуважаемые земцы, какъ братья Верещагини, Нилъ Колюпановъ, Лугининъ, Фирсовъ, Кошелевъ, Скалонъ,—такіе высокоученные мужи, какъ Бабстъ, Тернеръ, Вреденъ, Вешняковъ,—такіе блистательные адвокаты, какъ Евгеній Утинъ и пр. и пр. Кто рѣшится заподозрить кого-либо изъ этихъ безкорыстно-самоотверженныхъ дѣятелей, въ грубыхъ, корыстныхъ разчетахъ, въ неблаговидныхъ заднихъ мысляхъ, кто усомнится въ ихъ искренности, въ ихъ преданности народному интересу? Никто, конечно, никто. Слѣдовательно, стоитъ только сдѣлать ихъ безсмѣнными и пожизненными членами центральной кассы народнаго кредита и дѣятельность этой кассы будетъ вполне гарантирована отъ всякихъ неправильностей и уклоненій въ сторону. Она будетъ чужда личнаго интереса; она будетъ неуклонно преслѣдовать одни лишь „высшія цѣли“; забота о „народномъ благѣ“ будетъ ея единственною заботою, ея единственною мыслию“.

Пусть будетъ такъ. Мы не хотимъ ни на минуту сомнѣваться въ преданности и искренности вышеупомянутыхъ господъ, мы не сомнѣваемся даже въ искренности г. Утина, хотя онъ и блистательный адвокатъ, мы вѣримъ даже въ преданность народному благу князя Черкаскаго и Нила Колюпанова, хотя ихъ печатныя произведенія не совсѣмъ оправдываютъ нашу вѣру. Да, мы принимаемъ на слово все, что утверждаетъ г. Яковлевъ, мы вмѣстѣ съ нимъ охотно допускаемъ, что касса, попавъ въ руки комитета о ссудосберегательныхъ товариществахъ, сохранить свою невинность и непорочность, несмотря на всѣ мірскіе соблазны и искушенія. Все это прекрасно; но вотъ вопросъ: какимъ образомъ эти невинные люди привлекутъ въ свою кассу посторонніе капиталы?

Положимъ, складочный капиталъ они какъ-нибудь соберутъ; но вѣдь этотъ капиталъ служить только гарантіею солидности общества; для своихъ-же кредитныхъ операцій ему нужно имѣть ссудный капиталъ. Источникомъ ссуднаго капитала въ банкахъ земельного кредита служатъ, какъ мы видѣли выше, закладные листы и облигаціи. Если читатель не забылъ, г. Яковлевъ держится того мнѣнія, что въ дѣлѣ мелкаго земельного кредита ни на тѣ, ни на другія рассчитывать нельзя. Обязательства мелкихъ товариществъ биржа не станетъ принимать, потому что капиталы не станутъ да и не могутъ имъ довѣрять. Обязательства

центрального банка мелкаго кредита тоже мало способны возбудить къ себѣ общественное довѣріе, такъ-какъ правленіе центрального банка, дѣйствуя черезъ своихъ мѣстныхъ агентовъ, „само врядъ-ли когда по совѣсти будетъ въ состояніи сказать, насколько выданныя имъ черезъ посредство и оцѣнку мѣстныхъ агентовъ ссуды обезпечены“.

Памятуя этотъ взглядъ (взглядъ совершенно вѣрный) г. Яковлева на значеніе облигацій въ дѣлѣ мелкаго земельного кредита, мы имѣли наивность думать, что онъ откроетъ своей центральной кассѣ какой-нибудь новый источникъ пріобрѣтенія ссуднаго капитала. Какъ и слѣдовало ожидать, мы и на этотъ разъ ошиблись; никакого другого источника г. Яковлевъ не открылъ да и открыть не могъ въ виду существующаго законодательства о банкахъ. Его центральной кассѣ, какъ и всякому вообще земельному банку, должно быть, по его проекту, предоставлено право выпускать облигаціи; продавая ихъ капиталистамъ, она получитъ средства для выдачи ссудъ мѣстнымъ товариществамъ. Это, конечно, весьма просто. Но почему-же, однако, къ облигаціямъ центральной кассы нельзя примѣнить всего того, что г. Яковлевъ говорилъ объ облигаціяхъ мѣстныхъ товариществъ и объ облигаціяхъ центрального банка мелкаго земельного кредита? Почему первыя будутъ охотнѣе приниматься, чѣмъ послѣднія? Почему облигаціи центрального банка и мѣстныхъ товариществъ не могутъ пользоваться общественнымъ довѣріемъ, а облигаціи центральной кассы могутъ?

Потому, отвѣчаетъ г. Яковлевъ, — что центральная касса имѣетъ, во-первыхъ, свой складочный капиталъ, и, во-вторыхъ, ея облигаціи будутъ представлять собою какъ-бы обобщенное обязательство всѣхъ мелкихъ товариществъ.

Конечно, складочный капиталъ — это гарантія, но гарантія далеко не существенная, такъ-какъ сумма выпускаемыхъ банками облигацій всегда превышаетъ и всегда должна превышать его нормальную сумму. Что-же касается другой гарантіи — обязательствъ мелкихъ товариществъ, то сколько-бы касса ихъ ни „обобщала“, они все-таки не сдѣлаются отъ этого солиднѣе.

Если капиталистъ усомнится взять облигаціи царевкокошайскаго, чебоксарскаго, чухломскаго, пошехонскаго и иныхъ подобныхъ-же товариществъ, то онъ точно такъ-же усомнится взять и об-

лигацію центральной кассы, обеспеченную обязательствами невѣдомыхъ ему царевкокопшайскаго, чухломскаго, чебоксарскаго и т. п. кредитныхъ учреждений. Если цѣнность А равна нулю и цѣнность В, и цѣнность С и D равняется той-же величинѣ, то, сколько-бы вы ихъ ни складывали, все-же въ суммѣ вромѣ нуля ничего не получится. Мало того, сама даже касса не будетъ имѣть никакихъ основаній довѣрять солидности мѣстныхъ обязательствъ. Дурно или хорошо ведетъ товарищество свои мѣстныя операціи, обеспечены-ли его ссуды и т. д.. — обо всемъ этомъ она будетъ знать едва-ли не меньше центрального банка, дѣйствующаго черезъ своихъ мѣстныхъ агентовъ.

„Позвольте, можетъ остановить насъ здѣсь г. Яковлевъ: — вы забыли о „второй мысли“ моего плана: о необходимости контроля и опеки надъ дѣятельностью мѣстныхъ товариществъ со стороны центральной кассы“. Да, контроль и опека! Но какъ и въ какихъ именно формахъ они выразятся? „Мы этого не можемъ опредѣлить впередъ...“ (стр. 90) скромно отвѣчаетъ г. Яковлевъ. „Во всякомъ случаѣ, онъ долженъ быть основанъ на добровольныхъ, но не принудительныхъ отношеніяхъ“. Добровольный-же контроль можетъ имѣть значеніе лишь тогда, „когда касса будетъ преслѣдовать не личные, узкіе свои интересы временной наживы, а когда она будетъ имѣть въ виду только свою основную цѣль — созданіе народнаго кредита“ (стр. 90).

Такъ; это опять старая пѣсня! Ну, а если нѣтъ, если касса будетъ поступать такъ, какъ поступаетъ всякое акціонерное общество, какое-же тогда значеніе можетъ имѣть этотъ *добровольный* контроль? Конечно, г. Яковлевъ можетъ замѣтить, что контроль этотъ будетъ яко-бы добровольный, въ сущности-же принудительный, такъ-какъ товарищество, отказывающееся подчиниться ему, рискуетъ потерять свой кредитъ въ кассѣ. По плану г. Яковлева, касса имѣетъ право собственною властью уменьшить кредитъ, открываемый товариществу. При существованіи подобнаго права, ни одно товарищество не захочетъ добровольно уклоняться отъ кассоваго контроля. Но только въ чемъ-же будетъ выражаться этотъ контроль? Опредѣлить это съ точностью г. Яковлевъ, какъ мы видѣли, не можетъ. „Однако, говоритъ онъ, — практика комитета (въ ссудо-сберегательныхъ товариществахъ) и достигнутые имъ результаты даютъ намъ нѣкоторыя указанія, на основаніи

которыхъ уже теперь можно опредѣлить характеръ этого контроля“ (стр. 90.) „Первою и самою существенною со стороны кассы внѣшнею мѣрою контроля должна быть повѣрка и сведеніе всѣхъ отчетовъ товариществъ“ (ib.) Второю мѣрою—объѣзды и ревизіи товариществъ членами центральной кассы. Третью — устройство съѣздовъ представителей товариществъ (ib.)

Что касается первой мѣры, то самъ г. Яковлевъ признаетъ, что она имѣетъ чисто-внѣшній характеръ, такъ-какъ „цифры отчетовъ вообще далеко не могутъ считаться дѣйствительнымъ указателемъ правильности дѣйствій товариществъ“. Весьма сомнительно, чтобы и вторая мѣра была болѣе дѣйствительна. Ужь если г. Яковлевъ находитъ (и находитъ совершенно справедливо), что даже мѣстные агенты центрального банка, живущіе постоянно въ районѣ дѣйствій мѣстнаго товарищества и пользующіеся по отношенію къ нему правомъ непрерывнаго, такъ-сказать, хроническаго контроля, что даже эти мѣстные агенты не могутъ служить для банка достаточною гарантіею въ правильности и солидности операцій товариществъ, то тѣмъ съ большимъ правомъ мы можемъ это сказать о проектируемыхъ г. Яковлевымъ „объѣзчикахъ“. Г. Яковлевъ указываетъ на практику ссудо-сберегательныхъ товариществъ. Но, во-первыхъ, даже и по отношенію къ этимъ товариществамъ еще ничѣмъ не доказано, что случайные объѣзды членовъ комитета приносятъ какую-нибудь существенную пользу; а во-вторыхъ, операціи ссудо-сберегательныхъ товариществъ такъ просты и несложны, что слѣдить за правильностью этихъ операцій могутъ, пожалуй, и случайные ревизоры. Этого нельзя сказать, конечно, объ операціяхъ товариществъ земельного кредита: они отличаются несравненно большею сложностью и запутанностью, а главное, для правильной оцѣнки ихъ требуются такія спеціальныя свѣденія, которыя можно пріобрѣсти только путемъ долгаго и основательнаго знакомства съ условіями мѣстности и среды, гдѣ дѣйствуетъ товарищество, съ его отношеніями къ мѣстнымъ заемщикамъ и кредиторамъ, съ качествомъ и доходностью земель, принимаемыхъ имъ въ залогъ и т. п. Случайные ревизоры кассы никогда не въ состояніи будутъ ознакомиться и съ естой долею того, съ чѣмъ имъ необходимо ознакомиться, если они хотятъ, чтобы ихъ ревизія не была пустою формальностью, чтобы она не ограничивалась чисто-внѣшнею повѣркою счетныхъ

книгъ и вѣдомостей товарищества. Но такъ-какъ съ „невозможностью и боги не воюютъ“, то волею-неволею имъ придется дальше этой пустой формальности не пойдти.

Но положимъ даже, что правильный контроль надъ дѣятельностью товарищества вполне возможенъ и черезъ „объѣздкичковъ“. Но можетъ-ли, въ свою очередь, касса вполне довѣряться своимъ „объѣздкичкамъ“? Г. Яковлевъ, говоря о неудобствѣ центрального банка, дѣйствующаго черезъ мѣстныхъ агентовъ, полагаетъ, что банкъ не долженъ возлагать большихъ надеждъ на ихъ добросовѣстность, и что онъ поступитъ крайне рискованно, если будетъ имъ много довѣрять. Отчего-же нельзя этого сказать и объ „объѣздкичкахъ“? Можетъ быть, это будутъ прекрасные люди, а, можетъ быть, и нѣтъ; всего-же вѣроятнѣе, что между ними будутъ и тѣ, и другіе, такъ-что касса должна довѣрять имъ только отчасти. А между тѣмъ никакихъ другихъ средствъ контроля у нея нѣтъ и быть не можетъ. Съѣзды представителей товариществъ могутъ, конечно, служить нѣкоторою повѣркою теоретическихъ взглядовъ, убѣжденій и познаній ихъ членовъ, но едва-ли они прольютъ какой-нибудь свѣтъ на ихъ практическую дѣятельность, особенно дѣятельность интимную, закулисную, о которой ничего или почти ничего не говорятъ официальные вѣдомости и показные отчеты.

При отсутствіи-же и скажемъ даже, — при совершенной невозможности, правильного, постоянного, дѣйствительнаго контроля кассы надъ мѣстными товариществами, сама касса не будетъ и не можетъ питать большого довѣрія къ ихъ облигаціямъ. Еще менѣе будетъ довѣрять имъ публика; слѣдовательно, и облигаціи самой кассы, представляющія собою, по словамъ г. Яковлева, лишь „обобщенное обязательство“ мѣстныхъ товариществъ едва-ли найдутъ себѣ сбытъ въ финансовомъ мірѣ, а потому никогда и не завоюютъ себѣ прочнаго мѣста на биржѣ.

Такимъ образомъ, если-бы даже члены акціонернаго общества центральной кассы и сохранили полную невинность и непорочность, несмотря на всѣ соблазны операцій земельного кредита, то они все-таки остались-бы безъ капитала. Но скорѣе всего можно предположить, что они останутся безъ послѣдняго и безъ первой.

Такимъ образомъ, разсмотрѣвъ всѣ эти кредитные прожекты съ практической точки зрѣнія, мы убѣждаемся въ ихъ пол-

ной несостоятельности и негодности; по крайней мѣрѣ, они вовсе не разрѣшаютъ тѣхъ практическихъ трудностей, которыя, по словамъ самого-же проектора, г. Яковлева, дѣлаютъ у насъ, въ настоящее время, почти невозможнымъ организацію мелкаго земельного кредита. Но если г. Яковлеву не удалось составить практическаго плана, то Фирсову или Нилу Колопанову, можетъ быть, и удастся. А ужъ если Фирсову и Нилу Колопанову не удастся, такъ уже, навѣрное, удастся Бабству съ г. Бунге, Вернадскимъ и т. п. Значить, вопросъ о практичности или непрактичности яковлевскаго проекта для насъ съ вами, читатель, не можетъ имѣть особенно существеннаго значенія. Это дѣло второстепенное; для насъ важнѣе его содержаніе, т. е. та мысль, которая лежитъ въ его основѣ. Форма можетъ быть неудовлетворительна, но — разъ дано содержаніе, — о формѣ, позаботятся и другіе. Слѣдовательно весь вопросъ въ самомъ содержаніи, въ основной и руководящей идеѣ. Какова-же эта идея? Разумна-ли она? И можетъ-ли она привести къ тѣмъ благодѣтельнымъ результатамъ, о которыхъ мечтаютъ наши радѣтели?

Съ перваго взгляда, мысль положенная въ основу проектовъ объ организаціи мелкаго земельного кредита, представляется въ высшей степени полезною и плодотворною. Во многихъ мѣстностяхъ крестьянскіе надѣлы малы; съ увеличеніемъ-же народонаселенія, потребность крестьянства въ землѣ будетъ становиться все настоятельнѣе и настоятельнѣе. Уже и теперь среди него ясно обнаруживается стремленіе къ покупкѣ земель и къ арендованію ихъ, несмотря на постоянное возвышеніе запродажныхъ цѣнъ и арендной платы. Въ ярославской, напримѣръ, губерніи, продажъ земель мелкими участками такъ много, что между прочимъ, въ одномъ любимскомъ уѣздѣ число мелкихъ собственниковъ не дворянъ возросло въ послѣднія 15 лѣтъ (послѣ освобожденія крестьянъ) съ 20 до 650 человекъ. Въ курской губерніи, въ одномъ курскомъ уѣздѣ, въ одинъ изъ послѣднихъ годовъ, крестьянами было куплено помѣщичьихъ земель на 2 миліона. То-же сообщаютъ изъ смоленской, нижегородской, орловской, харьковской и другихъ губерній (см. статью Васильчикова „О мелкомъ земельномъ кредитѣ въ Россіи“. стр. 10—13). Вообще изъ „Доклада высочайше утвержденной комисіи для изслѣдованія сельскаго хозяйства“ видно, „что распродажа по-

мѣщичьихъ земель крестьянамъ по мелкимъ участкамъ идетъ бойко, и сдача полевыхъ угодій въ краткосрочное оброчное содержаніе тоже крестьянамъ и тоже по мелкимъ участкамъ, составляетъ, по заявленіямъ, почти единогласнымъ, всѣхъ мѣстныхъ учреждений и жителей, главный источникъ доходовъ землевладѣльцевъ и главный промыселъ земледѣльцевъ“.

Высокая цѣна земель безусловно необходимыхъ крестьянину съ одной стороны, а съ другой положеніе крестьянскаго хозяйства затрудняетъ: большинство крестьянства приобрѣтаетъ у помѣщиковъ нужную ему землю, а слѣдовательно и улучшать свое экономическое положеніе; а оно въ настоящемъ его видѣ таково, что требуетъ самого дѣйствительнаго улучшенія и развитія. Вступленіемъ на этотъ новый путь наши прожектеры считаютъ открытіе крестьянскому хозяйству дешеваго кредита. Кредитъ дастъ ему средство для прикупки недостающей ему земли, — а слѣдовательно и для улучшенія его экономическаго положенія.

Конечно, экономическое положеніе требуетъ улучшеній и мысль о настоятельной необходимости открыть народу доступъ къ кредиту, въ которомъ онъ такъ нуждается, есть мысль справедливая, разумная и даже патріотическая.

Вглядываясь однако въ сущность дѣла, вы приходите къ иному результату.

Всѣмъ извѣстно, что у насъ, пока наиболѣе типическою, наиболѣе распространенною формою землевладѣнія среди крестьянства является общинное землевладѣніе. Большинство народа владѣетъ землею не на правахъ частной, а на правахъ общинной собственности. Право общинника надъ нарѣзаннымъ ему участкомъ не есть права личной собственности, а скорѣе право временнаго пользованія. Онъ не можетъ, поэтому, ни продать, ни заложить, ни вообще тѣмъ или другимъ способомъ отчудить данный ему клочекъ земли. Отсюда само собою очевидно, что ни одинъ изъ общинниковъ (т. е. большинство крестьянства), взятый въ отдѣльности, не можетъ воспользоваться благами мелкаго земельного кредита. Не можетъ-ли это сдѣлать сама община въ цѣломъ ея составѣ? Опять-таки нѣтъ; по существующему законодательству, мірская или общинная земля, не можетъ быть закладываемая на правахъ частной собственности.

Слѣдовательно, благами мелкаго земельного кредита можетъ

воспользоваться только часть крестьянства *), а именно та часть, которая тяготеетъ общиною, которая стремится выдѣлиться изъ нея и создать рядомъ съ нею мелкое, частное крестьянское землевладѣніе.

Такимъ образомъ, мелкій кредитъ отерываеъ возможность осуществить это завѣтное желаніе легко, дешево, удобно, и, слѣдовательно онъ роковымъ образомъ содѣйствуетъ и ускоряетъ процессъ внутренняго разложенія общиннаго хозяйства. Безъ его обязательной помощи, для большинства общинниковъ, выходъ изъ общины и пріобрѣтеніе земель на сторонѣ былъ-бы все-таки крайне и крайне затруднителенъ. Безъ его обязательной помощи, какъ это сознаютъ и сами радѣтели, крестьянинъ-общинникъ только въ рѣдкихъ случаяхъ, только при исключительныхъ условіяхъ, въ состояніи превратиться въ частнаго собственника. Какъ, повидимому, ни часто приходится слышать о подобныхъ превращеніяхъ, но все-же ихъ общая сумма, по сравненію съ общимъ числомъ крестьянскаго населенія, представляется каплею въ морѣ **). При данномъ состояніи крестьянскаго хозяйства вообще иначе и быть не можетъ. При данномъ его состояніи переходъ крестьянина-общинника въ классъ мелкихъ, самостоятельныхъ, частныхъ земельныхъ собственниковъ всегда будетъ явленіемъ единичнымъ, такъ-сказать, случайнымъ. Мелкій кредитъ узаконитъ его и изъ случайнаго сдѣлаеъ нормальнымъ, постояннымъ... Не предотвратитъ онъ массу крестьянства и отъ возрастающаго обезземеленія, и если окажетъ какія-нибудь отрицательныя услуги меньшинству сельскаго населенія, то прямо въ ущербъ интересовъ большинства, что было-бы крайнею несправедливостію.

Н. Никоновъ.

*) И это опять-таки очень хорошо знаютъ гг. Васильчиковъ и Яковлевъ. Они прямо говорятъ, что проектируемый ими кредитъ совсѣмъ не имѣетъ и не можетъ имѣть въ виду крестьянскую общину, такъ-какъ „вопросъ о томъ, могутъ-ли мірскія земли, принадлежащая сельскимъ обществамъ, служить основаніемъ для кредита, еще не созрѣла“, онъ „слишкомъ сложенъ и труденъ, чтобы къ нему можно было приступить въ настоящее время, когда еще значительная часть крестьянъ не приступила къ выкупу“. Поэтому только „открытие кредита частнымъ мелкимъ собственникамъ есть дѣло настоятельной, неотложной необходимости“. (Васильчиковъ, „О мелкомъ земельномъ кредитѣ“, стр. 35, 36.)

**) Фактъ, статированный „Докладомъ Высоч. утвр. комис. по изслѣд. сельскаго хоз. въ Россіи“,—фактъ, что, послѣ уничтоженія крѣпостнаго права, весьма значительная часть помѣщичьихъ земель перешла, путемъ покупки, въ руки крестьянъ, ни мало этому не противорѣчитъ. Въ числѣ этой, купленной у помѣщиковъ, земли считается и обрѣзная земля, а она пріобрѣтается обыкновенно цѣлою общиною, а не отдѣльными ея членами.

БИРЖЕВЫЯ ВАКХАНАЛИИ ВЪ ГЕРМАНИИ.

(Der Börsen-und Gründungs-Schwindel in Berlin. V. Otto Glagau. 1876.—Der Strousberg und Sein Wirken von ihm selbst geschildert. 1876.—Гетель Генри Струсбергъ отъ колебели до скамьи подсудимыхъ. Спб.. 1876.)

I.

Вслѣдъ за побѣдами Пруссіи и пяти-миллиардной контрибуціей въ Германіи разразился экономическій кризисъ, исполненный всевозможныхъ биржевыхъ скандаловъ, банкротствъ и внутреннихъ потрясеній. Кто-бы могъ подумать, что побѣдоносная Германія, засыпанная французскимъ золотомъ, очутится на краю пропасти, разоренная и алчная, пустившаяся во всевозможныя спекуляціи и окончившая знаменитымъ финансовымъ крахомъ? Если справедливо, что побѣды развращаютъ побѣдителя еще больше, чѣмъ побѣжденнаго, то Германія осуществила на себѣ эту истину вполне. Ея социальному благосостоянію не помогли ни Садовая, ни Саданъ, ея пять миллиардовъ, что-называется, стали у нея поперегъ горла. Ея вождельнное *единство* оказалось до того искусственно-сшитымъ, что въ него никто болѣе не вѣритъ. Ея свобода, о которой такъ умиленно ей пѣли національ-либералы, обратилась въ свободу спекуляціи, биржевой игры, дутаго кредита, эксплуатаціи народа посредствомъ акцій, облигацій, пріоритетовъ, никогда несуществовавшихъ предпріятій, мошенническихъ компаній и союзовъ и т. п.

Однимъ изъ самыхъ смѣлыхъ и безцеремонныхъ творцовъ этой жидовствующей системы денежнаго азартнаго рынка былъ „культурный герой“ Струсбергъ.

Струсбергъ — личность типическая; это воплощеніе буржуазнаго лицемерія, даже неприкрытаго маской, которую обыкновенно носитъ современная ложь и наглость биржевого игрока. Его автобіографія далеко оставляетъ за собой даже извѣстное „Житіе Ваньки Каина, имъ самимъ описанное“. Въ послѣднемъ вы видите только цинизмъ, но Струсбергъ поражаетъ васъ колоссальнымъ безстыдствомъ своей лжи. Еврей по происхожденію, онъ съ напускнымъ жаромъ отрекается отъ своего еврейскаго имени *Гирша* и отъ своей вѣры. Сынъ мелкаго торговца, онъ старается изобразить своего отца солиднымъ комерсантомъ. Начавшій свою карьеру въ Англіи какими-то темными и рискованными предпріятіями, имѣвшими цѣлю быструю наживу, онъ маскируетъ ее, получивъ неизвѣстно какимъ способомъ степень доктора философіи, издавая журналы, устраивая выставки нѣмецкихъ картинъ, даже сочиняя и печатая статьи своего собственнаго издѣлія. Но въ какія спекуляціи ни бросался Струсбергъ въ Англіи, ему не везло, и онъ перенесъ свою дѣятельность въ Пруссію, завелъ здѣсь связи, началъ выхлопывать концесіи, сначала для другихъ, потомъ для себя, и скоро превратился въ „желѣзнодорожнаго короля“. Министръ торговли, честный, но недалекій гр. Иценплицъ, былъ очарованъ Струсбергомъ, и постройка дорогъ сдѣлалась его монополіей. „Въ немногo лѣтъ, говоритъ Глагау, — онъ построилъ до двѣнадцати дорогъ, и самымъ оригинальнымъ образомъ. Не имѣя ничего, кромѣ долговъ, онъ строилъ на чужія деньги, и строилъ притомъ такъ дурно и такъ дорого, какъ только можно. Понятно, что при этомъ доставались миліоны, и не только ему, но и его союзникамъ и пособникамъ. Благодаря этому, онъ разбогатѣлъ; его считали обладателемъ отъ 20—50 миліоновъ капитала и его начали прославлять, какъ „новѣйшаго Креза“, какъ „второго графа Монте-Кристо“. Несмотря, однакожь, на репутацію берлинскаго Креза, биржа и весь дѣловой міръ смотрѣли на Струсберга съ большимъ недоувѣріемъ. Долгое время его векселей не принимали, а выпускаемые имъ желѣзнодорожныя акціи не пользовались особеннымъ успѣхомъ, такъ-что онъ долженъ былъ продавать ихъ по самой низкой цѣнѣ, но онъ фабриковалъ ихъ снова и снова и выпускалъ ихъ все больше и больше. Такъ онъ наживалъ деньги, а съ ними явились къ нему и громкая извѣстность, и видное общественное положеніе. И хотя смѣялись надъ

отчаяннымъ пройдохой, надъ смѣлымъ и грубымъ выскочкой, но при всемъ томъ на его зазыванія откликалось самое знатное общество, бражничало и пирило у него. Онъ платилъ всевозможнымъ литераторамъ, подкупалъ журналистовъ, назначалъ имъ пенсіи, и, такимъ образомъ, забралъ въ свои руки печать, послѣ чего уже можно было во всѣхъ газетахъ помѣщать анекдоты и замѣтки о „великомъ докторѣ“, о роскоши его домашней обстановки, о его щедрости и благотворительности, о его проектахъ и предпріятіяхъ. Даже Бисмарку пришлось примириться съ тѣмъ, что въ пикантныхъ статейкахъ мѣстныхъ листовъ его имя появлялось на ряду съ именами Струсберга и Лукки, и какая-нибудь газета серьезно разрѣшала вопросъ, „кто болѣе великъ: желѣзный графъ или желѣзнодорожный король?“ Такимъ образомъ, Струсбергъ сдѣлался героемъ дня, знаменитостью Берлина. Въ витринахъ книжныхъ и эстампныхъ магазиновъ появились изображенія не столько интеллигентной, сколько крупной головы великаго доктора, „при біографической его характеристикѣ“, составленной писакон, который гордо именуется себя надьяромъ, и ведетъ перечень его твореній, подобно тому, какъ Лепорелло велъ списокъ любовныхъ похожденій своего господина. Въ-концѣ-концовъ Струсбергъ основалъ собственную газету „Post“; говорятъ, что онъ долженъ былъ тратить на нее ежегодно отъ 40 до 80 тысячъ талеровъ, и хотя сотрудники его представляли изъ себя любопытную галерею портретовъ и характеровъ, но изданіе имѣло весьма жалкій успѣхъ“.

„Чтобы пустить въ ходъ свои дѣла, завести повсюду связи и, такимъ образомъ, добиться концесій отъ правительства, „докторъ-чудотворецъ“ руководствовался только однимъ правиломъ, которое ему никогда не измѣняло: *золотой ключъ отворяетъ всѣ двери, а навьюченный золотомъ оселъ перелѣзетъ черезъ всякую стѣну*. Струсберга знали въ каждой конторѣ, въ каждомъ присутственномъ мѣстѣ, даже въ министерствахъ у него были друзья и покровители, давашіе ему справки и совѣты и съ жаромъ отстаивавшіе его интересы. Многіе важные чиновники, благодаря ему, вынуждены были выйти въ отставку. Статья одной мѣстной газеты, посвященная доктору, носила заглавіе: „Человѣкъ, который все покупаетъ“. Дѣйствительно, Струсбергъ покупалъ все,—это была его всѣмъ извѣстная тайна. Въ-концѣ-кон-

повъ онъ подкупилъ даже высшее дворянство, графовъ и герцоговъ, и отправился съ ними въ Румынію. Его послѣднимъ твореніемъ были румынскія желѣзнодорожныя облигаціи на 65 миліоновъ талеровъ, по $7\frac{1}{2}\%$. Въ 1868 году онъ появились на биржѣ по курсу 71 и были отнесены въ „иностраннымъ фондамъ“, хотя онъ были выпущены только Струсбергомъ и его компаньонами, герцогомъ Уастожемъ, герцогомъ Ратиборомъ и графомъ Лендорфомъ. Это былъ одинъ изъ многихъ обмановъ, которымъ подверглись несчастные покупатели этой бумаги. Когда съ начала 1871 года Струсбергъ и его компаньоны не могли выплачивать гарантированныхъ процентовъ по этимъ облигаціямъ, и даже постройка желѣзныхъ дорогъ не двигалась впередъ, то „румынки“ упали въ курсѣ до 40, послѣ чего, при посредствѣ третьихъ лицъ, онъ были превращены въ пятипроцентныя акціи. Сколько при этомъ чистомъ дѣлѣ „заработали“ высокорожденные компаньоны — въ точности неизвѣстно, но великій докторъ, по вычисленію Гоппе въ „Фоссовой Газетѣ“, прикарманилъ, по крайней мѣрѣ, 10 миліоновъ талеровъ и почти на такую-же сумму не представилъ расчетовъ. Послѣ „румынокъ“, оскандалившихъ Струсберга во всей Европѣ, онъ временно удалился со сцены, оставивъ свое наслѣдство учетному обществу и дому Блейхредера, которые соединили обманутыхъ кредиторовъ въ акціонерное общество. Выразалось требованіе, чтобы виновные выдали изъ своей добычи 25 миліоновъ талеровъ, но Струсбергъ соблаговолилъ уплатить только 6,000,000, и поневолѣ пришлось удовольствоваться этой суммой, такъ-какъ „50-ти-миліонный докторъ“ успѣлъ уже тѣмъ временемъ превратиться въ нищаго. Всѣ свои дома, дворцы, замки, помѣстья и остальное недвижимое имущество отъ перевелъ на имя своей жены“.

Съ этихъ поръ созданія великаго доктора сильно упали въ общественномъ мнѣніи. Построенныя имъ желѣзныя дороги были по-истинѣ преступнаго свойства; по нимъ или нельзя было открыть движенія, или онъ причиняли разные несчастные случаи. Большая часть его дорогъ не можетъ давать никакого дивиденда втеченіи нынѣшняго столѣтія, а неизмѣримая масса нафабрикованныхъ имъ акцій годится только на обертку колбасы. Румынскія облигаціи, пущенныя въ ходъ всеми средствами, при содѣйствіи его высокорожденныхъ компаньоновъ, сдѣлались настоящею

смертоносною эпидеміей, пожиравшею тысячи жертвъ. Не одинъ владѣлецъ „румынозъ“ наложилъ на себя руки, не одинъ очутился въ богадѣльнѣ или въ домѣ умалишенныхъ. И этого-то человѣка печать и руководимая ею публика величала *благодѣлемъ рода человѣческаго, культурнымъ героемъ!* Въ извѣстномъ смыслѣ, впрочемъ, онъ дѣйствительно былъ героемъ, вродѣ Геркулеса, съ тѣмъ только различіемъ, что греческій Геркулесъ очистишь, какъ извѣстно, стойла царя Авгія, Струсбергъ-же завалилъ нечистотами и оставилъ намъ настоящее Авгіево стойло, грязное и зловонное. Онъ развратилъ печать, чиновничество и дворянство; онъ обходилъ законы и издѣвался надъ ними; онъ публично билъ общественную совѣсть по лицу. И противъ этого отъявленнаго мошенника, стоявшаго на виду у всѣхъ, не поднялось ни одного голоса даже въ парламентѣ, хотя въ немъ и зашѣдалъ уже г. Ласкеръ съ 1865 года! Всѣ были глухи и нѣмы вплоть до февраля 1873 года, когда Струсбергъ уже паль и устремлялъ свои взоры только на Москву, въ которой ему и удалось вскорѣ прикарманить 7,000,000 руб., доведшихъ его до кутузки и судебного преслѣдованія.

Арестъ великаго доктора поднялъ за него значительную часть нѣмецкихъ газетъ, которыя начали изображать его какимъ-то героемъ трагедіи. Въ одномъ изъ вѣнскихъ листковъ появился фельетонъ, перепечатанный потомъ многими газетами и озаглавленный „Удача и конецъ короля Струсберга“. „Національная Газета“ почерпнула изъ „Московскихъ Вѣдомостей“ описаніе времяпрепровожденія „великаго невольника“. Берлинскія, пражскія, вѣнскія газеты возвѣщали міру, что Пруссія и Австрія потребуютъ дипломатическимъ путемъ освобожденія Струсберга и что какъ только оно состоится, то „геніальный человѣкъ“ снова явится на общественномъ поприщѣ въ своемъ прежнемъ величіи. „Берлинскій Биржевой Вѣстникъ“ энергически настаивалъ, чтобы правительство вступилось за Струсберга, а „Національная Газета“ сообщала, что г-жа Струсбергъ имѣла даже аудіенцію у Висмарка по этому поводу. Равнымъ образомъ журналисты сильно спекулировали на нѣмецкую сантиментальность, трогательно изображая самоотверженность и несчастное положеніе супруги Струсберга, которая между тѣмъ имѣетъ отъ мужа свободный отъ долговъ капиталъ въ 3,000,000 талеровъ. Агитируя, такимъ образомъ,

въ свою пользу посредствомъ продажной печати, Струсбергъ въ то-же время самъ постарался прославить себя въ своей автобіографіи. Подобные дѣятели обыкновенно корчатъ изъ себя благодѣтелей человѣчества; стоитъ только вспомнить, какъ расписывали передъ судомъ свои заслуги и благодѣянія Овсянниковъ и матушка Митрофанія; но Струсбергъ далеко превзошелъ ихъ своимъ наглымъ самохвальствомъ. Я, говоритъ онъ, образецъ добродѣтели, „я всегда ограничивался однимъ блюдомъ домашняго приготовления, не пилъ ни вина, ни пива, не имѣлъ никакихъ дорогихъ или, по крайней мѣрѣ, безправственныхъ страстей. Но, подобно моему отцу, я не могъ экономничать. *Я не могъ никогда ограничивать моихъ благодѣній, я всегда отдавалъ послѣднее*, и никто напрасно не обращался ко мнѣ за помощью. Суммы розданныхъ мною благодѣній и подавій составляютъ нѣсколько сотъ тысячъ талеровъ. *При этомъ я никогда не участвовалъ въ общественныхъ подпискахъ, но давалъ тайно, по влеченію своего сердца* (стр. 23). *Никогда не бывало чловѣка, который-бы велъ такія большія предпріятія, какъ мои, столь безкорыстнымъ образомъ* (стр. 32). Что-же касается своего генія, то онъ ставитъ его выше всего. „Моя дѣятельность, говоритъ онъ,—была исключительно творческая. Я работалъ не человѣчески; мой покой, мой сонъ, удовольствія, семейныя дѣла, будущность моихъ дѣтей, — все было пожертвовано мною для осуществленія моихъ лучшихъ идей, моихъ твореній. Все у меня было *музыкой будущаго* (стр. 78). Онъ выставляетъ себя какимъ-то мессією культуры, неудержимо стремившимся къ выполненію своей миссіи, къ труду на пользу своихъ согражданъ, къ улучшенію положенія рабочей массы, къ практическому разрѣшенію соціального вопроса. Онъ даже обѣщаетъ написать книгу, которая разрѣшитъ соціальныи вопросъ самымъ безобиднымъ образомъ для всѣхъ классовъ общества (стр. 44—46)! Наглость всѣхъ подобныхъ завѣреній изумительна, но она составляетъ характеристическую черту всѣхъ крупныхъ мошенниковъ, и господство биржевой буржуазіи давно уже прославляется преданной ей пресою, какъ царство мира и благоденствія, изливаемыхъ на родъ человѣчскій „героями культуры“...

II.

„Не лавочникамъ судить меня“, говорилъ на судѣ Струсбергъ; „я всегда служилъ идеѣ“. Въ извѣстномъ смыслѣ это совершенно вѣрно. Узурпаторы, подобныя Бонапартамъ, служатъ идеѣ угнетенія, биржевые грабители, подобныя Струсбергу, служатъ идеѣ крупной спекуляторской аристократіи. Бонапарты создали новую школу государственныхъ переворотовъ, подобную же школу, и школу весьма многочисленную, оставилъ послѣ себя Струсбергъ. „Многихъ изъ его учениковъ и прихвостней, говоритъ Глагау, — мы встрѣчаемъ въ числѣ дѣятелей самаго шумнаго періода биржевыхъ плутней, и они показали себя вполне достойными своего учителя. Но, съ другой стороны, и Струсбергъ былъ рѣшительно невозможенъ безъ нашего новѣйшаго „народнаго хозяйства“, безъ сторонниковъ *laissez faire* или манчестерской школы. Эта школа, которая имѣетъ за себя почти всю прессу, наводняетъ своими сторонниками политико-экономическіе конгрессы и даже вліяетъ на нашихъ юристовъ и администраторовъ, признаетъ своимъ первымъ и послѣднимъ принципомъ *свободную конкуренцію*, при которой государство не должно вмѣшиваться въ торговлю и промышленность и дѣла должны быть предоставлены ихъ собственному спокойному теченію. Этому-то ученію и обязанъ Струсбергъ своей карьерой. Онъ конкурировалъ въ желѣзно-дорожныхъ предпріятіяхъ со всѣми и скоро удалилъ со сцены всѣхъ своихъ конкурентовъ“. Но свободную конкуренцію все-таки до извѣстной степени стѣснялъ законъ, и либеральная партія постаралась отмѣнить его. 20 мая 1870 года, когда засѣданія рейхстага приходили уже къ концу, либералы съ лихорадочною поспѣшностью провели новый законъ, который освобождалъ акціонерныя общества отъ всякаго контроля и стѣсненій со стороны государства. Для биржевой спекуляціи, такимъ образомъ, открылось вполне свободное поле, но вспыхнувшая война помѣшала на-время развернуться ей во всю свою ширь.

Громадные успѣхи нѣмцевъ и пять миллиардовъ французской контрибуціи имѣли для Германіи самыя гибельныя послѣдствія. Патристическое самодовольство нѣмцевъ дошло до крайности, до самаго грубаго самообожанія, которое не замедлили эксплуатировать

финансовые пройдохи и закупленная ими печать. „Безъ этого, говоритъ Глагау, — Струсберги были-бы у насъ рѣшительно невозможны, ихъ учрежденія никогда-бы не осуществились, ихъ акціи не нашли-бы сбыта“. Въ публикѣ родилось нелѣпое мнѣніе, что за политическимъ усиленіемъ должно немедленно послѣдовать „соответственное ему пышное процвѣтаніе матеріальнаго благосостоянія“. Эта мысль поддерживалась въ публикѣ „учредителями“ и биржевыми дѣльцами постоянными указаніями на французскіе миллиарды, изъ которыхъ ей, однакожь, не перепало ничего; пресса систематически возбуждала въ обществѣ жажду обогащенія и страсть къ биржевой игрѣ. Въ то-же время появился цѣлый классъ особыхъ путешественниковъ, которые въ городахъ и деревняхъ, переходя изъ дома въ домъ, посѣщая лавки, винныя погребки, трактиры, предлагали купить акціи. Биржа имѣла своихъ агентовъ въ каждомъ захолустномъ городишкѣ, даже въ отдаленнѣйшихъ деревняхъ, и эти агенты соблазняли крестьянъ, рабочихъ, прислугу своими разсказаніями о быстротѣ обогащенія посредствомъ биржевой игры; они обѣщали имъ золотыя горы отъ покупки акцій, прельщали газетными рекламами и указаніями аристократическихъ фамилій, стоявшихъ во главѣ акціонерныхъ обществъ. Печать и биржевые агенты возбудили въ странѣ общую жажду обогащенія. „Князья, министры, важные сановники, говоритъ Тиссо, — всѣ только и мечтаютъ о биржѣ о концесіяхъ, о торговыхъ предпріятіяхъ; фабриканты, купцы отыскиваютъ научные способы поддѣлокъ, школьники участвуютъ въ аукціонахъ и лотереяхъ“. Высшіе чиновники вродѣ друга Бисмарка, Вагенера, попадаютъ во взяточничествѣ. Съ 1858 по 1864 годъ три министра участвовали въ банковыхъ учрежденіяхъ, извлекали барыши изъ разныхъ комерческихъ предпріятій, когда нужно было, прекращали слѣдствіе, направленное противъ ихъ друзей и родственниковъ, обвиняемыхъ во взяткахъ. Въ 1871 году 18 государственныхъ чиновниковъ сидѣли въ тюрьмѣ за мошенничество или воровство; въ два года эта цифра удвоилась. Правительственныя лотереи, дающія ежегодно до 6,000,000 чистаго барыша, еще болѣе разжигаютъ общую страсть. Лучшіе изъ нѣмцевъ ужасаются громадности зла. „Большія несчастія принесла намъ побѣда, писалъ еще въ 1872 году знаменитый романистъ Густавъ Фрейтагъ. — Всѣхъ охватила ненасытная страсть къ деньгамъ, жажда наживы; всѣ страдаютъ

отъ нея; князья, генералы, придворные, высшіе сановники, всѣ ведутъ безумную игру, всѣ хитростями домогаются довѣрія мелкихъ собственниковъ, всѣ злоупотребляютъ своимъ положеніемъ, чтобы скорѣе обогатиться. Это своего рода пожаръ. Души мельчаютъ. При видѣ подобной испорченности позволительно сомнѣваться въ будущее”.

Разжигая страсть къ наживѣ, учредители заваливали биржу негодными бумагами и основывали множество обществъ для эксплуатаціи всевозможныхъ или, лучше сказать, самыхъ невозможныхъ предпріятій. Еще въ то время, когда нѣмецкія войска осаждали Парижъ, биржа уже отчаянно играла американскими желѣзно-дорожными приоритетами, число которыхъ доходило до 26 и которые не находили никакихъ покупателей въ самой Америкѣ, въ Германіи-же курсъ ихъ, муссированный до 90, упалъ теперь до 10. За приоритетами на биржѣ появились акціи, сравнительно съ которыми даже макулатура Струсберга кажется солиднымъ фондомъ; то были акціи трехъ желѣзныхъ дорогъ, никогда несуществовавшихъ въ дѣйствительности. Съ самаго начала онѣ не поднимались выше 18 и 24, что уже указывало на степень ихъ цѣнности; но даже этотъ низкій курсъ заинтересованные въ дѣлѣ банки умѣли обратить въ свою пользу, торжественно провозглашая, что „уже одна крайняя дешевизна этихъ акцій ручается за непремѣнное повышеніе ихъ курса“. На акціи бросились даже бѣдные люди, служанки и горничныя, тѣмъ болѣе, что учредители обольщали ихъ выдачею дивидендовъ, процентовъ по 16 и даже 22. Но это было обыкновенное мошенничество акціонерныхъ дѣльцовъ: проценты уплачивались изъ денегъ самихъ-же акціонеровъ, и акціи скоро полетѣли въ трубу; достигнувъ курса 35, онѣ въ настоящее время не поднимаются выше трехъ. Но долго пришлось-бы перечислять всѣ эти предпріятія, и мы только укажемъ здѣсь на то, что въ Пруссіи въ два года, въ 1871 и 1872, было основано 780 акціонерныхъ обществъ, между тѣмъ какъ съ 1790 по 1870 г., т. е. втеченіи цѣлыхъ 80 лѣтъ, такихъ обществъ появилось только 300. Всѣ первыя банкирскія фирмы, мелкіе ростовщики, фабриканты, чиновники, прачки, герцоги и графы, всѣ были увлечены общимъ водоворотомъ. Въ этомъ-то взбаломученномъ и мутномъ морѣ блаженствовали и стаи хищныхъ „изобрѣтателей“ и „учредителей“. Эти два вида хищниковъ раз-

личаются между собой тѣмъ, что изобрѣтатель находитъ „идею“, учредитель-же приводитъ ее въ исполненіе. Первый часто принужденъ довольствоваться подачкою на водку, въ то время какъ учредитель получаетъ миліонъ. „Изобрѣтатель, говоритъ Глагау,— умѣлъ находить и открывать; его глаза скоро отыскивали заманчивые предметы для учредительства, а гдѣ онъ не видѣлъ ничего, тамъ помогала ему фантазія. Вотъ, напримѣръ, видитъ онъ вѣтраную мельницу, дряхлое зданіе, съ поломанными крыльями, и тотчасъ у него готово „Мельничное товарищество на акціяхъ“ и т. д. Существующія уже фабрики, горные заводы, пивоварни служили настоящими предметами охоты для учредителей, которые старались, забравъ ихъ въ свои руки, составлять для эксплуатаціи акціонерныя общества. Эта охота была такъ горяча, что хозяинъ одного извѣстнаго красильнаго заведенія въ Берлинѣ не имѣлъ времени отвѣчать письменно на всѣ присылавшіяся ему предложенія и принужденъ былъ разсылать литографированные циркулярныя отвѣты. Всѣ эти заведенія скупались за такія суммы, о которыхъ ни прежде, ни послѣ и во снѣ не снилось. Даже второстепенныя фабрики и мастерскія покупались съ неменьшимъ азартомъ, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда владѣльцы ихъ были извѣстны своею солидностью и готовы были поддержать свою подписью предпріятія учредителей; за одну только эту подпись одному банкиру предлагали 10,000 талеровъ. Въ нѣсколько мѣсяцевъ люди наживали миліоны и ихъ примѣръ доводилъ толпу до какого-то оупьяненія спекуляціей. Таковъ былъ, напр., Квисторпъ, который, по выраженію Глагау, „все создалъ одинъ, собственными силами, и притомъ изъ ничего“. Онъ прибылъ въ Берлинъ почти нищимъ и, начавъ съ небольшихъ предпріятій, вскорѣ завелъ обширныя связи, даже при дворѣ, гдѣ къ нему благоволила благочестивая королева-мать. Завербовавъ себѣ значительную часть прессы, онъ въ самое короткое время пустилъ въ ходъ цѣлыхъ *тридцать* учрежденій, — общество производствъ химическаго, оптическаго, пивовареннаго, желѣзнаго, бумажнаго, табачнаго, вагоннаго, боченочнаго, пароходства, ковно-желѣзныхъ дорогъ и т. д. Этотъ человекъ вель дѣла свои такъ ловко, что обманывалъ не только публику, но и биржу, которая вполнѣ довѣряла ему, и банкиры совершенно искренно рекомендовали всѣмъ его предпріятія. Другимъ такимъ-же героемъ культуры былъ Плев-

смерь, основавшій общество, капиталъ котораго простирается до 4¹/₂ миліоновъ, и кончившій въ 1875 году конкурсомъ съ капиталомъ въ 500,000 и съ долгами въ 9,500,000. И такихъ биржевыхъ прайдовъ были цѣлыя десятки.

Въ своихъ статьяхъ о вѣнскомъ крахѣ *) я уже говорилъ о тѣхъ средствахъ, какими учредители и биржевые игроки эксплуатируютъ довѣріе публики, о раздачѣ акціонерамъ хорошихъ дивидендовъ изъ ихъ-же собственныхъ денегъ, съ тѣмъ, чтобы сбыть какъ можно больше акцій и выпустить подѣ конецъ всѣхъ въ трубу, и т. д. То-же самое практиковалось и въ Берлинѣ, практикуется и вездѣ, гдѣ азартная спекуляція царитъ въ денежномъ хозяйствѣ; поэтому мы не будемъ говорить о подробностяхъ ея, а скажемъ только о наружномъ видѣ берлинской биржи, объ этомъ притонѣ крупнаго мазурничества. Биржевая зала — самое обширное помѣщеніе въ Берлинѣ; въ ней могутъ помѣститься 5,000 человекъ. Въ 11 часовъ утра биржа еще закрыта, но передъ дверями ея идетъ такъ-называемая „малая биржа“, состоящая изъ шаекъ дѣльцовъ-заговорщиковъ, условливающихся о повышеніи, пониженіи, производствѣ паники и т. д. Эти господа принадлежатъ къ такъ-называемымъ *закулиснымъ* и они-то настоящіе биржевые пиявки. Одни изъ нихъ играютъ въ повышеніе, другіе въ пониженіе, и каждый изъ нихъ при случаѣ пускаетъ въ ходъ тотъ или другой изъ биржевыхъ фокусовъ, которыхъ насчитывается больше 50. Въ 12 часовъ двери биржи отворяются, и впущенные въ залу по билетамъ посѣтители густо наполняютъ ее. Тысячи голосовъ говорятъ, кричатъ, шепчутся и въ этомъ шумѣ нѣтъ возможности разобрать съ хоръ ни одного слова. Страстные жесты сопровождаютъ рѣчь, брань постоянно виситъ въ воздухѣ, ежеминутныя ссоры часто переходятъ въ драку. „Никогда, говорила „Трибуна“ отъ 1 августа 1872 года, — ликвидація не происходила такъ спокойно, какъ нынѣшній разъ. Во все продолженіе биржи не было слышно ни одной пощечины, а синдикатъ не разбиралъ ни одной ссоры. Черная доска, на которую къ концу каждаго мѣсяца записывается, по крайней мѣрѣ, одинъ скандалистъ, приговоренный къ исключенію, осталась на этотъ разъ чистою“.

Главнымъ средствомъ для завлеченія публики въ акціонерныя

*) Финансовый канканъ въ Австріи, „Дѣло“, №№ 3 и 4 за 1876 годъ.

предпріятія и биржевую игру была пресса. Въ 1871—1872 годахъ даже маленькія провинціальныя газеты сильно увеличились въ своемъ объемѣ отъ множества объявленій, а при каждомъ номерѣ большихъ берлинскихъ газетъ прилагалось отъ 5 до 10 печатныхъ листовъ, наполненныхъ сверху до низу объявленіями, рекламами, „проспектами“, такъ что хорошая газета отъ помѣщенія ихъ выручала ежедневно до 500 талеровъ. Эти широко-вѣщательныя рекламы и проспекты, составленные обыкновенно при содѣйствіи искусныхъ юристовъ, обѣщали публикѣ все и содержали въ себѣ такія лазейки, при помощи которыхъ учредители не обязывались ничѣмъ. Проспекты эти печатались по нѣскольку разъ въ 20—50 газетахъ, обнародованіе одного такого проспекта обходилось учредителямъ не менѣе 10,000 талеровъ, которые, понятно, они брали не изъ своихъ, а изъ акціонерскихъ кармановъ. Всѣ газеты требовали себѣ этихъ объявленій и жестоко жстили тѣмъ, которые не давали ихъ имъ, и превозносили до небесъ тѣ учрежденія, которыя печатали у нихъ свои шарлатанскія зазыванія и щедро платили за нихъ.

Приготовивъ публику посредствомъ печати, учредители открывали подписку. Громадныя толпы народа быстро расхватывали акція; одинъ подписывался на сто, другой на 500, третій на 10,000 талеровъ, и въ тотъ-же вечеръ газеты возвѣщали публикѣ о „колоссальномъ успѣхѣ“. Между тѣмъ все это была комедія, устроенная учредителями, и вся эта масса подписчиковъ состояла изъ подосланныхъ ими прикасчиковъ, рассыльныхъ, прислуги, родственниковъ и пріятелей; они устроивали „колоссальный успѣхъ“ и тѣмъ привлекали публику. Журналистамъ, государственнымъ чиновникамъ, депутатамъ всѣ эти мошенничества были извѣстны, но никто противъ нихъ не подавалъ и голоса, такъ-какъ одни были закуплены учредителями, другіе сами участвовали въ биржевой игрѣ, третьи, меньшинство, видѣли себя совершенно безсильными передъ этимъ громаднымъ заговоромъ.

III.

Одной изъ самыхъ грандіозныхъ спекуляцій была внѣшняя обстройка Берлина, пустившая столько пыли въ глаза нѣмецкой публикѣ. „Пять миллиардовъ военной контрибуціи, говоритъ Тиссо, —

совершенно сбили съ толку нѣмецкія головы. Въ Берлинѣ вообразили, что вернулись мифологическія времена, что дно Шпрее усыпано золотомъ и каждому стоитъ только наклониться, чтобы сдѣлаться богачемъ. Даже дома продавались на биржѣ и втеченіи какихъ-нибудь двухъ часовъ переходили черезъ пять и шесть рукъ. Въ восемь мѣсяцевъ цѣнность недвижимой собственности удвоилась. Домъ въ пять этажей продавался за миліонъ. Квартиры котировались, подобно биржевымъ цѣностямъ. Часто 50—60 человекъ спорили изъ-за комнаты на чердакѣ. Въ 1872 году въ Берлинѣ приходилось среднимъ числомъ по 10 человекъ на каждую комнату. Каменьщики, работая по 10 часовъ въ день, зарабатывали себѣ цѣлыя состоянія, пили шампанское пивными кружками и прямо съ построекъ отправлялись въ каретахъ въ гостиницы. Простой носильщикъ гипса или кирпичей зарабатывалъ въ день 5 тал. Мелкіе банковые служители, теперь безъ мѣста и безъ сапоговъ, тогда щеголяли въ бѣлыхъ перчаткахъ, сидѣли въ лучшихъ ложахъ театра и содержали итальянскихъ танцовщицъ. При отдаленномъ шумѣ нагруженныхъ золотомъ вагоновъ, носившихъ штемпель французскаго банка, земля колыхалась и развертывалась, какъ-будто въ волшебной пьесѣ, и изъ нѣдръ ея выходили пивныя, похожія на дворцы, рестораны, болѣе грандіозныя, чѣмъ соборы, волшебныя сады, гдѣ благоуханіе цвѣтовъ и звуки музыки перемѣшивались между собой зимою въ теплой и сладострастной атмосферѣ обширныхъ оранжерей, а лѣтомъ на берегу каскадовъ и освѣжающихъ фонтановъ“.

Поводами этой строительной горячки были, съ одной стороны, сильное увеличеніе берлинскаго населенія, а съ другой—нехлѣпная надежда нѣмцевъ, что торжествующій Берлинъ займетъ мѣсто побѣжденнаго Парижа и сдѣлается „столицею міра“.

Вслѣдствіе сильнаго наплыва населенія, жилищъ въ Берлинѣ въ послѣдніе годы становилось меньше и меньше сравнительно съ числомъ жителей. Квартиръ въ городѣ стояло пустыми—

въ 1867 г.	. . .	8,600
” 1869 ”	. . .	3,500
” 1871 ”	. . .	2,000
” 1873 ”	. . .	800

При этомъ значительная часть пустыхъ квартиръ не могла

быть тотчасъ-же отдаваема въ наемъ, такъ-какъ онѣ еще строились или передѣлывались; кромѣ того, эти квартиры принадлежали къ разряду большихъ, недоступныхъ по своей дороговизнѣ для бѣдняковъ, для которыхъ въ 1872 г. не хватало 500 маленькихъ квартиръ и цѣлыя сотни небогатыхъ семействъ, платившихъ до тѣхъ поръ исправно домохозяйствамъ, оставались безъ пристанища, располагаясь передъ воротами, на площадяхъ, въ конюшняхъ.

Лучшіе кварталы казарменной столицы были заняты арміей банкировъ, биржевиковъ, адвокатовъ, разбогатѣвшихъ биржевой игрой, маклеровъ, акціонерныхъ обществъ и агентовъ и т. п.

Финансовые тузы платили за свои квартиры неслыханныя прежде суммы отъ 6,000 до 20,000 талеровъ въ годъ. Люди небогатые принуждены были выселяться въ другіе кварталы или даже за городъ. Тысячи ремесленниковъ, рабочихъ, чиновниковъ пересѣзали въ окрестныя деревни, а люди такъ-называемыхъ образованныхъ сословій вытѣснялись все дальше и дальше къ окраинамъ города, въ предмѣстья. „Кварталь, извѣстный подъ именемъ „тайныхъ совѣтниковъ“, говоритъ Глагау,—уже не имѣетъ права болѣе носить это имя; тайный совѣтникъ сдѣлался въ немъ рѣдкимъ звѣремъ или переселился тремя этажами выше, а на его мѣстѣ, въ бельэтажѣ, живутъ банкиры и биржевики. То же самое случилось съ учеными, художниками и писателями, наполнявшими прежде „Вестендъ“,—и ихъ биржевая знать оттѣсняла все дальше и дальше, все выше и выше“. Съ сильнымъ повышеніемъ квартирныхъ цѣнъ возвысилась и цѣнность домовъ. До этого времени дома въ Берлинѣ, обремененные вмѣстѣ съ ихъ землею долгами, считались имуществомъ весьма сомнительнаго свойства и люди богатые предпочитали жить на квартирахъ. Съ сильнымъ-же увеличеніемъ квартирной платы частные дѣловые люди, банки, акціонерныя общества, банкиры, аристократы—всѣ бросились покупать дома въ лучшихъ частяхъ города. Послѣ того, какъ потребность была удовлетворена, началась спекуляція. Дома покупали не для того, чтобы владѣть ими, а для того, чтобы какъ можно скорѣе и выгоднѣе перепродать; часто случалось, что втеченіи одного дня домъ разъ 12 переходилъ отъ одного покупателя къ другому, причемъ каждый изъ нихъ наживалъ 5, 10, 20, даже 50,000 талеровъ. То-же самое было и съ земельными участками.

Каждый домовладѣлецъ былъ осаждаемъ толпами повупателей и совершенно терялся, не зная, что запросить; люди нерѣшительные откладывали окончательныя сдѣлки со дня на день и ежедневно возвышали цѣну; одинъ изъ такихъ домовладѣльцевъ, просившій за домъ сначала 120,000, потомъ 150,000 и 200,000, продалъ его, наконецъ, за 250,000 талеровъ, получивъ такимъ образомъ чистаго барыша 180,000. Но когда черезъ двѣ недѣли домъ его былъ купленъ однимъ банкиромъ за 400,000, несчастный дошелъ до такого отчаянія, что удавился.

Не довольствуясь домами, спекуляція устремила на пустыя мѣста и, эксплуатируя такъ-называемый „квартирный вопросъ“, начала организовать акціонерныя общества для покупки этихъ мѣстъ и для застройки ихъ новыми домами, которые-бы удовлетворили насущной потребности въ квартирахъ. Дома и земельные участки въ городѣ, общественныя сады и заведенія, огороды въ предмѣстьяхъ, луга, болота, пустыри и пастбища окрестныхъ деревень,—все скупала спекуляція, очищала и планировала для построекъ. Подгородныя ремесленники и крестьяне дѣлались отъ этихъ продажъ богачами и шли играть на биржу. Въ двухъ миляхъ отъ города уже нельзя было встрѣтить ни пашни, ни огорода,—все было продано. На окраинахъ города за квадратную сажень земли давали до 500 талеровъ, а въ городѣ до 10,000. Строительныхъ обществъ и банковъ появилось такое множество, что даже биржевые завсегдатаи не въ состояніи были помнить ихъ назусть и путались въ лабиринтъ названій. Въ Берлинѣ этихъ обществъ было до 80, да кромѣ того въ сѣверной и средней Германіи болѣе 100, игравшихъ своими фондами на берлинской биржѣ. Извѣстный статистикъ Швабе вычислилъ, что проектированныхъ этими обществами домовъ *достало-бы на 9,000,000 жителей*, и если-бы эти дома были выстроены, то Берлинъ сдѣлался-бы втрое больше Лондона. Но изъ проектированныхъ зданій эти общества выстроили только самую ничтожную часть, при этомъ они воздвигали дома и виллы исключительно для богачей и превращали маленькія квартиры въ большія, доводя, такимъ образомъ, до высшей степени страданія народа, вовсе не находившаго квартиръ или неимѣвшаго чѣмъ платить за нихъ.

Большая часть строительныхъ обществъ не только ничего не строила, но даже не имѣла никакого намѣренія строить. Они

только составляли планы, планировали будущіе улицы, кварталы и площади, дѣлали тротуары и пускали все это въ биржевыя обороты. Многіе изъ нихъ втеченіи нѣсколькихъ лѣтъ, ничего не строя, даже выплачивали своимъ акціонерамъ проценты изъ ихъ-же, понятно, денегъ съ цѣлью приманить новыхъ акціонеровъ или расположить старыхъ къ новымъ взносамъ на ихъ акціи. Продолжаться это долго не могло и общества вскорѣ полетѣли въ трубу одно за другимъ. Скандалезныя исторійки о нѣкоторыхъ изъ нихъ не лишены интереса.

Въ 1871 г. нѣкто Давидъ Борнъ, подбивъ нѣсколькихъ чиновниковъ, пенсіонеровъ, учителей, художниковъ, литераторовъ и т. д., соединился съ ними въ общество для пріобрѣтенія земли и построекъ. Общество это начало свою дѣятельность съ скромнымъ капиталомъ въ 10,000 талеровъ, но когда оно черезъ полгода выдало изъ акціонерскихъ денегъ баснословный дивидендъ въ 400%, то его капиталъ быстро увеличился до 4,000,000 и были сдѣланы новыя покупки земель. Въ слѣдующемъ году дивиденда выдали только 8½%, а въ 1873 и 1874—ничего; „солиднѣйшее предпріятіе“ оказалось мыльнымъ пузыремъ и мошенничествомъ, а Борнъ взялся „дирижировать“ новымъ, лихтерфельдскимъ строительнымъ обществомъ, но акціи его, стоявшія тогда на 126, упали вскорѣ до 12.

Капиталъ всѣхъ строительныхъ обществъ въ Берлинѣ простирался болѣе, чѣмъ до 100,000,000 талеровъ, и большая часть его пропала для акціонеровъ, будучи растрачена и присвоена директорами и учредителями. Въ одномъ, напр., обществѣ, которымъ управляли Квисторпъ и Шейберъ, въ то время, какъ акціонерамъ было выдано дивиденда 204,000, члены совѣта получили 43,000, Квисторпъ и Шейберъ 43,000 да кромѣ того Квисторпу выдано 33,786 талеровъ, будто-бы истраченныхъ имъ на „провизію“, т. е. взятыхъ. Такимъ образомъ, члены совѣта и учредители получили около 2/5 чистаго барыша, въ то время, какъ массѣ акціонеровъ досталось немного болѣе 3/5. Учредители и директора превращали акціонеровъ въ нищихъ, чтобы самимъ жить Крезами и Сардапалами. Мало этого. „Въ древности, говоритъ Глагау,—*учредители*, вродѣ Геркулеса, Кекропса, Тезея, Кадикса, были возводимы въ достоинство боговъ; учредители-же новѣйшаго времени, Блейхредеръ, Ганземанъ, Краузе, Карстенъ возводятся въ

дворянское достоинство. Другіе учредители, которымъ не удается это, покупаютъ себѣ благороднаго отца. Они ищутъ и находятъ какого-нибудь бѣднаго дворянина безъ предразсудковъ, который за маленькую ежегодную пенсію усыновляетъ ихъ и даетъ имъ свое имя“. Но большая часть учредителей и подобныхъ имъ спекуляторовъ рѣшительно не имѣетъ выдержки, не умѣетъ остановиться на опредѣленной высотѣ, лѣзетъ все выше и выше и скоро падаетъ. Большая часть строительныхъ обществъ уже пала, остальные, обремененныя страшными долгами, доживаютъ свои послѣдніе дни и скоро большая половина ихъ земель перейдетъ къ ихъ прежнимъ владѣльцамъ, которые на предполагавшихся роскошныхъ площадяхъ Бисмарка и Мольтке будутъ снова пасти своихъ барановъ, а на Улицѣ императора садить огурцы и капусту.

Какъ на одного изъ болѣе видныхъ „героевъ культуры“ мы укажемъ здѣсь на Пауля Мунка; когда, восемь лѣтъ назадъ, онъ пріѣхалъ въ Берлинъ, то въ карманѣ у него не бывало больше пяти талеровъ, а съ 1873 года онъ жилъ уже въ роскошномъ домѣ, въ которомъ рядомъ съ нимъ и надъ нимъ квартировали герцоги; у него много собственныхъ домовъ, въ одинъ изъ которыхъ, по-королевски отдѣланный, онъ недавно переѣхалъ; за городомъ у него много роскошныхъ виллъ, а въ сундукахъ миліоны. Въ 1870 г. онъ составилъ акціонерное общество для постройки „Пассажа“, необходимаго для всемірной столицы. Громадное зданіе было открыто въ мартѣ 1873 г., въ день рожденія императора, и въ честь его названо „Королевской галереей“. На открытіе былъ приглашенъ дворъ, учредители и ихъ дамы представлены императору и императрицѣ; Бильзе дирижировалъ оркестромъ; за баломъ слѣдовалъ для высшихъ гостей ужинъ, а для представителей печати „холодная закуска“. Праздникъ стоилъ до 8,000 талеровъ, но обаяніе, произведенное имъ за публику, особенно присутствіе двора, дало Мунку и другимъ учредителямъ сотни тысячъ. Впрочемъ, обогативъ учредителей, Пассажъ скоро палъ, его магазины очутились пустыми, его громадныя концертныя и бальныя залы не нанимались, а роскошные рестораны не находили арендаторовъ; пробовали-было обратить его въ гостиницу, но не удалось и это. Акціи его со 140 упали до 15.

Но галерея еще не была самымъ фантастическимъ предпріятіемъ; черезъ два года творецъ его, Мункъ, создалъ „Акціонерное

общество для построекъ Подъ-Липами“, для проведенія новой роскошной улицы, наполненной магазинами, украшенной театромъ и гигантскимъ отелемъ. Мункъ уступилъ съ большимъ барышемъ этому обществу четыре дома, „заработавъ“ на этой операциі разомъ 1,150,000 талеровъ. Кромѣ того, купивъ раньше у Струсберга два дома за 600,000 талеровъ, онъ продалъ ихъ теперь тому-же обществу за 1,750,000. Впрочемъ, часть этого барыша онъ принужденъ былъ раздать своимъ сподвижникамъ. Акціи на 2,400,000 были ловко помѣщены на биржѣ, дѣятели которой даже не почувствовали всей воздушности этого предпріятія и покупали акціи массами, тѣмъ болѣе, что учредители посредствомъ газетъ увѣряли публику, что этимъ предпріятіемъ „интересуются даже при дворѣ“, въ особенности наслѣдникъ, по имени котораго и была названа новая роскошная улица, никогда, впрочемъ, невыстроенная; вмѣсто нея рѣшили строить другую улицу, но наступалъ крахъ и общество рухнуло. Дома Струсберга, стоявшіе акціонерамъ 1,750,000, теперь представляютъ изъ себя ничего нестоящія развалины; за семь участковъ земли было заплачено, по книгамъ, по крайней мѣрѣ, 3,462,000, а акціи между тѣмъ упали до 15. Мошенничества этой компаніи возмущали даже биржу и учредителей по профессіи, а часть прессы энергически принялась бичевать Мунка и его сообщниковъ. Нѣсколько акціонеровъ соединилось для того, чтобы преслѣдовать виновныхъ судомъ, но значительная часть ихъ состояла изъ такихъ же учредителей, какъ Мункъ, и подняла шумъ лишь для того, чтобы взять съ него отступнаго. Наконецъ, вслѣдствіе доноса государственный прокуроръ возбудилъ дѣло; предварительное слѣдствіе продолжалось цѣлыхъ восемь мѣсяцевъ, но не привело ни къ чему, и Тессендорфъ, главный прокуроръ, пришелъ къ заключенію, что хотя учредители и достойны всякаго порицанія въ нравственномъ отношеніи, но юридически не могутъ подлежать преслѣдованію. Судебная камера берлинскаго суда согласилась съ этимъ мнѣніемъ и прекратила дѣло. Одинъ изъ учредителей, офицеръ, былъ подѣ военнымъ судомъ и дѣло доходило до императора, но результатъ былъ тотъ-же.

Однимъ изъ главныхъ украшеній, которыми предполагалось возвеличить новую столицу міра, былъ громаднѣйшій отель (Kaiser's Hôtel), „образцовый отель“, какъ гласила рекламы, „вродѣ

тѣхъ, какіе существуютъ въ Парижѣ и Нью-Йоркѣ, чудо комфорта, роскоши и изящества“. На открытіи былъ тоже самъ императоръ, а на обѣдъ было приглашено 250 человекъ, представителей правительства, наукъ, искусствъ, купечества и печати. Президентъ полиціи Мадай провозгласилъ тостъ: „за процвѣтаніе великаго предпріятія, въ которомъ заинтересованъ самъ его величество, какъ это показываетъ императорское посѣщеніе“. Гостинница была открыта перваго октября, а десятаго утромъ она загорѣлась со всѣхъ четырехъ сторонъ; гости и прислуга бѣжали изъ нея въ дикомъ безпорядкѣ, спасая свою жизнь; изъ оконъ летѣли на улицу постели, платье, посуда и т. д. Если и несправедливы ходившіе тогда слухи о поджогѣ, то, во всякомъ случаѣ, этотъ пожаръ показалъ, что при постройкѣ гостинницы не были соблюдены архитектурно-полицейскія правила и не принято надлежащихъ мѣръ отъ огня. Впрочемъ, всѣ постройки учредителей возведены кое-какъ; въ пустомъ Пассажѣ, напротивъ, недавно наняли залу для концерта, но въ самой срединѣ его обрушилась штукатурка съ потолка и упала среди слушателей.

Учредители постарались украсить не только всемірную столицу, но и ея окрестности, перебивая другъ у друга феодальные замки, чтобы превратить ихъ въ лѣтнія пивныя, съ театрами на открытомъ воздухѣ, озерами и игрушечными на нихъ лодочками. искусственными горами, швейцарскими молочными и всевозможными играми. Лѣтомъ 1871 г. обнародованный въ газетахъ проспектъ заявлялъ: „чтобы дать столицѣ достойное ея мѣсто увеселенія, будетъ воздвигнута близъ Шарлотенбурга единственная въ мірѣ гостинница *Флора*, съ лѣтними и зимними садами, съ столовою на 2,000 человекъ, съ бальной залой, къ которой примыкаетъ оранжерея, уставленная пальмами, благоухающими деревьями и рошицами изъ розъ. Для постройки этой гостинницы и покупки для нея парка основывается акціонерное общество, учредителями котораго состоятъ князь Путбусъ, директоръ полиціи Вурмъ“, и т. д. Эта реклама была распространяема не только посредствомъ газетъ, но и въ конвертахъ почтою по городамъ и деревнямъ. Такимъ образомъ, даже люди, которые никогда и не думали о биржѣ, напр., отставные чиновники въ провинціи, одинокія женщины, спѣшили записаться акціями „Флоры“, обѣщавшими 12⁰/₀,

дававшими акціонерамъ и ихъ семействамъ бесплатный входъ въ гостинницу съ ея садами и выпущенными обществомъ, во главѣ котораго стояли такія знаменитости. Противъ участія этихъ знаменитостей былъ поднятъ протестъ и въ парламентѣ, гдѣ депутатъ Паризиусъ порицалъ директора полиціи Вурмба за участіе въ „Флорѣ“, президента ганноверской полиціи Бранта за участіе въ „Тиволи“ и „Белла-Виста“ и президента магдебургской полиціи за участіе въ обществѣ, содержавшемъ купальное и прачечное заведеніе. Министръ внутреннихъ дѣлъ заставилъ этихъ полицейскихъ сложить съ себя ихъ акціонерскія должности, но все-таки ихъ временное появленіе въ роли учредителей произвело на публику желанный эффектъ. Чтобы судить о степени солидности этого предпріятія, достаточно сказать, что главнымъ двигателемъ его были такіе прейдохи, какъ Квисторпъ, Карстенъ и Эберсъ, купившій предварительно паркъ для того только, чтобы немедленно продать его обществу за 500,000 талеровъ. Для большаго привлеченія публики заявлялось, что божественная примадонна Лукка, эта богиня героевъ биржевой культуры, будетъ постоянно пѣть въ „Флорѣ“. Постройки продолжались чрезвычайно долго, то-и-дѣло останавливались за неимѣніемъ денегъ, и на нихъ выходили невѣроятныя суммы, разворовываемыя распорядителями. Вслѣдствіе дурной работы и негодныхъ матеріаловъ въ мартѣ 1873 г. обрушилась крыша, и акціонеры, уже много заплатившіе, должны были платить еще. Открытіе заведенія было обѣщано къ веснѣ 1873 г., но состоялось только, да и то отчасти, въ маѣ 1874, причемъ снова были приглашены представители печати, и за холодную закуску да за нѣсколько стакановъ вина воспѣли новое чудо свѣта, которое до сихъ поръ не вполне окончено и вообще представляетъ изъ себя довольно жалкій видъ. „Флора“ уже стоитъ акціонерамъ больше двухъ миліоновъ и дѣла ея разстроены до крайности, въ книгахъ открыты беспорядки и подлоги, въ управленіи и контролѣ мошенничества, посѣтителей мало, хотя для привлеченія ихъ пускаются въ ходъ всевозможныя штуки и недавно даже два биржевика полетѣли изъ ея сада на воздушномъ шарѣ!..

IV.

Биржевыя оргіи были такъ неистовы, что кризисъ ежеминутно висѣлъ надъ головою. Биржа предчувствовала его еще въ декабрѣ 1872 г., и учредители старались помѣстить въ безопасныя мѣста награбленное ими. Одинъ крупный берлинскій банкиръ и отчаянный учредитель въ концѣ 1872 г. прекратилъ свои дѣла, другой писалъ несчастному акціонеру: „я болѣе не покупаю“. Въ началѣ 1873 г. биржа начала колебаться, а затѣмъ послѣдовалъ крахъ, повалившій всю германскую имперію. Но и онъ, подобно вѣвской катастрофѣ, не прекратилъ биржевыхъ оргій. Квартиры и съѣстные припасы страшно дорожали; послѣдніе, кромѣ того, ухудшились въ качествѣ, ихъ начали поддѣлывать, подмѣшивать, въ особенности хлѣбъ. Прежде у нѣмцевъ было хорошее питательное подспорье, пиво, но и его начали эксплуатировать учредители. Пивоваренныя акціонерныя общества росли, какъ грибы, одно за другимъ, и въ то время, какъ акціонеры получали самыя скромныя дивиденды, директоры и члены совѣтовъ забирали въ видѣ вознагражденія огромныя суммы, составлявшія не менѣе $\frac{1}{5}$ дивиденда, выдаваемаго на долю всей массы акціонеровъ. Пиво сдѣлалось водянистымъ, мутнымъ, невкуснымъ, даже ядовитымъ, вслѣдствіе замѣны хмѣля кукельваномъ. Чтобы сбыть какъ можно больше акцій, общали хорошіе дивиденды, а чтобы имѣть возможность выплачивать ихъ, начали вмѣсто пива варить напитокъ, который народъ справедливо прозвалъ *навозной жижицей*. Потребленіе пива уменьшилось, между тѣмъ какъ цѣна его увеличилась, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ подало поводъ къ пивнымъ бунтамъ. Несмотря на это, учредители не ограничивались столицей, въ каждомъ городѣ, въ каждомъ мѣстечкѣ они открывали акціонерныя пивоварни, значительная часть которыхъ давно уже лопнула.

„Всюду, говоритъ Глагау, — раздавались жалобы на навозную жижицу, но эти жалобы не находили ни малѣйшаго отголоска въ печати. Печать, которая считается органомъ общественнаго мнѣнія, оставалась глуха къ нимъ. Вообще пресса, очутившаяся въ рукахъ жиждовствующей партіи, писала не столько для публики, сколько противъ нея; она не предостерегала, не защищала ее, а, напротивъ, помогала обманывать и грабить“. Исключенія изъ этого общаго правила были рѣдки. Въ августѣ 1871 г. „Фоссова Га-

зета“ помѣстила нѣсколько статей о плутняхъ съ румынскими желѣзнодорожными акціями; но получила немедленно энергическій отпоръ отъ „Національной Газеты“, распинавшейся за „румынокъ“ и великаго доктора Струсберга. „Одинъ большой берлинскій журналъ, политическіе сотрудники котораго всѣ уже теперь покинули его, оказывалъ биржевикамъ и учредителямъ еще болѣе содѣйствія, чѣмъ всѣ такъ-называемыя биржевыя листки, рассказываетъ Глагау. — Упомянутые сотрудники, люди серьезнаго образованія и строгой честности, какихъ теперь уже немного между журналистами, смотрѣли на позорное веденіе дѣлъ съ возмущеннымъ сердцемъ, но были совершенно безсильны. Даже главный редакторъ не могъ ничего подѣлать при собственникѣ газеты и редакторѣ биржевого отдѣла, который распоряжался въ послѣднемъ и выбиралъ своихъ помощниковъ совершенно самостоятельно“. Глагау еще въ 1872 г. написалъ о биржѣ статью, но ни одна газета не приняла ея. Въ слѣдующемъ году, послѣ „разоблаченій“ Ласкера въ парламентѣ и даже вѣнскаго краха, въ нѣмецкой печати началось даже усиленное подслуживанье биржевой спекуляціи. Берлинъ, фарисейски сожалѣя Вѣну, говорилъ: „этогo у насъ быть не можетъ“, и продолжалъ свои оргіи. Не имѣя доступа въ прессу, Глагау написалъ театральную пьеску, направленную противъ биржи и учредителей, и поочередно предлагалъ ее директорамъ 12-ти театровъ; всѣ они искренно хвалили ее, но ни одинъ не рѣшился принять на сцену. Послѣ этого Глагау обратился съ предложеніемъ статей о биржѣ къ редактору „Gartenlaube“; тотъ согласился, но когда получилъ первую статью, то нашелъ ее слишкомъ рѣзкой и написалъ автору, что журналъ его имѣетъ своею цѣлью *„поученіе, а не огорченіе и обиду“*. Въ сущности, сей добродѣтельный хозяинъ добродѣтельнаго журнала, имѣющаго 400,000 подписчиковъ, струсиль финансовыхъ тузовъ, названныхъ въ статьѣ по имени, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые изъ учредителей, напр., извѣстный Шульце-Деличъ, были друзья его. Только въ 1874 г., послѣ долгой переписки съ авторомъ, въ „Gartenlaube“ начали появляться статьи Глагау. Онѣ произвели общую тревогу, редакція и авторъ были завалены письмами, осаждаемы послѣдствіями; многіе приняли Глагау за биржевика и обращались къ нему за совѣтами о томъ, какія бумаги выгодно покупать и какія сбывать. Учредители и герои биржи употребляли всѣ уси-

лія, чтобы побудить редакцію къ прекращенію печатанія этихъ статей; изъ всѣхъ краевъ Германіи, даже изъ Англии и Америки, получались письма, направленные противъ этихъ статей, которыя будто-бы „носятъ громаднй вредъ одной только публикѣ и усиливаютъ кризисъ“. Одинъ корреспондентъ восклицалъ: „эти статьи стоили публикѣ уже миліоны!“ Такъ-какъ значительная часть учредителей и биржевыхъ дѣльцовъ—евреи, на что Глагау въ особенности напирать, то въ печати и въ обществѣ друзья биржи начали провозглашать его фанатикомъ. жалуюсь на „не-терпимость“, „негуманность, средневѣковые предрасудки, недостойные просвѣщеннаго XIX вѣка, когда міромъ управляютъ свободные мыслители“. Многія газеты, напр., „Шлезвигская Пресса“, не стѣснились открыто выступить противъ Глагау на защиту тѣхъ почтенныхъ мужей, которые искусно и счастливо умѣли посредствомъ смѣлыхъ и ловкихъ операций составить себѣ колоссальное богатство.

Многіе укоряли Глагау за то, что онъ выступилъ съ своими обличеніями слишкомъ поздно, только тогда, когда грабежъ публики уже кончился; но раньше, какъ мы уже видѣли, онъ не имѣлъ никакой возможности напечатать своихъ статей. Дѣло другое—члены парламента, среди которыхъ не нашлось ни одного человѣка, который-бы осмѣлился раскрыть ротъ противъ биржевыхъ мошенничествъ въ періодъ ихъ разгара. Только въ то время, когда кризисъ уже начинался и грабители уже сдѣлали свое дѣло, въ февралѣ 1873 г., на парламентской трибунѣ появился Ласкеръ съ своими „разоблаченіями“ Струсберга и другихъ учредителей. Его рѣчи произвели на публику потрясающее впечатлѣніе, но для учредителей, вслѣдствіе своей запоздалости, онѣ были уже не очень опасны. Когда онъ говорилъ, палата была полна учредителей и биржевиковъ, кричавшихъ *браво* и пожимавшихъ ему руку, когда онъ окончилъ свою рѣчь. Въ добавокъ ко всему, разоблаченія Ласкера были слишкомъ односторонни, будучи направлены противъ нѣсколькихъ желѣзнодорожныхъ учредителей и притомъ *принадлежащихъ исключительно къ консервативной партіи*, между тѣмъ какъ въ партіи Ласкера, даже среди ближайшихъ друзей его, много „героевъ культуры“, которые будутъ, пожалуй, почище Струсберга. Консерваторы не преминули провозгласить Ласкера „коммунистомъ“, „Робеспьеромъ“, „кровожаднымъ агитаторомъ“, между тѣмъ какъ его громоносныя филиппики были направлены въ

пользу либеральной партіи. „Я, говоритъ Глагау, — съ изумленіемъ видѣлъ тотъ неистовый восторгъ, который онѣ возбудили въ печати и въ публикѣ. Я съ изумленіемъ видѣлъ, что во всей палатѣ не нашлось ни одного человѣка, который-бы всталъ и возразилъ оратору: „почему ты говоришь о Струсбергѣ и его товарищахъ только сегодня, когда они уже давно покончили? Почему ты говоришь о такихъ дилетантахъ, какъ тайный совѣтникъ Вагенеръ, князь Путбусъ, принцъ Виронъ и т. д., почему ты ищешь учредителей только между консерваторами? Развѣ ты не знаешь, что крупные, профессиональные учредители принадлежать преимущественно къ твоей собственной партіи, къ національ-либераламъ? Посмотри вокругъ себя, въ твоемъ ближайшемъ сосѣдствѣ, между твоими политическими сотоварищами, сидятъ настоящіе-то учредители и ихъ компаньоны“. Ласкеръ, конечно, чувствовалъ неловкость своей роли въ этомъ отношеніи и общалъ разоблачить также и либеральныхъ учредителей, но въ назначенный для того день спова напалъ на однихъ консервативныхъ, между тѣмъ какъ въ биржевыхъ мошенничествахъ консерваторы и ультрамонтаны принимали сравнительно незначительное участіе. „Ласкеръ, говоритъ Глагау, — живетъ тоже не воздухомъ, а синекюрой, которую онъ имѣетъ въ одномъ кредитномъ учрежденіи. Подобно солнцу, онъ тоже не безъ пятенъ и однимъ изъ такихъ пятенъ является его связь съ Пелькманомъ, который предалъ своего кормильца Вагенера, а теперь сидитъ въ тюрьмѣ за подлогъ“. Ближайшій другъ Ласкера, банкиръ Бамбергеръ — учредитель нѣмецкаго банка и имперскаго банка. Виѣстѣ съ нимъ Ласкеръ ведетъ „Національную Газету“, которая въ настоящее время рѣшительно держитъ сторону биржи. Популярность Ласкера, доставленная ему его обличеніями, поможетъ ему впоследствии добраться до власти. На случай выхода въ отставку Бисмарка у либераловъ составленъ уже списокъ министровъ, преимущественно изъ банкировъ и дѣльцовъ биржи: иностранныхъ дѣлъ — Беннигсенъ, внутреннихъ — Кардовъ, юстиціи — Микель, финансовъ — Бамбергеръ, торговли — Гаммахеръ, почтъ, телеграфовъ и желѣзныхъ дорогъ — Оппенгеймъ, промышленности — Гиршъ, военный — Ласкеръ и т. д. Можно надѣяться, что для Германіи настанетъ настоящая эпоха новѣйшей культуры, когда власть перейдетъ въ руки этихъ дѣльцовъ.

Разоблаченія Ласкера подали поводъ къ парламентскому слѣд-

ствію, но оно не могло привести ни къ какимъ важнымъ результатамъ, невозможнымъ въ странѣ, въ которой даже судъ не избавленъ отъ вліянія героевъ новѣйшей культуры. Случаи судебного преслѣдованія учредителей бывали и въ Пруссіи, но кончались позорно. Такъ, напр., начато было преслѣдованіе противъ учредителей зуденбургской машинной фабрики, стоящей 225,000 и переданной учредителями общества за 800,000. Нѣкоторые изъ обманутыхъ акціонеровъ начали дѣло. Къ услугамъ обвиняемыхъ явилась цѣлая шайка адвокатовъ, въ числѣ которыхъ было тоже много учредителей и биржевыхъ игроковъ, а главный свидѣтель, тайный совѣтникъ Стефанъ, тоже учредитель самаго сомнительнаго свойства. Юстицратъ Карстенъ призналъ требованіе акціонеровъ „вымогательствомъ“. Судъ нашелъ обвиняемыхъ невиновными въ обманѣ, „такъ-какъ нѣтъ обманутаго“, и этотъ наглый оправдательный приговоръ не возбудилъ ни малѣйшаго негодованія во всей нѣмецкой прессѣ! Впрочемъ, что-бы случилось съ Германіей, если-бы суды ея дѣйствовали въ этихъ дѣлахъ съ надлежащею строгостью? „Если-бы они, размышляетъ Глагау, — всегда дѣржались строгости, то что за зрѣлище представилось-бы намъ! На скамьѣ подсудимыхъ, на которой обыкновенно сидятъ преступники бѣдные, мы увидѣли-бы тысячи богатыхъ и знатныхъ учредителей, а въ тюрьмахъ обозначались-бы простыми нумерами и фигурировали-бы въ сѣрыхъ курткахъ сотрудники и издатели газетъ, „политико-экономы“ и члены парламента, тайные совѣтники и превосходительства, дворяне и графы, титулованные биржевики и баронизированные банкиры!.“

Да, —

„Бывали хуже времена,
Но не было подлѣй!..“

„Культурные подвиги“ берлинской биржи проникли во все углы германской имперіи и вездѣ оставили слѣды своей общественной заразы; они занесены и къ намъ разными Струсбергами и его жидовствующей школой. Москва представила намъ недавно первый образчикъ этой культурной обработки чужихъ кармановъ; есть основаніе думать, что за первымъ образцомъ явится другой, третій и т. д., пока не наступитъ полная ликвидація искусственно-вздутаго кредита, съ его финансовымъ канканомъ.

С. Шашковъ.

НАУЧНАЯ ХРОНИКА.

Обиліе конгрессовъ въ нынѣшнемъ году.—Отношеніе къ нимъ публики.—Причины полнаго равнодушія.—Восточный вопросъ.—Обзоръ дѣятельности конгрессовъ по части общественныхъ вопросовъ.—Конгрессъ нѣмецкихъ политико-экономовъ въ Бременѣ.—Международный гигиеническій конгрессъ въ Брюсселѣ.—Девятый статистическій конгрессъ въ Буда-Пештѣ.—Конгрессы французскаго и англійскаго «общества содѣйствія успѣхамъ наукъ» въ Глазговѣ и въ Клермонъ-Ферранѣ.—Католическіе патеры въ качествѣ спасителей общества отъ язвы пролетаріата и ихъ конгрессъ въ Бордо.—Филадельфійская выставка и Германія.

Истекающій годъ не менѣе прошлаго былъ богатъ по части разныхъ научныхъ конгрессовъ, выставокъ и другихъ учено-промышленныхъ торжествъ. Можетъ быть даже, онъ въ этомъ отношеніи и превзошелъ своего предшественника, но, увы! всѣ эти ученые съѣзды и торжества прошли совсѣмъ почти безслѣдно. Публика отвелась къ нимъ болѣе, чѣмъ равнодушно, пресса если и говорила о нихъ, то какъ-то нехотя и мимоходомъ, какъ о такихъ событіяхъ, которыя обыкновенно удостоиваются лишь легкихъ замѣтокъ. Даже гигантская филадельфійская выставка, собиравшаяся удивить міръ великолѣпіемъ своего этажа, — даже она не вызвала въ Старомъ Свѣтѣ того интереса, на который она, повидимому, имѣла полное право рассчитывать. Это странное равнодушіе, чтобъ не сказать пренебреженіе публики къ тому, что она сама называетъ „высшими интересами своей цивилизаціи“, — это равнодушіе объясняется политическими событіями на Балканскомъ полуостровѣ, приковавшими къ себѣ, по выраженію російскихъ публицистовъ, взоры всей Европы. Отчасти это, конечно, справедливо. Еще-бы! Кому охота слѣдить за невинною болтовнею раз-

ныхъ скромныхъ идеологовъ, смиренныхъ въздѣлывателей никому кромѣ ихъ самихъ ненужнаго „вертограда науки“, когда пушки, настоящія круповскія пушки, потребовали себѣ право голоса, когда передъ глазами льется живая человѣческая кровь, когда въ ухахъ раздаются трескъ барабановъ, побѣдныхъ трубъ и литавръ, напрасно старающихся заглушить дивіе, отчаянные стоны миліоновъ жертвъ... Кому теперь можетъ быть интересно слѣдить за научнымъ разрѣшеніемъ такихъ, въ сущности, мизерныхъ вопросовъ, какъ вопросъ о рабочихъ жилищахъ, о гигиенической обстановкѣ школы, о средствахъ предупрежденія несчастныхъ случаевъ въ каменноугольныхъ копяхъ, о холерѣ и разныхъ эпидеміяхъ, посѣщающихъ насъ чуть не каждый годъ, о наилучшемъ устройствѣ больницъ, о санитарныхъ условіяхъ городскихъ населеній и т. п., — кому могутъ быть интересны эти и подобные имъ вопросы, когда передъ нашими глазами рѣшается вопросъ о политическомъ равновѣсіи, о территоріальныхъ границахъ, вопросъ о картѣ Европы! И что намъ за дѣло до всѣхъ этихъ юныхъ и престарѣлыхъ жрецовъ „науки“, до всѣхъ этихъ „отерпѣй и изобрѣтѣй“ человѣческаго ума“, когда мы видимъ и чувствуемъ, что они „последняя спица въ колесницѣ“, что они не играютъ въ нашей жизни никакой существенной роли, что вся наша судьба, какъ и ихъ собственная, заключается въ рукахъ людей, неимѣющихъ съ ними рѣшительно ничего общаго? Вы скажете, пожалуй, что вѣдь это всегда такъ было, что все это мы всегда видѣли и всегда чувствовали... О, да, конечно, но никогда это не видится и не чувствуется съ такою поразительною, съ такою, если хотите, обидною для насъ очевидностью, какъ въ моментъ, подобный тому, который переживаетъ теперь Европа. Въ такой моментъ на самыхъ даже законрѣлыхъ либераловъ, на тѣхъ, которые въ мирное и обыкновенное время не падаютъ достаточно словъ для превознесенія „великихъ завоеваній“ цивилизаціи по части смягченія нравовъ, преуспѣянія гуманитарныхъ знаній и т. п., — даже на нихъ, добродушныхъ оптимистовъ, находятъ какое-то внезапное просвѣтленіе, и они мгновенно убѣждаются, что всѣ эти завоеванія и мѣднаго гроша не стоятъ, что дѣйствительная сила совсѣмъ не въ нихъ. Просвѣтленные подобнымъ убѣжденіемъ, они доходятъ до того, что начинаютъ даже зашарить свои вчерашніе кумиры и съ рабскимъ смиреніемъ колѣнопреклоняются передъ тою грубою

сялю, о которой вчера еще они говорили съ такимъ высоко-мѣрнымъ презрѣніемъ. Недавно одинъ „Русскій“, бывшій, вѣроятно, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ большимъ поклонникомъ „цивилизации“, открыто заявилъ въ одной петербургской газеткѣ, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ тоже предъявлявшей претензіи на служеніе „великому дѣлу“ цивилизації, — заявилъ, что гуман-ныя идеи и понятія цивилизованныхъ людей хороши только „на бумагѣ“, въ области литературной болтовни; въ области-же практической жизни они никогда не могутъ и не должны быть при-мѣняемы. Въ области суровой дѣйствительности, особенно когда имѣешь дѣло съ „необразованнымъ мужикомъ“, безъ кулака и зу-ботычины ничего нельзя сдѣлать; а потому, чѣмъ больше „обра-зованный“ человѣкъ дорожитъ дѣломъ, тѣмъ съ большимъ усер-діемъ долженъ онъ обивать свои кулаки о спины и щеки „лю-дей необразованныхъ“.

Другой, тоже русскій, тоже человѣкъ, повидимому, очень обра-зованный и сотрудникъ той-же, вчера еще баловавшей своимъ ли-берализмомъ газетки, пошелъ еще далѣе. Онъ уже безъ дальнихъ околичностей сталъ доказывать, что морской разбой (а слѣдова-тельно и всякій) вещь не только не предосудительная, но, напро-тивъ, въ высшей степени похвальная, общепользная и въ прак-тической жизни совершенно необходимая, и что поэтому слѣдуетъ ходатайствовать передъ правительствомъ объ отиѣнѣ деклараціи 1856 года и о дозволеніи россійскимъ гражданамъ безпрепят-ственно заниматься пиратствомъ! Это доказывалось въ обществѣ „содѣйствія русской промышленности и торговли“, (или, говоря точ-нѣе, бездѣйствія), т. е. среди людей, болѣе или менѣе вкусившихъ отъ плодовъ цивилизації, дорожащихъ ими и считающихъ себя якобы ея „піонерами“. Однакожъ, эти піонеры, несмотря на всю свою любовь къ цивилизації и на совершенно мирный и безобидный характеръ своей обычной дѣятельности, слушали оратора-пирата съ видимымъ удовольствіемъ, много разъ поощряли его аплодисментами (впро-чемъ, кому теперь у насъ не рукоплещуть, даже г. Петру Боба-рыкину — и тому рукоплещуть) и въ-концѣ-концовъ нѣкоторые изъ нихъ выразили желаніе немедленно записаться въ число мор-скихъ пиратовъ. Еще слава-богу, что *морскихъ*, а то сухопут-ныхъ, занимающихся наѣздами на чужіе карманы, и безъ того ужъ слишкомъ много, если даже не считать г. Баймакова съ К^о.

Вотъ вамъ и завоеванія цивилизаціи! Вотъ вамъ сочные плоды и благоуханные цвѣтки изъ вертограда мирнаго прогресса! Ну, скажите, стоитъ-ли послѣ этого заниматься его воздѣльвателями, разными идеологами, мечтающими о какомъ-то „научномъ рѣшеніи“ жизненныхъ вопросовъ, сочиняющими какія-то идеи, выдумывающими какія-то теоріи, тогда какъ жизнь, практика знать ничего не хотятъ объ идеяхъ и теоріяхъ, а требуютъ кулака и зуботычины!

Понятно-ли теперь, почему „публика“, всегда плывущая по теченію, и ея угодливая прислужница — пресса, не считала нужнымъ въ нынѣшнемъ году интересоваться гг. учеными и ихъ конгрессами? И гг. ученые едва-ли могутъ быть на это въ претензіи: въ глубинѣ своей души они сами, вѣроятно, вполне сознаютъ, что за ними не стоитъ никакой реальной силы и что всѣ ихъ пренія и разсужденія сводятся въ громадномъ большинствѣ случаевъ къ праздному переливанію изъ пустого въ порожнее. Въ особенности это справедливо по отношенію къ конгрессамъ текущаго года... Впрочемъ, пусть читатель судить самъ: мы представимъ ему хотя и краткій, но вполне безпристрастный отчетъ о ихъ дѣятельности. Разумѣется, мы будемъ останавливаться лишь на такого рода ученыхъ преніяхъ и трудахъ, пониманіе и даже оцѣнка которыхъ не требуютъ никакого спеціального образованія, т. е. на преніяхъ и трудахъ, касающихся преимущественно вопросовъ, имѣющихъ болѣе или менѣе общественное значеніе, входящихъ въ область такъ-называемыхъ „общественныхъ наукъ“.

Сентябрь — предвѣстникъ осени — изобилуетъ желтыми листьями, дождями и конгрессами. Послѣ удушливыхъ, лѣтнихъ жаровъ жрецы науки чувствуютъ, очевидно, потребность освѣжиться и омыться отъ лѣтней пыли въ живительной водицѣ своихъ ученыхъ словозверженій.

Въ нынѣшнемъ году въ сентябрѣ было три ученыхъ сѣзда, одинъ національный и два междунаrodnыхъ.

Національный — это былъ конгрессъ нѣмецкихъ политико-экономовъ въ Бременѣ. Извѣстно, что нѣмецкіе политико-экономы, какъ и вообще нѣмецкіе ученые, изъ всѣхъ ученыхъ всего болѣе нуждаются въ періодическомъ провѣтриваніи своихъ много-

думныхъ головъ. Поэтому они вотъ уже 17 лѣтъ ежегодно, и почти всегда въ сентябрѣ мѣсяцѣ, съѣзжаются въ какой-нибудь промышленно-торговый городокъ своего обширнаго отечества и словопренираательствуютъ тамъ втеченіи 3—4 дней о всякаго рода вопросахъ, интересующихъ въ данный моментъ торгово-промышленный міръ. Въ нынѣшнемъ году такими вопросами были: вопросъ о торговомъ тарифѣ и о желѣзныхъ дорогахъ. Извѣстно, что Бисмаркъ, разоривъ Германію прусскою солдатчиною, прусскимъ бюрократизмомъ и французскими миллиардами, думаетъ поправить дѣло и снова поднять нѣмецкую торговлю и промышленность (такъ ужасно опозорившуюся на филладельфійской выставкѣ) на прежнюю высоту, при помощи системы протекціонизма. Въ послѣднюю сессію рейхстага онъ внесъ новый торговый законъ, составленный именно въ этомъ смыслѣ. Законъ этотъ еще не прошелъ окончательно, но Бисмаркъ съ Капгауеномъ заявили самымъ категорическимъ образомъ, что въ этомъ вопросѣ они не сдѣлаютъ никакихъ существенныхъ уступокъ и не отступать ни на волосъ отъ своей мудрой протекціонистской политики. По всей вѣроятности, законъ, претерпѣвъ нѣкоторыя неважныя видоизмѣненія, въ-концѣ-концовъ все-таки пройдетъ и либераль-экономисты останутся съ носомъ, что, впрочемъ, ни мало не помѣшаетъ имъ по всѣмъ другимъ вопросамъ поддерживать политику своего достолюбезнаго желѣзнаго графа.

Но пока законъ еще не прошелъ, пока еще каждый обыватель имѣетъ право безпрепятственно и безнаказанно высказывать о немъ свое мнѣніе, либераль-эманжисты-практики (т. е. тѣ фабриканты и купцы, для которыхъ повышеніе пошлинъ или даже удержаніе старыхъ не обѣщаетъ никакихъ выгодъ, какъ, напр., бременскіе фабриканты) и либераль-эманжисты-теоретики (т. е. прихвостники и вскормленники первыхъ) ведутъ противъ него сильную и ожесточенную агитацію.

Но бременскій конгрессъ, хотя онъ и состоялся еще до представленія закона въ рейхстагъ, хотя онъ и прикрывался, по обыкновенію, „вышними интересами науки“, безкорыстнымъ служеніемъ истинѣ и т. п., на него все-таки можно смотрѣть только какъ на одно изъ средствъ этой агитаціи. Другого значенія онъ не имѣетъ; велико-ли было его агитаціонное значеніе, это покажетъ будущее; но, во всякомъ случаѣ, либераль-эманжисты-

практики распорядились довольно ловко. Нужно замѣтить, что большинство крупных фабрикантовъ, особенно въ сѣверной Германіи, отчаянные протекціонисты, душою и тѣломъ преданные торговой политикѣ своего графа. Напротивъ, всѣ 60 фабрикантовъ Бремена — либераль-эпанжисты. Вотъ почему рѣшено было мѣстомъ конгресса назначить именно Бременъ. Однако, и въ Бременѣ протекціонистовъ наѣхало столько, что большинство, повидимому, должно было остаться на ихъ сторонѣ. На 60 практиковъ либераль-эпанжистовъ приходилось 100 практиковъ-протекціонистовъ.

Чтобы уравновѣсить силы, бременцы постарались созвать со всѣхъ концовъ Германіи какъ можно больше „людей науки“, т. е. такихъ „родныхъ человѣчковъ“, въ преданности которыхъ своимъ интересамъ они были заранѣе убѣждены. При той массѣ политико-экономовъ и всякаго рода ученыхъ, которая существуетъ въ Германіи, сдѣлать это было не особенно трудно. Заручившись ихъ довольно дешево стоящимъ краснорѣчіемъ, уснащеннымъ всевозможными учеными цитатами изъ Смита, Сея, Бастиа, Рикардо и даже изъ Гомера они пустили на голоса близкіе ихъ сердцу вопросы: о необходимости возобновленія торговыхъ трактатовъ и объ уничтоженіи пошлинъ на ввозимое жельзо. Большинство, по меньшей мѣрѣ, въ 30 голосовъ, рѣшило оба вопроса въ ихъ пользу, т. е. признало необходимость и возобновленія, и уничтоженія. Не довольствуясь этою побѣдою, они подвели подъ протекціонистовъ и другую мину. Протекціонисты, какъ извѣстно, имѣютъ обыкновеніе всегда прятаться за спины рабочихъ, интересы которыхъ, по ихъ мнѣнію, должны существенно страдать отъ всякаго уменьшенія пошлинъ на ввозимые товары. Уменьшаются пошлины, разсуждаютъ они, — увеличивается ввозъ заграничныхъ продуктовъ, — продуктовъ болѣе совершенной, болѣе развитой промышленности, съ которыми мѣстная, туземная промышленность, какъ менѣе совершенная и менѣе развитая, не въ состояніи конкурировать, — туземные фабриканты разоряются, закрываютъ свои фабрики, и рабочіе остаются безъ занятій, имъ ничего болѣе не остается, какъ просить милостыню или умирать съ голода. Итакъ, заключаютъ они со слезами на глазахъ, если вамъ дорого благо рабочихъ, возвышайте, возвышайте какъ можно больше пошлины на ввозимые фабрикаты и усиливайте,

не жалѣя средствъ, таможенную стражу для предупрежденія контрабанды. Кроме того у этихъ допотопныхъ практиковъ есть и другая, патріотическая точка зрѣнія, казенное клеймо которой намъ извѣстно еще со временъ средневѣковыхъ роготокъ. Съ повышеніемъ пошлинъ, по ихъ мнѣнію, процвѣтутъ и такія отрасли національной промышленности, которыя находятся въ совершенномъ запускѣ. Если, напр., житель Франкфурта предпочиталъ французское вино северному нѣмецкому пиву, то съ запрещеніемъ ввоза вина пиво непременно улучшится и сдѣлается для патріота-нѣмца вкуснѣе самаго лучшаго винограднаго вина.

Либераль-эманжисты, считающіе себя за великихъ либераловъ и, въ качествѣ либераловъ, желающіе во что-бы то ни стало прослыть за искренихъ и неподкупныхъ друзей рабочаго, постоянно увѣряющіе послѣднихъ въ полной солидарности своихъ интересовъ съ ихъ интересами, — либераль-эманжисты не могли, разумѣется, допустить, чтобы ихъ враги протекціонисты безнаказанно величали себя народными благодѣтелями; они рѣшились изобличить ихъ лицемеріе и напускной пафосъ. Съ этою цѣлью они поручили одному изъ своихъ, многоученому доктору Вейгерту, войти въ сношеніе съ обществами нѣмецкихъ рабочихъ (тѣми, разумѣется, которыя прямо или косвенно находятся подъ патронатомъ либеральныхъ фабрикантовъ) и добиться отъ нихъ торжественнаго отреченія отъ всякой солидарности съ ихъ мнимыми благодѣтелями — протекціонистами. Рабочія общества не заставили себя долго просить и прислали на бременскій конгрессъ затребованное отъ нихъ отреченіе. Либераль-эманжисты ликовали. Протекціонисты закусили губы отъ досады и со стыдомъ удалились. Конечно, стыдъ этотъ скоро пройдетъ и въ концѣ-концовъ побѣда, по всей вѣроятности, все-таки останется за ними. У нихъ есть союзники посильнѣе какихъ-нибудь „либеральныхъ ученыхъ“, а на мнѣніе обществъ нѣмецкихъ рабочихъ имъ плевать. Ихъ руку держать самъ графъ, въ ихъ рядахъ стоитъ его превосходительство господинъ министръ Канигаузенъ. Чего-же имъ смущаться? Немудрено, что многіе изъ нихъ, какъ говорятъ, выходя изъ залы совѣщаній конгресса, имѣли весьма самоувѣренный видъ и чуть слышно напѣвали себѣ подъ носъ: *riga bien, qui riga le dernier.*

Но все-таки, на бременскомъ конгресѣ либераль-эмансиписты побѣдили. И это была не единственная ихъ побѣда.

Поразивъ бисмарковскую политику въ лицѣ представителей протекціонизма, они, т. е. собственно либераль-экономисты, нанесли ей и другой не малый афронть—по вопросу о централизаціи управленія желѣзныхъ дорогъ въ рукахъ имперскаго правительства. Создавъ единый имперскій центральный банкъ, Бисмаркъ задумалъ, для вѣщаго объединенія Германіи, превратить всѣ существующіе въ ней желѣзные пути сообщенія въ имперскіе и подчинить ихъ наблюденію своего всевидящаго и никогда недремлющаго ока. Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ грандіозный планъ онъ непременно осуществитъ рано или поздно, и осуществитъ его не иначе, какъ съ полнаго согласія и одобренія прогресивцовъ и либеральныхъ экономистовъ. Но въ настоящее время средства для его осуществленія недостаточно еще, повиднмому, соображены и обдуманы, законопроектъ еще не окончательно выработанъ и вообще, какъ говорится, вопросъ этотъ еще не созрѣлъ; поэтому ученымъ, публицистамъ и лавочникамъ предоставляется снова полная свобода высказывать о немъ всякія мнѣнія и за, и противъ. Либералы, разумѣется, воспользовались этимъ и не преминули на бременскомъ конгресѣ безнаказанно пощеголять истинами своей „науки“.

Опираясь на эти истины и ослѣпляя глаза профановъ, они торжественно заявили, что бисмарковскій проектъ... „не вполне удобенъ“, что онъ „шокируетъ многіе интересы“ и вообще „можетъ повести къ довольно вреднымъ послѣдствіямъ“. Все это, впрочемъ, высказано было въ очень условной формѣ, и, въ заключеніе, ораторы (за проектъ никто не говорилъ) выразили ту мысль, что „въ настоящее время, за неизбѣннѣемъ всѣхъ необходимыхъ данныхъ для всесторонняго и вполне научнаго рѣшенія вопроса о централизаціи и имперіализаціи желѣзныхъ дорогъ, окончательное его рѣшеніе было-бы преждевременно“. Вопросъ, такимъ образомъ, остался открытымъ... открытымъ до того момента, пока, наконецъ, его не закроетъ желѣзная рука графа.

По всей вѣроятности, съ либеральными учеными и па этотъ разъ случится то-же, что уже съ ними случилось однажды, по вопросу объ имперскомъ банкѣ. Когда впервые былъ поднятъ этотъ вопросъ, политико-экономы, съ „точки зрѣнія неизбѣмыхъ

истинъ своей науки“, рѣшили его въ либеральномъ, анти-бисмарковскомъ вкусѣ. Черезъ два же года, когда теоретическое предположеніе подъ рукою графа обратилось въ практической законопроектъ, тѣ же экономисты, на основаніи тѣхъ-же „незыблемыхъ истинъ науки“, перерѣшили его въ совершенно обратномъ смыслѣ — въ смыслѣ, разумѣется, вполне угодномъ Бисмарку *).

Что же будетъ удивительнаго, если черезъ годъ или два бременскіе либералы съ негодованіемъ отрекутся отъ своихъ нынѣшнихъ взглядовъ на имперіализацію желѣзныхъ дорогъ и торжественно заявятъ, что ихъ наука не только ничего противъ нея не имѣетъ, но даже самымъ настоятельнымъ образомъ ея требуетъ? И это возможно!

О, великіе, неподкупные вѣмецкіе ученые! какъ должно быть удобно и легко управлять страной, славу и украшеніе которой вы составляете!

Почти одновременно (тоже въ послѣднихъ числахъ сентября) съ конгрессомъ вѣмецкихъ политико-экономовъ въ Бременѣ собрался международный конгрессъ въ Брюсселѣ — по вопросамъ „общественной гигиены, соціальной экономіи, предупрежденія и спасенія отъ всякаго рода несчастныхъ случаевъ“. На конгрессъ съѣхалось болѣе 1,500 членовъ (говорятъ, что съѣхалось и больше, но многіе уѣхали назадъ, благодаря нераспорядительности членовъ организаціонной комисіи); открытъ онъ былъ съ необыкновенною торжественностью въ присутствіи самого короля. Затѣмъ, по обыкновенію, полились цѣлыя рѣки вступительныхъ, такъ сказать, увертюрныхъ рѣчей. Вервоортъ (Vervoort), предсѣдатель исполнительнаго комитета, бывший президентъ палаты депутатовъ, съ такимъ пафосомъ расписалъ цѣли и задачи конгресса, что, слушая его, можно было подуматъ, будто и взаправду отъ того или другого рѣшенія вопросовъ, подлежащихъ его обсужденію, будутъ зависѣть судьбы человѣчества и будто

*) Объ этомъ фактѣ мы уже говорили въ одной изъ предъидущихъ хроникъ, когда шла рѣчь о конгрессахъ 1874 года; въ этомъ именно году и было постановлено послѣднее рѣшеніе относительно имперскаго банка на конгрессѣ политико-экономовъ въ Грэфелдѣ.

ученныя словоизверженія почтенныхъ собесѣдниковъ академическаго дворца *) могутъ оказать существенное вліяніе на „нравственное и матеріальное благосостояніе людей“.

Слѣдующая за этимъ рѣчь секретаря конгресса, Куврѣра, была уже гораздо скромнѣе. Куврѣръ заявилъ, между прочимъ, что въ силу королевскихъ полномочій, исполнительный комитетъ взялъ на себя инициативу устройства конгресса лишь подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы конгрессъ не имѣлъ никакого рѣшающаго значенія. Онъ можетъ лишь дебатировать вопросы, подлежащіе его обсужденію, высказывать по поводу ихъ свои мнѣнія, но приходитъ къ какому-нибудь окончательному заключенію — это не его дѣло; это дѣло законодателя; „скромные“ ученые должны только почтительнѣйше предъявлять ему свои еще боѣе скромныя мнѣнія, вполнѣ увѣренныя, что высшая юридическая мудрость сдѣлаетъ изъ нихъ надлежащій выборъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что такой трезвый взглядъ на роль и значеніе ученыхъ словоизмѣній дѣлаетъ большую честь смиренномудрiю достопочтенныхъ членовъ исполнительной комисіи. Но бѣда только въ томъ, что благодаря ея подобострастному рѣшенію, высшая мудрость законодателя подвергалась весьма тяжелому искусу: что она выберетъ, на чемъ остановится, кому отдастъ предпочтеніе? По каждому вопросу оказалось такое обиліе равносильныхъ противорѣчій, что въ умѣ невольно рождается сомнѣніе не только относительно качества учености ученыхъ, но и относительно ихъ искренности и правдивости. Протоколы конгресса — это, по-истинѣ, чистый кладъ для редакторовъ и сотрудниковъ нашихъ большихъ и малыхъ газетъ и газетокъ. Въ нихъ (т. е. въ протоколахъ) они найдутъ неистощимый матеріаль для своихъ „передовиковъ“, въ которыхъ они, по обыкновенію, съ одной стороны, всегда соглашаются съ однимъ, а съ другой — всегда признаютъ другое, совершенно противоположное первому.

Чтобы, чего добраго, насъ не заподозрили въ пристрастіи и голословности, мы пересмотримъ здѣсь, въ общихъ, конечно, чертахъ, мнѣнія, высказанныя на конгрессѣ, по всѣмъ сколько-нибудь существеннымъ и интереснымъ вопросамъ.

*) Конгрессъ засѣдалъ въ парадной залѣ академическаго дворца — Palais des Academies.

Начнемъ по порядку съ первой секціи — секціи общей гигиѣны *). Первымъ вопросомъ, подлежащимъ обсужденію секціи, былъ вопросъ о родильныхъ домахъ и госпиталяхъ.

По мнѣнію Делюка, родильницамъ слѣдуетъ оказывать помощь на дому; родильные-же дома, съ гигиенической точки зрѣнія, вполне несостоятельны и приносятъ гораздо больше вреда, чѣмъ пользы. Нашъ соотечественникъ, баронъ докторъ Майдель, утверждаетъ то-же самое. Петербургскіе родильные дома вполне доказываютъ, по его словамъ, что какъ-бы ни былъ хорошо устроенъ родильный домъ, смертности въ немъ всегда будетъ больше, чѣмъ внѣ его, и чѣмъ обширнѣе первый, тѣмъ значительнѣе послѣдняя. Самыми счастливыми родами бывають обыкновенно тѣ роды, которые совершаются на улицѣ, безъ всякой посторонней помощи (?).

Такимъ образомъ, изъ словъ нашего многоученнаго и заслуженнаго эскулапа выходитъ, что чѣмъ меньше помощи будетъ оказываться родильницамъ, тѣмъ лучше будетъ и для нихъ, и для общества. Родильницы рѣже станутъ умирать и легче рожать, общество сэкономитъ нѣсколько сотъ тысячъ рублей, неизвѣстительно затрачиваемыхъ теперь на содержаніе родильныхъ домовъ.

Докторъ Вевербергъ подтверждаетъ мнѣнія своихъ собратій относительно высокой смертности въ родильныхъ домахъ; онъ приводитъ нѣсколько примѣровъ, доказывающихъ, что операція цезарскаго сѣченія, кончавшаяся иногда весьма благополучно въ деревняхъ, въ родильномъ домѣ всегда имѣла смертельный исходъ.

Но противъ Веверберга, Майделя и Делюка выступаютъ докторъ Жерно и Гунтеръ. Они являются рѣшительными защитниками родильныхъ домовъ. Смертность въ нихъ, по ихъ словамъ, несравненно меньше, чѣмъ внѣ ихъ; родильная горячка совсемъ не составляетъ ихъ необходимой принадлежности (какъ утверждали ихъ оппоненты); она всегда заносится извнѣ. Вообще

*) Всѣхъ секцій было пять, а именно: 1) секція общей гигиѣны; 2) медицинской гигиѣны; 3) предупрежденія и вспоможенія при несчастныхъ случаяхъ (section des sauvetages); 4) оказанія помощи во-время войны; 5) социальной экономіи.

роды тамъ гораздо счастливѣе, чѣмъ, напр., у частныхъ акушеровъ. Что-же касается статистическихъ цифръ, приводимыхъ противъ родильнаго дома, то имъ, утверждаетъ Жерно, можно противопоставить массу другихъ цифръ, столь-же достовѣрныхъ и говорящихъ, однако, въ его пользу. „Нѣтъ, восклицаетъ онъ, — эти благодѣтельныя учрежденія (родильные дома) должны быть удержаны, удержаны ради интересовъ общества, просвѣщенія и нравственности!“

Вотъ и пусть тутъ законодатель рѣшаетъ, что лучше! Кому вѣрить, кого слушать? Жерно человекъ не безъ заслугъ, да и говорить онъ гораздо лучше нашего барона. Делюкъ — европейская извѣстность, это вѣрно; но вѣдь и Гунтеръ имѣетъ претензіи быть небезъизвѣстнымъ. А сила доводовъ, вѣскость приводимыхъ фактовъ? Дѣ, вотъ въ томъ-то и штука, что и сила доводовъ, и вѣскость фактовъ у тѣхъ и у другихъ совершенно одинаковаго достоинства.

По вопросу о госпиталяхъ та-же путаница и тѣ-же противорѣчія. Докторъ Эдвинъ Чадвигъ (Chadwich) отрицаетъ госпитали съ такою-же рѣшительностью, съ какою Майдель отрицалъ родильные дома. Въ госпиталяхъ, по его мнѣнію, смертность гораздо выше, чѣмъ въ городѣ, и чѣмъ обширнѣе госпиталь, тѣмъ смертоубійственнѣе его значеніе. Напротивъ, Майдель (если не ошибаемся, онъ главный докторъ Обуховской больницы) является на этотъ разъ пламеннымъ защитникомъ большихъ больницъ. По его словамъ, смертность въ нихъ несравненно слабѣе средней городской смертности; но въ подтвержденіе своего мнѣнія онъ уже теперь не цитируетъ петербургскихъ больницъ; онъ предпочитаетъ болѣе удобнымъ искать доказательствъ за-границею, но и за-границею онъ можетъ сослаться лишь на примѣръ большого Миланскаго госпиталя, вмѣщающаго въ себѣ, среднимъ числомъ, 2,400 больныхъ и отличающагося вообще довольно слабою смертностью.

Насчетъ устройства больничныхъ палатъ и расположенія кроватей ученые эскулапы точно также ни въ чемъ не могутъ согласиться. По мнѣнію однихъ, палаты должны имѣть прямоугольную, удлиненную форму, по мнѣнію другихъ — квадратную; одни утверждаютъ, что между кроватями пужно оставлять значительное свободное пространство, другіе (и въ числѣ этихъ другихъ опять

нашъ соотечественникъ, Майдель), напротивъ, что этого со-
всѣмъ не нужно и что близость кроватей въ гигиеническомъ отно-
шеніи ничего дурного не представляетъ. Одни хотятъ палаты вы-
сокихъ, но узкихъ, другіе предпочитаютъ широту—высотѣ, и
т. д., и т. д.

Однако, все это, конечно, мелочи и детали, на которыхъ не
стоитъ останавливаться. Авось, судьба спасетъ насъ и отъ госпи-
талей, и отъ родильныхъ домовъ, и отъ почтенныхъ вѣскуповъ.
Но вотъ ужъ отъ чего она насъ никакимъ образомъ не мо-
жетъ спасти—это отъ употребленія воды; всѣ мы, отъ мала до
велика, вливаемъ въ себя ежедневно значительное количество этого
напитка, и потому всѣ мы одинаково заинтересованы въ вопросѣ
о его качествѣ, количествѣ и правильномъ распредѣленіи. Не-
мудрено, что и „мужи науки“ (такіе страстные охотники до вся-
каго рода водицы) не могли не обратить на него своего высо-
каго вниманія. Они *прели* о немъ втеченіи цѣлыхъ четырехъ за-
сѣданій, но увы! въ концѣ четвертаго засѣданія вопросъ ока-
зался еще болѣе запутаннымъ, чѣмъ въ началѣ. И вопросъ-то, по-
видимому, не особенно головоломный—какую воду слѣдуетъ счи-
тать здоровой? — а вотъ не угодно-ли посмотрѣть, къ какимъ
діаметрально-противоположнымъ рѣшеніямъ приходятъ относитель-
но его почтенные идеологи.

По мнѣнію Жерардена, здоровою водою нужно признавать та-
кую воду, которая даетъ возможность развиваться въ своей средѣ
органической жизни; и чѣмъ шире, чѣмъ свободнѣе развивается
последняя, чѣмъ болѣе высокою организаціею отличаются водные
обитатели, тѣмъ вода будетъ лучше. Присутствіе или отсутствіе
въ водѣ минеральныхъ солей не имѣетъ никакого существеннаго
вліянія на ея качество. Она портится лишь отъ введенія въ нее
такихъ органическихъ веществъ, которыя губельно дѣйствуютъ
на жизнь населяющихъ ее организмовъ. Поэтому очищеніе воды,
процѣживаніе ея сквозь мягкій камень и т. п. — не очищаетъ
воду, какъ это обыкновенно думаютъ, а, напротивъ, портитъ ее,
дѣлаетъ ее негодною для употребленія. Фильтровальная машина
убиваетъ водныхъ инфузорій, ихъ разлагающіеся трупы осѣдаютъ
въ ней и заражаютъ проходящую черезъ нее воду.

Единственнымъ мѣриломъ доброкачественности воды служить,
съ этой точки зрѣнія, количество находящагося въ ней кисло-

рода, а такъ-какъ степень насыщенности воды кислородомъ можетъ быть удостовѣрена лишь химическимъ анализомъ, то послѣдній и является единственно надежнымъ и цѣлесообразнымъ средствомъ для опредѣленія ея качества.

Берже и отчасти Милье, Циммеръ присоединяются къ мнѣнiю Жерардена. Докторъ Веринь, напротивъ, находитъ его невыдерживающимъ критики. Если-бы, говоритъ онъ, — достоинство воды зависѣло отъ большаго или меньшаго присутствiя въ ней кислорода воздуха, то нужно было-бы признать, что воды артезианскихъ колодезъ совершенно негодны къ употребленiю. Но подобное заключенiе находится въ рѣзкомъ противорѣчiи съ повседневымъ опытомъ. По мнѣнiю другого оратора, Мого, одинъ химическiй анализъ совершенно недостаточенъ для опредѣленiя качества воды. Медицинскiй анализъ несравненно важнѣе; два сорта воды, говоритъ онъ, — одинаково чистые съ точки зрѣнiя химическаго анализа, оказываютъ совершенно различное влiянiе на человѣческiй организмъ: одну онъ употребляетъ безъ всякаго вреда для здоровья, другая-же развиваетъ въ немъ болѣзнь зоба и кретинизмъ. Докторъ Лоседа точно также отдаетъ предпочтенiе медицинскому анализу передъ химическимъ; однако, онъ не согласенъ съ Мого, что будто одна вода можетъ быть причиною зоба и кретинизма.

Чадвигъ, согласно съ мнѣнiемъ Жерардена, признаетъ негодною къ употребленiю фильтрованную воду и воду цистернъ. Напротивъ, Вандерстраденъ и Милье высказываются самымъ рѣшительнымъ образомъ за фильтръ и за цистерну.

Кто-же правъ—суди ихъ Богъ!

Такiя-же разногласiя и по вопросу о количествѣ воды, необходимомъ для ежедневнаго потребленiя. Обыкновенно полагаютъ — и это мнѣнiе находитъ на конгрессѣ своихъ партизановъ, — что на cadaго человѣка необходимо въ день 200. литровъ, а докторъ Вандашрикъ находитъ, что за глаза довольно и 20 литровъ. Въ доброе старое время, говоритъ онъ, — на cadaго жителя приходилось не болѣе 20 литровъ; воду эту брали изъ земли и, однакъ, эпидемiи были тогда и менѣе многочисленны, и менѣе убiйственны, чѣмъ въ наши дни.

Частныя пренiя секции заключились общими пренiями, въ соединенномъ присутствiи всѣхъ 5-ти секций, по запросу объ ути-

лизированіи городскихъ нечистотъ. Здѣсь опять высказались два противоположныхъ мнѣнія, и каждое мнѣніе съ одинаковымъ апломбомъ ссылалось на факты, на опытъ, и каждое поддѣрплялось теоретическими соображеніями одинаковаго достоинства.

Докладчикъ Денеръ высказался въ пользу отведенія нечистотъ при помощи сточныхъ трубъ (égout) къ ближайшимъ полямъ съ цѣлью орошенія послѣднихъ. Миль изъ Парижа подробно разъясняетъ собранію, какимъ образомъ воды парижскихъ сточныхъ каналовъ были утилизированы для орошенія полей полуострова Женевилье. По его словамъ, подобная система ирригаціи приводитъ къ блистательнымъ результатамъ; въ подтвержденіе своего мнѣнія онъ ссылается на великолѣпные образчики овощей, зелени и плодовъ, возвращенныхъ на женевильской почвѣ и представленныхъ въ бюро конгресса *).

Чадвигъ утверждаетъ, что и въ Англии орошеніе полей водами сточныхъ трубъ вездѣ содѣйствуетъ развитію роскошной растительности. Онъ въ особенности ссылается на примѣръ Эдинбурга, гдѣ эта система практикуется уже 15 лѣтъ и до сихъ поръ не оказываетъ никакого вреднаго вліянія ни на растительность, ни на здоровье жителей. Итальянецъ Торели еще съ большимъ апломбомъ указываетъ на Миланъ, окрестности котораго вотъ уже пять вѣковъ безъ малѣйшаго неудобства орошаются сточными трубами. Варентрапцъ подтверждаетъ то-же самое относительно Лозанны.

Женевилье, Эдинбургъ, Миланъ, Лозанна—все это, какъ видите, аргументы довольно вѣскіе. Но, увы, они нисколько не убѣждаютъ скептиковъ. Миль лукаво спрашиваетъ Миль: „какъ онъ думаетъ: чрезмѣрное насыщеніе полей водами сточныхъ трубъ не можетъ-ли оказать въ будущемъ крайне вредное вліяніе на здоровье народонаселенія?“ — „Будущее отвѣтитъ на этотъ вопросъ!“ уклончиво замѣчаетъ Миль. — „Позвольте, однако, продолжать скептикъ,—почему-же, несмотря на всѣ удивительныя выгоды защищаемой вами системы орошенія, значительная часть женевильскихъ хлѣбопашцевъ до сихъ поръ еще колеблется примѣнить ее, до сихъ поръ относится къ ней съ такимъ нескры-

*) Впрочемъ, слѣдуетъ при этомъ замѣтить, что хотя на видъ плоды и были весьма соблазнительны и по своимъ размѣрамъ не оставляли желать ничего лучшаго, однако, вкусъ они имѣли преотвратительный и членамъ конгресса не удалось ими полакомиться.

ваемымъ недоувѣрjemъ? Правда-ли, спрашиваетъ онъ далѣе, — что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ эта система практикуется, по крайней мѣрѣ, втеченіи нѣсколькихъ лѣтъ, скотъ отказывается принимать пишу мѣстнаго произращенія? Наконецъ, возможно-ли допустить, чтобы пары, въ изобиліи отдѣляющіеся отъ пресыщенной водою почвы, не сообщали воздуху ту вредную влажность, которая служитъ обыкновенно одною изъ главнѣйшихъ причинъ возникновенія и распространенія лихорадокъ?”

Девильдъ изъ Брюсселя вполне присоединяется къ мнѣнію Милье; онъ высказывается самымъ рѣшительнымъ образомъ противъ системы, защищаемой Денеромъ, Чидвигомъ, Милемъ, Торрели и др. Примѣръ Милана, по его мнѣнію, ничего не доказываетъ; это не болѣе, какъ исключительный случай. При томъ же самъ Торрели сознается, что верхній слой почвы постоянно портится и его приходится замѣнять новою землею. Италіанецъ же Биньони замѣчаетъ, что система орошенія посредствомъ сточныхъ трубъ хотя и практикуется въ Миланѣ, но только отчасти и совсѣмъ не настолько распространена, чтобы изъ этого миланскаго опыта можно было выводить какія-нибудь рѣшительныя заключенія за или противъ нея.

Но особенно вѣскіе аргументы приводитъ противъ нея докторъ Изо. Онъ представилъ образчики земли изъ окрестностей Данцига (гдѣ практикуется орошеніе сточными трубами), образчики, наглядно убѣждавшіе членовъ конгресса, какъ вредно вліяетъ на почву эта система. Онъ указалъ далѣе на Кройдонъ (Croydon), гдѣ благодаря ей постоянно господствуетъ лихорадка, замѣтивъ при этомъ, что въ настоящее время тѣ же болѣзни начинаются и въ Женевилье.

Однако, на защитниковъ системы всѣ эти доводы нисколько не подѣйствовали. Они продолжали настаивать на своемъ, утверждая, что тѣ вредныя послѣдствія, на которыя указываютъ ей противники, могутъ быть объяснены и другими причинами, и все-таки ихъ система наилучшая изъ всѣхъ системъ.

Кто-же правъ? Пока на этотъ вопросъ только и можно отвѣчать словами д-ра Милье: „будущее покажетъ“. Но вѣдь для того, чтобы будущее могло что-нибудь показать, нужно дѣлать эксперименты, а эти эксперименты (если противники системы правы) будутъ стоить жизни нѣсколькимъ сотнямъ тысячъ, можетъ

быть, миліонамъ людей, отнять у народонаселенія нѣсколько тысячъ гектаровъ хорошей земли и дадутъ ему взамѣнъ землю, ни на что негодную, выморятъ голодной смертью массу домашняго скота и т. п.

Ну, такъ что-же? Неужели такими пустяками нельзя пожертвовать для блага „науки“? пожалуй, возражать намъ почтенные медики и гигиенисты.

Секція медицинской гигиены занималась, главнымъ образомъ, вопросомъ о средствахъ предупрежденія эпидемическихъ болѣзней вообще и холеры въ особенности. Читатели знаютъ (объ этомъ говорилось въ одной изъ предыдущихъ хроникъ), что вопросъ этотъ довольно подробно и обстоятельно дебатировался на международной санитарной конференціи въ Вѣнѣ, собиравшейся въ августъ 1874 года.

Вѣнская конференція высказалась тогда самымъ рѣшительнымъ образомъ противъ карантинныхъ, этихъ международныхъ казематовъ, которыми думаютъ оставить распространеніе эпидеміи. Рѣшеніе, составленное ею по этому поводу, гласило: „принимая во вниманіе, что въ виду постоянно возрастающихъ международныхъ путей сообщенія карантинныя мѣры практически неосуществимы, а слѣдовательно и бесполезны; принимая во вниманіе, что онѣ наносятъ существенный вредъ торговымъ интересамъ, конференція предлагаетъ *) отмѣнить карантинныя, какъ бесполезную предупредительную мѣру противъ эпидемій“.

Несмотря на это категорическое заявленіе вѣнской конференціи, поддержанное авторитетомъ медицинской науки, вопросъ о карантинахъ снова сталъ предметомъ горячихъ дебатовъ на брюссельскомъ конгрессѣ. Докладчикъ Шарбонье высказался, согласно съ рѣшеніемъ вѣнской санитарной конференціи, противъ карантинныхъ. Развитіе холеры (докладъ его былъ посвященъ, главнымъ образомъ, именно этой эпидеміи), по его словамъ, карантинами не удержать; ее нужно захватить на самомъ мѣстѣ ея возникновенія. Мѣсторожденіемъ ея онъ считаетъ небольшое пространство въ Индіи, около Калькуты, отличающейся необыкновенно теплой

*) Рѣшеніе состоялось по большинству голосовъ: изъ 19 вотировавшихъ лицъ 13 высказались противъ карантинныхъ, 4 въ пользу ихъ и 2 воздержались отъ подачи голосовъ.

и сырой почвой, выдѣляющей холерическіе міазмы. Зарождаясь здѣсь, она постоянно распространяется среди бѣдныхъ кварталовъ Калькуты, гдѣ находитъ благопріятную для себя почву, содѣйствующую ея дальнѣйшему развитію; затѣмъ, время отъ времени, подъ вліяніемъ юго-западнаго муссона, она выходитъ за предѣлы своей родины и достигаетъ, такимъ образомъ, Европы; появляется она всегда ночью. Поэтому, заключаетъ Шарбонье, если Европа хочетъ оградить себя отъ вторженія этой смертоносной язвы, она должна убить ее на мѣстѣ. Достигнуть-же этого можно видоизмѣненіемъ (при помощи осушенія, специальной обработки и т. п.) почвы, выдѣляющей холерическіе міазмы, и ассенизаціею бѣдныхъ кварталовъ Калькуты.

Гиршъ поддерживалъ мнѣніе Шарбонье о беспомощности карантинновъ. Но докторъ Фовель и нѣкоторые другіе врачи явились ихъ жаркими защитниками. Они соглашались съ своими опонентами, что карантинная система есть зло, но зло, при настоящихъ условіяхъ, неизбежное и неустранимое.

Вопросъ этотъ такъ и остался открытымъ вопросомъ, и то, что, повидимому, было окончательно рѣшено два года тому назадъ, стало теперь снова спорнымъ и нерѣшеннымъ.

А между тѣмъ этотъ, по-истинѣ, проклятый вопросъ давно уже занимаетъ вниманіе ученыхъ конгресовъ и, говоря безъ всякаго преувеличенія, ни на одну іоту не подвинулся впередъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Востокъ соединяетъ въ себѣ всѣ условія, и политическія, и социальныя, и антигигіеническія, для развитія эпидемическихъ заразы, что продолжительное рабство создаетъ такую физическую и нравственную атмосферу, въ которой человѣку кромѣ убійственныхъ міазмовъ нечѣмъ дышать, гдѣ жизнь нисколько не цѣнится, потому что ужь очень тяжела, — все это вѣрно; но мы знаемъ, что многія эпидеміи шли не съ востока на западъ, а обратно. Въ Австраліи, наприимѣръ, до появленія европейскихъ колонистовъ туземцы не знали многихъ болѣзней, отъ которыхъ потомъ вымирали тысячами. То-же самое было и съ сибирскими инородцами, которыхъ истреблялъ массами европейскій сифилисъ. Поэтому совершенно справедливо думаетъ Тиндаль, что мѣстороженіемъ эпидемическихъ зараженій можетъ служить всякая почва — будь она на востокѣ или на западѣ, въ Лондонѣ или въ Петербургѣ, — приготовленная для развитія

смертоносныхъ міазмовъ. Развѣ бѣдные кварталы европейскихъ столицъ менѣе заразительны, чѣмъ калькутскіе? Смертность въ нихъ такъ-же велика, если не больше, какъ и въ восточныхъ кловкахъ, называемыхъ городами. „Пора-бы убѣдиться, говоритъ Тиндаль, — что въ развитіи эпидемій соединяется такъ много разностороннихъ условій, надъ которыми господствуетъ одно главное условіе—соціальное—бѣдность скученнаго въ городахъ населенія“.

Другой интересный вопросъ, обсуждавшійся въ этой секціи брюссельскаго конгресса, былъ вопросъ о смертности новорожденныхъ и дѣтей и о средствахъ къ ея уменьшенію. Какъ на главныя причины этой смертности, рефераторъ, докторъ Кюборнъ, указалъ на бѣдность, невѣжество, суевѣрія, безнравственность и дурныя общественныя учрежденія. Какъ видите, по части причинъ почтенный докторъ былъ довольно щедръ, но за то когда рѣчь зашла о средствахъ къ ихъ устраненію, онъ оказался ужь черезчуръ скупымъ. По его мнѣнію, для уменьшенія дѣтской смертности слѣдуетъ принять слѣдующія шесть мѣръ:

1) Ввести точную и подробную статистику дѣтской смертности (по-недѣльно въ первый мѣсяцъ отъ рожденія, по-мѣсячно въ первый годъ, по-годно въ первыя 5 лѣтъ) съ объясненіемъ непосредственныхъ причинъ смерти въ каждомъ частномъ случаѣ.

2) Оказывать помощь на дому матерямъ, съ тѣмъ, чтобы онѣ сами кормили своихъ дѣтей.

3) Содѣйствовать образованію „обществъ покровительства дѣтямъ“.

4) Предоставить право женщинамъ, приходящимъ родить въ родильные дома, не говорить своего имени, если онѣ находятъ это неудобнымъ.

5) Увеличить число яслей и дѣтскихъ пріютовъ, подчинивъ ихъ строгому медицинскому и административному надзору.

6) Ввести обученіе гигиенѣ, какъ обязательный предметъ, въ программу школъ.

Вотъ вамъ и все. Вы скажете, пожалуй, что едва-ли подобными паліативными мѣрами можно устранить явленіе, причины котораго, по словамъ самого-же докладчика, такъ глубоко коренятся въ основныхъ условіяхъ общественной жизни. Конечно, едва-ли... но вѣдь дѣло совсѣмъ и не въ этомъ. Рѣшать обще-

ственные задачи во всей их широтѣ и сложности, вовсе не было дѣломъ членовъ конгресса. Имъ нужна была только тема для пріятной и безобидной бесѣды, и Бюборнъ, слузивъ и окрѣпивъ до послѣдней степени вопросъ о дѣтской смертности, вполне удовлетворилъ ихъ желанію. Они остались очень имъ довольны и, въ благодарность ему, приняли проектъ предложенныхъ имъ мѣръ безъ всякихъ споровъ и возраженій.

Совсѣмъ иная судьба постигла вопросъ о *сжиганіи труповъ*, выступившій на сцену въ соединенномъ присутствіи медико-гигіенической и другихъ четырехъ секцій. Извѣстно, что этотъ вопросъ сдѣлался въ послѣднее время однимъ изъ самыхъ модныхъ вопросовъ и создалъ себѣ уже цѣлую литературу. О немъ спорять въ ученыхъ собраніяхъ, его обсуждать въ прессѣ, по поводу его пишутся цѣлыя книги, сзываются даже народныя собранія. Странно, конечно, что вопросъ, касающійся судьбы мертвецовъ, интересуетъ многихъ ученыхъ гораздо больше, чѣмъ вопросы, касающіеся судьбы живыхъ людей. Однако, это покажется не столь страннымъ (хоть столь-же мало разумнымъ), если принять во вниманіе, во первыхъ, отношеніе къ нему западно-европейскихъ клерикаловъ, во вторыхъ, ту Kulturs-Kampf, которую ведетъ съ ними желѣзный графъ и его политическіе единомышленники внутри и за предѣлами Германіи. Клерикалы вообразили почему-то, будто сжиганіе труповъ и упраздненіе кладбищъ есть поруганіе католическаго догмата, оскорбленіе духовенства, чуть-чуть не отрицаніе будущей жизни.

Такимъ образомъ, благодаря ихъ вмѣшательству, вопросъ этотъ изъ чисто-гигіеническаго, санитарнаго обратился въ вопросъ религіозный и политическій, подобно тому, какъ нѣкоторые наши газетчики умудрились изъ политическаго славянскаго вопроса сдѣлать вопросъ православный. На брѣссельскій конгрессъ, какъ и слѣдовало ожидать, понаѣхало не малое количество клерикаловъ. Вотъ почему онъ и принялъ такъ близко къ сердцу вопросъ о судьбѣ мертвецовъ. Сжигать или хоронить ихъ? Докладчикъ, докторъ Берже, самымъ рѣшительнымъ образомъ высказывается въ пользу сжиганія. Его энергически поддерживаетъ извѣстный Цезарь де-Панъ. Аргументы „сжигателей“ болѣе или менѣе извѣстны. Ни Берже, ни Панъ не прибавили къ нимъ ничего новаго. Кладбища отнимаютъ слишкомъ много земли у живыхъ въ

пользу мертвыхъ; они заражаютъ воздухъ, портятъ воду и содѣйствуютъ, такимъ образомъ, развитію заразъ и смертности.

Клерикалы протѣстуютъ. Они выдвигаютъ противъ нечестивыхъ докторовъ своего оратора, какого-то графа. По мнѣнію его сіятельства, сжиганіе труповъ „противорѣчитъ всѣмъ принципамъ христіанской цивилизаціи (?). Оно можетъ быть допущено лишь въ исключительныхъ случаяхъ (напр., во время войны, во время заразительныхъ эпидемій), но при обыкновенномъ теченіи жизни неразумно и преступно нарушать вѣками освященные обычай отцовъ. Отцы наши зарывали въ землю своихъ покойниковъ и не видѣли отъ того никакого для себя вреда; почему-же для насъ это вредно? Графъ не хочетъ этому вѣрить. Впрочемъ, если-бы даже, съ одной стороны, со стороны гигиенической, это и было немножко вредно, за то съ другой — со стороны нравственной, обычай погребенія мертвецовъ представляетъ неисчислимыя выгоды. Онъ поддерживаеъ даже и послѣ смерти тѣ узлы, которыя при жизни соединяли людей. Кладбище возбуждаетъ въ нашей душѣ воспоминанія о близкихъ намъ людяхъ, отнятыхъ у насъ смертью; оно не дозволяетъ намъ забыть о нашихъ предкахъ, оно укрѣпляетъ семейныя преданія, семейныя добродѣтели и т. д., и т. д.

Но тутъ нечестивый Берже смутилъ графа неожиданнымъ замѣчаніемъ. „Все это очень хорошо, сказалъ онъ,—и я не менѣе графа уважаю тѣ чувства, которыя кладбище пробуждаетъ въ сердцахъ живыхъ людей. Но бѣда только въ томъ, что этимъ благодѣтельнымъ вліаніемъ кладбища могутъ пользоваться лишь люди богатые, подобныя графу; бѣдняки не имѣютъ средствъ покупать отдѣльныя мѣста для своихъ покойниковъ и воздвигать мавзолеи надъ ихъ гробами, особенно тамъ, гдѣ нѣсколько вершковъ земли для могилы оплачиваются тысячами. Они сваливаютъ ихъ въ одну общую яму, надъ которою они не имѣютъ никакихъ правъ собственности, въ которой дорогіе имъ останки впоследствии исчезаютъ безслѣдно. „Графы плачутъ и молятся передъ своими фамильными мавзолеями, а большинство обыкновенныхъ смертныхъ — передъ анонимною кучею неизвѣстно кому принадлежащихъ органическихъ останковъ. Но то-же самое они могутъ дѣлать и при господствѣ обычая сжиганія. Слѣдовательно, вопросъ о нравственныхъ послѣдствіяхъ погребенія устраняется самъ собою; семейныя и всякія другія чувства, связываю-

щія живыхъ людей съ мертвыми, нисколько не могутъ пострадать отъ того, что, вмѣсто разложенія трупа въ землѣ, онъ будетъ превращаться въ пепель и исчезать въ воздухѣ“.

Припертый къ стѣнѣ графъ могъ возразить только, что обычай погребать въ общей ямѣ онъ считаетъ на-столько-же дурнымъ, какъ и сжиганіе труповъ. Но вѣдь этотъ обычай вызванъ необходимостью. А съ необходимостью не только графы, но и боги не воюють.

Однако, разбитый на почвѣ „нѣжныхъ чувствъ“, графъ встрѣтилъ неожиданную поддержку на почвѣ „гигіены“ и „судебной медицины“. Онъ въ качествѣ истаго клерикала не обратилъ должнаго вниманія на эту, такъ-сказать, научную сторону вопроса; а между тѣмъ она-то и вывезла его друзей. Опираясь на данныя науки или, лучше сказать, на ихъ полнѣйшее отсутствіе, д-ръ Бушю, изобрѣтатель не особенно удачныхъ аппаратовъ для констатированія смерти, сталъ доказывать, что разложеніе труповъ, зарытыхъ на извѣстной глубинѣ, не можетъ оказывать никакого вреднаго вліянія на общественное здоровье. Наука, утверждалъ онъ, — не представляетъ намъ ни одного факта, дающаго право заключать о вредности кладбищъ. Напротивъ, кладбища гораздо менѣе вредны для здоровья, чѣмъ госпитали. Покойники не заражаютъ воздуха; зараженіе является лишь тогда, когда раскапываютъ свѣжія могилы. „Блуждающіе огни“, будто-бы появляющіеся на кладбищахъ, — чистѣйшая сказка. Нѣтъ, мертвецы не опасны для человѣка; живые люди гораздо опаснѣе, воскликнулъ ораторъ въ заключеніе своей кладбищенской апологіи.

Берже старался примѣрами опровергнуть положенія Бушю. Но Бушю твердилъ свое: „наука не доказала“, „наука не даетъ никакихъ данныхъ“ и т. п. Тотъ фактъ, что кладбища стараются всегда удалить отъ жилыхъ зданій, что ихъ принято обыкновенно строить внѣ черты города, — этотъ фактъ, по его мнѣнію, съ гигиенической и научной точки зрѣнія рѣшительно ничѣмъ не можетъ быть оправданъ. Онъ полагаетъ, что его слѣдуетъ объяснять какими-нибудь чисто-административными или полицейскими соображеніями, неимѣющими ничего общаго съ наукой.

Но, конечно, *наука не доказала*, — это еще аргументъ не особенно страшный для защитниковъ „сжиганія“. Они навѣрное зна-

ють, что доказать заразительность кладбищъ съ гигиенической точки зрѣнія, даже и при теперешнихъ данныхъ науки, не представляетъ особеннаго затрудненія. Несравненно болѣе серьезныя, болѣе вѣскіе аргументы выставляютъ противъ „сжигателей“ антропологи, анатомы и юристы. „Сжиганіе“, по ихъ увѣренію, лишитъ науку массы драгоцѣннаго анатомическаго матеріала и отниметъ у судебной медицины возможность констатировать причины насильственной смерти, т. е. будетъ содѣйствовать „заматанію слѣдовъ преступленія“.

На эти аргументы Пэнъ и Берже отвѣтили такимъ образомъ: де-Пэнъ, защищая сжиганіе, полагаетъ, однакожъ, что всѣ скелеты, обнаруживающіе хоть въ чемъ-нибудь хоть какую-нибудь аномалію, не должны сжигаться; ихъ надо сберечь для науки. Является, однако, такого рода вопросъ: много-ли труповъ тогда придется предать огню? И кто будетъ судьей относительно аномалій подлежащихъ и аномалій подлежащихъ сожженію?

Что касается невозможности знать причину смерти послѣ того, какъ трупъ сожженъ, то, по мнѣнію Берже, этой невозможности нечего пугаться, запоздавшая аутопсія, говоритъ онъ, очень немногое можетъ открыть правосудію, а потому ей слѣдуетъ предпочесть всестороннее разслѣдованіе обстоятельствъ, предшествовавшихъ и сопровождавшихъ смерть.

Едва-ли, однако, подобный совѣтъ удовлетворитъ юриста!

Въ заключеніе преній д-ръ Лоседа заявилъ, ко всеобщему удивленію (по крайней мѣрѣ, слова его встрѣченны были громкими и единодушными аплодисментами), что вопросъ о сжиганіи труповъ еще не созрѣлъ и что рѣшеніе его слѣдуетъ предоставить... будущему.

Бѣдное „будущее“, сколько работы взвалилъ на него брюссельскій ареопагъ! Но за то законодатель „настоящаго“ можетъ быть спокоенъ: изъ преній конгресса вволю выяснилось, что самое лучшее, что онъ долженъ теперь дѣлать,—это ничего не дѣлать, а только... ждать.

Пренія въ третьей секціи (о средствахъ предупрежденія несчастныхъ случаевъ на водѣ, на землѣ и подъ землею), по своей наивности и безсодержательности, могутъ быть безъ малѣйшаго неудобства пройдены молчаніемъ. Но чтобы читатель могъ составить себѣ о нихъ нѣкоторое понятіе, приведемъ изъ нихъ на

выдержку хоть одинъ образчикъ. Зашла рѣчь объ обвалахъ при земляныхъ работахъ и о предупрежденіи несчастныхъ случаевъ, могущихъ отъ нихъ произойти. Поднимаются вопросы: имѣеть-ли кто-нибудь право, ради спасенія погибающихъ, повредить или разрушить чужую собственность безъ предварительнаго согласія собственника? Если нѣтъ, то кто именно? На комъ лежитъ въ этомъ случаѣ отвѣтственность и кто платитъ убытки? По поводу этихъ головоломныхъ вопросовъ завязываются длинные-предлинные споры и въ результатѣ всё приходитъ къ тому заключенію, что каждый изъ этихъ вопросовъ долженъ быть разрѣшаемъ только на основаніи существующихъ въ странѣ законоположеній!..

Ну стоило-ли и спорить! *).

Четвертая секція занималась обсужденіемъ мѣръ подалнія помощи во время войны. Для не-спеціалистовъ по батальной части весь интересъ преній сосредоточивался на вопросѣ объ отно-

*) Изъ другихъ вопросовъ, обсуждавшихся въ секціи, обращаютъ на себя вниманіе слѣдующіе:

1) *Вопросъ.* Какими средствами могутъ быть предупреждаемы случаи столкновенія кораблей, крушенія ихъ и оставленіе ихъ капитаномъ? *Отвѣтъ.* Каждою капитана, допустившаго столкновение, повинувшаго или погубившаго свой корабль, слѣдуетъ судить особымъ судомъ, составленнымъ изъ спеціалистовъ по этой части, и карать по всей строгости существующихъ законовъ.

2) *Вопросъ.* Какъ предупредить несчастные случаи на желѣзныхъ дорогахъ? *Отвѣтъ.* Издать законы, выражаясь точнѣе, подумать объ изданіи законовъ, ясно и точно опредѣляющихъ ту отвѣтственность, которую должны нести въ подобныхъ случаяхъ эксплуататоры желѣзно-дорожныхъ линій и подѣдомственные имъ лица.

3) *Вопросъ* о средствахъ предупрежденія несчастныхъ случаевъ въ каменно-угольныхъ и вообще подземныхъ работахъ. *Отвѣтъ.* Нужно сгрататься по возможности объ усовершенствованіи существующихъ предупредительныхъ мѣръ, въ особенности слѣдуетъ усилить надзоръ за рабочими и не пренебрегать ихъ образованіемъ.

Въ общемъ собраніи секціи обсуждался вопросъ о пробѣлахъ, существующихъ въ бельгійскихъ законахъ, касающихся эмигрантовъ. Докладчикъ находилъ, что права эмигрантовъ недостаточно ограждены и что вслѣдствіе этого они подвергаются возмутительной эксплуатаціи какъ со стороны хозяевъ кораблей, такъ и разныхъ аферистовъ-предпринимателей. Пожалѣли объ этихъ пробѣлахъ, похвалили французскіе законы, которые хотя и страдаютъ ими, но въ меньшей степени, чѣмъ бельгійскіе. Въ заключеніе одинъ изъ ораторовъ (Дюмутье) замѣтилъ, что, по его мнѣнію, пожелать особенно эмигрантамъ нечего и что хотя онъ и готовъ признать за каждымъ гражданиномъ право свободного передвиженія съ мѣста на мѣсто, но все-таки полагаетъ, что съ философской и патріотической точекъ зрѣнія поощрять эмиграцію вредно.

шеніи военныхъ властей къ партикулярнымъ благотворителямъ, добровольно являющимся на поле битвы въ качествѣ медиковъ, сестеръ милосердія и т. д. Должны-ли послѣдніе быть подчинены первымъ, должны-ли они быть, такъ-сказать, введены въ кадры дѣйствующей арміи или они должны составлять какъ-бы самостоятельные, по собственной инициативѣ дѣйствующіе отряды, болѣе или менѣе независимые отъ непосредственнаго военного начальства?

Разумѣется, военные члены конгресса, и въ особенности нашъ соотечественникъ Обручевъ, рѣшили этотъ вопросъ въ свою пользу, т. е. въ пользу военачальниковъ, партикулярные члены — въ пользу частныхъ благотворителей. Аргументы и тѣхъ, и другихъ были, по всей вѣроятности, одинаково основательны и убѣдительны; но, конечно, намъ, партикулярнымъ людямъ, ничего несмыслимъ въ высшихъ военныхъ соображеніяхъ (на которыя преимущественно и напирали военные члены), доводы послѣднихъ были понятнѣе доводовъ первыхъ. Впрочемъ, кто останется побѣдителемъ въ этомъ спорѣ — это... это, вѣроятно, опять-таки покажетъ будущее.

Достойно, однако, замѣчанія, что военные члены (между прочимъ Обручевъ) высказали при этомъ, мысль будто партикулярные благотворители (доктора, сестры милосердія, члены краснаго креста), въ качествѣ элемента „чуждаго арміи“, представляютъ на полѣ битвы большое неудобство, и что, пожалуй, чѣмъ ихъ будетъ меньше, тѣмъ лучше. На этомъ основаніи они отнеслись крайне неблагопріятно къ предложенію Гюлери (Guillery) учредить въ pendant къ обществу краснаго креста общество чернаго креста, для погребенія убитыхъ и охраненія ихъ имущества. Предложеніе это, конечно, осталось безъ всякихъ послѣдствій.

Пренія по остальнымъ вопросамъ, обсуждавшимся въ секціи, — вопросамъ о перевязкахъ, о носилкахъ, о констатированіи личности убитаго, объ одеждѣ санитаровъ и т. п., имѣли на столько спеціальнѣй, такъ-сказать, техническій характеръ, что едва ли могутъ представлять какой-нибудь интересъ для штатскаго смертнаго, особенно если уже онъ отбылъ воинскую повинность. Если-же онъ ея еще не отбылъ, если онъ стоитъ на очереди, то... то тогда, пожалуй, они покажутся ему обидною ироніей...

надъ нимъ-же самимъ. Поэтому лучше ужь пройдемъ ихъ молчаніемъ. Замѣтимъ только, въ утѣшеніе „стоящимъ на очереди“, что предсѣдатель секціи, его сіятельство князь Караманъ-Шямо (Сагаман-Шимау), губернаторъ Гейнаду, торжественно заявилъ подь конецъ преній, будто „всѣ мы (т. е. члены конгресса) искренно желаемъ, чтобы войны какъ можно скорѣе упразднились“...

Совсѣмъ другой характеръ имѣли пренія въ пятой секціи, — секціи соціальной экономіи. Тутъ уже не было ничего технического, ничего спеціального, даже ничего такого, что могло-бы навести на грустные мысли, хотя, нужно сознаться, и здѣсь рѣчь шла о вещахъ довольно грустныхъ. Но члены пятой секціи были премилые люди. Они съумѣли и грустные предметы обратить въ игривыя темы для легкой, безобидной и никакихъ серьезныхъ думъ невозбуждающей болтовни. И ужь о чемъ, о чемъ они только не болтали! Говорили и о тюрьмахъ, и о домахъ для рабочихъ, о гимнастикѣ, о женскомъ трудѣ и о третейскихъ судахъ, и о синдикальныхъ камерахъ, и о средствахъ воспрепятствовать передвиженію сельскихъ жителей въ города, и... и, наконецъ, даже о пьянствѣ. Хотя каждый изъ этихъ вопросовъ вызывалъ цѣлые потоки словоизверженій, однако, всѣ эти словоизверженія были на-столько однообразны, что результаты преній могутъ быть резюмированы въ очень немногихъ словахъ. По вопросу о тюрьмахъ суть всѣхъ разговоровъ сводилась къ тому, что для вѣщаго исправленія преступника необходимо усугубить дѣйствіе системы пенитенціарнаго (одиночнаго) заключенія присоединеніемъ къ ней системы патронатства, — иными словами, подчинить преступника по выходѣ его изъ тюрьмы вѣденію особыхъ попечительныхъ или благотворительныхъ обществъ, вѣннвивъ послѣднимъ въ обязанность — слѣдить за освобожденнымъ какъ можно строже, и въ случаѣ отклоненія его со стези добродѣтели, немедленно доводить о томъ до свѣденія полиціи и принимать надлежащія мѣры.

Извѣстно, что система эта давно уже практикуется въ Англіи.

Относительно женскаго труда выслушали и одобрили предложеніе д-ра Боекса (Boens) о необходимости отмѣнить женскій трудъ въ минахъ и каменноугольныхъ копанияхъ, а также о за-прещеніи принимать на фабрики и въ частныя мастерскія дѣтей,

недостигшихъ 12-лѣтняго возраста. Впрочемъ, не всѣ одобрили эту мѣру. Мишѣ изъ Межа допускаеть, что регламентировать работу дѣтей еще можно, но работу женщинъ не слѣдуетъ. Виллисъ Бундъ, во имя свободы труда, во имя святой неприкосновенности правъ человѣка... умирать съ голоду и истощать себя непосильною работою, если онъ самъ того желаетъ, во имя интересовъ цивилизаціи, во имя... ну да, однимъ словомъ, во имя всего высокаго и благороднаго, возстаеть противъ всякихъ стѣсненій женскаго труда. Никто, говоритъ онъ, — не имѣеть права воспрещать женщинѣ работать, гдѣ, когда и сколько она хочетъ. Карера, не увлекаясь никакими эфемерными „правами человѣка“, полагаетъ, что всего лучше рѣшеніе вопроса о женскомъ трудѣ предоставить на благоусмотрѣніе патрона: найдетъ онъ удобнымъ допустить женщинъ въ каменноугольныя копи — пускай допускаеть, а не найдетъ — ну, тогда и не нужно!

По вопросу о развитіи въ народѣ привычекъ къ сбереженію признали, что нужно содѣйствовать возможно большому увеличенію числа народныхъ банковъ и ссудныхъ кассъ.

По вопросу о средствахъ къ прекращенію постоянно возрастающаго обезлюденія деревень подъ вліяніемъ городовъ придумали слѣдующія средства: во-первыхъ, опять кредитъ, во-вторыхъ, продленіе сроковъ арендъ, въ-третьихъ, развитіе семейнаго духа, въ-четвертыхъ, улучшеніе земледѣлія, ограниченіе какими-нибудь разумными предѣлами прогрессирующаго дробленія земель, въ-пятыхъ, расширеніе сѣти желѣзныхъ дорогъ. Но какъ-же осуществить эти мѣры? „Убѣжденіемъ, примѣромъ!..“

Но откуда взять денегъ для кредита и для постройки желѣзныхъ дорогъ?

Дюмутье (тотъ самый, который съ философской и патриотической точекъ зрѣнія находилъ не особенно полезнымъ ограждать эмигрантовъ отъ эксплуатаціи разныхъ аферистовъ) полагаетъ, что во Франціи организовать кредитъ трудно, а желѣзныя дороги стоятъ слишкомъ дорого. Лучше оставить все такъ, какъ есть, на томъ-де основаніи, что „благодаря великодушному покровительству государства, земледѣліе во Франціи и безъ того съ каждымъ годомъ все совершенствуется и совершенствуется и въ скоромъ времени окончательно досовершенствуется“.

Относительно вопроса о пьянствѣ большинство ораторовъ (за исключеніемъ де-Пэна) высказывало тѣ самыя мысли, къ которымъ приходитъ и большинство нашихъ собственныхъ, отечественныхъ мудрецовъ. „Чтобы зло сіе прекратить, философствовали они, — нужно обложить спиртные напитки возможно большими налогами, уменьшить пошлину на пиво, чай и кофе, а пьяницъ карать по всей строгости закона; если-же такового не имѣется, то оный сочинить и примѣнить его неукоснительно“.

По вопросу о рабочихъ жилищахъ д-ръ Поль прочелъ весьма длинный докладъ, гдѣ съ большою обстоятельностью исчислялись все тѣ гигиеническія условія, которымъ должны удовлетворять подобныя жилища. Понятно, что представленный имъ идеалъ не имѣлъ никакихъ точекъ соприкосновенія съ реальною дѣйствительностью. Члены конгресса должны были, по всей вѣроятности, придти въ нѣкоторое смущеніе, и, по всей вѣроятности, смущеніе это возрасло еще болѣе, когда президентъ сообщилъ имъ содержаніе королевскаго рескрипта, которымъ назначалась премія отъ короля въ 5,000 фр. *) тому, кто найдетъ возможность какъ можно дешевле приблизить дѣйствительность къ идеалу, т. е. хоть сколько-нибудь улучшить положеніе рабочихъ жилищъ и уменьшить, такимъ образомъ, процентъ смертности въ рабочемъ классѣ.

Впрочемъ, смущеніе не помѣшало имъ преисполниться чувствами умиленія и признательности къ щедрому королю. По предложенію Обручева, немедленно приступлено было къ составленію благодарственнаго адреса.

Это былъ послѣдній и, вѣроятно, самый пріятный для конгресса трудъ. Ученое торжество кончилось; наступило время торжествъ кулинарныхъ и разныхъ увеселительно-поучительныхъ прогуловъ.

Гдѣ и когда соберется онъ вторично? Увы! онъ не рѣшилъ даже и этого вопроса, въ надеждѣ, что выѣстъ съ остальными вопросами онъ сдать его на руки „будущему“.

Передъ самымъ закрытіемъ засѣданія делегатъ французскаго ми-

*) Королева, съ своей стороны, поднесла конгрессу золотую медаль, прося его выдать ее въ видѣ премія управленію того сиротскаго пріюта (частнаго или общественнаго), въ которомъ смертность дѣтей окажется наименьшей.

нистерства внутреннихъ дѣлъ, д-ръ Лиувиль (Liouville) отважился-было предложить ученымъ мужамъ собраться въ Парижѣ въ годъ открытія всемірной выставки (т. е. въ 1878 г.), но нѣмцы, потерпѣвшіе, какъ извѣстно, такое позорное фіаско на филладельфійской выставкѣ и, вѣроятно, тогда еще положившіе въ сердцѣ своемъ на парижскую выставку не ѣздить (подъ благовиднымъ предлогомъ разныхъ патріотическихъ соображеній), — нѣмцы нахмурили брови, стиснули зубы, сжали кулаки, и президентъ, опасаясь съ ихъ стороны какого-нибудь скандала, поспѣшилъ замать вѣжливое приглашеніе Лиувилья и немедленно объявилъ засѣданіе закрытымъ.

Говорятъ, что въ слѣдующій разъ зданіе, гдѣ будетъ засѣдать ученый ареопагъ, украсится черною доскою, на которой золотыми буквами будетъ вырѣзано знаменитое изрѣченіе Сократа: „Я знаю только то, что я ничего не знаю“.

П. Гр—ли.

ЭМИГРАЦІЯ ВЪ АМЕРИКУ.

(Земля и ея народы, настольная географія Фр. Гельвальда, пер. подъ редакціей С. П. Глазенапа. Вып. I. Спб. 1876 г.)

Говоря о „Всеобщей географіи“ Э. Реклю, мы высказались относительно недостаточности въ русскомъ обществѣ географическихъ и этнографическихъ свѣденій, и потому намъ не для чего повторять тѣ-же мысли теперь. въ замѣтѣхъ о географіи Гельвальда. Мы только можемъ порадоваться, что въ нашей литературѣ является еще новый источникъ для пополненія тѣхъ знаній, отсутствіе которыхъ такъ сильно замѣчается въ нашемъ обществѣ. Географія Гельвальда принадлежитъ къ числу тѣхъ книгъ, которыя у нѣмцевъ носятъ названіе „Hausbücher“, а у насъ называются „настольными книгами“, „книгами для семейнаго чтенія“. Разнообразіе содержанія, множество роскошныхъ иллюстрацій, занимательность изложенія,—вотъ что, конечно, привлечетъ читателей къ этому труду, могущему служить украшеніемъ любого кабинета въ качествѣ превосходно иллюстрированной книги. Такія книги читаются охотно, какъ путешествія. Успѣхъ первыхъ выпусковъ сочиненія Гельвальда въ Германіи былъ полный, несмотря на то, что изданіе этого сочиненія только-что началось и далеко еще не кончено; на нѣмецкомъ языкѣ появилось около двадцати выпусковъ „Земли и ея народовъ“. Впрочемъ, не одна Германія встрѣтила привѣтливо этотъ трудъ: онъ уже переводится и издается въ Италіи. Русский переводъ, судя по началу, сдѣланъ добросовѣстно; русское изданіе не только не уступаетъ нѣмецкому, но даже превосходитъ его достоинствомъ бумаги и вообще изяществомъ. Было-бы только желательно, чтобы издатель сдѣлалъ нѣкоторыя при-

иѣчанія тамъ, гдѣ Гельвальдъ смотритъ на вещи съ чисто-нѣмецкой, національной точки зрѣнія и потому освѣщаетъ предметы нѣсколько одностороннимъ свѣтомъ. Правда, этихъ иѣстъ не особенно много, но они есть, и въ этомъ отношеніи трудъ Гельвальда сильно отличается отъ труда Элизэ Реклю, смотрящаго на вещи болѣе объективно.

Весь трудъ Гельвальда будетъ состоять изъ пяти томовъ, обнимающихъ всѣ пять частей свѣта, и окончится печатаніемъ въ концѣ будущаго 1877 года. Покуда появилась въ свѣтъ на нѣмецкомъ языкѣ большая часть перваго тома, занятаго описаніемъ Америки.

Какъ первый томъ географіи Элизэ Реклю имѣетъ для насъ особенный интересъ, занимаясь Балканскимъ полуостровомъ, такъ начало труда Гельвальда заинтересуетъ многихъ тоже ради предмета своего описанія: Америка всегда занимала и занимаетъ европейцевъ, какъ нѣчто особенное, непохожее на Европу, какъ страна, куда уходили и еще уходятъ массы эмигрантовъ, почему-либо немогущихъ долѣе оставаться въ Европѣ.

Размѣры эмиграціи изъ Европы въ Америку были втеченіи послѣднихъ ста лѣтъ изумительно велики: въ Европѣ людямъ давно стало тѣсно. Европа не можетъ дать работу всѣмъ нуждающимся въ заработкѣ, Европа не можетъ прокормить всѣхъ своихъ дѣтей, если-бы она даже и желала этого. Она далеко не такъ щедро надѣлена естественными богатствами, какъ Америка, и, кромѣ того, эти богатства уже успѣли въ значительной степени истощиться, такъ-какъ ихъ начали эксплуатировать слишкомъ давно. Чтобы понять, на-сколько успѣли истощиться естественныя богатства Европы, стоитъ только вспомнить о лѣсахъ, которые исчезаютъ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе и дѣлаются предметомъ особенныхъ заботъ и ухода, какъ нѣчто рѣдкое, какъ нѣчто такое, что нужно беречь и охранять. Теперь давно прошло то время, когда, по словамъ Тацита, въ Германіи всѣ дома строились изъ дерева, безъ кирпичей и камней: теперь въ большей части мѣстностей нѣтъ уже возможности для подобныхъ построекъ, такъ-какъ онѣ были-бы излишнею роскошью.

Америка, напротивъ того, все еще не истощила вполнѣ своихъ

естественныхъ богатствъ, она все еще отчасти пуждается въ рабочихъ силахъ и можетъ еще прокормить тысячи и тысячи пришельцевъ. За то какія массы и переселились туда! Изъ Англии, Ирландіи, Шотландіи, Германіи, Голандіи, Швеціи, Норвегіи, Франціи, Швейцаріи и Италіи переселилось въ Соединенные Штаты Сѣверной Америки:

съ 1820 по 1830 г.	128,499	челов.
„ 1830 „ 1840 „	538,381	„
„ 1840 „ 1850 „	1,427,337	„
„ 1850 „ 1860 „	2,814,054	„
„ 1860 „ 1870 „	2,266,295	„
„ 1870 „ 1875 „	1,857,673	„

При такомъ наплывѣ иностранцевъ населеніе Сѣверо-американскихъ Штатовъ и населеніе отдѣльныхъ городовъ въ этихъ штатахъ росло очень быстро, неестественно быстро. Особенно сильно увеличивалось число городского населенія. Такъ въ 1845 году въ штатѣ Нью-Йорка сельскихъ жителей было втрое болѣе, чѣмъ городскихъ, а въ 1875 году число сельскихъ и городскихъ жителей почти сравнялось. причемъ число сельскихъ жителей увеличилось на пятьсотъ тысячъ человѣкъ, а число городскихъ жителей на миллионъ шестьсотъ тысячъ человѣкъ. Ростъ отдѣльныхъ городовъ Сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатовъ изумителенъ. Такъ городъ С.-Луи въ 1850 году насчитывалъ только 75,000 душъ, а въ 1860 году въ немъ было уже 160,000 жителей, въ 1870 году его населеніе возросло до 310,864, въ 1873 году оно уже доходило до 380,000, а теперь тамъ насчитывается не менѣе 500,000 жителей. Въ Чикаго было:

въ 1839 году	3,200	жителей.
„ 1848 „	23,047	„
„ 1859 „	90,000	„
„ 1870 „	298,977	„
„ 1872 „	304,000	„
„ 1873 „	430,000	„

Теперь-же населеніе Чикаго тоже доходить до 500,000 человѣкъ. Европа не можетъ представить ничего подобнаго въ этомъ отношеніи. Ростъ европейскихъ городовъ давно принялъ болѣе нормальный характеръ. Вообще все народонаселеніе Сѣверо-американскихъ

риканскихъ Штатовъ равнялось въ 1790 году 3,929,214 человекъ, а въ 1870 году тамъ было уже 38,558,371 человекъ. Принимая въ соображеніе такую быстроту увеличенія населенія. нѣкоторые статистики пришли къ убѣжденію, что въ Соединенныхъ Штатахъ къ 1900 году населеніе достигнетъ огромной цифры— 100,000,000 человекъ. Эта цифра, принятая Ватсономъ и Боу, можетъ быть, преувеличена, но, во всякомъ случаѣ, она могла-бы быть приблизительно вѣрною, если-бы эмиграція въ Америку совершалась въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ совершалась она до сихъ поръ. Но, повидимому, этого не будетъ: Сѣверо-американскіе Соединенные Штаты непременно постараются удержать излишній приливъ эмигрантовъ, такъ-какъ этотъ приливъ можетъ крайне вредно отозваться на внутреннемъ бытѣ самихъ американцевъ; и въ послѣднее время уже начинается замѣчаться уменьшеніе числа эмигрантовъ.

Каждая страна можетъ давать безбѣдную жизнь только извѣстному количеству людей. Это обстоятельство никогда не надо забывать тѣмъ, кто стремится въ сѣверную Америку, представляя ее какимъ-то неисчерпаемымъ золотымъ дномъ. Дѣйствительно, было время, когда сѣверная Америка давала хлѣбъ и званымъ, и незванымъ, и гениямъ труда, и отребью промышленнаго міра. Было время, когда въ сѣверной Америкѣ дѣйствительно находились пустыми огромныя пространства земли съ массою естественныхъ богатствъ и только требовали рабочихъ рукъ. Довкіе предприниматели готовы были платить какія угодно деньги тѣмъ, которые соглашались работать у нихъ. Но это было въ тѣ времена, когда въ Соединенныхъ Штатахъ было, какъ въ 1800 году, не болѣе пяти миліоновъ населенія или, положимъ, какъ въ 1830 году, не болѣе тринадцати миліоновъ населенія, но когда населеніе доросло до сорока миліоновъ, то, конечно, положеніе дѣлъ должно было нѣсколько измѣниться. Въ тѣ времена наивные эмигранты, видя, что трудъ въ Америкѣ оплачивается очень щедро, полагали, что въ Новомъ Свѣтѣ дѣйствуютъ какіе-то новые экономическіе законы, неимѣющіе ничего общаго съ неизмѣнными европейскими экономическими законами. Теперь наступаетъ эпоха разочарованья и болѣе трезвыхъ взглядовъ на дѣло. Если въ Соединенныхъ Штатахъ и незамѣтно еще пониженіе задѣльной платы, то уже замѣтно стремленіе выбирать между трудящимися людьми,

такъ-что далеко не всѣ ищущіе труда находятъ себѣ занятіе, какъ это было прежде, а только избранные, лучшіе труженики достигаютъ вполне заслуженнаго ими благосостоянія, тогда какъ люди, неподготовленные къ какому-нибудь специальному труду, всегда рискуютъ остаться безъ дѣла, а значить и безъ хлѣба. Но этого мало: американцы стараются удешевить плату за производство, вывозя дешевыхъ работниковъ изъ Китая. Покуда это явленіе замѣчается главнымъ образомъ въ С.-Франциско, но, вѣроятно, близко то время, когда китайцы появятся въ значительномъ количествѣ во всѣхъ Соединенныхъ Штатахъ сѣверной Америки.

Въ официальномъ отчетѣ отъ 3 февраля 1870 года говорится объ этомъ предметѣ слѣдующее: „1) Число китайцевъ въ государствѣ увеличивается при помощи ввоза гораздо сильнѣе, чѣмъ увеличивается бѣлое населеніе; 2) эти люди находятся подъ абсолютной и полной властью, какую только можно представить, и эта власть является независимой отъ калифорнскихъ властей; она смѣется надъ ними, смѣется надъ правительствомъ Соединенныхъ Штатовъ. Она находится въ рукахъ такъ-называемыхъ „шести компаній“ и является государствомъ въ государствѣ. У нея есть чиновники, судьи, палачи для исполненія приговоровъ. Полицейскими властями Сан-Франциско было уже доказано, что виновныхъ запирали въ китайскія тюрьмы, били и сѣкли и лишали имущества по приказанію этого калифорнско-китайскаго правительства; даже нѣтъ основаній сомнѣваться, что смертная казнь очень часто совершается по приказанію этихъ властей; 3) насколько извѣстно, девять десятыхъ всѣхъ китайцевъ въ Калифорніи ничто иное, какъ кули, т. е. рабы въ полномъ значеніи этого слова, рабы, какъ прежніе негры въ Каролинѣ и Георгіи. Они зависятъ отъ богачей, живущихъ въ Китаѣ, и работаютъ въ Америкѣ по ихъ приказанію втеченіи извѣстнаго числа лѣтъ, получая по 5 долларовъ въ мѣсяцъ; по истеченіи этихъ лѣтъ ихъ живыхъ или мертвыхъ, должны доставить обратно въ Китай. Эти китайскіе обычаи невозбранно практикуются и въ Калифорніи. Эта полная система рабства процвѣтаетъ у насъ, не боясь американскихъ законовъ; 4) кромѣ того, въ штатѣ есть до 3,000 китайянокъ. По свѣденіямъ, собраннымъ американскими и англійскими газетами въ Китаѣ, мы можемъ утверждать, что большая часть изъ этихъ женщинъ, если не всѣ онѣ, привезена сюда для са-

мыхъ постыднѣйшихъ цѣлей. По полицейскимъ свидѣтельствамъ мы можемъ утверждать, что этихъ женщинъ продаютъ каждому желающему, какъ овецъ и барановъ. Съ ними не заключается и тѣни контракта. Онѣ продаются и перепродаются, какъ настоящій товаръ. Полиція безсильна прекратить этотъ постыдный торгъ, оскорбляющій святѣйшіе принципы и идеи нашего самоуправленія, оскорбляющій ихъ болѣе, чѣмъ прежде рабовладѣніе неграми».

Это стремленіе во что-бы то ни стало добыть дешевыя рабскія руки все усиливается и усиливается, несмотря на самые живые протесты извѣстной части американскаго общества и на правительственные мѣры. Число китайцевъ увеличивается: въ 1870 году въ сѣверной Америкѣ было уже 63,196 китайцевъ, въ числѣ которыхъ находилось 3,766 женщинъ. Въ первые мѣсяцы 1873 года въ Сан-Франциско прибыло до 10,000 китайцевъ и одна калифорнская газета говорила, что такихъ переселенцевъ въ этотъ годъ должно прибыть до 90,000 человекъ. Въ 1874 году въ числѣ 260,814 эмигрантовъ прибыло въ Соединенные Штаты 16,651 китаецъ. Эти эмигранты начали все болѣе и болѣе распространяться по странѣ, и въ Сан-Франциско, и въ Сакраменто тысячи бѣлыхъ, оставшись безъ работы, проѣдая свои послѣднія сбереженія, начинаютъ со страхомъ и завистью смотрѣть, какъ ихъ мѣста занимаютъ эти дешевыя руки. Работа на сигарныхъ фабрикахъ перешла почти окончательно въ руки китайцевъ; хлѣбопеченіе по большей части тоже у нихъ въ рукахъ; для портныхъ, сапожниковъ, часовщиковъ они являются уже опасными конкурентами, тѣмъ болѣе, что они, какъ народъ нетребовательный, довольствуются всякою платою.

У этихъ китайцевъ есть очень много хорошихъ свойствъ: они спокойны, послушны, нетребовательны, способны учиться и, главнымъ образомъ, подражать. Они прилежно исполняютъ данную имъ работу, даже безъ особеннаго надзора. Хотя они приземисты и малы ростомъ и рѣдко могутъ исполнять въ одинъ день то, что исполнили-бы бѣлые люди, но они пополняютъ недостатокъ физической силы усидчивостью. Они готовы исполнять самыя черныя работы, вродѣ метенія улицъ, собиранья тряпокъ, отъ чего отказываются очень часто бѣлые американскіе работники. Потребности ихъ ограничены: что имъ нужно, то они по большей части добываютъ, при помощи шести компаній, съ своей родины и, такимъ

образомъ, являются полезными производителями и почти бесполезными потребителями. Но рядомъ съ хорошими качествами у этихъ китайцевъ есть множество недостатковъ. Они совершенно невѣжественны и необщительны, такъ-что ихъ общество является особою кастою, замкнутою въ себѣ и недоступною для другихъ. Ихъ общеніе съ бѣлыми ограничивается только самымъ необходимымъ. Въ ихъ кварталѣ царствуетъ невообразимая грязь, каждое жилище кишитъ насѣкомыми. Стремленіе надуть бѣлыхъ не имѣетъ у нихъ границъ и потому они употребляютъ все свое искусство на поддѣлку денегъ. Привязанности у нихъ нѣтъ никакой: китаецъ, прослуживъ у одного господина нѣсколько лѣтъ, можетъ его бросить внезапно, не предупредивъ его и только увидавъ возможность получить больше жалованья, хотя-бы увеличеніе это равнялось полдоллару въ мѣсяцъ. У нихъ нѣтъ никакого понятія о значеніи честнаго слова, обязательства. За самую ничтожную плату китайцы являются лжесвидѣтелями въ судахъ. О семейной жизни у китайцевъ въ Калифорніи не можетъ быть и рѣчи, такъ-какъ китайцокъ здѣсь очень мало. Эти немногія женщины привозятся для домовъ терпимости, но никакъ не для честной семейной жизни; для семейной жизни было-бы нужно вывозить болѣе женщинъ, что совершенно не входитъ въ расчеты шести компаній, которыя и ограничиваются вывозомъ небольшого числа проститутокъ. Противъ ввоза этихъ женщинъ, во всякомъ случаѣ необходимыхъ для несчастныхъ китайцевъ, возстаетъ все калифорнское общество. „Орда китайцокъ хуже холеры“, пишутъ въ калифорнскихъ газетахъ. Все это объясняется просто: китайцы и китаянки, привозимые въ Америку, состоятъ по большей части изъ подонковъ китайскаго населенія и потому страдаютъ такимъ множествомъ отталкивающихъ свойствъ. Диксонъ рисуетъ самыми мрачными красками китайскій кварталъ въ Сан-Франциско, населеніе котораго составляетъ не менѣе одной седьмой части населенія всего города. Въ этомъ кварталѣ не безопасно оставаться долѣе 11 часа и не слѣдуетъ входить въ него безъ оружія. Узкія улицы здѣсь тонуть въ грязи. Воздухъ отравленъ запахомъ опиума и табака, смоченнаго масломъ. На каждомъ шагу встрѣчаются игорные дома. Дома терпимости, находящіеся въ безчисленномъ множествѣ, могутъ смутить любого европейца. Улицы полны народомъ, который поражаетъ своею нищетою, неряшествомъ, лохмотьями. Среди этой грязи встрѣчаются

рестораны, гдѣ пьютъ чай богатые китайцы. Эти рестораны поражаютъ великолѣпіемъ. Здѣсь нарумяненные и разодрѣтыя китайки распѣвають пѣсни подѣ звуки китайской музыки. Въ этомъ кварталѣ находятся подземные ночлежныя пріюты, куда проникать можно только въ сопровожденіи полицейскаго и гдѣ этотъ скученный, подобно скоту, сбродъ доходитъ до послѣднихъ степеней разврата и преступленій. Но въ борьбѣ съ этими людьми является безсильной и сама полиція. Одинъ китаецъ, на примѣръ, убилъ на улицѣ человѣка; его скрыли китайцы; полиція напечатала объявленія, въ которыхъ обѣщала 500 долларовъ тому, кто выдастъ убійцу; но со стороны китайцевъ тотчасъ-же явилось другое объявленіе, угрожавшее неизбѣжной смертью доносчику; вслѣдствіе этого убійца остался безнаказаннымъ, какъ и люди, вывѣсившіе китайское заявленіе о мщеніи доносчику. Когда содержателя одной гостинницы оштрафовали за то, что онъ помѣщалъ на ночь двѣ тысячи человѣкъ въ пространство, гдѣ съ трудомъ могли помѣщаться триста человѣкъ,—онъ сталъ привязывать ночлежниковъ къ доскамъ и вывѣшивать на ночь у окна. Такимъ образомъ, китайская эмиграція является настоящею язвою, заразою въ Калифорніи. Между китайцами и бѣлыми въ С.-Франциско царствуетъ полнѣйшее несогласіе, самая непримиримая вражда. Одинъ изъ популярныхъ писателей описываетъ въ повѣсти, какъ бѣлыя дѣти убили маленькаго китайца за то, что онъ „язычникъ“. Диксонъ передаетъ слѣдующій анекдотъ: недавно во время дождливой погоды, когда на улицахъ была непроходимая грязь, одинъ китаецъ въ фіолетовомъ атласномъ платьѣ перебирался по доскѣ черезъ улицу; какой-то гражданинъ С.-Франциско раздражился при видѣ этого разряженнаго язычника, бросился ему на-встрѣчу и свалилъ его съ доски въ грязь. Собравшаяся толпа надрывалась отъ смѣха, вида, какъ несчастный, разряженный, какъ женщина, въ атласъ, барахтался въ грязи. Но китаецъ поднялся, отряхнулъ грязь, сдѣлалъ, какъ дѣвушка, реверансъ и, добродушно смотря на толпу, громко сказалъ: „Вы—христиане, я—язычникъ. Прощайте!“ Въ сожалѣнію, эти печальныя сцены повторяются все чаще и чаще и, въ-концѣ-концовъ, отношенія къ китайцамъ будутъ такими-же, какими были отношенія къ неграмъ. Общество возмущается, протестуетъ въ газетахъ противъ наплыва китайцевъ, но не можетъ ничего по-

дѣлать съ шестью компаніями, которыя дѣйствуютъ въ сущности вполне законно: онѣ вывозятъ работниковъ изъ Китая и только. Эти работники—рабы, такіе-же рабы, какъ негры, но имѣть рабовъ не имѣютъ права граждане Соединенныхъ Штатовъ, а не китайцы; калифорнскіе-же кули считаются рабами господъ, живущихъ въ Китаѣ. Пребываніе этого народа въ сѣверной Америкѣ не можетъ не отозваться очень дурно на народной нравственности, не можетъ не отозваться на размѣрахъ задѣльной платы. Нельзя же предполагать, чтобы въ Америкѣ какимъ-то чудомъ оказались несостоятельными извѣстные экономическіе законы, касающіеся отношеній между спросомъ и предложеніемъ.

Итакъ, можно ожидать, что приливъ китайцевъ будетъ все болѣе и болѣе понижать задѣльную плату и оставлять массу другихъ трудящихся безъ дѣла. Прибавьте къ этому, что въ Америкѣ машинное производство доходитъ до такого совершенства, до какого оно не дошло нигдѣ въ Европѣ, и по мѣрѣ усовершенствованія этого производства понижается спросъ на ручной трудъ. Въ „New-York Evening Post“ встрѣчается описаніе обработки, посѣва и жатвы въ полѣ въ 240 моргеновъ, на которомъ ни одному человѣку не пришлось сдѣлать ни шагу во время работы, которая вся, отъ начала до конца, производилась машинами. Для такого поля при обыкновенной работѣ потребовалось бы десятеро болѣе народу, а тутъ нужны были только немногіе рабочіе для управленія машинами, работавшими за десятерыхъ и въ десять разъ скорѣе. Машины употребляются въ Америкѣ даже при постройкѣ домовъ, влѣдствіе чего работаетъ здѣсь при постройкѣ сравнительно мало людей и работа идетъ быстрѣе. Изобрѣтенія въ области промышленности идутъ съ замѣчательною быстротою и трудъ облегчается и упрощается до послѣдней степени. Стоитъ только вспомнить, сколько рукъ и сколько времени требовалось для шитья одежды прежде и сколько ихъ требуется теперь, когда швейныя машины дѣлаютъ въ часъ то, что прежде дѣлалось въ день, въ два дня. Но и помимо примѣненія къ промышленности машиннаго производства стремленіе уменьшить число занятыхъ тѣмъ или другимъ дѣломъ людей и взвалить работу нѣсколькихъ человѣкъ на одного видно въ Америкѣ на каждомъ шагу; такъ очень богатые люди держатъ тамъ одну служанку, которая получаетъ рублей 25, на наши день-

ги, въ мѣсяцъ, но за то обязана дѣлать все, начиная съ уборки комнатъ до стирки бѣлья. Вслѣдствіе всего этого рабочихъ рукъ во многихъ мѣстахъ Соединенныхъ Штатовъ начинаетъ являться болѣе, чѣмъ ихъ нужно, и нерѣдко здѣсь уже поднимаются голоса противъ эмиграціи, главнымъ образомъ, противъ нѣмецкой, т. е. противъ самой многочисленной эмиграціи.

Въ газетахъ американцы начинаютъ убѣждать своихъ соотечественниковъ не брать иностранныхъ труженниковъ, покуда есть нуждающіеся въ работѣ люди чисто-американскаго происхожденія, сидящіе безъ дѣла, доходящіе до пауперизма вслѣдствіе наплыва европейскихъ пролетаріевъ. Эта агитація противъ наплыва нѣмецкихъ рабочихъ и нѣмцевъ вообще дошла до того, что въ нью-йоркской эмиграціонной комисіи отстранили всѣхъ нѣмцевъ, изъ которыхъ нѣкоторые служили по 25 лѣтъ, и не оставили ни одного нѣмца даже въ Castle-Garden'ѣ, такъ-что теперь нѣмецкіе эмигранты остались повуда безъ своихъ естественныхъ защитниковъ въ Нью-Йоркѣ.

Но если, съ одной стороны, чрезмѣрное возрастаніе населенія, приливъ китайскихъ рабовъ, неизбѣжное уменьшеніе естественныхъ богатствъ грозятъ въ будущемъ сильно понизить въ Соединенныхъ Штатахъ спросъ на постороннія рабочія руки и въ то-же время уменьшить задѣльную плату, то, съ другой стороны, возможность остаться безъ работы или получить очень мало за работу лежитъ и въ самомъ составѣ эмигрантовъ. Возьмемъ для примѣра 1874 годъ. Въ этотъ годъ дѣйствительное число переселенцевъ въ сѣверную Америку доходило до 260,814 человекъ. Но что это были за лица? Въ числѣ ихъ мы встрѣчаемъ множество людей различныхъ профессій: рудокоповъ, столяровъ, портныхъ, каменщиковъ, пекарей, сапожниковъ и т. п. Эти люди, болѣе или менѣе обладающіе спеціальными познаніями въ своемъ дѣлѣ, конечно, могутъ быть не бесполезны въ новой странѣ, куда они пошли искать хлѣба. Но среди этой массы труженниковъ разныхъ наименованій мы въ то-же время встрѣчаемъ 518 мужчинъ и 1,573 женщины, родъ занятій которыхъ вовсе неизвѣстенъ; далѣе мы видимъ, что 36,061 мужчина и 86,398 женщинъ и дѣтей не имѣютъ ровно никакихъ опредѣленныхъ занятій. Не ждутъ-ли этихъ людей въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ требуютъ отъ трудящагося человѣка умѣнья и способностей въ работѣ, нужда и голодъ? Не явится-

ли большинство изъ этихъ людей лишнимъ бременемъ въ той странѣ, куда они ушли, не прискавъ никакой работы у себя дома? А между тѣмъ число такихъ эмигрантовъ даетъ ежегодно очень большой процентъ среди эмигрантовъ, дѣйствительно подготовленныхъ къ труду. Больше всего даетъ такихъ людей, неприученныхъ ни къ какому труду, Ирландія. Ирландцы нелюбимы въ северной Америкѣ. Если ихъ терпятъ, то терпятъ, главнымъ образомъ, потому, что ихъ ужъ слишкомъ много. Въ Нью-Йоркѣ ирландцы составляютъ треть всего населенія, дохода до 340,000 человекъ. Они уже являются вліятельною силою на муниципальных выборахъ и раздражать ихъ не очень удобно. Но тѣмъ не менѣе массы изъ этихъ людей являются туеядцами, пьяницами и мошенниками, не имѣя ни опредѣленныхъ занятій, ни профессиональныхъ познаній. Рассказывается анекдотъ, какъ одинъ ирландскій политикъ объяснялъ американцу значеніе ирландской эмиграціи. „Кто построилъ нью-Йоркскую ратушу? говорилъ онъ. — Ирландцы! — Кто построилъ госпиталь на Уардъ-Айландѣ? — Ирландцы! — Кто построилъ тюрьму на Блэквель-Айландѣ? — Ирландцы! — А кто въ ней сидитъ? быстро спросилъ американецъ. — Конечно, ирландцы!“ такъ-же быстро отвѣтилъ защитникъ ирландской эмиграціи. Онъ былъ вполне правъ.

Эмигранты, люди, ищущіе труда, люди, желающіе достать кусокъ хлѣба, бросаются теперь на перебой при каждомъ случаѣ, дающемъ надежду на большія выгоды. Такъ, когда въ 1859 г. въ Пенсильваніи открыли петролеумъ, трудящійся людъ бросился туда съ большею горячностью, чѣмъ въ 1849 году въ Калифорнію. „Подъ вліяніемъ неописанной дѣятельности, писалъ одинъ очевидецъ въ 1865 году, — здѣсь растутъ города и деревни не въ годы, а въ мѣсяцы и недѣли, какъ грибы изъ земли. Въ первые четыре мѣсяца старый Pit-hole-city уже насчитывалъ до 5,000 жителей, до сорока гостинницъ, множество пивныхъ, кафешантанъ, нѣсколько банкирскихъ конторъ, одну газету, одинъ театръ, двѣ церкви и т. д.“. Къ сожалѣнію, сами естественныя богатства страны хотя и не истощились еще, но ужъ, конечно, не могутъ представить того поражающаго обилія, которое встрѣчалось здѣсь прежде. Но положимъ, что этихъ богатствъ хватитъ еще на долго, что однѣ каменноугольныя копи Соединенныхъ Штатовъ дадутъ работу сотнямъ тысячъ рубъ втеченіи со-

тень и сотень лѣтъ и явятся самыми богатыми источниками каменнаго угля въ то время, когда въ Англіи уже истощится каменноугольное богатство. Что-жь изъ этого? Всегда-ли найдеть для себя выгоднымъ спекуляція разработывать вполнѣ эти естественныя богатства страны? Конечно, нѣтъ. Очень часто спекуляція заставляеть пріостанавливать разработку этихъ богатствъ, чтобы не довести до сильнаго пониженія цѣны на добываемый продуктъ, который дѣлается тѣмъ дешевле, чѣмъ больше его добывается. Все это вліяеть на количество спроса постороннихъ рабочихъ рукъ. Уменьшеніемъ-ли естественныхъ богатствъ или продѣлкою спекуляторовъ нужно объяснить, на примѣръ, пониженіе добыванія петролеума — это пока еще трудно рѣшить, но ясно одно то, что тамъ, гдѣ добывалось въ 1873 году 13 бочекъ, въ 1874 году добывалось 10 бочекъ, а въ 1875 году только 6¹/₂; сообразно съ уменьшеніемъ добываемаго продукта, конечно, повысилась его цѣна, къ выгодѣ спекуляторовъ, но въ то-же время уменьшается и спросъ на рабочія руки ровно на половину въ какіе-нибудь два-три года. Всѣ эти мелочи не слѣдуетъ упускать изъ вниманія, когда „золотыя надежды“ мѣняютъ въ Соединенные Штаты. Извѣстно, чѣмъ окончились эти „золотыя надежды“ для большинства нашихъ нѣмецкихъ колонистовъ, ушедшихъ года два тому назадъ въ Америку: они возвратились снова въ Россію, но возвратились нищими, не найдя въ Америкѣ тѣхъ благъ, о которыхъ такъ много толкуютъ восторженные туристы.

Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ причинъ Соединенные Штаты съверной Америки перестаютъ въ настоящее время играть роль того сказочнаго рая, гдѣ текутъ золотыя рѣчки въ карманы каждаго, пріѣзжающаго изъ Европы, бѣдняка. Обратная сторона медали и темныя пятна эмиграціоннаго движенія дѣлаются все замѣтнѣе и замѣтнѣе. Въ началѣ нынѣшняго года пасторъ Рупертъ писалъ слѣдующее: „Общественныя дѣла города Нью-Йорка представляютъ далеко не утѣшительную картину. Застой въ дѣлахъ вызвалъ здѣсь возрастающую бѣдность и увеличеніе преступленія. Никогда еще не встрѣчалось на улицахъ болѣе многочисленной арміи людей, оставшихся безъ дѣла, и никогда еще не было болѣе безнадежности въ отношеніи будущихъ мѣсяцевъ. Очень немногіе промышленники будутъ въ состояніи продержатъ у себя за дѣломъ втеченіи зимы все то число людей, которое занято

работой теперь; во всѣхъ восточныхъ штатахъ та-же нищета. Шерифъ одного большого города въ Массачусетъ увидалъ недавно, что у него недостаетъ мѣста въ тюрьмѣ для осужденныхъ; онъ телеграфировалъ во всѣ тюрьмы штата, прося дать ему помѣщеніе для преступниковъ, но со всѣхъ сторонъ получился отвѣтъ, что всѣ тюрьмы переполнены. Все полно просящими милостыню бродягами. Такимъ образомъ, мастерскія стоятъ пустыми, а тюрьмы переполненными. А между тѣмъ тысячи эмигрантовъ продолжаютъ каждый мѣсяцъ прибывать сюда, по большей части, безъ денегъ, безъ знанія языка, безъ друзей, иногда безъ выносливой силы для трудной работы. Сердце надрывается и въ то-же время пробуждается злость, когда видишь эти легкомысленныя толпы, переселяющіяся сюда на гибель съ своими семьями. Каждый, кто имѣетъ вліяніе на народъ, въ особенности духовныя лица, долженъ удержать бѣдный неразумный народъ отъ эмиграціи въ Америку, если у этого народа нѣтъ денегъ, чтобъ протерпѣть, переждать втеченіи извѣстнаго промежутка времени. Преступленія, разумѣется, увеличиваются пропорціонально съ уменьшеніемъ работы. Въ отвратительной нью-Йоркской тюрьмѣ все полно. Прибавьте къ этому, что теперь вездѣ выступаетъ на свѣтъ подкупность чиновниковъ и вы увидите не особенно красивую картину нашей общественной жизни. Политическія партіи борются между собою про помощи самыхъ безпощадныхъ разоблаченій, но одна партія устраняетъ другую отъ должностей, чтобы по возможности выжать еще крѣпче государственную губку, чѣмъ выжали ее члены низверженной партіи“.

Эти темныя стороны, конечно, должны охладить въ значительной степени пылъ эмигрантовъ и заставить ихъ крѣпко задуматься о будущемъ прежде, чѣмъ пуститься въ эту дальнюю сторону; безъ средствъ, безъ серьезной подготовки, безъ опредѣленныхъ знаній. Сто лѣтъ тому назадъ Америка обращала вниманіе только на количество эмигрантовъ, мало занимаясь ихъ качествомъ теперь качество эмигрантовъ стоитъ на первомъ планѣ и удача ждетъ только избранныхъ тружениковъ, ловкихъ предпринимателей, изобрѣтательныхъ спекуляторовъ. Сто лѣтъ назадъ Америка принимала всѣхъ съ распростертыми объятіями, несмотря на національность эмигрантовъ, теперь она негодуетъ на приливъ ирландцевъ, которые, какъ мы сказали, строили тюрь-

мы, чтобы самимъ въ нихъ сидѣть, и на приливъ нѣмцевъ, которые опять-таки, по выраженію самихъ американцевъ, хотятъ сдѣлать изъ Америки Пруссію и основать въ ней свой Берлинъ.

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ въ послѣдніе годы эмиграціонное движеніе въ сѣверную Америку стало очень замѣтно ослабѣвать.

Гельвальдъ довольно подробно касается всѣхъ этихъ сторонъ американской жизни, и если съ нѣкоторыми изъ его собственныхъ выводовъ не всегда можно согласиться, какъ, напримѣръ, въ вопросѣ объ уничтоженіи рабовладѣнія въ южныхъ штатахъ, то все-таки нельзя не обратить вниманія на массу сообщаемыхъ имъ фактовъ. Мы надѣемся поговорить о его трудѣ, когда онъ будетъ вполне оконченъ, такъ-какъ этотъ трудъ явится значительнымъ вкладомъ въ области географіи и этнографіи, какъ справочная настольная книга.

М.

ВЕНІАМИНЪ ДИЗРАЭЛИ,

ЛОРДЪ БИКОНСФИЛЬДЪ.

(Биографическій очеркъ.)

Въ послѣднее время на аренѣ европейской политики, которую еще такъ недавно застилала грозная тѣнь „человѣка огня и меча“, первое мѣсто пытается занять совершенно иная фигура — „политическаго гаера“. Новый претендентъ на роль диктатора всей Европы, на подобіе Наполеона III и Бисмарка, — лордъ Биконсфильдъ составляетъ, по мѣткому выраженію одного англійскаго публициста *), „комическую загадку нашего времени, — до того несообразна его мизерная личность съ тѣмъ высокимъ положеніемъ, котораго онъ достигъ, являясь шутовскимъ элементомъ въ важной исторической эпохѣ, подобно шуткамъ Фальстафа въ драмахъ Шекспира“. Если для англичанъ загадочна личность ихъ перваго министра, то тѣмъ непонятнѣе она становится для иностранцевъ, которые, какъ недавно заявлялъ „Times“, невольно вѣрятъ его словамъ и прислушиваются къ его оракульскимъ изрѣченіямъ. Въ самой же Англій между лордомъ Биконсфильдомъ и ея народомъ заключено нѣчто вродѣ массонскаго символическаго согласія, по которому онъ можетъ говорить сколько захочетъ, а народъ ему — вѣрить на-сколько захочетъ.

Поэтому неудивительно, что русская публика со времени возбужденія восточнаго вопроса относилась къ лорду Биконсфильду съ какой-то смутной, бессознательной ненавистью, видя въ немъ только врага славянства и часто перенося свою ненависть отъ

*) Political Portraits-London, 1873.

министра ко всему англійскому народу, который, въ сущности, несравненно рѣзче, чѣмъ мы, возстаетъ противъ позорной политики случайнаго руководителя его судьбами. Эта неясность понятій отразилась на многихъ органахъ нашей печати, въ которыхъ имя лорда Биксонфильда стало въ послѣднее время самымъ избитымъ общимъ мѣстомъ, какой-то любимой темой ребяческихъ выходовъ и пустозвоннаго пафоса. Одни относились къ нему съ презрительнымъ высокоуміемъ, писали къ нему юмористическія письма, издѣвались надъ его „новоиспеченнымъ“ титуломъ, называли „еврействующимъ лордомъ“, „современнымъ Шейлокомъ“, „лордомъ-идіотомъ“ и т. д.; другіе брали трагическій тонъ, видѣли въ Дизраэли какую-то демоническую силу, генія зла, трогательно рассказывали о молодыхъ англичанкахъ, со слезами взывавшихъ: „неужели въ Англии не найдется Шарлоты Корде?“ — заклинали англійскій народъ „тотчасъ его низвергнуть, что, какъ извѣстно, для свободной Англии ничего не стоитъ“. Конечно, всѣ эти школьническія и площадныя выходы были результатомъ крайняго невѣжества россійскихъ публицистовъ, происходили главнымъ образомъ отъ недостаточнаго знакомства съ внутреннею жизнью и политическими нравами современной Англии, но ихъ отчасти объясняетъ дѣйствительно странное и съ перваго взгляда непонятное появленіе во главѣ великаго народа, вѣками привыкшаго къ политической свободѣ и представительнымъ учрежденіямъ, такого искателя приключеній, какъ „юркій Диззи“, непренебрегающій никакими средствами для достиженія личныхъ цѣлей.

Чтобъ вполне уяснить себѣ нравственную характеристику и политическое значеніе лорда Биксонфильда, необходимо подробно разсмотрѣть его политическую дѣятельность, продолжающуюся болѣе пятидесяти лѣтъ, отъ перваго появленія его на политическомъ поприщѣ до болгарскихъ ужасовъ, принятыхъ имъ подъ свое покровительство и вызвавшихъ такой могучій взрывъ негодованія въ Англии и во всемъ свѣтѣ.

Мы воспользуемся для нашего очерка выходящей въ Лондонѣ еженедѣльными выпусками обстоятельной и подробной біографіей нынѣшняго перваго министра Англии подъ заглавіемъ: „Веніаминъ Дизраэли, графъ Биксонфильдъ. или сорокъ лѣтъ политической жиз-

ни отъ Браденгамъ-гауза въ Букингамширъ до Болгаріи^{*}). Неизвѣстный авторъ, очевидно принадлежащій къ либеральной партіи, съ замѣчательнымъ искусствомъ собралъ для характеристики своего героя богатые матеріалы, имѣющіеся въ англійской прессѣ, начиная съ стенографическихъ отчетовъ парламентскихъ преній и политическихъ митинговъ, статей современныхъ журналовъ и газетъ, и кончая воспоминаніями очевидцевъ и собственными сочиненіями Дизраэли. Поэтому, читая вышедшіе до сихъ поръ семь выпусковъ, въ которыхъ жизнь Дизраэли доведена до вступленія его въ парламентъ въ 1837 году, мы слушаемъ не рассказъ болѣе или менѣе краснорѣчиваго автора, не мнѣніе одного лица объ исторической личности, а видимъ передъ собой, какъ-бы въ движущейся панорамѣ, одно за другимъ всѣ событія, всѣ разнообразныя перипетіи въ жизни этого человѣка, необыкновенно подвижнаго, измѣнчиваго и способнаго служить всѣмъ партіямъ и направленіямъ, какое только окажется болѣе выгоднымъ. Онъ молился всѣмъ богамъ, и особенно тому, который лучше удовлетворялъ его мелкому личному эгоизму, этому единственному стимулу, руководившему всѣми его поступками и стремленіями. Біографія его вводитъ насъ, такъ-сказать, во внутренній міръ Дизраэли, обрисовывая его съ разныхъ сторонъ и во всѣхъ подробностяхъ, часто даже мелочныхъ, его политической, общественной и литературной дѣятельности. Она даетъ намъ богатый матеріалъ для того, чтобы составить вѣрную и безпристрастную характеристику его, а съ тѣмъ вмѣстѣ и правильное заключеніе о томъ, чего можно отъ него ждать или бояться.

Пользуясь этимъ богатымъ источникомъ, заключающимъ въ себѣ, между прочимъ, отрывки или извлеченія изъ главнѣйшихъ сочиненій и рѣчей, какъ самого Дизраэли, такъ и другихъ авторовъ или ораторовъ, говорившихъ о немъ, мы стараемся воспроизвести любопытную и, во всякомъ случаѣ, замѣчательную личность „юркаго Дизи“. При этомъ, конечно, намъ придется обращаться и къ подлиннымъ книгамъ, статьямъ или документамъ, на которые ссылается его біографъ.

^{*}) Benjamin Disraeli, Earl of Beaconsfield, being forty years and upward of political life from Bradenham House, Buckinghamshire to Bulgaria.—London, 1876.

I.

Происхожденіе и воспитаніе.

Самъ Дизраэли въ очень характеристическихъ выраженіяхъ разсказалъ исторію своего семейства въ краткой біографіи отца. „Мой дѣдъ, говоритъ онъ, — сдѣлавшійся англійскимъ гражданиномъ въ 1748 году, происходилъ отъ итальянской отрасли одной изъ еврейскихъ фамилій, которая бѣжала изъ Испаніи въ концѣ XV вѣка отъ преслѣдованій инквизиціи и нашли пріютъ въ венеціанской республикѣ. Его предки бросили свое испанское прозвище и, благодарные Богу Іакова, выведшему ихъ благополучно изъ страшныхъ испытаній и неслыханныхъ опасностей, приняли, съ цѣлью на-вѣки отличить свой родъ отъ всѣхъ другихъ, имя Дизраэли, никогда, ни прежде, ни послѣ, неносимое ни однимъ еврейскимъ семействомъ. Болѣе двухъ вѣковъ они процвѣтали и вели значительную торговлю подъ покровительствомъ республиканскаго правительства. Но во второй половинѣ XVIII вѣка, когда Англія побѣдоносно вышла изъ своихъ религіозныхъ распрей и вполне обезпечила свободу совѣсти и свободу труда, мой пра-дѣдъ устремилъ свои взоры туда; онъ рѣшился поселить своего меньшого сына Веніамина въ странѣ, гдѣ царствующая династія окончательно утвердилась послѣ неудачной попытки принца Карла-Эдуарда и гдѣ общественное мнѣніе открыто стояло за вѣротерпимость. Въ то время въ Англіи было немного еврейскихъ семействъ, но всѣ они принадлежали къ родамъ сефардимъ, то-есть были дѣти Израиля, никогда непокидавшіе береговъ Испаніи, пока Торревемада не заставилъ ихъ бросить богатя помѣстья въ Арагоніи, Андалузіи и Португаліи и отыскивать въ болотахъ Голандіи и подъ туманнымъ небомъ Англіи нѣчто болѣе драгоцѣнное, чѣмъ благорастворенный воздухъ и блестящее солнце. Большая часть этихъ семействъ, которыя смотрѣли съ презрѣніемъ на евреевъ сѣверной Европы, изрѣдка пробравшихся тогда въ Англію, теперь уже не существуетъ, а преслѣдуемые и презираемые ихъ соотечественники достигли такого богатства и значенія, о какихъ сефардимы никогда и не мечтали. Но въ то время, когда мой дѣдъ поселился въ Ан-

гліи, между прочими семействами, процвѣтавшими въ этой странѣ подѣ покровительствомъ тогдашняго перваго министра Пеллама, находились Вилла-Реалы, знаменитѣйшій и богатѣйшій родъ въ Португаліи, вступившій впоследствии въ родство съ англійской аристократіей, Медины, Лары, наши родственники, и Мендесы-де-Косты, кажется, существующіе до сихъ поръ“.

Далѣе Дизраэли описываетъ своего дѣда, какъ „человѣка умнаго, энергичнаго, твердаго и отличавшагося такимъ характеромъ, котораго не могли поколебать никакія разочарованія и неудачи“. Онъ нажилъ порядочное состояніе торговлей и, вѣроятно, сдѣлался-бы миліонеромъ, если-бы не оставилъ своихъ дѣлъ ранѣе эпохи крупныхъ займовъ во время революціонныхъ войнъ. Удалясь въ роскошный домикъ въ Эпфильдѣ, онъ провелъ спокойно остатокъ своихъ дней, „играя въ карты съ сэромъ Горасомъ Мэномъ, расцѣпывая итальянскія канцонеты и съ удовольствіемъ поѣдая макароны, приготовляемыя венеціанскимъ консуломъ“. Онъ не отличался большой преданностью своей вѣрѣ, а жена его, также еврейка, была прямо враждебна всему еврейскому. „Моя бабушка, говоритъ Дизраэли, — происходила изъ семейства, которое перенесло много преслѣдованій и питала ненависть въ своему народу, какъ часто бываетъ съ самолюбивыми людьми, на которыхъ происхожденіе какъ-бы накладываетъ клеймо. Чувство негодованія, вмѣсто того, чтобъ сосредоточиться на гонителяхъ, переходитъ на несчастныхъ, невинныхъ жертвъ, и гонимые отворачиваются не отъ невѣжественной злобы сильныхъ міра сего, а отъ добросовѣстныхъ убѣжденій бѣдняковъ, своихъ собратьевъ. Моя бабка была такъ оскорблена своими общественнымъ положеніемъ и такъ стыдилась своего имени, что до восьмидесяти лѣтъ никогда не улыбалась“.

Отецъ Дизраэли, Исаакъ, только религіознымъ равнодушіемъ походилъ на своихъ родителей. Въ другихъ-же отношеніяхъ онъ былъ прямой противоположностью предприимчиваго негоціанта и велъ жизнь одинокую, мирную, кабинетную въ скромномъ лондонскомъ домѣ или въ арендуемомъ имъ помѣстьи Бранденгамъ-гаузъ въ Букингамширѣ за любимыми книгами и литературными занятіями. Хотя онъ не занимаетъ въ ряду англійскихъ писателей особенно виднаго мѣста, но своими сочиненіями по исторіи и литературѣ, преимущественно извѣстнымъ трудомъ „Curiosities of Literature“

онъ въ свое время приобрѣлъ большую популярность и былъ почетнымъ докторомъ оксфордскаго университета. Байронъ упоминаетъ, что „онъ перечитывалъ сочиненія занимательнаго и ученаго Дизраэли чаще произведеній какого-бы то ни было другого англійскаго автора“. Относительно матери Дизраэли извѣстно только, что она была сестра Джошуи Базеви изъ Брайтона, также еврейскаго происхожденія.

О дѣтствѣ будущаго перваго министра Англiи не сохранилось почти никакихъ свѣденiй, такъ-что даже нельзя сказать положительно, когда и гдѣ онъ родился. Вообще, на основанiи болѣе или менѣе вѣроятныхъ догадокъ, думаютъ, что онъ родился 21 декабря 1805 г., но Пичиото, авторъ недавно вышедшей любопытной книги „Очерки англо-еврейской исторiи“ *), доказалъ, что Дизраэли родился годомъ ранѣе. Точно также существуетъ споръ и о томъ, въ какомъ кварталѣ Лондона онъ увидѣлъ впервые свѣтъ. Но гораздо важнѣе другое обстоятельство, также доказанное впрочемъ Пичиото, что Дизраэли, несмотря на отрицанiе всѣхъ предыдущихъ его биографовъ, былъ въ младенчествѣ принятъ въ лоно еврейства, съ соблюденiемъ всѣхъ установленныхъ правилъ, и только двѣнадцати лѣтъ, въ 1817 г., обращенъ въ христіанство. Какъ и въ силу какихъ побужденiй онъ сдѣлался перекрестомъ, до сихъ поръ тоже неизвѣстно; одни утверждаютъ, что его крестилъ поэтъ Роджерсъ, а другiе, что жена литератора Эллиса воспользовалась отсутствiемъ отца Дизраэли и совершила въ приходской церкви обрядъ крещенiя надъ умнымъ, подававшимъ большiя надежды мальчикомъ. Конечно, было-бы очень пикантно, если-бъ нынѣшнiй защитникъ англиканской церкви дѣйствительно принялъ крещенiе только благодаря капризу Роджерса, который считался самымъ развратнымъ человѣкомъ своего времени, но, во всякомъ случаѣ, фактъ его обращенiя въ христіанство только на тринадцатомъ году вполне доказанъ его недавно напечатаннымъ метрическимъ свидѣтельствомъ. Что-же касается его отца, онъ оставался членомъ еврейской конгрегации до 1821 года, когда прекратилъ всякiя сношенiя съ синагогою, оскорбившись за свое избранiе въ старосты; онъ, впрочемъ, возста-

*) Sketches of Anglo-Jewish History, by Piccioto. London, 1876.

валь противъ еврейской церкви болѣе по эстетическимъ, чѣмъ по религіознымъ антипатіямъ.

Такимъ образомъ, Дизраэли провелъ свое дѣтство въ узкомъ, замкнутомъ кружкѣ еврейской семьи, и это отчужденіе отъ англійскаго общества, въ которомъ ему было суждено играть такую видную роль, имѣло большое вліяніе на его характеръ. Этимъ обстоятельствомъ можно объяснить многое въ его политической дѣятельности, а главное, тотъ странный фактъ, что, принимая во всю свою жизнь постоянное участіе въ англійскихъ общественныхъ дѣлахъ, онъ всегда оставался внѣ англійскаго общества и чуждымъ англійскихъ интересовъ, служившихъ ему только орудіемъ для личныхъ цѣлей. Дальнѣйшее его воспитаніе, какъ и вообще первые годы его жизни, представляются спорнымъ вопросомъ и достовѣрно только то, что онъ не былъ ни въ одной большой общественной школѣ, а учился въ какомъ-то частномъ пансіонѣ, въ то-же время занимаясь съ отцомъ. Такимъ образомъ, самое воспитаніе внѣ общественной школы, гдѣ образуются первыя знакомства и сближенія между англичанами, изолировало Дизраэли. Онъ не имѣлъ ни товарищей, ни друзей.

Когда-же онъ вступилъ въ самую жизнь, полный надеждъ и жажды дѣятельности, онъ уже былъ взрослымъ юношей; судьба, какъ нарочно, натолкнула его на такой кружокъ, хуже котораго трудно себѣ что-нибудь вообразить для впечатлительной молодой природы. Очень рано онъ занялъ мѣсто въ конторѣ одного лондонскаго страпчача, такъ-какъ отецъ готовилъ ему выгодную административную должность, но эти сухія занятія не пришли ему по вкусу и онъ предпочелъ послѣдовать примѣру отца и посвятить себя литературѣ. Восемнадцати лѣтъ онъ уже былъ сотрудникомъ консервативной газеты „Representative“, и, вернувшись изъ путешествія по Германіи, получилъ доступъ въ свѣтское лондонское общество, благодаря литературнымъ связямъ его отца. Въ то время во главѣ лондонскаго свѣта стояли: извѣстная леди Блесингтонъ и мужъ ея падчерицы, еще болѣе знаменитый графъ д'Орсэ; вокругъ этихъ блестящихъ искателей приключеній толпились такіе-же, какъ и они, игроки, ставившіе все на карту, богатые только талантами, надеждами и долгами. Въ этотъ-то веселый, но подозрительный кружокъ попалъ молодой Дизраэли и вскорѣ сдѣлался однимъ изъ его постоянныхъ посѣтителей. Въ салонѣ леди Блесингтонъ

онъ встрѣчался съ такими людьми, какъ его будущій покровитель лордъ Линдгур съ, поэтъ-либоблюдъ Роджерсъ, Наполеонъ III, тогда еще неизвѣстный и рачный мечтатель и азартный игрокъ, Морни, который еще воспѣвалъ любовь и красоту, игралъ на гитарѣ и, вѣроятно, не подозрѣвалъ въ себѣ способности къ совершенію государственнаго переворота и къ хладнокровной бойнѣ.

Но каковъ былъ или какимъ казался самъ Дизраэли среди подобнаго общества? „Онъ былъ вылощеннымъ франтомъ, говорить одинъ изъ его строгихъ критиковъ, Джефрессонъ; — тогда фатовство доходило до самыхъ безобразныхъ крайностей, но Дизраэли перещеголялъ въ этомъ отношеніи всѣхъ. До сихъ поръ свѣтскія старухи вспоминаютъ съ удовольствіемъ первое появленіе въ гостинныхъ молодого Дизраэли съ его черными, какъ смоль, кудрями, блестящими глазами, изыѣженными манерами, алескимъ голосомъ, съ его чернымъ бархатнымъ сюртукомъ, подлитымъ бѣлымъ атласомъ, съ кружевными манжетами, безконечными цѣпочками, громадными перстнями, невозможными палками съ золотыми наболдашниками, разноцвѣтными вышитыми жилетами и т. д. Одинъ изъ постоянныхъ посѣтителей салона леди Блессингтонъ, Виллисъ, говоритъ о Дизраэли, какъ о замѣчательномъ красавцѣ, лицо котораго было однимъ изъ самыхъ поразительныхъ, когда-либо имъ видѣнныхъ; „онъ романтично-блѣденъ, и если-бъ не его энергія и громкій голосъ, онъ казался-бы чахоточнымъ, а его черные глаза и подвижной ротъ отличаются насмѣшливымъ выраженіемъ Мефистофеля“. „И не будучи пророкомъ, замѣчаетъ біографъ леди Блессингтонъ, Мадденъ, — тогда уже можно было предсказать Дизраэли блестящій успѣхъ въ общественной жизни. Хотя онъ обыкновенно былъ молчаливъ, но стоило только заговорить объ интересномъ предметѣ, какъ онъ приходилъ въ восторженное состояніе и рѣчь его лилась неудержимымъ потокомъ. Нельзя себѣ представить ничего злѣе его сарказмовъ, остроуміе его отвѣтовъ“.

Но довольно о внѣшней сторонѣ молодого друга леди Блессингтонъ и графа д'Орса; посмотримъ на его внутреннее, душевное состояніе. Въ чемъ заключались его идеи, стремленія и надежды? Въ этомъ отношеніи намъ нечего прибѣгать къ свидѣтельству современниковъ, такъ-какъ Дизраэли самъ потрудился нарисовать намъ свой портретъ въ натуральную величину.

Въ 1826 г. появился въ свѣтъ его первый романъ „Вивіанъ Грей“. До сихъ поръ еще окончательно не разрѣшенъ споръ, дѣйствительно-ли двадцати-двухъ-лѣтній Дизраэли изобразилъ себя въ Вивіанѣ Греѣ. Самъ онъ и его друзья возстаютъ противъ такого толкованія и сожальютъ, что преждевременный плодъ его фантазіи не былъ преданъ уничтоженію. Поэтому ясно, что авторъ не гордится своимъ произведеніемъ. Но отчего? Не оттого-ли, что онъ стыдится проповѣдуемыхъ въ немъ принциповъ и того свѣта, который этотъ романъ бросаетъ на всю его послѣдующую дѣятельность? Мы могли-бы признать а ргіогі Вивіана Грея портретомъ во весь ростъ самого Дизраэли на томъ только основаніи, что обыкновенно герой романа, написаннаго молодымъ человѣкомъ, служитъ болѣе или менѣе вѣрнымъ отраженіемъ его; но, въ данномъ случаѣ, безспорные факты вполне доказываютъ, что первый герой Дизраэли былъ онъ самъ. Поэтому, мы познакоимъ читателей съ этимъ курьезнымъ романомъ, служащимъ полной и откровенной программой послѣдующей дѣятельности лорда Виконсфильда.

II.

Программа политической дѣятельности.

Вивіанъ Грей, для исторіи котораго выбранъ знаменательный эпиграфъ: „Миръ для меня устрица, которую я вскрою мечомъ“, былъ сынъ известнаго литератора и въ раннемъ дѣтствѣ подавалъ большія надежды. Поступивъ въ школу, онъ „въ нѣсколько дней сдѣлался самымъ популярнымъ ученикомъ, — такой онъ былъ блестящій, ловкій и на все способный юноша“. Вообще онъ въ школѣ, какъ и во всей послѣдующей жизни, былъ всегда выше окружающихъ его. „Несмотря на то, что онъ въ классическомъ знаніи отставалъ отъ своихъ сверстниковъ, во всемъ другомъ онъ неизмѣнно превосходилъ ихъ“.

Конечно, Вивіанъ вскорѣ сдѣлался вожакомъ всей школы, но какъ пользовался онъ своею властью? Репетиторы или тьюторы въ англійскихъ школахъ часто бываютъ джентльмены по происхожденію и воспитанію, но нашъ гордый герой внушалъ своимъ товарищамъ, что „репетиторы были чѣмъ то вродѣ старшихъ слугъ, съ ко-

торыми джентльмены должны обращаться, конечно, учтиво, какъ со всѣми слугами, но ученикъ, вступившій добровольно въ разговоръ съ репетиторомъ, долженъ быть подвергнутъ всей школою немедленной экзекуціи“. Когда-же эта пропаганда принесла свои плоды и школьное начальство приняло репрессивныя мѣры, то Вивіана сильно оскорбило, что товарищи не поддержали его, а неблагодарные даже вторили обвиненію начальства, говоря, что онъ заразилъ всю школу. Онъ внезапно перешелъ въ противоположный лагерь, сдѣлался задумчивымъ другомъ одного изъ репетиторовъ и сталъ подучивать его на всевозможныя преслѣдованія учениковъ. Нѣсколько времени въ школѣ царилъ самая нестерпимая тиранія; никто изъ учениковъ не могъ сдѣлать ни шагу, чтобъ не подвергнуться тяжелому взысканію. Очевидно было, что всѣмъ руководилъ человѣкъ, близко знакомый съ школьною жизнью, и имя измѣнника Грея стало съ ужасомъ повторяться его товарищами. Наконецъ, терпѣніе лопнуло и состоялся заговоръ противъ Грея и его друга, репетитора. Въ назначенный день и часть двери аудиторіи были заставлены барикадами и разъяренная толпа мальчишекъ бросилась на Грея съ криками: „измѣнникъ, шпионъ, жерзавецъ!“ Онъ вскочилъ на столъ и, выхвативъ изъ кармана пистолеть, сказалъ съ спокойной улыбкой: „я выстрѣлю въ перваго, который ко мнѣ подойдетъ; но я не мѣшаю вамъ отомстить этой собацѣ и желалъ-бы еще удесатерить его пятку“. И онъ весело смѣялся, пока несчастный репетиторъ кричалъ отъ боли при грубой расправѣ учениковъ. Слѣдствіемъ этой двойной измѣны было изгнаніе Грея изъ школы.

Послѣ этой неудачной попытки общественнаго воспитанія, юноша два съ половиною года занимался дома классиками, приготавлиаясь къ оксфордскому университету. Но въ университетъ онъ не поступилъ.

„Въ Англіи, говоритъ авторъ, — личное достоинство составляетъ единственную ступеньку, по которой можно шагнуть въ высшее общество, все равно, на чужь-бы ни основывалось это достоинство: на рожденіи, богатствѣ или талантѣ; но безспорно, что человѣкъ можетъ проложить себѣ путь въ этотъ заколдованный кругъ лишь обладая миліонами, аристократической кровью или гениемъ. Благодаря своей литературной извѣстности, отецъ Вивіана пользо-

вался уваженіемъ сильныхъ міра сего и въ его домѣ юноша вкусилъ слишкомъ рано опасныя прелести свѣтской жизни. Такъ-какъ онъ, въ противоположность всѣмъ своимъ сверстникамъ, отличался совершеннымъ отсутствіемъ скромности или застѣнчивости, то ему очень понравилась эта блестящая, очаровательная, полная самаго тонкаго и изящнаго разврата жизнь, и красивый, граціозный, умный девятнадцати-лѣтній юноша подался легко всѣмъ соблазнамъ, ожидавшимъ его въ модныхъ будуарахъ аристократическихъ дамъ. Съ другой стороны, прочитавъ громадное количество историческихъ сочиненій, онъ наткнулся на изученіе политики, которая, подъ вліяніемъ окружающей его атмосферы, шевельнула въ немъ истинныя честолюбія. Теперь все было ему ясно! Непонятныя стремленія его души вполне объяснились. Великая цѣль для усилій его могущественнаго ума была найдена. Онъ ходилъ взадъ и впередъ по своей комнатѣ въ лихорадочномъ волненіи и мечталъ о немедленномъ вступленіи въ парламентъ. Время приближалось къ отъѣзду въ Оксфордъ, но этотъ юноша, мечтавшій объ университетѣ и солидномъ образованіи, чувствовалъ желанія и стремленія уже взрослого человека. Онъ уже умѣлъ читать въ человѣческомъ сердцѣ и сознавалъ, что его голосъ созданъ для предводительства людьми. Мысль объ Оксфордѣ была оскорбительна для подобнаго человека“.

Но какъ было достигъ великихъ цѣлей самолюбивому юношѣ? „Какая карьера мнѣ открыта? разсуждалъ онъ самъ съ собою;— адвокатура? Фу! до сорока лѣтъ надо заниматься скучными дѣлами и отводить душу глупыми шутками, а потомъ, на старости лѣтъ, въ случаѣ блестящаго успѣха—палата лордовъ и подагра. Но для того, чтобъ сдѣлаться великимъ адвокатомъ, необходимо быть великимъ юристомъ, а для этого надо отказаться отъ мысли быть великимъ человекомъ. Военная служба во время войны годна только для сорви-головы (именно для такихъ, какъ я), но въ мирное время въ ней мѣсто только людямъ ограниченнымъ. Церковь—учрежденіе болѣе рациональное. Я желалъ-бы, конечно, сыграть роль Вульзея, но тысяча шансовъ противъ меня, а я чувствую, что не могу поставить своей судьбы на карту при такомъ рискѣ. Будь я сынъ аристократа или миліонера, моя судьба была-бы обезпечена. Проклятая судьба! недостатокъ груды глупаго золота или

нѣсколькихъ капель какой-нибудь аристократической крови мѣшаетъ мнѣ достигъ славы и величія. Отчего было столько государственныхъ людей, никогда неповелѣвавшихъ народами, и полководцевъ, никогда недерживавшихъ побѣдъ? Отчего знаменитые философы умирали на чердакахъ? Отчего славнымъ поэтамъ внимало только горное эхо? Вѣроятно, потому, что эти люди думали только о себѣ, постоянно развивали свой собственный умъ и изучали свою собственную великую душу, но забывали изучать другихъ или отворачивались съ презрѣніемъ отъ подобнаго изслѣдованія. Да! мы должны смѣшаться съ толпою, со стадомъ; мы должны войти въ ихъ чувства, потакать ихъ слабостямъ, сочувствовать горю, котораго мы не понимаемъ, и раздѣлять радость или веселье дураковъ. Да! чтобъ повелѣвать сволочью, мы должны быть сами такою-же сволочью; желая доказать міру, что мы сильны, мы должны быть слабы, желая доказать, что мы великаны, мы должны быть карликами. Нашъ умъ долженъ быть скрытъ подъ глупостью и наше постоянство—подъ легкомысленной измѣнчивостью. Меня часто поражали древнія басни о посѣщеніяхъ міра Юпитеромъ. Въ своихъ разнообразныхъ приключеніяхъ онъ никогда не сохранялъ своего величія громовержца, а принималъ видъ простаго смертнаго, поселянина, пастуха и часто даже животнаго. Въ этихъ фантастическихъ преданіяхъ чувствуется великій смыслъ. Я понимаю значеніе посѣщеній земли Юпитеромъ. Чтобъ управлять человѣчествомъ, даже громовержецъ принималъ образъ человѣка или животнаго, чтобъ чувствовать, какъ они, и дѣйствовать, какъ-бы побуждаемый ихъ низкими страстями. Итакъ, моя цѣль, моя игра—человѣчество. Быть можетъ, въ эту самую минуту многіе могущественные аристократы нуждаются лишь въ умѣ, чтобъ сдѣлаться министрами, а въ чемъ нуждается Вивіанъ Грей для достиженія того-же? Въ вліяніи этихъ аристократовъ. Но готовъ-ли я для борьбы, если-бъ судьбѣ было угодно столкнуть меня съ сильнымъ міра сего? Взгляну я въ глубину моего сердца. Оно не дрогнетъ. Щеки мои не поблѣднѣютъ. Умъ мой можетъ придумать самыя хитрыя комбинаціи и я искусно владѣю лучшимъ музыкальнымъ инструментомъ—человѣчскимъ голосомъ, для того, чтобъ возбудить любовь другихъ къ этимъ комбинаціямъ. Нужно еще только одно—наглость. Но

развѣ Вивіанъ Грей передъ чѣмъ-нибудь спасуетъ? И онъ разсмѣялся съ презрительной горечью“.

Вскорѣ послѣ этого Вивіанъ Грей, дѣйствительно, сталкивается съ сильнымъ міра сего и пробуетъ на немъ свое искусство. Маркизъ Карабасъ (такъ звали этого сильного міра) однажды обѣдалъ у старика Грея въ многочисленномъ обществѣ. Послѣ обѣда „маркизъ началъ говорить о политикѣ; онъ былъ совершенно не правъ въ своихъ выводахъ и находившіеся въ числѣ гостей членъ парламента и ученый профессоръ побѣдоносно опровергали всѣ его аргументы. Онъ возражалъ, впадалъ въ новыя противорѣчія и чувствовалъ, что совершенно разбитъ, какъ вдругъ, на другомъ концѣ стола, послышался голосъ молодого человѣка, до тѣхъ поръ молчавшаго, но, судя по его первымъ словамъ, не отъ недостатка самоувѣренности. „По моему мнѣнію, сказалъ Вивіанъ Грей,—слова милорда не такъ поняты“. Глаза маркиза заблестѣли, а Вивіанъ Грей продолжалъ очень хладнокровно. Онъ разобралъ всѣ выраженія маркиза, придалъ другое толкованіе многимъ словамъ, извратилъ одну или двѣ фразы и, наконецъ, привелъ длинный отрывокъ изъ Болингброка въ доказательство того, что мнѣніе маркиза Карабаса было самое разумное, основательное и убѣдительное, которое когда-либо произносили смертныя“.

Отрывокъ изъ Болингброка былъ, конечно, сочиненъ неожиданнымъ защитникомъ маркиза, потому что „Вивіанъ Грей поставилъ себѣ за правило никогда не говорить, что то или другое мнѣніе принадлежитъ ему, а, напротивъ, всегда приписывалъ его какой-нибудь знаменитости, и потому славился необыкновенной памятью, и неудивительно, такъ-какъ не было ни одного пренія, въ которомъ онъ не одерживалъ-бы побѣды, благодаря ссылкамъ на великіе авторитеты. „Я именно это хотѣлъ сказать“, повторялъ нѣсколько разъ маркизъ, а его изумленные противники сложили оружіе. Вивіанъ вполне воспользовался своимъ успѣхомъ и продолжалъ за маркизомъ въ гостиную, гдѣ вступилъ съ нимъ въ продолжительную бесѣду. Маркизъ долженъ былъ сознаться, что онъ до сихъ поръ не встрѣчалъ такого пріятнаго собесѣдника. Вивіанъ краснорѣчиво разсуждалъ о новомъ венеціанскомъ ликерѣ, сообщалъ секретъ о приготовленіи глинтъ-вейна изъ жо-

зельскаго вина, о чемъ маркизъ никогда не слыхивалъ (да и кто слышалъ?), пересыпалъ свою рѣчь скандальными анекдотами, необходимыми замѣчаніями о различныхъ личностяхъ и ловко приведенными комплиментами, ссылаясь на слова самого маркиза и такъ искусно велъ бесѣду, что веселымъ, забавнымъ, остроумнымъ и блестящимъ собесѣдникомъ, знавшимъ все: и политику, и свѣтскіе скандалы, и гастрономію, былъ не Вивіанъ Грей, а самъ маркизъ Карабасъ.

„Ну, мнѣ пора ѣхать, сказалъ, наконецъ, маркизъ, совершенно очарованный молодымъ человѣкомъ;—я давно уже не былъ въ такомъ ударѣ. Я, право, кажется, былъ забавенъ, ха, ха, ха! Но вы, молодые люди, такіе, право, серьезные! Прощайте, м-ръ Вивіанъ Грей, не забудьте своего обѣщанія заѣхать ко мнѣ и привезите рецептъ новаго пунша“. Молодой человѣкъ поспѣшилъ заявить, что непремѣнно исполнить желаніе милорда, а про себя подумалъ: „надо прежде сочинить этотъ рецептъ, но все равно, все равно:

Chapeau bas, chapeau bas,

Gloire au marquis de Carabas“.

Вивіанъ Грей рѣшился извлечь наибольшую для себя пользу изъ этого случайнаго знакомства и черезъ нѣсколько дней отправился съ визитомъ въ маркизу. Мало-по-малу самыми лестными комплиментами и ловкими увѣреніями, что только отъ маркиза зависитъ сдѣлаться первымъ министромъ, онъ подстрекаетъ его составить изъ удаленныхъ отъ власти и, слѣдовательно, недовольныхъ своимъ положеніемъ аристократовъ новую политическую, карабаскую партію. Естественно, что самолюбивый маркизъ, давно удаленный отъ дѣлъ, приходитъ въ восторгъ отъ своего юнаго друга и совѣтника и рекомендуетъ его всѣмъ своимъ знакомымъ, какъ самаго удивительнаго, умнаго и поразительно-образованнаго человѣка, когда-либо видѣннаго въ Англій.

„Но, прибавляетъ отъ себя авторъ,—не слѣдуетъ полагать, чтобы Вивіанъ былъ для всѣхъ такимъ пріятнымъ и очаровательнымъ, какъ для маркиза Карабаса. Многіе жаловались на его холодность, молчаливость, гордость и готовность поднять всѣхъ на смѣхъ. Но, въ сущности, Вивіанъ часто спрашивалъ себя: „кто будетъ завтра моимъ врагомъ?“ Онъ слишкомъ хорошо

зналъ человѣческую натуру, чтобъ не понимать, на какую удочку ловятся дураки и какъ опасна ненужная, излишняя интимность. Улыбка для друга и презрительная шутка для всѣхъ остальныхъ — лучшее средство повелѣвать міромъ, и эта истина была лозунгомъ всей жизни Вивіана Грея“.

Получивъ приглашеніе въ Château Désir, великолѣпный замокъ маркиза Карабаса ловкій юноша примѣнилъ свое необыкновенное искусство увлечь собою ко всѣмъ членамъ семейства маркиза. Успѣхъ былъ быстрый и несомнѣнный. „Онъ ласкалъ пуделя маркиза, цитировалъ нѣмецкихъ поэтовъ женѣ брата маркиза, и-съ Феликсъ Лорэнъ, училъ самого маркиза ѣсть пудингъ съ ликеромъ върасо, рассказывалъ любопытныя анекдоты хозяйну, скандальныя каламбуры хозяйкѣ и чувствительныя исторіи ихъ невѣсткѣ. Первая недѣля въ замкѣ прошла для него очень пріятно. По утрамъ Вивіанъ занимался съ маркизомъ подробной выработкой всѣхъ принциповъ новой политической системы, взвѣшивалъ всѣ „за и противъ“, оцѣнивалъ пользу того или другаго союзника и основательно обсуждалъ, какой взглядъ слѣдовало выработать новой партіи на важнѣйшіе политическіе вопросы. О, политика, великое искусство фокусовъ! Все это дѣло казалось обоемъ его творцамъ совершенно легкимъ, простымъ, потому что однимъ изъ главныхъ руководящихъ принциповъ Вивіана была увѣренность, что нѣтъ на свѣтѣ ничего невозможнаго. Конечно, нѣкоторые претерпѣвали неудачу въ жизни и вообще большинство людей дѣлало мало хорошаго, но все это можно было объяснить недостаткомъ физической и умственной смѣлости. Одни составляли смѣлые, великіе планы, но въ минуту борьбы оказывались трусами, а другіе, храбро стоявшіе подъ самымъ убійственнымъ огнемъ, не знали военной тактики и погибали, какъ храбрые, невѣжественныя индѣйцы въ неравной борьбѣ съ цивилизованными европейцами. Вивіанъ Грей чувствовалъ, что былъ на свѣтѣ, по крайней мѣрѣ, одинъ человѣкъ, столь-же смѣлый физически, какъ и умственно, и потому былъ совершенно убѣжденъ, что его послѣдующая жизнь должна быть успѣшной и блестящей. Неудивительно, что онъ такъ слѣпо довѣрялъ практичности своей теоріи, когда онъ теперь находился въ дружескомъ, таинственномъ заговорѣ съ могущественнымъ вельможей и обсуждалъ

съ нимъ самые важные государственные интересы, а въ это самое время его сверстники зубрили латынь на школьной скамьѣ“.

Вскорѣ въ замѣкъ собралось значительное, избранное общество и Вивіанъ въ короткое время снискалъ общее расположеніе. Трудно было-бы сказать, кто изъ членовъ многочисленнаго семейства виконта Куртауна относился къ молодому человѣку съ большей любовью. „Съ самимъ виконтомъ Вивіанъ ѣздилъ верхомъ, съ его женою катался въ кабриолетѣ и разсуждалъ о лучшей системѣ мундштуковъ, такъ-какъ миледи была любительницей спорта, съ старшей дочерью онъ рисовалъ, съ средней бесѣдовалъ о романтическихъ предметахъ, а съ меньшей бѣгалъ въздушки. Гораздо труднѣе было побѣдить сэра Бердмора Скропа, чрезвычайно умнаго и вліятельнаго провинціального джентльмена, но, несмотря на его неподатливость, Вивіанъ нашелъ его слабое мѣсто: баронетъ находился подъ башмакомъ своей жены и, ухаживая за нею, юноша забралъ себѣ въ руки мужа. Было еще одно семейство, лорда Биконсфильда, къ которому также Вивіанъ съумѣлъ поддѣлаться, общавъ главѣ его, любителю медалей, рѣдкій, единственный въ свѣтѣ экземпляръ, а женѣ его автографы знаменитѣйшихъ современниковъ, что составляло ея слабость. У этой аристократической четы было трое сыновей, но Вивіанъ поставилъ себѣ за правило никогда не обращать вниманія на юношей, обыкновенно имѣющихъ очень мало вліянія въ семействѣ и считающихъ за обязанность быть очень непріятными въ обществѣ. Поэтому онъ всегда говорилъ, что умный человѣкъ пренебрегаетъ сыновьями, но горе тому, кто не обращаетъ должнаго вниманія на дочерей“.

Однакожь, какъ-бы ни были циничны молодые люди во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, по общепринятому мнѣнію, любовь всегда сводитъ ихъ съума. Не таковъ былъ удивительный юноша, герой Дизраэли. „Вивіанъ Грей, говоритъ онъ, —несмотря на всю свѣжесть своихъ чувствъ, не принадлежалъ къ людямъ, легко отдающимъ свое сердце. Онъ смотрѣлъ на бракъ, какъ на извѣстный фарсъ, въ которомъ рано или поздно онъ долженъ былъ играть роль за хорошее вознагражденіе, и если-бъ свадьба могла помочь ему достигнуть великой цѣли его жизни, онъ немедленно женился-бы на самомъ отвратительномъ уродѣ. Но онъ всего

болѣ боялся молодой, прелестной жены, ибо ему было положительно непонятно, какъ государственный человѣкъ, имѣя очаровательную жену, могъ исполнять свои общественныя обязанности и достигать могущества“.

На торжественномъ обѣдѣ въ замкѣ Вивіанъ Грей велъ себя самымъ удивительнымъ, блестящимъ образомъ. Онъ вошелъ въ залу, гдѣ уже сидѣло около пятисотъ гостей, позже всѣхъ, подъ предлогомъ случайно продлившейся прогулки. Въ концѣ одного изъ столовъ было нѣсколько свободныхъ мѣстъ, „по счастью для него“, какъ выразился одинъ изъ добродушныхъ сквайровъ, но, во всеобщему удивленію, смѣлый юноша прошелъ къ центральному столу и занялъ одно изъ лучшихъ мѣстъ, причемъ дамы и мужчины наперерывъ раздвигались, чтобъ имѣть счастье сидѣть рядомъ съ такимъ пріятнымъ собесѣдникомъ. Дѣйствительно, удивительный юноша плѣнялъ всѣхъ своимъ блестящимъ разговоромъ; прикасаясь губами къ стакану рейнскаго вина, онъ глубокомысленно замѣчалъ: „славное вино, но, конечно, не изъ любимой лозы князя Метерниха. Я вамъ, господа, скажу знаменитый секретъ, который прошу никогда не забывать: разливайте въ графины юганисбергъ и замораживайте мараскинъ“.

Между гостями находился извѣстный стряпчій и членъ парламента, м-ръ Стэплтонъ Тодъ; Вивіанъ очаровалъ его своими разспросами о парламентскихъ выборахъ и хлѣбныхъ законахъ. Онъ вполне соглашался съ мнѣніями знаменитаго политическаго дѣятеля, изучивъ его блестящую, вполне убѣдительную брошюру о хлѣбныхъ законахъ, которая „возбудила чрезвычайное негодованіе членовъ политико-экономическаго клуба, но доставила ему расположеніе всѣхъ провинціальныхъ сквайровъ и обезпечила избраніе въ парламентъ брата его покровителя, лорда Монтенел“.

Но все-же Вивіанъ не могъ согласиться съ нѣкоторыми его взглядами и просилъ объясненія. „Я удивляюсь, сэръ, какъ вы не можете понять... началъ Тодъ. — Подождите, м-ръ Тодъ, перебилъ его Вивіанъ, — я ошибался насчетъ настоящаго смысла вашихъ словъ; вы правы, во всемъ правы. Не даромъ покойный маркизъ Альмуксъ говаривалъ за столомъ моего покойнаго отца, что м-ръ Стэплтонъ Тодъ самый здравый умъ во всей Англіи“.

Другой изъ гостей маркиза, ученый экономистъ, м-ръ Снэгъ,

оказался не столь податливымъ на заискивающую лесть Вивіана и, несмотря на всѣ его усилія, нанесъ полное пораженіе защитникамъ хлѣбныхъ законовъ въ лицѣ нѣсколькихъ провинціальныхъ сквайровъ и вліятельнаго сэра Христофора Мобрея, который въ продолженіи полустолѣтія безмолвно поддерживалъ въ парламентѣ конституцію и хлѣбные законы, протестуя противъ всѣхъ нововведеній цивилизованнаго вѣка и называя экономистовъ французскими контрабандистами. Но и тутъ герой Дизраэли нашель возможность выйти въ-концѣ-концовъ побѣдителемъ. Онъ прямо обратился къ маркизу съ краснорѣчивою рѣчью: „Любезный милордъ, извините, что я васъ безпокою, но великіе люди должны платиться за свое величіе. Ваше присутствіе требуется представителями половины графства. Какъ могли вы допустить въ свой замокъ политико-экономиста? Три баронета и, по крайней мѣрѣ, четыре сквайра приведены въ ужасъ пыткой, которой ихъ подвергаетъ м-ръ Снэкъ. Они прислали меня къ вамъ въ качествѣ чрезвычайнаго посла, просить вашего содѣйствія, а то они будутъ позорно разбиты въ присутствіи своихъ многочисленныхъ арендаторовъ. Дѣйствительно, милордъ, было-бы очень желательно, чтобы вы вмѣшались. Этотъ ученый дуракъ не знаетъ мѣры и оскорбляетъ въ лицо людей, передъ которыми въ сущности онъ не долженъ-бы отерывать рта“.

Во главѣ всего знатнаго общества въ Château Désir находилась м-съ Милліонъ, которая, благодаря своему, хотя и плебейскому богатству, по словамъ „Готскаго альманаха“, „шла впереди эрцгерцогинь, герцогинь, принцессъ, ландграфинь, маркграфинь и т. д. Конечно, Вивіанъ обратилъ на нее особенное вниманіе и сосредоточилъ на ней всѣ свои чары. „Не правда-ли, какое великолѣпное зрѣлище представляетъ сегодня замокъ? сказалъ онъ:—такую сцену можно видѣть только въ жилищахъ старинныхъ семействъ.“ — „Да, нѣтъ ничего лучше, какъ старинная кровь!“ воскликнула м-съ Милліонъ съ принужденной улыбкой высочки. — „Вы думаете? продолжалъ Вивіанъ;— я также раздѣлялъ это мнѣніе, но въ послѣднее время, признаюсь, я совершенно измѣнилъ свои убѣжденія. Въ самомъ дѣлѣ, что такое благородная кровь? Передо мною цѣлая толпа аристократовъ и, однакожь, мы обращаемся съ ними точно такъ-же, какъ

обращались-бы съ лицами низкаго происхожденія, если-бъ они представляли такъ-же мало интереса. Человѣкъ не потому цѣнится равными ему людьми, что онъ маркизъ или герцогъ, а потому, что онъ великій воинъ или государственный человѣкъ, стоитъ во главѣ моднаго свѣта или замѣчательнъ своимъ умомъ". — „Я совершенно съ вами согласна, отвѣчала м-съ Милліонъ; — но скажите, какое положеніе въ свѣтѣ вы желали-бы занимать, если-бъ это зависѣло отъ васъ?" — „Это вопросъ чисто-метафизическій, но, какъ всѣ молодые люди, я иногда мечталъ о томъ, что дѣйствительно составляетъ полное человѣческое счастье. Вы, можетъ быть, удивитесь, когда я вамъ скажу, что я видѣлъ счастье не въ томъ, чтобы родиться аристократомъ или достичь знатнаго титула, не въ томъ, чтобы сдѣлаться государственнымъ человѣкомъ, полководцемъ, поэтомъ или негоціантомъ, ни даже свѣтскимъ франтомъ. Я желалъ-бы, во-первыхъ, родиться въ среднемъ сословіи или даже въ низшемъ, чтобы не имѣть наслѣдственныхъ предрасудковъ или страстей и развить свой умъ совершенно безпристрастно, внѣ всякаго гнета семейныхъ преданій. Во-вторыхъ, я желалъ-бы сдѣлаться обладателемъ миліоннаго состоянія". — „Да!" воскликнула м-съ Милліонъ съ жаромъ. — „И я желалъ-бы, чтобы это состояніе я получилъ такъ, чтобы всѣ мои умственные и нравственные силы оставались вполнѣ независимыми, а это невозможно въ томъ случаѣ, когда я нажилъ-бы деньги торговлей или другимъ трудомъ или унаслѣдовалъ-бы ихъ отъ отца герцога. Свободный отъ всякихъ предрасудковъ и миліонеръ, я воздѣйствовалъ-бы на весь міръ своимъ богатствомъ, такъ-какъ зналъ-бы близко чувства, наклонности и желанія большинства людей, съ которыми я составлялъ-бы одно общее. Тогда мое положеніе было-бы по-истинѣ королевское; поддерживаемый любовью и уваженіемъ этого большинства, я смѣялся-бы надъ осужденіемъ дураковъ и бранью завистниковъ".

Въ эту минуту къ м-съ Милліонъ подошелъ маркизъ и увелъ ее въ залу слушать пѣніе, но она думала про себя: „Я оставлю здѣсь болѣе сладкую музыку. Какая чарующая сила въ словахъ этого молодого человѣка! И, однакожь, это не лесть приживалокъ, не комплименты свѣтскихъ франтовъ. Конечно, юный философъ выражалъ свое мнѣніе о теоретическомъ, отвлеченномъ

вопросъ, но я какъ-будто слушала блестящую защиту своего положенія въ свѣтѣ. Я знаю, что это прославленіе случайное, ненамѣренное, и потому оно пріятно!“ Съ своей стороны, удивительный герой Дизраэли думалъ: „Честное слово, не лучше-ли мнѣ бросить мой зародышъ политической партіи и поступить въ ея блестящую свиту? Чѣмъ могъ-бы я быть? Секретаремъ, наперсникомъ, докторомъ, поваромъ или пажемъ? Я думаю, что могъ-бы отлично сыграть роль красиваго пажа и подавать золоченный кубокъ граціознѣе любой обезьяны, предъславшей колѣни въ уборной красавицы. Во всякомъ случаѣ, надо приберечь эту барыню на крайній случай, какъ игрокъ приберегаетъ до конца послѣдняго козыря“.

Послѣ многочисленныхъ, частныхъ разговоровъ Вивіана и маркиза съ будущими членами карабаской партіи, было рѣшено, что главные заговорщики сойдутся за дружескимъ обѣдомъ, походящимъ на министерскій, въ кабинетъ хозяина замка. Собраніе это было самое избранное: именно два лорда: Картаунъ и Биконсфильдъ, сэръ Бердморъ, Вивіанъ Грей и маркизъ. Послѣдній за десертомъ произнесъ торжественную рѣчь о цѣли предполагавшагося союза. „Въ настоящее время, говорилъ онъ,—существуетъ мало различія между обѣими сторонами палаты общинъ. Естественно рождается вопросъ, отчего шайка людей, невыражающихъ никакихъ опредѣленныхъ мнѣній, забрала въ свои руки власть? Второй вопросъ—какимъ образомъ эти безгласные достигли успѣха? Очевидно, они обязаны своимъ торжествомъ тому, что партія, давшая имъ власть въ надеждѣ, что они будутъ поддерживать извѣстные принципы, продолжаетъ оказывать имъ свое содѣйствіе. Нѣкоторые изъ вліятельнѣйшихъ членовъ этой партіи находятся передо мною. Если-бъ въ критическую минуту представители мѣстечекъ, принадлежащихъ лорду Картауну и лорду Биконсфильду, а также сорокъ депутатовъ, слѣдующихъ, и, я долженъ сказать, очень разумно, совѣтамъ сэра Бердмора, выказали-бы сопротивленіе тому или другому налогу, то министерство было-бы свергнуто, какъ это было и прежде. Я самъ былъ членомъ министерства во время подобнаго кризиса; помню, лордъ Ливерпуль на другой день послѣ нашего пораженія сказалъ: „Сорокъ провинціальныхъ депутатовъ могутъ отиѣнить какой угодно налогъ“.

Я не желаю радикальной перемены въ настоящей администраціи; я полагаю, что интересы страны требуютъ поддержанія политики министерства, но нѣкоторые изъ его членовъ не имѣютъ, по-моему, никакого права на отличіе и заграждаютъ путь лицамъ чрезвычайно вліятельнымъ и талантливымъ, которымъ не слѣдуетъ долѣе оставаться въ тѣни“.

Указавъ, такимъ образомъ, на возвышенныя и безпристрастныя принципы новой политической партіи, маркизъ предоставилъ своему юному другу изложить подробно ихъ програму. Легко себѣ представить, въ чемъ состояла рѣчь Вивіана. „Онъ развилъ основы новой политической системы, доказалъ, что его слушатели находились подъ позорнымъ гнетомъ непростительной ошибки, обвинялъ ихъ мѣста, власть, вліаніе и почести, если они будутъ дѣйствовать согласно его совѣтамъ. Все это онъ говорилъ сладкимъ, лстивымъ голосомъ и никогда еще такъ мелодично не воспѣвались прелести самолюбія. Когда кончилась эта чарующая музыка, всѣ присутствующіе, разгоряченные предварительно виномъ, выразили хоромъ свой восторгъ, а маркизъ молча улыбался, какъ-бы говоря: „развѣ я вамъ не говорилъ, что это умнѣйшій человекъ во всей Англіи!“ Казалось, дѣло было въ шляпѣ. Лордъ Картаунъ предложилъ тостъ: за мистера Вивіана Грея и за успѣхъ его дѣвственной рѣчи въ парламентъ, а Вивіанъ отвѣчалъ тостомъ: „за новый союзъ“.

Такимъ образомъ, карабаская партія была основана, но въ ней не доставало главы, который впослѣдствіи могъ-бы сдѣлаться полноправнымъ вождемъ палаты представителей. Сначала всѣ предложили на это почетное и отвѣтственное званіе Вивіана Грея, какъ „удивительно умнаго и на все способнаго человека“, но потомъ сэръ Бердморъ заявилъ сомнѣніе—не въ его талантахъ, а въ опытности, и самъ удивительный юноша скромно согласился уступить первенствующую роль другому. Но не легко было найти этого другого; конечно, по предложенію маркиза, было единогласно рѣшено, что самымъ достойнымъ предводителемъ новой партіи былъ-бы м-ръ Клевландъ, умнѣйшій и способнѣйшій человекъ, одинъ изъ самыхъ краснорѣчивыхъ ораторовъ въ палатѣ, нѣкогда другъ и сторонникъ маркиза, а потомъ, благодаря измѣнѣ послѣдняго, онъ сдѣлался его злѣйшимъ врагомъ и удалил-

ся въ сѣверный Валлисъ, гдѣ занималъ значительную судейскую должность. Содѣйствіе такого человѣка было-бы безцѣнно для заговорщиковъ, но какъ помирить его съ маркизомъ? Конечно, за это взялся Вивіанъ Грей. „Нечего отчаяваться, сказалъ онъ, — довольно того, что я знаю о существованіи нужнаго намъ человѣка. Кто-бы онъ ни былъ, хоть самъ дьяволъ въ человѣческомъ образѣ, я дамъ вамъ слово, что черезъ десять дней онъ будетъ пить за здоровье моего благороднаго друга, маркиза, вотъ за этимъ самымъ столомъ“.

Дѣло, за которое взялся Грей, оказалось очень труднымъ; но для него не было ничего невозможнаго. М-ръ Клевландъ, къ которому онъ прямо отправился, принялъ его очень враждебно и открыто заявилъ, что онъ, Вивіанъ Грей, только „жертва и орудіе низкаго, влѣтвопреступнаго маркиза, который его водить за носъ“. Но герой Дизраэли отвѣчалъ гордо: „ни маркизъ Карабасъ, никто въ мірѣ не водить меня за носъ. Вѣрьте мнѣ, что въ Англии происходитъ движеніе, вставъ во главѣ котораго можно достигнуть славы и могущества. Я вижу это, сэръ, я, молодой человѣкъ, незнакомый съ общественной жизнью, несроднившійся еще ни съ какими политическими принципами, хотя и сознающій свои способности, но желающій воспользоваться влияніемъ другихъ. Находясь въ такомъ положеніи, я веду одну игру съ маркизомъ Карабасомъ и двадцатью другими лицами такого-же умственнаго и нравственнаго закала. Неужели, сэръ, я долженъ играть роль отшельника въ драмѣ жизни только потому, что играющіе со мною актеры — дураки, а быть можетъ и плуты? Если маркизъ Карабасъ дѣйствительно, какъ говорятъ, тяжело оскорбилъ васъ, то лучшей местию съ вашей стороны было-бы провести его и достигнуть власти съ помощію его влиянія“.

Пустивъ въ ходъ, какъ всегда, всѣ соблазны своего чарующаго, льстиваго краснорѣчія, Вивіанъ послѣ нѣсколькихъ дней пребыванія у Клевланда возбудилъ въ немъ дремавшее честолюбіе. Подъ мановеніемъ жезла юнаго кудесника оказалось, что существовало поразительное сходство между ихъ принципами, чувствами, вкусами, и Клевландъ, откровенно изливая передъ нимъ свою душу, высказалъ знаменательную *profession de foi*: „изъ всѣхъ иллюзій, существующихъ на этомъ безумномъ свѣтѣ,

говорилъ онъ, — всего безумнѣе иллюзія человѣка, который добровольно и искренно поддерживаетъ интересы своей партіи. Я упоминаю объ этомъ потому, что многіе юные политическіе дѣятели обыкновенно гибнутъ на этомъ подводномъ камнѣ. По счастью, вы вступаете въ жизнь при иныхъ условіяхъ; у васъ связи уже составлены и ваши мнѣнія твердо опредѣлились. Но если когда-нибудь случайно вы очутитесь въ независимомъ положеніи, не думайте, чтобъ вы могли достигнуть своей цѣли, принявъ сторону одной изъ партій. Ваши случайные союзники съ улыбкой будутъ смотрѣть на вашъ рыяный пылъ, будутъ радоваться вашей побѣдѣ, но не награждать своего неожиданнаго защитника. Нѣтъ, Грей, заставьте партію васъ бояться и она будетъ цѣловать ваши ноги. Нѣтъ той подлости или того вѣроломства, на которое не была-бы способна политическая партія, ибо политика не знаетъ чести“.

Итакъ, Вивіанъ сдержалъ слово; Клевландъ явился въ замокъ маркиза Карабаса и прежняя вражда была забыта. Карабаская партія совершенно организовалась и главнѣйшіе ея члены уже заранѣе дѣлили свою добычу. Удивительный юноша, душа этого заговора, торжествовалъ свою побѣду и уже видѣлъ себя въ зенитѣ славы и могущества. Около этого времени онъ получилъ письмо отъ отца, въ которомъ старикъ грустно писалъ: „ты теперь, сынъ мой, находишься въ такъ-называемомъ большомъ свѣтѣ, въ обществѣ, созданномъ на самыхъ противообщественныхъ началахъ. Ты, повидимому, достигъ цѣли всѣхъ своихъ желаній, но сцена, на которой ты дѣйствуешь, слишкомъ шатка, люди, съ которыми ты живешь, ходятъ въ маскахъ, и очень сомнительно, долго-ли ты удержишь то, что приобрѣлъ какими-то ловкими передергиваніемъ. Ты, Вивіанъ, фокусникъ и ослѣпляющее дѣйствіе твоихъ фокусовъ зависитъ отъ быстроты движеній“. Но Вивіанъ, конечно, не обратилъ вниманія на это предостереженіе и продолжалъ энергично готовить торжество новой партіи, которая съ открытіемъ парламента должна была начать свою дѣятельность. Въ этомъ ему усердно помогала и — съ Лорэнъ, жена брата маркиза, очень умная, энергичная, но безсовѣстная и развратная женщина, которая по-очередно заманивала въ свои сѣти Вивіана, Клевланда и другихъ заговорщиковъ. Чрезвы

чайво характеристична страстная сцена, происшедшая между этими двумя совершенно родственными натурами.

Въ свѣтлую, лунную ночь они встрѣтились въ картинной галерей карабаскаго замка, изъ оконъ которой открывался живописный видъ на роскошный паркъ. — „Отчего природа всего очаровательнѣе, когда никто на нее не смотритъ? сказала романтичная м-съ Лорэнъ, по происхожденію нѣмка; — для кого созданы подобныя великолѣпныя сцены?“ „Для поэтовъ, философовъ и вообще для всѣхъ высшихъ натуръ, отвѣчалъ Грей, — которымъ необходимо отдохнуть отъ земныхъ заботъ въ созерцаніи природы и всемогущаго, животворнаго духа, признаваемаго всѣми философскими системами“. — Вы полагаете, что мы — высшія натуры? произнесла м-съ Лорэнъ, ходя взадъ и впередъ по галерей, — но что бы сказалъ Валерьянъ, первый лордъ Карабасъ, воздвигнувшій этотъ замокъ и цѣною громадныхъ жертвованій соединившій въ немъ художественныя сокровища Генуи, Флоренціи, Падуи и Венеціи, если-бъ ему кто-нибудь шепнулъ, что черезъ три столѣтія будущность его могущественнаго семейства будетъ зависѣть отъ каприза двухъ лицъ: иностранки, соединенной съ его потомками только ненавистью, и молодого искателя приключеній, неимѣющаго ничего общаго съ его расой ни по крови, ни по любви, повелѣвающаго всѣми силою своего генія и незаботящагося ни о какихъ послѣдствіяхъ, кромѣ своего собственнаго блага?.. Что вы мнѣ рассказываете о всемогущемъ, животворномъ духѣ, обманщикъ? Неужели и теперь вы не смѣете говорить правду? Вы лжете, Вивіанъ Грей: вы не поклоняетесь всемогущему, животворному духу. Въ глубинѣ вашей души скрытъ идолъ, передъ которымъ вы преклоняетесь, — вы сами. Дѣйствительно, смотря на ваши блестящіе глаза и роскошныя кудри, припоминая вашу почти образцовую по красотѣ фигуру, я не могу признать несправедливымъ это самообожаніе“, прибавила страстная женщина, обвивая руками шею Вивіана и опуская голову на его грудь“.

Однакожь, дружескія отношенія не долго существовали между Вивіаномъ и м-съ Лорэнъ. Подсмотрѣвъ однажды, какъ она униженно стояла на колѣняхъ передъ Клевландомъ, который съ презрѣніемъ отворачивался отъ ея преступной любви, онъ грубо ска-

заль ей объ этомъ, желая окончательнo забрать ее въ свои руки. Но результатъ этого объясненiя былъ совершенно противоположный: она стала его заклятымъ врагомъ и даже пыталась его отравить. Такая неожиданная опасность заставила его задуматься. „Странная мысль иногда входитъ мнѣ въ голову, говорилъ онъ себѣ, — мнѣ кажется, что въ этой таинственной женщинѣ живетъ мой двойникъ. У насъ обоихъ одинаковое знанiе человѣческой природы, одинаково мелодичный голосъ, одинаковая способность очаровывать людей; но это созданiе низкое, преступное. Неужели я похожъ на нее? Конечно, я сошелся съ маркизомъ изъ личнаго интереса, но все, что я ему совѣтовалъ, принесетъ ему такую-же пользу, какъ и мнѣ. Впрочемъ, имѣю-ли право я, которому ничего терять, рисковать состоянiемъ другихъ? Неужели я все это время обманывалъ себя несчастными софизмами? Неужели я умышленный Донъ-Жуанъ, губящiй человѣческiя души, какъ онъ губилъ человѣческiя тѣла? Неужели я интеллектуальный развратникъ? Ну, такъ что-жь, если я Донъ-Жуанъ, то, слава-богу, у меня есть вѣрный, неизмѣнный Лепорелло, другъ, совѣтникъ и слуга — мой собственнiй умъ. Ну, ты, врагъ, принявшiй образъ женщины, горе побѣжденному! Борьба между нами будетъ на смерть и Вивiанъ Грей станетъ вести себя въ отношенiи тебя такъ, какъ еще не поступалъ ни одинъ человѣкъ“.

Но несмотря на эту рѣшимость, несмотря на мефистофельскую радость, съ которой онъ подвергалъ ее всевозможнымъ нравственнiмъ пыткамъ, м-съ Лорэнъ въ-концѣ-концовъ страшно ему отомстила. Вкравшись въ довѣрiе главнѣйшихъ членовъ карабаской партii, она перессорила ихъ между собою и разрушила могущественнiй заговоръ. Маркизъ Карабасъ, лишившись своихъ союзниковъ и почетной государственной должности, занимаемой имъ до сихъ поръ въ качествѣ синекуръ, прогналъ изъ своего дома удивительнаго ювонпу, называя его лжецомъ, обманщикомъ, низкииъ плутомъ и т. д. Клевландъ, потерявшiй еще болѣе, такъ-какъ онъ поставилъ на карту свое независимое положенiе и судейскую должность, публично ударилъ по щекѣ виновника всѣхъ своихъ несчастiй и былъ убитъ на дуэли Вивiаномъ, который говорилъ, что будетъ стрѣлять на воздухъ, а случайно попалъ въ самое сердце своего противника.

Послѣ дуэли Вивіанъ Грей отправился въ Германію. Похожденіямъ его на континентѣ посвящена вторая половина романа, но хотя онъ по-прежнему прельщаетъ всѣхъ мужчинъ, побуждаетъ сердца всѣхъ женщинъ, въ томъ числѣ одной эрцгерцогини, и принимаетъ участіе въ важныхъ политическихъ переговорахъ нѣмецкихъ владѣтельныхъ князей, но все это не имѣетъ такого близкаго отношенія къ послѣдующей дѣятельности самого Дизраэли, какъ разсказанные нами подвиги его героя въ Англіи. Поэтому мы приведемъ только еще одинъ небольшой отрывокъ, чрезвычайно характеристичный. „Министръ, вышедшій изъ народа, всегда ухаживаетъ за аристократіей, говоритъ одно изъ дѣйствующихъ лицъ; — не имѣя самъ никакихъ семейныхъ связей, онъ старается воспользоваться чужими семейными связями, и, достигнувъ власти въ силу дѣйствительныхъ достоинствъ, всего менѣе обращаетъ вниманія на достоинства въ другихъ, но раздаетъ щедрой рукою всѣ мѣста и почести аристократамъ. Если какой-нибудь младшій братъ или сынъ пара нарушитъ обѣтъ безмолвія въ нижней палатѣ, то министръ самъ, дѣйствительно, великій ораторъ, немедленно встаетъ съ мѣста и въ самыхъ цвѣтистыхъ выраженіяхъ поздравляетъ палату и страну съ великолѣпной рѣчью, которая навѣки прославитъ этотъ день. Онъ окруженъ тупыми аристократами, неспособными исполнять возложенныхъ на нихъ обязанностей: его личный секретарь не умѣетъ написать двухъ строчекъ, но за то онъ аристократъ; второстепенные чиновники не заслуживаютъ ни малѣйшаго довѣрія, но за то они благородной крови. Первый министръ могущественнаго государства встаетъ рано и ложится поздно, не для того, чтобъ обсуждать настоящее положеніе и будущую судьбу своей страны, а чтобъ личнымъ трудомъ загладить ошибки и нерадѣніе своихъ подчиненныхъ, которыхъ онъ, благодаря несчастному недостатку своей крови, долженъ осипать незаслуженными похвалами“.

Вотъ въ главныхъ чертахъ Вивіанъ Грей!

Нельзя не согласиться съ анонимнымъ біографомъ, что это первое произведеніе двадцати-двухъ-лѣтняго Дизраэли — „одна изъ самыхъ грустныхъ книгъ, когда-либо появлявшихся на свѣтъ, и, по всей вѣроятности, худшее проявленіе въ печати преждевременнаго, скороспѣлаго самолюбія и цинизма“. Дѣйствительно, юноша,

непостыдившійся написать такую книгу, лишенную самыхъ элементарныхъ понятій о чести и нравственности, не могъ ихъ не выказать, выступивъ впоследствии на арену практической дѣятельности. Какъ мы уже раяѣ замѣтили, подвиги Вивіана Грея могутъ намъ понять многія дѣйствія самого Дизраэли, такъ-какъ между ними существуетъ самая близкая связь, даже не только внутренняя, но и вѣшняя. Описаніе наружности Вивіана съ его блестящими глазами и черными кудрями вполне соответствуетъ портрету молодого Дизраэли, набросанному современниками, а цвѣтистое, безсодержательное краснорѣчіе удивительнаго юноши невольно напоминаетъ недавнія рѣчи лорда Биконсфильда. Не менѣе замѣчательно, что въ этой книгѣ упоминается, хотя и вскользь, тотъ самый титулъ лорда Биконсфильда, который долженъ былъ черезъ пятьдесятъ лѣтъ увѣнчать практическое примѣненіе теоретическихъ принциповъ, въ первый разъ повѣданныхъ міру Вивіаномъ Греемъ. Становясь иногда въ тупикъ при опредѣленіи мотивовъ того или другого дѣйствія Дизраэли, мы невольно останавливаемся на сравненіи его притязаній на искренность и честность побужденій съ циничнымъ сознаніемъ эгоистическихъ и безнравственныхъ принциповъ Вивіана Грея.

Поэтому читатели, конечно, не посѣтуютъ на насъ, что мы такъ долго остановились на этомъ необходимомъ прологѣ политической дѣятельности лорда Биконсфильда.

КАЛЕЙДОСКОПЪ.

(Литературныя и общественныя замѣтки.)

— Годовщина „Калейдоскопа“. — Литературный его формуляръ. — Мое сожалѣніе объ отбѣнѣ юбилеевъ. — Сонныя грезы и прискорбное разочарованіе. — Эскурсія въ область политики. — „Первый актъ“ восточнаго вопроса или русское участіе въ сербской войнѣ. — Характеристика серба, сдѣланная г. Глѣбомъ Успенскимъ. — „Ожирѣніе“ серба. — Такъ-ли трусливы сербы, какъ разсказывали нѣкоторые корреспонденты? — Идеаль *народнаго вождя*. — Соответствовали-ли генераль Черняевъ этому идеалу? — Черняевскій штабъ. — Прострѣленная фуражка и сожженный мостъ. — Штабныя рекогносцировки. — Бѣгство штабныхъ офицеровъ съ позиціи. — Незваніе духа и средствъ арміи. — Потеря Дьюниша. — Вмѣшательство во внутреннія дѣла Сербіи. — Образъ дѣйствій генерала Новоселова. — Итоги сербской войны. —

Въ декабрѣ прошлаго года, т. е. ровно годъ тому назадъ, я открылъ свою бесѣду съ читателями на страницахъ „Калейдоскопа“...

Совершилась, такимъ образомъ, первая годовщина моего литературнаго дѣтства; прошелъ періодъ, наиболѣе опасный для всякаго новорожденнаго младенца: силы его окрѣпли, зубы прорѣзались и ноги тверже ступаютъ по землѣ. Кое-кому зубы новорожденнаго уже дали себя знать, кое-кто уже огрызнулся и отъ всей души послалъ къ чорту безпокойнаго младенца, нежелающаго дремать мирно на „лонѣ“ своей матери — журналистики; другіе не огрызались, но затаили свое озлобленіе, прикрывшись маскою напускнаго равнодушія. Третьи, принадлежащіе къ категоріи Китъ-Китычей, неуязвимыхъ ни съ какой стороны въ ихъ олимпійскомъ величіи, не огрызались и не озлоблялись, но только сказали про себя: „по мнѣ что хошь пиши ученые люди; я ничего не послушаю, ничего не испугаюсь, *потому* — я въ мысляхъ *твердъ!*“

Родительскія чувства—самыя уважительныя въ мірѣ, и мнѣ позволительно, стало быть, взирать съ надеждою и любовью на мое подроставшее чадо, позволительно сулить ему долгій вѣкъ и если не утѣхи въ жизни, то, по крайней мѣрѣ, награду въ отдаленномъ потопствѣ; тѣмъ паче, что у моего младенца есть уже маленькій литературный формуляръ, съ которымъ я и положу его въ гробницу въ случаѣ безвременной смерти.

Припомнимъ нѣкоторые факты этого краткаго формуляра.

Сравнивая въ первомъ „Калейдоскопѣ“ періодъ всероссійскаго „возрожденія“ съ послѣдовавшимъ за нимъ періодомъ апатіи и застоя, мы говорили: „что происходитъ въ нашей современной общественной жизни, трудно даже и выразить. Чего мы хотимъ, на что надѣемся, къ чему стремимся, — на это едва-ли кто отвѣтитъ сознательно, да едва-ли кто и думаетъ объ этомъ. То, чѣмъ страдаемъ мы въ настоящее время, это именно отсутствіе всякихъ идеаловъ, всякой послѣдовательности и всякаго искренняго, интеллектуальнаго увлеченія въ какомъ-бы то ни было смыслѣ и тонѣ. Всѣ понятія перепутались, какъ шашки; всѣ идеалы потускнѣли, какъ серебро Александра Кача; всѣ якобы враждебные лагеря разбиты рядкомъ, безъ окоповъ и „фортецій“ между ними, такъ-что улізнуть изъ одного лагеря въ другой можно при свѣтѣ дня, не опасаясь ни преслѣдованія съ той стороны, откуда уходишь, ни плохого гостепріимства тамъ, куда приходишь... Изыскивая подходящее слово, которое, какъ ярлыкъ, можно было-бы навѣсить на картину сумбура, разстлавшуюся предъ нашими глазами, мы перебрали много ходячихъ терминовъ, повсуда не остановились, наконецъ, на „калейдоскопѣ“. Да, это именно калейдоскопъ! невольно воскликнули мы, прикинувъ подъ эту мѣрку разнокалиберныя явленія нашей современной общественной. Только въ калейдоскопѣ могутъ такъ причудливо путаться и люди, и вещи, направляясь въ разныя стороны и сталкиваясь между собою самымъ неожиданнымъ и комическимъ образомъ; только въ этомъ затѣйливомъ приборѣ надъ всѣми явленіями господствуетъ одна ясная идея — случая и непослѣдовательности. Итакъ, поставимъ это слово во главѣ нашихъ настоящихъ и будущихъ замѣтокъ, въ твердой увѣренности, что справедливость его не разъ подтвердится тѣми фактами, которые занесемъ мы на эти страницы“.

Читатели могутъ теперь сами судить: подтвердилась-ли частными фактами наша общая характеристика, и дѣйствительно-ли „идея случая и непослѣдовательности“ руководить всѣми явленіями нашей современной жизни? Мы-же старались, по мѣрѣ силъ и умѣнья, характеризовать нашъ общественный хаосъ наиболее яркими и выразительными штрихами; мы не давали пощады никакимъ волкамъ въ овечьей шкурѣ, ни осламъ въ шкурѣ львиной; мы безпристрастно переносили нашъ калейдоскопъ въ различныя сферы житейской суеты, и намъ удалось, кажется, захватить въ него, прямо съ природы, довольно много забавныхъ, пикантныхъ и возмутительныхъ картинъ. „Калейдоскопъ“ пристально слѣдилъ за всѣми выдающимися судебными процессами, въ которыхъ бьется живая жилка общественного интереса: классическія фигуры Овсянникова, Кроненберга и Струсберга, окруженныя блестящею плеядою петербургскихъ и московскихъ „плевабъ“, красуются въ немъ на видномъ мѣстѣ. Желѣзнодорожныя безобразія—эта египетская язва и иневиизиціонная пытка въ одно и то-же время—воспѣты у насъ въ особой поэмѣ. Биржевой ажіотажъ, свирѣпствующій въ нашемъ финансовомъ мірѣ и затесавшійся даже въ литературу подъ фирмою Полетикъ, Трубниковыхъ и Баймаковыхъ, многократно избличался нами вмѣстѣ съ шладенческимъ тупоуміемъ заштатныхъ прогресистовъ, которые служатъ для этого ажіотажа или ширмою, или поддержкою. Биржевой Гамлетъ, наводнявшій своимъ „слюноточивымъ“ болтаньемъ одну плутократическую газету, отставной критикъ, у котораго „весь разумъ вытекъ“ и который (по его собственному счастливому выраженію) не замѣчаетъ уже, „что у него виситъ на носу“,—пользовался нерѣдко, и заодно съ своимъ патрономъ, внимательностью „Калейдоскопа“. Кулачество, бездушіе и невѣжество російской буржуазіи, заѣдающія нашу провинціальную жизнь съ ея неустоявшимся самоуправленіемъ, съ ея патриархальнымъ сельскимъ хозяйствомъ, фотографированы нами съ достодожною акуратностью. По временамъ заглядывали мы и въ педагогическій мірокъ, и въ „русское старье“ г. Семейскаго (откуда похитили предестный панегирикъ г. Пржецлавскаго іезуитизму и іезуитамъ), и на спиритическія „радѣнія“ новѣйшихъ хлыстовъ и скакуновъ. Конечно, всѣ эти перлы не такого свойства, „какъ жемчужины чистой воды“ и „крупницы-топазы“, которые г. Гербель патриотически

собралъ въ своей „убогой кошницѣ“ подь названіемъ „Хрестоматіа для всѣхъ“; но вѣдь всякому свое, и давно уже сказано въ русской литературѣ, что „равно чудны стекла, озирающія солнца и передающія жизнь незамѣтныхъ насѣкомыхъ...“

Изъ глубины домашнихъ *азій*
 Мы покищаемъ скорбный рядъ
 Аферъ, продѣлокъ, безобразій,
 Таящихъ свой моральный ядъ!
 Подносимъ публикѣ портреты
 Мартышекъ современныхъ, львовъ,
 Героевъ биржи и паркета,
 Себя прославившихъ дѣльцовъ.
 Въ „кошницѣ“ нашей блеску мало,
 Она не радуется очей:
 Подь лоскомъ жи въ ней скрыто жало
 Корыстныхъ, низменныхъ страстей;
 Не ароматомъ, затхлою тиной
 Онѣ блистать осуждены...
 Что-жь дѣлать? Зеркало-ль причиной,
 Коль рожи кривы и дурны?!

Признаюсь, что даже честолюбивыя мысли разыгрались во мнѣ, когда я пробѣжалъ мысленно этотъ формуляръ, заглянувъ въ эту кошницу, имѣющую своеобразный блескъ, хотя и не во вкусѣ „лоскутнаго патріотизма“ гг. сшивателей разныхъ хрестоматій, начиная отъ г. Гербеля до г. Радонежскаго вклучительно. Я захотѣлъ-было торжественно отпраздновать годовщину „Калейдоскопа“ съ обѣдомъ, спичами, качаньемъ на рукахъ, телеграммами и прочими подробностями юбилейныхъ праздниковъ; я мечталъ о томъ, что, во вниманіе къ моимъ скуднымъ литературнымъ средствамъ, всѣ издержки этого обѣда будутъ возмѣщены моими поклонниками и почитателями. Но жаль, очень жаль, что всѣ эти юбилеи нынче отиѣнены и что мои поклонники и почитатели лишены возможности прибѣгнуть къ общественной подпискѣ для возвеличенія моихъ добродѣтелей!

Я задумался, откинувшись на спинку моего кресла. Но... что же это? на яву или во снѣ подступаютъ ко мнѣ соблазнительныя видѣнія? Дверь комнаты широко растворяется и мой другъ Языкоблудинъ (съ которымъ я уже имѣлъ честь познакомиться читателя) несетъ ко мнѣ на серебряномъ блюдѣ... странно связать...

несетъ копченый языкъ превнушительныхъ разиѣровъ, и несетъ не одинъ, а въ сопровожденіи цѣлой толпы какихъ-то фрачникъ. Почему? для чего? я покуда не понимаю. Но вдругъ этотъ самый языкъ начинаетъ какъ-то колыхаться во всѣ стороны, произносить членораздѣльные звуки, и тутъ только я узнаю, что онъ присланъ мнѣ въ даръ отъ петербургскихъ адвокатовъ, какъ символъ ихъ изумительнаго краснорѣчія. Не успѣлъ я разглядѣть, какъ слѣдуетъ, этотъ странный подарокъ, не успѣлъ сообразить, что я буду съ нимъ дѣлать, если ему вздумается денно и ночью тревожить мой слухъ защитительными рѣчами, — какъ новая депутація несетъ ко мнѣ, на другомъ, но уже деревянномъ блюдѣ съ рѣзными украшеніями и деревянною-же солонкой, слоеный пирогъ съ рельефною надписью изъ тѣста: „Слоевой составъ русскихъ народныхъ былинъ объ Ильѣ Муромцѣ“. Это г. Орестъ Миллеръ, которому я посвятилъ стихотворную оду, вспомнилъ о годовщинѣ „Калейдоскопа“. Старецъ Овсянниковъ шлетъ мнѣ золотую модель сожженной имъ мельницы; г. Языковъ — флаконъ со слезами, пролитыми во славу Мясниковыхъ; г. Думашевскій — номеръ „Судебнаго Вѣстника“, въ которомъ онъ, гонимый прессою, рѣшается отказаться отъ журнальнаго поприща; г. фон-Дервизъ — проектъ спальныхъ вагоновъ для успокоенія пассажировъ рязанско-козловской желѣзной дороги; г. Струсбергъ — одну изъ бумажныхъ „цѣнностей“, положенныхъ имъ въ обезпеченіе своего займа изъ московскаго коммерческо-ссуднаго банка. Подарки начинаютъ уже получать характеръ сувенировъ, неизмѣняющаго никакого другого значенія, кромѣ напоминанія о личности, удостоившейся моей аттестаціи, или о подвигѣ, воспѣтомъ моею музою. М. И. Семейскій, ревнуя о древностяхъ російскихъ, нарочно разскалъ для меня липовый лапотъ крестьянина Телушкина, получившаго безсмертіе только за то, что онъ слазилъ въ 1830 г. на шпигъ, если не ошибаемся, петропавловской крѣпости. Въ письмѣ своемъ, по этому поводу, г. Семейскій горько жаловался мнѣ, что „скудные, нарочито-скудные средства „Русской Старины“, издающейся до сихъ поръ въ убытокъ редакціи“, не позволили ему приобрести для подарка трехугольную шляпу генерала Маевского, извѣстнаго единственно потому, что его мемуары были напечатаны (и едва-ли не съ приплатою отъ автора) въ журналѣ г. Семейскаго. На конвертѣ

письма четкая надпись: „Коллежскому асессору, Никандру Осиповичу Мизантропову, произведенному въ штабъ-офицерскій чинъ 2 февраля (старого штиля) 1872 года“. „Вотъ она, настоящая-то любовь къ старинѣ, вотъ она, научная исторіографическая точность!“ подумалъ я невольно, пробѣгая письмо и надпись на конвертѣ.

Тѣфу ты пропасть, какъ непріятно просыпаться отъ такого очаровательнаго сна! Сильный звонокъ въ прихожей моментально прогналъ мои самолюбивыя грезы, и живой, подлинный Языкоблудивъ появился передо мною, но появился—увы!—съ мушкетерскими руками.

— Гдѣ же копченый языкъ, который вы принесли мнѣ? Второпяхъ спросилъ я, еще не совсѣмъ отдѣлавшись отъ пріятныхъ видѣній.

— Что такое? какой копченый языкъ? Выразитесь яснѣе, cher Misanthropof.

— Да вѣдь вы-же... началъ было я снова, и уже осѣлся на этотъ разъ.—Вѣдь вы, кажется, хотѣли угостить меня копченымъ языкомъ? вздумалъ я поправиться.

— *Fi done, cher Misanthropof!* Предоставьте копченый языкъ,—если только это не злая аллегорія съ вашей стороны,—предоставьте его мелкому люду вмѣстѣ съ бараньимъ боконъ и жаренымъ гусемъ. Я пришелъ звать васъ къ Эрберу на устрицы — и угадайте, по какому случаю? Я уломалъ-таки упрямаго челоуѣкоубійцу принять тотъ планъ защиты, который—помните?—развивалъ вамъ недавно, и могу теперь рассчитывать на здравый разумъ и великодушіе присяжныхъ засѣдателей.

— Нѣтъ, ужъ, пожалуйста, увольте! У меня много работы, и я сейчасъ сажусь писать...

— О чемъ? смѣю спросить.

— Да придется говорить, на этотъ разъ, о славянскомъ вѣпросѣ и о генералѣ Черняевѣ.

— Тссъ! полноте, какъ можно! что вы? забарабанилъ мой юный и легкомысленный другъ, забывшій, при этомъ сенсационномъ извѣстіи, и объ устрицахъ, которыми хотѣлъ угощать меня, и о челоуѣкоубійцѣ, насчетъ котораго намѣревался произвести свой гастрономическій заказъ.—Вы подумали-ли о томъ, съ какою осторожностью надо подходить къ этой злобѣ дня и какииъ

обаяніемъ обружено еще у насъ имя героя, подъявшаго славянскій вопросъ на свои могучія рамена? Съ вашимъ холоднымъ анализомъ вы тутъ ничего не подѣлаете и только вооружите противъ себя всю благомыслящую часть русскаго общества... Ахъ, cher Misanthropoff, вѣдь я и самъ, только благодаря Черняеву, ощутилъ въ себѣ славянскую душу. Я только недавно вспомнилъ, что мой прапрадѣдъ съ материнской стороны былъ женатъ на внучатной племянницѣ одного сербскаго „юнака“, и выходитъ, что я имѣю такое-же право называться племянникомъ свободной Шумадиі, какъ г. Веселитскій (Божидаровичъ тожъ) — кузеномъ угнетенной Герцеговины. Я даже думаю, подобно г. Веселитскому, пристегнуть къ своей фамиліи какую-нибудь славянскую кличку и назваться, напр., „Пейко-Языкоблудинъ“; эта мысль тѣмъ болѣе нравится мнѣ, что мой первый „прономень“ будетъ какъ-разъ соотвѣтствовать, въ русскомъ выговорѣ, приглашенію къ выпивкѣ, отъ которой, — вы знаете, — я никогда не прочь. „Пей-ка, Языкоблудинъ!“ — что можетъ быть пріятнѣе и поощрительнѣе такого обращенія въ дружеской бесѣдѣ? Шутки въ сторону. Оставьте-же, любезный Никандръ Осиповичъ, злосчастную мысль — писать о генералѣ Черняевѣ.

— Какъ ни тяжело мнѣ послушаться васъ, юннй другъ и тоннй политикъ, но я все-таки не могу молчать.

— Въ такомъ случаѣ совѣтую вамъ одушевиться намъ высшимъ патріотическимъ жаромъ и писать въ хвалебномъ тонѣ...

И Языкоблудинъ, начиненный всегда, какъ грапата, газетными нумерами, внезапно выхватилъ изъ кармана незмятый и затасканный листъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ и принялся декламировать: „Всѣ отзывы людей, бывшихъ на мѣстѣ, русскихъ и иностранцевъ, единогласно утверждали (Языкоблудинъ сдѣлалъ педаль на этихъ словахъ), что Черняевъ — это вся сила сербской арміи. А это очень много. Это тотъ-же девизъ, который современники дали Баарду: одинъ имѣетъ силу цѣлаго войска. Но для васъ всего этого мало. Потому только, что геройство было подавлено силою, вы развѣнчиваете геройство въ преступленіе. Въ такомъ случаѣ вспомните, что и Леонидъ Спартакскій (декламаторъ опять нажалъ на Леонида Спартакскаго) могъ только умереть при Фермопилахъ, но побѣдила персидская орда. Это будетъ не лишней иллюстраціей къ вашей „религіи успѣха“. Вѣдь

и Вашингтонъ (снова педаль, и еще сильнѣе прежней) сталъ героемъ и побѣдителемъ только послѣ долгихъ неудачъ, вѣдь и Лафайетъ явился въ Америку на такое-же „хозяйничанье“, какъ Черняевъ въ Сербіи...“

— Довольно, довольно, Языкоблудинъ. Памятуйте твердо изрѣченіе Кузмы Пруткова: „если у тебя есть фонтанъ, то заткнай, по временамъ, и его; дай отдохнуть и фонтану!“ Публицистъ, котораго продекламировалъ мнѣ Языкоблудинъ, пишеть всегда хорошимъ слогомъ и его пріятно послушать; но его публицистическая аргументація не отличается... какъ - бы это сказать поделыватвѣ?... не отличается особенной силой и убѣдительностью. Онъ можетъ, отчасти, сказать о себѣ: „языкъ мой—врагъ мой“. Увлекаясь хорошимъ слогомъ и заслушиваясь звука своихъ собственныхъ рѣчей, онъ нерѣдко забываетъ о томъ, что его выводы не соотвѣтствуютъ фактамъ. Такъ точно и здѣсь. Во-первыхъ, „единогласнаго“ утвержденія, что Черняевъ составляетъ „всю силу“ сербской арміи, никогда не было, да его и не могло быть, потому что всѣмъ извѣстна, напр., блестящая дѣятельность Хорватовича, начальника значительнаго корпуса, который чаще другихъ сражался съ турками, а затѣмъ начальника артилеріи—Груича. О сербской артилеріи, дѣйствительно, всѣ отзывались съ похвалою вплоть до того момента, когда насталъ дьуниншскій погромъ и артилеристамъ приходилось спасать свои орудія; согласитесь, что артилерійскій огонь—сила тоже не малая, и ее цѣликомъ надо вычестъ, вмѣстѣ съ храбростью Хорватовича, изъ личныхъ заслугъ генерала Черняева. Подъ Дьуниншемъ, напр., только одна артилерія пошѣшала, своей мѣткой стрѣльбою, черкесамъ ворваться въ самый Делиградъ, да и вообще, во все время военныхъ дѣйствій, она составляла главный ресурсъ черняевской арміи. А обученіе артилеріи и началось, и кончилось до пріѣзда русскихъ волонтеровъ, которымъ оставалось только воспользоваться чужими трудами, т. е., между прочимъ, трудами того самаго Николича, котораго кн. Мещерскій рисуетъ намъ, какъ василиска и аспида.

— Ахъ, не говорите мнѣ о Николичѣ. Се пом m'est odieux. Это—заклятый врагъ Черняева и даже русскаго имени!

— Да, онъ, кажется, дѣйствительно сдѣлался такимъ, но это произошло въ концѣ, а не въ началѣ кампаніи, послѣ мно-

жества недоразумѣній, пререканій и словесныхъ стычекъ всякаго рода. Итакъ, первое положеніе юнаго публициста не вытекаетъ изъ фактовъ. Затѣмъ далѣе почтенный публицистъ забываетъ, что Леонидъ Спартанскій, съ которымъ онъ сравниваетъ генерала Черняева, погибъ геройскою смертью въ битвѣ, а г. Черняевъ не только не погибъ, но отправился путешествовать по Европѣ, на-счетъ славянскаго комитета, съ цѣлою дюжиной „тѣлохранителей“, точно онъ отправлялся не въ Вѣну, а куда-нибудь въ Аbruцскія горы, гдѣ нѣтъ проѣзда отъ разбойниковъ и гдѣ подобный конвой могъ-бы, въ самомъ дѣлѣ, пригодиться ему на худой конецъ. Вашингтонъ тоже нейдетъ въ примѣръ: послѣ долгихъ неудачъ, онъ все-таки „сталъ героемъ и побѣдителемъ“, силовитъ свою сбродную армію въ одно могучее цѣлое, вдохнувши въ нее силу своего великаго духа; Черняевъ-же, наоборотъ, начавъ телеграммами о громкихъ побѣдахъ, окончилъ большимъ разгромомъ и полной дезорганизаціей своего войска, которое все-таки было лучше арміи Вашингтона, по крайней мѣрѣ, въ чисто-военномъ отношеніи, и изъ котораго легче было создать стройную, дисциплинированную силу. Неудачна также и ссылка на Лафайета: онъ вовсе не „хозяйничалъ“ въ чужой землѣ, не провозглашалъ королей, не смѣнялъ министровъ, не путался во внутренніе политическіе вопросы союзныхъ штатовъ. Онъ явился сражаться—и сражался храбро въ ряду другихъ, подъ командою общепризнанной въ странѣ власти. Разница, какъ видите, очень большая, и она должна-бы, кажется, повліять на выводъ. Да и что, вообще, за странная мысль—тревожить, по поводу черняевскихъ неудачъ, кости великаго американскаго гражданина, освободителя и организатора свободы въ своей родинѣ? Зачѣмъ непременно дѣлать изъ мухи слона и клясться всѣми святыми, что въ этомъ-то и заключается историческая правда? Надѣтъ на человѣка Вашингтоновъ вѣнецъ никогда не поздно, но нужно-же, чтобы этотъ человѣкъ всею своею предыдущею жизнью былъ подготовленъ къ полученію такого вѣнца. А то, вдругъ, въ Россіи повровительствовалъ брѣвостническімъ тенденціямъ и замысламъ, издавалъ ретроградную газетку, а отправившись въ Сербію, вдругъ-де переродился и прямо попалъ въ россійскіе Вашингтоны!

— Вы доказываете только, что для Черняева не наступила пора исторической оцѣнки что страсти слишкомъ сильно возбуж-

денъ и трезвое слово правды не будетъ выслушано ни одною изъ спорящихъ сторонъ. Значить, вы, расходясь съ моимъ излюбленнымъ публицистомъ, совпадаете въ мысляхъ съ другимъ, не менѣе знаменитымъ публицистомъ, профессоромъ А. Градовскимъ...

— Ну, не думаю, чтобы я совпалъ въ мысляхъ съ кѣмъ-нибудь изъ господъ Градовскихъ: Александромъ или Григорьемъ — это все равно. Не думаю уже по той простой причинѣ, что собственные мысли этихъ господъ вовсе не вяжутся одна съ другою и совпадать съ ними, даже и при желаніи, было-бы крайне нудрено.

— А вотъ извольте послушать...—И новый газетный номеръ лѣзетъ на свѣтъ божій изъ другого кармана моего собесѣдника, и я слышу новое литературное чтеніе: „Для исторіи сербской войны, купно съ дѣйствіями Черняева, мы не имѣемъ достаточныхъ данныхъ. Но положимъ, что за неимѣніемъ всѣхъ данныхъ, можно довольствоваться и нѣкоторыми свѣденіями. Позволяю себѣ спросить однако: въ самомъ-ли дѣлѣ рѣчь идетъ объ „исторической“ только оцѣнкѣ Черняева, какъ личности, сыгравшей опредѣленную роль? Не думаю, чтобы кто-нибудь могъ дать утвердительный отвѣтъ на этотъ вопросъ. Если-бы какая-нибудь газета рѣшилась объявить, что она занимается Черняевымъ ради „исторической истины“,—она вызвала-бы неудержимый смѣхъ...“ Слышите: неудержимый смѣхъ!

— Ну что-жь! Пускай себѣ и смѣется г. Градовскій: чѣмъ-бы дитя ни тѣшилось, лишь-бы не плакало. Я не зараженъ такою безпредметною смѣшливостью и отрицаю только „извѣстную“ характеристику, „извѣстную“ публицистическую оцѣнку, а не всякую характеристику и оцѣнку Черняева вообще.

— Впрочемъ, я увлекся съ вами политикою, cher Misanthrope, а адмиральскій часъ давно уже пробилъ. И такъ-какъ васъ не вытащилъ къ Эрберу, то я ѣду туда одинъ. Желаю вамъ благихъ мыслей и главное—больше, какъ можно больше патріотизма. Nous sommes tous les enfants de notre sainte patrie!

— Милый гость, я васъ не удерживаю, ибо не желаю замѣнять вамъ хорошій завтракъ дурною политикою. Но статейку Градовскаго вы оставьте мнѣ на память; можетъ быть, она еще пригодится мнѣ на что-нибудь...

Странный, право, публицистъ — этотъ профессоръ Градовскій! Читая его, все вспоминаешь вьюна, который такъ и норовитъ выскользнуть изъ рукъ, какъ-бы плотно вы его ни держали. Вотъ хоть-бы и въ этой статейкѣ, увлекающей своимъ расплывчатымъ краснорѣчіемъ разныхъ Языкоблудныхъ: — что желалъ доказать въ ней профессоръ Градовскій? Съ одной стороны, онъ говоритъ: „что Черняевъ, какъ сербскій главнокомандующій, какъ центръ сербской войны—уже исторія“; съ другой стороны, онъ-же утверждаетъ, что никто не имѣетъ права „судить о Черняевѣ, произносить приговоръ надъ его дѣйствіями“. Дѣло, значить, не двигается ни назадъ, ни впередъ. И исторія, и не исторія, и можно, и не должно судить—въ одно и то-же время, по одному и тому-же вопросу. Признаюсь, такъ умѣютъ писать только публицисты, получившіе свое политиканское воспитаніе въ школѣ г. Краевскаго! Съ одной стороны, г. Градовскій смѣется надъ тѣмъ, что наши газеты приурочиваютъ весь балканскій вопросъ къ личности генерала Черняева, съ другой—груститъ о томъ, что „нашъ горизонтъ постепенно суживается вслѣдствіе стародавней привычки воплощать принципы въ лицахъ“. И смѣхъ, и слезы — что за нервная впечатлительность! Чтобы устранить совершенно и личность, и дѣйствія генерала Черняева изъ круга журнальнаго обсужденія, г. Градовскій рискуетъ на довольно странный способъ доказательствъ. Такъ, напр., онъ утверждаетъ, что „всѣ неудачи Черняева въ Сербіи, „хотя-бы онъ даже былъ виноватъ“, какъ объ немъ пишутъ, не уронятъ славянскаго движенія въ глазахъ тѣхъ, кто знаетъ и чувствуетъ, что такое балканскій вопросъ“; что „успѣхъ или не успѣхъ Черняева тутъ не при чемъ“ и что „еще меньше имѣетъ значенія другое „капитальное“ обвиненіе, выставленное противъ Черняева—обвиненіе въ умыленномъ искаженіи слуховъ, въ сообщеніи о небывалыхъ побѣдахъ сербовъ“. Объ этомъ послѣднемъ обвиненіи г. Градовскій разсуждаетъ такъ: „Если Черняевъ, въ самомъ дѣлѣ, устроилъ „корреспонденцъ-бюро“ — это крупная глупость, и больше ничего (довольно, однако, и этого на первый случай!); къ возбужденію общества онъ никакого отношенія не имѣлъ. Предположите, въ самомъ дѣлѣ, что Черняевъ сообщалъ-бы неприкрашенную правду, что мы всѣ знали-бы о неурядицѣхъ въ его арміи. Неужели вы думаете, что это охладило-бы рвеніе русскаго народа, остано-

вило-бы движеніе?... Русскій народъ пропитанъ (ужь будто-бы такъ пропитанъ?) евангельскою истиною, что „не здоровые нуждаются во врачѣ, а больные“, не сытныиъ нуженъ хлѣбъ, а голоднымъ. Правдивое и неприкрашенное изображеніе всѣхъ сербскихъ дѣйствій, быть можетъ, удесѣтерило бы наше рвеніе... Не думайте, чтобъ это были праздня мечтанія. Фактъ на-лицо, и фактъ огромный. Когда правительство наше отправило свой ультиматумъ Портѣ, какъ не тогда, когда въ разгромѣ Сербіи не было уже ни малѣйшаго сомнѣнія?“ (Вотъ это-то и жаль, что сербовъ разгромили въ то время, какъ мы читали объ ихъ побѣдахъ.) Въ заключеніе статейки г. Градовскій снова принимается грустить, что „весь этотъ трезвонъ о корреспондентъ-бюро, повидимому, рассчитанъ на довольно низменные инстинкты нашего общества“.

Но г. Градовскій и смѣется напрасно, и горюетъ не кстати. Вникните, читатель, въ его логику или, лучше сказать, поймите всякое отсутствіе логики—и подивитесь, какъ странно бывають созданы на Руси нынѣ „знаменитые“ публицисты. Прежде всего г. Градовскій, видимо, смѣшалъ *исторію съ публицистикой* и вообразилъ, кажется, что наши газетчики претендуютъ серьезно на роль Гиббоновъ и Шлоссеровъ. Оберегая исторію отъ вторженія въ нее недостойныхъ элементовъ, г. Градовскій упраздняетъ совершенно публицистику и подписываетъ смертнйй приговоръ надъ своими собственными литературными опытами въ этомъ родѣ. Мы виноваты, — говоритъ онъ, — въ томъ, что для насъ „принципъ всегда воплощается въ личности“. Увы! если-бы наша современная публицистика была виновна только въ этомъ, то она, право, не была-бы еще такъ дурна, какъ теперь. Скажите, г. Градовскій, въ какой странѣ міра политическая пресса не дѣлаетъ того-же самаго? Развѣ французскія газеты меньше насъ занимаются личностями: Мак-Магона, Тьера, Бюффе и Гамбетты? развѣ англійская печать либеральной фракціи не устремляетъ своихъ стрѣлъ на личность Биконсфильда, а консервативная печать не нападаетъ точно также на Гладстона и Брайта? Или можетъ быть, американская пресса ведетъ себя лучше по отношенію къ личности президента Гранта? Нѣтъ, вездѣ, въ Европѣ и въ Америкѣ, публицистика понимаетъ очень хорошо, что въ сферѣ живыхъ политическихъ вопросовъ иногда невозможно

бываетъ отдѣлить личность отъ принципа, знамя отъ знаменщика. Въ личности побивается извѣстный принципъ и знамя падаетъ влѣтъ съ знаменосцемъ. А вы хотите, чтобы у насъ отвлеченная хрія, бестѣлесный призракъ замѣняли живую политическую личность! Публицистика наша грѣшитъ не тѣмъ, что она обсуждаетъ принципы въ личностяхъ и связываетъ, такъ-сказать, идею съ живымъ образомъ, — она, къ сожалѣнiю, растеряла или перепутала всякіе принципы, утратила чутье и пониманіе общественныхъ интересовъ, а потому и мечется, какъ угорѣлая, то въ ту, то въ другую сторону, принимая друзей за враговъ и враговъ возвеличивая, какъ друзей. Такого безстрастнаго объективизма, какого желаетъ г. Градовскій въ публицистикѣ, не существуетъ даже и въ исторiи: и тамъ писатель волею-неволею вносить въ свое изложеніе живыя чувства и симпатiи своего времени; и тамъ онъ не лишенъ права нравственнаго суда надъ личностью историческаго дѣятеля. Матерiалъ-же для такого суда дасть ему, между прочимъ, и публицистика, показывая ясно, какъ относились къ извѣстному дѣятелю различныя группы современнаго ему общества, какія надежды связывались съ его успѣхомъ, и на-сколько достоинъ онъ былъ того положенiя, которое создали ему обстоятельства. Сужденiя современниковъ могутъ быть пристрастны, односторонни и несправедливы; они могутъ даже поразить историка своею неаппетитностью, нетерпимостью и узостью пониманiя (какъ поражаютъ насъ и теперь сужденiя „Новаго Времени“); но они всѣ имѣютъ право высказаться, и дѣло историка — разобраться, какъ должно, въ этой группѣ противорѣчивыхъ мнѣній, найти руководящую нить для справедливой оцѣнки или примиренiя этихъ противорѣчiй.

Такимъ образомъ, безъ дозволенiя г. Градовскаго, мы будемъ исполнять нашу обязанность публициста и, не предупреждая суда исторiи, выскажемъ безъ утайки наше мнѣніе о качествѣ дѣйствiй генерала Чернаева въ „первомъ актѣ“ великаго и далеко еще не разрѣшеннаго восточнаго вопроса. Съ этимъ мнѣніемъ мы, какъ знаетъ читатель, не торопились; мы довольно терпѣливо выжидали разъясненiя многихъ фактовъ; выслушивали толки и полемическія сплетни враждующихъ газетчиковъ; старались безпристрастно выискать во всѣ побужденiя, взвѣсить и препятствiя, мѣшавшія достиженiю цѣли, и возможные средства для

ихъ устраненія. Чтобы не дать повода упрекнуть насъ въ преднамѣренномъ выборѣ фактовъ, говорящихъ не въ пользу генерала Черняева, мы рѣшились брать ихъ почти исключительно изъ тѣхъ источниковъ, которые никѣмъ не были заподозрѣны и въ которыхъ скорѣе можно предполагать „умолчаніе“, чѣмъ „преувеличеніе“ дурныхъ сторонъ...

Генераль Черняевъ появился въ Сербіи уже въ тотъ моментъ, когда воинственное настроеніе было тамъ въ полномъ разгарѣ и страсти напряжены до послѣдней степени. Выжидательная политика, въ виду усиливающихся страданій Босніи и Герцеговины, признана была невозможною, и князь Миланъ долженъ былъ волей-неволей сдѣлать рѣшительный шагъ. Это необходимо помнить, чтобы не взваливать на Черняева несправедливаго обвиненія въ томъ, что будто-бы онъ подбивалъ сербовъ на войну для достиженія своихъ честолюбивыхъ замысловъ. Честолюбивые замыслы могли быть и не быть у г. Черняева, но на объявленіе войны они не имѣли ни малѣйшаго вліянія. Также точно нельзя придавать много значенія отзыву Черняева о блестящемъ состояніи сербской арміи и ея полной готовности къ бою, хотя этотъ отзывъ и былъ впоследствии взятъ имъ назадъ. Мнѣніе русскаго генерала потому и было принято съ сочувствіемъ, что оно соотвѣтствовало ожиданіямъ самихъ сербовъ и подходило подъ общій воинственный тонъ минуты; если-же генераль Черняевъ отказался, въ скоромъ времени, отъ этого мнѣнія, то еще вопросъ: не преувеличивалъ-ли онъ тогда, подъ вліяніемъ неудачъ и внутренняго разлада между русскими и сербскими элементами, дѣйствительныхъ недостатковъ своей арміи? Впрочемъ, прощаясь съ сербскими войсками передъ отъѣздомъ изъ Сербіи, онъ снова отдавалъ справедливость ихъ мужеству и стойкости и объяснялъ дурной исходъ кампаніи однимъ лишь численнымъ превосходствомъ своихъ противниковъ. Богъ-вѣсть, когда-же генераль Черняевъ хотѣлъ сказать сущую правду!

Но вотъ война объявлена—и первыя сраженія показали, что сербы дерутся хорошо, а артилерія ихъ даже не оставляетъ желать ничего лучшаго. Энтузіазмъ войскъ былъ засвидѣтельствованъ самимъ главнокомандующимъ по взятіи штурмомъ Бабиной главы, и военнымъ дѣйствіямъ предполагалось придать наступательный характеръ. Генераль Черняевъ мечталъ о немедленномъ

взятіи Ниша, о походѣ на Софію, — можетъ быть, о блестящемъ адрианопольскомъ мирѣ...

Прошло два-три мѣсяца — и сцены дѣйствія нельзя уже было узнать. Энтузіазмъ какъ рукой сняло, войска оказались плохи до чрезвычайности, оружіе ихъ — негодно для употребленія; походъ на Софію оказался юношеской мечтой, и сербы вынуждены обороняться, пятась къ Бѣлграду, сначала на тимовской, потомъ на моравской линіи. Пошли толки о неудовольствіяхъ и ссорахъ между русскими и сербскими начальниками, о недостаткѣ провіанта, патроновъ и пр., о неуплатѣ жалованья офицерамъ, о дезертированіи солдатъ цѣлыми массами, о самоувѣченіи ихъ и гласно выражаемомъ желаніи мира, только не адрианопольскаго, а какого-нибудь, хотя плохенькаго, но мира, по пословицѣ: худой миръ лучше доброй брани. И диковинное дѣло: всѣ эти факты произошли тогда, когда крупныя денежныя суммы стекались въ Сербію, — и преимущественно въ моравскую армію, — изъ славянскихъ комитетовъ, городскихъ обществъ и журнальныхъ редакцій, когда приливъ русскихъ волонтеровъ, все въ ту-же армію, возросъ до весьма почтенной цифры, когда, наконецъ, власть генерала Черняева фактически была выше власти Милана, когда онъ одинъ распоряжался всею арміею... Въ то-же самое время, черногорцы, вооруженные гораздо хуже сербовъ, еще болѣе страдавшіе отъ голода, холода, недостатка денежныхъ средствъ и медицинской помощи, шли себѣ впередъ да впередъ, били турокъ на каждомъ шагѣ и брали крѣпости съ такою-же легкостью, какъ сербы отдавали ихъ. Босняки и герцеговинцы, совсѣмъ уже обнищавшіе и ободранные, продолжали отстаивать свое существованіе, не робѣя встрѣчаться съ регулярными войсками, и полковникъ Деспотовичъ явился между ними энергическимъ организаторомъ народнаго возстанія. Намъ скажутъ, что противъ сербовъ стояла отборная турецкая сила, обновлявшаяся послѣ каждой кровопролитной бойни, и что природа не такъ предупредительно защитила сербовъ, какъ, напр., черногорцевъ въ ихъ почти неприступныхъ горахъ. Но позвольте: вѣдь отборной турецкой силѣ противопоставлена была столько-же отборная сила сербская, которую никакъ нельзя сравнивать съ несчастной герцеговинской ратью, да и насчетъ выгодности позицій Алексинацъ, пожалуй, поспорить съ Черной горою, тѣмъ болѣе, что онъ защищенъ не одною

природою, а также артилерійскимъ и инженернымъ искусствомъ. Значить однимъ неравенствомъ борьбы вы не объясните сербскаго погрома, и нужно поискать для него другихъ причинъ.

Первою причиною слѣдуетъ, кажется, признать взаимное непониманіе между сербами и русскими, — непониманіе, тяжело отразившееся на духѣ войска и характерѣ отношеній между начальниками и подчиненными. Наши соотечественники, по крайней мѣрѣ, значительная часть ихъ, со всѣмъ черняевскимъ штабомъ, взглянули на Сербію, какъ на полудикую страну, которую они призваны не только защищать оружіемъ, но и цивилизовать гражданскими мѣрами, вообразили ее себѣ чѣмъ-то вродѣ Ташкента, гдѣ даже *principe du télégramme* является цивилизующимъ началомъ. Ошибка странная, непростительная! Уже полстолѣтія прошло съ тѣхъ поръ, какъ Сербія отдѣлилась фактически отъ Турціи и завела у себя европейскіе порядки, неимѣющіе ничего общаго съ безобразнымъ управленіемъ падишаха и его алчныхъ клеветовъ. Она живетъ правильной и широкой политической жизнью; народное благосостояніе поднялось въ ней на очень высокую ступень; ея финансовая система не знала до войны никакихъ государственныхъ займовъ и дефицитовъ; ея военная сила, въ качествѣ силы оборонительной, очень достаточна для такой маленькой государственной территоріи. Вообще Сербія представляетъ собой цвѣтушій уголокъ Европы, прекрасно воздѣланный и щедро награжденный климатическими условіями; каждый крестьянинъ глубоко привязанъ тамъ къ своему дому, къ своей „кучѣ“, въ которой онъ находитъ всѣ удобства жизни, и чувство свободы и экономического довольства разлито, безъ исключенія, по всей странѣ. Эти условія выработали у сербовъ соответствующій національный характеръ. „Всѣ русскіе, и ненавидящіе, и любящіе сербовъ, пишетъ извѣстный белетристъ, г. Глѣбъ Успенскій, — согласны, что за деньги, т. е. изъ нужды или изъ любви къ деньгамъ, или изъ привычки продавать и продаваться, — сербы никогда ничего не сдѣлаютъ для васъ. Такъ просто, „по охотѣ или по обязанности“, сербъ, напротивъ, въ безконечное число разъ болѣе акуратный исполнитель возложеннаго на него дѣла, чѣмъ нашъ соотечественникъ, согласившійся сдѣлать что-либо за деньги. Сербъ нѣженъ, даже изнѣженъ, нервенъ, капризенъ: зарычатъ на него, оборвать, окрестить хорошимъ русскимъ словомъ —

значитъ заставить его упереться, заорточиться и не желать шевельнуть для васъ пальцемъ. Къ несчастью, этотъ послѣдній способъ понужденія къ исполненію требованія очень широко практикуется здѣсь соотечественниками и сильно вредитъ имъ въ мнѣніи сербовъ“. („С.-Петербург. Вѣд.“, № 313.)

Можетъ быть, и сербы, по своей капризности и впечатлительности, слишкомъ строго отнеслись къ разнымъ угловатостямъ и грубымъ замашкамъ россиянь; можетъ быть, и они, въ силу обычнаго славянскаго партикуляризма, слишкомъ ревниво ухватились за свое національное достоинство и не сѣмѣли сдѣлать своевременныхъ уступокъ для взаимнаго соглашенія; но, какъ-бы то ни было, люди не поняли другъ друга и сейчасъ-же столкнулись на пунктѣ національной щекотливости. Замѣчательно, что эти столкновения чаще встрѣчались между образованными, интеллигентными сербами и русскими, чѣмъ между простыми солдатами, некусившими ничего отъ плодовъ цивилизаціи; тѣмъ легче сговаривались и удобнѣе устраивали свои житейскія отношенія.

„Мнѣ случилось, сообщаетъ другой корреспондентъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“, г. Дмитрій Гирсъ, — толковать съ солдатами насчетъ возврата; всѣ они выносятъ о Сербіи воспоминаніе, какъ о родственной, доброй сторонущкѣ, гдѣ только „спорядку мало“, опять „и начальство будто не начальство“ — оттого и турка беретъ верхъ, по ихъ мнѣнію. Сильно имъ хочется на родину и возврата они ждутъ не дождутся.. Недолго всѣ они здѣсь пробыли, а уже смекнули, въ чемъ дѣло. На мои вопросы о томъ, какъ, по ихъ мнѣнію, слѣдуетъ объяснить тотъ фактъ, что сербы, народъ свободный, здоровый и красивый, оказались такими трусами на войнѣ, — многіе солдаты и даже простые крестьяне, пришедшіе сюда добровольцами, прямо объяснили, что сербы „избаловались, сыты больно, ну, жизни-то и жаль“.

„И вѣдь вѣрно!“ глубокомысленно, отъ себя, присовокупляетъ корреспондентъ. — Пятидесятилѣтній миръ и довольство жизни растлили въ боевомъ отношеніи народъ, который, можетъ быть, нѣкогда и былъ храбръ“. (С.-Петербург. Вѣд.“, № 324.)

Солдатамъ, конечно, позволительно разсуждать, что если человѣкъ сытъ, то онъ уже и трусь; но корреспондентъ могъ-бы, кажется, воздержаться отъ этихъ солдатскихъ разсужденій. Не говоря уже о томъ, что какъ-то дико называть довольство наро-

да— „растлѣніемъ“, хотя-бы и въ боевомъ только отношеніи, — мы изъ множества фактовъ можемъ убѣдиться, что растлѣніе это вовсе не было такъ велико, и сербы, несмотря на свою сытость, превосходно сражались тамъ, гдѣ они видѣли любимаго начальника, понимали разумность его распоряженій и не думали, что ихъ кровь проливается совершенно напрасно, изъ одного упрямства распорядителя или по неумѣнью его избрать позицію, выгодную для боя. Прочитайте, напр., какія нелѣпости творилъ полковникъ Медвѣдовскій, и вы удивитесь, что нашлись еще охотники идти, подъ его командою, на явную и бесполезную смерть. А странное распоряженіе самого генерала Черняева: отдать Кривецъ, взять Кривецъ и потомъ снова оставить его — развѣ все это можетъ внушить войскамъ охоту сражаться? Въ томъ-то и заключается отличіе порядочнаго войска отъ толпы пьяныхъ баши-бузузовъ, что оно не лѣзетъ, какъ говорится, на рожонъ и, дѣйствительно, дорожитъ своей жизнью на-столько, чтобы требовать отъ своихъ вождей сообразительности и сколько-нибудь расчетливаго израсходованія человѣческаго пушечнаго мяса.

Тотъ-же самый г. Гирсъ приводитъ слѣдующіе любопытные эпизоды изъ исторіи джюнишскаго побоища. Эпизодъ первый: „Какъ только полковникъ Межениновъ подошелъ къ мостамъ (во время отступленія), онъ приказалъ переправившейся на другой берегъ артилеріи, въ числѣ 8 орудій, занять выше мостовъ высоты и обстрѣливать новыя турецкія позиціи, а въ особенности не подпускать турокъ къ тому мѣсту, гдѣ, на спускѣ горъ, остались застрявшими 5 пушекъ: надѣялись ихъ еще спасти. Батарея стала за рѣкою, на позиціи, и открыла по туркамъ, черезъ головы своихъ, канонаду“. „Въ это время, рассказывалъ потомъ Межениновъ, — я былъ пораженъ слѣдующею сценою: толпа сербскихъ солдатъ окружила меня и, обнимая мои колѣни, съ плачемъ кричала и указывала руками на то мѣсто, гдѣ кинуты были на спускѣ пять орудій. Я вскорѣ понялъ, чего они отъ меня хотятъ, и ихъ горе меня тронуло. Я успокоилъ ихъ и обѣщалъ употребить стараніе спасти ихъ пушки“. Я, корреспондентъ, потомъ спрашивалъ полковника, чѣмъ слѣдуетъ объяснить этотъ поступокъ сербскихъ артиллеристовъ: привязанностью къ своимъ орудіямъ или опасеніемъ наказанія отъ начальства за потерю ихъ? Онъ, не задумываясь, отвѣчалъ: „привязанностью“. Стран-

ный народъ сербы: порой трусы, порой — наивные герои!“ А оно ничуть не странно, г. Гирсъ: трусы подъ начальствомъ любимого или бездарнаго полководца внезапно всоудушевляются и дѣлаются героями подъ командою популярнаго и способнаго вождя. Если вы знаете сколько-нибудь исторію Сербіи, то вы поймете, что это совершенно въ духѣ этого народа.

Второй эпизодъ состоитъ въ описаніи кавалерійской атаки черкесовъ, которые, пользуясь смятеніемъ сербскаго войска, чуть-было не проложили себѣ дорогу въ Делиградъ.

„Черкесы сначала тронулись шагомъ, въ густой толпѣ (ихъ было до пятисотъ человекъ); затѣмъ повернули прямо на броды (къ Моравѣ) и понеслись на рысяхъ. Впереди везли большое ярко-красное знамя, и кто-то скакалъ съ поднятою блестящею саблею. Сербская батарея прекратила перестрѣлку съ турецкими укрѣпленіями и, осыпая ихъ гранатами, начала готовиться къ отраженію непосредственно на нее идущей кавалеріи противника. Этотъ эпизодъ такъ описанъ мнѣ сапернымъ офицеромъ, поручикомъ Лацнениковымъ, находившимся на позиціи Кузьминскаго для инженерныхъ работъ: „Маіоръ Кузьминскій все ходилъ около роты, поправлялъ свои очки да твердилъ: „не пугать, войники, не пугать, пока не кажу! куршумы (пули), чтобы у всѣхъ были въ пушкахъ (ружьяхъ)“. — „Добре, господинъ маіоръ, добре!“ кричали въ отвѣтъ солдаты. Впереди брода была уступомъ обмолна. Какъ только черкесы съ гикомъ подскружили въ карьеръ къ уступу, Кузьминскій закричалъ: „стрѣляйте, Истоминонь!“ Скомандовалъ Истоминонь: „первое—пли!“ Зарядъ легъ въ десяти шагахъ передъ батареею. „Второе—пли!“ то-же самое. Мы испугались. „Что это значитъ?“ закричалъ Кузьминскій. „Что значитъ? сербская гадкая картечь. Гранаты!“ закричалъ, волнуясь, Истоминонь. Въ секунду гранаты были вложены. Раздался выстрѣлъ — граната прямо ударилась и разорвалась посрединѣ черкесской колонны, вторая — у головы ея, третья — надъ колонною. Въ то-же время, и, кажется, по командѣ Кузьминскаго, данъ страшный залпъ. Взглянули мы севозъ дымъ—черкесовъ какъ не бывало: всѣ въ разныя стороны и назадъ уносятся. Часть бросилась въ сторону Бобовиштъ, вѣроятно, отыскивать другіе броды. Маіоръ послалъ туда на встрѣчу 25 стрѣлковъ. Сербскихъ солдатъ нельзя было удержать отъ восторга, и они провожали чер-

кесовъ въ догонку выстрѣлами и криками: живіо! ура! живіо! Черезъ десять минутъ опять атака — результатъ тотъ-же. Болѣе непріятель не тревожилъ нападеніемъ, и только его артилерія сыпала съ высотъ гранатами въ маленькій отрядъ сербовъ "...

Изъ этихъ эпизодовъ видно, что сербская артилерія, — самая важная часть современнаго войска, — до послѣдняго момента войны была достойна своей репутаціи и отступала только предъ очевидной опасностью потерять орудія. Но и тутъ даже сербскіе солдаты не бѣжали отъ пушекъ въ рассыпную, какъ стадо барановъ, но, понимая хорошо рѣшающее значеніе артилерійскаго огня въ битвѣ, берегли ихъ, какъ зеницу ока, и готовы были заплатить за ихъ сохраненіе своею жизнью. Если-же сербская картечь летала иногда не далѣе десяти шаговъ, то гранаты вполне достигали своей цѣли. Плохая картечь — не вина стрѣлка, но мѣткая граната — уже прямо его заслуга. Сербская пѣхота (о кавалеріи и говорить нечего, такъ-какъ ея едва хватало на конвой сербскимъ генераламъ) — эта пѣхота стояла, конечно, ниже своей артилеріи, но и объ ея трусливости русскіе корреспонденты навричали ужъ, кажется, слишкомъ много. Не отличалась стойкостью только милиція третьяго призыва, совсѣмъ невидѣвшая ружья; постоянное-же войско и милиція первыхъ двухъ разрядовъ далеко не были такими бѣгунами, какими расписали ихъ наши храбрые волонтеры. Мы не вѣримъ, чтобы трусы могли сражаться такъ, какъ сражались сербы подъ Алексинацемъ въ то время, когда они не потеряли еще блаженныхъ иллюзій о дарованіяхъ своихъ предводителей, не были раздражены внутренними неурядицами и распрями. Намъ кажется, что изъ такого контингента, какъ сербская армія, не только Вашингтонъ и Гарибальди (не будемъ призывать имена ихъ всуе), но даже Хорватовичъ или Деспотовичъ сзумѣли-бы создать очень внушительное народное войско, проникнутое одною мыслью и живущее волею своего вождя. Но достигнуть подобнаго результата нельзя было тѣмъ путемъ, по которому пошелъ генераль Черняевъ.

Прежде всего бывшій редакторъ „Русскаго Міра“ посмотрѣлъ на себя вовсе не какъ на „народнаго вождя“, обязаннаго жить — тою самою жизнью, какою живетъ послѣдній рядовой его войска, обязаннаго ничѣмъ не отдѣляться отъ своихъ собратьевъ по оружію, — нѣтъ! согласно своимъ извѣстнымъ взглядамъ на „плебсъ“,

какъ на вьючную силу, которою призваны распоряжаться „культурные люди“,—какъ на существа низшей породы, онъ и въ Сербіи считалъ себя просто командиромъ регулярнаго войска, являющимся передъ толпою только въ критическія или торжественныя минуты и всегда окруженнымъ блестящею свитою адъютантовъ, ординарцевъ и конвоировъ. У этого командира задаются парадныя обѣды, льется рѣкою вино вмѣстѣ съ льстивыми рѣчами; его приближенные, застольные собесѣдники, щеголяютъ крестами, медалями, перьями, награждаются чинами съ быстротою неимоверною.

„Но что меня забавляло, иронизируетъ справедливо г. Гирсъ,—это свита генерала Черняева. Такихъ серьезныхъ и пѣтушиноважныхъ адъютантовъ я еще не видалъ ни въ одной свитѣ. Увѣряютъ, что и самъ императоръ Вильгельмъ не имѣетъ такихъ важныхъ адъютантовъ: какъ они ножками за генераломъ семениать, какъ важно въ козырьку прикладываются! И какіе новенькіе мундирчики, какія лядунки, какія красивыя перья на кепи—красныя, зеленныя, синія,—чудо! И какъ эти перья самимъ юнымъ адъютантамъ нравятся. Дѣйствительно: въ Россіи были юнкерами, а тутъ все „капитаны“! Комизмъ увеличивался еще тѣмъ обстоятельствомъ, что этимъ-же важнымъ адъютантамъ, „штабнымъ“, накануне въ здѣшней гостинницѣ Ристича была задана ужасная встрепка пьяною толпою какихъ-то простыхъ офицеровъ изъ дринской арміи, на которыхъ они вздумали кричать: „молчать! арестуемъ!“ и пр., такъ-что пришлось послать за взводомъ сербскихъ жандармовъ... Штабные, говорятъ, заплатились ужасными украшеніями на лицахъ и сорваніемъ у одного погоновъ“. Какъ похожи эти франтовскіе мундиры и министерская важность ихъ обладателей на красныя рубашки, на спартанскую простоту Гарибальди и двухъ-трехъ его сподвижниковъ, носившихъ названіе „штаба“ не для поощренія глупаго хвастовства, но дѣйствительно исполнявшихъ свою нелегкую обязанность—изучать мѣстность, составлять планы кампаніи и знать въ каждую минуту количество и расположеніе непріятельскихъ силъ (чего никогда не знали штабные адъютантики Черняева.) Да не только у народнаго вождя Гарибальди,—у русскаго генералиссимуса Суворова, у прусскаго фельдмаршала Мольтке не было такой многочисленной и правдой свиты, какъ у генерала Черняева. И Суворовъ,

и Мольтке отлично знали, что приближенные боевого генерала должны подавать другимъ примѣръ трудолюбія и самоотверженія, а не изображать изъ себя какую-то распущенную и надутую дворню при богатомъ помѣщикѣ. Удивительно-ли, что сербскимъ жандармамъ приходилось защищать черняевскій штабъ отъ негодованія строевыхъ офицеровъ?

Какимъ-же образомъ составился у г. Черняева такой изумительный „антуражъ“? А составился онъ очень просто. Генералъ Черняевъ—человѣкъ предобрый и къ дружбѣ весьма способный. Первыхъ сотрудниковъ онъ и избралъ себѣ изъ редакціи „Русскаго Міра“, съ которою соединенъ былъ узами кровныхъ симпатій. „Генералъ“ Комаровъ—это предшественникъ Черняева по изданію реакціонной газеты; „капитанъ“ Лаврентьевъ—это репортеръ или коректоръ „Русскаго Міра“. Нѣтъ нужды, что генералъ Комаровъ сражался только перомъ на защиту стараго интендантства, не бѣда, что капитанъ Лаврентьевъ болѣе свѣдущъ по части собиранія городскихъ новостей и сплетень, чѣмъ по части военныхъ рекогносцировокъ: они друзья-пріятели, а г. Черняевъ въ дружбѣ непреклоненъ. Далѣе штабъ наполнялся уже путемъ „естественнаго подбора“. Многіе волонтеры, по словамъ г. Токмачева, „явились къ Черняеву съ рекомендательными письмами отъ бывшихъ начальниковъ или вліятельныхъ родственниковъ; эти господа всѣми силами старались пріютиться поближе къ главнокомандующему, прекрасно понимая всѣ прелести и удобства штабной жизни“. „Боевая жизнь, продолжаетъ неутомимый изобличитель,—съ ея поэтичностью, но нѣсколько грязной обстановкой, не привлекала къ себѣ этихъ господъ. А главное—служить въ штабѣ куда безопаснѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, и это прекрасно понимали маменьки и бабушки, которыя, въ слезныхъ посланіяхъ, буквально ежедневно умоляли г. Черняева пріютить у себя ихъ племянника или внука и не подпускать близко къ окаянному туркѣ. Да племяннички и сами были народъ неглухой и очень практичный: они къ туркѣ близко не подъѣзжали: неровень часъ, и убитъ можетъ!“ Можно-бы, конечно, возразить сердобольнымъ тетушкамъ, что штабъ существуетъ не для того, чтобы укрывать „отъ турки“ ихъ племянниковъ, что эти племянники требуютъ себѣ и жалованья, и почетныхъ наградъ, которыхъ не заслуживаютъ; но г. Черняевъ, какъ

сказано, человекъ добрый и понимаетъ въ другихъ вѣжныя чувства. Къ тому-же приходится огорчать отказомъ вліятельныхъ родственниковъ... Пусть лучше племянникъ остается въ штабѣ, щеголяетъ своимъ мундиромъ и возвращается назадъ здоровъ и невредимъ, украшенный всеми доступными отличіями. А племянники не зѣвали...

„Юный адъютантъ, имѣвшій, какъ говорятъ, блистательныя рекомендаціи отъ бабушки и двухъ тетушекъ—такъ повѣствуетъ г. Токмачевъ въ „Новомъ Времени“ — во время одного изъ сраженій подъ Шильеговцемъ былъ посланъ главнокомандующимъ съ какимъ-то приказаніемъ. Юный герой, отскакавъ на приличное разстояніе отъ свиты Черняева и слышавъ вдали пушечныя выстрѣлы и ружейную перестрѣлку, естественно предался философскимъ размышленіямъ о бренности человѣческаго существованія и о глупости людей, которые, желая пріобрѣсти славу, рискуютъ жизнью. Размышляя подобнымъ образомъ, молодой человекъ додумался до весьма практичнаго, быть можетъ, не новаго средства пріобрѣсти славу и сохранить жизнь. Въ лѣсной тиши, наединѣ съ своей эластической совѣстью, онъ повѣсилъ свою шапку на сукъ и прострѣлилъ ее изъ револьвера; затѣмъ, поручивъ солдату-кавалеристу отвезти приказаніе куда слѣдовало, вернулся въ штабъ и донесъ главнокомандующему объ успѣшномъ окончаніи порученія, прибавивъ, какъ-будто мимоходомъ, что сербы держатся геройски, несмотря на страшный огонь, что даже у него, бывшаго подъ нулями только нѣсколько минутъ, прострѣлена шапка. Доказательство было на лицо... Разсмотрѣвъ прострѣленную фуражку, главнокомандующій поздравилъ юнаго героя и тутъ-же надѣлъ на него „таковскій“ крестъ. Никто сразу не замѣтилъ, что шапка прострѣлена на двухъ вискахъ, но потомъ это всемір бросилось въ глаза. Начались разспросы, какъ шапка была надѣта; но какъ ни примѣрали, все выходитъ, что голова-то должна быть пробита насквозь. Въ-концѣ-концовъ, всѣ порѣшили на томъ, что это случай чудесный, выходящій изъ ряда обыкновенныхъ. Вѣроятно, храбрый адъютантъ былъ-бы очень полезенъ на службѣ, но, къ несчастію, одна изъ тетушекъ его опасно заболѣла, и юный герой уѣхалъ въ Россію“. Уѣхалъ съ крестомъ? спросить невольно читатель. Но почему-же главнокомандующій, въ виду столь наглаго и безнравственнаго обмана, не

нарядилъ сейчасъ-же слѣдствія надъ храбрецомъ съ „насквозь прострѣленной“ головою, или почему не сорвалъ съ него креста. навѣшеннаго по ошибкѣ? Вѣдь справедливость требовала не оставлять такого факта безъ вниманія, и онъ, вѣроятно, не прошелъ-бы безслѣдно, если-бы за спиною храбреца не стояла вліятельная старушка, ворожившая въ его пользу. Но что-жь мудренаго, если въ глазахъ сербовъ ихъ единственный орденъ, который прежде, дѣйствительно, свидѣтельствовалъ о личной храбрости офицера, до такой степени упалъ въ цѣнѣ, что, напр., полковникъ Хорватовичъ отослалъ назадъ Черняеву это украшеніе при очень язвительномъ письмѣ?

Во всѣхъ бойцахъ сомнѣніе зародилось

О доблести украшенныхъ крестомъ,

И Таковы отличие обратилось

Въ *такое*скую игрушечку потомъ!

Корреспондентъ „Голоса“ сообщилъ даже фактъ, оставшіяся неопровергнутымъ, что гг. Чеда и Степанъ Поповичъ получили кресты только за то, что доставляли корпусному командиру на казенный счетъ такіе „припасы для кухни“, которые запрещаются сербскими военными законами. („Голосъ“ № 327.)

Тотъ-же корреспондентъ разъясняетъ намъ исторію сожженнаго моста, которая, право, не хуже повѣствованія о прострѣленной фуражкѣ.

25 августа, когда Эюбъ-паша былъ отброшенъ отъ Шуматовца, онъ оставилъ одинъ отрядъ своего войска у Бѣлой Стражи, противъ алексинацкихъ шанцевъ. Этотъ отрядъ оставался тамъ до 28 августа. 29 августа турки двинулись черезъ Мораву, между Буймиромъ и Мреопьемъ. У нихъ былъ, на этомъ мѣстѣ, мостъ черезъ Мораву; когда всѣ уже турки переправились съ праваго на лѣвый берегъ Моравы, они — сами-же турки — зажгли и взорвали этотъ мостъ. Какое-же сообщеніе объ этомъ сдѣлало делиградское „корреспонденцъ-бюро“? Оно, отъ имени своего шефа, телеграфировало въ Бѣлградъ: „Русскій офицеръ Мусинъ-Пушкинъ, съ пятьюдесятью волонтерами, пробираясь сквозь дождь неприятельскихъ пуль, добрался до берега Моравы и сжегъ турецкій мостъ. Лошадь, на которой ѣхалъ Пушкинъ, убита, но онъ остался въ живыхъ“. Услыхавъ о такомъ подвигѣ Мусина-Пушкина, пожаревацкое городское общество прислало благодарствен-

ный адресъ храброму офицеру. Въ самыхъ лестныхъ словахъ пожаревляне высказывали свою благодарность герою буймирскаго моста. Когда сербы дѣлали оваціи въ честь тезоименитства русскаго царя, то, рядомъ съ криками „да здравствуетъ царь всероссійскій!“, можно было слышать: „да здравствуетъ Мусинъ-Пушкинъ!“. И причиною всего этого былъ официальный бюлетень, составленный на основаніи телеграммы, присланной делиградскимъ „корреспонденць-бюро“! На самомъ-же дѣлѣ, Мусинъ-Пушкинъ никогда даже и не видѣлъ турецкаго моста, и не пробирался къ нему сквозь „дождь пуль“; словомъ, все сказанное въ телеграммѣ было ложью. Самъ Мусинъ-Пушкинъ былъ удивленъ адресомъ, присланнымъ ему пожаревлянами, и поздравленіями своихъ друзей, потому что не имѣлъ никакого понятія объ этой выдумкѣ. Ложная вѣсть „корреспонденць-бюро“ о взрывѣ моста была официально объявлена по всей Сербіи.

Тутъ даже выходитъ нѣчто почище „прострѣленной фуражки“: тетушкинъ племянникъ хоть самъ-то увѣрялъ, что „турка“ произвелъ съ нимъ чудо изъ чудесъ; а г. Мусинъ-Пушкинъ и руками, и ногами отбивается отъ геройскаго подвига, но ему не вѣрять въ главномъ штабѣ и спѣшать занести этотъ мнимый подвигъ въ хронику сербской войны...

Шалишь, о, милый человѣче,
 Что моста ты и не видалъ:—
 Рѣшили мы на нашемъ вѣчѣ,
 Что ты безсмертіе стяжалъ!

—
 Твой подвигъ истинно-чертовскій
 Мы телеграммой раструбимъ,
 Тебѣ-же влѣпимъ крестъ *таковскій*,
 Хоть ты пренебрегаешь имъ.

Какъ и слѣдовало ожидать отъ такого „штаба“, созданнаго для декораціи,—онъ относился свысока къ тому черному люду, который копошился гдѣ-то далеко „на позиціи“, въ сторонѣ отъ источника всякихъ наградъ и милостей, подъ градомъ непріятельскихъ пуль и гранатъ. Вотъ одинъ характеристическій случай изъ этихъ возмутительныхъ отношеній между аристократіей и плебсомъ, между „листьями“ и „корнями“ сербской арміи. Однимъ изъ сербскихъ батальоновъ командовалъ старый русскій капитанъ,

весь израненный и увѣшанный орденами, которые онъ получилъ, участвуя во всѣхъ нашихъ военныхъ дѣлахъ съ 1854 года. Капитану было уже лѣтъ подь 60, но, еще бодрый и сильный, онъ отличался, по прежнему, храбростью и замѣчательнымъ искусствомъ стрѣлять. Онъ имѣлъ оригинальный обычай убивать ежедневно нѣсколько турокъ — „въ завтраку, обѣду и ужину“, какъ онъ самъ выражался. Бывало, встанетъ на разсвѣтъ и идетъ на свою опасную охоту... Если охота не удастся, т. е. три турка не попадутъ подь выстрѣлъ, упрямый капитанъ лишаетъ себя обѣда или ужина. Цѣлый мѣсяцъ жилъ онъ, такимъ образомъ, на позиціи, не мѣнялъ бѣлья, потому что свѣжаго не было, чесался черезъ два дня въ третій и забылъ совершенно объ умываньѣ. Наконецъ, рѣшился онъ отправиться въ Делиградъ, чтобы получить изъ штаба свое жалованье и вынуть себѣ новыя сапоги изъ узла съ вещами, оставленнаго имъ на сохраненіе въ штабной квартирѣ. Наслышавшись много о любезномъ приѣмѣ, который оказывается обыкновенно въ штабѣ офицерамъ съ позиціи, старый капитанъ порядкомъ струхнулъ, когда увидѣлъ передъ собою важно развалившася на стулѣ юношу-адъютанта въ чистенькомъ, новенькомъ мундирѣ съ иголочки и въ свѣжихъ перчаткахъ. Косматый, небритый, немытый рубака не зналъ, какъ ему и заговорить съ бѣлоручкой-адъютантомъ. Добродушное лицо старика побагровѣло отъ усилія начать связную рѣчь, широкій рубецъ — слѣдъ сабельнаго удара, проходившій по щекѣ, сдѣлался синимъ. Вѣднана хотѣлъ уже обратиться по-добру, по-здорову, но адъютантъ заговорилъ первый. „Что вамъ угодно?“ спросилъ онъ, взбрасывая ловкимъ движениемъ свой золотой пенснѣ на носъ. — Я желалъ-бы... нельзя-ли видѣть Черняева? — „Нельзя-съ, онъ занятъ важными дѣлами“. — А Комарова? — „Нельзя-съ“. — Такъ нельзя-ли... я ихъ тутъ оставилъ... получить мои вещи? пролепеталъ капитанъ, окончательно уничтоженный величіемъ своего юнаго собесѣдника. Но собесѣдникъ напустилъ на себя форсу еще больше: „я, говорить, не сторожъ, чтобы смотрѣть за вашими вещами; я — личный адъютантъ главнокомандующаго!“ Но неожиданный финалъ этой сцены такъ хорошъ, что пусть рассказываетъ его самъ „благородный свидѣтель“ — г. Токмачевъ:

„Старикъ былъ окончательно уничтоженъ — передъ нимъ стоялъ во всемъ своемъ блескѣ самъ личный адъютантъ самого

главнокомандующаго; но испытанія его еще не кончились: едва онъ повзнулся къ двери, какъ зоркій глазъ адъютанта замѣтилъ у него на плечѣ... что-бы, вы думали? — вошь! Этого адъютантъ уже не могъ перенести. — „Милостивый государь! Въ какомъ видѣ вы являетесь въ штабъ? Это у васъ что?“ — „Это вошь, на которую вы, какъ двѣ капли воды, похожи!“ заревѣлъ капитанъ, уже окончательно выведенный изъ терпѣнія, и пошелъ, и пошелъ...

Упреки, болѣе или менѣе справедливыя, такъ и посыпались на голову бѣднаго адъютанта, котораго разсвирѣпѣвшій капитанъ одной рукой держалъ за шиворотъ, а другой внушительно отбивалъ тактъ по столу.

— Вы тунядствуете, а мы голодаемъ, мокнемъ подъ дождемъ, насъ заѣдаютъ вши, мы умираемъ въ бою... а вы...

И могучая рука капитана готова была уже швырнуть адъютанта подъ столъ, но тутъ я и одинъ офицеръ, случайные свидѣтели всей этой сцены, боясь какихъ-нибудь серьезныхъ послѣдствій, отняли у свирѣпаго капитана его жертву. Освобожденный адъютантъ опрометью бросился въ другую комнату. („Новое Время“, № 266.)

И такой возмутительный тонъ господствовалъ въ штабѣ на глазахъ у г. Черныяева, который ничего не зналъ или, вѣрнѣе, ничего не хотѣлъ знать объ этомъ! Не одинъ мелкій адъютантикъ третировалъ такимъ образомъ боевыхъ офицеровъ: самъ помощникъ начальника штаба, полковникъ Монтеверде (писавшій очень скверныя статейки, подъ псевдонимомъ Петра Петрова, въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ и „Русскомъ Мирѣ“), поступалъ не лучше этого адъютанта и, по словамъ г. Токмачева, встрѣтилъ однажды такой-же отпоръ со стороны пришедшихъ къ нему для объясненія офицеровъ. Забавно говорить послѣ этого, что Черныяевъ — самъ по себѣ, а его штабъ — тоже самъ по себѣ. Но кто-же назначалъ этотъ штабъ? Почему, имѣя передъ собою на выборъ болтливаго Кошарова и скромнаго, но дѣльнаго Дохтурова, г. Черныяевъ предпочиталъ перваго послѣднему въ должности начальника штаба? Кажется, что во всемъ огромномъ штабѣ моравско-тимокской арміи „купеческій сынъ“ Хлудовъ былъ самымъ почтеннымъ лицомъ, — хотя-бы потому, что тратилъ на „угошенье“ свои собственныя, а не сербскія деньги и не пожертво-

ванія славянскихъ комитетовъ. Но и личною храбростію Хлудовъ отличался больше мундирныхъ воиновъ того штаба, который весь in corpore „убѣжалъ“ въ Рожаны въ день взятія дьюнишскихъ высотъ, покинувъ на произволь судьбы и Черняева, и Дохтурова. Объ этомъ фактѣ рассказываетъ, какъ очевидецъ, корреспондентъ „Daily News“, но онъ подтверждается и русскимъ волонтеромъ, г. Токмачевымъ. „Я въ это время, говоритъ г. Токмачевъ, — лежалъ раненный въ рожанскомъ госпиталѣ. Вдругъ входитъ къ намъ въ палату казакъ. „Что тебѣ?“ спрашиваю. — „Да тутъ гдѣ-то есть много нашихъ офицеровъ... изъ Делиграда ушли штабные... нашему ротмистру гнать ихъ назадъ приказано“. Нѣтъ, Хлудовъ куда былъ храбрѣе этихъ бѣглецовъ, водворяемыхъ въ штабную квартиру казачьими разъѣздами; онъ даже и пострадалъ за свою любовь къ путешествіямъ, высиживъ съ недѣлю въ пещерномъ клоповникѣ.

Каковы были рекогносцировки, производимыя этимъ образцовымъ штабомъ, не трудно опредѣлить а priori; но, не желая говорить голословно, мы и здѣсь сошлемся на факты, указанныя и даже отчасти разработанныя въ газетѣ, весьма дружественной къ генералу Черняеву. Извѣстно, что 13 августа турки были отброшены отъ Алексинаца, и рекогносцировка, произведенная на другой день, на лѣвомъ берегу Моравы, начальникомъ штаба черняевской арміи, убѣдительно доказывала, что непріатель, вслѣдствіе повесенныхъ имъ потерь, и думать не посмѣетъ перейти въ наступательное движеніе ранѣе двухъ недѣль. Между тѣмъ черезъ два дня оказалось, что турки всѣми своими силами двинулись вверхъ по долинѣ Моравы, заняли Суповацъ и всѣ деревни по хребту Ястребаца.

Тутъ, какъ видите, неудачная рекогносцировка переплелась уже съ неумѣlostью самого главнокомандующаго, который, замѣтивъ ошибку своего начальника штаба, не распорядился во-время двинуть резервы, а положился вполне на русское „авось“. Еще непростительнѣе была, въ стратегическомъ отношеніи, потеря Дьюниша и Кривета. О значеніи этихъ позицій очень обстоятельно говорить г. Гирсъ: „Стоитъ только стать на Криветѣ и, обернувшись назадъ, лицомъ къ сѣверу, взглянуть на высоты св. Нестора или, иначе, дьюнишскія высоты, чтобы понять всю естественную крѣпость этой позиціи. Цѣлыя двѣ версты нужно

подниматься на крутую гору, вершина которой была коронована непрерывною линією батарей и ложементовъ. Знаменитый Малаховъ курганъ въ Севастополѣ показался-бы, сравнительно съ высотами св. Нестора (третьею линією), незначительнымъ бугоркомъ. Высота горъ надъ поверхностью моря доходитъ здѣсь до тысячи футъ... Слѣдовало ограничиться пассивною обороною этого пункта, усилить профили его укрѣпленій, углубить рвы, раскидать впереди загражденія, блиндировать батареи и помѣщенія для пѣхоты и держаться, какъ въ осажденной крѣпости, до послѣдней возможности, заставивъ турокъ или вовсе отказаться отъ атаки этого пункта открытою силою, или начинать медленныя осадныя работы“. Это мнѣніе выражали Дохтуровъ и Межениновъ, а послѣдній даже умолялъ генерала Черняева держаться строго-оборонительныхъ дѣйствій, не вызывать турокъ на атаку, хотя бы и артилерійскою канонадою, такъ-какъ въ случаѣ рѣшительнаго движенія непріятеля на Дьюнишъ имъ не удержать позицій съ такими войсками, какими располагали они въ то время. Но Черняевъ не слушалъ этихъ благоразумныхъ совѣтовъ и рвался на бесполезныя атаки, забывая или не зная, что его армія голодна и изнурена болѣзнями, что у нея недостаетъ пороку и артилерійскихъ снарядовъ, что, наконецъ, недоразумѣнія, имъ-же начатыя между сербами и русскими, разрослись до открытой вражды. Увлеченный своими безцѣльными бравадами, Черняевъ уложилъ, ни за что, ни про что, на Криветѣ цѣлую массу народа и, не отстоявъ этого пункта, не позаботился затѣмъ стаянуть къ Дьюнишу всѣ свои остальные силы. Въ критическую минуту, на дьюнишской позиціи, куда непріятель устремился громадными полчищами, оказалось въ сербской арміи всего только 5,000 бойцовъ, тогда какъ г. Черняевъ располагалъ въ это время десятками тысячъ! А между тѣмъ, уже 9 октября, съ потерей одной части лѣснаго урочища Кривета и съ оттѣсненіемъ Хорватовича за Великій Шильеговаць, ясно было, что Дьюнишъ сдѣлается главною цѣлью турецкихъ атакъ. Гдѣ-же тутъ предусмотрительность главнокомандующаго, гдѣ умѣнье сосредоточить на опасномъ мѣстѣ возможно большее количество войска? Отъ 9 до 16 октября прошла ровно недѣля, и времени было довольно для того, чтобы замѣтить и исправить слабыя стороны своей диспозиціи. Дьюнишское сраженіе было уже, собственно

говоря, не сраженіемъ, а кровопролитною бойнею, въ которой сербы заранѣе отдавались на жертву непріятелю. Въ малочисленности сербскаго войска присоединилось тутъ и другое несчастное обстоятельство: явный разладъ между предводителями, который долго тлѣлся подъ пепломъ и произвелъ, наконецъ, настоящій взрывъ. Сербская артилерія начала уже сниматься съ позицій, не слушая требованія русскихъ командировъ; полковникъ Георгіевичъ приказалъ своимъ солдатамъ составить ружья въ козлы на томъ основаніи, что „ружья — собственность Сербіи, и могутъ попасться въ руки турокъ“, и пр., и пр. Словомъ, дезорганизація полвѣйшая!

Нельзя теперь спорить, что въ этомъ разладѣ большая доля вины падаетъ лично на генерала Черняева. Его неуживчивость и непомерное самолюбіе, его неумѣстная слабость въ одномъ случаѣ и столько же неумѣстное упрямство въ другомъ, произвели-таки должное впечатлѣніе на тѣхъ людей, съ которыми судьба свела его. Съ перваго же раза, еще ничего не сдѣлавъ для Сербіи, не выучившись ея языку, не познакомившись ни съ ея исторіей, ни съ современнымъ бытомъ, онъ сталъ требовать для себя диктаторской власти, сталъ въ оппозицію съ сербскимъ министерствомъ и, встрѣтивъ естественное сопротивленіе, захотѣлъ смѣнять конституціонныхъ министровъ такъ, какъ не смѣняютъ нынѣ столоначальниковъ въ департаментѣ. Въ этомъ случаѣ ему не мало удружилъ г. Суворинъ, который первый разболталъ въ „Новомъ Времени“ о какихъ то ковахъ, которые строятъ сербскіе министры противъ Черняева, о какихъ-то тайныхъ интригахъ противъ него—въ то время, когда никакихъ интригъ еще не было, а было одно законное желаніе приглядѣться къ новому человѣку прежде, чѣмъ удовлетворять его заносчивыя претензіи. Вообще издатель „Новаго Времени“ заставляетъ многихъ сожалѣть о прежнемъ фельетонистѣ „С.-Петербуржскихъ Вѣдомостей“, который въ политикѣ не пускался, славянскимъ шовинизмомъ не сгаралъ, міровыхъ судебъ не рѣшалъ, но пѣлъ себѣ, иногда фальшиво, а иногда не безъ пріятности, свою тоненькую пѣсенку о плутократахъ и биржевикахъ. Прежде публика говорила:

Какъ онъ проворенъ,
Этотъ Суворинъ,
Какъ онъ рѣчистъ,

Этотъ софистъ!

А теперь она-же вопіеть:

Какъ онъ наскучилъ,
 Какъ всѣхъ замучилъ!
 Что за ругня,
 Что за грызня!
 Хочешь—не хочешь,
 Какъ разъ наскочишь
 На дурака
 Иль пошляка.
 Милыя ласки
 Дыбы и встрѣски,
 Гамъ и трезвонъ—
 Вотъ камертонъ
 Юной газеты
 Съ самаго лѣта!

Въ союзъ съ г. Суворинымъ, только недавно отступившимся отъ своего кумира, г. Черняевъ затѣялъ произвести переворотъ не въ одной лишь арміи, но и во всемъ сербскомъ государствѣ. Для него не были писаны законы и обычаи страны, осчастливленной его прибытіемъ. Есть въ Сербіи князь—можно произвести его въ короли, есть тамъ отвѣтственные конституціонные министры—можно ихъ по боку; есть тамъ какая-то скупщина—можно ее по шапкѣ. Что эти идеи высказывались въ черняевской арміи довольно безцеремонно—это доказывается, во-первыхъ, состоявшимся провозглашеніемъ Милана королемъ Сербіи, помимо и не спросясь скупщины, постоянная комисія которой уже *post factum* присоединилась къ этому провозглашенію, быть можетъ, слѣдуя правилу: *faite bonne mine à mauvais jeu*; во-вторыхъ, любители политическихъ переворотовъ не безъ всякихъ-же причинъ выпытывали у Меженинова: можно-ли рассчитывать на его отрядъ въ случаѣ какихъ-либо внутреннихъ замѣшательствъ? Безъ огня вѣдь не бываетъ дыма, и, значитъ, многіе русскіе офицеры, вслѣдъ за своимъ главнокомандующимъ, тоже развязали свои языки по этимъ вопросамъ. Межениновъ далъ, правда, прекрасный отвѣтъ: „Я пріѣхалъ сражаться за славянскую идею, за сербскій народъ противъ турокъ; мнѣ никакого нѣтъ дѣла до ихъ внутреннихъ отношеній; я не согласенъ участвовать въ междоусобной войнѣ и прошу на меня не рассчитывать; въ противномъ случаѣ я подаю въ отставку

и увѣжаю въ Россію“. Другіе офицеры отвѣчали по тому-же поводу: „Какое право мы имѣемъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла, будучи лишь гостями? Конституціонныя, скупщинскіе, династическіе вопросы — не наше дѣло“. Вонъ, видите, куда оно пошло! Благодаря политиканству г. Чернаева, русскихъ волонтеровъ стали уже принимать за какихъ-то наемныхъ кнехтовъ, къ которымъ можно обращаться со всякими предложеніями! Не даромъ-же въ Бѣлградѣ голандскій вербовщикъ предлагалъ нашимъ волонтерамъ отправиться воевать на островъ Суматру!

Можно-ли теперь удивляться, что такія замашки высшихъ офицеровъ въ черняевской арміи вызвали протестъ съ сербской стороны, и что тутъ-то и заплелся узелъ обоюдныхъ пререканій, раздраженій и личныхъ счетовъ, который не скоро, кажется, будетъ распутанъ. Сербы несправедливо обвиняли въ инсurreкціонныхъ замыслахъ весь русскій элементъ въ арміи — они сами ударились въ крайность, но первый толчокъ въ эту крайность былъ данъ имъ самолюбивой назойливостью нашихъ политикановъ.

Другое дѣло — генералъ Новоселовъ. Онъ хотя и не долго пробылъ въ Сербіи, но успѣлъ заявить себя, какъ толковый и симпатичный человѣкъ, совершенно чуждый всякаго „геніальничанья“ и политическаго прожектерства. Въ первомъ-же приказѣ своею-го ибарской арміи онъ требовалъ отъ офицеровъ изученія сербскому языку и рекомендовалъ имъ — сойтись съ сербами и подружиться съ ними во имя общаго дѣла. Очевидцы говорятъ, что генералъ строго наблюдалъ за исполненіемъ этого приказанія; потому и Николичъ никакихъ препятствій ему не дѣлалъ, а сербскіе и русскіе офицеры въ его корпусѣ жили очень ладно между собою.

Каковы-же итоги нашего стремленія въ Сербію, пролитой крови и истраченныхъ миліоновъ русскихъ пожертвованій? Итоги повуда очень плачевныя.

„Несмотря на всѣ эти обѣды, адреса, взаимныя изліянія, — читаемъ мы въ корреспонденціи г. Гирса, — всѣ чувствуютъ, что война и послѣднія перипетіи ея оставляютъ между русскими и сербами что-то такое невыясненное и недосказанное, отъ разъясненія чего — путемъ искренности, живой и разумной бесѣды — сер-

бы вполнѣски уклоняются. Я самъ это испытывалъ. Я знаю многихъ умныхъ сербовъ; я, кажется, пользуюсь ихъ довѣріемъ, и тѣмъ не менѣе, какъ я ихъ ни вызывалъ сойтись съ русскими не на официальныхъ обѣдахъ, а въ домашнихъ кружкахъ, и поговорить отъ души насчетъ многихъ сторонъ будущихъ отношеній ихъ къ намъ—они всегда уклоняются. Право, когда я слышу эти заздравные спичи и читаю адреса русскимъ, мнѣ такъ и кажется, что въ душѣ ораторы-сербы думаютъ: „а въ сущности самое лучшее, если вы всё отсюда уберетесь“. („С.-Петербург. Вѣдомости“, № 323.)

За этотъ первый итогъ не стоило, кажется, платить такъ дорого и кровью, и деньгами. Разставшись съ генераломъ Черняевымъ, наговоривъ ему множество комплиментовъ и выпивъ за его здоровье нѣсколько бокаловъ вина, сербскія власти приступили сейчасъ-же къ преобразованію своей арміи и первымъ дѣломъ назначили во всё корпуса сербскихъ начальниковъ, подчинивъ имъ оставшихся русскихъ волонтеровъ. Затѣмъ они перестали считать нашихъ „безобразниковъ“ стоящими внѣ закона, и поднимаютъ замятое дѣло объ убійствѣ серба русскимъ волонтеромъ...

Второй итогъ тоже едва ли посодѣйствуетъ репутаціи волонтеровъ и сближенію русскихъ съ сербами.

Мы говоримъ о томъ критическомъ почти безвыходномъ положеніи Сербіи въ моментъ возобновленія войны съ Турціею. Делиградская линія обороны прорвана дьюнишскимъ погромомъ: что станетъ съ этой бѣдной страной, если турки кинутся на нее всѣми силами и дойдутъ до Бѣлграда прежде, чѣмъ русскія войска успѣютъ подать ей помощь? Генераль-адъютанту Никитину, посланному недавно въ Сербію, предстоитъ нелегкая задача—удержать хоть на-время движеніе турецкихъ полчищъ, несущихъ съ собою мучительную смерть и разрушеніе...

А вѣдь задача была-бы гораздо легче, если-бы генераль Черняевъ не истощилъ своей арміи напрасными нападеніями, не превеличивалъ своихъ силъ, не рекламировалъ своихъ побѣдъ, не чистосердечно заявилъ 9 октября, что со взятіемъ лѣсной части Кривета онъ не надѣется удержать и дьюнишской позиціи. Нѣтъ сомнѣнія, что русскій ультиматумъ былъ-бы предъявленъ ранѣе, и выгодная позиція осталась-бы за сербами. Г. Градовскій по „Дѣло“, № 12, 1876 г.

лагасть, что „корреспондентъ-бюро“, фабриковавшее хвастливыя извѣстія, есть „только крупная глупость—и больше ничего“; но на самомъ дѣлѣ эта глупость имѣетъ очень серьезныя послѣдствія и даже перестаетъ быть глупостью, получая характеръ сознательнаго извращенія фактовъ.

Всѣ эти итоги, конечно, не заключаютъ въ себѣ ничего удивительнаго и неожиданнаго: они соотвѣтствуютъ вполне нашей нравственной физиономіи, нашимъ понятіямъ, „свычаямъ и обычаямъ“. Эта нравственная физиономія не измѣнилась на сербской территоріи. Да и можетъ-ли человѣкъ убѣжать куда-нибудь отъ себя самого?

Н. Мизантроповъ.

Въ № 11 „Дѣла“ вкратчѣ слѣдующія опечатки:

На стр. 64, въ стих. „Сила творчества“, строки 4 и 5, должно читать такъ:

Передасть твои черты,
И съ нѣмымъ благоговѣньемъ...

На стр. 450, въ 8 и 9 строкахъ сверху, слѣдуетъ читать:

„Я намѣренъ доказать, что въ настоящемъ, моральномъ убійствѣ (это второе обвиненіе моего клиента) виновна именно эта прирѣзанная имъ старуха“...

На стр. 457, строка 17 снизу (въ стих.), слѣдуетъ читать:

А безъ денегъ брать заботу...

На стр. 466, строка 10 испеч. *Полжимъ*, а надо читать *Положимъ*.

Въ отвѣтъ на посланныя въ Бѣлградъ, отъ 30 октября, пожертвованныя въ пользу славянъ деньги, редакція журнала „Дѣло“ имѣла честь получить отъ сербскаго митрополита Михаила слѣдующее письмо;

Милостивый государь!

Письмо ваше отъ 30 октября получилъ 15 ноября вмѣстѣ съ тремя девятыю рублями въ помощь страдальцамъ. Эти деньги передалъ я здѣшнему комитету, который приношеніе сіе объявилъ въ здѣшнихъ газетахъ и купилъ на эти деньги хлѣба голодающимъ.

Сердечно благодаримъ васъ и всѣхъ сердобольныхъ жертвователей, которые своимъ приношеніемъ облегчаютъ тяжелую участь страдальцевъ.

Съ призваніемъ на васъ благословенія Господа, пребываю вашимъ богомольцемъ

Митрополитъ сербскій *Михаилъ*.

Бѣлградъ.

19 ноября 1876 года.

Въ редакцію журнала „Дѣло“ поступили слѣдующія пожертвованія въ пользу славянъ Балканскаго полуострова:

Отъ Д. И. Файдышевой	}	изъ Годяча	3 р.
„ А. И. Дейниковскаго			1 „
„ М. С. Костина изъ станицы Пятиизбянской.			3 „
„ одного изъ подписчиковъ журнала „Дѣло“ изъ Вологды			5 „

Итого 12 р.

А съ опубликованными въ № 11 „Дѣла“ 24 р.

Всего 36 р.

Деньги эти переданы въ с.-петербургскій отдѣлъ славянскаго благотворительнаго комитета, въ чемъ имѣется квитанція отъ 20 декабря, за № 457.

ВО ВСѢХЪ ИЗВѢСТНЫХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

продаются слѣдующія изданія редакціи журнала „Дѣло“:

Политическіе дѣятели. Э. Реклю. (Биографія и характеристики) Цѣна 2 р.; съ перес. 2 р. 30 к.

Происхожденіе человѣка и половой подборъ. Чарльса Дарвина. Перев. съ англ. подъ редакцію Г. Е. Благосвѣтлова. Въ трехъ выпускахъ, составляющихъ около 80-ти печ. листовъ, съ 150-ю рисунками, рѣзанными на деревѣ. Цѣна трехъ выпускамъ 5 р. сер.; съ перес. 5 р. 60 к.

Комедія всемірной исторіи. Иог. Шерра. Историческій обзоръ событій съ 1848 по 1851 годъ. Перев. съ нѣмец. Два выпуска. Цѣна обомъ выпускамъ 3 р.; съ пересылкой 3 р. 50 коп.

Популярная гигиена. Настольная книга для сохраненія здоровья и рабочей силы въ средѣ народа. Карла Реклама. Перев. съ нѣмецк. Изданіе третье. Съ приложеніемъ „Дѣтской Гигиены“ д-ра М. С. Зеленскаго и вступительной ст. В. О. Португалова: „Безпредѣльность Гигиены“. Съ рисунками. Ц. 2 руб.; съ пересылкой 2 р. 30 к.

О подчиненіи женщины. Лж. Ст. Милл. Переводъ съ англійскаго, подъ редакцію и съ предисловіемъ Г. Е. Благосвѣтлова. Въ концѣ книги приложена ст. Иог. Шерра: „Историческіе женскіе типы“. Изданіе второе. Цѣна 1 р.; съ перес. 1 р. 25 к.

Русскія историческія женщины. (Женщины до-петровской Руси). Д. Л. Мордовцева. Ц. 2 р. 75 коп.; съ перес. 3 р. 25 коп. (Осталось небольшое число экземпляровъ).

Вопросы общественной гигиены. В. О. Португалова. Около 40 печатныхъ листовъ. Цѣна 3 р.; съ перес. 3 р. 50 к.

Исторія крестьянской войны въ Германіи. Д-ра В. Диммермана, составл. по лѣтописямъ и рассказамъ очевидцевъ. Переводъ съ нѣмецкаго. Три выпуска, составл. болѣе 70-ти печ. листовъ. Изданіе второе. Цѣна трехъ выпускамъ 2 руб.; съ перес. 2 р. 50 к.

Автобіографія Джона Стюарта Милл. Переводъ съ англійскаго подъ редакціей Г. Е. Благосвѣтлова. Цѣна 1 р. 20 к.; съ перес. 1 р. 50 к.

Избранныя рѣчи Джона Брайта. Съ біографическимъ очеркомъ и портретомъ автора. Переводъ съ англійскаго подъ редакціей Г. Е. Благосвѣтлова. Цѣна 2 р.; съ перес. 2 р. 30 к.

О питаніи въ физиологическомъ, патологическомъ и терапевтическомъ отношеніяхъ. Д-ра Жюля Сира. Перев. съ французскаго, подъ редакціей А. Н. Моригеровскаго. Цѣна 2 р.; съ перес. 2 р. 30 к.

Правила и программы для поступленія въ мужскія и женскія учебныя заведенія гражданскаго, военнаго, морскаго и духовнаго вѣдомствъ на 1875—76 учебный годъ. Изданіе восьмое. Цѣна 1 р. 25 к.; съ перес. 1 р. 50 к.

Одинъ въ полѣ—не воинъ. Романъ Фр. Шильгаггена. Перев. съ нѣмецк. Изданіе четвертое, съ портретомъ автора и предисловіемъ Г. Е. Благосвѣтлова. Два тома, около 60-ти печатн. листовъ. Цѣна 3 р. съ перес.; 3 р. 50 к.

Внѣ общественныхъ интересовъ. Романъ П. Лятнева, изданный безъ предварительной цензуры. Ц. 1 р. 50 к.; съ перес. 2 р.

Девяносто третій годъ. Романъ В. Гюго, въ двухъ томахъ. Переводъ съ французскаго. Ц. 2 р.; съ перес. 2 р. 40 к.

Мертвая петля, драма въ пяти дѣйствіяхъ, Н. А. Потѣхина. Ц. 1 р. 20 к., съ перес. 1 р. 50 к.

О ПОДПИСКѢ

НА

ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ

„СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА“

на 1877 годъ.

„Сынъ Отечества“ въ 1877 году будетъ издаваться ежедневно, какъ и въ нынѣшнемъ; воскресный № будетъ состоять изъ двухъ листовъ, съ карриатурами, по слѣдующей программѣ:

1) *Внутренній отдѣлъ*: передовая статья по одному изъ современныхъ вопросовъ.—Толки нашихъ газетъ.—Правительственныя распоряженія вообще.—Главнѣйшія производства.—Судебный отдѣлъ.—Отчеты земства.—Народное образованіе.—Жельзнодорожное дѣло.—Дѣятельность акціонерныхъ обществъ.—Отчеты техническихъ обществъ.—Промышленность и торговля.—Петербургская лѣтопись.—Внутреннія (областныя) извѣстія.—Петербургскій листокъ.—Провинціальная лѣтопись.—Кореспонденціи.—Разныя извѣстія.

2) *Внѣшній отдѣлъ*: Политическое обозрѣніе.—Политическія извѣстія по государствамъ.—Мелкія политическія извѣстія.—Телеграммы.—Иностранная (не политическая) хроника.

3) Статьи по всѣмъ отраслямъ наукъ, искусствъ, художествъ и ремесль.

4) Критика, журналистика, біографія.

5) *Беллетристическій отдѣлъ*: Романы, повѣсти, рассказы и проч.

6) Театральныя и музыкальныя извѣстія и общественныя увеселенія.

7) Биржевыя и торговыя извѣстія и курсы.

8) Зрѣлища, жельзныя дороги.

9) Карриатуры.

10) Объявленія внутри газеты и въ приложеніяхъ.

Подписка на газету „Сынъ Отечества“ принимается *исключительно* въ главной конторѣ, находящейся въ С.-Петербургѣ, на углу Невскаго проспекта и Троицкаго переулка, домъ Ростовцева, № 43—2, кв. № 8. Ходъ съ Троицкаго переулка, куда и просятъ обращаться какъ городскихъ, такъ и иногородныхъ подписчиковъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ГАЗЕТЫ ОСТАЕТСЯ ПРЕЖНЯЯ:

ДЛЯ ГОРОДСКИХЪ:

ДЛЯ ИНОГОРОДНЫХЪ:

Съ дост. въ Петерб.
по город. почтѣ.

Съ пересыл-
кою.

На годъ . . . 7 руб.

На годъ . . . 8 руб.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗАГРАНИЦЕЮ СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ:

Въ Пруссію,
Германію и
Герм. Почт.
Союзъ.

Въ Швейцарію,
Бельгію, Италію
и Сербію.

Во Фран-
цію, Данію
и Грецію.

Въ Англію, Шве-
цію, Испанію и
Португалію.

За годъ . . . 16 р.

21 р.

24 р.

32 р.

Подписка принимается не иначе, какъ съ 1-го числа каждаго мѣсяца.

Редакція покорнѣйше проситъ гг. подписчиковъ объявлять свои требованія заблаговременно, чтобы не испытать задержки въ полученіи газеты, такъ какъ заготовленіе списковъ для почты и печатныхъ адресовъ для иногородныхъ подписчиковъ требуетъ времени. вмѣстѣ съ тѣмъ редакція проситъ при каждой перемѣнѣ мѣста жительства присылать въ контору двѣ 8-ми копѣечныя марки для напечатанія новаго адреса, а также сообщать свой старый адресъ, безъ чего не можетъ быть сдѣлана своевременно перемѣна.

Въ заключеніе, долгомъ считаемъ напомнить заявленіе почтового департамента, приглашавшаго подписчиковъ, имѣющихъ причины жаловаться на неполученіе какого либо номера русскихъ періодическихкихъ изданій, заявлять свои жалобы своевременно, то-есть не позже, какъ по полученіи слѣдующаго номера.

ПОДПИСКА НА ГАЗЕТУ

КАВКАЗЪ

на 1877 годъ.

ЦѢНА ГАЗЕТЫ: на годъ для городскихъ подписчиковъ—11 руб. 50 коп. и на полгода—6 руб.; для иногородныхъ съ пересылкою на годъ—13 руб. и на полгода—7 руб.

ПОДПИСКА ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ПРИНИМАЕТСЯ въ конторѣ редакціи газеты „Кавказъ“, помѣщающейся въ Сололакахъ въ домѣ г. Хатисова.

ТОЛЬКО-ЧТО ВЫШЕЛЪ И ПРОДАЕТСЯ

у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ Петербурга и Москвы и у
издателя въ Надеждинской, д. № 39, кв. № 2 (на углу Манежнаго
переулка)

РОМАНЪ ИЗЪ РУССКАГО ОКОНЧЕННАГО ДѢЛА:

УБИЙЦА.

Соч. П. А. САЛМАНОВА (автора повѣсти „ДИТЯ“).

Въ 3-хъ частяхъ, съ прологомъ и эпилогомъ.

ПРОЛОГЪ. Часть I. БОГАТСТВО И СЧАСТІЕ Главы: I. Студентъ. II. Въ театрѣ. III. На улицѣ. IV. У себя дома. V. Два объясненія. VI. Въ Петербургѣ. VII. Два письма. VIII. Совѣтъ адвокатовъ. IX. Объясненіе. X. Аристократическая благодарность. XI. Честолюбивыя намѣренія подь религіозными формами. Часть II. ЧЕСТОЛЮБІЕ. Главы: I. Отшельникъ. II. У настоятеля. III. Въ своей кельѣ. IV. Въ домѣ родителей. V. Въ кругу бѣдныхъ собратовъ. VI. Въ кругу благотворителей. VII. На церковной службѣ. VIII. На государственной службѣ. IX. Интересный отшельникъ. X. Образъ жизни отшельника. XI. Балъ у губернскаго предводителя. XII. Новый Іосифъ. XIII. Рѣшительный шагъ. Часть III. ПРЕСТУПЛЕНИЕ. Главы: I. Новая Пентефрія. II. Вязкое болото. III. Мать и сынъ. IV. Мужъ и жена. V. У трупа. VI. Молва объ убійствѣ князя Литвинова. VII. Интрига. VIII. Безчестіе и позоръ. IX. Вызовъ на дуэль. X. Отказъ отъ дуэли. XI. Мать. XII. Катастрофа. XIII. Слѣдствіе. XIV. Судъ. XV. Казнь. **ЭПИЛОГЪ.**

Темой для этого романа послужилъ процессъ, въ свое время надѣлавшій большого шума въ Москвѣ: убійство монастырскимъ послушникомъ, человѣкомъ богатымъ, имѣвшимъ большія связи, извѣстной красавицы и знатной женщины.

Цѣна 2 рубля, съ пересылкою 2 руб. 30 к.

Открыта подписка на 1877 годъ

НА ГАЗЕТУ-ЖУРНАЛЬ

„ГРАЖДАНИНЪ“.

Въ 1877 году газета-журналъ „ГРАЖДАНИНЪ“ будетъ издаваться въ томъ-же объемѣ и выходить каждую недѣлю, по воскресеньямъ, какъ и въ 1876 году. Журналъ будетъ издаваться по извѣстной программѣ.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ редакціи (Надеждинская ул., д. № 24, кв. 1) или въ главной конторѣ „Гражданина“, при книжномъ магазинѣ Я. А. Исанова, (Гостинный дворъ, № 24), а въ Москвѣ—въ книжныхъ магазинахъ И. Г. Соловьева, Васильева и Живарева. Иногородные адресуются **исключительно** въ С.-Петербургъ: въ редакцію журнала „Гражданинъ“.

Подписчики благоволятъ обозначать при подпискѣ тѣ ближайшія станціи, на которыхъ есть почтовые учрежденія, такъ какъ санктпетербургскій почтамтъ за исправную пересылку не отвѣчаетъ, если журналъ посылается другими путями.

При возобновленіи подписки слѣдуетъ присылать прежній печатный адресъ (бандероль) съ исправленіями, если они окажутся нужными.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ безъ доставки	7 р.
„ „ съ доставкою и пересылкою.	8 „
„ полгода съ доставкою и пересылкою.	5 „
„ треть года съ доставкою и пересылкою.	4 „

Заграницею въ предѣлахъ всеобщаго почтоваго союза: на годъ 9 р., на полгода 5 р. и на треть года 4 р.

Для народныхъ учителей и народныхъ училищъ, безъ различія вѣдомствъ, и волостныхъ правленій редакція **понимаетъ** подписную цѣну съ 8 на 6 р. Этимъ-же правомъ могутъ пользоваться и священнослужители, **бесплатно обучающіе** въ народныхъ школахъ.

Для народныхъ учителей и училищъ, волостныхъ правленій, священно-церковно-служителей, а также для служащихъ допускается

разсрочка въ платежѣ подписной суммы съ платой за каждую третью или каждые три мѣсяца впередъ по 2 р., причемъ желающіе пользоваться разсрочкой благоволятъ съ точностью заявлять объ этомъ въ своихъ письмахъ.

Для подписчиковъ нынѣшняго 1876 года печатается премія— „Русскій Сборникъ“, который будетъ разосланъ въ декабрѣ. Эта книга будетъ составлена изъ нѣсколькихъ статей, какъ-то: романа, разсказа, статей о славянахъ, отчета о звѣрствахъ турокъ въ Болгаріи, очерка войны славянъ съ турками, очерка движенія русскаго общества въ пользу славянъ и т. п.

Новые подписчики на 1877 годъ (т. е. тѣ, которые не подписывались въ нынѣшнемъ 1876 году), получаютъ также бесплатно „Русскій Сборникъ“, если они: 1) подпишутся на 1877 годъ заблаговременно, не позже 1-го января, и 2) при подпискѣ заявятъ, что они новые подписчики и желаютъ получить „Сборникъ“. Въ противномъ случаѣ, редакция не ручается за разсылку „Русскаго Сборника“ новымъ подписчикамъ, такъ какъ всѣ заготовляемые экземпляры могутъ разойтись.

Съ 1-го января 1877 года начнется печатаніе, по возможности въ каждомъ № „Гражданина“, „Дневника“ извѣстнаго нашего сотрудника, князя ВЛАДИМИРА ПЕТРОВИЧА МЕЩЕРСКАГО. „Дневникъ“ князя будетъ вестись аккуратно и просто; по возможности, изо-дня-въ-день. Авторъ ежедневно будетъ записывать все интересное—слышанное, видѣнное и прочитанное имъ въ теченіи дня о событіяхъ и лицахъ, какъ въ высшихъ, такъ и во всѣхъ другихъ сферахъ жизни, о политикѣ внѣшней и внутренней, о новыхъ книгахъ, о предметахъ искусства, о газетахъ и журналахъ, русскіихъ и иностранныхъ, о происшествіяхъ, толкахъ и слухахъ, и, такимъ образомъ, наши читатели получаютъ возможность еженедѣльно слѣдить за всѣмъ выдающимся въ Россіи и Европѣ.

ГАЗЕТА А. ГАТЦУКА,

иллюстрированная политико-литературная, художественная и ремесленная.

Въ 1877 г. (въ 3-й годъ изданія) Газета будетъ выходить 1 н. при случаѣ, 2 раза въ недѣлю, въ объемѣ 2-хъ, 3-хъ листовъ и

давать въ теченіи года до 300 художественно выполненныхъ рисунковъ. Цѣль ея — сообщать читателямъ въ сжатомъ видѣ, со всевозможною полнотою и отчетливостію, всѣ новости наукъ и искусствъ, событія, распоряженія правительства, торговыя вѣсти, открытія, усовершенствованія, всѣ интересы дня и вопросы, занимающіе міръ. Постоянно помѣщаются статьи для легкаго чтенія: повѣсти, романы, рассказы, путешествія, анекдоты, а также критика и библіографія, моды и пр. Въ изданіи Газеты принимаютъ участіе лучшіе художники и извѣстные наши ученые и литераторы, какъ-то: гг. **Θ. И. Буслаевъ**, **Д. И. Пловайскій**, **П. А. Кулишъ**, **Н. И. Костомаровъ**, **А. Θ. Писемскій**, **Ольга Н. А. Шкляревскій**, **В. Маковскій** и др.

Это изящное изданіе, по внѣшнему своему виду и рисункамъ, нисколько не уступаетъ лучшимъ иллюстрированнымъ журналамъ Европы; по дешевизнѣ же своей (3 руб. въ годъ безъ пересылки), представляетъ явленіе небывалое.

Подписная цѣна СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ: на годъ — 4 р., на $\frac{1}{2}$ года—2 р. 25 к., на $\frac{1}{4}$ года—1 р. 25 к., на 1 мѣсяць 50 коп.

Года 1875 и 1876 можно получать каждый по 3 руб., а въ изящномъ переплетѣ по 4 р. На пересылку прилагается 75 коп.

Адресъ: Москва, Арбатъ, домъ Общества Русскихъ Врачей.

КАЛЕНДАРЬ на 1877 г. **А. ГАТЦУКА**, полифійшій изъ календарей, иллюстрированный множествомъ портретовъ и рисунковъ. Цѣна 1 р. 25 к., въ переплетѣ 1 р. 75 к. За пересылку прилагается за 2 фута.

О ПОДПИСКѢ НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЬ 1877 ГОДА

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Сочувствіе, которымъ отвѣтило общество на заявленія объ изданіи „Живописнаго Обозрѣнія“ въ 1877 году, побуждаетъ редакцію продолжать развитіе какъ внутренней, такъ и внѣшней сторонъ журнала. Съ этою цѣлью, въ видахъ расширенія объема своего изданія, редакція находитъ возможнымъ съ перваго нумера 1877 года

УВЕЛИЧИТЬ ФОРМАТЪ „ЖИВОПИСНАГО ОБОЗРѢНІЯ“,
не возвышая подписной цѣны за годовое изданіе. Въ 1877 году журналъ „Живописное Обзорѣніе“ будетъ выходить въ форматъ большихъ иллюстрацій, каковы: „Всемирная Иллюстрація“ „Пчела“, „Le monde Illustré“, „Illustration“, „Univers Illustré“, „Klosy“ и др. Вслѣдствіе увеличенія формата каждый номеръ „Живописнаго Обзорѣнія“ 1877 года будетъ равенъ по объему почти *двумъ номерамъ журнала* за настоящій годъ, причеиъ каеъ число, такъ и величина рисунковъ увеличиваются соотвѣтственно новому формату журнала. Громадные расходы по изданію, вызываемые подобнымъ увеличеніемъ, возможны только при томъ успѣхѣ, которымъ пользовался журналъ въ теченіи 1876 года, а также вслѣдствіе значительнаго числа подписчиковъ, изъявившихъ уже желаніе получать „Живописное Обзорѣніе“ въ 1877 году; этотъ успѣхъ изданія за два послѣдніе года и позволяетъ редакціи *увеличить форматъ журнала не возвышая подписной цѣны* (за годъ **семь руб.** съ доставкою и пересылкою).

Первый номеръ „Живописнаго Обзорѣнія“ за 1877 годъ выходитъ 15 Декабря. Поэтому, желающіе ознакомиться съ журналомъ въ его измѣненномъ видѣ, могутъ получать первый номеръ *отдѣльно*, причеиъ гг. иногородные благоволятъ обращаться съ своими требованіями въ контору редакціи, высылая за номеръ 20 коп. марками. Гг. городскіе абоненты могутъ получать этотъ номеръ въ отдѣленіи конторы, при книжномъ магазинѣ М. В. Попова, на Невскомъ пр. въ зданіи Пассажа.

По примѣру прошлаго года, при журналѣ „Живописное Обзорѣніе“ будетъ разсылаться **въ видѣ преміи** ежемѣсячное иллюстрированное приложеніе:

„ЖИЗНЬ И ХОЗЯЙСТВО“

въ прежнемъ форматѣ. Кроме того, всѣ подписчики получаютъ въ теченіи года.

НѢСКОЛЬКО ДРУГИХЪ ПРЕМІЙ.

Подписная цѣна въ С.-Петербургѣ на годъ: безъ доставки 6 руб; съ доставкою въ Спб. и для *иногородныхъ* 7 руб.

Подписка принимается: Въ С.-Петербургѣ, въ конторѣ редакціи, Васильевскій остр. 3 линія, д. № 48. Гг. городскіе подписчики благоволятъ абонироваться въ книжномъ магазинѣ М. В. Попова, на Невскомъ проспектѣ, въ зданіи Пассажа.

Издатель-Редакторъ Д. А. Карчъ-Карчевскій.

VIII годъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1876 ГОДЪ.

VIII годъ.

„НИВА“

иллюстрир. журналъ литературы, политики и современной жизни,

выходитъ еженедѣльно, т. е. 52 № въ годъ (около 900 страницъ большого формата in quarto), болѣе 700 художественно выполненныхъ рисунковъ, съ особымъ даровымъ ежемѣсячнымъ приложеніемъ:

„ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“

(около 400 модныхъ рисунковъ въ годъ и около 350 рисунковъ выкроекъ)

И РАЗНЫМИ ДРУГИМИ ПРЕМІЯМИ,

будетъ надаваться въ 1877 г. по той-же програмѣ, какъ и прошедшія семь лѣтъ.

Подписка принимается въ СПб., въ конторѣ редакціи, по Б. Мор. № 9.

Подписная цѣна за годовое изданіе „НИВЫ“

съ правомъ на полученіе всѣхъ бесплатныхъ премій втеченіи 1877 г.:

Безъ доставки въ С.-Петербурѣ.	4 р.	} Безъ доставки въ Москвѣ, черезъ И. Г. Соловьева, А. Ланга и А. Ф. Живарева . . . 4 р. 50 к.
Съ доставкою въ С.-Петербурѣ.	5 р.	
		} Съ доставкою въ Москвѣ и въ другихъ городахъ и мѣстечкахъ Имперіи. . . . 5 р. 50 к.

„НИВА“ въ продолженіи семи лѣтъ своего существованія представляла себѣ задачей быть не только самымъ дешевымъ журналомъ въ Россіи, но и быть наилучшимъ общественнымъ и общепользнымъ журналомъ для семейнаго чтенія въ Россіи.

ПРЕМИИ, которыя мы уже нѣсколько лѣтъ давали нашимъ гг. подписчикамъ, а въ особенности премія, выданная въ 1876 году, большая олеографическая картина, напечатанная масляными красками, подъ названіемъ „СПЯЩАЯ КРАСАВИЦА“, имѣетъ достоинства, которыхъ никто не можетъ не оцѣнить, и мы уже получили многочисленныя благодарности за нее. Мы имѣли возможность дать такую олеографическую картину, какъ премію 1876 года, только при такомъ значительномъ количествѣ подписчиковъ (около 25,000).

Что касается до ПРЕМИЙ 1876 года, то онѣ будутъ имѣть совершенно такое-же и даже большее достоинство, за исполненіе-же обѣщаетъ и ручается прѣжнее семилѣтнее веденіе нами дѣла.

Издатель „Нивы“ А. Ф. Марксъ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

объ изданіи юмористическаго съ карриатурами журнала

„МАЛЯРЪ“ ВЪ 1877 ГОДУ.

Съ будущаго года „МАЛЯРЪ“ будетъ помѣщать на своихъ страницахъ, кромѣ карриатуръ, юмористическія стихотворенія, повѣсти, рассказы, очерки, легенды, сцены, монологи и т. д. Въ первыхъ нумерахъ будутъ помѣщены между прочимъ слѣдующія произведенія: стихотворенія ОЛЬГИ ОХТЕНСКОЙ, В. А. ЧЕРНИ и др. Рассказы А. К. ТРОФИМОВА. Счастливые люди (очерки); С. НИКИТИНОЙ. Благодѣтели (сцены); ЕЯ-ЖЕ. Наброски мимоходомъ; ОСВѢТИМСКАГО. Сказка о прекраснѣйшемъ человѣкѣ; П. Ф. БАЖИНА. Метаморфозы (очерки); ЕГО-ЖЕ. Мои записки; СТАРАГО МАЛЯРА. Книжники и фарисеи (очерки); УГРЮМАГО ЛИТЕРАТОРА.

Условія подписки: съ доставкою и пересылкой: на годъ 7 р.; на шесть мѣсяцевъ—4 р.; на три мѣсяца—2 р. 50 к. Безъ доставки и пересылки: на годъ 6 р.; на полгода 3 р. 50 к.; на три мѣсяца 2 р. Подписка принимается въ редакціи „МАЛЯРА“: Петербургъ, Владимірскій проспектъ, домъ № 15, кв. № 49.

«МАЛЯРЪ» выходитъ еженедѣльно по Воскресеньямъ, въ количествѣ 50 №№ въ годъ.

ОРЛОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ,

газета мѣстной общественной жизни, политики и литературы, издаваемая въ г. Орлѣ, подъ редакціей А. Н. Чудинова, княземъ Н. Н. Оболенскимъ, будетъ выходить въ 1877 году по прежнему два раза въ недѣлю. Въ составъ программы входятъ всѣ обычные газетные отдѣлы.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ.	На $\frac{1}{2}$ года.	На 3 мѣсяца.
Безъ доставки . . .	5 р. 50 к.	3 р. — к.	1 р. 75 к.
Съ доставкою . . .	6 " — "	3 " 50 "	2 " — "
Съ пересылкою . . .	6 " 50 "	3 " 75 "	2 " 25 "

Подписка на газету и объявления принимаются:

Въ г. ОРЛЪ, въ конторѣ типографіи и редакціи кн. Н. Н. Оболенскаго.

Статьи для помѣщенія въ газетѣ, а также періодическія изданія, адресуются: въ г. ОРЕЛЪ, на имя редактора А. Н. Чудинова, Зиньевская ул., собств. д.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

ГОДЪ II.

НА

1877 ГОДЪ.

„КРУГОЗОРЪ“

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРЫ, НАУКЪ, ИСКУССТВЪ, ПОЛИТИКИ И
ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ,

съ особыми даровыми приложеніями: въ каждомъ № цѣлый листъ „Всенаучнаго (энциклопедическаго) Словаря“ (премія „Кругозора“), и ежемѣсячно: модное иллюстрированное обозрѣніе и вырѣзныя выкройки, а подѣ конецъ года томъ переводныхъ романовъ.

Будетъ издаваться въ Петербургѣ съ 1 января 1877 г., какъ и въ прошломъ году, еженедѣльно, по изложенной ниже программѣ, объемомъ въ 2 листа большаго формата на лучшей бумагѣ. Годовое изданіе заключаетъ въ себѣ 52 №№ (832 стр. in quarto, не считая приложеній, которыхъ отдѣльно будетъ 1000 стр. in octavo, а всего 1332 стр., т. е. слишкомъ въ полтора раза болѣе прочихъ иллюстрированныхъ изданій той-же цѣны), съ 300—350 художественно выполненными рисунками, до 20 романовъ, повѣстей, рассказовъ и множество мелкихъ статей популярнаго содержанія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА со всѣми приложеніями и преміями: безъ доставки въ Петербургѣ 4 р. Съ доставкою въ Петербургѣ 5 р. Безъ доставки въ Москвѣ, черезъ книжный магазинъ Ив. Григ. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ,—4 р. 50 к. Съ доставкою въ Москвѣ и въ другихъ городахъ и мѣстечкахъ Россіи 5 р. 50 к. Для гг. служащихъ въ казенныхъ учрежденіяхъ допускается расрочка за ругательствомъ гг. казначеевъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ въ конторѣ редакціи журнала „Кругозоръ.“ С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, д. № 77; въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева.

ОБЪ ИЗДАНИИ ВЪ 1877 ГОДУ
„НОВОРОССИЙСКАГО ТЕЛЕГРАФА“,
 ГАЗЕТЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ, ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И ЛИТЕРАТУРНОЙ.

„Новороссійскій Телеграфъ“ будетъ выходить въ 1877 году ежедневно, кромѣ дней, слѣдующихъ за праздниками, листами большаго формата, по той-же программѣ и съ тѣми-же отдѣлами, какъ въ 1876 году.

Съ 1877 года **НИЛЬ АДМИРАРИ** (Л. К. Панютинъ) будетъ въ числѣ **ПОСТОЯННЫХЪ** сотрудниковъ „Новороссійскаго Телеграфа“.

ОБЪЯВЛЕНИЯ, печатающіяся въ „Нов. Тел.“, будутъ **бесплатно** вывѣшиваться на главныхъ станціяхъ одесской желѣзной дороги и будутъ такимъ образомъ ежедневно распространяться на протяженіи около **тысячи верстъ**, въ районѣ четырехъ губерній Новороссійскаго края. Право вывѣшивать 4-ю страницу газеты на главныхъ станціяхъ одесской желѣзной дороги **исключительно** принадлежитъ „Новор. Телеграфу“.

Подписка принимается *въ Одессѣ, въ конторѣ редакціи, на Соборной площади, въ домѣ Панудова.*

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ.

Съ пересылкою или доставкой.	}	Безъ доставки или пересылки.
На годъ 12 р. — к.	}	На годъ 10 р. — к.
На 6 мѣсяцевъ 7 „ — „	}	На 6 мѣсяцевъ 6 „ — „
На 3 мѣсяца 4 „ — „	}	На 3 мѣсяца 3 „ 50 „
На 1 мѣсяць 1 „ 35 „	}	На 1 мѣсяць 1 „ 20 „

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка въ уплатѣ подписныхъ денегъ, если о ней будетъ заявлено при годовой подпискѣ письменно, съ указаніемъ сроковъ взноса, которые могутъ быть или полугодовые (6 руб.); или по четвертямъ года (3 руб.)—но всегда впередъ.

Для различныхъ казенныхъ, земскихъ и городскихъ учрежденій допускается выписка газеты въ кредитъ, по письменнымъ официальнымъ предложеніямъ, съ условіемъ высылки денегъ втеченіе первыхъ трехъ мѣсяцевъ 1877 года.

Заявленія, предложенія, статьи, корреспонденціи и письма адресуются въ Одессу, въ редакцію „Новороссійскаго Телеграфа“.

Редакторъ *В. Золотовъ.*
 Издатель *М. Озмидовъ.*

ПОДПИСКА

НА

РУССКУЮ СТАРИНУ

1877 г.

ВОСЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, три большіе тома, съ портретами русскихъ достопамятныхъ дѣятелей, гравированными на мѣди и на деревѣ, съ приложеніемъ ихъ при каждой книгѣ, со снимками и рисунками — ВОСЕМЬ руб. съ пересылкою.

Подписка принимается для городскихъ подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ — въ главной конторѣ „Русской Старины“ на Невскомъ проспектѣ, противъ Гостиннаго двора, при книжномъ магазинѣ Николая Ив. Мамонтова, д. № 46. Въ Москвѣ — въ отдѣленіяхъ конторы при книжныхъ магазинахъ: И. Г. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева и Нин. Ив. Мамонтова, на Кузнецкомъ мосту, домъ Фирсанова.

Гг. Иногородные подписчики, благоволятъ присылать свои требованія, адресуя такъ: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала «Русская Старина», Надеждинская ул., д. № 42, кв. № 12.

Тамъ-же можно получить третье изданіе „Русской Старины“ 1870 г., годъ первый, двѣнадцать книгъ въ трехъ большихъ томахъ, съ портретами и снимками. Цѣна 8 руб. съ пересылкой, а въ переплетъ 11 руб. съ пересылкою.

„Русская Старина“ 1876 г. съ портретами, гравированными на мѣди: Лжедмитрія I, Екатерины II, Михельсона, князя Платона Зубова, Алексѣя Петровича Ермолова, гр. Аракчеева, и гравированными на деревѣ: Емельяна Пугачева, Клугенау и В. Г. Бѣлинскаго, съ чертежами: крестьянинъ Телушкинъ на шпигѣ Петропавловскаго собора, также со снимками и заглавными рисунками — цѣна за 12-ть книгъ съ пересылкою ВОСЕМЬ рублей.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ 1877 г. (годъ восьмой изданія), за 12-ть книгъ съ портретами 8 руб. съ пересылкою.

РУССКІЙ МІРЪ

въ 1877 году

будеть выходить по прежнему, ежедневно листами большого раз-
мѣра. Всѣхъ №№ въ продолженіе года выйдетъ 360.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

съ пересылкою и доставкою въ Россіи:

На годъ.	12 р. — к.	На 6 мѣсяцевъ .	7 р. — к.
„ 11 мѣсяцевъ .	11 „ 50 „	„ 5 „ .	6 „ — „
„ 10 „ .	11 „ — „	„ 4 „ .	5 „ — „
„ 9 „ .	10 „ — „	„ 3 „ .	4 „ — „
„ 8 „ .	9 „ — „	„ 2 „ .	3 „ — „
„ 7 „ .	8 „ — „	„ 1 „ .	1 „ 50 „

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

съ пересылкою и доставкою за границу:

На годъ.	22 р. — к.	На 3 мѣсяца. .	6 р. 50 к.
„ полгода.	12 „ — „	„ 1 „	2 „ 50 „

Сдѣлавъ нашу газету самой доступной по цѣнѣ изъ всѣхъ боль-
шихъ политическихъ газетъ, мы, вмѣстѣ въ тѣмъ, приняли всѣ
мѣры къ тому, чтобы сдѣлать ее и самой полною и интересною по
содержанію.

О выдающихся происшествіяхъ вообще, какъ внутри страны, такъ
и за границею, мы получаемъ спеціальныя телеграфическія сооб-
щенія. Въ важныхъ случаяхъ, редація руководствуется правиломъ
посылать на мѣсто нарочныхъ корреспондентовъ, что мы и дѣлали
неоднократно въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ.

Сверхъ обычныхъ въ каждой газетѣ отдѣловъ, въ „Русскомъ
Мірѣ“ имѣются еще отдѣлы: 1) Мнѣнія и отзывы газетъ. Въ этомъ
отдѣлѣ постоянно будетъ приводиться и обсуждаться содержаніе
статей всѣхъ главныхъ нашихъ ежедневныхъ и еженедѣльныхъ
изданій. 2) Отдѣлъ Обо всемъ и отовсюду, въ которомъ помѣщают-
ся самыя разнообразныя извѣстія и новости изъ міра политиче-
скаго и общественнаго, такъ и изъ области науки и литературы.

Кромѣ того, „Русскій Міръ“ будетъ по прежнему помѣщать на

столбцахъ своихъ (въ фельетонномъ отдѣлѣ) беллетристическія произведенія, очерки, рассказы и повѣсти, какъ оригинальныя, такъ и переводныя.

Мы будемъ по прежнему своевременно сообщать торговыя свѣденія какъ съ внутреннихъ, такъ и съ заграничныхъ рынковъ. Внутреннія и заграничныя торговыя телеграммы редакція получаетъ отъ своихъ собственныхъ агентовъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ: Въ конторѣ газеты, Большая Морская, д. № 11.

Въ МОСКВѢ: 1) въ московскомъ отдѣленіи газеты „Русскій Міръ“, на углу Дмитровки и Охотнаго ряда, домъ Благороднаго собранія, книжный магазинъ А. Ф. Живарева; 2) въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, и у другихъ книгопродавцевъ; 3) у А. Н. Мейера (Солянка, близъ Ивановской. д. Бабурина).

ВЪ ПАРИЖѢ: Eugène Orain, Rue Drouot, 9.

Подписываться можно на всѣ сроки не иначе, какъ съ 1-го числа cadaго мѣсяца. При переѣнѣ адреса просимъ сообщать непременно прежній адресъ и № билета или бандероли, подъ которою высылается газета.

За отвѣтственнаго редактора Д. Стахѣвъ.

ПРИРОДА

(ГОДЪ ПЯТЫЙ);

ПОПУЛЯРНЫЙ ЕСТЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ,

(одовренъ для библотекеъ и учебныхъ заведеній).

Роскошное изданіе на веленовой бумагѣ. Подписная цѣна 12 р., съ перес. 13 р. 50 к. (безъ хромолит. и литогр. прилож. 8 руб., съ пересылкою 9 руб.)

Подписчикамъ на 1877 г. будетъ выдана втеченіи года особымъ приложеніемъ: „Популярная фізіологія, въ примѣненіи къ медицинѣ и гігіенѣ“, Д-ра Лебона, которая будетъ стоить въ отдѣльной продажѣ 3 руб. 50 коп.

Сборникъ „Природа“ въ 1877 году выходитъ 4 раза въ годъ.

книгами около 27 печ. листовъ, съ 7—9 хромо и лито-графіями, исполненными въ лучшихъ русскихъ и заграничныхъ литограф. завед. и 100—150 рисунками въ каждой книгѣ. Въ Сборникѣ принимаютъ участіе многіе извѣстные ученые популяризаторы и будутъ помѣщаться общедоступныя и общинтересныя статьи по Естествознанію, Этнографіи, Путешествія, статьи по Медицинѣ, Гигіенѣ, Технологіи, Сельскому Хозяйству, Охотѣ, Военному и Морскому дѣлу и т. п.

Оставшіеся экземпляры Сборника за 1873 годъ (2 книги), 1874, 1875 и 1876 гг. можно приобретать въ конторѣ редакціи по 2 руб. за томъ и по 7 руб. за годъ безъ и по 3 р. за томъ и по 11 руб. за годъ съ приложеніями, а за всѣ 14 томовъ (заключающіе между прочимъ статьи профессоровъ: А. Н. Бекстова, А. П. Богданова, Ѳ. А. Бредихина, Н. П. Вагнера, И. Н. Мечникова, Столѣтова, С. А. Усова, И. Д. Чистякова, Д. Н. Анучина, М. Н. Богданова, Б. С. Розенберга, В. Кандинскаго, А. Н. Петуникова и мног. др.; изъ переводныхъ, — статьи и рѣчи Гексли, Геккеля, Гельмгольца, Тиндала и другихъ знаменитыхъ ученыхъ популяризаторовъ, а въ видѣ прилож. къ 3 и 4 книгѣ 1876 г. „Доисторическія времена“ Лэббока, стоящ. въ отд. прод. 3 р. 50 к., а также до 100 „хромо-литографій и литографій, исполненныхъ частью въ литографіяхъ Лемерсье и Баха и изображающихъ сцены изъ жизни животныхъ, растенія, пейзажи, портреты, типы—и болѣе 1000 рисунковъ въ текстѣ)—платять безъ приложеній 25 руб.; съ подпиской на 1877 г.—32 руб.; съ приложеніями: 35 руб., а съ 1877 годомъ 45 съ пересылкой.

ЖУРНАЛЪ ОХОТЫ

органъ ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Охоты,

издаваемый подъ редакціей

Л. П. САВАНЪЕВА.

(ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНИЕ

съ хромо-литограф. и литограф. приложеніями.

Подписная цѣна 8 руб., съ перес. 9 руб. (на полгода 4 р. 50 коп.,
съ пер. 5 руб.)

Въ 1877 г. выходятъ книгами около 5 печ. листовъ убористой печати, на велевовой бумагѣ (не считалъ особо печатаемыхъ приложений), съ хромофотографіей или фотографіей въ каждой и многими, также исключительно оригинальными рисунками въ текстѣ, изображающими охоту на звѣрей и птицъ, охотничьихъ животныхъ, собакъ и т. п. — Независимо отъ сего въ теченіи года будутъ выданы въ видѣ преміи 2 раскрашен. рисунка лучшихъ собакъ 3-й очередной выставки. Въ журналѣ принимаютъ участіе. П. С. Тургеневъ, П. М. Мачевариановъ, Ф. А. Арсеневъ, А. С. Вышеславцевъ, С. М. Глѣбовъ, П. Н. Даниловъ, Н. А. Дмитріевъ, Мамонтовъ, Н. П. Ермоловъ, Н. В. Егорновъ, Квасниковъ, Н. И. Макаровъ, А. Селастениковъ, Д. Челищевъ, В. В. Щербаковъ, П. О. Юрасовъ и многіе другіе извѣстные охотники — и помѣщаются какъ охотничьи рассказы и очерки, такъ и спеціальныя статьи по ружейной и псовой охотѣ, о породахъ, содержаніи: дрессировкѣ и леченіи собакъ, ружьяхъ, монографіи охотничьихъ животныхъ, корреспонденціи, мелкія замѣтки, новости охотничьяго дѣла и т. п.

Оставшіеся экземпляры Ж. Охоты за 1874 г. (6 кн.), 75 и 76 гг., а всего 5 томовъ можно выписывать изъ конторъ редакціи по 3 руб. 50 к., а всѣ 5 том., заключающіе 30 хромофотографій и фотографій 5 премій и особыя приложения 1876 г.: „Записки псового охотника“ П. М. Мачеварианова (160 стр.) и Тетеревъ-косачъ Д. П. Сабавѣва (100 стр.)—за 16 р., съ подпиской на 1877 г. за 24 р. съ перес.

Подписка принимается: для иногородныхъ въ главной конторѣ редакціи Сборника „Природа“ и „Ж. Охоты“ (Москва, Петровка, д. Самаринной); для московскихъ подписчиковъ также въ кн. маг. Соловьева, Мамонтова и Васильева; для петербургскихъ въ отдѣленіи конторы редакціи (СПб. Малая Садовая, д. Демидова, кв. № 60), въ книжн. магаз. редакціи журнала „Знаніе“ (Караванная, д. № 8) и Мамонтова.

Лица, подписавшіяся на оба изданія въ конторахъ редакціи, платятъ 16 руб. сер. везъ и 20 руб. съ приложениями Сборника.

ПОДПИСКА

НА

ДОНСКУЮ ГАЗЕТУ

на 1877 г.

(ГОДЪ ПЯТЫЙ).

Редакція „Донской Газеты“ нашла возможнымъ, съ будущаго 1877 года, **ПОНИЗИТЬ ЦѢНУ** на это изданіе, не уменьшая количества 100 нумеровъ въ годъ, при чемъ количество политическихъ извѣстій, если военныя событія продолжатся, будетъ увеличено. Телеграммы-же о важнѣйшихъ внутреннихъ и внѣшнихъ событіяхъ во всякомъ случаѣ будутъ помѣщаемы въ „Донской Газетѣ“, цѣна которой назначается въ слѣдующемъ размѣрѣ.

съ доставкою на домъ и пересылкою по почтѣ:

За годъ, съ 1 Января 1877 по 1 Января 1878 года	6 р.
„ полгода	3 „ 50 к.
„ мѣсяць.	— „ 75 „

ОТДѢЛЬНЫЕ НУМЕРА ПО 10 КОП.

Подписка принимается: въ г. Новочеркасскѣ, въ Конторѣ Редакціи, на Платовскомъ проспектѣ, въ домѣ Карасева.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

въ 1877 году.

(ГОДЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ).

Русскій Архивъ выходитъ въ 1877 году на тѣхъ-же основаніяхъ, какъ и первыя четырнадцать лѣтъ.

Цѣна годовому изданію Русскаго Архива 1877, года, выходящаго, по мѣрѣ отпечатанія, двѣнадцатью тетрадами (изъ коихъ каждыя четыре тетради составляютъ особую книгу) какъ въ

Москвѣ и Петербургѣ, съ доставкою на домъ, такъ и съ пересылкою гг. иногороднымъ подписчикамъ ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ.

Желающіе получать Русскій Архивъ въ 1877 году доставляютъ или высылаютъ ВОСЕМЬ рублей, съ приложеніемъ четко-написаннаго мѣста своего жительства, *въ Москву, на Никитской бульваръ, въ домъ Дюгамеля, въ контору Русскаго Архива.*

Въ С.-Петербургѣ подписка на Русскій Архивъ принимается на Большой Морской, № 11, въ главной конторѣ газеты Русскій Миръ.

Заграничные подписчики платятъ: въ Германіи, Бельгіи и Франціи 10 рублей, въ Англіи, Швейцаріи и Италіи 11 руб.

Составитель и издатель Русскаго Архива
Петръ Бартеновъ.

ОБЪ ИЗДАНИИ ВЪ 1877 ГОДУ

ГАЗЕТЫ ПРАКТИЧЕСКОЙ МЕДИЦИНЫ И ГИГИЕНЫ

ВРАЧЕБНЫЯ ВѢДОМОСТИ

ДЛЯ ВРАЧЕЙ, ПУБЛИКИ и ЗЕМСТВА,

ВХОДЯЩЕЙ ДВА РАЗА ВЪ НЕДѢЛЮ.

Сообщеніе новостей въ области медицины и гигиены, разсмотрѣніе профессиональныхъ и общественныхъ вопросовъ, ознакомленіе публики и земства съ главными положеніями общественной гигиены и медицины, и пр.—вотъ въ главныхъ чертахъ задачи „Врачебныхъ Вѣдомостей“. Въ первый годъ изданія въ каждомъ № „ВРАЧЕБНЫХЪ ВѢДОМОСТЕЙ“ помѣщались рефераты новѣйшихъ трудовъ по медицинѣ и гигиенѣ, какъ въ Россіи, такъ и за границей (всего болѣе 500), хроника событій во врачебномъ мірѣ и въ сферѣ науки, отчеты о засѣданіяхъ медицинскихъ и гигиеническихъ обществъ и съѣздовъ, сообщенія о преобладающей болѣзненности въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи. Всѣ текущія явленія и вопросы, особенно же интересующіе врачебную корпорацію и все общество, были не только сообщаемы, но, по возможности, и обсуждаемы въ газетѣ. Сверхъ того, мы можемъ указать на нѣкоторые замѣчательные труды нашихъ ученыхъ, помѣщенные въ „Врачебныхъ Вѣдомостяхъ“.

Вступительная лекція и курсъ общей терапіи. *Проф. Манассина.*—Объ отношеніи анатоміи къ физическому воспитанію. *Проф. Лесафта.*—Туберкулы въ можжечкѣ. *Проф. Левичаго.*—Одна изъ болѣзней кожи. *Доц. Полотейнова.*—Кормленіе грудныхъ дѣтей. *Д-ра Покровскаго.*—О сущности климатотерапіи. *Пр. Шрейбера.*—О вліяніи сгущеннаго воздуха на жидкости тѣла. *Д-ра Симонова.*—Физиологическое дѣйствіе раздражающихъ средствъ на кожу. *Д-ра Фейнберга.*—Кавказскія минеральныя воды. *Д-ра Купчинскаго.*—Климатолечебныя мѣстности въ Крыму. *А. Иванова.*—Промышленность, какъ причина болѣзней; Продовольствіе въ общественныхъ заведеніяхъ и пр. *Д-ра Николаева.*—О вліяніи умственныхъ занятій на здоровье въ школахъ. *Д-ра Шмелева.*—Гигиеническое значеніе спиртныхъ напитковъ, вредъ куренія табаку. *Д-ра Лесневича,* и др.

„ВРАЧЕБНЫЯ ВѢДОМОСТИ“ будутъ выходить и въ будущемъ 1877 году два раза въ недѣлю. Всего выйдетъ въ 1877 году 100 №№ газеты.

КЪ СВѢДЕНІЮ ЗЕМСТВЪ И ВРАЧЕЙ. Въ 1877 г. „ВРАЧЕБНЫЯ ВѢДОМОСТИ“ расширятъ справочный отдѣлъ преимущественно о свободныхъ вакансіяхъ въ земствахъ, городахъ, войскахъ и пр., чтобы земскія учрежденія могли получать свѣденія о лицахъ, желающихъ поступить на медицинскую службу, и чтобы врачи получали своевременныя извѣстія о свободныхъ мѣстахъ и условіяхъ службы. ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ОСТАЕТСЯ ТА-ЖЕ:

Безъ пересылки.		Съ доставкою и пересылкою.	
На годъ	6 р. — к.	На годъ	8 р. — к.
На 6 мѣсяцевъ	4 „ — „	На 6 мѣсяцевъ	5 „ — „
На 3 мѣсяца	2 „ — „	На 3 мѣсяца	3 „ — „
На 1 мѣсяць	— „ 75 „	На 1 мѣсяць	1 „ — „

Подписка принимается: въ Петербургѣ — въ конторѣ редакціи, на углу большой Садовой и Кокушкина переулковъ, д. Вуича, и, сверхъ того, въ книжныхъ магазинахъ гг. *Исакова, Попова, Риккера, Черкесова,* въ „магазинѣ для иногородныхъ“ и др. Въ Москвѣ — въ книжныхъ магазинахъ *Соловьева* и въ „центральному“. Въ Казани — въ магазинѣ *Восточная Лура.* Гг. иногородные адресуютъ письма и требованія исключительно въ контору „Врачебныхъ Вѣдомостей“. Въ конторѣ редакціи имѣется ограниченное число экземпляровъ изданія за 1876 годъ, которые высылаются желающимъ брошюрованными по цѣнѣ 8 р.

Конторный издатель П. А. Итинскій.

ЗАКРЕПЕНА
ВЪ
ИНВЕНТАРЬ.

ХІХ. ПИСЬМО СЕРВСКАГО МИТРОПОЛИТА МИХАИЛА ВЪ РЕДАКЦІЮ ЖУРНАЛА „ДВЛО“.

XX. ПОЖЕРТВОВАНІЯ ВЪ ПОЛЬЗУ СЛАВЯНЪ ВАЛКАНСКАГО ПОЛУОСТРОВА, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ ЖУРНАЛА „ДВЛО“.

ВО ВСѢХЪ ИЗВѢСТНЫХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

ПРОДАЕТСЯ ТОЛЬКО-ЧТО ВЫШЕДШАЯ КНИГА:

**СОВРЕМЕННЫЕ
ПОЛИТИЧЕСКІЕ ДѢЯТЕЛИ.**

Э. РЕКЛЮ (М. ТРИГО.)

(Биографіи и характеристики). Цѣна 2 р.; съ перес. 2 р. 30 к.

При этомъ № прилагаются слѣдующія объявленія: 1) объ изданіи журнала „Двло“ въ 1877 г.; 2) объ изданіяхъ редакціи журнала „Двло“; 3) о подпискѣ на „Сынъ Отечества“; 4) о подпискѣ на „Кавказъ“; 5) о выходѣ романа „Убийца“; 6) о подпискѣ на „Гражданинъ“; 7) о подпискѣ на газету А. Гатцука; 8) о подпискѣ на „Живописное Обзорѣніе“; 9) о подпискѣ на „Ниву“; 10) о подпискѣ на юморист. журн. „Малляръ“; 11) о подпискѣ на „Орловскій Вѣстникъ“; 12) о подпискѣ на иллюстр. журн. „Кругозоръ“; 13) о подпискѣ на „Новороссійскій Телеграфъ“; 14) о подпискѣ на „Русскую Старину“; 15) о подпискѣ на „Русскій Миръ“; 16) о подпискѣ на журн. „Природа“; 17) о подпискѣ на „Журналь Охоты“; 18) о подпискѣ на „Донскую Газету“; 19) о подпискѣ на „Русскій Архивъ“; 20) о подпискѣ на „Врачебныя Вѣдомости“. 21) Отъ журн. „Русская Старина“.

При этой книгѣ рассылаются иногороднимъ подписчикамъ слѣдующія объявленія: 1) Объ изданіи газеты „Собесѣдникъ“; 2) Объ изданіи иллюстрированнаго журнала „Сѣверная Звѣзда“.

ПОДПИСКА НА ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЬ

„Д Ъ Л О“

въ 1877 году

ПРИНИМАЕТСЯ ВЪ СЛѢДУЮЩИХЪ МѢСТАХЪ:

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:

Исключительно въ Главной конторѣ жур-
нала „Дѣло“ (по Надеждинской улицѣ,
д. № 39.)

ВЪ МОСКВѢ:

Въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева,
на Страстномъ бульварѣ, въ д. Алек-
сѣева.

Только передъ тѣми изъ своихъ подписчиковъ, которые подпишутся въ
вышеуказанныхъ мѣстахъ, Редакція будетъ считать себя отвѣтственной за
исправную и своевременную высылку журнала.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

годовому изданію журнала „ДѢЛО“:

Безъ пересылки и доставки	14 р. 50 к.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ.	15 „ 50 к.
Съ пересылкою иногороднимъ	16 „

Подписная цѣна для заграничныхъ абонентовъ:

Вся Европа, Египеть и Соединенные Штаты — 19 руб.; остальная Америка —
25 руб.; Азія—24 руб..

Для служащихъ дѣлается разсрочка, но не иначе, какъ за поручи-
тельствомъ гг. казначеевъ.

Редакторъ-издатель Н. ШУЛЬГИНЪ.

**This book should be returned to
the Library on or before the last date
stamped below.**

**A fine is incurred by retaining it
beyond the specified time.**

Please return promptly.

Widener Library

3 2044 079 302 329